Дружба

1

Посвящается 40-летию Советской Армении.

Четвертое переработанное издание

Армения освобождена (худ. В. Асланян).

В результате последовательного проведения ленинской национальной политики в СССР укрепилась дружба народов, впервые в истории решена задача ликвидации экономического и культурного неравенства народов.

Н. ХРУЩЕВ

Н. С. Хрущев и А. И. Микоян.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/druzhbastatioche01arzu

327.1 5664
Ar 99d
1960
V.1

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Идея создания настоящего сборника возникла еще в 1939 году. Тогда же работа была начата, но в 1941 году ее пришлось прервать, и она была завершена лишь после Великой Отечественной войны, в ходе которой дружба народов СССР блестяще выдержала все испытания, как одна из движущих сил развития советского общества.

Деятели русского и армянского народов поддержали инициативу создания сборника и своим горячим участием обеспечили его появление в свет.

В процессе работы над сборником, начиная от уточнения первоначального замысла и до выхода настоящего издания, мне неоднократно приходилось обращаться в

научные учреждения и к деятелям советской культуры. Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность за внимание и содействие Президиуму Академии Наук СССР, Президиуму Академии Наук Армянской ССР, Армянскому филиалу Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также академикам В. Амбарцумяну, А. Несмеянову, А. Петровскому, И. Орбели, И. Мещанинову, писателям Н. Тихонову, С. Зоряну, С. Городецкому, народным артистам СССР Д. Шостаковичу, А. Хачатуряну, В. Барсовой и Р. Симонову, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР А. Архангельскому.

С признательностью и уважением к заслугам и памяти выдающихся сынов нашей великой Родины я вспоминаю оказанное мне внимание и авторское участие в настоящем сборнике академиков С. Вавилова, Б. Грекова, Е. Тарле, А. Щусева, Л. Орбели, писателей А. Фадеева, А. Исаакяна и Д. Демирчяна, народных артистов СССР В. Качалова и В. Вагаршяна.

Без волнения нельзя вспоминать целый ряд интересных встреч и бесед с академиком Л. А. Орбели, который многое рассказал о своем мудром учителе и друге академике И. П. Павлове, о сердечной дружбе, научном сотрудничестве этих выдающихся сынов Армении и России.

По просьбе составителя специально для настоящего сборника написали свои статьи, очерки, воспоминания и исследования писатели: М. Шолохов, Н. Тихонов, С. Зорян, С. Злобин, О. Писаржевский, Д. Заславский; ученые: В. Амбарцумян, И. Петровский, Г. Мусинянц, А. Несмеянов, Арт. Микоян, В. Соболев, Н. Сисакян, И. Магакян, С. Бархударов, Р. Аванесов, О. Исаков, А. Лебединский, Л. Сандалов, Ю. Пантелеев, Л. Арцимович, Б. Пиотровский, М. Кабачник, А. Архангельский, С. Ожегов, А. Гинецинский, А. Иосифян, В. Фанарджян, М. Манвелян и Г. Седов; деятели искусств: С. Свешников, А. Мелик-Пашаев, А. Тер-Гевондян, Ю. Брюшков, М. Сарьян, С. Герасимов, А. Степанян, Т. Алтунян, Г. Ти-

гранов, В. Барсова, В. Папазян, А. Пирогов, М. Михайлов, Н. Волков, С. Бирман, П. Новицкий, Б. Захава, Ю. Завадский, Е. Гоголева и С. Флор.

Пользуюсь настоящим изданием как новой возможностью принести сердечную благодарность указанным авторам и всем товарищам, которые своей заботой и вниманием способствовали созданию сборника «Дружба».

Первое издание сборника появилось в 1956 году, в дни Декады литературы и искусства Армении в Москве. Второе издание вышло в 1957 году (Госполитиздат), а третье (на армянском языке) — в 1958 году.

Эти издания общественность и пресса встретили доброжелательными откликами.

«Глубокая внутренняя солидарность, — писал журнал ЦК КПСС „Коммунист" [1], — взаимопонимание, признательность русскому народу за бесценные богатства его культуры, возвышающие, окрыляющие людей, ощущаются на каждой странице сборника „Дружба"... Содержательны статьи и материалы книги, рисующие богатейшую древнюю культуру армянского народа, раскрывающие то, чем обогатили армянские ученые, писатели, художники русскую науку и искусство. С тем же уважением, любовью, знанием предмета, как и деятели армянской культуры о русских, говорят о творчестве замечательных людей Армении мастера русской культуры» [2].

---

[1] «Коммунист», журнал № 10, 1957 г., стр. 127.

[2] Рецензии и статьи о сборнике были опубликованы также в следующих газетах и журналах: «Комсомольская правда», 1 июня 1956 г., № 133 (9534), «Литературная газета», 9 июня 1956 г., № 68 (3569), «Известия», 13 июня 1956, № 140 (12138), «Гракан терт», 15 июня 1956 г., № 26 (850), «Советакан граканутюн», 1956, № 10, «Гракан терт», 27 февраля 1957 г., № 8 (875), «Лрабер», 25 апреля 1957 г., № 118, «Комсомольская правда», 26 апреля 1957 г., № 99 (9811), «Советская культура», 28 мая 1957 г., № 71 (617), «Советакан Айастан», 28 июля 1957 г., № 117 (1093), газета «Коммунист», 24 августа 1957 г., журнал «Огонек», 20 сентября 1957 г., № 36, «Нор кянк», 13 ноября 1957 г., № 45 (388), «Советакан арвест», 1958, № 8, «Советакан граканутюн», 1959, № 4, «Литературная Армения», 1959, № 2, журнал «Дружба народов», № 9, 1959 г., стр. 246.

Настоящее двухтомное издание, так же как в свое время предыдущие, дополнено новыми статьями, очерками, документами и фотодокументами. Все фотодокументы, публикуемые в настоящем издании, собраны составителем при содействии ряда организаций Москвы, Ленинграда и Еревана, а также отдельных владельцев уникальных фотографий и других ценных материалов и рукописей.

Некоторые авторы переработали и обогатили свои материалы. Все это способствовало более широкому осуществлению замысла сборника «Дружба».

В. АМБАРЦУМЯН
академик

ДРУЖБА НА ВЕКИ

Настоящий сборник содержит статьи, краткие очерки, исследования, воспоминания о дружбе народов Армении и России, об армяно-русских литературных и культурных связях, показывающие глубокую любовь и уважение деятелей культуры Армении к культуре великого русского народа, а также о жизни и творчестве сынов армянского народа — деятелей советской культуры — ученых, писателей, артистов, художников. Очерки эти показывают огромную роль и значение русской культуры в строительстве культуры Советской Армении, а также вклад армянского народа в общую сокровищницу советской культуры.

Армянский народ обрел свою государственную самостоятельность и возможность созидательного труда в брат-

ческое бытие. Армянский народ добровольно вошел в семью народов Великого Союза Советских Социалистических Республик.

Когда же над Союзом нависла смертельная опасность, армянский народ не пожалел своих сил и грудью стал на защиту Советской родины.

Много жертв принесено было в этой справедливейшей войне, много беспримерного мужества проявили в этой борьбе защитники свободы и национальной независимости. Заслуженной славой овеяны знамена, под которыми сражались все народы Союза. Армянский народ в этой войне дал немало подлинных героев.

Их имена вошли в историю.

Борьба за общее дело, за ценности, признанные всеми народами Союза, еще крепче сплотила армянский народ с народом русским.

Но не только в войне достигнуто такое взаимопонимание и сочувствие между русским и армянским народами. Война явилась лишь испытанием прочности давно утвержденных связей и дружбы.

Трудно перечислить все те поприща, где проявляется дружественное, культурное и деловое общение русского и армянского народов. В высших учебных заведениях, на художественных выставках, на театральных зрелищах, в научно-исследовательских учреждениях, на фабриках и в колхозах неизменно встречаются армяне, так же как и представители других народов нашей Родины, с представителями русской науки и русского искусства во всех их многочисленных проявлениях.

К Москве, к великому центру мировой культуры, устремлены взоры всего армянского народа.

Идеи корифеев русской науки, искусства, общественно-политической мысли всегда находили большой отклик среди армян.

И не один десяток выдающихся армянских деятелей являлись одновременно деятелями русской культуры, равно как культуры других братских народов Советского Союза.

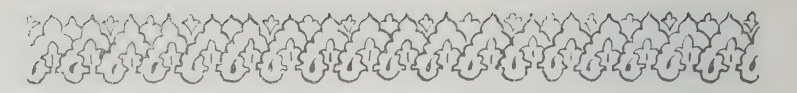
Армянский вклад в советскую культуру, так же как и роль каждого из советских народов, трудно переоценить.

Вот где сказалась вся сила и суть мудрой ленинской национальной политики, обеспечивающей всем народам Союза небывалый расцвет национальных культур, творчески сливающихся в единую общесоветскую культуру.

Именно об этом — о плодах ленинской национальной политики — трактует издаваемый сборник. Иллюстрируя уже достигнутое, пусть послужит он делу дальнейшего углубления творческих усилий наших народов.

Пусть крепнет наша нерушимая связь! Да станет она незыблемым залогом взаимного понимания, сотрудничества, неизменной дружбы народов, уверенно идущих к светлому — к коммунизму.

1947



А. АРЗУМАНЯН

РУССКО-АРМЯНСКОЕ БРАТСТВО

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АРМЯНО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ

(VII — начало XIX вв.)

Первые армяно-славянские встречи в VII—VIII вв. ★ Легенда о Куаре и Киеве. ★ Контакты Киевской Руси и Армении на торговых путях. ★ 6 000 славян посетили Армению в X веке н. э. ★ Армянские ремесленники, врачи и художники в Киевской Руси. ★ Взаимные переводы литературных произведений (XII—XIII вв.). ★ Первые армянские торговые поселения в Московском государстве. ★ В одном строю в битве против тевтонских рыцарей у Грюнвальда (XII в.). ★ Армения под турецко-персидским игом (XVI в.) ★ Беженцы-армяне в России. ★ Русские путешественники в Армении (XVI—XVII вв.). ★ Армянские колонии в России—очаги армянской национальной культуры. ★ «Кавказская политика России» и вопрос об освобождении Армении. ★ Переговоры И. Ори с Петром I. ★ А. В. Суворов и переселение армян из Крыма в глубь России. ★ Опустошительный поход Ага Магомет-хана в Закавказье и Англия. ★ Сыны Армении в Отечественной войне 1812 года против Наполеона. ★ «Раны Армении» Х. Абовяна. ★ Русско-персидская война 1826—1828 гг. ★ Прогрессивное значение присоединения Восточной Армении к России. ★

Дружба русского и армянского народов насчитывает многовековую давность, имеет свои богатые исторические традиции.

Об этом свидетельствуют исторические факты, записанные в русских летописях и трудах армянских историков, факты, установленные археологами, лингвистами и другими представителями науки. Мы имеем в виду, например, «Историю Таронской области», написанную армянским историком Зенобом Глаком [1] в конце VII—начале VIII вв. н. э., древнейший Киевский летописный свод и «Повесть временных лет». В первом труде содержится армянская легенда об основании города Куара в Армении. В двух последних — русская легенда о построении города Киева. В первом в качестве строителей Куара фигурируют Куар, Малта и Хорян, в качестве строителей Киева упоминаются Кий, Шек и Хорив. В книге «Древняя Русь и Армения», вышедшей в Ереване в 1954 году, Л. М. Меликсет-Бек приводит весьма убедительные доводы в пользу того, что обе легенды — о строительстве и Куара и Киева — имеют общее происхождение, ведут свое начало от древнейшего сказа времен Урартского государства в Армении и скифо-сарматского периода истории Древней Руси. Историк считает этот факт весьма любопытным и значительным, равно как и «указание роли той племенной среды, в которой градостроителям приходилось подвизаться» («поляне» по русскому источнику и «палуны», или «палунцы»,— по армянскому). Можно сделать вывод, что разделенные огромными и трудно преодолимыми в то время расстояниями восточные славяне и армяне в VII—VIII веках все же встречались. Вероятно, заключает историк, это происходило не на их родной земле, а на территории сопредельных с ними государств. Еще в 1902 году А. Я. Васильев высказал мысль, что одним из таких сопредельных государств была Византия. Русские торговали с Византией. Армяне, как известно, играли значительную роль в поли-

[1] Зеноб Глак, История Таронской области, на армянском языке, Константинополь, 1719, стр. 68—69.

тической и культурной жизни Византии. «Общение армян с русскими, — пишет А. Я. Васильев, — происходило при дворе византийского императора в Константинополе, а также в рядах византийских войск в Сицилии, на Крите, в Малой Азии» [1].

В книге Ю. Кулаковского «Прошлое Тавриды» содержится уже более определенное свидетельство о контактах Древней Руси и Армении. Там говорится о том, что в X веке н. э. византийский патриций в Херсонесе армянин Калокир являлся посредником Византии в сношениях с киевским князем Святославом [2].

В книге О. Х. Халпахчьяна «Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре», вышедшей в Ереване в 1957 году, содержатся ссылки на арабские и армянские исторические данные, которые подтверждают, что для X века н. э. русско-армянские контакты можно считать установленными, хотя они и носили тогда, естественно, лишь эпизодический характер. В это время, пишет автор, Русь совершила два похода на западный берег Каспийского моря. Первый в 913—914 годах (по арабским данным) и второй в 944—945 годах (по армянским и арабским данным). Армянский историк Мовсес Каганкатваци, описывая захват столицы Агванка Берда (Партава) в 944 году «рузиками» (русскими), пришедшими со стороны Каспийского моря, характеризует их весьма энергичными, мужественными и непобедимыми. Историк упоминает о том, что арабский наместник «Салар осадил их, но не мог нанести им никакого вреда, ибо они были непобедимы силой» [3].

В период этих походов в страну, имевшую армянское население и расположенную сравнительно близко от Армении, имело, вероятно, место общение русских с армянами. В этом отношении показательно само упоминание о «рузиках» (русских) в труде армянского историка далекого прошлого.

В X—XI веках армяне стали встречаться с русскими гораздо чаще. Это подтверждает русская историография, которая с конца X века уже располагала многими данными

---

[1] А. Я. Васильев, Византия и арабы, стр. 867—869, Спб, 1902, Passim.

[2] Ю. Кулаковский, Прошлое Тавриды, 2 изд., Киев, 1914, стр. 112.

[3] Мовсес Каганкатваци, История Агван, Спб, 1861, стр. 275—276.

об Армении. Этому способствовало развитие событий. Известно, что в 988 году произошло крещение Руси. В том же году киевский великий князь Владимир женился на армянке Анне, сестре византийского императора Василия II Македонянина, армянина по происхождению. Киевский великий князь Владимир подарил Василию II 6000 русских воинов. Во Всеобщей истории Степаноса Таронского (Асохика) [1] говорится, что вместе с этими воинами Василий II посетил Армению. Это — знаменательный исторический факт, ибо впервые не единицы, а тысячи представителей двух народов, никогда в истории не поднимавших меча друг против друга, встретились на армянской земле мирно, дружественно. В русских летописях того времени упоминается о существовании Армении Великой и Малой, о назначении епископов в Армению, о несогласии армян с решением четвертого Халкедонского собора и т. д. [2].

Армянские купцы, несомненно, пользовались торговыми путями Восточной Европы, известными им еще с IX века. В бассейнах Днепра и Волги — в Киеве, Великом Новгороде, в Итиле, Великих Булгарах — они основывали армянские колонии, в которых нашли приют выселенные из Армении первоначально на Балканы павликиане и тондракийцы. С Балкан они перекочевали в Крым, Киевскую Русь, Польшу и Западную Европу.

Посредниками товарообмена между Киевской Русью и Арменией были в XI—XIII веках армяне, жившие в городе Сурож (Судак) в Крыму. Он являлся важным перевалочным пунктом на торговом пути Малая Азия — половецкие степи — Русь — Булгары.

В ряде русских городов XI—XII веков работали армянские специалисты-ремесленники, врачи, художники, которые, конечно, общались со своими русскими коллегами.

В «Истории медицины в Армении» Л. А. Оганесяна упоминается, что слава армянских врачей была настолько велика, что один из них был удостоен звания придворного врача Владимира Мономаха (1113—1125) [3].

---

[1] Всеобщая история Степаноса Таронского (Асохика), М., 1864, стр. 200.

[2] Повести временных лет, М.—Л., 1950, ч. I, стр. 205; Полное собрание русских летописей, Спб, т. 5, Софийская летопись, 1851, стр. 82, т. 16; Летопись Авраамки, стр. 27—29.

[3] Л. Оганесян, История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней, ч. II, Ереван, 1946, стр. 66.

Характерно, например, что в одно и то же время в армянском городе Ани одну из церквей расписывал русский художник Флор, а неведомый армянский художник украшал храм Нереды в Новгороде Великом.

Можно было бы привести множество примеров, свидетельствующих о русско-армянском сотрудничестве в области архитектуры и других искусств и ремесел [1].

Цепью тянутся через века факты свидетельства того, как различными путями, прямо или косвенно, в разных концах России и Армении встречались русские люди с армянами, трудились вместе, двигали вперед торговлю, обменивались произведениями искусства и литературы. Не все они еще раскрыты и изучены до конца. Не все приведено в систему и осмыслено. Но одно абсолютно ясно, что с начала нынешнего тысячелетия капли армяно-русской дружбы и русско-армянского культурного сотрудничества непрерывно множились, сливались в ручейки и реки, пока, наконец, в наши дни, в условиях советского строя, не слились в широкий поток братства социалистических наций.

Обратимся снова к фактам.

Вот конец XII века. Грузинская царица Тамара вступает в брак с сыном суздальского князя Андрея Боголюбского — Юрием. Деятельное участие в этом событии принимали представители армянской феодальной знати, находившиеся при грузинском дворе.

Отгремел свадебный пир. Надвинулась военная гроза. Мужественный русский воин Юрий в 1185 году, попрощавшись с супругой — царицей Тамарой, ведет грузинские и армянские войска и освобождает от сельджуков крупный торгово-административный город Армении — Двин. А веком раньше в войсках киевского великого князя отряд воинов-армян сражался вместе с русскими воинами против половцев [2].

Вот XII—XIII века. С армянского языка на русский переведены «Жизнь Григория Просветителя» и «Жизне-

---

[1] В. Н. Лазарев, Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, см. «Историю русского искусства», М., 1953, т. 1; А. И. Успенский, Фрески церкви Спаса Нередицы, М., 1910.

[2] С. Еремян, Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках, Ереван, 1946, стр. 292—414.

«Арарат бесподобен» (А. Грибоедов).

описание монахинь Рипсимских». А в то же время — в первой половине XIII века — с греческого на армянский язык был переведен русский сказ «Житие Бориса и Глеба».

Вот XIV век. Русские летописи свидетельствуют, что в посаде Москвы в 1390 году уже существовало подворье «Авраама Арменина». Торгово-ремесленный люд, обитавший в этом подворье, общался не только с Москвой и Подмосковьем, но и с окраинами Русского государства и сопредельными странами [1]. К сожалению, мы мало знаем об этом посаде. Но можно предполагать, что это было не только деловое общение, но и обмен жизненным опытом, взаимоознакомление с обрядами и обычаями, культурой народов-единоверцев, общие горе и радости того времени, когда еще душу русского народа продолжал иссушать гнет монголо-татарских ханов, а их полчища нападали на Москву.

Начало XV века. В 1410 году в Грюнвальдской битве плечом к плечу с славянским войском сражались против кровожадных тевтонских рыцарей два армянских отряда [2].

Вместе в военной беде, вместе в мирные дни — так шла бок о бок жизнь наших народов, рос их взаимный интерес друг к другу.

В те далекие времена в Армении побывали многие русские купцы, путешественники и паломники, а в «Русской земле» — армянские.

В описаниях «хождений» их в земли заморские сохранились драгоценные сведения о посеве первых семян знакомства и дружбы между русскими и армянами.

Например, в 1389 году дьякон Игнатий по приказанию митрополита Пимена совершил путешествие из Москвы в Царьград и Иерусалим. В его записках сохранились версии того времени об историческом прошлом Армении и армянском народе.

В 1420 году русский иеродиакон Зосима писал об «Армянской земле», расположенной на пути к Иерусалиму, о том, что ежели от Великого моря «...направо пойдти ко Святой горе, и к Селуню, и ко Арменской земле, и к Риму; налево же ходят правовернии ко Иерусалиму».

Немало аналогичных сведений содержится в любопытной книге Сахарова «Путешествия русских людей в чу-

[1] Полное собрание русских летописей, т. 18 (Семеновская и Львовская летописи, Московский летописный свод конца XV века).
[2] Е. Разин, История военного искусства, ч. II, М., 1940, стр. 167.

жие земли», изданной свыше века тому назад (в 1837 г.) в Петербурге [1].

В начале XVI века Армения была порабощена и разделена между Турцией и Персией.

Мрачные времена переживал армянский народ. «Армения, — писал армянский историк Лео, — превратилась в отчизну скорби. Высохли армянские розы и фиалки. Сладостные источники превратились в ручьи крови. Армянин-изгнанник скитался по чужбине или бродил голодный по покрытой трупами родной земле...».

Несмотря на это, свободолюбивый дух армянского народа не был сломлен.

В эти тяжелые, кровавые времена Россия приняла изгнанников — армян. На юге России возникли армянские колонии.

Великие князья московские, стремясь укрепить русское влияние в Среднем и Нижнем Поволжье, старались опереться на соседние христианские народы, сблизиться с ними, в том числе и с армянским населением этих районов. Это характерно для восточной политики Ивана III и Ивана Грозного. И факты свидетельствуют, что такая политика встречала дружную поддержку со стороны армян. Об этом говорят летописцы.

Известно, например, что верхний ярус одного из девяти приделов Покровского собора в Москве (храма Василия Блаженного) был посвящен Григорию Армянскому. История этого посвящения ведет нас к «Истории Казанского царства», в которой содержится описание весьма характерного эпизода.

В Казани, осажденной войсками Ивана Грозного, оказались армяне. Татары решили использовать армян-артиллеристов против русских, но те отказались биться с русскими. Татары привязали их железными цепями к пушкам и под угрозой смерти заставили стрелять. Летописец говорит, что армяне, прикованные к пушкам, стреляли так, что ядра или не долетали, или перелетали через головы русских войск [2].

Известно повеление Ивана Грозного, свидетельствующее о том, как высоко было оценено это проявление друже-

---

[1] И. Сахаров, Путешествия русских людей в чужие земли, 2 изд., ч. II, Спб, 1837, стр. 45.

[2] Казанская история, изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 135.

ственных чувств. После покорения Казани многие тамошние армяне получили право на поселение в Москве, в «Белом городе», где жили вольные люди из инородцев, пользовавшиеся особыми льготами.

В «Истории о Казанском царстве» летописец увековечил картину встречи войск Ивана Грозного армянами вместе с русским народом в Москве после казанского похода. Языком XVI века он писал: «...и позвонеся великий град Москва и изыдоша на поле за посад встретити царя и великого князя князи и вельможи его и вси старейшины града, богатии и убози, юноша и девы и старики со младенцы, черницы и черницы и спроста все множество бесчисленное народа московского и с ними же вси купцы иноязычныя, турци и армены и литва и многия страницы» [1].

Радостно встретили армяне, жившие в Астрахани, приход русских войск Ивана Грозного в 1556 году. Поселившись здесь еще в период монгольского завоевания, они нередко подвергались преследованию и угнетению со стороны ханов и мусульманского духовенства. Приход единоверцев — русских войск и присоединение Астраханского ханства к России явились для них избавлением от ханского произвола. Малочисленная дотоле армянская колония стала быстро расти. Она сыграла значительную роль в повышении торгового значения Астрахани. Здесь были созданы торговые дома, обладавшие крупным капиталом.

В XVI веке значительно расширились существовавшие и прежде постоянные торговые отношения между армянскими торговыми компаниями и Россией.

В ряде исторических документов XVI—XVII веков содержатся упоминания о привилегиях и льготах, предоставленных астраханским купцам-армянам Москвой. Например, в 1667 году между царем Алексеем Михайловичем и армянской торговой делегацией было заключено соглашение о беспрепятственном развитии армянской торговли в России [2]. В «Жалованной Грамоте Аомянской компании на привоз в Россию шелка и сырца» Алексей Михайлович распорядился обеспечить представителям компании возможность безопасно провозить шелка из Астрахани до

---

[1] О. Халпахчьян, Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, гл. II, Армянские колонии на территории России, Ереван, 1957, стр. 26—30.

[2] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1953, стр. 44—64.

Москвы и дать гарантии сбыта привозимого шелка в случае каких-либо затруднений с его реализацией [1].

Помимо экономического значения, эти торговые связи в известной мере способствовали и духовному общению двух народов.

В XVII веке одним из первых представителей армянской культуры в Москве был житель расположенного в районе «Белого города» специального Армянского двора живописец Богдан Салтанов, приехавший по приглашению Алексея Михайловича.

Последний узнал об искусном мастере от новоджульфинского купца армянина ходжа Закара Саградова (Саградяна), который привез русскому царю от своего отца в знак благодарности за внимание к армянам богатые подарки. Это был «Алмазный трон», который поныне стоит в Оружейной палате Московского Кремля. Он выполнен в восточном стиле, из слоновой кости, золота и серебра. На его украшение ушло 897 алмазов, 1298 яхонтов и 18 030 зерен восточной бирюзы. Кроме того, Саградов преподнес царю выполненную Богданом Салтановым на медном листе копию картины великого итальянского художника Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» [2]. Картина восхитила царя. Он заинтересовался художником. Богдан Салтанов 15 июня 1667 года прибыл в Москву. Царь поручил ему обучить русских учеников живописи [3]. За тридцать пять лет пребывания в Москве Богдан Салтанов создал свою школу живописи, написал множество икон, плафонов, картин на стенах церквей. Он был одним из «первых живописцев царского двора, — писал историк И. Забелин, — своим искусством и деятельностью далеко превзошел всех своих предшественников» [4]. В книге «Царские иконописцы и живописцы в XVII в.» А. И. Успенский отмечает, что Б. Салтанов внес новую, свежую и живительную струю в русское

---

[1] В. Восканьян, Ново-торговый устав и договор с армянской торговой компанией в 1667 г., «Известия» АН Арм. ССР, Общественные науки, 1947, № 6, стр. 29—43.

[2] А. Успенский, Царский живописец и дворянин Салтанов («Старые годы», Спб, 1907, т. 3, стр. 75—86).

[3] Указ царя Алексея Михайловича о назначении Богдана Салтанова живописцем Оружейной палаты. См. Сборник документов «Армяно-русские отношения в XVII в.», изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1953, стр. 64—65.

[4] И. Забелин, Домашний быт русских царей, М., 1862, ч. I, стр. 131—164.

искусство. Он дольше всех остальных художников-иностранцев работал в Оружейной палате, научил многих русских живописи.

В том же веке русское общество получило ценные сведения об Армении и ее культуре из описания путешествия, которое совершил в 1623 году в Персию «купчина, Московский гость Федот Афанасьев сын Котов», наблюдавший жизнь армянского населения не только в Армении, но и в Дербенте, Шемахе и Исфагани. Из нескольких дореволюционных изданий императорской Академии наук мы узнаем, что Ф. А. Котов дал одно из самых ранних для России описаний Эриванской крепости, виденной им сорок один год спустя после ее основания. Котов писал:

«...от Геньжи 6 дней ходу до Равана (Еревана. — *А. А.*) горами, а в Раване город каменной стоит на ровном месте над рекою над Зетичею, а ширина реки человеку камнем бросить. А от города Равана на полдни ходу, тут стоят три церкви Арменские велики, и бывали стройны, и то место и Раван бывало Арменское царство, тот настольный город был, а церквами для того называем, что на них кресты, а две церкви стоят пусты, а в третьей поют Арменья, а в церкви образов никаких нет, только крест да образ Пречистые Богородицы и колокол есть невеликий, а звонят временем бояся бусурман».

В духе легенд того времени Ф. А. Котов описал далее Арарат: «Да над тем же городом Раванию на полдень стоит гора добре высока и велика, а верх взошел что колпак, а русских верст до ней ходу от города Равана больши 10, а около тое горы сказывают ходу 5 дней, и на той горе лежит вековой снег зимою и летом; а на ту гору восходу нет никому, а на той горе стоит Ноев ковчег, а персы и турки тое гору называют Султан-агра-Тогорезов по их, да они зовут Башь-даками..., а у нас тое гору зовут Арарат» [1].

Ф. А. Котов сделал запись армянской азбуки. Запись эта приблизительная, неточная, но она характерна, ибо показывает широкий интерес русского человека того далекого времени к жизни, быту и культуре армянского народа.

В XVII же веке весьма интересное путешествие на Восток совершил выдающийся человек своего времени, не ли-

[1] Н. Петровский, Новый список путешествия Ф. А. Котова («Известия отделения русского языка и словесности АН», т. 15, кн. 4, Спб, 1910, стр. 287—299).

шенный дипломатических и литературных способностей казанский купец Василий Яковлев Гагара, уроженец города Плеса на правом берегу Волги. На пути в Иерусалим и Египет ему довелось быть свидетелем тяжких страданий армянского народа под иноземным игом. Он донес до России сведения о запустении армянской земли, о массовых выселениях жителей из армянских городов. В записях Василия Гагары упоминается о судьбе Еревана, испытавшего злодеяния турецких и персидских захватчиков, описывается Арарат, озеро Севан и т. д. Василий Гагара привез в Россию столь ценные сведения об Армении и других восточных странах, что русский царь Михаил Федорович пожаловал ему звание «Московского гостя» [1].

В годы жизни Василия Гагары в странах Востока неоднократно побывал автор «Проскинитария» («Поклонника») Арсений Суханов. Его путевые записки отличаются подробным, систематическим и разносторонним описанием виденного. Видел в 1651 году Арсений Суханов и Армению. В одном караване с армянами он возвращался в Россию через их землю после своей третьей поездки в Иерусалим. Красоты природы, «пашни хорошия и луга и горы с травой скотопасные», география края, жизнь и быт армян, их страдания под турецким гнетом — все это зорко подметил и меткими словами записал русский путешественник [2].

Его записи, равно как и записи его предшественников, распространялись тогда по России в форме списков. Год от года, век от века узнавали русские люди об единоверной стране Армении, ее древней истории, о тяжкой доле под турецким игом. Вместе с тем они лично общались с представителями армянского народа — жителями армянских колоний в Москве, Астрахани, а позднее — в Петербурге, Нахичевани и многих других местах России.

Знакомства перерастали в дружбу. Сотрудничество в сфере ремесла и торговли способствовало культурному общению. Рос взаимный интерес.

В XVIII веке появляются научные труды, частично или полностью посвященные Армении, армянскому наро-

---

[1] Жизнь и хождение в Иерусалим и Египет казанца Вас. Як. Гагары, 1633—1637, под редакцией Долгова («Православный Палестинский сборник», т. 2, вып. 3, Спб, 1891).

[2] И. Сахаров, Путешествия русских людей в чужие земли, 2 изд., ч. II, Спб, 1837, стр. 217.

ду, армянским колониям в России. Авторами их были преимущественно люди военные и дипломаты, проводившие политику царского самодержавия на Востоке. Кроме того, издавались на русском языке труды иностранных ученых, касавшиеся Армении. Это были все прямые потомки и преемники той паломнической литературы и описаний «хождений» русских людей в чужие земли, которые создавались в XIV—XVII веках.

Например, в 1760 году артиллерийский офицер русской службы Иван Густав Гербер опубликовал «Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и о их состоянии в 1728 году». Он описывал гнет и нетерпимые условия, в которых находились армяне в Персии и Турции. «В деревнях живущие армяне занимаются пашнею и скотоводством, — писал И. Гербер, — имеют своих Старшин, или Кавхов, и юсбашей; но должны платить ежегодно карач, или подушные деньги, сверх обыкновенной подати. Деревни весьма опустошены во время последнего бунта, потому что бунтовщики увезли жен их и детей и продавали в невольничество. Скрывшиеся в горах опять ныне выходят, особливо к Российской границе, и выстраивают прежние опустошенные свои места» [1].

Характерное наблюдение: «...выходят, особливо к Российской границе». Гербер свидетельствует, что он убедился в стремлении армян связать свою судьбу с Россией.

Ценные сведения об армянских колониях на юге России содержатся в путевых дневниках главного врача Астраханского корпуса Иоанна Якоба Лерхе, дважды побывавшего на Востоке — в 1733—1735 и 1745—1747 годах. Он отмечает содействие русских властей астраханским армянам-переселенцам. «Для армян, — пишет Лерхе, — отведено было особенное место за Солончаком вдоль по новому каналу, где они через 3 года отчасти прекрасные выстроили дома... Между ними не мало находилось зажиточных купцов, которые... завели... фабрики; иные ж промышляют вином и садовыми овощами» [2].

В XVIII веке были изданы в России в переводе с

---

[1] Иван Густав Гербер, Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и Курой, народах и землях и о их состоянии в 1728 году, кн. III и IV, Спб, 1790.

[2] Путешествия Иоанна Лерхе (1733—1735, 1745—1747), Спб, 1790.

французского языка труды французских путешественников, писавших об Армении. Таковы, например, «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли: а именно в Испагань, в Пекин, Дербент и Константинополь» (1776 г.), написанные в начале века Белем, «Всемирный путешествователь или познание Старого и Нового света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях света» аббата де Ла Порт (изд. в Петербурге в 1780 г.) [1] и другие.

Интерес к подобным изданиям проявляла не только русская публика, но и правительственные сферы, поскольку жизненные интересы России и ее внешняя политика были связаны с сопредельными странами Востока. В 1735 году в проект устава Академии наук был внесен пункт, по которому предлагалось включить в состав Академии «...одного профессора древностей восточных, потому что, ради соседства и великого союза восточных народов с нами, о сем учении паче всех прочих стараться надлежит» [2].

Обширная деятельность Академии в этом направлении общеизвестна. Она во многом способствовала развитию армяноведения. Большой материал об Армении и армянских поселениях в разных странах собрали участники экспедиций Академии. И всюду в этих материалах мы находим строки о тяжком гнете, который душил армянский народ во владениях тогдашних Персии и Турции. Например, участник одной из академических экспедиций С. Г. Гмелин, говоря об армянских деревнях, находившихся под владычеством персидских властей в 60-х годах XVIII века, писал: «Обыватели живут бедно, монахи не смеют церковных сосудов, образов и других украшений употреблять всенародно, опасаясь, чтобы у них насильно не отняли» [3]. Большое место описанию притеснений, которые испытывали армяне в тогдашней Персии, уделено в книге другого участника академической экспедиции XVIII века — И. Г. Георги «Описание всех обитающих в

---

[1] Всемирный путешествователь или познание Старого и Нового света, т. е. описание всех по сие время известных земель в четырех частях света. Изд. господином Аббатом де Ла Порт, а на Российский язык переведенное с французского, 2 изд., т. 2, Спб, 1780, стр. 162.

[2] П. Пекарский, История импер. Академии наук в Петербурге, т. 1, Спб, 1870, стр. LIII.

[3] Самуил Готтлиб Гмелин, Путешествие по России для исследования трех царств, Спб, 1771, стр. 107.

Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений одежд, жилищ, управлений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей...».

В XVIII веке памятный вклад в дело русско-армянской дружбы и культурного сближения внесли представители петербургской армянской колонии. Например, выходец из Новой Джульфы — Г. Халдарян, занимавшийся торговлей в Индии, а затем в Лондоне, в результате долгих хлопот заказал в Голландии армянский шрифт и, получив его, приобрел все необходимое для организации типографии. Передовой и прогрессивный деятель своего времени Г. Халдарян правильно учел, что именно в России имеются перспективы для развития армянской культуры. Он перевез типографское оборудование в Петербург и создал здесь первую в России армянскую типографию. В 1780 году она была открыта. Здесь печатались книги религиозного и исторического содержания [1]. Среди них были изданы сочинения Егише и Нерсеса Шнорали.

Явлением большого культурного значения был первый армяно-русский словарь, составленный Г. Халдаряном в конце XVIII века [2]. Он выбрал «...из бездонного моря языка русского народа» около двух с половиной тысяч «наиизбраннейших слов», стремясь вывести «по тропинке языкознания» армянских читателей на широкую дорогу изучения «роскошного и славного языка просвещенной России». Этой целью руководствовались и другие авторы.

Например, одновременно (в 1788 г.) Петербургская армянская типография выпустила «Книгу, содержащую в себе ключ познания, букварь, словарь и некоторые правила из нравоучения», составленную «девицей Клеопатрой Сарафовой», которую исследователи предположительно считают дочерью участника армянского национального движения 60-х годов XVIII века астраханского армянина Мовсеса Сарафова. В упомянутой книге содержатся «Армянский словарь с российским переводом» и «Российский словарь с армянским переводом».

В те же годы один из влиятельных членов петербургской армянской колонии подпоручик Варлаам Ваганов, известный своими переводами на русский язык выдаю-

---

[1] Г. Левонян, Армянская книга и искусство книгопечатания (на арм. языке), Ереван, 1958, стр. 163.

[2] С. Халдарян, Краткий словарь армянской с российским переводом, Спб, 1788.

щихся произведений армянской литературы, стремился использовать свои связи с деятелями русской культуры для развития армянского просвещения в России. По просьбе его ближайшего помощника М. Б. Маничара в Петербургской академии наук в 1782 году Я. Я. Штелин составил программу будущей армянской школы в Астрахани.

С историей зарождения армянского книгопечатания в России связано имя Маркара Захаровича Хоченца Ереванского, «мужа искусного и ученого философским наукам, знающего и приобыкшего к переводам многих книг с разных языков на армянский диалект». Он переехал в Россию из Смирны, где был переводчиком у английского консула. Знал итальянский, арабский, персидский и турецкий языки. Устроившись на государственную службу, он одновременно усердно занимался переводами. Перевел на армянский язык роман Фенелона «Приключения Телемака» и ряд других книг. В 1792 году в Нахичевани вышла книга Хоченца «Врата милосердия». В ней приводится милосердный указ Екатерины II об основании нового города армянского Григориополя (в 12 км. от Дубосар), в котором поселились армяне — жители городов, освобожденных от турок во время второй русско-турецкой войны. Описана жизнь новоселов.

М. Хоченц работал в Петербурге в должности коллежского советника.

Армяне, нашедшие приют в России, связывали свои сокровенные надежды на освобождение Армении от персидско-турецкого ига именно с русским народом. Эти надежды казались весьма близкими к осуществлению, хотя временами сама Россия подвергалась тяжелым испытаниям, и армянам приходилось ждать более счастливых времен. Но вера в освобождение, вера в помощь русского народа оставалась непоколебимой.

Находясь под турецко-персидским владычеством, армянский народ не переставал бороться за свободу. В ходе этой борьбы он обращался за помощью и к западноевропейским державам. Но нашел истинную дружбу и реальную помощь только у великого русского народа.

В 1701 году известный деятель армянского освободительного движения Исраэл Ори вел переговоры с Петром I[1] об освобождении Восточной Армении из-под пер-

[1] Г. А. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, Документы, С.-Петербург, 1898.

Ленинград. Памятник Петру I.

сидского владычества. Но Северная война требовала от России большого напряжения сил. Лишь после Ништадтского мира, в 1722 году, Петр I предпринял персидский поход. Россия завладела Дербентом, Баку, провинциями Гилан и Мазандаран. Однако вопрос об Армении остался в те годы нерешенным.

Прошли десятилетия, прежде чем Армения и армянское освободительное движение снова заняли свое место в планах русской дипломатии. Это произошло во второй половине XVIII столетия, когда вновь перед внешней политикой царизма стала задача полного присоединения Кавказа к России.

Любопытно отметить, что дважды в своей жизни близкое участие в судьбе армянского народа принимал выдающийся русский полководец Александр Васильевич Суворов. Эту малоизвестную сторону его биографии подробно раскрывает М. Нерсисян в своей недавно вышедшей в Ереване книге «Из истории русско-армянских отношений».

Первый случай относится к 1778 году. А. В. Суворов, бывший дотоле помощником князя Прозоровского, командовавшего русскими войсками, введенными в Крым, сменил своего безвольного и бездеятельного шефа на его посту. В то время царское правительство стремилось экономически ослабить Крымское ханство и поставить его в еще большую зависимость от России. Зная, что значительную долю доходов ханской казны составляют поборы с торговцев и ремесленников, которыми были преимущественно армяне и греки, царское правительство решило поощрить их стремление к переселению в южные районы России. Эта задача и была возложена на А. В. Суворова. В августе—сентябре 1778 года, преодолев сопротивление и козни Шагин Гирей-хана, трудности, связанные с транспортом того времени, с организацией питания переселенцев в пути и на месте нового жительства, А. В. Суворов, по его собственному выражению, «...вывел христиан из Крыма в Россию без остатку», переселив более 32 000 человек. При этом, по свидетельству ряда источников, великий полководец поступал «сдержанно, политично и человеколюбиво» и «вложил свою душу в это дело» [1].

---

[1] М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 34.

Так, с участием А. В. Суворова было положено начало армянским поселениям в бывшем Таганрогском градоначальстве, в районе крепости св. Дмитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону). Здесь в декабре 1779 года состоялась официальная закладка города Нахичевани, ставшего одним из центров общественной и культурной жизни армянского народа в дореволюционной России. Тут же уже с конца XVIII века существовали армянская школа и типография, а позднее начали свою общественно-политическую деятельность М. Налбандян, Р. Патканян и др.

Второй более важный случай относится к 1779 году. Высоко оценив заслуги А. В. Суворова в Крыму на военном и дипломатическом поприще, императрица Екатерина II во время личной аудиенции сняла со своей одежды и пожаловала ему особый знак внимания — бриллиантовую звезду ордена св. Александра Невского, дав одновременно новое поручение. Суворову предлагалось немедленно выехать в Астрахань, принять командование войсками и, изучив положение в Армении, Грузии и Персии, сообщить о них Потемкину.

Речь шла о намерении царского правительства освободить Армению от турецко-персидского ига и присоединить ее к России. Произошло несколько встреч А. В. Суворова с представителями армянского народа, во время которых он выразил свое благосклонное отношение к вопросу восстановления армянского государства и недвусмысленно говорил о том, что Россия намерена сделать серьезные шаги в этом направлении.

В 1780—1782 годах, находясь в Астрахани, А. В. Суворов разработал план кампании, но она не состоялась [1].

Косвенное, но деятельное участие в судьбе армянского населения юга России, Молдавии и Валахии принимал А. В. Суворов во время второй русско-турецкой войны, в которой он одержал славные победы под Кинбурном, Очаковым, Рымником, Фокшанами и Измаилом. На пути движения его армии проживало много армян. Он способствовал переселению их в безопасные места, в Россию. В этом направлении, по его поручению, действовал, например, один из его подчиненных Е. В. Хастатов (по происхождению армянин) [2].

---

[1] М. Нерсисян, Из истории армяно-русских отношений, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 46—48.

[2] Там же, стр. 71—79.

В 1795 году, во время опустошительного похода Ага-Магомет-хана в Грузию, Азербайджан и Армению, когда русское правительство решило организовать поход своих войск в Закавказье с целью присоединения его восточных провинций к России, представители армянского народа настойчиво ходатайствовали перед Петербургом, чтобы поход этот поручили Суворову [1].

Разумеется, не случайно интересовались они тем, какое участие принимал А. В. Суворов в их судьбе, и связывали свои надежды с осуществлением национальных чаяний с именем великого русского полководца.

В сложившихся условиях освобождение армянского народа от персидского и турецкого ига возможно было только при помощи России, поэтому ряд деятелей армянского национально-освободительного движения, как, например, Иосиф Эмин, Шахамир Шахамирян и другие, с надеждой обращали взоры именно к России.

В начале XIX века, после присоединения Грузии к России, вопрос об Армении вновь встал в порядок дня. Однако и на этот раз Армения не была присоединена к России, в пределы которой вторглись полчища Наполеона I. Сыны армянского народа внесли свою посильную лепту в Отечественную войну русского народа 1812 года. За героизм и самоотверженную преданность России ряд армян-воинов, среди них генералы Мадатов, Меликов, Лазарев и другие, был награжден русскими орденами и медалями.

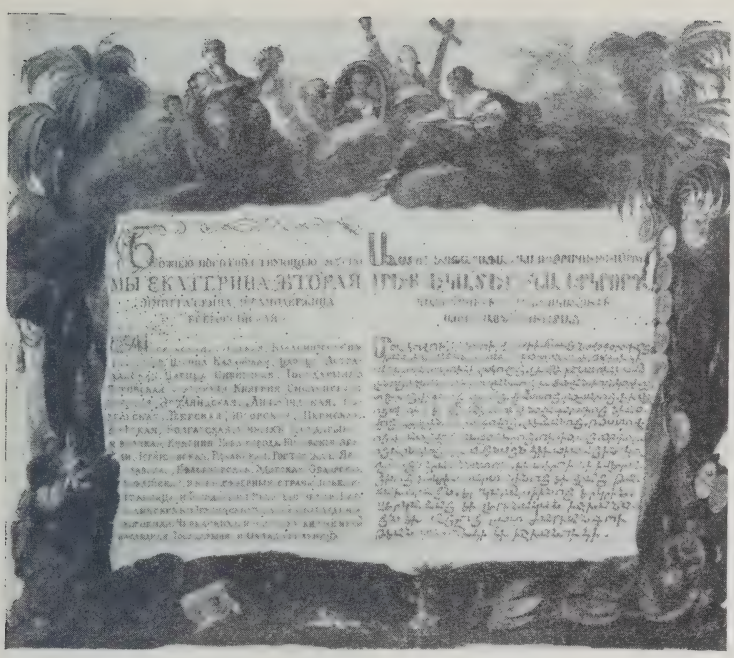
Разгром полчищ Наполеона вынудил Персию заключить мир с Россией. В октябре 1813 года был подписан Гюлистанский мирный договор. Это оказало прямое влияние и на английскую политику на Востоке, в частности в Иране. Здесь английская дипломатия старалась использовать свое посредничество, чтобы добиться от России максимальных уступок, сохранить влияние и возможность дальнейшего вмешательства в кавказские дела [2].

В русско-персидскую войну 1826—1828 годов Восточная Армения, наконец, была освобождена от персидского ига и присоединена к России.

---

[1] М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 74.

[2] А. И. Иоаннисян, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1958.



Указ Екатерины II об основании армянами в устье Дона города Новая Нахичевань и о даровании привилегий населению этого города. 14 ноября 1779 года.

Это была война, в результате которой, как писал В. Г. Белинский, Россия «отодвинула свое владычество за древний Арарат» [1].

В героических сражениях русской армии принимали активное участие добровольческие отряды армян.

Первого октября 1827 года в Ереван вступили русские войска. Персидский шах обратился к России с предложением о заключении мира. 10 февраля 1828 года в Туркманчае был заключен договор между Россией и Персией, по которому персы навсегда отказывались от претензий на Закавказье [2].

[1] В. Г. Белинский, Собр. соч. в 3 томах, Гослитиздат, 1948, т .1, стр. 522.

[2] История вопроса изложена в труде З. Т. Григоряна «Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века», Соцэкгиз, М., 1959.

События 1827 и 1828 годов вызвали ликование армянского народа.

«Армяне, согнанные с мест, изгнанные из родных сел, бегут к русским войскам — и стар и млад, и мужчины и женщины — с радостными криками: „Рус! рус! Здрасти! Здрасти!"» — так описывал декабрист [1] Е. Е. Лачинов встречу русских войск под командой Красовского армянским населением Араратской долины [2].

Словами: «Рус, рус! Здрасти, здрасти!» — армяне, как писал Ованес Туманян, выражали «любовь и просьбу, потому что языка не знали» [3].

Присоединение Восточной Армении к России было большим историческим событием, прогрессивное значение которого бесспорно. Армянский народ, имевший за плечами многовековую историю, народ древней и высокой культуры, был спасен от порабощения и варварского произвола шахов. Народ, имевший еще в V веке свою письменность, давший миру величественный эпос «Давид Сасунский», развивший богатую и разнообразную литературу, создавший архитектурные памятники мирового значения, получил возможность сохранять и по мере возможности развивать свою культуру. Присоединением Восточной Армении к России армянский народ был спасен от физического истребления и вымирания. Освобожденные от гнета шахской Персии, армяне получили возможность тесного общения с великим русским народом.

Благотворное влияние и огромное значение этих событий понимали и ценили передовые деятели армянского народа, выступавшие убежденными поборниками укрепления политических, экономических и культурных связей с Россией.

Великий армянский писатель и просветитель Хачатур Абовян (1804—1848) писал: «Другие европейцы разорили Америку, сравняли ее с землей, — русские восстановили Армению, грубым, зверским народам Азии сообщили человеколюбие и новый дух.

---

[1] Об участии декабристов в освобождении Восточной Армении подробно изложено в книге М. Г. Нерсисяна «Декабристы в Армении» (на арм. языке), Айпетрат, Ереван, 1958.

[2] О. Туманян, Собр. соч., т.4, 1951, стр. 205.

[3] Отрывок из Дневника путешествий для осмотра Эриванской области («Московский телеграф», 1828, ч. XIX, № 4, стр. 560—567).

Знамя армянских добровольцев, сражавшихся в составе русской армии во время русско-персидской войны 1826—28 гг.

Как же богу не сделать меч их острым... как возможно армянам, пока дышат они, забыть деяния русских!» [1].

Хачатур Абовян призывал армянский народ приобщиться к науке путем тесного сближения с русской культурой и в первую очередь овладеть знанием русского языка. Он указывал: «Этим, только этим и никакими другими средствами сможем мы объединиться с великой русской нацией, имя которой всем, даже иноземцам, внушает любовь...» [2].

Сам отлично знавший русский язык; Х. Абовян, воспитанник Дерптского университета, стремился распространить знание этого языка среди детей и молодежи Арме-

---

[1] Хачатур Абовян, Раны Армении, Арменгиз, Ереван, 1955, стр. 310.

[2] Диван Хачатура Абовяна (на арм. языке), Ереван, 1940, стр. 158.

нии. В созданном им в Тифлисе частном училище, которое не контролировалось государственными чиновниками, он обучал по написанной им «Теоретической и практической грамматике русского языка для армян». Позднее, когда реакционеры создали для Х. Абовяна невыносимую обстановку враждебности и вынудили его уехать из Тифлиса, он обратился за помощью к академику Френу. Возникла мысль о создании при Казанском университете кафедры армянского языка и литературы. Когда это предложение было принято, Френ рекомендовал туда Х. Абовяна. В качестве одной из научных работ, необходимых для занятий этой кафедры, Абовян и представил упомянутую выше «Теоретическую и практическую грамматику русского языка для армян». Ее научное значение не вызывало сомнений, хотя реакционно настроенные рецензенты (например, акад. Броссе) и дали ей отрицательную оценку, помешавшую Х. Абовяну получить кафедру.

Абовян справедливо считал, что необходимо прежде всего покончить со старокнижным языком (грабаром), который непонятен народу, отгораживает литературу от народа.

В то время, например, поэты-мхитаристы (по имени венецианского армянского монашеского ордена) писали именно на таком непонятном народу языке. Венецианские поэты-мхитаристы и армянский поэт Пештмалджян писали преимущественно на религиозно-нравоучительные темы, пропагандировали презрение к мирской суете, идеализировали старину, выступали в защиту классицизма.

Против церковной литературы и схоластики, против классицизма, против книжного языка, за литературу, близкую народу, способную приобщить народ к культуре и создать почву для его воссоединения, решительно выступил Х. Абовян с первых шагов своей деятельности в литературе. Важным условием ее развития он считал изучение народного творчества, фольклора.

Эти убеждения привели его к созданию собственных произведений по образцу народных «джан-гюлумов», народных сказок и басен («Занятия на досуге», «Первая любовь», «Осанна» и др.).

Самым крупным творением Х. Абовяна, чудесным плодом его патриотизма, воплощением эпических и художественных традиций национальной литературы является роман «Раны Армении. Плач патриота».

Защита национальной независимости — основная идея романа. Он посвящен той национально-освободительной борьбе, которую вел армянский народ против персидского владычества в годы русско-персидской войны 1826—1828 годов. Эту борьбу Х. Абовян рассматривал как важнейшее условие национального пробуждения, условие освобождения от средневековой отсталости и темноты. Просветительские идеи Х. Абовяна — это не только горячая защита просвещения, самоуправления, свободы и европейских форм жизни, но и страстная ненависть к крепостническим порядкам, отстаивание интересов народных масс, осуждение эксплуатации чужого труда, паразитизма господствующих классов, засилья духовенства. Недаром главным героем романа «Раны Армении» является простой крестьянин Агаси.

Отсталость, неразвитость общественно-экономической жизни в Восточной Армении того времени не дали возможности Х. Абовяну подняться до понимания причин социального неравенства и путей к свержению эксплуататорского строя. Однако он верно определил в тех условиях, кто может помочь армянскому народу в его освободительной борьбе.

Отвечая на вопрос:

Каким дуновеньем к нам принесет
Дух обновленья и встанет народ?
Откуда к армянам помощь придет,
Какая рука нас двинет вперед?—

он убежденно, страстно утверждал: Россия, русский народ.

«...„Раны Армении", — как говорил Ованес Туманян, — это и вопль патриота, исполненный скорби и стенаний, и национальная эпопея, дышащая силой и гордостью, и панегирик облагодетельствованного и спасенного, полный слез радости, благодарственных возгласов и благословений. И все, что исходит из его сердца, из его уст, из-под его пера, искренне, сердечно и правдиво...».

Исследователи литературного творчества Х. Абовяна справедливо отмечают, что самой существенной стороной романа «Раны Армении» является именно понимание освободительной роли России, русского народа, идея дружбы народов. Недаром главный герой романа присоединяется к русской армии, а все положительные герои осознают освободительную роль России.

Взятие Ереванской крепости русскими войсками 1 октября 1827 г. (с картины худ. Рубо). Исторический музей Армении.

Не дойдя до четкого понимания различия между Россией царской и Россией демократической, до понимания завоевательных тенденций в политике царизма на Кавказе, Х. Абовян был искренне убежден, что в стране, разоренной и обессиленной персидскими захватчиками, армянский народ не сможет сохранить ни своей независимости, ни своей культуры без помощи и защиты мощного Русского государства. Видя новую жизнь, которую принесли с собой русские в Восточную Армению, он писал:

«Сила русского человеколюбия смягчила и самые скалы, — пустынные, безлюдные поля Армении заселились людьми, пользующимися ныне попечением русского народа, восстанавливающими вновь свою священную страну» [1]. Он хотел, «чтоб русские люди не отчаялись в пути, не утомились, не прекратили благотворного общения с нашей страной, дабы отечество наше... могло возрасти, забыть свои горести и снова достичь былой своей славы».

---

[1] Х. Абовян, Полн. собр. соч. (на арм. языке), т. 3, Ереван, 1948, стр. 177.

Прошло более века с тех пор, когда писались эти слова, век совместной борьбы народов России и Армении против эксплуататоров, и сбылось страстное желание Х. Абовяна: не устали, не утомились русские люди в упорной борьбе, они неизменно помогали своему собрату — народу Армении в освободительной борьбе и с искренней сердечной радостью встретили его свободу — образование суверенной республики Армении, одной из сестер-республик, образующих СССР.

Призывая к активному усвоению и творческому осмыслению русской литературы, Хачатур Абовян всей своей деятельностью непосредственно служил этому делу. Он первый создал образ русской женщины в армянской литературе (драма «Феодора»). В Дерптском университете (1830—1836) будущий автор «Ран Армении» устанавливает связи с некоторыми русскими литераторами. Здесь, в частности, он познакомился с В. А. Жуковским, который в то время остановился на несколько дней в Дерпте.

Свою встречу с Жуковским Абовян описал в дневнике от 3 сентября 1833 года. Это было на обеде у одного из профессоров Абовяна — Блюмберга. Здесь находились также профессор Бартельс и знаток русской литературы Иванов.

Русская военная медаль в честь взятия Ереванской крепости (1. X. 1827), выбитая в 1829 г. Исторический музей Армении.

«Обед подходил к концу, как вдруг, неожиданно, открывает кто-то дверь. И входит мужчина — хорошо сложенный, бодрый, широкогрудый, широкоплечий, с открытым лбом, приятной наружности, с добрым взглядом, в черном сюртуке. Профессор Блюмберг сразу встает с места, и от его слов, обращенных к жене: „Вот господин Жуковский", — у меня загорелась кровь при виде знаменитого человека, предводителя русской литературы и воспитателя цесаревича. Он очень вежливо поклонился всем нам и, поцеловавшись с Бартельсом, занял место за столом вместе с другом своим Майером. Он ехал из чужих краев, из Италии, куда ездил лечиться. И какое изобилие предметов для беседы! После короткого рассказа о своем путешествии, о котором он говорил совершенно четко, простыми словами, профессор Бартельс представил ему меня и Иванова...

„Армянин с Арарата", — сказал Бартельс, представляя меня. А он скромно поклонился мне и говорит: „А я приношу вам привет от Монблана"» [1].

Так писал Х. Абовян о событии, которое на всю жизнь сохранилось в памяти великого армянского просветителя.

«Его поэтическая душа, — говорит Абовян, — и патриотизм не хотели уничтожить превосходства северных стран, чему во многом возражал ему профессор Бартельс. А он всячески хотел доказать, что „лачужка, в которой ты жил с детства, слаще, чем прекрасные края Италии"» [2].

Эти сокровенные чувства Жуковского как нельзя лучше отвечали чаяниям Абовяна. Ведь за многие тысячи километров он оставил свою горячо любимую Армению, чтобы, набравшись знаний, вернуться туда и посвятить свою жизнь просвещению родного народа. Полны глубокого смысла слова Абовяна, сказанные в связи с патриотическим высказыванием великого русского писателя: «Какая кровь, какая радость клокотала в его личности, это показывали его движения! Какой патриотизм!» [Диван (архив) Х. Абовяна, стр. 294].

Хачатур Абовян был талантливым переводчиком русской литературы. Его переводы были сделаны на народном языке, в противовес господствовавшему в литературе мертвому армянскому языку — грабару. В предисловии к

[1] Х. Абовян, Полн. собр. соч., т. 6, 1955, стр. 280—281.
[2] Там же.

книге «Занятия на досуге» (1841) Х. Абовян писал: «Переводил я так, чтобы по душе было нашему народу». Х. Абовян впервые познакомил армянского читателя с произведениями Карамзина (повесть «Остров Борнгольм», баллада «Раиса»), Хемницера («Барон», басня «Зеленый осел»), Крылова (басни «Ворона и лисица», «Прохожие и собаки», «Мартышка и очки», «Волк и ягненок», «Пустынник и медведь», «Слон и моська» и др.). Х. Абовян особенно охотно переводил басни Крылова: их идейное содержание и политическая направленность несомненно отвечали настроениям самого переводчика.

Под влиянием передовой русской культуры Х. Абовян развернул широкую просветительскую деятельность, беспощадно борясь против господствовавшей клерикально-феодальной идеологии.

Первым армянским критиком, глубоко интересовавшимся русской литературой, явился С. Тигранян, выступивший уже в начале 30-х годов XIX века. Вместе с Белинским он учился в Московском университете. О С. Тиграняне известно еще и то, что в 60-х годах XIX века он пытался организовать в Феодосии журнал под названием «Отечественные записки». Само название журнала и проект его программы указывают на идейную близость с передовым русским журналом, на стремление организатора журнала С. Тиграняна подчеркнуть эту связь. Великий армянский революционный демократ М. Налбандян, находясь в заточении в Петропавловской крепости, интересовался судьбой С. Тиграняна. Соратник русских революционеров-демократов, М. Налбандян видел в С. Тиграняне близкого по идеям и литературным вкусам человека.

Освобождение Восточной Армении от персидского ига, как было сказано, явилось великим историческим событием в жизни армянского народа.

Однако если перед Восточной Арменией открылись новые, благоприятные перспективы для культурно-экономического развития, то Западная (так называемая Турецкая) Армения продолжала изнывать под ненавистным игом султанской Турции. Положение западных армян все более и более ухудшалось. Достигли крайних пределов произвол, насилие, грабеж, национальный гнет и гонения. Народ подвергался жесточайшей эксплуатации. Покровительствуемые турецким правительством многочисленные банды грабителей и убийц свирепствовали по всей стране.

Переселение 40 тысяч армян из Персии в Восточную Армению в 1828 г. (худ. В. И. Мошков).

Турецкие паши и султаны организовали кровавое и массовое истребление армян [1].

Передовые деятели армянского народа, представители его интеллигенции, конечно, не питали иллюзии относительно реакционной политики царского самодержавия; однако они видели и другое — путь к общению с передовыми людьми России, к культуре великого народа, к опыту его борьбы против эксплуататоров. Поэтому они связывали судьбу армянского народа и идею его освобождения с судьбой русского народа и устанавливали теснейшие связи с передовой русской интеллигенцией.

Русский народ, народ — труженик и воин, народ, давший миру блестящую плеяду великих революционеров, ученых, полководцев, писателей, землепроходцев и первооткрывателей, утвердил приоритет своей родины во многих областях науки, искусства, литературы.

Россия есть страна будущего, говорил Белинский, Россия, в лице образованных людей своего общества, носит в душе своей непобедимое предчувствие великости своего назначения, великости своего будущего.

---

[1] «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1898.

В это верили и передовые деятели армянского национально-освободительного движения, армянский народ. Они высоко ценили покровительство великой России, на просторах которой нашли приют многочисленные армянские колонии. А они имели исключительно важное значение. Здесь спаслись от тяжкого гнета и физического истребления со стороны турецко-персидских правителей тысячи армянских семей. Здесь они, вынужденно покинувшие родную землю, нашли вторую родину, получали материальную поддержку и возможность участвовать в экономической жизни страны. В колониях развивалось просвещение, были организованы армянские школы.

В книге «Армянская печать и царская цензура» С. Г. Арешян подчеркивает значение армянских колоний в России для развития национальной культуры и укрепления дружбы между армянами и другими народами Российской империи. Абсолютно верно, что фактором исключительной важности явилось развитие армянской печати в колониях. Почти все колонии имели свои типографии; армянские периодические издания и книги печатались во многих городах России. В научных центрах, какими являлись Петербургский и Казанский университеты, Лазаревский институт в Москве, успешно развивалось армяноведение, готовились кадры высококвалифицированных специалистов по армянскому языку, истории и литературе. Даже после присоединения Восточной Армении к России в 1828 году колонии еще долгое время продолжали оставаться средоточием армянской интеллигенции и культуры.

Конечно, наряду с этими бесспорно благоприятными условиями, жизнь в царской России была чревата многими отрицательными явлениями и неизбежными противоречиями, с которыми приходилось сталкиваться и армянам. Гнет для народных масс был двойным. Их угнетали и эксплуатировали, как и все народы России, помещичье-самодержавный строй и «свои», армянские толстосумы. Социальный состав армянских колоний в России был далеко неоднородным. В астраханской колонии начала XIX века меньшинство, состоявшее из купцов и промышленников (общим числом 243 семьи), пользовалось материальным благосостоянием и было имущественно обеспеченным. Подавляющее же большинство — 700 семейств — крайне нуждалось и даже впадало в такую бедность, что некоторая часть вынуждена была существовать на подачки Астра-

ханского общества. Эти семьи не в состоянии были заплатить самые минимальные налоги. Большинство колонии составлял народ, с трудом добывавший себе пропитание. Классовое расслоение и классовая борьба усиливались. Эти противоречия внутри армянских колоний были обусловлены классовыми противоречиями русской феодальной монархии. Армяне жили в колониях теми же радостями и печалями, что и русские люди. Они несли на себе бремя самодержавного гнета вместе. Кроме того, нередко царская администрация ущемляла их национальные интересы. Созидая национальную культуру, передовые армянские общественные деятели сталкивались с многочисленными препятствиями. Достаточно упомянуть о свирепой царской цензуре, которая душила прогрессивную армянскую печать, как и русскую.

В присоединенной к России Восточной Армении также существовал этот двойной гнет. Армянские клерикалы и реакционеры не раз выступали вместе против передовых общественных деятелей-армян. Судьба М. Налбандяна и его учителя Габриэла Патканяна — наглядный тому пример. Таких примеров было много. Но при всем этом жизнь в семье народов России, общение с русским народом, его культурой, ее демократическими традициями, участие в общерусской революционной борьбе имело для армянского народа исключительно важное прогрессивное, благотворное значение.

ВМЕСТЕ С ПЕРЕДОВЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РОССИИ — ПРОТИВ ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

(Нач. XIX в. — 80-е гг. XIX в.)

Две России, две культуры русского народа. ★ Дружба и творческие контакты передовых деятелей России и Армении. ★ Н. Радищев об Армении. А. Пушкин и А. Грибоедов в Армении. А. Грибоедов на премьере «Горе от ума» в Ереване. ★ «Обозрение истории армянского народа» С. Глинки. ★ Лазаревский институт восточных языков в Москве — центр русско-армянских культурных связей. ★ Первые переводы произведений классиков русской литературы на армянский язык. ★ «Юсисапайл» («Северное сияние») и «Современник». ★ Русские революционные демократы и М. Налбандян. ★

В то время как царизм и его чиновники преследовали национальную культуру малых народов и организовывали национальные гонения, русский народ в лице его передовых представителей проявлял живейший интерес к истории, общественной мысли и культуре армянского народа, способствуя их развитию.

Интересовался Арменией революционер, писатель и патриот Радищев, автор известного «Путешествия из Петербурга в Москву». В своей поэме «Бова», навеянной древней русской «Повестью о Бове Королевиче», он перенес действие в Армению.

Эпизоды истории, мотивы эпоса, народное творчество Армении многократно находили отражение в русской журналистике и литературе XVIII века. В 1762 году в двух номерах «Полезного увеселения» была помещена работа С. Г. Домашнева «О стихотворстве», один из разделов которой назывался «Стихотворство армянское». В «Городской и деревенской библиотеке» за 1783 год была напечатана повесть «Армянские князья» — о борьбе армянского царя Тиграна и персидского царя Камбиза. Переселение армян из Крыма, где господствовал Шагин-Гирей-хан, на берега Азовского моря и в Нахичевань-на-Дону отражено в оде Василия Петрова, посвященной «Его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину». Строки об армянах содержатся в поэтическом творчестве Василия Рубана, издателя журналов «Ни то, ни се» и «Трудолюбивый муравей». Русский историк Н. М. Карамзин увидел в Париже могилу армянского царя Леона VI и свои размышления, связанные с Арменией той эпохи, поместил в «Письмах русского путешественника». Таких примеров много.

В начале XIX века Армения нашла отражение в творчестве декабриста В. Кюхельбекера и многих других.

Не безынтересно отметить, что отдельные сцены бессмертной комедии Грибоедова «Горе от ума» впервые были поставлены в Ереване в 1827 году.

Грибоедов присутствовал на представлении своей комедии. Год спустя в зале армянской духовной семинарии в

Первая постановка пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» в зале бывшего ханского дворца в Ереване в декабре 1827 г. в присутствии автора. Исторический музей Армении.

Тифлисе с помощью группы армянских интеллигентов, при горячем содействии самого автора, состоялось второе по времени представление гениальной комедии. При жизни Грибоедова других постановок «Горя от ума» не было. Великий русский писатель многое сделал для армянского народа, и недаром современники армяне называли его «истинным другом армянского народа».

В дневнике Грибоедова мы находим строки, проникнутые чувствами восхищения природой Армении, уважения и любви к ее народу, представителям ее древней культуры, с которыми автора дневника связывали узы искренней дружбы.

Например, 7 февраля 1819 года Грибоедов записал в путевом дневнике: «Алагез к с.-з. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные...

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Арарата. Арарат бесподобен. Множество селений».

Грибоедов оставил запись впечатлений от Эривани и Эчмиадзина, но он неоднократно снова и снова возвращался к красоте Арарата:

«Ни Стефан-Цминд (гора Казбек. — *А. А.*), — писал он в „Путевых заметках", — ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью: обе вместе завладели большею частью горизонта, — это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз

является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением»[1].

Будучи на дипломатической службе, Грибоедов проделал большую работу по переселению армянских крестьян из Ирана в Закавказье: его усилиями в Туркманчайский договор была включена специальная статья, обеспечивающая свободное возвращение на родные места насильственно угнанного в Иран армянского населения.

В январе 1819 года А. С. Грибоедов вместе с дипломатической миссией выехал из Тифлиса в Тавриз. Интересно отметить, что его помощником-переводчиком являлся армянин Шамир Фридонович Мелик-Бегляров, который работал в дипломатической канцелярии главнокомандующего на Кавказе. Впоследствии великий писатель неоднократно встречался с армянами, подчас очень образованными людьми, которые способствовали его знакомству с древней историей Армении. Автор известного труда «Материалы для национальной истории» Г. Шермазанян указывает о случаях частого посещения А. С. Грибоедовым Тифлисского армянского училища.

Из путевых заметок писателя мы узнаем о его встречах с А. Араратским, произведение которого на русском языке было издано в Петербурге в 1813 году с необычно длинным названием: «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат, близ горы Арарата, и приключения, случавшиеся с ним от младенчества до совершенных лет, удаление его от своего отечества в Грузию; оттуда в Россию, потом в Персию и, наконец, возвращение обратно в Россию через Каспийское море, с описанием многих любопытных предметов, находящихся в его стороне и в прочих местах Персии».

Всячески способствуя переселению из Персии армян в Россию, Грибоедов, безусловно, хорошо знал прошлую историю армяно-русских отношений. Конечно, ему было известно, что армяно-русские политические сношения и связи начали развиваться еще в XVII веке, известно было и то, что армяне в свое время просили русского царя Алек-

---

[1] А. С. Грибоедов, Из «Путевых заметок», Эривань, 4 февраля 1819 г.

Памятник Х. Абовяну в Ереване (скульптор А. Тер-Марукян).

Памятник М. Налбандяну в Ново-Нахичевани, открытый в 1902 г. (скульптор А. Тер-Марукян).

сея Михайловича содействовать облегчению их участи в шахской Персии.

Надо полагать, что Грибоедов был знаком с трудом профессора Ш. Джрпетяна, который в переводе на русский язык А. Худабашевым был издан в 1816 году и назывался «Любопытные извлечения из древней истории об Азии».

И. Ениколопов в своей работе «Грибоедов и Восток» (Айпетрат, Ереван, 1954, стр. 168), как свидетельство связи Грибоедова с Джрпетяном, приводит следующий любопытный пример:

«Уже один факт присутствия в незавершенной трагедии Грибоедова „Радамист и Зенобия" слова „орлоносец", при упоминании законов Вагаршака, свидетельствует о знакомстве Грибоедова с трудом Ш. Джрпетяна „Любопытные извлечения...". Это столь редко встречаемое слово упоминается в том месте, где говорится о нахарарах, об Арцруни (или Арцвакир, т. е. орлоносец), за фамилией которого потомственно сохранилась „должность носить перед государем царского орла". Отсюда и смысловое значение этой фамилии (арцив означает — орел). К тому же, в переводе книги Джрпетяна имя царя-законодателя пишется, в отличие от других книг, правильно — Вагаршак».

В архиве Грибоедова сохранился набросок и план задуманной им трагедии «Радамист и Зенобия» из истории Армении и Грузии I века нашей эры.

В годы пребывания в Персии на дипломатической службе Грибоедов с большим упорством и настойчивостью добивался переселения армян в Россию. Добившись успеха, он всячески заботился о принадлежащем переселенцам, но временно оставленном ими в Иране имуществе.

«К нам перешло до 8 т[ысяч] армянских семейств, — пишет он в письме, адресованном своей приятельнице В. С. Миклашевич, — и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову» [1].

После трагической гибели великого писателя в донесении Паскевичу Амбургер подробно описывает, как народ встречал на пути следования тело Грибоедова. «...Народу было неимоверное множество (здесь речь идет о Нахиче-

---

[1] «Русские писатели об Армении», сборник, Арменгиз, Ереван, 1946, стр. 31.

Встреча Пушкина с телом Грибоедова на Безобдальском (ныне Пушкинском) перевале. 1829 г. Исторический музей Армении.

вани. — *А. А.);* мужчины, женщины и дети, — все, кажется, принимали живейшее участие в злополучной участи покойного и нередко слышны были между ними громкие рыдания. Женщины до самого вечера не отходили от церкви; только надобно заметить, что это по большей части были армяне, и такое участие, конечно, делает честь всему народу» [1].

В этой трагической истории памятным местом суждено было стать небольшому армянскому селению Гергер. 11 июня 1829 года здесь, проездом в Арзрум, находился А. С. Пушкин. В своем знаменитом описании «Путешествие в Арзрум» [2], вспоминая это селение и этот день, А. С. Пушкин писал:

[1] И. Ениколопов, Грибоедов и Восток, Айпетрат, Ереван, 1954, стр. 181.

[2] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, т. 6, стр. 665.

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу.

„Откуда вы?", — спросил я их. „Из Тегерана". „Что вы везете?" — „Грибоеда".

Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия».

Обаятельная личность Грибоедова всегда привлекала внимание деятелей армянского народа. Далеко от родного края, в Дерпте, Х. Абовян 30 июля 1832 года делает заметки о своих беседах с прибывшими в Дерпт на учебу двумя сыновьями Н. М. Карамзина. Абовян расспрашивал их об Иране и Грибоедове [1].

Некоторые эпизоды жизни и страницы творчества великого Пушкина связаны с Арменией.

Еще в Царскосельском лицее он очень внимательно следил за «Вестником Европы», в котором печатались статьи и об Армении. Есть сведения о том, что не прошла мимо внимания Пушкина статья «О побудительных причинах заниматься языком армянским», опубликованная в ноябрьском номере «Вестника Европы» за 1823 год.

В знаменитом «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкин описал ту часть Армении, которую ему удалось увидеть на пути от «Волчьих ворот» до Арзрума. Красочно изображен им своеобразный пейзаж страны. Долину Лори он назвал зеленой пустыней. Затем от «Волчьих ворот» Пушкин спустился к Гергерам, поднялся на Безобдал и перевалил на Гюмри.

Своими строками о пейзаже Армении, быте и жизни населения, о действиях русских войск Пушкин создал такие реалистические картины, которые разрушали романтическое представление о Кавказе, созданное Марлинским и другими. Во всей «литературе путешествий», накопленной к началу XIX века, пушкинское «Путешествие в Арзрум» является лучшим достижением и оценивается лите-

---

[1] Г. Абов, Хачатур Абовян, Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1948, стр. 46.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

ратуроведами по справедливости как блестящая страница русской реалистической прозы.

Уже на обратном пути, когда Пушкин спешил в Москву и Петербург, он неоднократно возвращался к впечатлениям, навеянным путешествием по Армении.

Вот он доехал до Дона. В одноименном стихотворении («Дон») Пушкина мы читаем:

Блеща средь полей широких,
Вон он вьется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.
Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.
Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих [1].

Во время путешествия в Арзрум Пушкин попал в армянскую семью, которая пленила его своим радушием. Одного из членов этой семьи, юношу Артемия, он сделал своим спутником и восхищался его воинственностью и смекалкой. Рядовой армянин Артемий увековечен на страницах пушкинской прозы. Это характерно. Оставив вне поля зрения представителей знати, Пушкин внимательно наблюдал жизнь армянского народа, его радость, вызванную приходом русских войск, его надежды на освобождение от гнета султанской Турции.

Все это и нашло свое отражение в «Путешествии в Арзрум», появившемся впервые в первом томе «Современника» за 1836 год.

В библиотеке А. С. Пушкина имелась книга Артемия Араратского «Жизнь и приключения Артемия Араратского...», вышедшая в Петербурге в 1813 году. Существует мнение, что великий поэт собрался писать для журнала «Современник» рецензию, поскольку выход упомянутой

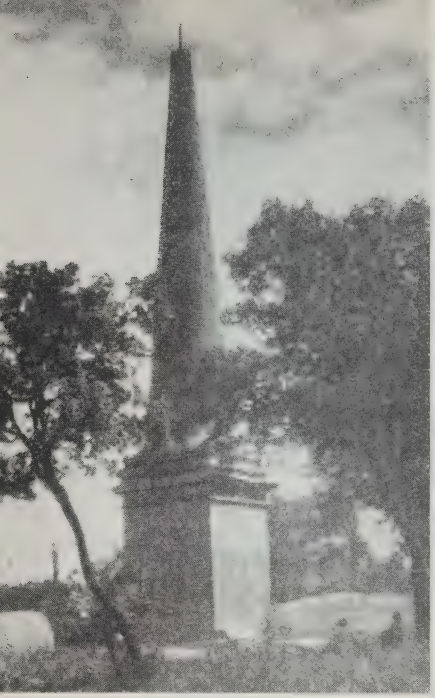
[1] А. С. Пушкин, Собр. соч., т. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 122.

Пушкин в армянской семье.
Исторический музей Армении.

книги действительно был фактом большого историко-культурного значения в развитии русско-армянских отношений. Сражался за освобождение Армении и воспевал ее в своих стихах талантливый поэт-партизан Денис Давыдов. Его также восхищала эта древняя страна, величественные картины ее природы. Он писал:

...Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагез, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Силу духа и героическое прошлое армянского народа прославил в ряде своих произведений современник Пушкина поэт Сергей Глинка. Он занимает по праву почетное место в истории русско-армянских культурных отношений не только как поэт, но и как историк. Горячий поборник русско-армянской дружбы, он отстаивал гуманные прин-



Памятник русским воинам, погибшим в сражении при Ошакане (17 августа 1827 г.). Памятник воздвигнут в 1833 г. по проекту русского арх. Каменского на средства, собранные армянским населением.
Исторический музей Армении.

ципы этой дружбы даже в мрачные годы николаевской реакции.

С. Н. Глинка — автор двух повестей в стихах и двух исторических исследований.

«Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей» представляют собою весьма интересное литературное явление. Первая из них — обработка легенды о Гайке и Бэле. Обращаясь к стране Гайка, автор повести восклицал:

Страна и колыбель вторая
Возобнавления людей!
В тебя душой перелетая,
Жить памятью хочу твоей.

Кроме того, Сергей Глинка написал «Обозрение истории армянского народа». Он считал историю Армении одной из блестящих страниц истории древнего мира. Вдохновенные строки посвятил в этом обозрении мужеству и патриотизму талантливого, свободолюбивого народа, кото-

рый внес в сокровищницу мировой культуры неоценимый вклад. Глинка подчеркивал, обосновывая это вескими историческими фактами, что армянский народ многократно вынужден был браться за оружие и проявлять воинственный дух, но он делал это потому, что его национальному существованию и созидательному труду угрожали иноземные захватчики. «Оборона отечества, защита родной независимости, противоборствие покушениям внешнего насилия — вот главная цель их вооружений» [1] — писал Глинка.

В укреплении дружественных связей между русскими и армянами Глинка видел перспективу национальной независимости и развития культуры армянского народа. Он считал, что эта дружба, имеющая глубокие, исторически сложившиеся корни, имеет все условия для своего дальнейшего развития, ибо он верил в светлое будущее России, в свержение крепостнически-самодержавного строя.

«Первые изъявления приверженности Армян к России, — писал С. Глинка, — существовали издревле, а сделались очевидными в царствование Петра Великого... Россия, отверзая обширные свои недра всем народам, братьям одного семейства человечества, являет пример соединения народов» [2].

Какой проницательностью нужно было обладать тогда, в первой половине XIX века, в условиях николаевской России, чтобы так глубоко понять прогрессивное значение присоединения Грузии и Армении к России!

В другом своем историческом труде [3] С. Глинка пророчески писал, что под сенью России «...появятся города, которые возобновят блеск древней Армении. Около сей первоначальной колыбели постоянного существования армян соберутся рассеянные по лицу земли племена армянские» [4]. Он считал далее, что жизнь армян и русских в пределах одного государства откроет новый этап во взаимоотношениях этих дружественных народов. Читая эти строки в наши дни, когда мы можем оглянуться на весь XIX век, на первую половину XX века, на совместную борьбу народов б. Российской империи, в том числе рус-

---

[1] «Русские писатели об Армении», сборник, Арменгиз, Ереван, 1946, стр. 58.

[2] Там же, стр. 59.

[3] С. Глинка, Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, М., 1831.

[4] Там же, стр. 8.

ских и армян, против самодержавия, за победу Великой Октябрьской революции, за решение национального вопроса в нашей стране на основе ленинских принципов мира и дружбы народов, когда мы охватываем мысленным взором великие успехи Советского Союза, Армянской ССР в развитии государственности, экономики и культуры, когда мы оглядываемся на то, что принесла нерушимая дружба народов СССР, мы не можем не принести дани уважения одному из первых русских историков Армении, его проницательности, дальновидности и человеколюбию.

Не случайно в свое время труды Глинки, его рассуждения об исторических заслугах армянского народа и его героическом прошлом вызвали неудовольствие реакционных, шовинистических кругов царской России. Глинку обвиняли в том, что его труды заражены якобы «каким-то буйственным либерализмом». Отвечая этим мракобесам, С. Глинка писал: «Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским». И она живет! Мы читаем ее ныне с чувством гордости за сына русского народа, который в условиях самодержавной России неустанно ратовал за русско-армянскую дружбу.

В связи с историческими работами С. Глинки уместно упомянуть о малоизвестных эпизодах, раскрывающих участие русских писателей С. Т. Аксакова и И. А. Гончарова в издании книг по истории Армении.

В 30-х годах прошлого века в России действовал цензурный устав 1828 года. Главное цензурное управление, созданное в соответствии с этим уставом, поручало цензурование книг не только своим чиновникам, но и писателям и ученым. Например, книгу С. Глинки «Обозрение истории армянского народа» просматривал С. Т. Аксаков. В 1831 году он дал разрешение на публикацию книги.

И. А. Гончаров на таких же правах участвовал в цензуровании книги А. Худабашева «Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях». Одобрив эту книгу, И. А. Гончаров счел необходимым впредь, до своего цензурного разрешения, обратиться за консультацией в духовную цензуру и в военно-топографическое депо. Дело в том, что в книге Худабашева большой раздел занимала церковная история армянского народа, а кроме того, к книге была приложена карта

Армении. Получив одобрение в этих двух инстанциях, И. А. Гончаров дал разрешение на печатание книги.

Справедливое замечание Энгельса в письме к К. Марксу [1] о том, что Россия действительно играла прогрессивную роль по отношению к Востоку, находит свое яркое подтверждение в событиях первой трети прошлого века, в воссоединении Восточной Армении с Россией, явившемся поворотным пунктом в истории армянского народа, не говоря о других более ярких и политически более значимых событиях позднейшего времени, особенно в XX веке, в период Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за победу коммунизма.

Кто, проходя по Армянскому переулку в Москве, не восторгался архитектурным шедевром, воздвигнутым по проекту гениального русского зодчего Казакова. Этот прекрасный дворец построили проживавшие в Москве братья Лазаревы. Старший из Лазаревых — Иван Лазарев — отвел его под армянское училище [2].

Основанное в 1815 году [3], это училище, преобразованное впоследствии в Лазаревский институт восточных языков, способствовало знакомству русской интеллигенции с Арменией. Царское правительство стремилось воспитывать здесь чиновников-востоковедов, преданных самодержавию. Но сквозь все препоны в стены института проникало влияние прогрессивных деятелей России и Армении. Институт пользовался репутацией первоклассного учебного заведения. Это придало ему огромную притягательную силу.

Лазаревский институт располагал одной из наиболее крупных армянских типографий. Здесь печатались многочисленные армянские книги и периодические издания. Еще в 30-х годах XIX века были изданы: сборник «Музайк Араратян» («Музы Араратские»), 1829, «Армяно-русский словарь» в двух частях А. Худабашева. Позднее печатались здесь произведения С. Шахазиза, труды М. Эмина, Гр. Халатянца и др.

Так в Москве образовался крупнейший по тому времени очаг армянской культуры, и здесь еще в 20—30-х го-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 211.

[2] И. Лазарев (Ованес Лазарян, 1735—1801) — видный деятель.

[3] Московский областной государственный исторический архив (МОГИА), фонд 213, опись 1, дело 1, л. 145.

дах XIX века были переведены на армянский язык произведения русских поэтов.

В Лазаревском институте учились не только армяне, но и русские. Здесь учился в 1829 г. И. С. Тургенев. Во второй половине XIX века слушателем гимназических классов этого института был и К. С. Станиславский. Здесь завязывались связи и знакомства, сохранявшиеся потом десятилетиями и способствовавшие сближению общественных и культурных деятелей России и Армении.

В Лазаревском институте бывали В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов и многие другие видные писатели, историки, деятели культуры России.

В Институте долгие годы работал М. Эмин. Особенно велики его заслуги в популяризации русской литературы. Будучи студентом, он перевел на армянский язык еще при жизни А. С. Пушкина ряд его произведений, в том числе поэмы «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник». Став преподавателем института, М. Эмин воспитывал у своих учеников интерес к русской литературе, о гениальных творцах которой он всегда говорил с благоговением.

Профессор Лазаревского института Степанос Назарян был одним из первых представителей армянского народа, получивших ученую степень доктора наук. Он в течение шести лет, начиная с 1858 года, издавал в Москве журнал «Юсисапайл» («Северное сияние») — первое ежемесячное издание для армян, проживающих в России. Журнал благодаря усилиям революционного демократа Микаэла Налбандяна следовал по пути знаменитого «Современника», оказавшего огромное влияние на передовых людей Армении.

Другим крупным центром армяноведения и армянской культуры был Петербург. В Петербургской колонии протекала деятельность многих представителей культуры армянского народа, тесно связанных с передовыми людьми России того времени не только научными и литературными, но и политическими интересами. Это — Н. Л. Бероев, К. Патканов, Р. Патканян, А. Султан-Шах, Х. Абовян, М. Налбандян, С. Назарян, Г. Сундукян. В Петербургском университете существовала кафедра армянского языка и литературы, здесь создавались и печатались исследования Н. Л. Бероева, К. Патканова, Н. Марра, Н. Адонца и других армянистов. В Петербурге была глав-

ным образом сосредоточена цензура армянской печати, здесь решался вопрос о праве на издание армянских книг, газет и журналов, при этом не раз содействие передовых русских ученых и писателей оказывало значительное влияние на благоприятное решение вопроса о судьбе того или иного издания.

В Петербурге была широко развита издательская деятельность. Отсюда была вывезена в Москву типография Иосифа Иоаннесова, купленная Лазаревыми. В 60-х годах здесь открылась армянская типография Рафаэля Патканяна, в которой печатался журнал «Юсис» («Север»). Во второй половине XIX века в Петербурге было несколько армянских типографий, в том числе «Пушкинская» типография-скоропечатня.

В 60-х годах под влиянием русских революционных демократов оформилось революционно-демократическое течение и в армянской действительности.

Известный армянский поэт 60-х годов прошлого века Смбат Шахазиз в одном из своих писем сообщает следующие чрезвычайно интересные и ценные сведения о воздействии русских шестидесятников на его творчество и на все его поколение. «Нечего и говорить, — пишет Шахазиз, — что на меня, как и на все мое поколение, оказали сильное воздействие эпоха реформ и ее отражение в русской умственной жизни... В товарищеском кругу я принадлежал к числу тех молодых людей, которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, например за „Современником", и затрагивавшимися в них вопросами... Из „Современника" 1859 года взят эпиграф к одной из песен „Скорби Левона". Прочитанное мною стихотворение Добролюбова „Милый друг, я умираю" внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти так же, но носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян» [1].

Смбат Шахазиз был первым из армянских писателей, упоминавшим имя Добролюбова; он же и первый переводчик его стихотворений.

Еще в 1864 году он перевел небольшое стихотворение (из двух четверостиший) Добролюбова «Милый друг, я умираю». Шахазиз настолько был увлечен идеей стихо-

---

[1] Ю. Веселовский, Русское влияние в современной армянской литературе, М., 1909, стр. 14.

творения, что впоследствии дополнил его текст, и получилось новое чудесное патриотическое стихотворение из семи четверостиший.

В те же годы были переведены на армянский язык литературно-критические, а также политические и исторические труды Добролюбова. Так, журнал «Айкакан ашхар» («Армянский мир») в нескольких своих номерах печатал известную статью Добролюбова «Отец Александр Гаваци и его проповеди», посвященную итальянскому освободительному движению.

Журнал «Айкакан ашхар», на страницах которого ранее печатались статьи Белинского, стихотворения Некрасова, Огарева, Михайлова, в 1868—1869 годах напечатал вторую работу Добролюбова — «О значении авторитета в воспитании». В этой замечательной работе Добролюбов с революционно-демократических позиций рассматривал животрепещущие проблемы педагогики, обращая особое внимание на вопросы воспитания. Этот перевод был важным вкладом в армянскую педагогику и стал сильным оружием в руках прогрессивных армянских педагогов в их борьбе с проповедниками клерикально-реакционного воспитания.

В 70—80 годах имя Добролюбова уже стало широко известно в кругах армянской интеллигенции. Вопреки всем рогаткам, расставленным царской цензурой, имена Добролюбова и Чернышевского появлялись на страницах армянской прессы. Армянские писатели не только читали и изучали произведения Добролюбова, но и цитировали их как непревзойденные образцы критической мысли.

В середине прошлого века из недр армянского народа вышел на арену политической и литературной деятельности его великий сын — Микаэл Налбандян.

Многие годы его жизни и творческой деятельности были связаны с Москвой, с демократическими кругами русской общественности, с представителями русской науки и литературы. Он приехал в Москву впервые в июле 1853 года. Ему было двадцать три года, но он уже получил боевое крещение на политическом поприще. В деле представителей армянской реакционной буржуазии (халибовская партия) в Нахичевани — бесконтрольное расходование церковных сумм — М. Налбандян выступил непримиримым обличителем. Вскоре он вынужден был уехать из Нахичевани. Куда же? Стремление к знаниям, к культуре русского народа привело его в Москву. Он обратился в Ла-

заревский институт с просьбой предоставить ему место учителя армянского языка. Но для этого нужно было иметь звание учителя. Налбандян получил его в Петербурге в том же 1853 году, показав отличные знания. Однако в должности младшего учителя армянского языка в Лазаревском институте ему не довелось долго работать. Он был арестован в январе 1854 года по распоряжению московского полицмейстера. Нахичеванский магистрат потребовал отправить Налбандяна под конвоем в Эчмиадзин. Там намечалось свершить над ним суд и расправу при помощи католикоса. Налбандян сумел вырваться из рук полиции. Помогло заступничество друзей. Он решил поступить в Московский университет.

Его прогрессивно-демократическое мировоззрение формировалось в период пребывания в Московском университете, где в то время распространялся «Колокол» Герцена, где молодежь чутко и отзывчиво внимала «могучей проповеди» Чернышевского.

Налбандян учился в университете с 1854 по 1857 год, несмотря на отказ принять его вольнослушателем медицинского факультета, учился в самом широком смысле слова. Учился на лекциях у профессора И. Т. Глебова, отстаивавшего материалистическую точку зрения на деятельность живого организма, у профессора А. И. Полунина, ревностного поборника научно-рационалистической медицины, у профессора Ф. И. Иноземцева, активного общественника. Он учился, вращаясь в среде студентов, в числе которых на одном факультете с ним занимались И. М. Сеченов, С. П. Боткин и другие будущие знаменитости. Учился по книгам, проявляя исключительное трудолюбие, чтобы затем принести пользу родному народу. Он так и писал брату: «Став здесь врачом, я могу и моим родным и моим соотечественникам всячески помочь». Учился у передовых людей того времени, познакомившись с ними в Москве. Например, глубокую любовь и уважение питал он к К. Ф. Рулье, основателю русской школы зоологов в Московском университете, человеку материалистических воззрений. Он поддерживал связь с убежденным дарвинистом и крупным общественным деятелем А. П. Богдановым и другими.

Мы вправе сказать, что на всю жизнь, на все мировоззрение Налбандяна Московский университет оказал сильнейшее влияние. Здесь оформились его взгляды и убеж-

Воспитанники Московского университета. Снизу в третьем ряду слева второй М. Налбандян. Снизу в первом ряду слева второй Е. Вахтангов.

дения, приведшие его на путь борьбы против царского самодержавия — врага всех народов России.

В конце 50-х годов Налбандян установил непосредственные связи с революционными организациями в России, с группой Герцена и с польскими революционерами.

Налбандян был одним из членов тайного общества «Земля и воля» и принимал непосредственное участие в обсуждении статьи Огарева «Что нужно народу?», ставшей его политической программой [1].

Основные идеи этой статьи нашли свое отражение в книге «Земледелие как верный путь» М. Налбандяна. В письмах М. Бакунина содержится свидетельство, что Огарев лично занимался вопросом транспортировки в Россию произведения Налбандяна.

В книге «Земледелие как верный путь» Налбандян подчеркивал неизбежность и близость краха русского самодержавия, австрийской монархии и турецкого султанизма, на обломках которых должна была, по его воззрениям, возникнуть новая, демократическая жизнь. Он писал:

«Мы добровольно посвятили себя делу отстаивания народных прав. Пера своего и себя мы не посвятили богачам... Но тот злосчастный армянин, тот забитый, жалкий нищий, голый и голодный армянин, угнетаемый не только чужеземцами и варварами, но и своими богачами, своим духовенством... вот этот армянин со всей своей справедливостью привлекает наше внимание, вот ему, не колеблясь ни минуты, мы посвятили все свои силы. Защищать попранные права этого армянина — вот в чем подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, а будем стремиться не только пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь доведется нам взять оружие в руки, добиться свободы и омыть ее своей кровью» [2].

Вместе с русскими революционными демократами он боролся за свободу и национальную независимость армянского народа, сплачивал, воодушевлял армянских демократов, готовя их к крестьянской революции.

---

[1] М. Лемке, Примечание к Полн. собр. соч. А. И. Герцена, М., 1919, т. 11, стр. 136.

[2] М. Налбандян, Полн. собр. соч. (на арм. яз.), т. 3, 1940, стр. 23—24.

Налбандян считал возможным прийти к социализму в результате национально-демократического, народно-крестьянского движения. Это должно было привести к уничтожению крепостнических порядков и оков клерикализма, обеспечить народу национальную независимость в условиях демократической республики и экономическую обеспеченность. Последнее, по мысли Налбандяна, было важнейшим условием осуществления его просветительских идей. Он чрезмерно преувеличивал роль просвещения, не был свободен от идеалистического понимания общественного развития, но при всем этом, как пламенный патриот, всем сердцем, всеми силами своего таланта, как социолог, философ, экономист, публицист и поэт, боролся за интересы и свободу армянских трудовых масс против царского самодержавия, клерикально-феодальной реакции, против буржуазного либерализма.

Налбандян — один из первых армянских мыслителей, осознавших единство интересов трудящихся масс армянского и русского народов. Его революционное чутье привело к пониманию необходимости связать национально-освободительное движение армянского народа с русским революционно-демократическим движением, и это определило те идейно-политические и философские связи с русской революционной демократией, которые он всемерно развивал.

Глубоко созвучны были для Налбандяна идеи передовой русской литературы, оказавшей на него свое благотворное влияние. Пушкин и Лермонтов были его любимыми писателями. Он перевел на армянский язык «Черкесскую песню» из «Кавказского пленника» Пушкина, «Пророк», «Ветку Палестины», «Спор» и другие произведения Лермонтова, разумеется отнюдь не случайно выбрав именно эти произведения. Влияние великих русских поэтов прослеживается в оригинальном поэтическом творчестве Налбандяна, в таких произведениях, как «Жизнь», «Поэт», «Дни детства». В 50-х годах прошлого века в споре о наследии Пушкина Налбандян принял сторону Чернышевского и Добролюбова, утверждая:

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотразимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь.

Передовая часть русского общества того времени высоко ценила Налбандяна как поборника идей Белинского и Чернышевского, как революционного демократа, интернационалиста.

В одном из писем к Н. Серно-Соловьевичу Герцен и Огарев писали о Налбандяне: «N (под этой буквой в шифре значился Налбандян. — *А. А.)* золотая душа, преданная бескорыстно, наивно до святости... Поклонитесь ему, это — преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его» [1].

Когда в 1865 году сенат объявил Налбандяну приговор «...оставить в сильном подозрении и затем, как личность неблагонадежную, предоставить министру внутренних дел выслать в один из отдаленных городов России под строгий надзор полиции» [2], Герцен писал своему сыну, который был другом Налбандяна: «Серно-Соловьевич и все coaccusés [3], следовательно и Налбандов, отделались удивительно...». Герцен опасался, что приговор будет более суровым, и радовался тому, что этого не случилось.

К этому времени за плечами Налбандяна уже было три года заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, подорвавших его здоровье. Он умер в 1866 году от туберкулеза, будучи сосланным в г. Камышин Саратовской губернии.

Деятельность М. Налбандяна отличалась поистине энциклопедической разносторонностью. С его именем связан целый этап истории развития армянской общественной и политической мысли. Он был глашатаем революционно-демократических идей и материалистической философии среди армянского народа, поборником братской дружбы народов России и Армении.

«Русский народ, — писал М. Шолохов, — глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева» [4].

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, Госиздат, 1920, т. 15, стр. 219.

[2] М. Лемке, Очерки освободительного движения 60-х годов, Спб, 1908, стр. 211—223.

[3] А. Герцен, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 92.

[4] М. Шолохов, Впервые опубликовано в сборнике «Дружба», 2 изд., Гослитиздат, М., 1957, стр. 258.

В 80-е годы XIX века значительнейшим событием в армянской культурной жизни явилась деятельность гениального артиста Петроса Адамяна, выступившего в лермонтовском «Маскараде». В памяти современников глубоко запечатлелась блестящая игра артиста в роли Арбенина, всю глубину и сложность душевных переживаний которого П. Адамян передал с исключительной реалистической силой и мастерством. Репертуар великого артиста из русской драматургии не ограничился только ролью Арбенина. Он явился одним из блестящих исполнителей таких трудных ролей, как Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя, Жадов в «Доходном месте» Островского, Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова. Игра П. Адамяна в роли Чацкого вызвала высокую оценку тогдашней критики, в частности такого большого мастера русской сцены, как Немирович-Данченко.

Великий артист был наделен большим чувством и хорошим вкусом. Он прекрасно понимал, какую возможность представляли произведения русских писателей для пропаганды демократических идей, и использовал такое мощное средство.

Таким образом, еще со времени Радищева и декабристов, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова шло непрерывное тесное общение на почве дружбы и совместной борьбы передовых представителей русского и армянского народов во имя свободы и прогресса.

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ АРМЯНО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ И СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(80-е гг. XIX в. — 1920 г.)

Борьба В. И. Ленина за создание марксистской партии нового типа. ★ И. Х. Лалаянц о встречах с В. И. Лениным. ★ Ленинская «Искра» и «Союз армянских социал-демократов». ★ Из переписки В. И. Ленина с С. Шаумяном, С. Спандаряном. ★ Большевистская листовка на армянском языке со стихами А. С. Пушкина. ★ О. Туманян о русской литературе. ★ С. Шаумян и С. Спандарян против травли А. М. Горького буржуазной критикой. ★ Письмо Горького А. Ширванзаде. ★ «Сборник армянской литературы» под редакцией А. М. Горького и его мысли о взаимодействии и взаимовлиянии национальных литератур. ★ Встречи А. М. Горького и А. П. Чехова с А. А. Спендиаровым. ★ «Поэзия Армении» под редакцией В. Брюсова. ★ А. Акопян — поэт революции. ★ В. Терьян — певец армяно-русской дружбы. ★ А. Исаакян о родстве национальных литератур. ★ Поэмы о В. И. Ленине — Е. Чаренца. ★ Семья Маяковских в Армении. ★ А. Ф. Мясникян и С. А. Тер-Петросян (Камо) о встречах с В. И. Лениным. ★ В. И. Ленин о победе Советской власти в Армении. ★

Восьмидесятые годы прошлого века знаменуют собой распространение марксизма в России. Интересно отметить, что вместе с В. И. Лениным и его друзьями в первых марксистских кружках, боровшихся за освобождение трудящихся от векового гнета и эксплуатации, находились и сыны армянского народа. И среди них одним из первых участников революционного движения в России был Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933). Революционная деятельность И. Х. Лалаянца началась еще в Казани в 1888—1889 годах, где он состоял членом кружка Н. Е. Федосеева. За революционную деятельность он в 1889 году был исключен из Казанского университета. Дальнейшая жизнь профессионального революционера, подпольщика И. Х. Лалаянца протекала в различных городах России. Накануне 1893 года он был арестован и выслан в Самару.

«Сборы были недолгие, — вспоминает И. Х. Лалаянц. — Имевшиеся в моем распоряжении дни ушли на то, чтобы бегать по знакомым, разузнавать, что представляет собою Самара, и раздобыть хоть какие-либо связи и явки в ней, чтобы не чувствовать себя каким-то Робинзоном в новом городе».

Как известно, по одному из полученных адресов И. Лалаянц попал в Самаре к Долгову.

«На другой день я отправился к Долгову. Старик-добряк, много перевидавший на своем веку, жил одиноко и принял меня очень ласково и радушно. Сообщив необходимые в таких случаях сведения о себе и последние новости из Рязани, я стал слушать его рассказы о прошлых временах и о жизни в Самаре...

Тут кто-то постучался — вошел молодой человек лет 22—23, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мною стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-то сразу располагающий к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич... Поговорив еще немного, мы простились с Долговым и вышли вместе.

По дороге у нас постепенно завязался интересный разговор, что дало нам возможность ближе познакомиться друг с другом; я рассказывал все, что мог, о казанской жизни и в свою очередь с большим интересом выслушал все, что Владимир Ильич успел передать мне о Самаре в этот первый вечер нашего знакомства. Наша беседа, естественно, перешла на тему о народниках и марксистах, и мы оба настолько увлеклись, что не заметили, как дошли до дверей его квартиры, и так как это было на самом интересном месте его беседы, то Владимир Ильич заявил, что проводит меня «немножко» обратно. Дойдя незаметно до моей квартиры, я в свою очередь предложил ему то же самое... И вот таким-то образом, провожая друг друга каждый раз «еще немножко», мы проделали еще четыре конца. Наконец, решили, что все равно нам всего не переговорить, и где-то на полдороге, крепко пожав друг другу руки, разошлись по домам, условившись, что завтра вечером он поведет меня знакомить с кой-какой публикой и прежде всего со своим близким другом А. В. Поповым (А. П. Скляренко).

Так-то произошло впервые мое знакомство с Владимиром Ильичем. Вернувшись домой, я долго не хотел ложиться спать, ходил из угла в угол по комнате, чувствовал какой-то радостный подъем в душе, перебирал в голове до мелочей все наши разговоры с ним. Он действительно произвел на меня тогда замечательное впечатление. В этом двадцатитрехлетнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждений и определений — с другой. Самара сразу же перестала мне казаться такой глушью, и я уже после этой первой встречи был рад, что выбрал себе именно ее» [1].

В Самаре в 1893 году организовался один из первых марксистских кружков в России, куда входили В. И. Ленин, А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянц. Но произведенные охранкой аресты революционеров в Самаре заставили Лалаянца в 1895 году покинуть Самару и переехать в Екатеринослав. Как известно, В. И. Ленин горячо поддержал Лалаянца в его решении о переезде в Екатеринослав и ука-

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, Госполитиздат, М., 1956, стр. 101—102.

зал ему несколько фамилий революционеров-подпольщиков, проживающих в Екатеринославе.

В Екатеринославе И. Х. Лалаянц участвовал в создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в подготовке I съезда РСДРП, редактировал нелегальную социал-демократическую газету «Южный рабочий», а накануне 1 мая 1900 года был арестован, а два года спустя сослан в Сибирь. Отсюда он бежал за границу. В Женеве Лалаянц заведовал типографией ленинской «Искры». В 1903 году, по окончании II съезда РСДРП, он как агент ЦК партии стал одним из организаторов Бюро южных большевиков России, занимавшегося подготовкой III съезда РСДРП. В 1905 году Лалаянц был сослан на пять лет в Вологодскую губернию. Отсюда он бежал и в Петербурге продолжал свою подпольную революционную деятельность в качестве агента ЦК партии. Как один из организаторов конференции военно-боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе, он выступил с докладом о роли партии в вооруженном восстании. По окончании конференции Лалаянц вновь был арестован и после двухлетнего тюремного заключения сослан сроком на шесть лет на каторгу. Царская охранка зорко следила за ним, и в 1913 году, по отбытии срока, он был выслан в Сибирь на вечное поселение.

О личной дружбе великого Ленина с И. Х. Лалаянцем свидетельствуют воспоминания сестры Владимира Ильича — А. И. Ульяновой-Елизаровой.

«Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его старый самарский знакомый И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты „Южный рабочий". Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы щупальцы во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки» [1].

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, Госполитиздат, М., 1956, стр. 48.

Канун XX века явился новой вехой в развитии дружбы русского и армянского народов. К этому времени русский рабочий класс вышел на историческую арену как могучая политическая сила. Волны рабочего движения докатились и до Закавказья.

Широкие размеры приняло издание листовок. Ленинская «Искра» в сентябре 1902 года писала, что «прекрасно написанные прокламации выходили на русском, грузинском и армянском языках и заполняли все кварталы Тифлиса».

В 1902 году в Закавказье оформляется «Союз армянских социал-демократов». Союз представлял собой группу искровцев, которая в конце 1902 года организационно слилась с Тифлисским комитетом РСДРП. При активном участии С. Шаумяна и Б. Кнунянца Союз приступает к созданию нелегальной социал-демократической газеты. В октябре 1902 года при участии Степана Шаумяна, а также Б. Кнунянца, А. Зурабяна и С. Ханояна выходит первый армянский печатный орган ленинско-искровского направления — газета «Пролетариат».

Девизом газеты был боевой призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Под заголовком стояло: «Российская социал-демократическая рабочая партия».

Руководствуясь положениями «Искры», «Пролетариат» вел борьбу с «экономистами», оппортунистами, защищал ленинские принципы построения партии и большое место уделял вопросам теории марксизма. Газета вела непримиримую борьбу с буржуазными националистами, разоблачала их предательские замыслы.

В первом номере «Пролетариата» в качестве передовой публикуется «Манифест армянских социал-демократов».

В манифесте говорилось:

«Являясь одной из ветвей Российской социал-демократической рабочей партии, широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, „Союз армянских социал-демократов" вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности».

Этому манифесту В. И. Ленин посвятил специальную заметку, в которой писал:

«Мы от всей души приветствуем Манифест „Союза армянских социал-демократов" и особенно замечательную

попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу» [1].

Так, под руководством партии большевиков, под непосредственным руководством В. И. Ленина и его учеников С. Шаумяна и С. Спандаряна революционное рабочее движение в Армении с первых же шагов слилось с борьбой русского пролетариата.

В 1904 году в Женеве под руководством В. И. Ленина при ЦК РСДРП была создана комиссия по изданию социал-демократической литературы на армянском и грузинском языках.

В 1904 году на армянском языке были изданы «Манифест Коммунистической партии», «Извещение о II съезде РСДРП» и другая литература.

В упомянутой комиссии деятельное участие принял Степан Шаумян. Он перевел на армянский язык «Манифест Коммунистической партии» и обеспечил перевод и распространение большевистской литературы среди трудящихся Армении. Когда в 1904 году армяне-студенты, учившиеся в Петербурге, предприняли издание сборника большевистской литературы, они обратились к Шаумяну с просьбой передать В. И. Ленину, что хотели бы включить в сборник ленинскую статью.

Горячо сочувствуя начинаниям молодежи, Степан Шаумян пишет В. И. Ленину 28 ноября 1904 года:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Спешу выполнить одно поручение, присланное мне из Петербурга, через одного товарища, группой студентов армян. Эта группа решила издать легальный марксистский сборник на армянском языке... Группа поручает мне также просить Вас и Плеханова, если у Вас найдется время, принять участие в сборнике. Во главе предприятия стоит товарищ, лично мне хорошо известный, работавший в прошлом году в Тифлисском комитете (из „твердокаменных"). Прошу Вас, если время Вам позволит и если есть у Вас что-нибудь готовое, не отказать. Сбор с этого издания пойдет, без сомнения, в пользу партии, и, что самое главное, издание, в случае если оно осуществится в том виде, как оно задумано, будет иметь громадное значение для армянских читателей, в особенности для одного, довольно многочисленного слоя нашей средней интеллигенции, из которой вербу-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 6. стр. 293.

С. Шаумян и С. Спандарян.

Площадь В. И. Ленина в Ереване.

ются теперь наши пропагандисты. Это окончившие курсы средних духовных учебных заведений, не знающие русского языка.

Будьте добры, передайте эту просьбу также тт. Богданову и Луначарскому. Я не имею возможности непосредственно просить их. Плеханову напишу сам.

В ожидании ответа, с приветом и пожеланиями, преданный Вам С. Шаумян» [1].

Тогда же, в 1904 году, по возвращении в Тифлис, С. Шаумян был избран членом Кавказского союзного комитета РСДРП. К этому времени газеты «Брдзола» и «Пролетариат» были объединены. Органом Кавказского Союза РСДРП стала газета «Борьба пролетариата», выходившая на русском, грузинском и армянском языках.

В ответ на приглашение Кавказского союзного комитета сотрудничать в «Борьбе пролетариата» В. И. Ленин пишет 20 декабря (по новому стилю) 1904 года:

«Дорогие товарищи! Получил Ваше письмо насчет „Борьбы Пролетариата". Постараюсь писать и передам товарищам по редакции. Занят теперь усиленно работой для нового органа. Вам послали уже подробное письмо на этот счет. Откликнитесь поскорее и посылайте, пожалуйста, побольше, побольше и побольше рабочих корреспонденций. От Вас зависит теперь успех органа в особенности, ибо начало особенно трудно» [2].

Откликнувшись на призыв вождя, Кавказский союзный комитет мобилизовал группу литераторов для содействия новому органу партии.

В 1905—1906 годах С. Шаумян по поручению Кавказского союзного комитета РСДРП вел революционную пропаганду в Ереване, Алаверди, Александрополе (Ленинакане) и других городах Армении, сплачивая местные организации РСДРП, направляя их деятельность.

Первого апреля 1906 года по заданию Кавказского большевистского центра С. Шаумян организовал в Тифлисе издание большевистской газеты «Кайц» («Искра») на армянском языке. Членом редколлегии и редактором этой газеты вскоре был избран также С. Спандарян — крупный мастер агитации и пропаганды большевистского слова.

---

[1] С. Г. Шаумян, Избранные произведения. Госполитиздат, М., 1957, т. 1, стр. 23—24.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 240.

О том, как С. Спандарян заботился, чтобы каждое обращение к рабочим, каждое большевистское слово доходило до рабочего класса, свидетельствует его письмо к Е. Д. Стасовой: «Дорогой друг! Прошу вас все иностранные слова заменить истинно русскими. Ведь рабочим это будет понятнее...» [1].

В. И. Ленин учит, что одним из самых необходимых и решающих условий освобождения многонационального кавказского пролетариата и крестьянства из-под влияния буржуазии и помещиков и вовлечения их во всероссийскую пролетарскую борьбу за социализм является беспощадная борьба против национализма. С. Спандарян вел решительную борьбу против националистов всех мастей. При этом главной мишенью С. Спандарян избрал заклятого врага армянского народа — армянскую буржуазно-националистическую партию «дашнакцутюн».

Разоблачая попытки дашнаков отвлечь внимание армянских трудовых масс от общих революционно-политических задач российского пролетариата, С. Спандарян писал:

«Перед нами — великая и ответственная обязанность: объединенными силами, вместе с пролетариатом России вести беспощадную борьбу против деспотизма» [2].

Труды классиков марксизма, большевистские газеты и листовки, повседневная работа большевистских организаций озаряли светом научного социализма каждое явление, с которым сталкивались пролетарии Армении, повышали их революционную сознательность, воспитывали их в духе пролетарского интернационализма, знакомили с опытом борьбы русского пролетариата, вооружали для борьбы против предателей — меньшевиков и буржуазных националистов.

В 1905—1907 годах, в период первой буржуазно-демократической революции в России, трудящиеся Армении организовали в городах и селах ряд восстаний против самодержавных порядков и эксплуататоров, выступая под лозунгами большевиков. Под руководством русского рабочего класса армянский народ рука об руку с другими народами шел против ненавистного самодержавия, против власти помещиков и капиталистов.

---

[1] С. Спандарян, Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 280.

[2] С. Спандарян, Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 64.

Организатором и мудрым руководителем этой борьбы была большевистская партия, в рядах которой неутомимо боролись ученики и ближайшие соратники В. И. Ленина — С. Шаумян, С. Спандарян, Б. Кнунянц, А. Микоян, а также тысячи рядовых членов большевистской партии — сынов трудовой Армении.

Партия неутомимо воспитывала народы в духе пролетарской солидарности и пролетарского интернационализма, создавая новую плодотворную основу для укрепления давней дружбы русского и армянского народов.

Достижению этой цели способствовали также передовые представители культуры обоих народов.

В своем выступлении «За связь литературы и искусства с жизнью народа» тов. Н. С. Хрущев еще раз напомнил, что «В современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной, и в этой борьбе не может быть нейтральных» [1].

Для современной буржуазной идеологии характерно человеконенавистническое «учение» о высших и низших расах, разобщающее народы и сеющее между ними рознь.

Социалистическая идеология, напротив, провозглашает и осуществляет идею дружбы народов, воспитывает в массах дух пролетарского интернационализма. Благоприятную почву для пропаганды дружбы народов создают лучшие традиции литературной и художественной деятельности передовых творцов литературы и искусства русского и армянского народов.

Еще в конце прошлого века в Армении в изданиях на русском языке и в переводах широко были известны и высоко ценились произведения Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Толстого, Тургенева, Островского, Некрасова, Щедрина.

Выступив в 1902 году по поводу юбилея армянского писателя Газароса Агаяна, С. Шаумян заявил, что говорит от имени той молодежи, которая «вооружена новым мировоззрением и крещена в новейшей русской революционной купели». Борясь против буржуазных националистов фальсифицирующих марксизм, С. Шаумян говорил:

«И надо бичевать и преследовать их не только потому, что они эксплуатируют и оскверняют это великое учение (марксизм. — *А. А.*), но и во имя чистоты литературных

[1] «Коммунист», журнал, № 12 за 1957 год.

нравов вообще, во имя священных заветов, оставленных нам Белинским и Чернышевским» [1].

Старейший писатель М. Арази, учившийся вместе с Шаумяном в Тифлисском реальном училище, рассказывает в своих воспоминаниях, что, помимо историко-политических интересов, в годы учения Шаумяна особенно привлекала литература. Он обладал тонким вкусом и был одним из тех редких читателей, которые умеют зачитываться книгой, как бы переживать ее содержание вместе с автором. Он читал и русских и иностранных известных писателей. Любил поэзию. Заходя к нему, я часто слушал отрывки из произведений тех или иных поэтов; читал он с чувством. Из классиков мировой литературы он помнил напамять Байрона, Гете, Гейне, Шекспира, из русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Впоследствии его внимание привлек русский поэт-народоволец Якубович, писавший в Сибири за подписью «П. Я.».

С ленинских позиций расценивал Шаумян историческую роль Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Толстого, Горького.

В 1910—1912 годах Шаумян выступил с рядом статей против буржуазных публицистов и литературных критиков.

Известен чрезвычайно интересный исторический эпизод, показывающий, как ценили русскую литературу и использовали ее в интересах революционной борьбы большевики Закавказья.

...Это было в 1903 году. Нужно было издать листовку к Первому мая. Требовался текст, бичующий царское самодержавие, но ни один из предложенных не оказался подходящим. Тогда С. Шаумян достал из кармана одно из стихотворений А. С. Пушкина и предложил строфу из него выпустить листовкой. Предложение было принято, но возникло затруднение с переводом пушкинского стихотворения на армянский язык. С. Шаумян обратился за помощью к поэту Ованесу Туманяну. Последний горячо взялся за порученное дело, тотчас же экспромтом перевел четверостишие и передал его Шаумяну. Заработала нелегальная типография. И вскоре большевистская листовка, размноженная в тысячах экземпляров, разнесла по городам и селам Арме-

[1] С. Г. Шаумян, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1957, т. 1, стр. 418.

нии гневные, обличительные слова А. С. Пушкина, сказанные по адресу самодержавия:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...

Великий армянский поэт О. Туманян в своем обширном и многогранном творчестве отображал жизнь своего народа, его заветные думы и чаяния. Он по праву вошел в число лучших поэтов, творчество которых принадлежит всем народам Советского Союза.

Интерес к великой русской литературе со стороны армянских писателей был исторически подготовлен всей историей Армении.

В одной из своих статей («Светлые страницы») Ованес Туманян писал: «Из армянского народного эпоса видно, что на Армению опасность надвигалась всегда со стороны юга и востока и туда всегда направлялся меч Давида Сасунского для самозащиты». Север, Россия, русский народ несли Армении избавление от самых ужасных форм подавления, от резни, от национального уничтожения. Отношение к русскому народу как к великому другу в деле национальной самообороны рождало живой интерес к русской культуре, к русской литературе.

В ней же Туманян нашел поддержку и своим национальным и своим социальным чаяниям, нашел высочайший образец соединения благородных идей с совершенной художественной формой.

И представители этой литературы в свою очередь высоко оценили его заслуги.

Валерий Брюсов в стихотворении, адресованном О. Туманяну — «Поэту, блистательной звезде светлого трехзвездия армянской поэзии», в 1916 году писал:

...Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! Создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.
Пусть звезды, малые и крупные,
Тебя кропят, пронзая мглу,
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!

В 1902 году, отвечая на письмо Ю. Веселовского, О. Туманян подчеркивал, что влияние русской литературы он не искал в том или другом произведении, так как «...никогда сознательно не подражал ни одному поэту, — а чувствовал в своей душе, в литературных вкусах, в мировоззрении». «Я нашел, что произведения русских поэтов знакомы мне еще с детства и так полюбились мне, что, несомненно, должны были оказать на меня влияние.

...Некоторые из этих стихотворений я перевел на армянский язык, например: „Мцыри", „Ангел", „Желание", „Я не хочу, чтоб свет узнал", „Утопленник", „Заклинание", „Песнь о вещем Олеге" и романсы» [1].

У многих предшественников О. Туманяна, армянских поэтов, судьба сложилась так, что им приходилось творить далеко от родины, и поэтому в их произведениях не получали отражения быт, нравы, природа родной страны. И потому, пишет Туманян, русские поэты, главным образом Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими, чем наши армянские поэты (речь идет о поэтах предыдущего поколения).

Далее, говоря о Лермонтове, Туманян указывает:

«Вообще во многих своих поэмах и стихотворениях Лермонтов замечательно талантливо воспевает Кавказские горы, изображает народные обычаи и легенды... Как уроженец Кавказа и горный житель, я люблю эти песни и поэмы... Хотя любовь к горам и тоска по жизни в горах и без того свойственны моей душе, но русские поэты дали мне уже самую форму поэмы, какую носят многие мои произведения... Потому что в нашей литературе раньше таких поэм совсем не было».

И когда в 1920 году пришел день долгожданного освобождения, когда армянский народ взял свою судьбу в свои собственные руки и установил у себя, вслед за старшим русским братом, Советскую власть, Ованес Туманян, признанный глава армянской литературы, приветствовал новую власть трудящихся прочувствованными, от всей души идущими словами. Он опубликовал статью «Ревкому Армении».

«Алчная и преступная политика союзных государств, — писал Туманян, — несамостоятельность и политическая близорукость армянских руководящих кругов, дикая, безудержная армяно-татарская вражда довели Армению до рокового

[1] О. Туманян, Избранное, Гослитиздат, М., 1946, стр. 400.

состояния. Отчаявшийся и покинутый всеми, армянский народ устремил свой взор снова в сторону России. И она пришла, новая Россия. Теперь новой, свободной России дано не только освободить армянский народ от надвигающейся опасности, но и обеспечить ему политическую независимость... повести армян по пути честной, трудовой жизни.

Малые страны — это источник наживы для алчных, бесстыдных и могучих империалистических держав. Новая Россия выводит эти страны из их рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества, и вот, наконец, будет создана сила, в которую поверят народы» [1].

Во многом уже сбылись и сбываются в наши дни эти пророческие слова великого армянского поэта О. Туманяна.

Сыны большевистской партии С. Шаумян и С. Спандарян в своих выступлениях неоднократно защищали от нападок буржуазных националистов и черносотенцев прогрессивную культуру русского народа.

В 1910 году, когда царское правительство еще более усилило жандармский контроль над русской литературой, С. Спандарян писал: «Многострадальная русская литература опять подвергается новым преследованиям, новым карам, и мысль, скованная новыми узами, будет биться в тяжелых тисках. Национальная гордость и сокровищница наша, покорившая мир литература, будет у себя дома подвергаться... осуждению со стороны пуришкевичей в рясах» [2].

Спустя год С. Спандарян говорил, что «русская литература завоевала и покорила весь мир, а русская наука заняла почетное место в ряду других стран...» [3].

С. Спандарян называл Белинского, Герцена, Огарева и других великих сынов русского народа светочами русской жизни.

Вся жизнь С. Спандаряна — ярчайший пример братской русско-армянской дружбы, сердечной, искренней, глубокой.

Вот некоторые эпизоды из его жизни.

Декабрь 1905 года. Красная Пресня. Баррикады. Рядом с С. Спандаряном падает смертельно раненый его друг — русский рабочий по имени Тимофей. И Спандарян до

---

[1] О. Туманян, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1946, стр. 408.

[2] С. Спандарян, Статьи, письма, документы, Ереван, 1940.

[3] Там же.

конца своих дней носил партийную кличку Тимофей, память о погибшем друге.

Или вот его молодые годы. Классик армянской литературы романист Нар-Дос рассказывает в своих воспоминаниях о Спандаряне: «Он глотал книги буквально одним духом. И вряд ли можно было найти в современной русской литературе какой-либо известный, но им не прочитанный беллетристический или научный труд» [1].

В 1912 году Спандарян был выслан в Тифлис под надзор местной полиции. О нем и его престарелом отце трогательную заботу проявляют В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Им известно, что престарелый Спандар Спандарян живет где-то рядом, в Париже. 5 мая 1912 года Ленин и Крупская навестили его. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала: «В Париже жил отец Сурена. Мы пошли с Ильичем к нему, чтобы подробнее узнать об аресте сына. Отец Сурена, больной старик, жил одиноко и заброшенно, не было у него денег, нечем ему было даже заплатить за квартиру... Ильичу ужасно стало жалко старика... Мы ему помогли небольшим займом» [2].

В марте 1915 года, находясь в ссылке в Сибири, в селе Монастырском, вместе с И. Сталиным, С. Спандарян писал Ленину: «Здравствуйте, дорогой Владимир Ильич! Сейчас Иосиф у меня гостит, и захотелось послать Вам наш привет. Как живете? что поделываете? каково настроение? Напишите, что можете. Жаждем живого слова. Будем ожидать от Вас письма.

Сурен» [3].

С первых лет нынешнего века впервые на родном языке армянский народ стал читать произведения великого пролетарского писателя, гениального мастера художественного слова А. М. Горького. Еще в 1900 году на страницах газеты «Мшак» и иллюстрированного журнала «Тараз» печатались «Песня о Соколе» и некоторые рассказы Горького. В 1901 году в Тифлисе С. Шаумян перевел и издал рассказ Горького «Однажды осенью». Еще молодой, но уже известный

---

[1] «Мартакоч» (газета), № 219, 1926.

[2] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, М., 1957, стр. 185.

[3] С. Спандарян, Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 285.

тогда поэт А. Исаакян перевел «Песню о Буревестнике». Это было сделано сразу же, как только это знаменитое произведение Горького появилось в печати. А. Исаакян впоследствии с гордостью вспоминал, что он «имел честь первым перевести» это произведение на армянский язык. После Исаакяна несколько переводов было сделано другими армянскими поэтами, в том числе Егише Чаренцем.

К 1906 году армянские читатели уже знали Горького по многим другим переводам его рассказов, таких, как «Макар Чудра», «Челкаш», «Двадцать шесть и одна», «Старуха Изергиль».

Произведения Горького переводили известный революционер А. Мравян, Нар-Дос, А. Акопян, М. Арази и другие.

С. Шаумян, С. Спандарян выступали с горячей защитой А. М. Горького от нападок буржуазной критики. В 1911 году С. Шаумян, разоблачая на страницах большевистской газеты «Современная жизнь» буржуазных критиков С. Айвазова и Гр. Старцева, пытавшихся извратить идейную сущность произведений Горького, писал:

«В настоящее время вы не найдете ни одной так называемой „прогрессивной" газеты, столичной или провинциальной, которая время от времени, в той или другой форме, сознательно или бессознательно не мстила бы Горькому за то, что он отвернулся от „общества" и „пошел к рабочим"...». Между тем, указывал С. Шаумян, «...в русской литературе, по крайней мере современной, мы не знаем другого писателя, до такой степени морально чуткого и чистого, как Горький». Свою статью о Горьком С. Шаумян закончил следующими словами: «Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы... рабочие с гордостью могут заявить — да, Горький наш! Он наш художник, наш друг и соратник в великой борьбе за освобождение труда» [1].

В этой же статье он писал: «Максим Горький — любимец русских рабочих. И это вполне понятно. Выходец из народных „низов", писатель-самоучка, он развил в себе крупный художественный талант. Затем, достигнув вершин литературной славы, сделавшись кумиром официальной читающей публики, он пришел в своем естественном развитии к рабочим, которым принес свой художественный талант, стал под одно с ними знамя, сделался их певцом и бытописателем».

---

[1] «Современная жизнь», № 1, 1911.

А. М. Горький хорошо был знаком с армянской литературой. Знакомство это зародилось в 1891—1892 годах в Тифлисе. Среди знакомых Горького были известные армянские писатели, публицисты, редакторы, композиторы и другие. Тогда же, в конце 90-х годов и позже, армянская прогрессивная печать широко раскрыла для творчества Горького свои страницы. Его произведения переводили на армянский язык, кроме вышеупомянутых, также С. Шаумян, О. Туманян, А. Исаакян и многие другие.

В литературном музее Армении хранится письмо А. М. Горького А. Ширванзаде, который прислал великому писателю восторженный отзыв о «Детстве»:

«Уважаемый собрат! — писал Алексей Максимович. — Ваша похвала глубоко тронула меня своей искренностью,— сердечно благодарю Вас! Знаю, что слова Ваши слишком лестны для меня, не сомневаюсь, что не заслужил такого отношения с Вашей стороны.

Но Вы писатель, человек, живущий всеми скорбями и радостями мира. Вы сами знаете, как ценно, радостно знать, что Ваше слово понятно на Кавказе и в Англии, на Скандинавском полуострове и в Италии. Спасибо, что откликнулись, сердечное спасибо!

Мне приятно сказать Вам, что я немного знаю Вас, — читал Ваши вещи. А имя Ваше я услыхал впервые в 92 г. в Тифлисе и затем в 97 г. — сидя в Метехском замке. Видите — мы старые знакомые.

Желаю Вам всего доброго!

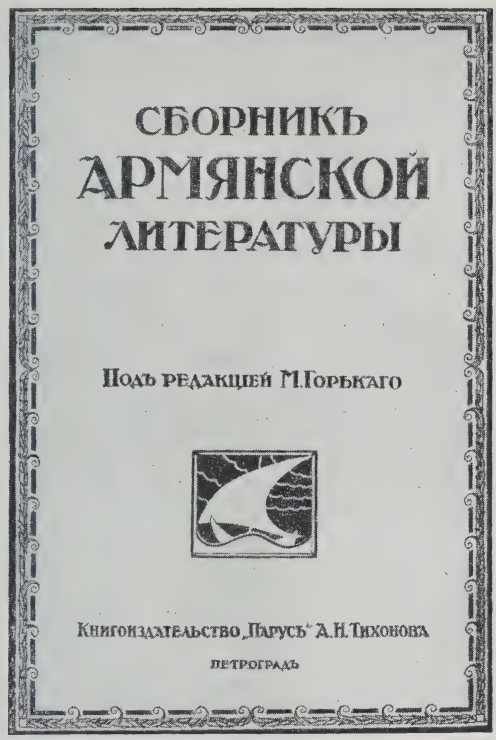
Сообщите мне имя и отчество Ваше, чтобы я мог сделать надписи на книгах, которые пошлю Вам.

Доброго здоровья!

М. Горький».

Горький был одним из наиболее смелых обличителей, поднявших голос протеста против ужасов армяно-татарской резни, организованной в 1905 году царским правительством в Закавказье для отвлечения народных масс от революционной борьбы.

«Я так горячо люблю эту прекрасную страну, — писал М. Горький, — олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых, певучих рек, и ее красивых, гордых детей.



Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татарином и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и так трудно было поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе» [1].

Эти слова А. М. Горького нашли широкий отклик в армянской прессе.

В эти годы разгула шовинизма А. М. Горький задумал издание на русском языке литературы народов Российской империи, но в условиях жестокой царской реакции лишь десять лет спустя, во время первой мировой войны, смог

[1] М. Горький, Ранняя революционная публицистика, Госполитиздат, 1938, стр. 117.

приступить к осуществлению своего замысла. Первым из серии сборников по литературе народов России вышел в 1916 году «Сборник армянской литературы» под общей редакцией М. Горького и при ближайшем участии известного армянского поэта В. Терьяна, воспитанника Московского университета, выдающегося деятеля армянского театра Л. Калантара и других.

Издание этого сборника С. Шаумян приветствовал специальной статьей.

Работа над сборником еще теснее познакомила А. М. Горького с литературой и литературными деятелями Армении.

Алексей Максимович предполагал после выхода в свет «Сборника армянской литературы» издать сборник, посвященный творчеству армян, проживавших в Турции, выпустить серию книг под общим заглавием «Армянская библиотека», а также специальный том, посвященный творчеству армян, проживающих в Европе и Америке.

В армянской литературе он высоко ценил национальную самобытность и красочность языка, картины быта и нравов народа, его стремление к свободе, к просвещению.

М. Горький в 1911—1915 годах ставил задачу изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. В своих письмах он говорил писателям: «Наши предисловия строятся вне этих соображений, каждый автор является у нас каким-то случайным холмом среди равнины, и совершенно нельзя понять, какие влияния образовали этот холм, какое влияние оказывает он на окружающее его и насколько расширяется горизонт с его высоты... XIX век достаточно насыщен фактами идеологических и формальных связей в области духовной жизни, и эти связи необходимо ценить очень высоко, — может быть, они являются началом того великого единства, последствия которого хотя и трудно представить себе, но во всяком случае они будут благостны» [1].

Габриел Сундукян — великий драматург, основоположник армянского реалистического театра, был горячим поклонником русских писателей и драматургов. В бытность свою в Петербургском университете он глубоко изучил

---

[1] С. Балухатый, О литературных взглядах М. Горького по его письмам 1911—1915 гг. к писателям. В сб. «М. Горький. Материалы исследования», АН СССР, Л., 1934, т. 1, стр. 253.

произведения Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, с удовольствием вспоминал, как 1841 году в Петербурге видел игру Каратыгина, восторгался артистическим гением Мартынова и Щепкина. Г. Сундукяну принадлежат слова о том, что «своей любовью к театру он во многом обязан Гоголю».

Как известно, в 1908 году Общество любителей русской словесности в связи с открытием памятника великому русскому писателю Гоголю устроило большие торжества. Из разных концов России для участия в этом памятном событии были приглашены многие почитатели его таланта. Приглашен был и Г. Сундукян, который в то время был уже в престарелом возрасте. Тронутый вниманием, Сундукян написал:

«Выражаю горячую признательность комиссии за внимание, жалею от всей души, что не могу лично присутствовать на торжестве открытия памятника великому творцу бессмертного „Ревизора" Н. В. Гоголю. Мне теперь 83 года. Мысленно переношусь в то далекое время, когда студентом жил я в Петербурге и видел в роли городничего покойного Щепкина. Тогда углубилась и окрепла моя безграничная любовь к театру, которому я и посвятил свои лучшие годы, которому отдал свои произведения, частицы моей души, мои мысли и чувства.

С именем Гоголя связаны у меня лучшие воспоминания... Вот почему с чувством особого глубокого почтения низко кланяюсь памятнику автора „Мертвых душ" и с дальнего Кавказа шлю сердечный привет всем устроителям праздника, одинаково дорогого всем гражданам России без различия их национальности» [1].

Этот пример — один из многих в истории дружбы и культурного общения русского и армянского народов, воочию убеждает, какими теплыми узами были связаны передовые деятели России и Армении и как благотворно было и остается влияние русской литературы и культуры на развитие духовной жизни других народов.

Говоря об этом влиянии, поэт Ал. Цатурян писал: «Трудно указать из наших писателей на такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние. Моя скромная лира многим и многим обязана этому влиянию...».

---

[1] Г. Сундукян, Полное собрание сочинений (на арм. языке), т. 3, изд. АН Армянской ССР, 1952, стр. 481.

Великой русской литературой «питалась и питается молодая армянская поэзия и воспитывается жаждущее знания армянское население в России», — говорил поэт Иоаннисиан.

Или вспомним слова поэта Ованеса Туманяна о том, что свою литературную деятельность он начал под воздействием великой литературы русского народа...

Это культурное общение диктовалось высокими и благородными творческими побуждениями и гуманными чувствами.

«Я во многом обязана русской жизни, бурным дням возрождения и в особенности русскому пролетариату. Россия является родиной моих гражданских мотивов», — писала поэтесса Шушаник Кургинян. Своеобразный мастер лирики, представительница демократическо-прогрессивного течения в армянской поэзии, Кургинян в приведенных словах выразила чувства передовых деятелей культуры Армении [1].

Можно привести множество примеров широкого интереса деятелей русской культуры не только в их «профессиональной сфере» к культуре Армении, но и к жизни армянского народа в целом.

Великий русский писатель Л. Н. Толстой еще в 90-х годах выразил сочувствие армянам.

Для оказания помощи пострадавшим от турецкой резни в России был задуман выпуск сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Л. Н. Толстой оказал содействие делу издания этого сборника.

Лев Николаевич Толстой и позднее проявлял интерес к Армении и ее культуре. В литературном музее Армении хранится письмо Толстого армянскому писателю Атрпету, написанное 15 июня 1909 года, в котором он благодарил армянского писателя за присылку его книги и просил выслать ему для прочтения и остальные его сочинения.

С 90-х годов прошлого столетия армянская общественность уже знала, любила и высоко ценила творчество Антона Павловича Чехова. Именно тогда появились переводы его юмористических рассказов. В связи с недавним празднованием 100-летия со дня рождения А. П. Чехова

---

[1] Эти высказывания в более полном виде приводятся ниже в настоящем издании.

председатель юбилейной комиссии при Союзе советских писателей Армении Ст. Зорьян рассказал:

«В годы Советской власти на армянском языке издавались сборники рассказов писателя. Его произведения включены в учебники литературы армянского языка. О Чехове с большой любовью отзывались и высоко его чтили такие наши известные писатели, как Ширванзаде, Нар-Дос, Ованес Туманян, Аветик Исаакян и многие другие. С Чеховым был близко знаком А. Спендиарян (Спендиаров). Одна из школ Еревана носит имя А. П. Чехова. Его бюст установлен на постаменте перед школьным зданием. Госиздат Армении готовит к выпуску на армянском языке первый том пятитомного собрания сочинений Чехова. Имя А. П. Чехова будет жить вечно, жить столько, сколько и русский народ, который по праву гордится своим гениальным сыном» [1].

Известно, что еще до Октябрьской революции на армянском языке были изданы некоторые пьесы А. П. Чехова, в частности «Дядя Ваня». Ныне театры Армении ставят «Вишневый сад», «Три сестры», «Медведь» и другие пьесы Чехова.

Антона Павловича глубоко трогала судьба армянского народа и тяжкие ее превратности. В творчестве Чехова есть страницы, посвященные обаятельному облику женщины-армянки (рассказ «Красавицы»).

Самобытность и высокую художественность армянской литературы и искусства неоднократно подчеркивал В. Брюсов, справедливо указывавший, что «...при всех... превратностях судьбы армяне за тысячелетия своей исторической жизни создали самостоятельную культуру, внесли свои вклады в науку и оставили миру богатую литературу». В. Брюсов изучил армянский язык, создал великолепные переводы на русский язык произведений армянской поэзии, исследования по вопросам истории культуры Армении, вложив в каждую строку этих трудов свою горячую душу.

* * *

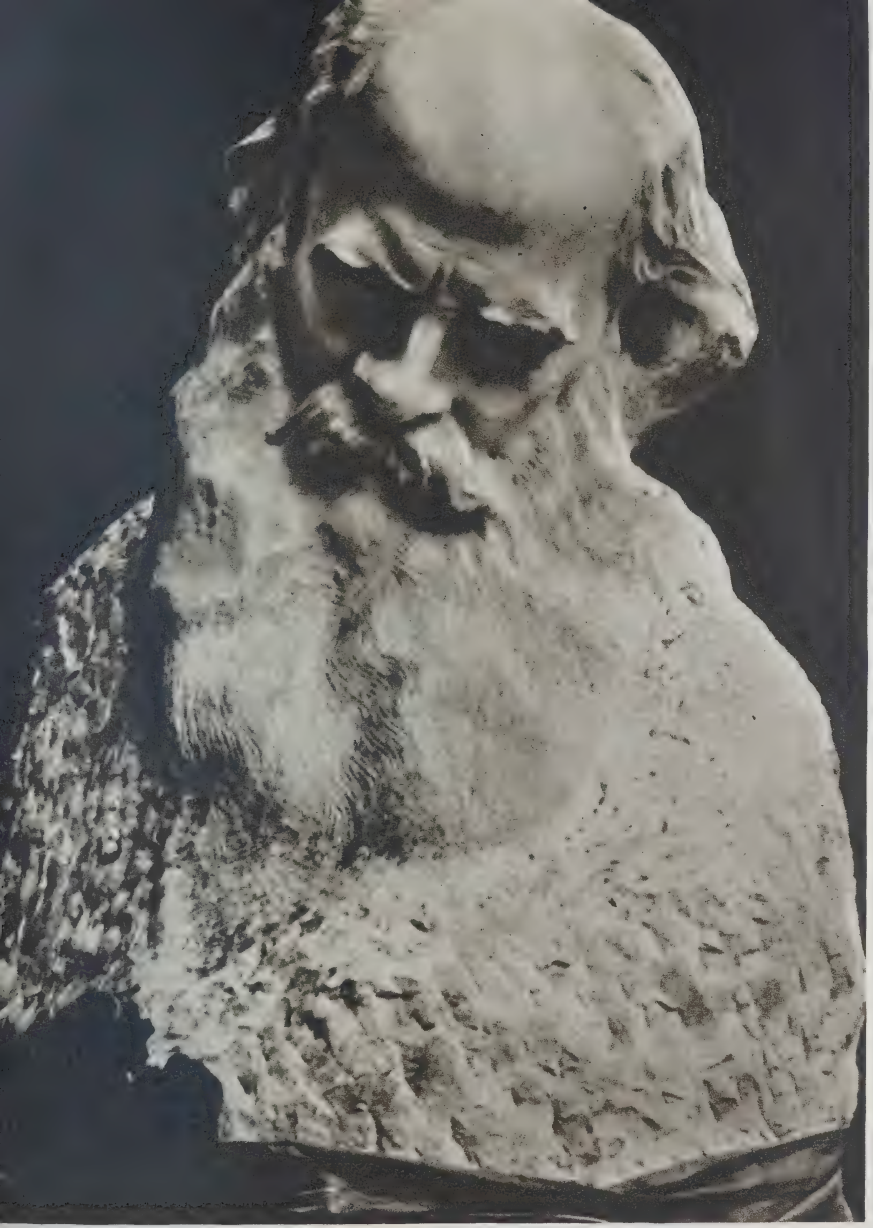
Учитывая интерес прогрессивных кругов русской общественности к армянской литературе, первые образцы которой вышли в русском переводе еще в XVIII веке и уже

[1] «Коммунист», газета от 20 января 1960 г., № 16 (7797).

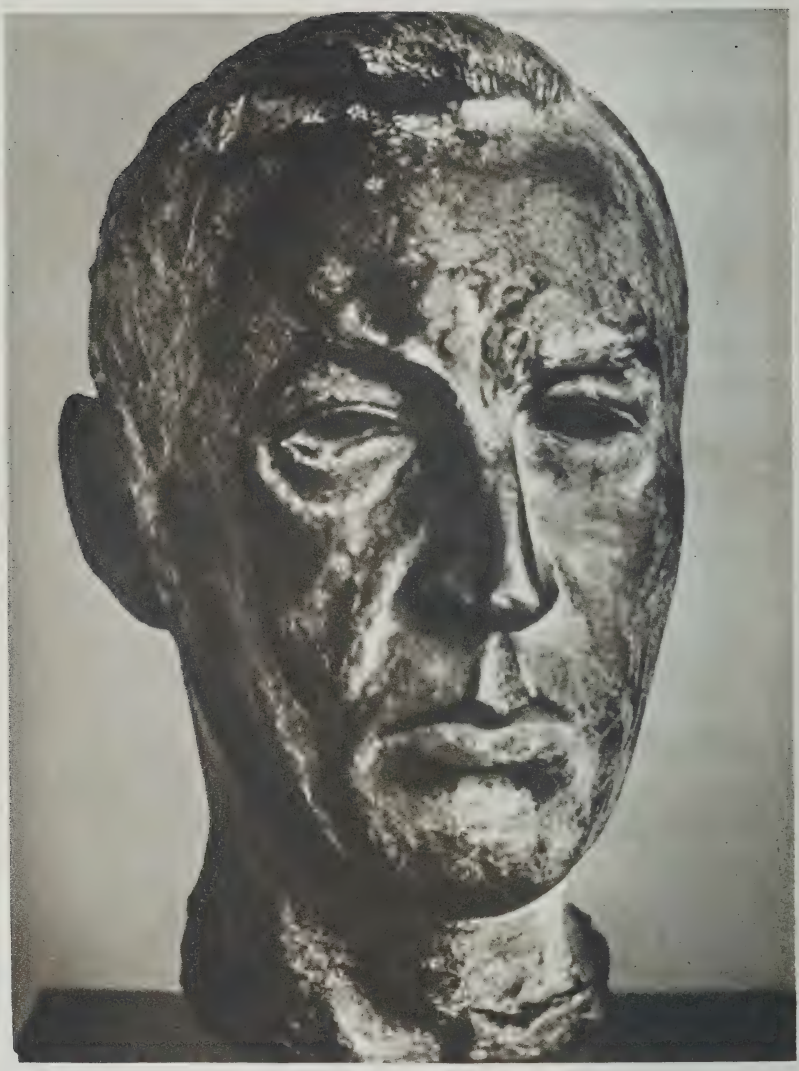
тогда вызвали восхищение своей самобытной поэтичностью, драматизмом и высоким гуманизмом, целая плеяда русских литераторов и общественных деятелей взялась за распространение и популяризацию армянских писателей и поэтов, философов и историков.

Отдавая дань по заслугам, среди этих деятелей следует назвать Юрия Веселовского, горячего поборника русско-армянской дружбы и культурного сотрудничества. Воспитанник Лазаревского института, обладавший обширными познаниями по истории и литературе стран Востока, Ю. Веселовский еще в 1890 году задумал издание сборника армянской литературы. Вместе с А. Цатуряном и М. Берберяном он отобрал отрывки из произведений армянских писателей. Подобрался коллектив переводчиков, с энтузиазмом взявшихся за дело. Это были Некрасова, Кананов, Суренянц, Берберян, Хунунц, Бахчисарайцев и другие. Работа была закончена в 1892 году. Поскольку издателя не нашлось (дело считалось убыточным), Ю. Веселовский решил издать сборник на собственные средства. В 1893 году читатели получили сборник. Он был раскуплен моментально, и это показывает, насколько созрели условия для издания такого рода. Русские газеты поместили доброжелательные рецензии. «Русская мысль» писала: «Этот сборник во многих отношениях очень интересен. До сих пор русским, не только просто образованным людям, но и ученым, если они не занимались специально армянской литературой, почти ничего не было известно о самом существовании этой литературы и весьма немного было известно об армянском народе».

Окрыленные успехом, издатели задумали составить второй сборник. Он вышел в 1894 году под заголовком «Армянские беллетристы. Драматурги и поэты» без цензурного разрешения. Чиновники цензуры проштудировали его и, конечно, усмотрели крамолу. В чем? В том, что составителями сборника «армянским беллетристам, драматургам и стихотворцам вменяется в заслугу их прогрессивное направление, их народничество, их симпатия к молодому поколению, отвращение ко всякому гнету до экономического включительно, новаторство и т. д.». Кабинет министров признал распространение сборника вредным. 31 мая 1894 года в 12 часов пополудни при Сущевском полицейском доме издание было сожжено. Трудно найти другой такой яркий пример двойственного отношения —



Л. Толстой (скульптор А. Гюрджян).



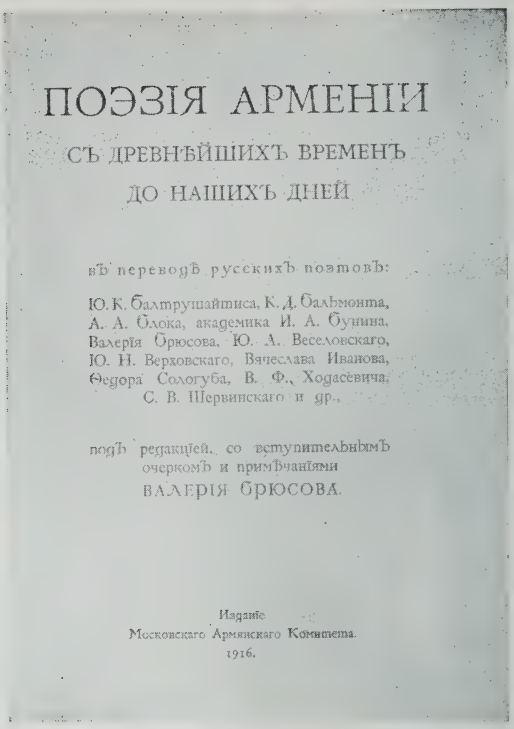
С. Рахманинов (скульптор А. Гюрджян).

царских сатрапов, с одной стороны, и передовой русской общественности — с другой — к благородному начинанию, направленному к укреплению русско-армянской дружбы.

Следует отдать должное мужеству Ю. Веселовского, который принялся готовить третий сборник, а когда его постигла новая неудача, продолжал пропагандировать армянскую литературу. В 1895 году цензура запретила его перевод стихотворений Р. Патканяна «Слезы Аракса». Ю. Веселовский использовал другие возможности. С 1896 по 1899 год он опубликовал в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона свои статьи: «Хримян», «Мхитар и мхитаристы», «Назарьянц», «Налбандян», «Акоп Паронян», «Рафаэл Патканян», «Прошян» и «Раффи». Он печатался в сборнике «Призыв», изданном Д. В. Гариным-Виндингом в пользу нуждающихся артистов. Он поместил обширный раздел «Армянские поэты» в книжке «Стихотворные переводы», выступал с лекциями об армянской литературе в Рязани, Курске, Ярославле. Эта кипучая деятельность принесла ему заслуженное признание. На одном из юбилеев литературной деятельности Ю. Веселовского Смбат Шахазиз сказал: «Да, мы желали бы побольше Веселовских, побольше светлых людей в русском обществе, беспристрастно относящихся к порокам и добродетелям маленького и все же исторического народа».

Ряд переводов из армянской литературы принадлежит писательнице Е. Некрасовой. В 80-х годах прошлого века, познакомившись со многими армянскими литераторами во время поездки на Кавказ, Е. Некрасова сначала выступила в Московском университете на заседании Общества любителей российской словесности с докладом об армянской литературе, а затем опубликовала часть доклада, относящуюся к характеристике и творчеству Раффи. Она перевела и опубликовала рассказы Раффи «Биби Шарабани», «Гарем», «Хас-Пуш».

В 1897 году на русском языке вышел большой сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», организованный и отредактированный Г. Джаншиевым, в котором русские и западноевропейские авторы выступали с материалами по армяноведению, армянской литературе, а также были опубликованы переводы из нее. В 1900-х годах появилось несколько изданий, содержащих отрывки из произведений армянских писателей. Один из циклов таких выпусков вышел в 1906—1907 годах под заго-



ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта,
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,
Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова,
Ѳедора Сологуба, В. Ф., Ходасевича,
С. В. Шервинскаго и др.

подъ редакціей, со вступительнымъ
очеркомъ и примѣчаніями
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе
Московскаго Армянскаго Комитета.
1916.

ловком «Современная армянская литература». Спрос на эти издания рос. Их число увеличивалось по мере того, как пробуждалось сознание народов Российской империи под влиянием революционных событий, первой русской революции, международных событий, предшествовавших первой мировой войне. В выпусках «Цветы Араза» то и дело печатались армянские поэты. В 1915 году вышел «Армянский сборник» под редакцией Ю. Веселовского, Дживилегова и др. Армянская литература была представлена в «Кавказском литературном альманахе», изданном «Вестником знания». В Саратове вышли «Очерки армянской литературы» И. Гнуни (Шахназаряна) и т. д.

Мы уже упоминали о выполненных В. Брюсовым великолепных переводах на русский язык произведений армян-

ской поэзии и его исследованиях по вопросам истории культуры Армении.

Это тема для целой книги, ибо трудно переоценить значение сделанного В. Брюсовым для ознакомления русского читателя с творчеством армянского народа, для укрепления братской русско-армянской дружбы. Имя В. Брюсова живет в сердце армянского народа, который всегда с большой любовью вспоминает своего замечательного и правдивого друга.

«Валерий Брюсов, — говорил А. Исаакян, — особенно дорог нам, армянам, за все то, что сделал он для армянской культуры и литературы. В то время, когда армянский народ переживал ужасную трагедию, когда озверелое турецкое правительство уничтожало массы армянского народа на Западе — стариков, молодых, женщин и детей, — стирая с лица земли целый народ, его культуру, прошлое и одновременно его будущее, стремясь тем самым покончить с армянским вопросом, — на защиту армянской культуры и его справедливого дела совместно с великим другом армянского народа М. Горьким выступил и В. Брюсов... Брюсов со свойственной ему энергией и любовью стал изучать армянский язык, литературу древних, средних веков и нового времени, армянскую историю; он приступил к редактированию антологии армянской поэзии. Это была тяжелая и трудная работа, закончившаяся блестящим успехом»[1].

История упомянутой антологии армянской поэзии — наиболее значительного сборника армянской литературы, изданного в дореволюционное время на русском языке, — чрезвычайно интересна. Все началось в 1915 году. Группа общественных деятелей — Александр Цатурян, Погос Макинцян и Карен Микаэлян — обратилась к Валерию Яковлевичу Брюсову с просьбой принять участие в издании сборника армянской поэзии. Первоначально Брюсов отказался, ссылаясь на недостаточное знакомство с Арменией и ее культурой. Потом он попросил время, чтобы познакомиться с армянской поэзией. Валерий Яковлевич прочел переводы и с увлечением приступил к работе. Брюсов стал изучать армянский язык, историческую литературу, совершил поездку по Армении, Кавказу и Закавказью.

---

[1] «Дружба», Сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 254—255.

«...Я хочу подчеркнуть тот живой и глубокий интерес, — писал В. Брюсов, — какой возбудило во мне изучение Армении. Конечно, никакие обязательства перед издателем (а в данном случае никаких формальных обязательств с моей стороны не было вовсе), никакие внешние соображения не могли бы заставить меня — или кого другого — совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в дело! Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества» [1].

Приведенные выше строки давно известны армянскому читателю. Они сами по себе представляют немалый интерес, равно как и его исследование по армянской истории, вышедшее в те годы отдельным изданием.

Те годы! Их нужно представить себе, чтобы понять значение антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Это был 1916 год, год первой мировой войны, год разгула шовинистических настроений, год вражды народов, разжигавшейся помещиками, капиталистами, социал-предателями и другими поборниками межнациональной розни. Не только литературным, но большим политическим событием явился выход антологии, ибо он будил не шовинизм, а чувства братства народов Российской империи, способствовал росту дружественных чувств, единства и сплочения сил. Недаром пришлось преодолеть немало цензурных и иных препятствий, пока антология дошла до читателя и сделала свое благородное дело. С полным правом мы называем заслуги В. Брюсова в деле перевода и популяризации армянской литературы в России исключительными.

Знакомство с армянской поэзией неразрывно связало Валерия Брюсова с лучшими представителями этой поэзии. Его встречи с Ованесом Туманяном и с Иоаннесом Иоанни-

---

[1] В. Брюсов, Вводное слово «От редактора к читателям» в сборнике «Поэзия Армении», М., 1916.

О. Туманянцъ.

Ахтамаръ

Народная легенда

Съ Армянскаго перев.

К. Бальмонтъ

Рисунки Г. Ерицяна

СПБ. 1905

Въ пользу
семействъ, пострадавшихъ
въ г. Баку.

В. Брюсов в гостях у О. Туманяна читает свои переводы армянской поэзии на русский язык (худ. С. Мангасарян).

сианом являются ярким доказательством взаимной дружбы. Их давно уже нет в живых. До нас дошли их письма, полные любви и преданности друг другу и той высокой цели, которой они служили всю свою жизнь так честно и плодотворно.

Брюсов побывал в Тифлисе, где с исключительным радушием принял его Ованес Туманян.

По возвращении в Москву, 13 апреля 1916 года, Брюсов направил письмо Туманяну, где извинялся, что так поздно собрался написать.

«...Не оправданием, а объяснением моего молчания может служить лишь то, что все это время я был занят, поглощен, увлечен именно нашим Армянским сборником. Таким образом, — писал он, — духовно я все время был с Вами, — и с Вами лично, так как вдумывался в Вашу поэзию, переводил Ваши стихи, писал о Вас, и всем тем миром армянских поэтов прошлого, который Вам так дорог. И хотя я не написал Вам ни одного письма, не проходило

дня, чтобы я помногу раз и помногу не думал о Вас, невольно вспоминая с сердечной признательностью и Ваш облик, насколько я успел Вас узнать в те незабвенные для меня тифлисские дни...» [1].

В другом письме из Москвы, от 1 февраля 1917 года, Валерий Брюсов извиняется перед Иваном Фадеевичем, что обстоятельства и состояние здоровья помешали ему воспользоваться его любезным приглашением приехать в Тифлис для чтения ряда лекций.

«...мне больше всех, — заканчивает он письмо, — было грустно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом все же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого...

Вас лично от души благодарю за доброе внимание и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение.

Глубоко уважающий Вас

Валерий Брюсов» [2].

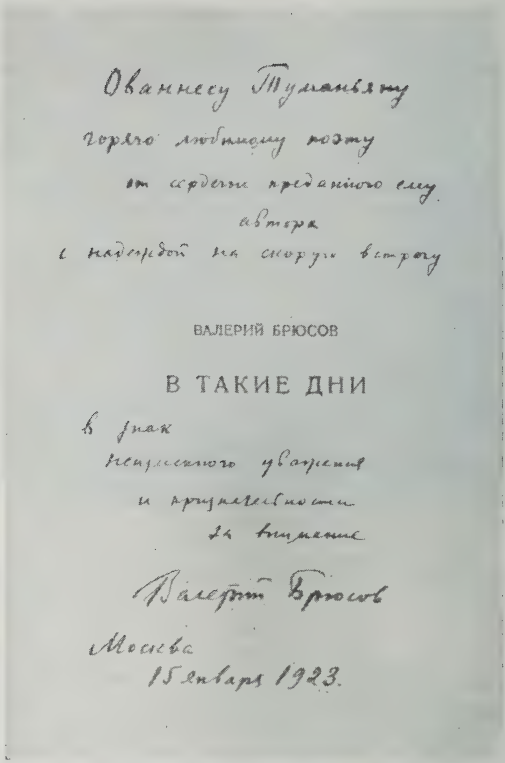
Примерно к этому периоду относится знакомство и завязавшаяся дружба В. Брюсова и И. Иоаннисиана. Это было время, когда В. Брюсов усиленно работал над сборником «Поэзия Армении» и в связи с этим побывал в Баку, Тифлисе, Эриване и на родине И. Иоаннисиана — Эчмиадзине.

Говоря о том, как ему приятно было проводить время в обществе армянского поэта, «встретиться с подлинным поэтом», в апреле 1916 года в письме из Москвы Иоаннисиану Брюсов заявляет: «...Клянусь „Овидиевой тенью", как говорил Пушкин, я почувствовал себя столь близким Вам, что сразу, без всякого на то, конечно, „права", почел себя связанным с Вами как бы давним дружеством...» [3].

В ответном письме, датированном 2 мая, И. Иоаннисиан пишет В. Брюсову о своей благодарности за теплую, милую

---

[1] «Об армянской литературе». Сборник. Статьи и исследования русских писателей и ученых, Армгиз, Ереван, 1941, стр. 230—232.
[2] Там же.
[3] «Коммунист», газета, № 116, Ереван, 1941.


Ованнесу Туманяну
горячо любимому поэту
от сердца преданного ему
автора
с надеждой на скорую встречу

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В ТАКИЕ ДНИ

В знак
неизменного уважения
и дружелюбности
к вашему
Валерий Брюсов
Москва
15 января 1923.

весточку. Армянский поэт пишет о том, что их встреча состоялась зимой, но для него она была по-весеннему радостной. Далее Иоаннисиан делится со своим русским коллегой и другом о том, как тяжело ему служить своему призванию — поэтическому творчеству. «Ведь мне, — жалуется он, — со дня окончания курса, вот уже 28 лет, приходится день и ночь думать только о куске насущного хлеба, которого при наших условиях литературным трудом не заработаешь, и таким образом я поневоле литературой должен был заниматься урывками, в редкие часы досуга, как бы в качестве дилетанта.

Вот почему мне особенно дорого, скажу прямо — является истинным счастьем дружеское общение с Вами. Не сомневаюсь, что Вы меня поймете и без дальнейших

объяснений, и смею верить, что письмо Ваше не будет последним. Сознание того, что Вы меня не забываете, будет скрашивать прозу моей жизни, и всегда я буду счастлив, буду гордиться тем, что Брюсов мой друг...

Ждем с нетерпением сборника. Я лично интересуюсь тем, есть ли в нем что-нибудь из моих стихов в Вашем переводе.

Душевно обнимаю Вас Ваш всегда

И. Иоаннисиан».

Душа поэта разрывается от безутешной тоски, от тяжелого горя: не стало его старшего сына, он умер в Москве. И первым другом, с которым спешит поделиться своим несчастьем Иоаннисиан, был Валерий Брюсов. Ему написаны следующие строки поэта: «Часть души моей, лучшая часть, навсегда теперь в Москве». Он стремится в Москву, ему хочется как можно скорее поклониться земле, где покоится прах его любимого сына. В этом же письме к Брюсову он пишет: «...Считаю приятным долгом от души поздравить Вас с огромным успехом „Поэзии Армении". По крайней мере у нас здесь в последние дни только она у всех на устах...» [1].

Личное горе поэта и радость за успех большого начинания близкого друга В. Брюсова в этом письме переплелись воедино.

«Мне очень хотелось бы Вам сказать какие-либо слова, — пишет в ответ И. Иоаннисиану В. Брюсов, — которые могли бы хоть сколько-нибудь облегчить Вашу душу в переживаемые Вами дни, но таких слов нет на человеческом языке... Как всякий другой, „кто жил и чувствовал", я знаю, что значит терять близкого (хотя и не сына), и Вас, верьте мне, понимаю, но вот это и все, что я вправе написать...

Остается мне только напомнить Вам... общую у нас с Вами родину: поэзию. Для меня не бывало таких мертвенно-тягостных дней, чтобы магические чары „звуков сладких и молитв" не дали мне какого-то сладко-больного утешения. „Порой опять гармонией упьюсь", — говорил

---

[1] «Известия АН Арм. ССР (общественные науки)», 1959, № 5.

нам Пушкин, и, что до меня, я всегда искал одного — этой „гармонии", читать стихи, писать стихи, если жизнь была слишком жестокой. Невольно, непобедимо это возвращало в мою душу сознание о том высшем, в чем примиряется все, — даже смерть... Но, опять и опять, чувствую бессилие сказанных слов, „изреченной мысли", которая уже стала „ложью" в моем письме, хотя была и остается „правдой" в моем сознании.

Затрудняюсь сегодня писать Вам обо всем другом. Благодарю за добрые слова о нашем сборнике „Поэзия Армении". Многое в нем не так хорошо, как того хотелось бы, многого недостает, кое-что и неверно, но силы человеческие ограничены. С чистой совестью могу сказать, что я сделал, что мог. Постараюсь позже сделать лучше и более достойное Вашей прекрасной родины, с которой сживаюсь все теснее, ибо продолжаю работать по истории Армении, готовлю особую книгу, которую уже начал печатать. Надеюсь сравнительно скоро увидеть Вас, так как в январе приглашен, что Вы, вероятно, слышали, вновь прочесть несколько лекций в Баку. Итак, до скорой встречи. Буду очень, очень рад Вам пожать руку.

Сердечно Ваш *Валерий Брюсов*» [1].

Сколько человечности, сочувствия к личному горю своего армянского друга, сколько любви к Армении, к ее древней поэзии заключено в словах Валерия Брюсова! На благодатной почве возвышенных чувств человека — поэзии их пути встретились, чтобы навсегда еще одним светлым лучом озарить прочные узы армяно-русских литературных связей.

Перевод и популяризация литератур обоих народов, встречи и завязывающаяся дружба не могли развиваться в сфере одностороннего влияния. Разные поколения армянских писателей неоднократно справедливо указывали, что они учились и учатся на лучших образцах русской литературы. Но, как говорил один из старейших русских поэтов Сергей Городецкий: «Вообще влияний не бывает. Существует взаимовлияние, вернее взаимодействие. Вот, например, разве Валерий Брюсов не помог в период первой

[1] «Известия АН Арм. ССР (общественные науки)», 1959, № 5 (Полный текст писем И. Иоаннисиана и В. Брюсова опубликован в этом номере «Известий»).

империалистической войны многим, в том числе и мне, преодолеть шовинизм, раскрыв русскому читателю великолепную картину армянской вековой культуры и литературы? Разве это не было богатым вкладом в советское здание дружбы народов — когда еще и Советской власти не было? А разве я не вдохновился идеями нового века из дружбы с такими друзьями России, как Ованес Туманян?

Разве он не повлиял своим вдохновенным творчеством на мое творчество тех трудных годов? Сколько раз он поощрял меня на создание поэм — а не отдельных стихотворений! — на темы народного эпоса! Я вспоминал эти его заветы много позднее, когда работал над созданием текста для музыки М. Глинки „Иван Сусанин". Но в 18—19-х гг. я был слишком захвачен тогдашними событиями. Ованес Туманян страстно любил Лермонтова — и моего любимого поэта.

Мы знаем, что не только Тургенев влиял на Мопассана, но и Флобер на Тургенева.

Для меня нет никаких сомнений в том, что Валерий Брюсов в своей титанической работе над книгой „Поэзия Армении" вдохновлялся творческой помощью Ованеса Туманяна, и не его одного. Несомненно для меня, что его поиски новых ритмов в последних его книгах „Миг" и „МЕА" (двусмысленное название — можно перевести „Спеши", можно и „Мое"), где он разрушал канонические ритмы ради остроты мысли, были написаны не без влияния армянской ритмики, свободной от марша ямбов и хореев.

Убежден также, что переводы Аветика Исаакяна, которые так творчески любовно создал Александр Блок, не могли не помочь ему в его творческих исканиях.

На мое творчество Ованес Туманян «повлиял» во всю меру нашей личной с ним дружбы. Он меня звал к эпической поэме большого масштаба на базе народного эпоса. В те трудные годы я мог откликнуться только поэмкой «Шофер Ладо» на текущие тогдашние темы. Похваливая, он ласково меня упрекал, что это все же не всенародная русская эпическая поэма.

Не могу не упомянуть, что именно он научил меня понимать диалектику „рабаи" — самой народной на Востоке формы, — требующей абсолютного слияния мысли с формой и противоречивого расположения мыслей в четырех строках. И я впервые на русском языке написал цикл

стихов в форме „рабаи", учась ей на переводах рабаи моего учителя (Туманяна. — *А. А.*)» [1].

К сожалению, до последнего времени появлялись труды, отдельные исследования и статьи, рассматривающие главным образом проблему взаимодействия литератур только с точки зрения ее односторонней значимости. Вот почему вопросы взаимовлияния и взаимодействия остаются и сегодня широким полем деятельности литературоведов, важнейшей проблемой марксистской филологической науки.

Можно с уверенностью сказать, что в дореволюционные годы не было в России такого прогрессивного деятеля русской культуры, который не был бы известен в Армении. Точно так же, несмотря на национальный гнет, который давил в годы царизма все народы Российской империи, все передовое, прогрессивное в культуре армянского народа привлекало внимание передовых деятелей русской культуры, встречало с их стороны участие, оценку, помощь.

Царское правительство с тревогой следило за растущим интересом демократических кругов русской интеллигенции к литературе и искусству угнетаемых им народов.

Отлично различая «официальную Россию», Россию царей, помещиков и капиталистов от России Пушкина, Белинского, Чернышевского и Горького, великий поэт Армении Ованес Туманян в годы разгула реакции и травли малых народов России царизмом говорил о своей горячей любви к могучему русскому народу. Он любил выразителя души русского народа — былинного богатыря Илью Муромца, перевел эпос о нем на армянский язык.

В 1912 году Туманян заявлял: «В России мы находимся под влиянием одного из лучших народов и одной из лучших литератур мира» [2].

В 1914 году он высказал глубокое убеждение, что России суждено разрешить старый насущный вопрос армянского народа, обеспечить его будущее и направить его к братству свободных народов.

В беседе с В. Г. Короленко О. Туманян говорил: «Русский народ — великий, могучий народ; он прост, чист и широк, подобно своим безбрежным степям; у него богатая и величественная литература, которая занимает

---

[1] «Гракан терт», газета, № 14 (978), 10 апреля 1959 г.

[2] О. Туманян, Собр. соч. (на арм. языке), т. 4, Ереван, 1951, стр. 215.

почетное место в мировой литературе, он имеет такого гиганта, как Пушкин. В Европе такого поэта нет».

Сознание великой освободительной миссии русского народа нашло яркое выражение в произведениях многих армянских поэтов. Значительны в этом смысле заслуги Акопа Акопяна.

Общественно-литературная деятельность родоначальника и основателя современной армянской советской поэзии была тесно связана с героической революционной борьбой пролетариата Закавказья. Творчество А. Акопяна после революции было посвящено прославлению социалистического строительства страны Советов.

Старый большевик, ценитель и знаток культуры русского народа, Акоп Акопян служил делу дружбы народов на политическом поприще так же неутомимо, как на поприще поэтическом.

Акоп Акопян горячо интересовался произведениями русской классической литературы, проникнутыми гуманизмом и народностью. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой и Некрасов были его любимыми писателями. Их творения оказали огромное благотворное влияние на формирование литературных вкусов и мировоззрения А. Акопяна. На литературную арену А. Акопян выступил в 1893 году. В 1904 году он вступил в ряды большевистской партии, и с этого времени, как писал он сам, «литература и революция для него представлялись тесно связанными воедино». Прежде всего Акопян мыслил себя революционером-подпольщиком, партийным работником.

Большевистская организация, сплоченная вокруг закавказских революционных газет, была подпольной партийной школой Акопяна. На их страницах А. Акопян выступал как вдохновенный певец труда и борьбы пролетариата с такими боевыми стихотворениями, как «Революция», «Пролетариату», «Умерли — не сгинули», «Рабочий он — и властелин». Наряду с созданием оригинальных произведений Акопян переводил с русского, печатал и распространял такие боевые гимны пролетариата, как «Марсельеза», «Варшавянка,» «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу».

Армянские рабочие впервые начали петь на родном языке эти замечательные революционные песни именно благодаря Акопяну.

В борьбе с антинародной теорией «искусство для искусства» А. Акопян был соратником Степана Шаумяна и Су-

рена Спандаряна — основоположников марксистской критики в армянской литературе. Нелегально изданный сборник стихов «Революционные песни» (1907) А. Акопяна вышел в обложке, на которой сверкал боевой призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Как писала газета «Правда» от 10 мая 1941 года, «под воздействием первой русской революции возникла и оформилась новая пролетарская литература Армении; ее основоположником был виднейший поэт-большевик Акоп Акопян».

В период первой русской революции творчество А. Акопяна развернулось с особой силой. У армянского народа в его лице оказался свой буревестник. Поэт-большевик призывал рабочих к вооруженному восстанию, в доходчивой и впечатляющей форме доводил революционные идеи до сознания масс («Еще удар», «Революция»). А. Акопян славил героев революции, призывал рабочих готовить оружие к последнему решительному бою. Его стихотворения проникнуты оптимизмом, публицистичны и образны.

Акоп Акопян писал и поэмы («Новое утро», 1909, «Красные волны», 1911, и «Равенство», 1916—1917). По примеру Горького, Акопян в 1914 году приступил к изданию литературно-художественных альманахов «Новой рабочей библиотеки».

Первым в армянской литературе Акопян нарисовал образ революционера, борющегося за победу социализма. По определению С. Шаумяна, А. Акопян был «признанным поэтом приходящего к самосознанию армянского пролетариата, выразителем горестей и радостей армянских рабочих, певцом их труда и их борьбы».

Новые поэмы Акопяна — «Боги заговорили» (1922), «Ширакский канал-большевик» (1924), «Волховстрой» (1925) — были, по определению автора, выражением строительного пафоса эпохи. Последней его поэмой была «Астхик» (1934), посвященная крестьянской девушке, ставшей прославленным инженером-изобретателем.

Современником А. Акопяна был Ваан Терьян (Ваан Сукиасович Тер-Григорьян). В ранней юности, четырнадцатилетним мальчиком (в 1899 г.) был привезен отцом в Москву, где поступил в гимназию Лазаревского института восточных языков. Его взгляды и убеждения формировались в атмосфере кануна первой русской революции, в среде того демократического направления, которое возглавлял

в институте литератор и публицист, человек передовых взглядов — Карапет Кусикян, преподаватель армянской словесности. От родной литературы к классической русской литературе вел путь духовного развития молодого поэта. С особенным увлечением читал он русских поэтов. Его пленяла лирика Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Баратынского. Он испытал благотворное влияние МХАТ, спектакли которого ему удавалось видеть. Начинается его общественная деятельность. Пусть это вначале был только ученический рукописный журнал «Уйс» («Надежда»), издаваемый Терьяном, или борьба за изгнание из института Павлова и Флинка — преподавателей, отличавшихся своими жандармскими взглядами. Принципиально важно, что определилась направленность, политический курс этой деятельности. Терьяна мы видим в числе той молодежи, которая не только сочувственно следила за нарастанием революционных событий в России, вооруженной борьбой и забастовками рабочих, но и стремилась участвовать в революции. Летом 1905 года в Тифлисе и Шираке он побывал во многих деревнях, рассказывая крестьянам о революционных событиях в России. Так рос поэт и гражданин, будущий большевик и деятель молодого социалистического государства, поборник братской армяно-русской дружбы и горячий патриот своей Родины.

В его творчестве звучали глубоко патриотические мотивы. Терьян писал: «Я очень люблю мою прекрасную, высоко вознесенную родину и ее смиренный народ — народ, который трудится и мечтает, стонет и поет...»[1]. Он был поборником дружбы народов, тесного культурного общения между ними.

В 1913 году Терьян, говоря о литературе, которая расцветет в будущей свободной Армении, связывал это с благотворным влиянием русской литературы. Он говорил: «Свежие ростки этой большой литературы уже существуют, а их полный расцвет придет в то время, когда молодая Россия расправит свои орлиные крылья, когда живые силы страны, как вышедшие из берегов весенние воды, вольно и широко разольются — могучие и радостные» [2].

Терьян был участником революции 1905 года. За революционную пропаганду он подвергался преследованиям

---

[1] А. Исаакян, Собр. соч., т. 4, 1959, стр. 150.
[2] В. Терьян, т. 4, стр. 193—194 (на арм. языке).

царской охранки. Но и в годы реакции в поэзии Терьяна звучали мотивы гражданской лирики. В цикле стихов под общим названием «Терновый венец», напечатанных в периодической печати, отражались события революционных дней и прославлялись загубленные реакцией борцы революции. В годы революционного спада Терьян обращается к символизму («Я — грезящий поэт»). В дни ленских событий в его поэзии зазвучали новые мотивы, пронизанные духом революционного подъема («Я с вами, братья угнетенные», «Вставайте, час настал для пробуждения», «Иду на улицу в кипении бытия»).

В 1915 году был опубликован цикл патриотических стихов «Страна Наири» (древнее название Армении).

Терьяна тревожила судьба трудового армянского народа. Силой, которая должна была возродить поверженную страну Наири, Терьян считал армянский народ, связавший свою судьбу с пролетарским революционным движением России (письма «Армянским крестьянам и рабочим»). «Мы всегда утверждали, утверждаем и теперь, что спасение трудового армянского народа — в укреплении власти рабочих и крестьянских Советов в России. Только красные полки российских рабочих и крестьянских Советов могут принести свободу нашей окровавленной стране»[1], — писал В. Терьян. В 1917 году поэт вступил в ряды большевиков. Чувством торжества нового дышат стихотворения Терьяна «Железным шагом пришла» и «Разрушайте безжалостно».

С любовью и благоговением воспел Терьян образ пламенного руководителя бакинских коммунаров — Степана Шаумяна («Три встречи», «Незабвенный товарищ»). В «Октябрьских песнях» он наряду с пафосом прославления нового с возмущением писал об ордах иноземных интервентов, предвидя их разгром со стороны могучего революционного народа. Во всем творчестве Терьяна обращает на себя внимание исключительное поэтическое мастерство, художественное совершенство формы. К числу заслуг Терьяна следует отнести и то, что он обогатил армянскую литературу прекрасными переводами. Велико было влияние русской литературы на творчество Терьяна. Он упорно и настойчиво учился у великих русских поэтов Пушкина и Лермонтова.

---

[1] В. Терьян, Собр. соч., т. 4, стр. 333.

Терьян — переводчик гениального произведения В. И. Ленина «Государство и революция».

Переводы Терьяна из русских, грузинских и других поэтов говорят о его любви и уважении к культуре других народов. Творческие возможности Терьяна были велики. Стихи, написанные Терьяном в первые годы Советской власти, полны жизнеутверждающего оптимизма и свидетельствуют о новом блестящем этапе его творчества. Преждевременная смерть унесла поэта-коммуниста в полном расцвете его дарования.

Далеко за пределами Армении и Советского Союза известно имя Аветика Исаакяна.

В пору поэтического созревания Исаакян жадно учился у Пушкина и Лермонтова. «Я без слез не могу вспомнить имя Лермонтова, — говорит он, — человека, который в двадцать пять лет стал мировым поэтом».

А. М. Горького и А. Исаакяна роднило уважение к человеку-созидателю, уменье по-настоящему ценить человеческий труд — источник самого ценного и прекрасного в мире.

На первом этапе творчества Исаакян выступает как певец народного горя и неразделенной любви. Поэт создает трагический образ одинокой человеческой души. Но в сознании поэта живет надежда на светлое грядущее. Революционные события 1905 года нашли живой отклик в его сердце. Впервые в его стихах зазвучал призыв к действию. Поэт призывает народы Кавказа объединиться под знаменем борьбы, разбить кандалы рабства. Органическая связь с народным творчеством дала возможность Исаакяну проникновенно разработать тему эпоса «Давид Сасунский» и в образе Мгера-младшего воплотить идею победы социальной справедливости. В этой поэме (закончена через год после возвращения в Советскую Армению) Исаакян отобразил собственные искания правды, осуществление которой нашел в Советской власти.

По собственным словам, он «безвозвратно пришел, вновь пришел в ту страну, где создается величественное дело в национальном и общечеловеческом смысле».

В годы Великой Отечественной войны Исаакян вместе со всеми писателями советской земли стал в ряды глашатаев борьбы прогрессивного человечества с фашизмом (статьи «Фашизму суждена гибель», «Победит прогрессивное» и др.).

В пламенном стихотворении «Боевой клич» Исаакян воспел нерушимое единство советского народа.

Поэзия Аветика Исаакяна — тонкого, проникновенного лирика, поэта-философа, социально значительна. Его «мучили думы о горькой участи народа, находившегося под тягчайшим игом», терзала мысль о стране, где «тонули в крови ее сыновья». О своем народе он писал «кровью сердца», носил «в сердце раны родины». И это сознание, что он «сын угнетенного народа», заставило его со страстной радостью ждать «рассвета нового дня».

Исаакян сознает, что принесенная рукой освобожденного русского народа новая, советская жизнь — единственный источник благополучия и процветания его родной Армении. Благодарностью пронизаны его слова: «... И вот опять мой край ликует и цветет».

В критический момент своей судьбы, говоря словами Исаакяна, «армянский трудовой народ при помощи великого русского народа восстал против угнетателей и установил в нашей стране советскую власть» [1]. И самый любимый народный поэт освобожденного армянского народа воспевает «этот освободительный день», когда сбросившие иго насилия угнетенные

Строй трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав,
Чтоб труженик стал бы хозяином сам
Труду своему и своим хлебам.

(«Мгер из Сасуна»)

Обращаясь к новой, свободной, счастливой Армении, он говорит от всего сердца:

Тебя я вижу новую и ясную,
С чертами древней, вечной красоты.

Подлинным пафосом звучит ода Исаакяна мощному колоколу свободы:

О колокол воли, гуди из лазури,
Греми, как гроза, как гудение бури!

Исаакян — мастер звуковых гармоний. Красочность внутренних созвучий придает стихам Исаакяна исключи-

[1] А. Исаакян, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1952, стр. 350.

тельную музыкальность. Многие его стихи, переложенные на музыку, поются народом.

В Москве родилась Мариэтта Сергеевна Шагинян — видный советский писатель старшего поколения, автор одного из первых романов о социалистической индустриализации «Гидроцентраль», книги «Путешествие по Советской Армении», переизданной на многих иностранных языках, неутомимая публицистка. Ее произведения (свыше 90!) изданы тиражом, превышающим миллион экземпляров. Они служили и служат делу победы коммунизма, братской дружбе народов.

Большевиками-литераторами досоветского времени была создана почва, на которой расцвел бурный талант поэта Егише Чаренца — певца Октября и революционных масс, певца великого Ленина.

Недавно в Москве издан однотомник его избранных произведений в переводе на русский язык. Среди них три поэмы о Ленине. В одной из них — «Дядя Ленин» — рассказывается о выступлении Ленина на Красной площади. Образ великого вождя показан сквозь восприятие мальчика Вани — сына московского рабочего, идущего по зову партии, по зову Ленина на фронт.

Мальчик страстно мечтал увидеть «дядю Ленина», и мечта его сбывается — маленький Иван на Красной площади, он видит, он слышит Ильича:

И как будто весь мир подарили Ивану.
С трибуны —
Да, с дощатой трибуны, которая очень близка, —
Ленин речь говорит, обращаясь к солдатам коммуны,
К уходящим на битву рабочим войскам.
Над штыками, что стали стальною стеной,
Ленин руку простер,
Как с портрета, висящего дома.
Вот он — рядом, знакомый, родной,
Даже голос его
Показался Ивану знакомым.
Показалось Ивану — и это на правду похоже, —
Что и Ленин его хоть немножечко знает, быть может...

В произведениях Е. Чаренца с большой силой и выразительностью воссоздается бессмертный величественный образ вождя, необыкновенное человеческое обаяние Владимира Ильича. Поэма Е. Чаренца о Ленине несомненно принадлежит к числу лучших произведений многонациональной советской поэзии.

Творчески осмыслив лучшие традиции русской поэзии, Чаренц создавал произведения значительного общественно-политического звучания. О любимых своих поэтах он писал: «Нет для меня большего наслаждения, чем... читать какого-либо классика... Больше всего я люблю читать Пушкина. Когда мне грустно, и, уставший, я хочу вознаградить себя величайшим наслаждением, я закрываю двери своего дома, ложусь и начинаю читать Пушкина — любое его произведение» [1].

Поэзия гениального русского поэта для Чаренца была источником вечно живого вдохновения. Именно поэтому он полюбил его бессмертные произведения, учился у него. Пребывание Чаренца в Ленинграде не прошло бесследно. Он написал целый ряд проникновенных стихотворений: «В подвале Зимнего дворца», «Неожиданная встреча в Петропавловской крепости», «Послание из Ленинграда Акселю Бакунцу» и другие.

Поэт ясно видит, что для передачи грандиозных сдвигов нашей эпохи нужно обладать силой Пушкина, уменьем с такой же страстностью и глубиной поднимать животрепещущие вопросы современности.

...И нужен Александра ум,
Чтоб в споре злободневных дел
Презрительно отвергнуть шум,
Чтоб стих, очистившись, звенел.

Поэт выражает уверенность, что многогранная социалистическая жизнь вызовет к активной жизни такого поэта, и он придет:

И скоро наш поэт придет,
Его мы не напрасно ждем!
Героев новых воспоет
Высоким пламенным стихом.
В его поэмах зазвенит
Дыханья века мощный звон.
В сердцах огни воспламенит,
И лире не изменит он...

Животворным дыханием немеркнущей пушкинской поэзии проникнут ряд произведений Чаренца. Но поэт не стремится к слепому подражанию. Во всей поэзии Чаренца высоко развито чувство нового.

---

[1] Е. Чаренц, О литературе (на арм. языке), 1957, стр. 160.

После установления Советской власти в Армении до предгорий Арарата дошло и стало распространяться благотворное влияние творчества В. Маяковского.

Молодые литераторы и работники искусства Армении, обучавшиеся в Москве, учились у Маяковского. Под знаменем Маяковского они вели острую борьбу с буржуазной реакцией в армянской литературе, освобождались от груза реакционной идеалистической эстетики.

Выдающийся армянский прозаик Д. Демирчян писал: «Маяковский — это совесть нового человека в поэзии. Все в нем ново. И содержание, и форма, потому что новы в нем и мировоззрение, и побуждения, и стремления, и эмоции. Он эпохален. Поэтическая мудрость, философская активность в мышлении, глубокий разум — вот особенности Маяковского, чем он берет, чем покоряет» [1].

С огромной силой оказала влияние на ряд армянских писателей воинствующая партийность Маяковского.

Вскоре в молодой Армянской республике, когда в АТА (Армянском телеграфном агентстве) были получены из РОСТА революционные стихи и плакаты Маяковского, молодые поэты устраивали громкие читки, обсуждения, и для многих из них это открыло новые горизонты, явило пример смелого новаторства в литературе.

В 20-х годах в московском общежитии студентов-армян в свободные часы много спорили о Маяковском. Его высказывания и программа литературной борьбы целиком воспроизводились в многочисленных манифестах и декларациях литераторов Армении. Особенно велико было его влияние на молодых поэтов Армении. В творчестве поэтов Армении есть немало удачных примеров «раздельной строки», крепкой рифмовки.

Творчество Маяковского широко известно трудящимся Армении и любимо ими. Многие его произведения, несмотря на сложность перевода, изданы на армянском языке. Указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР село Шааб Котайкского района переименовано в село Маяковский, а Шаабский сельсовет — в Маяковский сельсовет. Именем Маяковского названы улица и одна из средних школ Еревана. Известно, что семья Маяковских до переезда в Грузию (незадолго до рождения В. Маяковского) жила в Армении, в Степанаванском районе.

---

[1] «Коммунист», газета, Ереван, № 87, 1940.

* * *

Героическая борьба трудящихся России против самодержавия и капитализма, возглавляемая большевистской партией, увенчалась всемирно-исторической победой. В октябре 1917 года рухнул ненавистный старый мир.

Ученик и соратник В. И. Ленина С. Шаумян, находившийся тогда в Баку, обратился к рабочим с призывом, в котором говорилось:

«Граждане!

Петроградский революционный пролетариат и гарнизон объявили низложенным буржуазно-коалиционное правительство Керенского — Коновалова, и Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил новое правительство народных комиссаров во главе с Лениным...

Все желающие блага народу и скорейшего водворения мира и порядка в истерзанной и измученной стране должны немедленно и решительно стать на сторону нового правительства народных комиссаров во главе с Лениным...

Да здравствует революционный пролетариат и гарнизон Петербурга! Да здравствует новое революционное правительство во главе с Лениным!

Да здравствует власть Советов!» («Бакинский рабочий», № 76, 4 ноября 1917 г.).

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к установлению мира и дружбы между народами, о которых веками мечтали народы России.

И этот мир наступил бы тогда же, если бы российская контрреволюция и буржуазные националисты на окраинах, при поддержке иностранных интервентов, не помешали народам бывшей Российской империи строить жизнь на новых началах. Новый советский строй рождался в условиях ожесточенной борьбы против сил старого мира.

С 1918 по ноябрь 1920 года в Армении господствовали дашнаки. С помощью иностранных колонизаторов они оторвали от России Армению и установили в ней режим произвола и насилия над трудящимися.

Дашнаки торговали судьбами армянского народа, пытались превратить Армению в колонию империалистов. Повсеместно в городах и селах Армении от голода и эпиде-

мий ежедневно умирали тысячи людей, народ задыхался в тисках нищеты и произвола.

Но дашнаки не могли сломить воли народа к борьбе, к освобождению.

Осенью 1920 года «независимое» дашнакское правительство Армении, шедшее на поводу у Антанты, обанкротилось окончательно. Затеяв по указке Антанты армяно-турецкую войну, к которой стремились турецкие захватчики, это «правительство» поставило страну на грань катастрофы, а народ — в невыносимое положение.

В октябре — ноябре 1920 года большая часть армянской территории оказалась в руках турецких оккупантов, творивших здесь чудовищные злодеяния. Остальная часть территории Армении была наводнена беженцами, на ней царили голод и эпидемии.

В эти тяжелые дни армянский народ почувствовал великую ленинскую заботу о своей судьбе. По указанию В. И. Ленина на помощь восставшим рабочим и крестьянам Армении пришла 11 армия, возглавляемая верными сынами Коммунистической партии С. Орджоникидзе, С. Кировым и А. Микояном.

29 ноября 1920 года был образован ревком Армении. Он опубликовал Декларацию об образовании Советской Социалистической Республики Армении. Спустя день, ревком обратился к В. И. Ленину с приветствием.

В начале декабря столица Армении Ереван была очищена от дашнаков. 7 декабря в освобожденном Ереване состоялся многотысячный митинг. Участники митинга послали В. И. Ленину телеграмму:

«Москва.

Товарищу Ленину.

Сплотившись сомкнутыми, сплоченными рядами вокруг коммунистических красных знамен, трудящиеся в Вашем лице приветствуют вождя Октябрьской революции, революции, волны которой, разрушив и уничтожив все преграды, дошли до далекой Армении.

...Вступив в пролетарскую семью Советских республик, мы следуем героическому примеру Октябрьской революции. Опираясь на революционный опыт русских рабочих и помощь трудящихся Азербайджана и России, молодая

республика — Советская Армения — смело и без колебания идет к светлому будущему и ничуть не сомневается, что труд окончательно победит капитал» [1].

В истории армянского народа началась новая эра, новая светлая страница дружбы с русским народом и всеми народами Советского Союза.

С первых же дней Советской власти в Армении Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин проявляли настоящую заботу о молодой Советской республике... Один из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства А. Мясникян (Мясников) писал:

«Последняя моя встреча с тов. Лениным состоялась в декабре 1922 года. Тогда он жил в Горках, ныне в историческом доме, где оборвалась его жизнь. Он тогда только что окончательно оправился от первого удара и собирался уже вернуться в Москву, чтобы приступить к обычным своим работам. Был весел, смеялся... говорил, что „теперь чувствует себя хорошо" и надеется, что будет по-старому работать. И действительно, он мало изменился тогда, много расспрашивал, по обыкновению, живо интересовался всем, говорил о закавказских делах. Спрашивал, поднялась ли опустошенная Армения, как обстоят там дела... с орошением, с продовольствием, достаточно ли крепка национальная Красная Армия, не обижаем ли мы „мелкий люд", нет ли агитации со стороны буржуазной интеллигенции... и т. д. и т. п. Я ушел от него под тем впечатлением, что Закавказская федерация и намечавшийся тогда Союз Советских Республик, по мысли тов. Ленина, еще более укрепят межнациональную дружбу и усилят советскую власть.

...Я бесконечно счастлив и по гроб жизни буду гордиться и вместе с тем поражаться (как будто бы это не сон!) тому, что был современником, был знаком лично, разговаривал с ним, пожимал ему руку, ходил и ездил вместе с ним, был последователем и маленьким учеником этого гиганта, гения и величайшей горы нашего времени» [2].

Да, Александр Федорович Мясников действительно был одним из учеников Ленина, одним из тех сынов армянского народа, которых Ленин лично знал и любил, доверял им

---

[1] «Коммунист», газета на арм. языке, № 3, 8 декабря 1920 г.
[2] «Заря Востока», газета, № 558-а, 23 апреля 1924 г.

Вступление Красной Армии в Армению (худ. В. Хоренян).

важнейшие партийные и государственные дела, вырастил и воспитал из них выдающихся революционных деятелей. Ленинская партия пробудила в них разносторонние способности и таланты.

Уроженец Нового Нахичевана, воспитанник Лазаревского института, член РСДРП с 1906 года, А. Ф. Мясников с первого дня Великой Октябрьской социалистической революции становится одним из видных деятелей партии и молодой Советской республики.

В ноябре 1917 года мы видим его на посту председателя Совета Народных Комиссаров Западной области и председателем Северо-западного областного комитета РСДРП(б). В декабре Советское правительство назначает его временно исполняющим обязанности Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Советской страны. В 1919 году по решению ЦК партии А. Мясников приезжает в Москву и направляется на работу в МК партии как военный организатор, которому подчинялся весь Московский гарнизон. В этот период он неоднократно встречался с Лениным. 25 сентября А. Мясников председательствовал на собрании ответственных работников в здании МК в Леонтьевском переулке, когда анархисты и левоэсеровские заговорщики бросили бомбу, убив 12 и ранив 55 человек. Был контужен и Мясников. В декабре 1920 года по просьбе С. Орджоникидзе в числе других работников в Армению был послан Мясников. Перед отъездом с ним беседовал Ленин. Воодушевленный ленинскими указаниями и советами, Мясников развивает кипучую деятельность по укреплению Советской власти в Армении. В 1921 году мы видим его уже на посту председателя Совета Народных Комиссаров и наркома военных дел Армянской ССР. Во всей своей многогранной партийной и государственной деятельности А. Ф. Мясников был пролетарским интернационалистом, горячим поборником братской дружбы народов Закавказья, России. Дружбу с русским народом он ценил и берег как зеницу ока. «Армяне правильно поступали, — говорил Мясников, — что свою судьбу всегда связывали с русскими. Кавказ будет связан с Советской Россией такими же братскими связями, какими она связана с Башкирией, Татарией, Туркменистаном и другими малыми Советскими республиками» [1].

---

[1] А. Мнацаканян, Александр Мясников (Мясникян), Ереван, 1957, стр. 186.

Он призывал изучать культуру русского народа. Еще в дореволюционное время он, автор ряда театральных рецензий, писал о постановке пьесы Чехова «Чайка» в Новонахичеванском городском театре и творчестве Чехова, называя его гениальным автором талантливых рассказов и великим драматургом. Мясников составил тезисы основ дарвинизма и учения Тимирязева, глубоко изучив его труды. В 1918 году он принял деятельное участие в основании Смоленского университета, где прочел доклад «Какими должны быть университеты Советской России». Он не раз обращался к проблемам литературы и искусства, написал серию статей, анализирующих творчество С. Назаряна, Г. Арцруни, Р. Патканяна, Раффи, И. Иоаннисиана, Ал. Цатуряна, О. Туманяна, Ш. Кургинян, А. Акопяна, В. Терьяна, высказал любопытные мысли по поводу критического анализа сочинений Пушкина, Достоевского, поэзии Эмиля Верхарна, Ады Негри и постановки «Гамлета» Шекспира. Рассматривая основные жанры искусства, Мясников в своих критических статьях неоднократно подчеркивал, что искусство отражает жизнь. Искусство есть синтез, сгусток повседневных разнородных явлений общественной жизни. Одно связано с другим, искусство исходит от жизни и отображает ее. Следовательно, литература и искусство — явления общественные. Отсюда следует, что критический разбор и оценка произведений литературы и искусства должны делаться с общественной точки зрения, с классовых и партийных позиций.

Занятый большой партийной, государственной работой, литературными делами, Мясников по-ленински заботливо относился к молодежи, людям культуры. С этой стороны его заботу о будущем ярко характеризует такой пример. Мясникову стало известно о тяжелых материальных условиях школьника Виктора Амбарцумяна, нынешнего академика, президента Академии наук Армянской ССР, который уже тогда обнаружил выдающиеся способности. Мясников сделал все для того, чтобы «маленькому астроному» обеспечить хорошие условия для учебы. Вопрос обсуждался на заседании Совета Народных Комиссаров Армянской ССР.

Внезапная трагическая смерть оборвала жизнь этого пламенного революционера-ленинца, человека разносторонних способностей, большого сердца.

Еще в декабре 1910 года В. И. Ленин предполагал издание специальной брошюры о народных героях, беззa-

ветных борцах за великое дело освобождения трудящихся, которые родились и закалились в горниле героической борьбы русского рабочего класса. Он писал, что это «будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему».

Одним из таких народных героев, прошедшим славный революционный путь вместе с русскими большевиками, вместе с Лениным, был сын армянского народа, легендарный Камо — Симон Аршакович Тер-Петросян.

Уроженец Гори, он с первых школьных лет обнаружил жажду знаний, но могла ли дать их захолустная школа! За вопрос: «Действительно ли существовал Христос или это басня?...» его исключили из школы. Мальчик стремился «увидеть весь мир». Он позднее писал: «Разве можно назвать человеком того, кто не объехал весь мир!» [1]. А отец прочил его в писари. Его увлекала литература, русская в том числе. «Читал я в это время Пушкина и увлекался им» [2] — говорится в автобиографии героя. На всю жизнь сохранил он эту любовь. Сохранилась зеленая тетрадь Камо с записями по поводу произведений классиков русской литературы, особенно Пушкина. В ней есть отдельные выписки и краткое содержание некоторых произведений, а также народные пословицы и поговорки, которые Камо очень любил. Вот одна из записей: «Значение пословицы „Не суйся в воду, не зная броду". Каждая пословица... представляет собой художественный образ известного явления, из которого мы делаем вывод морального значения. Вышеуказанная пословица дает нам образ человека, который по своей неосмотрительности лезет в реку, чтобы переправиться через нее, и начинает тонуть в омуте, между тем как мог бы отыскать удобную переправу. Смысл этой пословицы следующий: прежде чем начать какое-нибудь дело, следует обдумать всесторонне последствия наших действий. Иначе человек станет жертвой своей необдуманности» [3].

В этой зеленой тетради содержатся также отрывки отдельных статей, написанных Камо. Например, в статье

---

[1] Л. Шаумян, Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна, Госполитиздат, М., 1959, стр. 8.

[2] Там же.

[3] Партархив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 31, д. 5.

«Петр Первый как великий преобразователь России» Камо писал: «Петр I, как великий преобразователь России, прекрасно понял мудрую старую философскую истину, что „новое вино не наливают в старые мехи"... Решив перестроить Россию на европейский лад, он стал собирать молодых людей разных сословий и посылать их за границу». Названия других статей — «Значение и состав Красной Армии», «Личные впечатления о VIII съезде Советов» и т. п.

Жизни революционера-боевика всегда сопутствовал живейший интерес к культуре, возвышенному и прекрасному. Сопутствовало стремление осмыслить историю и современность. Мы видели, что зачатки этих недюжинных способностей зародились у Камо еще в детские годы. Недаром ребенком он стремился выучить русский язык. Родители наняли ему учителя. «Я хорошо научился у него русскому языку»,— писал Камо. Русский язык открыл ему доступ к книгам, которые приобщили его к великим идеям гуманизма, освободительной борьбы человечества. И, взмахнув крыльями, орленок улетел из родного гнезда. В 1887 году мы видим его в Тифлисе. Здесь он примкнул к революционному движению, стал большевиком-ленинцем.

Вспоминая это время, С. Орджоникидзе говорил: «Ты считал своим долгом разъяснить мне, как стать большевиком, как бороться за интересы пролетариата... И не раз ты излагал свои планы о борьбе с капитализмом» [1]. Да, Камо был пламенным агитатором, боролся за решения II съезда партии, за боевую партию нового типа.

Он считал большим счастьем, что неоднократно встречался с В. И. Лениным, с удивительным бесстрашием выполнял опаснейшие поручения Ленина, партии. Он был шесть раз арестован, три раза бежал из тюрем, четыре раза его приговаривали к смертной казни, но заменили ее двадцатью годами каторги. Это не считая ранений и других мук, которым его подвергали царские палачи и которые он перенес с несгибаемой стойкостью. Вот, например, эпизод времен первой русской революции. Декабрьское вооруженное восстание в Грузии. Опасная схватка с казаками. Камо тяжело ранен. Когда казаки подошли к нему, он не мог двинуться с места. Казаки решили оставить его в живых, но отрезать

---

[1] Л. Шаумян, Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна, Госполитиздат, М., 1959, стр. 270.

нос. Потом передумали. Заставили его копать себе могилу. Камо с исключительной стойкостью терпел дикие издевательства казаков и полицейских. В полумертвом состоянии его перевезли в Метехскую тюрьму. Только через несколько дней он пришел в себя. Он твердо решил выжить, чтобы снова стать в ряды борцов революции.

Недаром сам Ленин писал, что знал его «как человека **совершенно исключительной** преданности, **отваги** и энергии», ценил и любил Камо.

Они встретились первый раз весной 1906 года в Петербурге. В 1907 году вместе жили летом в Финляндии, а в сентябре увиделись в Льеже. Когда в 1909 году германское правительство выдало Камо царской охранке (ему угрожала смертная казнь), В. И. Ленин явился инициатором кампании за спасение жизни Камо, начавшейся в странах Западной Европы.

После побега из психиатрической больницы в Тифлисе (где Камо искусно симулировал душевнобольного), он приехал в Париж, к Ленину, и пробыл у него около двух месяцев. Владимир Ильич радостно встретил его, помог деньгами, настаивал на лечении, позаботился по-отечески.

В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская рассказывает, что Камо должен был вскоре уехать в Бельгию на пароходе. Владимир Ильич спросил его: «А есть у вас теплое пальто, ведь в этом Вам будет холодно ходить по палубе?». Сам Ильич, когда ездил на пароходе, неустанно ходил по палубе взад и вперед. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который Ильичу особенно нравился» [1].

С новыми поручениями Ленина, партии умчался Камо в Россию бороться за освобождение трудящихся. В девятнадцати странах протекала его революционная деятельность. Для подлинного пролетарского интернационалиста не существовало национальных преград. Ветераны баррикадных боев на Красной Пресне в Москве помнят, что они воевали оружием, доставленным Камо. Он пролил свою кровь в совместной борьбе на баррикадах в Грузии, в южных районах России, когда во главе «сорока смельчаков, стоивших

---

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, М., 1957, стр. 171.

тысячи», в тылах Деникина динамитом и пулями разил врага.

И снова он виделся с Лениным, приезжал в Москву, в Краснопресненском райкоме партии получил свой новый партийный билет. На этот раз Владимир Ильич предложил военным властям «дать ему возможность поучиться командному делу».

Получив особые поручения, Камо в конце 1919 года работал под фамилией Петрова. В ту пору ему было выдано удостоверение, написанное Лениным собственноручно, с формулировкой, послужившей недавно заглавием кинофильма, посвященного герою («Лично известен»). Вот оно:

«У д о с т о в е р е н и е

Предъявитель сего тов. К. Петров, имеющий билет № 483 (от 1/X—1919 г.) на пропуск в здание ЦИК и работающий в одном отделе ЦИК, лично мне известен.

Прошу **все советские учреждения, военные** и прочие власти оказывать т. К. Петрову полное доверие и **всяческое** содействие.

Председатель Совета Обороны
В. Ульянов (Ленин)» [1].

Но в то время Советская власть победила в Закавказье, и Камо посылается туда бороться и строить новую жизнь, о которой он мечтал, ради которой двадцать один год, не щадя сил и жизни, наносил, по словам М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилова, «страшные удары самодержавию».

...И вот в Пушкинском сквере в Тбилиси появился на могильном холме венок: «Незабвенному Камо — от Ленина и Крупской». Рядом — «Бессменному часовому пролетарской революции — от Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)». Множество венков. Траурные мелодии. Приспущены красные знамена. 18 июля 1922 года хоронили Камо. За четыре дня до этого он нелепо погиб в уличной катастрофе.

Бессмертна память о нем. И справедливо назвали его близкие друзья яркой звездой крупной величины, которая неугасимо сверкала в мрачные дни самодержавия.

---

[1] «Заря востока», Тифлис, № 163, 1932.

БРАТСКАЯ ДРУЖБА И РАЗВИТИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ

По пути расцвета в семье народов Советского Союза. ★ Ведущая роль русской литературы и культуры в подъеме духовной жизни народов СССР. ★ Традиции дружбы: А. М. Горький, М. А. Шолохов, Н. С. Тихонов и А. Исаакян, А. А. Фадеев и Д. К. Демирчян, А. Толстой, Вс. Иванов, А. Фадеев и эпос «Давид Сасунский», Ян Райнис и Армения, И. П. Павлов и Л. А. Орбели, К. С. Станиславский и Е. Б. Вахтангов, И. А. Орбели, Н. Е. Жуковский и Г. М. Мусинянц, С. Прокофьев и А. И. Хачатурян и др. ★

Дружба, испытанная в труде и боях, с честью выдержала все испытания. ★ Фронтовые эпизоды. ★ Послевоенный расцвет. ★

Декады армянской литературы и искусства в Москве. ★

Творческие взаимосвязи и взаимодействие литератур и культур — один из основных факторов дружбы народов СССР, непреодолимой силы советского строя, лагеря социализма.★

Под руководством Коммунистической партии, с помощью русского народа и братских народов Советского Союза Армения стала страной развитой социалистической индустрии и крупного механизированного сельского хозяйства.

В Армении за эти годы были построены крупные промышленные предприятия химической, металлургической, горнорудной, машиностроительной, строительной, легкой и пищевой промышленности.

Особое развитие получило строительство крупных и сельских гидроэлектростанций.

Для подъема социалистического сельского хозяйства широко были развернуты ирригационные работы в республике.

Развитие социалистической промышленности, коллективизация сельского хозяйства высоко подняли материальное благосостояние трудящихся Армении и дали возможность широко развернуть культурное строительство.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции обеспечила подлинный расцвет культуры армянского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию. Советский строй открыл поистине неограниченные возможности для развития в Армении просвещения, искусства, науки, литературы.

И здесь сказалась та огромная помощь, которую оказывал и продолжает оказывать великий русский народ другим братским народам страны в развитии их экономики и культуры.

Без огромной помощи русского народа расцвет национальных культур был бы невозможен.

Люди всех возрастов с любовью и интересом изучают русский язык, язык великого Октября. Огромным спросом пользуются книги на русском языке. Этот язык открыл путь к тесному культурному общению армянского народа с народами других республик СССР и стран народной демократии. Советская власть выделила огромные средства на дело просвещения, и в очень короткое время города и села респуб-

лики покрылись широкой сетью массовых школ с преподаванием на родном языке.

Это открыло народу путь к свету и знанию, к бесценным сокровищам тысячелетнего культурного наследства, которое бережно хранит Советская власть.

Одним из очагов науки Армении является Матенадаран — хранилище древних рукописей в Ереване.

Многие удивляются — а это действительно достойно удивления! — что через века трагической судьбы дошли до наших дней хранящиеся здесь пергаменты, датированные V веком н. э.

В ту древнюю пору был усовершенствован армянский алфавит, ставший решающим фактором дальнейшего роста армянской культуры. Создателем нового алфавита явился Месроп Маштоц.

Он был выдающимся просветителем своего времени: организовывал школы, содействовал распространению грамотности, стремился превратить созданный им алфавит в средство укрепления христианской веры. Еще в V веке при монастырях открываются библиотеки. У историка Казара Парпеци упоминается об основании им в 486 году в Эчмиадзине одной из первых библиотек, явившейся основой Матенадарана.

Армянский алфавит и письменность стали средством развития всех наук своего времени: философии, поэзии, космографии, математики, медицины и армянской историографии. Имея свой алфавит и письменность, армяне получили возможность делать переводы с греческого, сирийского, латинского и других языков.

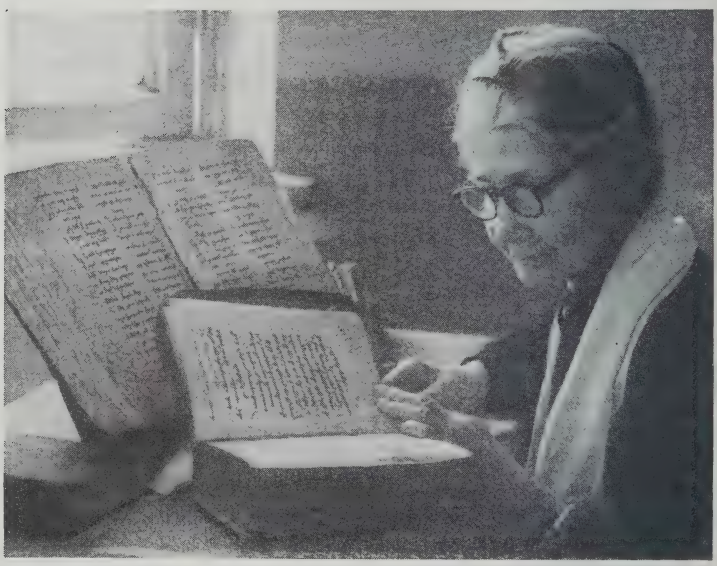
Энтузиасты просвещения неутомимо трудились над созданием истории жизни и древней культуры армянского народа. Но нашествия иранцев и византийцев, арабов и сельджуков, монголов и турок каждый раз предавали огню, уничтожению эти шедевры человеческого ума. Десять тысяч древних рукописных книг сожгли сельджуки во время своего кровавого нашествия в 1179 году в городе Баалбек (в Сирии). А сколько древних рукописей было уничтожено и вывезено в Самарканд Тамерланом в черные дни его нашествия на Армению!

После очередного изгнания арабов, византийцев, монголов из Закавказья Армения получала возможность самостоятельного культурного развития. Расширяется и сеть библиотек. Множество редчайших рукописей было собрано

в Татеве, Санаине, Ахпате, Гехарте и других центрах Армении. С течением времени рукописный фонд этих библиотек систематически дополнял сокровищницу Матенадарана.

В дальнейшем, вплоть до первой мировой войны, армянские древние библиотеки часто подвергались уничтожению и разграблению. В 1914 году усилиями Российской Академии наук весь фонд Матенадарана был перевезен в Москву. И только после установления Советской власти все эти ценности были возвращены армянскому народу. Благодаря заботе Советского правительства все древнейшие рукописи, находящиеся в Армении, были собраны в Матенадаране.

В настоящее время здесь хранится около десяти тысяч ценных армянских рукописей, около пятисот семидесяти рукописей на других языках, четыре тысячи фрагментов и не менее двухсот тысяч архивных документов, относящихся к истории Армении и соседних народов.



В Ереване в государственном хранилище древних рукописей (Матенадаране) научная сотрудница Дурново за изучением армянских манускриптов.

Рукописные книги на пергаменте и бумаге составляют основную ценность Матенадарана. Эти уникальные документы охватывают огромный исторический период, начиная с V и кончая XVIII веком. Они содержат труды всех армянских историков, философов, математиков, астрономов, космографов, медиков, алхимиков, поэтов, художников, композиторов средневековья.

В Матенадаране хранится древнейший из дошедших до нашего времени учебник по арифметике, составленный знаменитым математиком VII века Ананием Ширакаци. Это первый учебник арифметики в мире. А. Ширакаци является автором и первой арифметической таблицы.

Здесь можно видеть самую древнюю бумагу в СССР и в Европе, на которой в 972 году был написан труд «Сборник историко-философских сочинений».

С древнейших времен в трудах армянских историков упоминается русский народ.

В XII веке санаинский настоятель Тутеворди советует армянскому католикосу не уступать требованиям византийского кесаря и просить содействия у влиятельных церквей, в частности от «удостоенной чести христианства православной русской церкви».

В хранилище имеются и сочинения Аристотеля, Платона, Зенона, Порфирия и других.

Интересно отметить, что некоторые из философских трудов сохранились лишь в армянском переводе (Зенон-стоик «О природе»), причем переводы одного только Аристотеля дошли до нас в двухстах тридцати списках и входят в золотой фонд Матенадарана.

Исторически судьба армянского народа сложилась так, что начиная с XI века, подвергаясь нашествию иноземных захватчиков, армяне вынуждены были скитаться по всему свету и создавать свои произведения в чужих странах. Вот почему в Матенадаране мы видим рукописи на греческом, персидском, латинском, сирийском, эфиопском, узбекском, древнегрузинском, арабском и других языках. принадлежащие перу армян, живших в этих странах.

В Матенадаране находятся также сочинения авторов других народов. Среди них — список произведений Низами, индийского поэта Дахлави, сборник сочинений Навои, переписанный в 1484 году, и произведения других авторов Востока.

Все эти сокровища человеческого творчества, бережно хранящиеся в стенах государственного хранилища древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР — Матенадаране, являются источником неиссякаемых научных исследований по истории и философии, математике и медицине, педагогике и химии, биологии и астрономии, геологии и минералогии, хирургии и зоологии, книжной живописи и нотописи.

В книге отзывов хранилища можно увидеть много ярких запоминающихся записей. Анри Барбюс, посетивший в 1927 году Матенадаран, замечает:

«Я счастлив, и сознание мое обогатилось, когда я увидал чудесные манускрипты, находящиеся в этой библиотеке» [1].

Эти краткие данные о Матенадаране хочется закончить словами советского историка академика Е. В. Тарле:

«Архивное хранилище Армении производит неизгладимое впечатление. Оно стоит лицом к лицу с культурнейшим историческим народом, который от времени классической древности и вплоть до настоящего времени числился в первых рядах культурных наций. И как отрадно, что современное армянское поколение так любовно и бережно относится к своему великому прошлому» [2].

* * *

Ныне научная работа в Армении приобрела поистине огромный размах. Республика располагает десятками научно-исследовательских институтов, занятых разработкой важнейших научно-исследовательских проблем. Их возглавляет научный штаб республики — Академия наук Армянской ССР, созданная в 1943 году.

За прошедшие годы Академия наук Армянской ССР выросла и окрепла, став одним из крупных центров советской науки. В ее систему входят пять отделений — физико-математических, технических, биологических, сельскохозяйственных и общественных наук. В каждое из этих отделений входит группа научных учреждений. Особенно следует

---

[1] Из книги отзывов научно-исследовательского института — Матенадаран, при Совете Министров Арм. ССР в Ереване.

[2] Там же.

отметить успехи, достигнутые учеными отделения физико-математических наук. Это тем более замечательно, так как до основания академии в республике почти отсутствовала научная работа по физико-математическим дисциплинам. Коллектив математиков во главе с действительным членом Академии наук Армянской ССР А. Шагиняном сумел разрешить ряд сложных вопросов теории приближений комплексной области. Из работ, выполненных в этом коллективе, особенно значительное место занимают исследования члена-корреспондента Академии наук СССР и действительного члена Академии наук Армянской ССР С. Мергеляна и действительного члена Академии наук Армянской ССР М. Джрбашяна. В работе отделения видное место занимают также исследования по механике сплошной среды, в частности известны работы действительного члена Академии наук Армянской ССР Н. Арутюняна по теории ползучести материалов.

На базе сектора математики и механики ныне организован научно-исследовательский институт, который продолжит ранее проведенные исследования по общей теории функций, теории приближений и теории дифференциальных уравнений.

Эти разделы математики тесно связаны со многими проблемами техники и естествознания вообще. Сектор механики и лаборатория прочности будут вести теоретические исследования с таким расчетом, чтобы их экспериментальные результаты получили практическое применение в народном хозяйстве и двигали вперед эту отрасль науки.

В институте создана новая лаборатория вычислительной техники, которая призвана разрабатывать новые методы расчета, намного облегчающие практическую деятельность инженера. С этой целью лаборатория оборудуется математическими машинами новейшего типа.

Развитие электротехнической промышленности в нашей республике является ярким примером содружества ученых и инженеров-производственников. В этом отношении достойна подражания энергичная деятельность действительного члена Академии наук Армянской ССР А. Г. Иосифяна. Вот уже около пятнадцати лет ученый занимается разработкой вопросов теории электрических машин и схем автоматического регулирования напряжения. Накопленный опыт практической и теоретической работы помог А. Г. Иоси-

фяну внедрить в производство некоторые свои весьма прогрессивные идеи. В опытном производстве Ереванского научно-исследовательского института успешно осуществляется выпуск электронной счетной машины, разработанной А. Г. Иосифяном и членом-корреспондентом Академии наук СССР И. С. Бруком.

Сотрудники института физики провели ряд глубоких исследований в области космических лучей. Этими исследованиями руководит член-корреспондент Академии наук СССР и действительный член Академии наук Армянской ССР А. Алиханян.

Малозаметной точкой обозначено на карте Армении село Бюракан. Оно находится на склоне Арагаца и в прошлом ничем не было примечательно. Близ этого села двенадцать лет назад была организована астрофизическая обсерватория Академии наук Армянской ССР. За истекшие годы здесь выросла группа астрофизиков, возглавляемая президентом Академии, членом-корреспондентом Германской академии наук, членом-корреспондентом Австрийской академии наук, почетным членом Американской академии искусств и наук, членом-корреспондентом Бельгийского Королевского научного общества в Льеже, почетным членом Американского астрономического общества, Королевского Астрономического общества в Лондоне, награжденным Жансеновской медалью Французского астрономического общества академиком В. А. Амбарцумяном. Своими оригинальными научными исследованиями Бюраканская астрофизическая обсерватория стала известна всему ученому миру. Именно здесь Виктору Амазасповичу Амбарцумяну удалось открыть звездные ассоциации — новые системы, где рождаются звезды новой формации. Основываясь на многочисленных наблюдениях и теоретических расчетах, академик Амбарцумян произвел оценку возраста различных звездных систем, входящих в Галактику. В результате он открыл существование очень молодых ассоциаций, названных им «звездными ассоциациями». Известно, что средний возраст других звезд составляет несколько миллиардов лет. Между тем возраст звезд, входящих в ассоциации, составляет лишь несколько миллионов лет. Таким образом, ученый заключил, что формирование звезд в Галактике продолжается и поныне. Этим открытием он опроверг утверждение некоторых реакционных ученых, что Вселенная представляет собой нечто застывшее, неизменное.

За последние годы появилась новая наука — радиоастрономия. Она занимается исследованием приходящего к нам из далеких пространств космического радиоизлучения. Эта новая отрасль физики небесных тел использует в своей работе последние достижения современной радиотехники. Для развития этой отрасли науки при Бюраканской астрофизической обсерватории создан сектор радиоастрономии, который оснащается соответствующим оборудованием. В обсерватории уже установлены первые радиотелескопы.

Ученые Института геологии под руководством действительных членов Академии С. Мкртчяна и И. Магакяна положили начало серьезному изучению естественных богатств недр республики.

Серьезное значение для развития промышленности республики имеют работы химиков. Их исследования помогают разрешить вопросы использования сырьевых богатств республики, разработать новые технические приемы. В этом отношении выдающееся место занимают труды члена-корреспондента АН Армянской ССР М. Манвеляна.

В Институте тонкой органической химии, возглавляемом действительным членом Академии наук Армянской ССР А. Мнджояном, создаются возможности для биологического испытания синтезируемых веществ, а также для изготовления новых препаратов в полупроизводственном масштабе.

Проблемы науки о жизни разрабатываются в отделении биологических наук. Ботаники изучают растительность республики и занимаются вопросами озеленения городов.

Большая творческая дружба связывала доктора медицинских наук А. Рыбинского со своим учителем — известным советским рентгенологом академиком АН Арм. ССР В. Фанарджяном. Они часто встречались, обменивались оттисками работ.

На одной из своих монографий А. Рыбинский пишет: «Глубокоуважаемому и дорогому Варфаломею Артемевичу на добрую память о днях совместной работы в Железноводске, на заре моей рентгенологической юности и в знак искреннего почтения».

Основываясь на учении великого русского физиолога И. Павлова, физиологи Армении включились в разработку проблем высшей нервной деятельности. Широкие задачи стоят перед отделением сельскохозяйственных наук.

Большое количество исследований по истории, литературе, языку и искусству армянского народа выполнено

в отделении общественных наук. За последние годы сделана серьезная работа по критическому пересмотру основных вопросов истории Армении, классического наследия литературы, языкознания.

В свое время крупный вклад в развитие армяноведения в России внес Н. Я. Марр, получивший в Петербургском университете блестящее образование у выдающихся востоковедов 80-х годов прошлого века.

Он вошел в научный мир в 1889 году своей магистерской диссертацией на тему «Сборники притч Вардана». Позднее он был экстраординарным профессором по кафедре армянской и грузинской словесности. В 1901 году, защитив диссертацию «Толкование песни песней» Ипполита (рукопись X века), Н. Я. Марр получил ученую степень доктора армянской словесности. Это было началом дела, которому выдающийся ученый посвятил всю свою жизнь. Мы не касаемся его трудов по лингвистике. Мы воздаем дань уважения человеку, который своими трудами в области археологии приоткрыл завесу тайны, скрывавшей ряд этапов истории армянского народа, который дал себе благодарный труд изучить многочисленные памятники армянской литературы, хранящиеся в Матенадаране, Ленинграде, в собрании Лазаревского института, в Берлинской коллекции армянских рукописей и т. д. Многое сделав, Н. Я. Марр пришел к выводу, что поприще деятельности в области армяноведения необъятно. Он писал: «Если теперь бросим взгляд на результаты почти двухвековой разработки армянской литературы, то надо признаться, что найдем мало утешительного. Конечно, много было наработано и с пользою по исследованию памятников армянской письменности, но здесь мы не интересуемся исследованиями отдельных памятников, изданиями их и переводами, раз они не вносили ничего прямо в предмет нашей темы, в самую историю армянской литературы. Нас здесь интересует сама теория и история армянской литературы, и вот в этом-то отношении сделано мало». Это замечание выдающегося русского ученого, будем надеяться, современники учтут в полной мере, хоть они многое и успели сделать.

Институтом истории изданы «Очерки по истории Советской Армении», «Очерки по архитектуре Советской Армении», монография «Освободительная борьба армянского народа против турецких захватчиков в 1850—1870 годах», подготавливается к печати в трех томах «История армян-

ского народа», издаются сочинения армянских классиков, вышел в свет четырехтомный Большой русско-армянский словарь. Ряд интересных работ издан учеными Института экономики Академии наук Армянской ССР.

Серьезные успехи достигнуты в археологическом изучении Армении. Эти работы ныне ведутся широким фронтом и весьма планомерно. Не удивительно поэтому, что армянские археологи делают открытие за открытием. Найдено уникальное произведение древнего армянского искусства — замечательная мозаика Гарни, относящаяся к I—II векам нашей эры. На юго-западной окраине Еревана, на берегу реки Раздан, находится холм, который местные жители называют Кармир-блур (то есть Красный холм). Раскопки здесь ведутся с 1936 года и ежегодно дают науке новые, замечательные данные. Кармир-блур — это целый археологический музей. Добытые здесь археологические материалы многочисленны и разнородны. Они позволяют восстановить культуру древнейшего из государств, некогда существовавшего на территории СССР, — мощного рабовладельческого государства Урарту.

В 1955—1956 годах археологическая экспедиция раскопала здесь группу кладовых, находящихся в непосредственной близости к северо-западным воротам, через которые скифы штурмовали крепость. Исследование этих кладовых дало особенно богатый материал.

Большой интерес среди находок этих годов на Кармир-блуре представляют три глиняные таблички, покрытые клинописью. Это хозяйственные документы архива крепости. Один из них рассказывает о доставке в Тейшебаини большого количества шкур телят, овец и коз, а также шерсти, второй касается передачи царем Сардури III виноградника и земли.

Эти интересные находки свидетельствуют о том, что и урартские центры в Закавказье имели свои архивы, отражающие хозяйственную жизнь крепости 2600-летней давности. Такие архивы хорошо известны в древних центрах месопотамской культуры. Обнаружение их в Закавказье представляет выдающийся научный интерес.

Нет сомнения в том, что дальнейшие раскопки Кармир-блура дадут нам новые документы, освещающие повседневную жизнь урартских центров в Закавказье.

Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Б. Б. Пиотровский давно уже сроднился с Арменией.

«Когда меня на научных конференциях спрашивают, — пишет он, — представителем какой республики и какого научного учреждения я являюсь, то мне часто трудно бывает ответить, и около моего имени, в скобках, появляются два слова: Ленинград, Ереван.

Вся моя научная жизнь связана с этими двумя городами, и один из них стоит в моем зимнем адресе, а другой в летнем... В первый раз я приехал в Ереван летом 1930 года, и с этого времени нити судьбы крепко связали меня с Арменией... Я имел большое желание узнать Армению и принять участие в изучении прошлого этой страны... С каким волнением и радостным чувством я знакомился с местами, хорошо мне известными по научной литературе... Во время войны я занимался древними памятниками Армении, вопросами происхождения армянского народа» [1].

Мы привели лишь отдельные факты — результаты работ различных научных учреждений и ученых, работающих в Академии наук Армянской ССР. За годы ее существования деятельность ее протекала в тесном сотрудничестве с учеными Москвы, Ленинграда и других крупнейших городов братских республик.

С большим успехом прошла в Ереване научная сессия, посвященная электрификации сельского хозяйства. Крупнейшие русские ученые, представители братских академий, союзных министерств и колхозов приняли самое активное участие в работе этой сессии, на которой были разработаны мероприятия по стандартизации сельскохозяйственного электрооборудования.

В Ереване прошла также Всесоюзная сессия по противосейсмическому строительству. Большую пользу принесла объединенная сессия отделений общественных наук Академий наук Армянской ССР и Грузинской ССР. Она открылась в столице Советской Грузии — в Тбилиси и закончила свою работу в Ереване. Прочитанные учеными двух академий доклады и сообщения свидетельствовали об успехах в развитии общественных наук.

Большинство выдающихся ученых Армении воспитывалось в Москве и Ленинграде под руководством крупнейших деятелей русской науки.

Гордостью армянского народа является имя действительного члена Академии наук СССР, действительного члена

---

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 314—316.

Академии наук Армянской ССР, генерал-полковника медицинской службы, лауреата Сталинской премии Леона Абгаровича Орбели. Его творческая деятельность протекала далеко от Армении, в Петербурге — Ленинграде, но он очень много сделал для развития физиологической науки Армении; многие из работающих в Ереване физиологов являются его учениками. Автору этих строк посчастливилось в начале июля 1957 года присутствовать на чествовании маститого ученого в связи с 75-летием со дня рождения. На берегу Невы, в конференц-зале Академии наук СССР собрались сотни советских ученых, прибывших сюда, чтобы достойно отметить знаменательную дату.

Море цветов, множество приветствий, искренних и сердечных. Из многих стран мира, из многих научных учреждений в адрес юбиляра поступили телеграммы. Вот некоторые из них.

Профессор Цай-Цжу из Шанхая писал: «По случаю Вашего 75-летия разрешите мне от имени Военно-медицинской академии КНР, а также от меня лично вам выразить сердечное поздравление. Ваша плодотворная деятельность в науке сыграла огромную роль в развитии науки в СССР. Китайские ученые с большим вниманием следят за Вашими успехами в науке...».

Эдриан из Кембриджа телеграфировал: «Искреннее поздравление с днем рождения шлют все физиологи Кембриджа».

В телеграмме Кате Я. тен из Амстердама говорилось: «Дорогой коллега, примите мои лучшие пожелания ко дню Вашего рождения. Позвольте выразить мое восхищение Вами — выдающимся физиологом».

«Шлю наилучшие пожелания ко дню Вашего рождения и выражение чувства восхищения выдающимся физиологом. Фриц Бухталь. Копенгаген».

Из Фармакологической лаборатории города Эдинбурга пришла следующая телеграмма:«...Ваше имя было мне знакомо со студенческих лет, и для меня явилось высокой честью быть впервые представленным Вам свыше 20 лет назад. Во время немногих наших встреч я был в восхищении от Вашего очаровательного общества... Искренне преданный Вам Геддам».

«...Ваше имя, как одного из выдающихся представителей советской науки, утвердилось за пределами многосторонней

области физиологии в широчайших научных кругах... Мы гордимся тем, что Вы являетесь членом нашей Академии, и благодарим Вас за все, что Вы сделали в своей богатой жизни. Вы член нашей Академии свыше 25 лет, и мы рады, что наши связи сохранились...

Примите, пожалуйста, уверения в моем глубоком уважении», — писал президент германской Леопольдино-Каролинской академии естествоиспытателей.

Президент международного объединения физиологических наук профессор Гейманс из Гента телеграфирует: «Ваши выдающиеся работы и большие заслуги перед физиологией Вашей страны и всего мира являются наилучшей причиной для поздравления Вас по поводу Вашей большой научной карьеры... Прошу Вас, дорогой коллега, принять выражение моих лучших чувств».

На имя председателя организационного комитета по проведению 75-летнего юбилея Л. А. Орбели поступила телеграмма доктора Поля Шошара из Нейрофизиологической лаборатории Сорбонны, в которой говорится: «Мы не забыли его пребывания в физиологической лаборатории Сорбонны и его сотрудничества с профессором Лапиком по исследованию действия адреналина на утомленную мышцу. Примите выражение моих лучших чувств».

«Впервые я встретился с Орбели в 1909 или 1910 году, когда он работал в Кембридже с Лэнгли и Баркрофтом, и с этого времени сохранил о нем теплое воспоминание. Его друзья в нашей стране вспоминают о нем так же тепло, как я, и мы рады, пользуясь этим случаем, послать ему наши приветы и поздравления. С наилучшими пожеланиями искренне Ваш А. В. Хилл», — эта телеграмма пришла на имя юбилейного комитета из Лондона.

Нет никакой возможности привести тут многочисленное количество приветствий Л. А. Орбели. Одно ясно, что многолетняя выдающаяся деятельность советского ученого получила мировое признание на радость отечественной науке.

Ответная речь Леона Абгаровича Орбели многократно прерывалась бурей аплодисментов присутствующих.

«Я приношу глубокую благодарность и организаторам сегодняшнего собрания и всем тем, кто счел возможным и нужным почтить меня сегодня своим присутствием и своими приветствиями, — сказал Леон Абгарович. — Мне с первых дней моей жизни повезло. Первое везение заклю-

чается в том, что я принадлежу к одной из древнейших наций, одной из наций, которая на протяжении многих столетий разрабатывает культуру. Дальше мне повезло и в том, что я попал в Военно-медицинскую академию, мою дорогую alma mater, с которой я остался связанным на протяжении всей моей дальнейшей жизни. Мне повезло и в том, что я имел счастье стать учеником И. П. Павлова и работать в Институте экспериментальной медицины, первом научно-исследовательском учреждении нашей страны. Коллектив Павлова, в котором я работал отчасти в роли помощника руководителя, отчасти в роли ученика, отчасти в роли просто сотрудника, оказал огромное влияние на мой склад и на всю мою жизнь.

Я не могу закончить свое выступление, — сказал он в заключение, — не выразив глубочайшей благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству, которые открыли передо мной широкие возможности и для моей научной деятельности и для обучения тысяч молодых ученых, принадлежащих ко всем национальностям нашей страны».

...9 декабря 1958 года. Неумолимая смерть вырвала из рядов советских ученых академика Л. А. Орбели — Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии наук Армянской ССР, Академии медицинских наук СССР и многих зарубежных академий, научных обществ и университетов.

В некрологе, опубликованном в газете «Правда» от имени Президиума Академии наук СССР и других академий и институтов, от имени Министерства обороны СССР и Министерства здравоохранения СССР, говорилось:

«...Л. А. Орбели обладал редким сочетанием качеств, являвшихся причиной его исключительных научных достижений. Талант физиолога-экспериментатора сочетался в нем с глубиной биолога-натуралиста, энергия исследователя — с умением ставить и разрешать новые трудные проблемы с выдающимися способностями организатора науки. В золотой фонд науки вошли исследования Л. А. Орбели по физиологии симпатической нервной системы, мозжечка, о координациях центральной нервной системы. Леоном Абгаровичем был разрешен ряд важнейших практических вопросов здравоохранения и проблем, связанных с повышением обороноспособности нашей Родины. Леон Абгарович явился одним из основоположников новой отрасли физиологической

науки — эволюционной физиологии, открывшей новые перспективы и новые пути для развития эволюционного учения...

Имя Л. А. Орбели — человека в высоком значении этого слова, кристально чистого, патриота своей Родины, выдающегося ученого Советской страны, подлинного гуманиста — это имя занесено в анналы советской науки, славу которой столь приумножили труды Л. А. Орбели» [1].

В память о выдающемся своем земляке Институт физиологии Академии наук Армянской ССР ныне носит имя академика Леона Абгаровича Орбели, а его многочисленные ученики с успехом развивают физиологическую науку в нашей стране.

Из самой гущи народных масс поднялся до уровня крупного советского ученого член-корреспондент Академии наук СССР и действительный член АН Армянской ССР Эзрас Асратович Асратян. Его детство, как и детство сотен тысяч армян в годы первой мировой войны, прошло в голоде, нищете и лишениях. С малых лет он скитался по городам и селам Закавказья в поисках куска хлеба.

«Советскую власть, — говорит он, — я встретил физически и морально изнуренным семнадцатилетним мальчиком, но уже с совершенно готовой почвой для восприятия великих идей этой новой власти, идей братства и равенства народов, идей мира, труда и творчества, отсутствия эксплуатации человека человеком. Я воспринял эти идеи с раскрытыми объятиями, всей душой, всем своим существом» [2].

Лишь при Советской власти Э. Асратян получил возможность учиться, учиться страстно, беззаветно, без устали. В 1922 году он окончил среднюю школу в Ереване. Позже учился в первом высшем учебном заведении Армении — в Ереванском государственном университете одновременно на двух факультетах, которые успешно закончил в тридцатых годах.

Случайное знакомство с одним из трудов гениального И. П. Павлова помогло ему принять решение стать физиологом, уехать в Ленинград учиться и работать у И. П. Павлова.

Ректорат Ереванского гос. университета возражал против его немедленной поездки: ведь Э. Асратян не знал русского языка. Но твердый и упорный в своем решении, с рекомендательным письмом профессора Л. А. Ротиняна на имя

[1] «Правда», 11 декабря 1958 г., № 345 (14739).
[2] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 303.

Л. А. Орбели он выехал в Ленинград. Здесь он стал учеником академиков И. П. Павлова и Л. А. Орбели. Пройдя блистательную школу у них, Э. Асратян вот уже свыше четверти века самостоятельно и плодотворно трудится.

На всю жизнь запомнил действительный член АН Армянской ССР Х. С. Коштоянц свои встречи и беседы с И. П. Павловым. Направление работ Хачатура Седраковича, казалось, было далеким от сферы деятельности павловской школы. Молодой ученый прокладывал путь развития новой отрасли научно-сравнительной физиологии. Ее объектами были — аксолотль, улитка, речной рак, пиявка — простые организмы с низшими формами реакций. А у Павлова исследовали самое сложное, самое совершенное создание природы — головной мозг высших позвоночных животных. Но Коштоянц воспринимал и упорно внедрял в свою работу методы подхода павловской школы к исследованию живого организма, такую постановку эксперимента, при которой исследователь получал ясный ответ на предложенный природе вопрос и мог выделить главное в бесчисленных связях, объединяющих жизненные процессы в организме в единое целое.

Вторым своим учителем Коштоянц считает Климентия Аркадьевича Тимирязева. Знакомство с его книгами произошло еще в ранней юности.

Изучать жизнь в ее истории, выяснить, как возникли и развивались ее сложные процессы, — вот задача, которую поставил перед собой Хачатур Седракович в результате знакомства с книгами Тимирязева. Не только интерес к биологии, но и увлечение историческим методом вынес он из этого чтения, что в значительной степени и определило его жизненный путь.

В Москве вырос в крупного советского ученого академик О. Л. Кнунянц.

Ованес Людвигович Кнунянц получил прекрасное образование в Московском высшем техническом училище, впитав в себя и сохранив все самые лучшие традиции этого замечательного втуза нашей страны.

Любовь к эксперименту, строгое отношение к работе, безупречная честность в проведении исследования — вот основные признаки лучших представителей этой школы.

О. Л. Кнунянц блестяще окончил химический факультет МВТУ и был оставлен при кафедре органической химии, где

он и работал сначала в качестве преподавателя, затем доцента и, наконец, профессора и заведующего кафедрой.

В области органической химии Ованес Людвигович работает с выдающимся успехом.

Уже его первые работы обратили на него внимание товарищей и старших преподавателей и быстро выдвинули его на одно из первых мест.

О. Л. Кнунянц начал свои работы в области химии пиридина, гетероциклического соединения, наиболее глубоко исследовавшегося в лаборатории органической химии МВТУ.

Глубокий знаток теоретической химии, О. Л. Кнунянц в то же время всегда интересовался прикладной химией. Инженер-химик по образованию, О. Л. Кнунянц отлично понимает запросы промышленности. Об этом красноречиво говорят десятки полученных им авторских свидетельств.

О. Л. Кнунянц сделал очень много. Напечатанные им многочисленные работы характеризуют его как вдумчивого исследователя, прилежного и блестящего экспериментатора, с успехом продолжающего работы своих учителей и предшественников, с честью поддерживающего славные традиции русских химиков.

Ближайшим учеником «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского был Г. М. Мусинянц.

Сотрудничество Н. Е. Жуковского с его учеником Г. М. Мусинянцем отнюдь не единственный случай дружбы и сотрудничества представителей русского и армянского народов в области авиации.

Генерал-майор авиации, член-корреспондент АН СССР Артем Иванович Микоян, один из прославленных авиаконструкторов, рассказывает, что еще в 30-х годах, будучи слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского, он принял участие в конкурсе на создание тренировочного самолета. Тогда по проекту А. И. Микояна был построен самолет «Октябренок». После окончания академии Артем Иванович работал на авиационном заводе в конструкторском бюро под непосредственным руководством выдающегося авиаконструктора Героя Социалистического Труда Н. Н. Поликарпова. «Ему, — пишет Артем Иванович, — я обязан многими практическими навыками и знаниями, которые помогли мне во всей моей дальнейшей работе». В ходе двадцатилетней самостоятельной работы А. И. Микоян прошел замечательный путь от творца самолета «Октябренок» до создателя современных советских скоростных самолетов.

В Москве учился, защитил кандидатскую и докторскую диссертации член-корреспондент Академии наук СССР и Академии наук Армянской ССР Н. М. Сисакян.

Еще в 1940 году о работе Н. Сисакяна «Биохимическая характеристика засухоустойчивости растений» академик А. Н. Бах писал: «Названная работа Н. М. Сисакяна несомненно представляет собою весьма ценный вклад, вклад в науку о развитии растительного организма.

...Он проявил себя как быстро растущий, сформировавшийся исследователь, с большой инициативой и редкой работоспособностью. Результаты его работ явились существенным вкладом в выяснение чрезвычайно важной проблемы — природы засухоустойчивости растений».

Н. М. Сисакян — автор более двухсот научных трудов.

С Москвой связана жизнь и творчество члена-корреспондента Академии наук СССР В. Н. Лазарева — родственника Абамелик-Лазарева, одного из основателей Лазаревского института.

О В. Н. Лазареве академик Игорь Грабарь писал: «Наиболее ценным трудом Лазарева надо признать его капитальное двухтомное исследование „История византийской живописи". По своему охвату, по обилию впервые публикуемого материала, по его углубленной разработке, историко-художественной и стилистической систематизации данный труд принадлежит к лучшему, что было до сих пор издано в этой области...».

В. Н. Лазарев родился в 1897 году, в армянской семье. Вся его жизнь прошла в Москве, тем не менее частые поездки на Кавказ, где жили все родственники его отца — архитектора-инженера, позволили ему не отрываться от армянской культуры, к которой он проявлял всегда живой интерес.

С детства он занимается музыкой. Но уже с пятнадцати лет его увлекло изобразительное искусство. «Виновником» этого был в то время помощник отца — С. Е. Чернышов, позднее почетный академик Академии архитектуры СССР. Он привлек внимание юного Лазарева к итальянскому искусству эпохи Возрождения.

За год до окончания гимназии Флерова в Москве Лазарев познакомился с проф. Н. И. Романовым, который окончательно определил его научные интересы.

В 1917 году Лазарев был демобилизован из армии и поступил в Московский университет, который окончил в 1920 году. В университете он занимался под руководством

проф. В. Н. Щепкина и Н. И. Романова древнерусским и итальянским искусством.

Лазареву посчастливилось неоднократно встречаться с проф. Д. В. Айналовым. Глубокие знания, научный энтузиазм, острота анализа, высокие представления о науке и миссии ученого — все это произвело на Лазарева, как и его товарищей Н. Е. Брунова и М. В. Алпатова, настолько сильное впечатление, что во многом определило пути их дальнейшей деятельности.

С благоговением произносит имя своего профессора его ученик Лазарев. «Д. В. Айналов, — говорит он, — помог мне овладеть огромным материалом древнерусской и византийской живописи и наглядно показал, как этот материал следует изучать».

В своих работах профессор Лазарев стремился дать искусство на широком социальном фоне эпохи и показать, как в нем преломлялись общественные идеи. Он — автор исследований-монографий: «Леонардо да Винчи», «Братья Ленэн», «Шарден», «Византийская живопись», «Искусство Новгорода», «Происхождение итальянского Возрождения» и других. Перу В. Н. Лазарева принадлежит также многотомная «История русского искусства», излагающая историю древнерусской живописи до XVI века.

Наряду с теснейшей связью, установленной с представителями русской науки, с научными учреждениями Москвы и Ленинграда, ученые Армении всемерно укрепляют свое содружество с учеными других братских республик Советского Союза.

Развитие самобытной и оригинальной литературы и искусства Армении, достигших за годы Советской власти подлинного расцвета, является результатом творческого содружества.

Писатели Армении всегда проявляли интерес к вопросу русско-армянских литературных связей. Обращение армянских литераторов (А. Каринян, Г. Овнан, Р. Ованесян, С. Арешян и многие другие) к этой благородной теме есть одно из проявлений глубокой любви трудящихся Армении к русскому народу.

Дружба и сотрудничество деятелей литературы и искусства обоих народов принесли и приносят замечательные плоды.

* * *

Более двух тысяч лет тому назад, в 53 году до нашей эры, в древнеармянской столице Арташате (недалеко от Еревана), как свидетельствует Плутарх, было сыграно много спектаклей, в том числе трагедия Еврипида «Вакханки».

В I веке до нашей эры армянская рабовладельческая монархия переживала свой расцвет. Этим объясняется, почему именно в данную пору сложился армянский эллинистический театр, отразивший общественные отношения своего времени.

С конца XIV века Армения потеряла свою государственность, которую она полностью обрела только в 1920 году. За этот промежуток времени древнеармянский театр постепенно угасал. На смену ему пришел армянский театр нового времени, тесно связанный с развившимся капитализмом. После присоединения в 1828 году Восточной Армении к России армянская культура испытала на себе благотворное влияние русской передовой, демократической культуры, в частности и в области театрального искусства.

До установления Советской власти в Армении не было ни одного стационарного театра, ни одной театральной студии (не считая армянских театров в Тифлисе и в Баку). Уделом талантливой армянской молодежи, тяготевшей к театральному искусству, было любительство. Лишь в Москве и Петербурге можно было получить театральное образование и опыт. Сюда тянулась молодежь, и передовые деятели русской театральной культуры оказывали ей всемерное содействие. Многим талантливым представителям армянского театра и музыкального творчества приходилось работать в Москве, Тифлисе, Баку и других городах.

Сын бедного крестьянина, Екмалян очень рано проявил свои музыкальные способности.

Не имея соответствующего ценза, Екмалян был принят в Петербургскую консерваторию только благодаря своим незаурядным музыкальным способностям, поразившим экзаменующих.

За годы обучения в консерватории, с 1877 по 1887 год, занимаясь в классе композиции Н. А. Римского-Корсакова, Екмалян обратил на себя внимание не только своих преподавателей, но и А. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского,

М. А. Балакирева и других видных деятелей русской музыки. И когда он блестяще представил в качестве дипломной работы оперу-кантату «Роза», Рубинштейн и Чайковский снабдили его рекомендательными письмами, с которыми в Тифлисе он поступил на работу.

Параллельно с педагогической работой Екмалян постоянно занимался композиторской и хормейстерской деятельностью, обработкой армянских народных и национально-патриотических песен. Десять лет он посвятил многоголосной обработке «Патарага».

После завершения обработки он представил ее для обсуждения в Петербургскую придворную певческую капеллу и в консерваторию, где «Патараг» получил весьма положительную оценку и был рекомендован для исполнения и издания. «Патараг» Екмаляна был высоко оценен Верди и Сен-Сансом.

Недавно исполнилось пятьдесят лет со дня смерти талантливой артистки Надежды Амбросиевны Папаян. Тридцать лет длилась ее сценическая жизнь.

Выросшая в русской музыкальной среде, в общении с такими крупнейшими мастерами музыкального искусства, как А. Рубинштейн, Э. Направник, Ф. Шаляпин, Л. Собинов, она по праву стала в ряды крупнейших представителей русской оперной сцены.

Деятельность в лучших профессиональных театрах России, выступления на сценах Европы, работа над высоко художественным репертуаром сыграли важную роль в развитии ее самобытного таланта, дали ей возможность стать подлинным мастером оперного искусства.

Надежда Папаян выступала почти во всех виднейших ролях мирового оперного репертуара: Лиза, Джильда, Марфа, Дездемона, Татьяна, Лакмэ, Маргарита, Тамара, Виолетта, Чио-Чио-Сан, Розина и т. д. Жизнь — богатая содержанием: сорок ролей за тридцать лет!

Творчество Надежды Папаян протекало в годы, когда в Армении не было оперного театра. Но, несмотря на это, она как художник и гражданин была тесно связана, все время чувствовала духовное единение со своим народом и его культурой. Всегда, будь это в Петербурге или в Париже, Манчестере или в Милане, в Астрахани, где она родилась, в Тифлисе, во время частых выступлений в ее исполнении с особенной задушевностью и теплотой звучали также армянские народные песни.

Русская литература, театр и музыка всегда были предметом любви и восхищения для классика армянской музыки А. А. Спендиарова. Известно множество сочинений композитора, написанных по мотивам и на основе произведений русских писателей.

Спендиаров был лично знаком с Л. Толстым, А. Чеховым, М. Горьким.

С Максимом Горьким Спендиаров впервые познакомился в Ялте (в имении Токмаковых «Олеиз»). При первой же встрече Горький прочел свою поэму «Рыбак и фея», которая воодушевила и увлекла композитора.

1902 год. В то время в Ялте можно было видеть Л. Толстого, А. Чехова, Шаляпина, Рахманинова, Л. Андреева, Телешова, Бунина, Шмелева, Скитальца — все они встречались друг с другом, и чаще всего у Горького.

«Я сам, — вспоминает А. Спендиаров, — часто бывал у Горького, и Горький бывал у меня в Ялте, где я жил в доме отца» [1].

Спендиаров начал писать балладу для баса с оркестром по полученной лично от Горького неопубликованной легенде «Рыбак и фея».

При первом исполнении музыкальной баллады «Рыбак и фея» присутствовали оба автора — Горький и Спендиаров. В исполнении этого музыкального произведения участвовал Ф. И. Шаляпин. А. М. Горький подарил А. А. Спендиарову свою драму «Мещане» с надписью: «Талантливому автору „Песни о фее" Александру Афанасьевичу Спендиарову — на память. М. Горький».

В Государственном литературном музее Академии наук Армянской ССР в архиве Спендиарова хранится его письмо Горькому, написанное им в 1903 году:

«Многоуважаемый Алексей Максимович, одновременно с этим письмом высылаю Вам партитуру и клавираусцуг моей баллады, написанной на Ваше стихотворение 20 апреля нынешнего (1903) года. Баллада эта была исполнена с оркестром в Петербурге, в симфоническом концерте на сцене народного дома... Еще раз сердечно благодарю Вас за то, что Вы дали мне случай написать лучшее из моих сочинений, которое поэтому я и позволил себе посвятить Вам.

---

[1] «Музыка и революция», журнал, 1928, № 4, стр. 7—8.

Искренне преданный Вам Ал. Спендиаров».

Знакомство Спендиарова с великим писателем способствовало формированию передовых взглядов композитора, помогало ему в разработке социально злободневных и важных тем, полных гражданского мужества.

Передовые люди своего времени, не боясь преследований, выступали в защиту Горького. Спендиаровская музыка, написанная на произведения великого писателя, смело выходила на подмостки театров и концертных организаций и помогала распространению свободолюбивых идей великого «буревестника революции».

О горячей любви к Горькому свидетельствуют следующие строки Спендиарова, опубликованные в 1928 году в журнале «Музыка и революция» № 4:

«Он был человекоискателем. В каждом человеке он искал человека. И если не удавалось найти, поражался. И снова и снова искал. Обнаружить залежи человека — вот была радость для него. Человечья руда — это звучит драгоценнее, чем золотая руда». И далее: «Да и вообще у Горького была какая-то всепокоряющая простота, деликатность и нежность в обращении. Его все решительно любили... Однажды с виноватой улыбкой Горький говорит мне: „Вот знаете... не пишу я стихов... Все равно ведь, как Пушкин, не напишешь, а писать хуже — значит оскорблять память Пушкина! Пушкин за всех поэтов русских вперед на двести лет написал!.. И все-таки согрешил я стихом... Написал поэмку — «Рыбак и фея»... Может, Вам для музыки пригодится...". Я взял. Понравилось. И в 1903 году в Павловске уже исполнялась моя баллада „Рыбак и фея" для баса с оркестром. Я имею в виду Шаляпина... Я не знаю, можно ли больше любить Чехова, чем любил его Горький. Внимательный и радушный со всеми, Горький особенно нежен был именно с Антоном Павловичем...» [1].

Личные встречи с Горьким дали возможность армянскому композитору написать проникновенные слова и о горячей любви писателя к музыке, к искусству.

«Его детство и юность прошли без возможности наслаждаться радостями живописи, скульптуры, музыки. Но у него было прирожденное чувство красоты... Он развил какую-то мысль, что все предметы быта — мебель, утварь, посуда, платье — должны быть напоены искусством.

---

[1] «Музыка и революция», журнал, 1928, № 4, стр. 8—9.

Ведь даже дикари самых отдаленных времен старались каждой вещичке самого пустого домашнего назначения придать художественный вид. Или выцарапают на ней рисунок, или форму отгранят так, что получается зверек, или раскрасят. Тогда искусство было для всех. Насколько же мы беднее, отсталее, если у нас искусство — это роскошь, привилегия богатых и знатных. Музыку Алексей Максимович страстно любил. По его просьбе я, приглашая его к себе, всегда устраивал у себя концерты. Раз устроил квартетный вечер из солистов симфонического оркестра в Ялте. Этот вечер более всего понравился Горькому. А из квартетов более всего квартеты Бетховена. Вообще классиков Горький предпочитал. У себя тоже он устраивал немало музыкальных вечеров, на которых охотно певал и Шаляпин» [1].

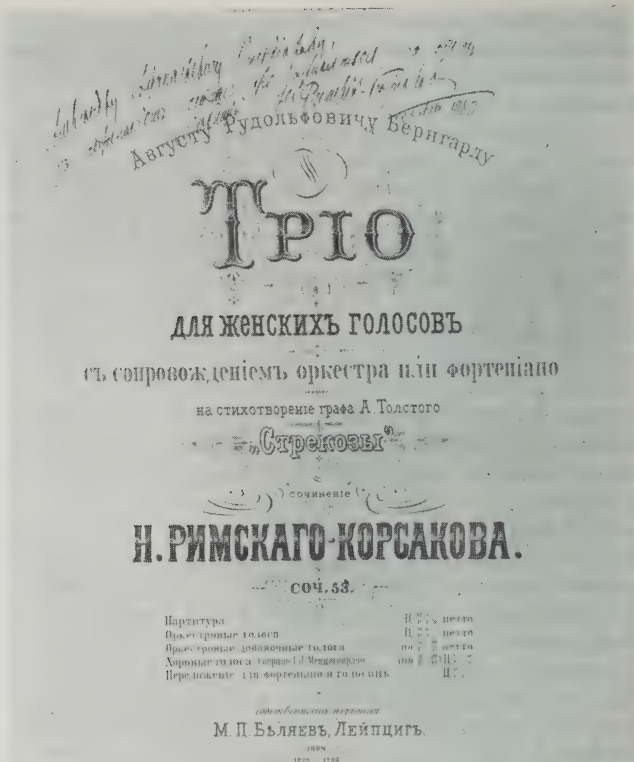
Интерес к творчеству Спендиарова проявлял один из великих сынов русского народа — И. Е. Репин. Художник был частым слушателем концертов, где исполнялись сочинения Спендиарова.

В 1908 году за симфоническую поэму «Три пальмы» Спендиаров удостаивается Глинкинской премии вместе с такими выдающимися русскими музыкантами, как С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, С. И. Танеев.

Спендиаров, как писал Глазунов, является живым воплощением духовного союза армянской и русской музыкальной школы. Неоднократно и с гордостью Спендиаров отмечал, что он является учеником Римского-Корсакова. Творчество Спендиарова вместе с тем имеет своим источником армянскую народную музыку. Композитор сумел создать произведения, классические традиции которых сочетаются с народностью, с ярко выраженным национальным колоритом.

Творчество композитора Армена Тиграняна (1879—1950) оформилось еще до революции, под руководством такого крупного музыканта, как воспитанник Петербургской консерватории Макар Екмалян, о котором мы говорили выше. Детство Тиграняна прошло в Александрополе (Ленинакан), в окружении лучших исполнителей народно-песенной и инструментальной культуры. Четыре года напряженного, вдохновенного труда дают свои замечательные плоды. В 1912 году композитор завершает свою первую оперу «Ануш». Либретто он разработал сам,

[1] «Музыка и революция», журнал, № 4, 1928, стр. 9.



Августу Рудольфовичу Бернгарду

ТРІО

ДЛЯ ЖЕНСКИХЪ ГОЛОСОВЪ

съ сопровожденіемъ оркестра или фортепіано

на стихотвореніе графа А. Толстого

„Стрекозы"

сочиненіе

Н. РИМСКАГО-КОРСАКОВА.

соч. 53.

Партитура

Оркестровые голоса

Оркестровые добавочные голоса

Хоровые голоса

Переложеніе для фортепіано и голосовъ

М. П. БѢЛЯЕВЪ, ЛЕЙПЦИГЪ.

сохранив оригинал многих стихов бессмертной поэмы «Ануш» Ованеса Туманяна.

В том же году в Александрополе силами кружка, которым руководил сам композитор, опера «Ануш» получила свое крещение. Пусть не приспособлено было помещение, серыми были костюмы, декорации, но слух о замечательной музыке распространился с большой быстротой. Вслед за первым сценическим воплощением «Ануш» ее стали исполнять в различных городах Закавказья. Музыка Тиграняна овладела сердцами людей.

Проходили годы. А. Тигранян неустанно совершенствовал свое первое детище, и в окончательной редакции опера

прозвучала в Москве в 1939 году. Более сорока лет живет опера «Ануш», щедро излучая потоки то нежных и задушевных, то бурных и стремительных музыкальных настроений. Ее мелодии и сегодня глубоко волнуют слушателя благородством искренних человеческих чувств. Повествуя о пламенной любви девушки и юноши, ставших жертвами диких нравов своего времени, это произведение является самым популярным в армянском народе.

С оперой «Ануш» А. Тиграняна москвичи познакомились в дни первой декады литературы и искусства Армении (1939) и второй декады в 1956 году.

В Москве К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко открыли дарование Е. Б. Вахтангова — одного из основоположников советского театра.

Тридцать восемь лет прошло со дня смерти Евгения Багратионовича (он умер 29 мая 1922 года), но память о нем не померкла, ибо Вахтангов был не просто талантливым деятелем сцены, а художником-реформатором. Его творчество оставило громадный след в советском театре. «Вахтангов работал на заре советского государства, — пишет известный советский театровед Н. Д. Волков. — Но его мысли о новом дне нашего театра отличаются такой зрелостью, что их острота, ясность и идейная насыщенность выдержали, выдерживают и выдержат испытание временем».

Вахтангов был художественным руководителем первой армянской студии при Доме культуры Армянской ССР в Москве, организатором которой явился режиссер МХАТ С. И. Хачатурян. Процветанию этой студии деятельно помогал писатель и известный деятель культуры К. С. Микаэлян, которого в свое время называли «полпредом армянской культуры в Москве». В студии обучались молодые актеры Еревана, Тбилиси и других городов Закавказья. Молодежь была направлена в Москву для прохождения сценической школы с тем, чтобы по окончании курса вернуться на родину. Вахтангов с увлечением занимался с молодыми своими соотечественниками, а затем выдвинул на пост художественного руководителя студии своего ученика Рубена Симонова.

Свои последние работы Вахтангов создавал уже безнадежно больным. Но даже чувство близкого конца не вызывало в нем прилива отчаяния. Он стремился завершить начатые работы.

27 февраля 1922 года «Принцессу Турандот» смотрел Художественный театр во главе с К. С. Станиславским, 7 апреля в театре был В. И. Немирович-Данченко.

Оба основателя Художественного театра прислали своему ученику портреты с надписью.

К. С. Станиславский писал:

«Милому, дорогому, любимому ученику, талантливому сотруднику, единственному преемнику, первому, откликнувшемуся на зов, поверившему новым путям в искусстве, много поработавшему над проведением в жизнь новых принципов, мудрому педагогу, создавшему школы и воспитавшему много учеников, вдохновителю многих коллективов, талантливому режиссеру и артисту, создателю новых принципов революционного искусства, надежде русского искусства, будущему руководителю русского театра» [1].

А на портрете В. И. Немировича-Данченко мы читаем:

«Евгению Багратионовичу Вахтангову. В ночь после „Принцессы Турандот". Благодарный за высокую художественную радость, за чудесные достижения, за благородную смелость при разрешении новейших театральных проблем, за украшение имени Художественного театра» [2].

Надпись на портрете Станиславского 1922 года заставляет вспомнить другую надпись Константина Сергеевича, которую он сделал на своей фотографии, подаренной Вахтангову в 1915 году:

«Вы первый плод нашего обновленного искусства. Я люблю Вас за таланты преподавателя, режиссера и артиста, за стремление к настоящему в искусстве, за умение дисциплинировать себя и других, бороться и побеждать недостатки. Я благодарен Вам за большой и терпеливый труд, за убежденность, скромность, настойчивость и чистоту в проведении наших общих принципов в искусстве. Верю и знаю, что избранный Вами путь приведет Вас к большой и заслуженной победе» [3].

Вера Станиславского в Вахтангова оказалась пророческой. Ученик оправдал предсказания учителя.

С особым чувством признательности советские люди вспоминают великих творцов новой советской культуры. Одним из них по праву является Вахтангов, равно доро-

---

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 71.

[2] Е. Вахтангов, Записки, письма, статьи, изд. Искусство, М.—Л., 1939, стр. 251.

[3] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 72.

Народная артистка СССР В. Барсова на занятии со своей ученицей С. Давтян в Доме культуры Армянской ССР в Москве (1948 г.).

гой представителям всех национальных культур СССР, ибо Вахтангов воплотил в своей личности лучшие черты советского человека-гражданина, работающего на благо всей необъятной Родины, всех народов, населяющих Советский Союз.

Выше мы упоминали о Доме культуры Армянской ССР в Москве. Он имеет весьма интересную историю.

В дни бурных революционных событий В. И. Ленин находит время лично заниматься вопросом Лазаревского института.

Тогда же было утверждено положение, где говорилось: «Армянский институт в Москве (бывш. Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс, состоит из Единой Трудовой Школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием как на армянском, так и на русском языках».

Позже, 1 октября 1921 года, на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета представитель Армении поставил вопрос о Лазаревском институте. Тогда же председатель ВЦИК М. И. Калинин подписал следующий декрет:

«Ввиду свержения буржуазно-националистического правительства и установления Рабоче-Крестьянской власти в Армении Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Высший Лазаревский институт, построенный на средства армянской буржуазии, переименовать в „Дом культуры Советской Армении" и передать его со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства Армении...» [1].

В Доме культуры были организованы студии-мастерские, призванные воспитывать мастеров советской армянской культуры, дать им возможность постоянно общаться с выдающимися деятелями великой русской культуры, постигнуть их замечательное мастерство. Ежегодно сюда приезжали не только молодые, но и опытные деятели культуры.

В стенах этого очага культуры в Москве и в Московской консерватории проводил свои первые репетиции прославленный квартет имени Комитаса. Многие из ведущих творческих работников Армении здесь встречались с выдающимися русскими композиторами, режиссерами, актерами. С Домом культуры связаны имена Арама Хачатуряна, Сурена Кочаряна, Каро Алабяна, Вартана Аджемяна и многих других.

Здесь проходили литературные вечера и концерты, где москвичи имели возможность ознакомиться с достижениями литературы и искусства братской Армении. В залах устраивались выставки известных художников и скульпторов республики, фотовыставки, выставки, посвященные истории армянской печатной книги, и т. д.

Бывший Дом культуры Армянской ССР в Москве сыграл выдающуюся роль в укреплении и дальнейшем развитии дружбы и культурных связей русского и армянского народов, оказал неоценимую помощь работникам искусств и литературы в их формировании.

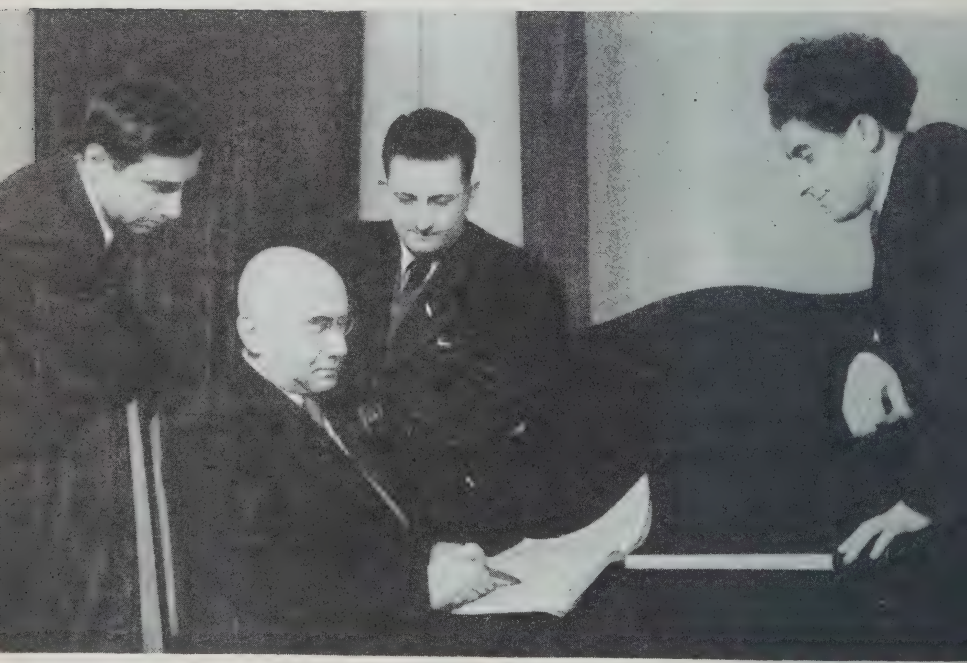
---

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 17 ноября 1921, № 68, § 541.

Академик живописи Б. Иогансон со своими учениками — молодыми армянскими художниками в студии живописи Дома культуры Армянской ССР в Москве (1947).

Народный артист СССР композитор А. Хачатурян в Доме культуры Армянской ССР в Москве на занятиях с молодыми композиторами Армении (1947 г.).

Народный артист СССР Р. Симонов в драматической студии Дома культуры Армянской ССР в Москве проводит занятие с молодыми работниками театрального искусства Армении.



Профессор Г. Литинский со своими учениками — молодыми композиторами Армении в бывшем Доме культуры Армянской ССР в Москве.

Широко известен в Советском Союзе и Государственный драматический театр им. Сундукяна. Основанный еще в 1921 году и руководимый тогда режиссером, воспитанным на лучших традициях русского театра, Л. А. Калантаром, театр этот вырастил целую плеяду блестящих артистов, получивших общесоюзное признание. Таковы народные артисты СССР В. Вагаршян, Г. Нерсесян, В. Папазян; народные артисты Армянской ССР Арус Восканян, Асмик Акопян, М. Манвелян, Г. Аветян, Г. Габрелян, Р. Варданян, А. Аветисян, О. Гулазян, В. Аджемян, Г. Джанибекян, Д. Малян, А. Гулакян и другие.

Театр ставит произведения армянской классики, пьесы русских классиков, пьесы армянских и русских советских драматургов, посвященные современности и революционному прошлому.

Много интересных постановок осуществил Ленинаканский драматический театр.

В 1937 году в Ереване был основан русский театр им. Станиславского, являющийся действенным рассадником русской театральной культуры в Армении.

Глубоко связан с лучшими традициями реалистического искусства и Театр юного зрителя им. А. И. Микояна, организованный более двадцати лет назад.

В свою очередь театры Москвы и Российской Федерации пропагандируют армянское театральное искусство и драматургию.

В Москве на сцене Большого театра Союза ССР шла опера «Алмаст» классика армянской музыки Спендиарова.

В Ленинграде театр оперы и балета имени С. М. Кирова осуществил постановку балетов А. И. Хачатуряна «Гаянэ» и «Спартак». При этом театр им. Кирова отлично сохранил свойственное балету «Гаянэ» сочетание классического танца с выразительностью и своеобразной художественной манерой армянского танцевального искусства.

Больших успехов достигло за годы Советской власти музыкальное искусство Армении.

Успешно осуществляет подготовку музыкальных кадров Ереванская государственная консерватория им. Комитаса, большинство профессоров которой является воспитанниками Московской и Ленинградской консерваторий.

Видное место в музыкальной жизни республики занимает один из лучших музыкальных коллективов Советского Союза — квартет имени Комитаса, участники которого

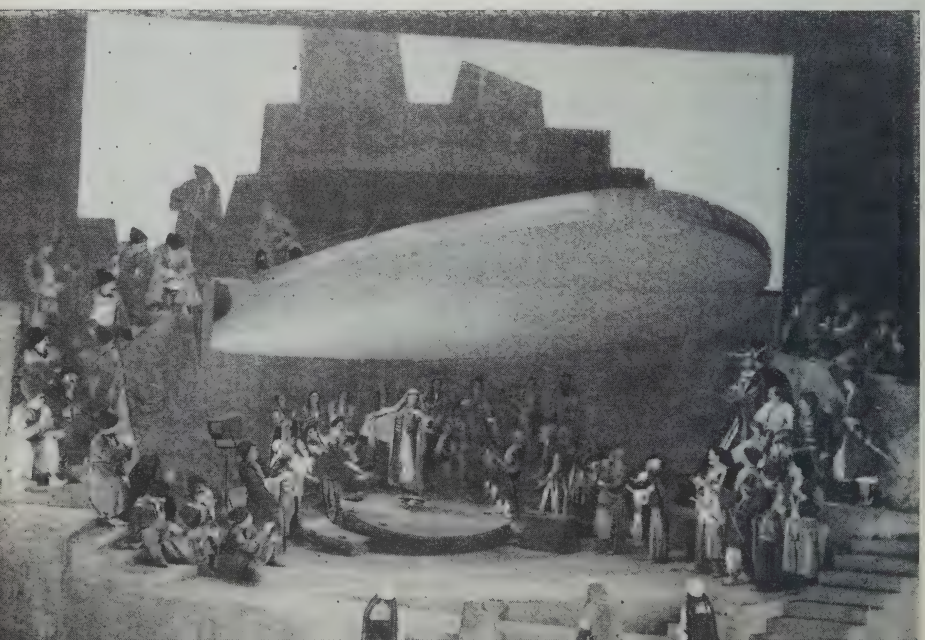
являются воспитанниками Московской консерватории. Из стен этой консерватории вышло целое поколение талантливых музыкантов армян, много педагогов республиканских вузов и музыкальных училищ, большое количество оперных певцов и артистов крупнейших оркестров.

Все это способствовало рождению оперного театра в Ереване. В 1933 году впервые поднялся занавес, представлением оперы «Алмаст» А. Спендиарова начал свою плодотворную деятельность театр его имени. В то время в театре работали такие выдающиеся мастера, как Айкануш Даниэлян, Исецкий, Каратов, Ш. Тальян, крупные режиссеры А. Бурджалов, Л. Калантар, главный дирижер К. Сараджев, художник М. Арутчян, тогда еще молодая певица Т. Сазандарян и другие не менее талантливые певцы.

Именно в эту пору в Ереванский театр оперы и балета прибыл в качестве штатного дирижера М. Тавризян. Пути молодого дирижера и молодого театра совпали. Небольшой, но очень слаженный хор и оркестр, в основном питомцы Ереванской консерватории, с энтузиазмом взялись за любимое дело.

«Все это меня радовало, — рассказывал М. Тавризян. — Я поверил успеху своей работы в этом молодом театре.

В 1930 году была поставлена в Москве в Большом театре Союза ССР опера «Алмаст» С. Спендиарова. Сцена из II акта.



Сцена из оперы «Пиковая дама» (III картина) в постановке ереванского оперного театра.

В 1935 году я впервые вышел за дирижерский пульт. Шла опера „Риголетто". За ней последовал целый ряд других, более сложных самостоятельных работ».

Три года довольно интенсивной работы привели М. Тавризяна к посту главного дирижера. Это было как раз накануне первой декады литературы и искусства Армении в Москве. В 1939 году М. Тавризян в дни декады в здании Большого театра Союза ССР дирижировал оперой «Ануш». В храме русского музыкального искусства армянский народ демонстрировал свое древнее и вечно молодое искусство.

Вся столичная печать отмечала успех армянской декады и среди многих ее представителей достойно оценила и талант молодого дирижера М. Тавризяна.

Возвратившись в Ереван, коллектив оперного театра получил замечательный подарок — новое монументальное здание, творение академика А. Таманяна.

В творческом отношении этот период знаменателен постановкой на сцене нового театра наряду с лучшими армянскими операми русских классических опер. Тавризян дирижирует операми «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Пиковая дама» Чайковского и «Аида» Верди.

П. Г. Лисициан — Онегин.

В годы Отечественной войны театр продолжал свою интенсивную работу. К этому периоду относятся постановки «Ивана Сусанина» Глинки, «Отелло» Верди, «Гугеноты» Мейербера. Ереванцы в эти дни за дирижерским пультом неизменно видели вдохновенного музыканта Михаила Тавризяна.

Наряду с осуществлением классического репертуара театр много и напряженно работал над созданием национальных опер и балетных спектаклей. «Аршак II» Чухаджяна, «Давид-Бек» Тираняна, балеты «Хандут» Спендиарова, «Гаянэ» Хачатуряна, «Севан» Егиазаряна и целый ряд других, не менее значительных спектаклей были поставлены при М. Тавризяне, ставшем за эти годы любимцем всего коллектива.

Вместе с главным дирижером плодотворно работали в театре дирижеры С. Чарекян, Г. Будагян, Р. Степанян,

Д. Шиканян, И. Хараджанян и другие[1]. У нас нет возможности перечислить всех достойных упоминания работников театра. Одно ясно: за эти годы каждый из них вырос, вырос в целом и театр; тому ярким свидетельством было успешное выступление коллектива в дни второй декады армянской литературы и искусства в Москве. Щедро раскрылся и талант народного артиста СССР, дважды лауреата Сталинской премии Михаила Арсеньевича Тавризяна, чья замечательная жизнь так неожиданно оборвалась перед постановкой оперы «Арцваберд» в Ереване. Но память о нем, о талантливом дирижере, получившем музыкальное крещение в стенах Ленинградской консерватории, всегда будет жить в наших сердцах.

В Советском Союзе и за рубежом пользуется известностью творчество одаренных молодых композиторов Арно Бабаджаняна, автора известной «Героической баллады» и многих других симфонических и вокальных произведений, а также А. Г. Арутюняна, автора «Кантаты о Родине», и Э. Мирзояна, автора популярного квартета,—воспитанников Ереванской консерватории. В течение трех лет они совершенствовали свое мастерство в студии Дома культуры Армянской ССР в Москве, общаясь с выдающимися деятелями русской музыкальной культуры.

Во всех концах нашей страны звучат песни композитора Андраника Бабаяни (Андрея Бабаева) — автора героической армянской оперы «Арцваберд».

Оригинальное творчество молодого композитора Д. Тер-Татевосяна обогатилось за последнее время новым произведением. Под впечатлением рассказа М. Шолохова «Судьба человека» он написал свою 2-ю симфонию, которая так и называется «По прочтении „Судьбы человека" Шолохова». Симфония уже прозвучала в концертных залах Москвы и Еревана.

Широко известна в стране творческая деятельность Государственного ансамбля песни и пляски, руководимого народным артистом республики Т. Т. Алтуняном — блестящим знатоком народной музыки. Вековые традиции песенно-танцевального искусства армянского народа нашли яркое художественное воплощение в деятельности этого замечательного коллектива.

[1] Подробности об армянском музыкальном театре читатель может найти в одноименном труде Г. Тигранова, том I, Айпетрат, Ереван, 1956.

К концу лета 1929 года Т. Алтунян прибыл в Ленинград для поступления в консерваторию. Впервые он попал в огромный город на севере нашей страны и, конечно, его охватило сомнение, сумеет ли он достигнуть заветной цели, стать музыкантом и служить искусству родного народа.

Проходило время, рассеивались и сомнения. В консерватории он учился по классам гобоя и хорового пения. Но учеба проходила не только в стенах консерватории. Он слушал оперы, посещал концерты, музеи, общался с музыкантами Ленинграда.

И вот пять лет спустя, окончив консерваторию, Алтунян снова пускается в путь. Он возвращается в родную Армению человеком, уже уверенным в своих силах.

«С чувством большой признательности, — пишет он, — глубокой благодарности, с глазами, влажными от счастья, я гляжу на город Ленина, который с материнской лаской, заботливостью и нежностью лелеял меня. Я чувствовал, как мне тяжело расставаться с этой великой исторической колыбелью науки и искусства, расставаться с близкими и друзьями, расставаться со всей средой... Я полюбил Ленинград, как люблю южное солнце и наши снежные вершины».

Из года в год совершенствуется мастерство Т. Алтуняна. Его часто можно видеть в самых отдаленных уголках Армении: в колхозных клубах, на пастбищах, во время народных гуляний или просто в доме крестьянина. В народе он ищет новые мелодии, бережно собирает их и с филигранным мастерством, кропотливо обрабатывает, никогда не допуская грубой стилизации. Ведь эти песни должны получить свою вторую жизнь в исполнении ансамбля песни и пляски и возвратиться к народу более совершенными и красочными. И летит народная армянская песня по необъятным просторам Советского Союза. Эта песня слышна в Болгарии и Румынии, во Франции и в Аргентине, в Египте и Индии. И всюду она рассказывает о счастье и радости народа.

Живопись, скульптура и архитектура — и в этих областях с самых древних времен находил яркое выражение творческий дух армянского народа.

Как уже было сказано выше, выступления Надежды Папаян в дореволюционной России, проходившие с неизменным успехом, завоевали ей любовь и признание передовой русской и мировой общественности.

Могла ли предположить прославленная оперная певица Надежда Папаян, что спустя несколько десятилетий, как по эстафете, высоко поднятое ею искусство с таким триумфом пронесет по всему миру ее соотечественница камерная певица Зара Долуханова, вызывая у любителей музыки Запада и Востока восторг и преклонение перед простым и человечным, удивительно редкостным своим талантом.

...Второй всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в конце лета 1949 года в Венгрии. Сюда прибыла для участия в общих концертах советской молодежи Зара Долуханова. Она внезапно получила право участия в конкурсе вокалистов. До этого она пела по радио, а теперь предстояло выступать не только перед публикой, но и перед строгим жюри. Конкурс окончен. Вместе с солистами Большого театра Союза ССР И. Петровым, В. Фирсовой, Е. Смоленской Зара Долуханова заняла первое место. С тех пор и поныне она с успехом выступает с различными программами, весьма отличными друг от друга по характеру и своеобразию.

Творческая индивидуальность Зары Долухановой оформилась в благоприятной музыкальной среде Москвы и Еревана. Детство ее прошло в армянской семье, где часто музицировали. В шестнадцать лет она уже училась у Веры Мануиловны Беляевой-Тарасевич в музыкальном училище Гнесиных в Москве. В те годы она ничем не отличалась от своих одноклассников. Интересно отметить, что еще тогда она увлекалась исполнительским мастерством выдающейся русской певицы Н. А. Обуховой.

В пору подготовки декады армянской литературы и искусства в Москве в 1939 году Зара Долуханова находилась в Ереване. В 1941 году она — солистка Ереванского театра оперы и балета имени А. Спендиарова. Зара Долуханова пользовалась особой заботой и вниманием народной артистки СССР А. Даниэлян. И все же оперное искусство не смогло захватить ее.

«В оперном театре, — говорит она, — многое стесняло меня. Мне было трудно мириться с довольно медленным обновлением репертуара. Тяготила необходимость частого повторения одних и тех же партий. Да к тому же сейчас так редко идут (а то и вовсе не идут на сцене) оперы, в которых есть интересные, развитые партии для колоратурного меццо-сопрано. На радио — совсем иное. Высту-

пать приходилось почти каждый день; техника записи радиопередач еще не была столь развитой, как теперь.

Ежедневно менялись и программы. Они должны были быть интересными и разнообразными. Здесь можно было петь романсы русских и западных классиков, арии из опер старинных и новых мастеров, народные песни. Здесь приходилось участвовать в исполнении крупных музыкальных произведений — кантат и ораторий, в оперных радиопостановках» [1].

Огромный труд, проделанный Долухановой на пути овладения вершинами вокального искусства, дал свои плоды. И в том, что она правильно определила свое место в большой музыкальной жизни нашей страны, Зара Долуханова многим обязана своим замечательным педагогам. Она училась также у З. П. Лоди, одной из ведущих советских камерных певиц, начавшей свою концертную деятельность еще до революции.

Хоть и редко, но бывают случаи, когда ученики, заняв ведущее место в своей творческой деятельности, не имеют обыкновения вспомнить добрым словом имена тех, кто так много положил сил для раскрытия их дарования. Между тем, слова Зары Долухановой полны теплоты и сердечности, признательности и благоговения к своим учителям; вот что она говорит о З. П. Лоди:

«Когда я пришла к Зое Петровне домой, она встретила меня так, словно ждала давно. В этот вечер, казалось, мы продолжали когда-то ранее начатый разговор: так было просто и легко с Зоей Петровной, так много общего было в том, о чем мы думали, что нас обеих интересовало. Зоя Петровна легко увлекалась и умела увлекать других. Не замечая времени, она могла обсуждать будущую программу моего концерта. Тут же отыскивала нужные ноты в своей богатой библиотеке, начинала напевать ту и или иную вещь, вспоминая, как она сама ее исполняла раньше. Как много я слышала от нее тонких замечаний и ценных советов. Сколько превосходных произведений „открылось" для меня в ее доме» [2].

Нет возможности привести все те многочисленные восторженные отзывы — неизменные спутники выступлений

---

[1] Н. Михайловская, Зара Долуханова, Государственное музыкальное издательство, М., 1958, стр. 43.

[2] Там же, стр. 40.

Долухановой в различных странах мира. Приведем лишь ту высокую оценку, которую она получила на страницах газеты «L'Humanité», где в качестве рецензентки выступила популярная прогрессивная писательница Симон Тери.

«В этом зале, немного потускневшем и старом, в этом храме музыки, каким является зал Гаво («Gaveau»), перед большими органами справа и с сиденьями, похожими на сиденья церковных хоров, меломаны и широкая публика со страстностью почти религиозной слушали Долуханову, которая за два дня до этого мгновенно покорила Париж. Очень красивая, одетая в простое белое платье, облегающее ее совершенное тело, с прядями черных пушистых волос, обрамляющих ее тонкое лицо... Зара Долуханова одна заполнила эту строгую сцену своей гордой грацией, достоинством, своим очарованием и восхитительной простотой, свойственной ей. Какой облик, какая изумительная манера держать себя. Королева. Подлинная. Настоящая. Одна из королев ума, красоты и искусства, в этой стране, где народ — король.

В ней самой отражаются ее чудесные дары. Мы сразу ощутили это во всей полноте. Бах... Долуханова чувствовала себя так же свободно в этом суровом величии, торжественной и чистой обнаженности духа, как позже она чувствовала себя в шаловливом изяществе Керубино Моцарта и виртуозной тарантелле Россини. Она достигла здесь такого совершенства, как будто бы играла самое себя.

Эта великая артистка обладает восхитительным голосом, одновременно мощным и изысканно тонким, насыщенным, плотным и сочным, как персик. Работа дала ей исключительное владение звуком. Все, что она делает, кажется совершенно естественным и божественно простым. Никакого усилия, никакого напряжения. Она поет так же просто, как мы дышим. Но она не пользуется музыкой для того, чтобы показать в полном блеске свои блестящие дары. Нет! Она служит музыке. Она — ее скромная служанка, и она заставляет сверкать Баха, Генделя, Глюка, Моцарта. Какой урок скромности — свидетельство подлинного артистического дара.

Как и в первый вечер, ее беспрестанно вызывали, аплодировали, приветствовали, крича, смеялись от радости, слыша ее, и, наконец, не хотели отпускать. Зал стоя требовал еще и еще одну вещь. Он не мог насытиться...

Когда я должна была уезжать, чтобы написать вам эту статью, она еще пела народные песни своей страны — Армении. Может быть, она поет еще и теперь...

Да, для тех, кто имел радость слышать ее, она поет еще, она будет петь всегда в нашей памяти, в наших сердцах» [1].

Советский народ высоко ценит искусство Зары Александровны Долухановой. Она — народная артистка Армянской ССР, народная артистка РСФСР и лауреат Сталинской премии.

О том, как бережно относились к своим ученикам и развитию армянской музыки выдающиеся русские музыканты, можно заключить из рассказа замечательного педагога, историка и теоретика музыки композитора Б. В. Асафьева.

«В начале тридцатых годов, — вспоминал Б. В. Асафьев, — в числе моих консерваторских учеников оказался начинающий композитор Ованесян Туник [2]... Мне хотелось знать, как он отнесется к моей попытке упорно содействовать охране в его даровании интереснейших следов мелоса его родины и беречь их, когда они проскальзывали в его композиторстве сквозь обучение привычным стезям гармонии, контрапункта и форм. Я был горд перед самим собою, когда, анализируя его опыты, угадывал следы народной интонации и помогал ему, по мере возможности, верным чутьем ей следовать и развивать ее... Но я был вдвойне счастлив, когда на вечеринке по поводу одного из моих юбилеев услышал памятную мне речь этого композитора, из которой для меня явствовало, что я не так уж плохо наставлял его беречь, хранить и развивать в себе черты армянской национальной музыкально-интонационной диалектологии на основании им раскрываемых опытов, не навязывая ему непременных европеизмов и «руссоизмов», как обязательных каденсовых оборотов и схем-форм» [3].

Благодаря заботам и настоянию Б. В. Асафьева профессору Г. Г. Тигранову удалось встать на путь музыкознания. Борис Владимирович оказывал ему дружескую помощь не только в годы учебы, но и в годы самостоятельного твор-

---

[1] Н. Михайловская, Заза Долуханова, Государственное музыкальное издательство, М., 1958, стр. 114—115.

[2] Ованесян Туник пал смертью храбрых во время Великой Отечественной войны при обороне Ленинграда.

[3] Б. Асафьев, Очерки об Армении, Советский композитор, М., 1958, стр. 12.

чества. 25 апреля 1946 года в Ленинградской консерватории Г. Г. Тигранов защитил докторскую диссертацию на тему «История армянской оперы». Об этом памятном дне диссертант рассказывал:

«Волновало то, что в этом чудесном северном городе, в среде русских ученых и музыкантов, в переполненном зале, с таким живым интересом и знанием обсуждались исторические пути и судьбы развития армянской музыки, спорили о творчестве Комитаса, Спендиарова, Чухаджяна и других армянских композиторов. Никогда не забуду проникновенных слов официального оппонента, члена корреспондента Академии наук СССР профессора А. В. Оссовского. Он говорил о вековых узах дружбы и духовной близости, связывающих русский и армянский народы, о своей дружбе со Спендиаровым, об интересе русских музыкантов к армянской культуре и деятельности армян-музыкантов в России» [1].

В свою очередь, армянские музыканты высоко ценили внимание, заботу и помощь своих старших русских коллег. Надо было видеть, с какой любовью в тяжелые годы Великой Отечественной войны Ереванский театр оперы и балета имени А. Спендиарова поставил балеты Г. Асафьева «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Спектакли прошли с большим успехом. Этот факт был проявлением глубокого уважения к русской музыкальной культуре и, в частности, к выдающемуся музыканту Б. В. Асафьеву, который побывал в Армении и написал серию замечательных очерков об этой стране, ее культуре, ее деятелях. Первый из них он тепло и трогательно назвал «Моя дорогая Армения». Далее были написаны очерки «Встреча со Спендиаровым», «Арарат и Ереван», «Баш-Гарни», «Дорога в Гехартский монастырь», «Гехарт», а также очерк «Арам Хачатурян». Последний написан в 1945 году и входит в серию очерков «Портреты советских композиторов». Остальные же написаны в 1947 году и входят в серию очерков «Из моих странствий». Все эти очерки Б. В. Асафьева вышли в свет под редакцией его ученика Г. Г. Тигранова [2].

---

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 391.

[2] Б. Асафьев, Очерки об Армении, Советский композитор, М., 1958.

Любовь к Армении и к ее культуре проходит через всю творческую биографию Б. В. Асафьева. Корни этой любви берут свое начало еще с его юных лет.

«Будучи начинающим музыкантом, — говорит он в очерке „Моя дорогая Армения", — я краем ушей улавливал фрагменты армянского мелоса... и очень восхищался его суровой архаикой, пронесенной народом сквозь теснины наслоений и сохранившей в основах своих девственный облик...

Шло время. Я начинал знакомиться с армянской поэзией и мелодиями народных песен. Композитор Спендиаров и книга Брюсова о поэзии армян оказали тут свое особенное влияние, и я присоединил их к моим историческим чтениям».

Знакомству Б. В. Асафьева с армянской музыкальной культурой во многом способствовал А. Спендиаров. Маститый русский музыкант в очерке «Встреча со Спендиаровым» вспоминает его рассказы о Крыме, Кавказе и об Армении: «Он внушил мне глубокую приязнь к этой, тогда еще неведомой мне стране, к ее серьезному, трудолюбивому народу, чья история — древняя и величавая — история жизненной выдержки и долготерпения. Вот с того дня я и стал готовиться к посещению Армении. Спендиаров рассказал мне и о древнеармянском религиозном мелосе, и о красоте народных любовных и колыбельных песен...».

История армяно-русских культурных связей полна трогательных страниц. Их вписали композиторы и художники, архитекторы и писатели и многие другие деятели.

* * *

В XIX веке, с присоединением Восточной Армении к России, вновь стало развиваться армянское изобразительное искусство. Усиливается интерес к истории и жизни армянского народа среди русских живописцев, графиков и скульпторов, приезжавших в Армению. Художники М. Иванов, Г. Сергеев, А. Петров, В. Мошков и другие создают ряд произведений, запечатлевающих эпизоды русско-турецкой войны 1827—1828 годов, виды Еревана, Эчмиадзина, Ахтала и др.

Особо надо выделить работы художника Г. Г. Гагарина, множество акварелей, этюдов и рисунков которого посвящены жизни и быту армянского народа.

С другой стороны, некоторые представители армянской молодежи получили возможность приобрести необходимую профессиональную подготовку в художественных школах и высших учебных заведениях Петербурга и Москвы. В стенах Петербургской академии художеств, а позднее и Московской школы ваяния и зодчества получили высшее художественное образование мастера армянского изобразительного искусства: А. Овнатанян, С. Нерсесян, Г. Башинджагян, А. Шамшинян, Г. Габриэлян, Э. Магдесян, Е. Татевосян и другие армянские художники.

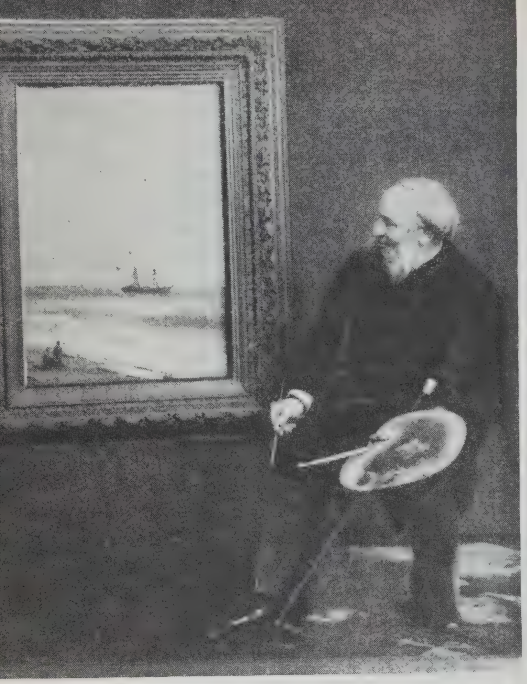
Сын армянского народа, всемирно известный маринист И. Айвазовский, вошел в историю русской и мировой живописи как один из великих мастеров.

Раскрытию яркого дарования уроженца Феодосии И. Айвазовского способствовали В. А. Жуковский, И. А. Крылов и профессор Петербургской академии художеств Зауервейд. На талантливого мариниста обратил внимание Карл Брюллов, который, в свою очередь, на академической выставке 1836 года познакомил его с А. С. Пушкиным и М. И. Глинкой. «С тех пор, — писал Айвазовский, — любимый мною поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и расспросов о нем».

На этой выставке Айвазовский показал семь полотен и за них получил вторую золотую медаль, а год спустя за картину «Штиль» ему была присуждена первая золотая медаль.

В 1840 году, во время поездки в Италию, в Венеции Айвазовский познакомился с Н. В. Гоголем. Воодушевленный морскими красотами Италии, он создает целый ряд картин, которые приносят ему мировую известность. Среди них «Буря», «Хаос», «Неаполитанская ночь» и целый ряд других полотен. У Айвазовского вырабатывается своя индивидуальная манера писать по памяти.

«Следует прямо сказать, — пишет действительный член Академии художеств СССР В. Н. Яковлев, — что Айвазовский — явление в истории мировой живописи редкое, замечательное. Его буйный сангвинический темперамент, его способность быстро воспламеняться, его постоянная душевная взволнованность — как нельзя лучше соответствуют динамической природе той водной стихии, изображению которой посвятил художник всю свою жизнь...



И. Айвазовский в своей мастерской в Феодосии.

Айвазовский с детства любил и умел наблюдать величественную, лукаво-капризную, ускользающую жизнь моря. Обладая ярким, романтическим темпераментом, он и в природе находил те явления, которые особенно близки его бурно-восторженной натуре».

«Буря у скал», «Девятый вал», «Буря на Черном море», «Всемирный потоп», «Буря в лунную ночь» — вот некоторые из 6000 картин (по неполным данным), написанных неутомимым художником.

Его кистью увековечены на холсте важные события в истории морских сражений России: «Синопский бой», «Бомбардировка Севастополя», «В. А. Корнилов на бастионе» и другие.

Во время своего пребывания на линейном корабле «Симметрия» под флагом М. П. Лазарева художник под огнем неприятеля делал наброски с натуры.

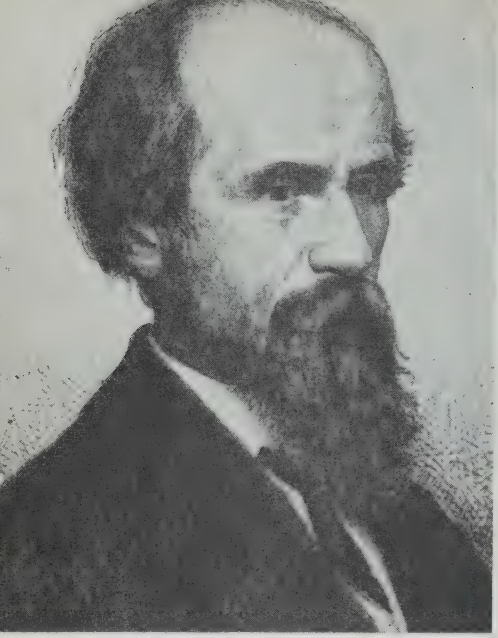
В 1844 году И. Айвазовскому в Петербурге присуждается звание академика и живописца Главного морского штаба.

Великий художник не мог пройти мимо трагических страниц судьбы родного народа, остававшегося под властью султанской Турции.

«Избиение армян в Трапезунде в 1895 г.», «Турки сбрасывают армян в Мраморное море» и другие работы явились откликом художника-гуманиста на кровавые события, взволновавшие современное ему передовое общество. В ереванском Матенадаране хранится большое полотно Айвазовского, изображающее Арарат и Араратскую долину в утренний час. Известна его картина «Байрон у мхитаристов на о-ве св. Лазаря». Сохранилась работа «Озеро Севан».

Будучи в Италии, Айвазовский написал картину «Хаос», за которую он был удостоен золотой медали. В честь этого события молодой художник устроил вечеринку и пригласил своих соотечественников — художников и писателей, среди которых был и Гоголь. В своей короткой и яркой речи Гоголь сказал: «Господа, недавно с берегов Невы приехал сюда... Ваня Айвазовский, и вдруг... поднял... хаос. Сделай это я, мне бы, как писаке, дали в шею, а Ване Айвазовскому дали медаль на шею». Об этом факте вспо-

Могила И. Айвазовского в Феодосии.



Портрет худ. П. П. Чистякова (худ. А. Шамшинян).

минает в своей статье Г. Башинджагян в газете «Кавказское слово» в 1917 году (№ 173, Тифлис).

Восторгаясь творчеством своего соотечественника, Ованес Туманян посвятил экспромт «Перед картиной Айвазовского», который благодаря переводу Валерия Брюсова стал известен и русскому читателю:

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безгранный простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.
«Ни с места!» — воскликнул — палитра в руках —
Старик чародей, и взмутившийся прах
Покорен, заслышавши гения зов;
И, в бурю, безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне [1].

Творчество Айвазовского, сыгравшего большую роль в развитии армянской пейзажной живописи, находило

[1] О. Туманян, Стихотворения и поэмы, «Советский писатель», Л., 1958, стр. 66.

живой отклик в сердцах армянских художников. Пейзажист Г. Башинджагян, не раз выступавший в печати по вопросам искусства, посвятил его творчеству ряд статей, в которых отмечал также и то положительное влияние, которое имел Айвазовский на художественный рост многих современных ему маринистов.«Айвазовский за свою долгую жизнь создал много картин, — пишет Башинджагян в некрологе о великом маринисте, — но среди этого множества картин есть творения, которые составляют гордость не одной русской школы, — они должны занять почетное место в истории всей мировой живописи. Его „Черное море" — чудеснейшее произведение... Достаточно вспомнить восторг покойного Крамского, этого тонкого знатока живописи, по поводу этой картины... Он проложил дорогу многим выдающимся маринистам... Силой своего таланта он равен гордости Польши — Матейко и художественной вершине Венгрии—Мункач...» [1].

Классик армянской живописи Геворг Захарович Башинджагян (1857—1925) своим творчеством был тесно связан с реалистической школой в русской живописи XIX века. Он перенес на родную почву идейные и художественные установки великих русских «передвижников», явившись звеном, связавшим армянскую пейзажную живопись с русским реалистическим искусством. Питомец Петербургской академии художеств, Башинджагян прошел хорошую школу в пейзажном классе, руководимом знаменитым русским художником М. К. Клодтом, одним из основателей общества «Передвижников». Первая крупная работа молодого студента Академии художеств «Березовая роща» (1883) была удостоена серебряной медали. Башинджагян, как и его великие учителя, писал пейзажи-картины; не ограничиваясь набросками с натуры, этюдами, носящими случайный характер, он создавал всесторонне продуманные, композиционно разработанные, завершенные произведения.

Вернувшись на родину, на Кавказ, Башинджагян постоянно поддерживал тесные связи с русскими художественными кругами. Он регулярно экспонировал свои картины на выставках разных художественных обществ, главным образом в Петербурге и Москве, а также и в других крупных городах России.

---

[1] «Мшак», газета, 1900, № 97.

В своей автобиографии Башинджагян сам пишет, что причисляет себя «к русской художественной школе, к группе художников-реалистов с оттенком романтизма».

Основной темой художественных произведений Башинджагяна была природа родного края, солнечного Кавказа, но вместе с тем он с большой любовью запечатлевал на своих полотнах северную природу. Его кисти принадлежат такие картины, изображающие русские северные пейзажи, как «Зима в лесу» (1909), «Зимний рассвет в русской деревне» (1913), «В окрестностях Петрограда» (1911) и другие. Сын жаркого юга, Башинджагян превосходно передает колорит северного пейзажа, предрассветный зимний холод, пухлость снега по обочинам деревенской дороги.

Твердо опираясь на основы реалистического искусства, объединяющие его с крупнейшими русскими пейзажистами, Башинджагян сохранил свое самостоятельное лицо. Печать индивидуальности лежит на его картинах, так как он сумел творчески применить плодотворные принципы реалистического искусства.

Русская пресса с большим сочувствием отнеслась к работе армянского художника, подчеркивая, в частности, высокое мастерство Башинджагяна в изображении лунных ночей и сравнивая его с такими признанными мастерами этого жанра в пейзажной живописи, как Айвазовский, Куинджи, Лагорио [1].

Башинджагян не раз выступал в прессе, выдвигая и всячески поддерживая идею организации выставок произведений русских художников в нашем крае. С другой стороны, он был горячим сторонником организации выставок работ местных художников в России.

Вопрос об устройстве выставки произведений художников Кавказа в Петрограде и Москве впервые был поднят Башинджагяном в 1885 году [2].

В своих статьях по вопросам искусства, выступая со страстной защитой основ реалистической живописи, Башинджагян не раз ссылался, как на художественные шедевры, на произведения классиков русской живописи: Ал. Иванова, И. Репина, К. Брюллова, В. Сурикова,

---

[1] «Русское обозрение», 1891, июль, стр. 160—161.

[2] «Искусство и художественная промышленность», 1899, № 6, стр 458.

Портрет художника Е. Тадевосяна (худ. А. Головин).

Стадо. Худ. Х. Тер-Минасян (1870—1906)

В. Перова, В. Васнецова, В. Верещагина, И. Айвазовского, И. Шишкина, И. Левитана.

С горячей настойчивостью советовал он армянской художественной молодежи учиться у них живописному мастерству, совершенствоваться, беря с них пример трудолюбия и честного отношения к делу.

Восхищаясь высокопатриотической деятельностью П. М. Третьякова по собиранию и хранению выдающихся образцов русской живописи, Башинджагян посвятил его памяти особую статью [1].

Художник был горячим почитателем русской классической литературы — А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева, Н. Гоголя, М. Лермонтова, А. Чехова.

Восхищаясь гением Л. Н. Толстого, он в 1916 году создал картину «Лев Толстой в Ясной Поляне».

К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова художник написал картину «На севере диком», экспонированную на выставке Петербургского Общества художников в 1915 году.

Творчество Г. Башинджагяна сближает с творчеством великих русских художников одна и та же благородная цель — средствами искусства подымать и решать большие темы, волновавшие передовые круги современного им общества.

Ярким примером может служить картина Г. Башинджагяна «Переселение армян из Персии в Россию в 1828 г.» — монументальное полотно, подчеркивающее историческое значение для судеб армянского народа присоединения Восточной Армении к России.

Мастера русской живописи всегда с любовью относились к творчеству своих собратьев по кисти и искренне радовались их успехам.

У Вардкеса Яковлевича Суренянца (1860—1921) художественные способности обнаружились еще в возрасте семи лет, когда И. К. Айвазовский предсказал ему большую художественную будущность и подарил ему первые краски.

Десятилетний Вардкес не остался без внимания и в Москве, где он учился в гимназических классах Лазаревского института.

---

[1] «Мшак», газета, 1913, № 30.

В шестнадцать лет он уже занимается на архитектурном отделении Училища живописи, ваяния и зодчества.

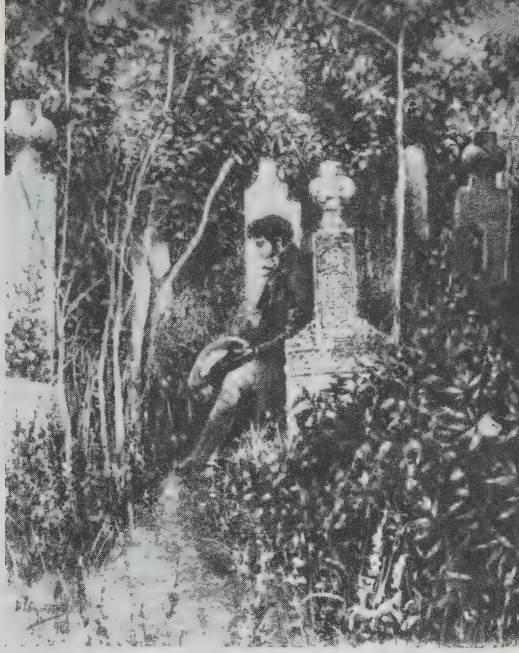
В 1885 году, окончив Мюнхенскую академию, он возвращается в Москву, значительно пополнив свои художественные и общеобразовательные знания.

Имя Вардкеса Суренянца становится известным в конце 1897 года, когда он блестяще иллюстрирует «Бахчисарайский фонтан» Пушкина и получает высокую оценку художественной общественности.

В 1900 году В. Суренянц оформляет в Мариинском театре балет «Корсар», спустя четыре года в Художественном театре идет возобновленная постановка «Чайки» Чехова в оформлении Суренянца. В том же году он делает для МХАТ декорации к одноактным пьесам Метерлинка «Слепые», «Там внутри», «Непрошенная».

Таковы некоторые внешние черты жизни члена общества «Передвижников» Вардкеса Суренянца, чья капитальная работа «Саломея» с большим успехом экспонировалась в России и на международных выставках и принесла заслуженную славу самобытному художнику.

В. Суренянц среди группы своих коллег—русских художников на годичной выставке в 1896 году.

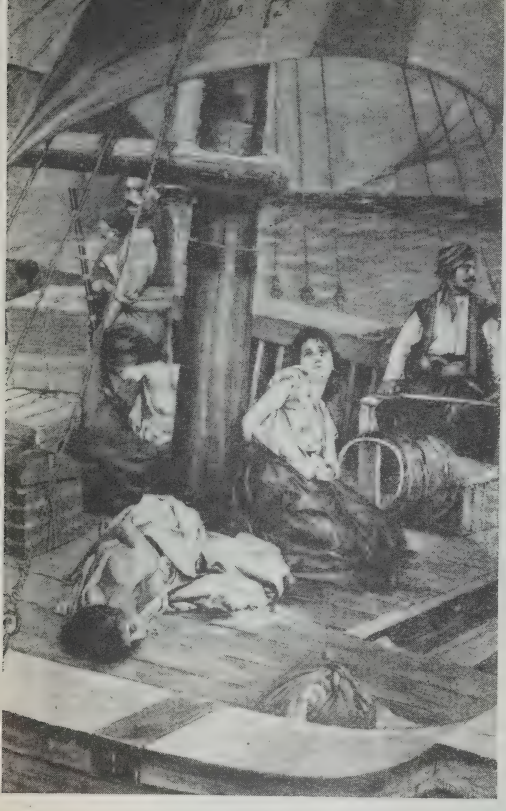


По иллюстрации В. Суренянца к поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1899).

С русским искусством были связаны годы молодости и зрелого мастерства одного из замечательных представителей армянской живописи — Егише Мартиросовича Татевосяна (1870—1936). Он очень любил полную контрастов природу Советской Армении и никогда не забывал о том, как много дала ему русская живопись и ее выдающиеся мастера. Е. Татевосян был учеником и другом В. Д. Поленова, он любил произведения Левитана, Врубеля, Серова, Коровина, Нестерова, восторгался гением Репина и Сурикова.

Егише Татевосян вырос в среде московских художников. Имя Татевосяна ставилось рядом с именами лучших русских молодых художников своего времени. Его пейзажи «В Богородске», «Берега реки Оки» являются свидетельством большой любви художника к русской природе. Татевосян создал замечательные пейзажи родной Армении, портреты строителей новой жизни.

Творчество самобытного армянского портретиста Степана Меликсетовича Агаджаняна (1863—1940) развивалось под воздействием русской реалистической портрет-



Из иллюстрации к поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (худ. В. Суренянц).

ной живописи. Он принимал активное участие в художественных выставках, организованных в 1913—1915 гг. Ростово-Нахичеванским Обществом изящных искусств, где участвовали также Архипов, Костанди и другие известные русские и украинские художники.

Творческая деятельность народного художника Армянской ССР, действительного члена Академии художеств СССР Мартироса Сергеевича Сарьяна является одним из ярких примеров духовного родства русского и армянского изобразительного искусства.

В 1896 году из маленькой армянской деревушки, что неподалеку от Нахичевани-на-Дону, М. С. Сарьян приезжает в Москву, и через год по счастливому стечению обстоятельств одаренного юношу принимают в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — одно из лучших

На севере диком (худ. Г. Башинджагян).

Береза (худ. Г. Башинджагян).

Севан ночью (худ. Г. Башинджагян).

Иллюстрация к «Бахчисарайскому фонтану» (худ. В. Суреняну).

Сбор винограда в Армении (худ. М. Сарьян).

и прогрессивных высших учебных заведений России. Год, проведенный в Москве до поступления на учебу, шестнадцатилетний Сарьян не проводит даром. Его часто можно было видеть в Третьяковской галерее и в других музеях.

Вспоминая о своем детстве, Мартирос Сарьян рассказывает: «Оно протекало в России, в Приазовье, в заброшенном вдали от города хуторке, в соседстве поселков русского Ставрины, украинского Кузьминки, армянского Чалтыря, в окружении тружеников земли. Я часто был свидетелем встреч моего отца, мастера-плотника по профессии, с его друзьями Сколоватовым, Зинько и Чибичем, видел, как они совещались друг с другом, помогали друг другу. Это было насущной необходимостью жизни каждого из них» [1].

Приятно было начинающему художнику сознавать, что здесь, в Московском училище, столь же дружелюбно относились к нему другие русские люди, уже прославленные художники-педагоги.

Образы его дорогих учителей В. А. Серова и К. А. Коровина прочно живут в его памяти и никогда не сотрутся временем. Они учили М. Сарьяна той благородной истине, которая делает художника понятным народу. Быть связанным с духом народа, понять психологию и чаяния народа — тогда и только тогда художник сможет создавать высокие образцы национального искусства.

В. Серов и К. Коровин первыми заметили М. Сарьяна, развивали его самобытное дарование и всячески содействовали процветанию сарьяновского творчества. Такое горячее участие и теплое внимание со стороны старших русских коллег воодушевляло молодого художника.

Примечательно то, что четырнадцать лет спустя, в 1910 году, картины уже признанного Сарьяна экспонировались в тех же залах Третьяковской галереи, где в годы учебы он был постоянным посетителем, подолгу изучал и восторгался лучшими образцами русской живописи.

Этот знаменательный факт в свое время отметили в одной из своих бесед армянские писатели Ширванзаде и Цатурян, как яркий пример признания самобытного таланта армянского художника [2].

---

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 326.

[2] Ширванзаде, Полн. собр. соч. (на арм. языке), т. 3, стр. 442—443.

Таким образом, еще в дореволюционные годы Мартирос Сарьян занял достойное место в семье русских художников.

Полностью раскрылось дарование Сарьяна, когда на земле его древней родины — Армении победила Советская власть.

«Его захватывает пафос грандиозного строительства, рождающийся новый облик родной страны, — говорит народный художник РСФСР С. В. Герасимов, — образы людей с новой психологией, новыми мыслями и чувствами. Искусство Сарьяна кровно связано с природой Армении: ее горячее солнце, ее контрастирующие сочные краски, монументальный ритм ее пейзажа, прекрасные плоды ее земли видим и любим мы на картинах Сарьяна. Его произведения покоряют нас гармоничностью и ясностью мировосприятия, пластической выразительностью, живописным темпераментом, красотой колорита» [1].

Искусство крупнейшего армянского художника Мартироса Сарьяна входит в советскую и мировую живопись как гимн счастливой жизни родившего его народа.

В начале нашего века начал свою творческую деятельность один из крупных мастеров, народный художник Советской Армении Акоп Герасимович Коджоян (1883—1959). С первых же дней установления Советской власти в Армении он переезжает в Ереван и с юношеским порывом весь свой неугасимый самобытный дар ставит на службу развития родного искусства. Советская армянская графика! Своим рождением и своим развитием она во многом обязана А. Коджояну.

В живописи и в прикладном искусстве созданные им работы заслуживают самой высокой оценки.

Много лет своей кипучей энергии он посвятил благородному делу художественного оформления книг, в том числе и 1000-летнего эпоса «Давид Сасунский». Коджояновская серия «Давид Сасунский», богатая смелыми художественными приемами, присущими только ему, Коджояну, и сейчас остается непревзойденным образцом творчества, которое в каждом вызывает благодарность художнику и истинное наслаждение.

«Легенды и баллады» М. Горького, вышедшие в 1934 году в армянском переводе Егише Черенца, содержат иллю-

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 561—562.

«Таня» (худ. Э. Исабекян).

Победа строителей Севангеса (худ. О. Зардарян).

страции А. Коджояна к «Песне о Буревестнике». Созданные более четверти века назад, эти чудесные иллюстрации к бессмертному горьковскому произведению получили высокую оценку Максима Горького.

Однажды искусствовед А. Членов познакомился с пятью работами А. Коджояна. И по теме и по манере выполнения они были разные.

«С непривычки трудно признать в этих работах одну руку, — пишет он, — а между тем это не просто вещи последовательных периодов: разные манеры часто сосуществовали в творчестве художника одновременно. А дома Коджоян показывал мне эскизы плафона для горного курорта Арзни — по ним сейчас ведется роспись — замечательные летящие журавли и диковинные птицы в духе древних миниатюр, среди фантастических розеток, распускающихся, как цветы.

Который же Коджоян „настоящий"? Да, видимо, все его облики настоящие...» [1].

Традицию дружбы мастеров искусства обоих народов продолжают художники Советской Армении: народные художники Армянской ССР А. Саркисян, Г. Гюрджян, С. Степанян, художники Э. Исабекян, Х. Есаян, М. Абегян, О. Зардарян, Г. Ханджян и многие другие. Они любовно отображают расцвет своей страны. Их можно видеть на берегах Севана, в цехах заводов, на Алавердских медных рудниках, в колхозах Зангезура и в совхозах Араратской долины. Революционное прошлое и пафос творческого труда наших дней, новаторы производства, герои семилетки, выдающиеся деятели Армении, красочный пейзаж страны, преображаемой советской властью, — все это находит яркое отражение в их работах.

В семье московских художников раскрылся талант заслуженного деятеля искусств РСФСР художника Дмитрия Аркадьевича Налбандяна — автора известных полотен: «Ленин в Горках» и «Владимир Ильич Ленин в гостях у Максима Горького».

Здесь же в Москве долгие годы плодотворно работают театральный художник С. Аладжалов и автор многих романов писатель В. Тевекелян.

---

[1] «Дружба народов», Литературно-художественный и общественно-политический журнал № 8, август, 1956, стр. 152.

Опираясь на богатые традиции многовековой армянской архитектуры, рождается новая, социалистическая архитектура армянского народа.

«Я всегда с большим интересом и уважением относился к многовековой культуре Армении, ее архитектура — одно из лучших достояний классического наследия, оставленное нам поколениями замечательных зодчих древней Армении, — писал в одном из своих писем выдающийся зодчий, академик архитектуры И. В. Жолтовский.—Простые, ясные формы архитектуры органично сливаются с суровым горным пейзажем страны. Живые пропорции, прекрасное владение материалом — камнем, сочетание сильной стены и объемов с нежным декором, правильное использование света и тени — все это свидетельствует о высоком мастерстве армянских зодчих.

Античные корни питают это мастерство.

Армянский народ любит свою страну, свое искусство, гордится своей архитектурой, и долг архитекторов Армении приумножить славу своего национального искусства.

Таким архитектором был Александр Иванович Таманян.

Ереванский государственный университет.

Пусть архитекторы Армении, следуя примеру Таманяна, и впредь создают для народа прекрасные творения настоящего искусства».

Александр Иванович Таманян родился в 1878 году. Специальное образование получил в петербургском Высшем художественном училище при Академии художеств, куда он был зачислен по конкурсу в 1898 году на архитектурное отделение. В 1902 году он получил право производить строительные работы. Первые опыты были сделаны под руководством профессора Померанцева в руководимой им мастерской. Здесь А. И. Таманян продолжал совершенствоваться. Два года спустя исполнил дипломную конкурсную работу — «Проект дворца» и, окончив образование, получил звание архитектора-художника.

Решив стать архитектором, он отказался от других, более выгодных служебных карьер. Терпя лишения, удовлетворяясь скудным заработком, он с головой ушел в любимое дело. Неоднократный участник архитектурных конкурсов 1904—1918 годов, Таманян создает ряд проектов и осуществляет их в Петербурге, Москве, Ярославле и в других городах России. Интересы архитектора были разнообразны: жилые дома, торговые помещения, банки, особняки, выставочные павильоны, планировка и реставрация художественных архитектурных памятников — таков далеко неполный перечень его работ. И поныне стоит в Москве построенный еще в 1911—1913 годах дом Щербатова, за что А. И. Таманян был удостоен первой премии — золотой медали.

В 1914 году за большие заслуги в архитектурном творчестве Академией художеств Таманяну было присуждено звание академика.

Кроме Общества архитекторов-художников, А. И. Таманян состоял также членом Союза инженеров. В 1905 году участвовал во всеобщей забастовке петербургских рабочих. Он с радостью приветствовал победу Великой Октябрьской революции, и в бурные дни революционных событий стал председателем Всероссийского Союза деятелей искусств и председателем совета Петербургской (Ленинградской) академии художеств с правами президента Академии.

Покинув уют и неограниченные возможности работы в Ленинграде, покинув своих стародавних друзей — ленинградских зодчих, в 1923 году Таманян переезжает в Ереван, с огромной любовью изучает памятники древ-

него зодчества Армении. Он, как никто другой из армянских архитекторов, разгадывает тайны своих предшественников. Былой упрек Армении — ее каменистая мертвая природа — волшебным талантом Таманяна заговорила новым, живым языком. Коммунистическая партия и Советское правительство Армении предоставили Александру Ивановичу Таманяну широчайшие творческие возможности. И поныне непревзойденными образцами современного зодчества являются творения академика Таманяна — Дом правительства Армянской ССР, Театр оперы и балета, одна из первых гидроэлектростанций в Советском Союзе — в Разданском ущелье, и много десятков других сооружений.

Таманян создал архитектурный облик Еревана. Он был автором первых вариантов планировки столицы Армении, на основе которых растет и реконструируется Ереван. Он создал целую школу армянской архитектуры, в которой так блестяще сочетаются богатые традиции армянского зодчества с социалистическими требованиями нашей эпохи.

Его многочисленные ученики продолжают начатое им дело. Они украшают города Советской Армении монументальными административными и жилыми зданиями, памятниками, мостами, площадями. В центре Еревана образовался замечательный ансамбль — площадь им. В. И. Ленина. Здесь же возвышается памятник великому основателю советского государства и Коммунистической партии Владимиру Ильичу. Авторами памятника являются архитекторы Н. Ф. Парамузова и А. С. Вартанов. Скульптурная фигура Ленина создана народным художником СССР С. Д. Меркуровым.

Большой популярностью в Советском Союзе пользовался академик архитектуры К. С. Алабян, умерший в 1959 году. Его творческая деятельность началась вскоре после окончания ВХУТЕМАС. В Армении ему недолго пришлось работать. Начиная с 1931 года Каро Семенович трудился в Москве. Он прославился не только как архитектор, но и как выдающийся представитель архитектурной мысли в СССР. Союзу советских архитекторов СССР он отдал лучшие годы своей жизни. Подготовка первого съезда Союза советских архитекторов, докладов на этом съезде, консолидация советских архитекторов, до того раздробленных по различным школам и обществам, — все это связано с именем К. С. Алабяна.

Трудно перечислить все архитектурные проекты, автором которых является К. С. Алабян. Для примера вспомним павильон Армянской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в котором он вместе с архитектором С. А. Сафаряном в простом плановом решении, ясной художественной форме и колоритными декоративными средствами отобразил облик Армении. Каро Семенович — участник многих всесоюзных конкурсов. Ему вместе с архитектором В. Н. Симбирцевым принадлежит уже осуществленный в натуре проект Центрального театра Красной Армии в Москве. Зодчий отлично понимал большое значение индустриального метода в строительстве и проявлял в этом истинно государственный размах. Венцом его творчества является планировка нового Сталинграда. После Великой Отечественной войны советский народ хотел видеть город-герой еще более прекрасным и величественным.

Почетную задачу составления генерального плана реконструкции Сталинграда К. С. Алабян вместе с большой группой архитекторов и других специалистов выполнил превосходно.

* * *

Дружба народов — один из главных источников силы Советского Союза. Национальная политика Коммунистической партии обеспечила народам Советского Союза неисчислимые блага, воспитала глубокую преданность Советской родине, советский патриотизм.

На защиту общих жизненных интересов грудью встали вместе с русским народом все народы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны против фашистской Германии и империалистической Японии.

В этой войне дружба народов СССР, в том числе дружба русского и армянского народов, с честью выдержала испытание.

Трудящиеся Армении послали тысячи бойцов, цвет своей молодежи, на фронты Великой Отечественной войны и дали им наказ не возвращаться, пока враг не будет уничтожен.

Сыны Армении с честью выполнили данный им наказ.

Более сорока двух тысяч армян — солдат и офицеров — за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями Советского Союза, сто три человека получили звание Героя Советского Союза.

В рядах наших славных Вооруженных Сил сражалось пятьдесят шесть генералов армян, из которых семь удостоены звания Героя Советского Союза.

И в огне боев Великой Отечественной войны с новой силой сказались великая дружба, которая веками связывает русский и армянский народы, любовь и глубокое уважение сынов Армении к своему старшему брату — русскому народу, любовь и глубокое уважение ко всем братским народам Советского Союза.

С особенной силой проявилось это в дни ожесточенных боев за Москву — святыню русского народа и великую столицу многонационального Советского Союза. В боях за оборону Москвы заслужили многократную благодарность Родины многие сыны наших народов.

Советские полководцы разработали и осуществили план разгрома гитлеровских полчищ под Москвой. Одним из них был Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

Осенью 1942 года гитлеровцы предприняли наступательные операции на Москву на калужском направлении. 16-я армия, которой командовал генерал И. Х. Баграмян, не только отразила мощные атаки противника, но и причинила им тяжелые потери.

Наступила зима 1942—1943 года. Войска Западного фронта, в состав которого входила и 16-я армия, в результате целого ряда удачных боев и тактических операций, наголову уничтожили фашистские дивизии. 16-й армии генерала Баграмяна было присвоено наименование 11-й Гвардейской, а сам полководец награжден орденом Кутузова 1-й степени.

За весь период Великой Отечественной войны И. Х. Баграмян руководил многими боевыми операциями по разгрому фашистских войск гитлеровской Германии. Об одном из таких сражений генерал-полковник запаса Л. М. Сандалов пишет на страницах настоящего издания:

«Как известно, Восточная Пруссия издревле являлась для агрессивных правителей Германии важнейшим страте-

гическим плацдармом. Отсюда они могли вторгнуться в Прибалтику, в Польшу и в Россию. В эту войну вся территория Восточной Пруссии была превращена в сплошной укрепленный район.

Поэтому прорыв мощной обороны врага в Восточной Пруссии, начатый 13 января 1945 года, проводился по методу прорыва укрепленных районов с долговременными оборонительными сооружениями...

В подготовке операции по штурму крепости Кенигсберга и овладению Земландским полуостровом большая заслуга принадлежит генералу Баграмяну и его штабу. Именно их усилиями и при их активном участии была глубоко продумана и искусно подготовлена эта блестящая операция».

Грудь Героя Советского Союза маршала И. Х. Баграмяна украшают два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени и боевые медали.

Шестнадцатого ноября 1941 года в ожесточенных боях на Волоколамском направлении бойцы под руководством панфиловца майора Мартиросяна героически стояли на своих рубежах. Они отбили одну за другой десять атак превосходящих сил врага. Таких примеров очень много. Мы вправе видеть в них преемственность тех славных революционных традиций совместной беззаветной борьбы народов СССР, начало которым было положено в первых боях за Советскую власть. Нам вспоминается рассказ представительницы старой гвардии большевиков Е. Д. Стасовой о своем друге — дочери армянского народа студентке Московского Коммерческого института, одной из организаторов Союза рабочей молодежи «Третий Интернационал» Л. Лисиновой.

«Я помню Люсик еще ученицей тифлисской школы, бойкой, веселой девочкой, помню гимназисткой-старшеклассницей. Уже тогда она страстно искала справедливости, жадно прислушивалась к каждому слову, раскрывающему правду жизни. Но особенно запомнилась мне последняя наша встреча — в 1917 году. Я тогда жила в Петрограде. Шли напряженные месяцы перед Октябрьским восстанием. Люсик приехала ко мне из Москвы с партийным поручением. Она вся светилась радостью ожидания.

В это время она руководила революционными рабочими кружками на заводах Михельсона (ныне имени Владимира

Ильича), Брокар („Новая заря"), Даниловской мануфактуре.

В октябрьские дни Люсик была в Москве. Шли ожесточенные бои. Баррикады перерезали улицы. На чердаках и в окнах стояли пулеметы. Люсик вместе с другими товарищами находилась в самой гуще боев. Когда отряд Красной гвардии Замоскворечья наткнулся на упорное сопротивление юнкеров, оборонявших штаб Московского военного округа, сюда вместе с другими пришла на подмогу Лисинова. 1 ноября 1917 года она погибла от вражеской пули. Рабочие завода Михельсона хоронили ее, как солдата, с воинскими почестями. Они несли ее гроб на скрещенных винтовках.

Народ не забывает своих героев. Имя Люсик Лисиновой присвоено Малой Серпуховской улице.

На Люсиновской улице, как и во многих районах Москвы, прошлое встречается с будущим. О прошлом говорит мемориальная доска, укрепленная на доме № 28. В этом здании когда-то находилась студенческая столовая, где собирались студенты — члены социал-демократической группы. В задних комнатах помещался Замоскворецкий райком РСДРП(б). В октябрьские дни 1917 года здесь расположились редакции „Известий МСРД", „Правды", „Социал-Демократа" »[1].

И вот, спустя двадцать четыре года после победы Великой Октябрьской социалистической революции, Москва, вся наша Родина была в опасности. Вместе с сыновьями русского и других братских народов славные подвиги совершали воины-армяне в боях за Москву, Ленинград и Сталинград, Орел и Смоленск.

Имена павших за Родину героев всегда живут в наших сердцах. Подобно Е. Д. Стасовой, сохранившей живые воспоминания о своей боевой подруге, с чувством глубокого уважения говорит о дважды Герое Советского Союза Нельсоне Степаняне его соратник дважды Герой Советского Союза Гвардии полковник Раков.

«Еще при первой моей встрече с ним, в 1943 году, — говорит Раков, — Степанян был кавалером двух орденов Ленина, двух орденов Красного Знамени и ордена Красной Звезды. Он участвовал в боях под Севастополем, Одессой, Новороссийском, Ленинградом и в Прибалтике.

[1] «Вечерняя Москва», 31 октября 1956.

Он уничтожил десятки вражеских танков, самоходных орудий, принимал участие в потоплении ряда кораблей. Высоко было развито в Нельсоне чувство долга. Во время штурмовки одного из немецких портов на самолет Степаняна налетели вражеские истребители. Степанян мог уклониться от неравного боя, сбросив бомбы. Однако он не пошел на это. Несмотря на опасность, угрожавшую ему, он сбросил бомбы точно на цель, с честью выполнив задание командования. Любимец балтийских летчиков, Нельсон Степанян погиб смертью героя» [1].

Среди многих отважных воинов и командиров советского флота почетное место занимает адмирал флота Советского Союза, профессор Иван Степанович Исаков.

Его жизненный путь показал, что в условиях царского режима казалось невозможным для сына армянского народа, осуществилось в полной мере в условиях советской действительности.

Уроженец Армении, И. С. Исаков впервые увидел море, когда многодетная семья его родителей переехала на жительство в Баку, а затем в Батуми. Страстная мечта о службе на море, интерес к флоту, флотской жизни охватили юношу. Рассказы бывалых моряков о беспримерном бое и геройской гибели русского крейсера «Варяг», о замечательном адмирале Макарове, красота и мощь моря — все это привело Исакова к бесповоротному решению: быть моряком.

Подходило время призыва на действительную военную службу. Юноша решил проситься на флот. Чтобы стать офицером, надо поступить в Морской корпус. Были поданы бумаги. Высокое начальство рассмотрело их и начертало резолюцию: «В просьбе отказать. Зачем это молодому человеку из Армении идти на морскую службу? Ну, еще в сухопутные войска — дело другое. Были отличные офицеры и генералы армяне. Но флот?... Не было адмиралов из Армении».

Исаков вспыхнул: «Если не было, это не значит, что не может быть!».

И он предпринял новую попытку. Он не дворянин. Скромного сына дорожного техника из Нагорного Кара-

---

[1] Выдержки из выступления Героя Советского Союза полковника Ракова (Москва, «Последние Известия» по радио, 1945 г.).

баха не приняли в привилегированное училище. Так... Тогда он пойдет в другое училище, куда принимают и не дворян. Такое училище как раз тогда было открыто в Петербурге. Оно называлось «Отдельные гардемаринские классы». Классы эти нужны были царскому правительству, так как русский флот в канун первой мировой войны усиленно развивался. Осуществлялась большая судостроительная программа. На стапелях петербургских заводов строились новые линейные крейсеры «Измаил», «Наварин», «Кинбурн», «Бородино» и серия легких крейсеров. Флоту нужны были знающие молодые офицеры.

Исаков имел отличный аттестат, полученный в Тифлисе при окончании реального училища. Его приняли в юнкера флота, а через три месяца, после сформирования «Отдельных гардемаринских классов», он был переведен в число их слушателей.

Служба была требовательной и суровой. В 1915 году стали поступать тяжелые вести с фронтов первой мировой войны. На трех русских солдат имелась одна винтовка. Армия несла тяжелые потери. Для Исакова началась морская боевая служба. После походов в Охотском и Японском морях, на Тихом океане и на Амуре он в 1917 году, в марте, получив звание мичмана, был назначен на один из боевых эскадренных миноносцев Балтийского флота, на «Изяслав».

Революционные массы Петрограда готовились тогда к борьбе за власть Советов. Моряки Балтийского флота шли за большевиками. Вместе с лучшей частью русского офицерства на их сторону стал Исаков. И это определило весь его жизненный путь, его беззаветную преданность Советской отчизне, Коммунистической партии.

Мужественно защищал он вместе с русскими моряками подступы к Петрограду в боях с интервентами, защищал русский флот от попыток врага уничтожить его. В истории советского военно-морского флота известна попытка германских милитаристов заморозить в бухте Гельсингфорса (Хельсинки) свыше двухсот русских военных кораблей, в которых нуждалась молодая Советская Россия. Происки внешнего врага поддерживала внутренняя контрреволюция. В числе отважных сынов русского народа — моряков Балтики, которые в беспримерно трудных условиях ледового похода сохранили достояние России и привели ее корабли в Кронштадт, был сын Армении — Исаков. С тех

пор и до конца гражданской войны Исаков постоянно находился на боевом посту, растил, воспитывал молодых моряков, рос сам в атмосфере лучших революционно-боевых традиций великих русских флотоводцев.

В 1925 году он — первый командир нового, построенного в СССР эскадренного миноносца «Корфу» (позднее «Железняков»). В его служебную характеристику командование записало тогда: «Работоспособности колоссальной; всякую поручаемую ему работу выполняет с исключительной добросовестностью и знанием дела. Внес много ценных указаний по улучшению боевых качеств миноносца. Среди комсостава и команды пользуется большим авторитетом, уважением и симпатией» [1].

Вскоре последовало назначение Исакова командиром судна 1-го ранга и исполняющим должность начальника штаба Черноморского флота.

Два года спустя, после окончания курсов усовершенствования высшего начальствующего состава флота, Исаков участвовал в заграничном походе крейсера «Червона Украина», а затем был отозван в Москву на работу в Генеральном штабе.

Командующий Балтийским флотом, автор ряда ученых трудов, заместитель наркома Военно-Морского Флота, начальник Военно-морской Академии коммунист Исаков к началу Великой Отечественной войны стал одним из крупнейших советских военно-морских специалистов и боевых командиров.

Его заслуги в мае 1944 года были отмечены присвоением ему высшего военно-морского звания: адмирала флота Советского Союза. Он награжден многими орденами и медалями.

И в послевоенные годы выдающиеся заслуги Исакова перед Родиной отмечались неоднократно, в частности в связи с выходом в свет советского Морского атласа, ответственным редактором которого он являлся.

«Юноша, сын Армении, — писал В. Вишневский об Исакове, — которому в 1914 году отказывали в приеме на флот, в Морской корпус, юноша, который сказал, что он своего добьется, — слово свое сдержал. Он сдержал свое слово благодаря постоянной помощи со стороны пар-

[1] «Дружба», сборник (на арм. языке), Айпетрат, Ереван, 1958, стр. 673.

тии и правительства, той помощи, которая подняла из народных низов всех республик Советского Союза миллионы героев труда и обороны» [1].

В годы Великой Отечественной войны покрыли себя неувядаемой славой дивизии Советской Армии, сформированные в Армении. Славный путь прошла армянская дивизия. Верная данной ею совместно со всеми сынами Кавказа клятве — не пропустить врага через ворота Кавказа, она шла от победы к победе. Вместе с другими частями Советской Армии она приняла участие в историческом сражении за Берлин.

Подвиги русского народа воодушевляли в годы войны все народы СССР.

Поэт Гегам Сарян писал:

Я верю в тебя, великий народ,
В твою победную силу.
Я знаю: врагу наступил черед
В бесславную лечь могилу.
Давида племя идет за тобой,
Опускаясь с гор Айастана.
Спешат сыны Тариэля в бой,
Летят на конях Богданы.

Отгремела Отечественная война. В родные края вернулись солдаты овеянной славой Советской Армии.

Творческие возможности армянского народа, принявшего героическое участие в боях за свободу и независимость Социалистической отчизны, нашли свое замечательное выражение в делах и подвигах трудящихся республики в послевоенные годы. В единой семье советских народов армянский народ приступил к осуществлению величественных задач коммунистического строительства, самоотверженно трудится над осуществлением программы, намеченной XXI съездом КПСС, — семилетнего плана.

Рабочие Советской Армении хорошо помнят время первых пятилеток, когда на их земле строились первенцы современной индустрии. Машины, станки, оборудование нескончаемым потоком шли тогда сюда из других советских республик, особенно из Российской Федерации — из Москвы, Ленинграда, с Урала. Русские люди по-братски помогали рабочим Армении строить заводы и фабрики,

[1] Домашний архив писателя В. Вишневского. Выдержка из рукописного очерка об Исакове.

Произведения В. И. Ленина на армянском языке.

монтировать станки и машины, охотно передавали свой опыт, знания, традиции. Это было великолепным проявлением братской дружбы свободных народов.

И какие чудесные плоды этой дружбы мы видим теперь.

Около четырехсот видов промышленной продукции производится в одной тольке столице Советской Армении — Ереване.

...Далеко на Алтае, по целинным землям тянутся электрические провода к новым совхозам. Это — медь, добытая и выплавленная, превращенная в провода и кабель на предприятиях Армении. На гигантских новостройках Волги, Ангары, Енисея горы грузов перевозят на автомашинах. Посмотрите, — на покрышках этих автомашин марка Ереванского шинного завода. Армения производит синтетический каучук.

Трансформаторы, алюминий, цианамид, азбошифер, огнеупоры, легкий и прочный артикский туф, мрамор для метрополитенов и общественных зданий дает Советская Армения сестрам-республикам.

Великий Ленин указал, какие коренные задачи нужно решить, чтобы создать прочную основу подъема сельскохозяйственного производства. В письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 года он писал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму» [1].

За годы Советской власти в Советской Армении проведены огромные работы по ирригации. Построены крупные сооружения, орошающие десятки тысяч гектаров.

Трудящиеся Армении успешно добиваются подъема сельского хозяйства. Из года в год повышается урожайность зерновых и других сельскохозяйственных культур. Все более ощутимые результаты дает социалистическое соревнование тружеников деревни за повышение продуктивности животноводства.

XXI съезд КПСС, величественные задачи семилетки воодушевили трудящихся Армении, колхозников, работни-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 297.

ков совхозов и специалистов сельского хозяйства на новые трудовые подвиги.

Братская дружба народов, бескорыстное сотрудничество и взаимопомощь социалистических наций помогли трудящимся осуществить свою вековую мечту: создать суверенное национальное государство, установить власть рабочих и крестьян — Советскую власть, избавиться от эксплуатации человека человеком, обрести широчайшие демократические права, развить промышленность, сельское хозяйство, транспорт, приобщиться к свету науки и знания, покрыть страну лесами новостроек.

Вот столица Советской Армении — Ереван. Захолустный губернский городок с населением в двадцать три тысячи человек, городок, где не было ни одного трехэтажного дома, превратился в новый цветущий город.

Вокруг Еревана раскинулись новые благоустроенные поселки, фабрики, заводы. А города — Ленинакан, Кировакан, Кафан, Алаверди! Они тоже изменились, похорошели, помолодели и выросли за годы Советской власти! Здесь, как и в Ереване, на каждом шагу новое: новые здания, заводы, фабрики, клубы, сады, цветники. Шесть с половиной миллиардов рублей было вложено в хозяйственное и культурно-бытовое строительство Армении за послевоенные годы. В семилетке новые миллиарды рублей потратит страна на благоустройство городов и сел Армении, на создание новых предприятий и культурно-бытовых учреждений.

Могучий размах хозяйственного строительства поставил на службу народу богатства и силу недр земли, рек, а ныне ставит и силу атомного ядра. Это требовало и требует знаний и опыта, разносторонне подготовленных кадров. Советская Армения подготовила национальные кадры для всех областей общественно-политической, государственной, хозяйственной и культурной деятельности.

Советское правительство всегда заботилось о нуждах Советской Армении. Известно, что республика располагает довольно ограниченными запасами энергетических ресурсов. Вот почему первая в мире солнечная электростанция промышленного значения строится в Араратской долине, у озера Айгрлич. Учеными установлено, что в этом районе нашей страны солнце светит две тысячи шестьсот часов в год. Экспериментальные работы в Армении ведет группа квалифицированных сотрудников Энергетического

института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Ряд промышленных предприятий Еревана ныне заканчивает изготовление необходимого оборудования для солнечной электростанции. Нет сомнения, что содружество русских и армянских ученых и производственников успешно решит и эту сложную проблему. В скором будущем в Армении будет получен ток первой в мире солнечной электростанции.

* * *

Крупнейшими рассадниками просвещения справедливо считаются Ереванский государственный университет, созданный вскоре после установления Советской власти, и многочисленные институты. Это позволило обеспечить предприятия, колхозы и учреждения таким количеством специалистов, которого нет во многих капиталистических странах. Достаточно сказать, что на каждые десять колхозов Армении приходится по тридцать четыре специалиста.

Книга — источник знания, кладезь мудрости народной. Редкая, малодоступная трудовому народу в прошлом, она ныне всюду: в каждом доме, в каждой семье. Свыше шестисот названий книг выпустили издательства Армении в 1959 году. На армянском языке начнется издание сочинений Маркса и Энгельса в тридцати томах; выходит дополнительный тираж Сочинений В. И. Ленина.

Многочисленные переводы произведений писателей братских республик, издание их на армянском языке способствуют приобщению народных масс республики к культуре других народов Советского Союза и зарубежных стран. В свою очередь в Армении с радостью встречаются вести о том, что замечательные творения древних и современных мастеров армянской литературы издаются на других языках, входят в сокровищницу мировой литературы.

Каждый год творческого труда все более и более обогащает историю культурных связей и дружбы армянского народа с великим русским народом. Русский язык, русская литература, русская культура стали неотъемлемым фактором духовной жизни трудящихся Армении.

Под знаменем дружбы народов прошла вторая декада армянской литературы и искусства в июне 1956 года, ког-

да более тысячи посланцев Армении — писатели, художники, артисты, режиссеры, дирижеры — показали москвичам лучшие образцы своей литературы и искусства. Здесь, в Москве, они вновь вспомнили о том радушном приеме, который был оказан участникам первой армянской декады в 1939 году. Мысли и чувства работников искусств Армении прекрасно выразила тогда народная артистка СССР Айкануш Даниэлян:

«О сказочно чудном, незабвенном хочу сказать несколько слов.

Вся моя жизнь, учеба и работа на сцене привела к этой сказке, как бы обобщающей всю жизнь. Я вспомнила Петербург — Петроград, годы учебы в Петербургской консерватории, годы общения с замечательными педагогами. С каждым днем все с большей жадностью впитывала я знания музыкальной и вокальной культуры. Я вспомнила затем работу на сцене в Грузии и в Армении. И вот все завершилось тысяча девятьсот тридцать девятым годом, когда поезд, украшенный гирляндами цветов, переполненный работниками искусств Армянской ССР, помчался на север, в Москву. Это был рапорт Советскому правительству и Коммунистической партии, чьей волей была вызвана к жизни вся творческая сила армянского народа с момента ее возрождения, то есть тысяча девятьсот двадцатого года, с момента установления в Армении Советской власти.

Так представители армянского искусства вышли на большую арену перед московской общественностью. Зазвучали песни, заиграли на сцене краски маститого Сарьяна. „Ануш" прозвучала на сцене Большого театра СССР.

Вольно и широко лился армянский напев, вольно дышала грудь в родной Москве. Да, все годы до сих пор были подготовкой к этим чудесным дням. Смысл моей жизни состоит в служении родному народу, его песне, его музыкальной культуре. Гордостью полно мое сердце за народ свой, за страну свою, за отчизну социалистическую.

Какое счастье жить в нашей стране, принадлежать к советскому народу, служить советскому искусству, носить величайший знак признания — орден Ленина в эту величественную эпоху, быть в числе строящих новую жизнь, коммунистическое общество!

Русской культуре, русской консерватории, русским профессорам слава! Великий поклон и неизмеримое спасибо вдохновителю наших трудов, Коммунистической партии» [1].

... Июнь 1956 года. Москва вновь гостеприимно и широко раскрыла свои объятия. На улицах великой столицы повсюду красочные афиши с армянскими орнаментами. Их множество, тысячи, они говорят о театральных постановках, концертах, литературных вечерах. Репродукторы передают жизнеутверждающую музыку армянских композиторов.

Первого июня открылся занавес Большого театра Союза ССР. Оперой «Давид-бек» А. Тиграняна Государственный ордена Ленина театр оперы и балета им. А. Спендиарова начал декаду армянского искусства в Москве. Спектакль прошел с большим успехом. Народно-героическая опера «Давид-бек» написана в годы Великой Отечественной войны и закончена в 1950 году. Она раскрывает одну из страниц многовековой борьбы армянского народа за независимость. Хотя опера и названа именем полководца, все же главным действующим лицом этого замечательного произведения является народ.

Партию Давид-бека исполнял народный артист Армянской ССР Нар Ованисян, отличные актерские способности, приятный выразительный голос, высокая музыкальность которого создали запоминающийся образ мужественного полководца, сумевшего направить силу народного гнева против душителей его свободы, разбить их и освободить страну от чужеземцев.

Любимица москвичей, народная артистка СССР Гоар Гаспарян с блеском провела в опере «Давид-бек» партию храброй Шушан.

Убедительный образ Тамары создала народная артистка СССР Татевик Сазандарян. Запомнились Сантур (А. Петросян) и Мелик (Д. Погосян).

Москвичи впервые слушали и полюбили оперу «Давид-бек».

Историко-патриотическая опера «Аршак II», написанная классиком армянской музыки Тиграном Чухаджяном в 1868 году, отличается от остальных армянских опер своими стилистическими особенностями. Завершив музыкаль-

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 92.

ное образование в Милане и находясь под сильным влиянием итальянского оперного искусства. Чухаджян написал эту оперу в традиционном стиле итальянской монументальной оперы («Аида», «Отелло»), хотя «Аршак II» и был создан армянским композитором за четыре года до «Аиды» Верди.

Тепло приняли москвичи также оперу «Ануш» А. Тиграняна, «Пиковую даму» П. И. Чайковского, балет «Севан» Г. Егиазаряна.

В новом балете «Севан» композитор Г. Егиазарян стремился воспеть любовь и радость созидательного труда молодых советских людей, самоотверженно борющихся за преобразование суровой природы, за счастливую жизнь на берегу высокогорного озера Севан.

В поисках средств для музыкально-художественного воплощения современной тематики в балете наряду с оригинальными темами композитор использовал около восьми народных танцевальных мелодий, а также обрядовых напевов, пропуская их через призму своего собственного восприятия. Наряду с этим Егиазарян сочинил целый ряд мелодий, которые на первый взгляд кажутся народными, как, например, вступление к балету, два танца рыбаков (молодых и старых), вариации «Цовик» и другие. Таким образом, композитор стремился придать всей музыке балета стилистическую цельность, а также подлинный народный дух, не отступая от высоких профессиональных требований.

В оркестровке балета Егиазарян стремился путем слияния отдельных инструментов и групп получить новое национальное звучание симфонического оркестра.

Вся труппа балета своим самоотверженным трудом способствовала созданию нового армянского балетного спектакля «Севан», в котором отображается жизнь колхозного крестьянства республики, борющегося за крутой подъем всех отраслей сельского хозяйства.

Столичные зрители познакомились со спектаклями лучших драматических театров Армении — Государственного драматического театра им. Г. Сундукяна, Государственного русского театра им. К. Станиславского и Ленинаканского театра им. А. Мравяна.

Драматические театры Армении показали в Москве «Отелло» В. Шекспира, «Егор Булычов и другие» и «Ме-

щане» М. Горького; из армянской классики — «Еще одна жертва» Г. Сундукяна, «Из-за чести» А. Ширванзаде, «Дядя Багдасар» А. Пароняна, «Утес» Вр. Папазяна, «Опытное поле» Н. Заряна, отображающее будни колхозной деревни, и другие спектакли.

С успехом выступали коллективы Армянской Государственной ордена Трудового Красного Знамени филармонии: популярный ансамбль армянской народной песни и пляски под руководством народного артиста Армянской ССР Т. Алтуняна, симфонический оркестр, государственный хор, оркестр народных инструментов и другие.

В спектаклях оперного и драматического театров, на концертах творческих коллективов Армфилармонии москвичи увидели лучших представителей старшего и младшего поколений актеров, режиссеров и дирижеров.

«Какая огромная разница между первой декадой армянского искусства 1939 года и открывающейся в столице нашей Родины Москве второй декадой, — говорит народный артист СССР Арам Хачатурян. — Эта разница говорит о значительном росте и движении вперед нашего искусства. Выросла большая плеяда исполнителей-музыкантов.

Высокой похвалы достойна Государственная капелла и ее выдающийся музыкант и руководитель Арам Тер-Оганесян.

Ансамбль песни и пляски — это очарование, это поэзия, это целомудрие и кристаллический родник изумительного народного творчества. Татул Алтунян — большой художник, знаток и интерпретатор армянской народной песни.

Симфонический оркестр Армянской филармонии — крупный художественный коллектив. Оркестр справляется с очень сложными партитурами... Меня радует и волнует унисон виолончелистов и скрипачей.

Счастлив, что мне удалось принести свою скромную лепту на алтарь родного искусства. Мною написан заключительный номер заключительного концерта для сорока скрипачей, десяти арф, смешанного хора, большого симфонического оркестра и меццо-сопрано. Если это мое сочинение понравится слушателям, я буду считать себя удовлетворенным»[1].

---

[1] «Дружба», сборник, Гослитиздат, М., 1957, стр. 92.

Вечер в Союзе писателей СССР, посвященный декаде армянской литературы (1941). Справа налево сидят: А. Фадеев, П. Антокольский, А. Исаакян, Г. Борян, А. Безыменский, Н. Зарян, Д. Демирчян.

В дни декады на экранах московских кинотеатров демонстрировались фильмы, выпущенные за последние годы Ереванской киностудией.

Выставка армянского изобразительного искусства в Академии художеств СССР дала возможность москвичам познакомиться с творчеством армянских художников, скульпторов, графиков, мастеров прикладного искусства, создавших много интересных работ. В четырнадцати залах было собрано лучшее, что создано в Армении за последние десять лет.

Декада армянского искусства и литературы в Москве явилась смотром творческих сил республики перед всей страной. Она показала, как далеко вперед шагнула древняя, многовековая культура Армении в нашу советскую эпоху, когда народ стал хозяином своей судьбы.

Большой интерес представляла для москвичей выставка армянской книги, где были показаны образцы книг, выпущенных с 1512 года до наших дней.

Десятки книг, вышедшие в свет в дни декады, показали, что армянская литература достигла новых успехов,

Общий вид Еревана.

Москва (1956). В дни декады армянской литературы и искусства широкой популярностью среди москвичей пользовались армянские книги.

особенно в послевоенные годы. Как проза, так и поэзия этих годов прежде всего отличаются тематическим разнообразием. Создан ряд хороших произведений не только о современной жизни армянского народа, но и его освободительной борьбе в прошлом, о жизни и борьбе трудящихся масс в странах Ближнего Востока против колониальной политики империализма.

Вся литература Советской Армении проникнута животворным патриотизмом, глубоким чувством любви и признательности к великому русскому народу, бессмертным идеям марксизма-ленинизма.

Именно эту жизнеутверждающую литературу пламенно приветствовал великий гуманист Ованес Туманян. Он предсказал:

«...Появится новая литература, которая выведет армян из духовного плена, будет говорить с ними о красоте и величии жизни, покажет новую, самостоятельную и могучую душу армянского племени. Придут и новые писатели, чьи сердца не будут изранены; они увидят свободный, бодрый народ, окрепнут от его чистого живого дыханья, громко и радостно зазвучат их голоса перед всем миром. В их словах не будет больше горечи, в их песнях — вражды» [1].

Такая литература появилась. Такие писатели пришли. Радостно звучат их голоса, их песни в общем величественном хоре литератур народов СССР.

Выступая на Первом съезде советских писателей, А. М. Горький указывал на связь советских писателей со всем советским народом: «Читатель сам приходит к ним (к писателям. — *А. А.*), читатель называет их „инженерами душ" и требует, чтоб они организовали простыми словами в хороших, правдивых образах его ощущения, чувствования, мысли, героическую его работу».

Таким образом, советские писатели при помощи художественного слова рассказывают советскому читателю о трудовых и боевых подвигах лучших сынов советского народа, о героях большой действительности и маленьких незаметных героях советских будней. Но жизнь как будто сама записывает за писателя то, что он начал рассказывать: вдохновенный рассказ о светлых, высоких качествах

---

[1] О. Туманян, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1946, стр. 375—376.

души, о самоотверженном, благородном поступке воспитывает читателя, кует характер молодого советского человека. В этом смысле точным определением писателя и его благородной задачи является наименование «инженеры человеческих душ».

Любимые произведения советской молодежи: «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Разгром», «Судьба человека», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и другие, воспитывают ее в духе стойкости и мужества, учат преодолевать все препятствия, самоотверженно любить Советскую родину и служить ей, не щадя своей жизни.

Особенно ярко сказалось воспитательное значение советской литературы в годы Великой Отечественной войны. В борьбе против темных сил фашизма советские юноши и девушки осуществляли боевые традиции своих отцов и братьев, боровшихся за Родину в годы гражданской войны. Таким образом, живая, действенная пропаганда дела партии шла и через художественную литературу, которая силой воздействия художественного слова внедряла традиции в самые широкие слои советского народа.

Воплощенные в художественных произведениях образы Чапаева, пулеметчицы Анки, Зои Космодемьянской, героев Краснодона, Александра Матросова, капитана Гастелло глубоко запечатлевались в душах молодых патриотов. Вдохновленные подвигами самоотверженных сынов русского и других народов СССР, шли на смерть во имя спасения Советской родины верные сыны армянского народа — старший сержант Унан Аветисян, летчик Нельсон Степанян, артиллерист Сергей Оганян, летчик Самсон Мкртумян, рядовой боец Джаан Караханян и многие другие.

Подвиг советского командира полковника Закяна описал Аветик Исаакян. Умирающий комдив Закян до последнего дыхания руководил боем.

Сержант Унан Аветисян во время атаки, которая захлебывалась из-за прямого прицельного огня неприятельского дзота, скомандовал взводу «Вперед!», своим телом прикрыл амбразуру дзота и дал возможность успешно завершить атаку.

Одинаковые чувства вызвали одинаковую героическую реакцию воспитанников Коммунистической партии — Александра Матросова и Унана Аветисяна.

Подвиги капитана Гастелло и летчика Маресьева,

подполковника дважды Героя Советского Союза Нельсона Степаняна и других героев Великой Отечественной войны вдохновляли молодежь всего Советского Союза, служили темой патриотических стихотворений, поэм и романов. В произведениях советских, в том числе армянских писателей запечатлена полная глубокого смысла традиция, по которой герой, погибший во время совершения подвига, навечно продолжает числиться в списках своей воинской единицы. При перекличках вспоминают имя погибшего героя — он как бы незримо стоит в ряду со своими однополчанами.

Нечего и говорить о том, какое глубокое значение имеет эта традиция, отображенная в художественных произведениях.

Людям свойственно восхищаться великим и прекрасным, стремиться поступать по примеру тех, кого они полюбили. То же самое можно сказать и о народах. Ясный ум, твердый характер, стойкость в испытаниях, мужество и самоотверженность, присущие великому русскому народу, вызывая восхищение братских народов Советского Союза, одновременно вызывают и желание не отставать от народа-исполина.

В чудесной «Педагогической поэме» Макаренко в беседе с заведующим колонией райпродкомиссар спрашивает про одного из воспитанников (бывшего беспризорника и босяка): «Где вы такого хорошего парня достали?». И с оправданной гордостью Макаренко отвечает: «Сами делаем!».

Представители капиталистического лагеря, потрясенные примерами неслыханного героизма, высокой самоотверженности и сознательности, горячей веры в грядущую победу во время самых тяжелых испытаний Отечественной войны, с изумлением и страхом задавали вопрос: «И откуда у них (большевиков. — *А. А.*) такие люди?!». И полные законной гордости за выращенное и воспитанное партией коммунистическое поколение, мы отвечали: «Сами делаем!».

Историческая заслуга в воспитании нового, советского человека, в формировании черт характера гражданина социалистического общества, строителя коммунизма принадлежит Коммунистической партии Советского Союза, делу которой служит советская литература.

Армянские советские писатели учат своих читателей с самых юных лет ценить и любить черты, овеянные под-

линной человечностью, внушают чувства товарищества, верности данному слову, трудолюбию. На примере любимых литературных героев миллионы людей учатся быть мужественными, честными, преданными Родине, учатся подлинному интернационализму. И вполне закономерно, что у нас вырастают достойные преемники Павла Корчагина, Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Унана и Нельсона — участники бригад коммунистического труда, герои семилетки, строители коммунизма.

Нерушимая дружба народов, выпестованная Коммунистической партией, проверенная и закаленная в боях и труде, является надежной гарантией силы и непобедимости Советского Союза, всего лагеря социализма и демократии — могучего оплота мира во всем мире.

За последние годы намного расширились культурные связи Советской Армении с зарубежными странами. Крепнут связи с армянами, живущими в различных странах земного шара. Известно, что в прошлом веке и в годы первой мировой войны сотни тысяч армян вынуждены были оставить родные места и скитаться по чужим краям. Они образовали в разных концах света большие и малые колонии.

Подавляющее большинство зарубежных армян горячо интересуется достижениями Советской Армении. По их просьбе им высылаются фотоснимки, газеты, журналы, книги, учебники, ноты. Все эти материалы помогают зарубежным армянам знакомиться с культурными достижениями республики.

Советская Армения поддерживает постоянные культурные связи со странами народной демократии. В республике часто устраиваются выставки, вечера, концерты, доклады, посвященные освободительной борьбе, жизни и культуре народов различных государств. Многочисленные делегации из различных стран земного шара посещают Советский Союз. Приезжая в СССР, зарубежные гости знакомятся также с жизнью национальных республик. Ежегодно Армению посещают десятки делегаций, сотни туристов.

Нельзя без волнения читать запись индийского писателя Навтеджа, побывавшего в Армении. Он заявил, что для него лучшим городом мира является Ереван, архитектура которого пронизана музыкой. И что же положено в основу этой музыки камня? Это — мир! Мир, который является пульсом советской жизни.

«Армянский народ связан с индийским народом старыми узами,— пишет Навтедж.— Ведь первая печатная армянская газета была издана в Мадрасе. Ваши предки много хорошего привезли в Индию. Ваш крупный поэт Аветик Исаакян сказал мне, что много лет назад из Индии в Армению была привезена одна красивая люстра. Сегодня, — продолжает Навтедж, — я своими молодыми руками несу из вашей страны в мою светоч, пылающий советским счастьем и надеждой».

«Рука об руку будем бороться и трудиться во имя мира между народами, — заявил финский пастор Алексиус Туукканен, — во имя того, чтобы пришло то время, когда люди больше не будут встречаться друг с другом с оружием в руках, чтобы все приглашали друг друга в свои цветущие сады, как это делает сейчас армянский народ по отношению к нам».

Побывавшие в Советской Армении гости выражают свое искреннее восхищение той огромной работой, которая направлена к повышению благосостояния и культуры народа, решимостью советских людей добиться прочного мира во всем мире.

* * *

Говоря о многовековом литературном и культурном общении, следует подчеркнуть, что после Великой Октябрьской социалистической революции возникли и получили широкое развитие многосторонние братские принципиально новые формы взаимосвязи и взаимодействия наших литератур и культур.

Сегодня речь идет о том, чтобы идти вперед, приумножая наши успехи на литературном и культурном фронте, устранить недостатки. Взаимодействие литератур не ограничивается и не может ограничиться простым художественным обменом ценностей.

К. Маркс в предисловии к «Капиталу» писал о том, что «...всякая нация может и должна учиться у других».

В этих словах в сущности дана формула взаимосвязи и взаимодействий культур народов мира.

Между тем отдельные исследователи все еще изучают действие закона взаимосвязей и взаимодействия литератур

односторонне, сводя дело к примитивному толкованию о влияниях, сходстве, контактах и пр. В результате за бортом истории и теории нашей литературы остаются целые пласты фактов и характерных явлений, без которых картина нашей общесоюзной литературы оказывается обедненной, что мешает достойно развернуть изучение этой важной проблемы.

В числе других вполне устранимых причин следовало бы подчеркнуть нерешенные вопросы перевода во всем его многогранном значении и нерешенность проблемы изучения языков не только зарубежных, но и языков народов СССР.

Когда-то, на заре нашей советской эры, очень остро стояла перед представителями культур всех социалистических наций проблема изучения русского языка. Сегодня русский язык стал нашим вторым родным языком. Без решения этой проблемы мы не могли бы иметь того состояния взаимопонимания и общения народов и культур, которого мы достигли. Теперь с такой же остротой стоит другая проблема: взаимное знание языков народов СССР.

Один из аспектов взаимосвязи и взаимодействия литератур — это, прежде всего, возможность прочесть произведение иноязычной литературы.

Ни в одной стране и ни в одну историческую эпоху так актуально не стояла проблема перевода, как в нашу социалистическую эпоху.

В этом отношении история отечественной литературы полна множества примеров.

Помню, однажды, вскоре после войны я обратился к Н. С. Тихонову с просьбой написать литературный портрет А. Исаакяна. Это совпало с его желанием, но он говорил, что очень ответственно и трудно писать о «поэте дум», который прошел долгий жизненный путь. Начав эту работу, он перечитал все, что было переведено на русский язык. Просил рассказать все, что мне известно об Исаакяне. Многие вечера были посвящены разговорам об Армении и Исаакяне. Н. С. Тихонов попросил разыскать в Москве родственников, друзей и знакомых Исаакяна. Урывая время, он внимательно и вдумчиво слушал их рассказы. Не раз до полуночи мы ходили по Каменному мосту и беседовали. Тихонов хотел глубоко осмыслить жизненный и творческий путь нашего большого поэта, проникнуть в тайники, в суть его поэзии. Много раз побывавший до

этого в Армении, обошедший ее в двадцатых годах пешком, Тихонов доставал свои записи, читал их вслух и снова возвращался от Армении к Исаакяну, с которым был лично знаком и дружен. Шли месяцы. Тихонова отрывали дела литературные, общественные и государственные. Я уже опасался, что он забудет, не сможет написать обещанное. Но вот однажды по телефону он сказал: «Я начал писать!». Прошли еще месяцы, и вот Н. С. Тихонов, закрыв дверь своего кабинета, прочел мне очерк. Это была поэма в прозе об Исаакяне и Армении.

В 30-х годах в Москве существовал филиал Арменгиза. Здесь решили издать сборник четверостиший Ованеса Туманяна. Не знавший еще армянского языка О. Румер сделал перевод по подстрочнику. С участием самого переводчика стали рассматривать перевод. Он оказался не годным для публикации. Румер представил второй, третий, четвертый варианты перевода, но все они не отвечали требованиям. Он попросил дать ему еще время, чтобы доработать перевод. Это ему позволили, вопреки условиям формального договора. Поскольку издание не было связано с юбилейной датой, ему предоставили довольно длительный срок. Что же сделал Румер? Он изучил армянский язык и спустя два года представил новый перевод уже не с подстрочника, а с подлинника. Конечно, перевод получился и был издан.

Вот так, с таким горячим сердцем мы и должны подходить к переводам, к оценке, ко всему, что касается братского общения и дружбы наших литератур.

Работая над книгой «Дружба», я должен был посетить Киев.

В 1954 году я побывал у Павло Григорьевича Тычины, старого друга классика армянской поэзии И. Иоаннисиана. Было известно, что он давно и серьезно изучает историю армянской культуры и литературы. Но представьте мое удивление, когда он мой разговор на русском языке перебил армянским. Почтальон принес ему почту, в которой я увидел газеты и литературные журналы Армении. В его библиотеке — целый раздел армянской литературы. Павло Григорьевич прочитал на армянском языке наизусть поэму «Ануш» О. Туманяна. Я забыл, что нахожусь в его киевской квартире. Меня окружала Армения, ее поэтические образы, ее природные красоты. Рядом струился Днепр,

а казалось — это воды Раздана. Вот такие чудесные люди вносят неоценимый вклад в родство наших литератур, их взаимодействие и взаимосвязи.

Представьте себе 900-е годы. Вятская губерния, где находились в ссылке сыны многих народов нашей страны. Морозная ночь. В избе тускло мерцает светильник. За столом — великий сын латышского народа Ян Райнис и известный социал-демократ Ашот Хумарян. Уже не первую ночь они сидят напролет. Почему? Ашот Хумарян с листа переводит Яну Райнису роман Хачатура Абовяна «Раны Армении» о том, как сыны России освободили от векового персидского гнета жителей Восточной Армении. Райнис внимательно и отзывчиво слушал пламенные строки и решил обязательно перевести их на латышский язык. Он не успел этого сделать, но в его переводе появились стихи поэтов-армян. Он написал ряд статей о литературе Армении.

Примечательна в этом отношении также работа Александра Фадеева. В конце 30-х годов в Армении шли споры об отношении к классическому наследию. Была известная растерянность. Фадеев, который не раз бывал в Армении, на этот раз специально занялся изучением армянской классики и решительно выступил на страницах газеты «Правда» в защиту наших классических литературных сокровищ. Он верно оценил творчество Раффи, опроверг и рассеял ошибочные мнения некоторых армянских литературоведов, сказав, что если вы отказываетесь от Раффи, то русские должны отказаться от Достоевского и Толстого.

Даже сдержанный в своих оценках Дереник Демирчян писал:

«Фадеев для меня яркое олицетворение всего по-русски доброго и светлого, самоотверженного и красивого, здорового и сильного. Каждый раз, думая о нем, я вижу его в водовороте бурной политической, литературной и общественной жизни. Беспокойный это человек, писатель-борец, местом работы которого является не тихий кабинет, а бескрайние просторы жизни, родины, мира».

Конечно, этими примерами не исчерпывается картина чудесного собратства наших литератур. Достойны доброго слова и сердечной благодарности многие и многие другие литературоведы, переводчики, люди, очень много сделавшие для братской помощи литераторам союзных и автономных республик. Но дело в том, чтобы все, что касается взаимо-

связей и взаимодействия наших литератур, поднять до уровня тех прекрасных образцов, о которых шла речь выше, чтобы дело переводов и знания языков значительно двинуть вперед.

Пусть в рядах литераторов любой республики будут люди, знающие язык любой другой Советской республики. Мы богаты людьми и талантами.

Мы редко бываем друг у друга. Иногда бываем лишь на юбилейных праздниках.

Так последуем же совету великого Горького, который призывал:

— Нужно лучше знать друг друга, люди, лучше!

* * *

Могучее содружество социалистических наций, совместная самоотверженная работа непрерывно убыстряют темпы экономического развития Советского государства.

Как правильно подчеркивает Н. С. Хрущев: «Русский народ сделал очень и очень многое для того, чтобы помочь ранее угнетавшимся народам страны преодолеть вековую экономическую и культурную отсталость и поднять их до своего уровня. Великие и благородные дела русского народа как в годы мирного строительства, так и в период военных испытаний снискали ему горячую признательность и уважение всех народов нашей страны. Это ни в коей мере не умаляет выдающегося значения всех народов братской семьи социалистических наций СССР. Все народы нашего Советского Союза вносят свой великий вклад в дело коммунистического строительства» [1].

За годы Советской власти между народами, населяющими Советский Союз, сложились отношения нерушимой братской дружбы.

Ей, этой дружбе, все народы Советского Союза обязаны своим невиданно бурным и быстрым возрождением, расцветом своих сил на светлом пути строительства коммунизма в нашей стране.

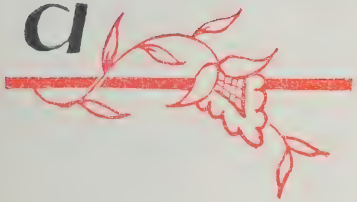
Этого расцвета армянский народ добился в тесном содружестве со всеми народами Советского Союза под руководством ЦК КПСС во главе с выдающимся ленинцем Н. С. Хрущевым — любимым другом армянского народа.

---

[1] Н. С. Хрущев, «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», «Вопросы литературы», 1957, № 6, стр. 9.

Ленинской дружбой народов объединены ныне все народы социалистического лагеря — около миллиарда людей в Европе и Азии. Братская дружба, бескорыстная помощь и взаимопомощь, широкий обмен опытом, сокровищами духовной жизни помогают народам всех стран социалистического лагеря в строительстве новой жизни, в борьбе за безопасность и мир.

1


a

В. И. ЛЕНИН

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО КОМИТЕТА АРМЕНИИ [1]

Эривань. Председателю Революционного Военного Комитета Армении т. Касьяну

Приветствую в лице вас освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению...

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин.

Москва, 2 декабря 1920 г.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 409.

О МАНИФЕСТЕ АРМЯНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

На Кавказе появилась новая социал-демократическая организация: «*Союз армянских социал-демократов*». Союз этот, как нам известно, более полугода как начал свою практическую деятельность и имеет уже свой орган на армянском языке. Нами получен № 1 этого органа, называемого «Пролетариат» и помеченного в заголовке: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Он заключает в себе ряд статей, заметок и корреспонденций, выясняющих общественные и политические условия, вызвавшие к существованию «Союз армянских социал-демократов», и намечающих в общих чертах программу его деятельности.

В передовой статье, называемой «Манифест армянских социал-демократов», мы читаем: «Являясь одною из ветвей Российской социал-демократической рабочей партии, широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, „Союз армянских социал-демократов" вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности». Далее, указывая на быстрое развитие капитализма на Кавказе и на те чудовищные по своей силе и многосторонности результаты, которыми сопровождается этот процесс, авторы переходят к вопросу о современном положении рабочего движения на Кавказе. В промышленных центрах Кавказа, каковыми являются Баку, Тифлис и Батум с их крупными капиталистическими предприятиями и многочисленным фабричным пролетариатом, движение это пустило уже глубокие корни. Но борьба кавказских рабочих с хозяевами, ввиду их крайне низкого культурного уровня, естественно, носила до сих пор более или менее бессознательный, стихийный характер. Необхо-

дима была сила, которая могла бы объединить разрозненные силы рабочих, придать их требованиям членораздельную форму и выработать в них классовое самосознание. Такой силой является социализм. Изложив затем вкратце основные положения научного социализма, Союз выясняет свою позицию по отношению к современным течениям в международной и, в частности, русской соц. демократии. «Осуществление социалистического идеала, — говорится в Манифесте, — немыслимо, по нашему мнению, ни экономической самодеятельностью рабочего класса, ни частичными политическими и социальными реформами; оно возможно лишь посредством коренной ломки всего существующего строя, посредством социальной революции, необходимым прологом к которой должна служить политическая диктатура пролетариата». Далее, указывая на существующий в России политический строй как враждебный всякому общественному и в особенности рабочему движению, Союз заявляет, что он ставит своей ближайшей задачей политическое воспитание армянского пролетариата и приобщение его к борьбе всего российского пролетариата для свержения царского самодержавия. Не отрицая вполне необходимости частичной экономической борьбы рабочих с хозяевами, Союз не придает ей, однако, самостоятельного значения. Он признает эту борьбу, поскольку она улучшает материальное положение рабочих и способствует выработке в них политического самосознания и классовой солидарности.

Особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу. «Принимая во внимание, — говорится в Манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение *федеративной* республики. Что же касается Кавказа, то, имея в виду крайнюю разноплеменность его населения, мы будем стремиться к объединению всех местных социалистических элементов и всех рабочих, принадлежащих к различным национальностям; мы будем стремиться к созданию единой крепкой социал-демократической организации — для более успешной борьбы с самодержавием. В будущей России мы признаем за всеми

нациями право на свободное самоопределение, так как в национальной свободе мы усматриваем только один из видов гражданской свободы вообще. Исходя из этого положения и считаясь, как мы указывали выше, с разноплеменным составом Кавказа и с отсутствием географического разделения между отдельными племенами, мы не находим возможным внести в нашу программу требование политической автономии для кавказских народностей; мы требуем только автономии относительно культурной жизни, то есть свободы языка, школ, образования и т. п.».

Мы от всей души приветствуем манифест «Союза армянских социал-демократов» и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основных принципа, которыми должны руководиться все социал-демократы России в национальном вопросе, *намечены* Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. Но оба эти принципа не вполне еще последовательно проведены «Союзом армянских социал-демократов». В самом деле, можно ли *с их точки зрения* говорить о требовании *федеративной* республики? Федерация *предполагает* автономные национальные политические целые, а Союз отказывается от требования национальной автономии. Чтобы быть вполне последовательным, Союз должен устранить из своей программы требования *федеративной* республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще. Не дело пролетариата *проповедовать* федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное *классовое* государство. Дело пролетариата — *теснее* сплачивать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм. И если данная нам в настоящее время государственная арена создана, поддерживается и расширяется посредством ряда возмутительных насилий, то мы должны именно для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации и гнета

не раздроблять, а соединять силы наиболее угнетенного и наиболее способного к борьбе *рабочего класса*. Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно *против всякой попытки насилием или несправедливостью* влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а *пролетариата* в каждой национальности. Таким образом, общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое *само*определение. Что же касается до *поддержки* требований *национальной* автономии, то эта поддержка отнюдь не является постоянной, программной обязанностью пролетариата. Эта поддержка может стать для него необходимой лишь в отдельных, исключительных случаях. По отношению к армянской социал-демократии отсутствие таких исключительных обстоятельств признано самим «Союзом армянских социал-демократов».

Мы надеемся еще вернуться к вопросу о федеративности и национальности. А теперь закончим еще раз приветствием новому члену Российской социал-демократической рабочей партии — «Союзу армянских социал-демократов».

«Искра», № 33, 1 февраля 1903 г.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 6, стр. 291—294.

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ АРМЯНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Нами получено письмо от Центрального Комитета, сообщающее, что «Армянская социал-демократическая рабочая организация» выразила желание подписаться под резолюцией, которая принята на конференции всех социал-демократических партий. Но ЦК не соглашается принять этой подписи, так как он был против участия на конференции этой организации, чисто заграничной без серьезных связей в России. Мы надеемся вскоре поместить в «Пролетарии» более подробные сведения об истинном характере этой организации. Пока заметим, что все желающие помогать действительно социал-демократическому движению среди армянских рабочих на Кавказе должны иметь дело только с кавказскими организациями РСДРП, издающими армянскую литературу на Кавказе, а не в Женеве.

Написано в сентябре — октябре 1905 г.
В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 273.

А. М. ГОРЬКОМУ
(выдержка из письма)

Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы [1]. Мы на это наляжем. Но что наши резолюции (посылаю их в печати) «отписка, канцелярщина», это Вы зря изволите ругаться. Нет. Это не отписка. У нас и на Кавказе с.-д. грузины+армяне+татары+русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше десяти лет. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские+латыши+литовцы; отделялись лишь сепаратисты — Бунд. Тоже в Вильне.

Написано во второй половине февраля 1913 г.
Направлено из Кракова на о. Капри (Италия).
В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 58—59.

[1] Ленин имеет в виду работу И. В. Сталина над статьей «Национальный вопрос и социал-демократия».

ДЕКРЕТ О «ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ»

Совет Народных Комиссаров объявляет Армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости.

Совет Народных Комиссаров считает, что осуществление этого права возможно лишь при условии ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума Армянского народа.

Такими гарантиями Совет Народных Комиссаров считает:

1)Вывод войск из пределов «Турецкой Армении» и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей «Турецкой Армении»;

2) Беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы «Турецкой Армении»;

3) Беспрепятственное возвращение в пределы «Турецкой Армении» насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян, на чем Совет Народных Комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями;

4) Образование Временного Народного Правления «Турецкой Армении» в виде Совета Депутатов Армянского народа, избранного на демократических началах.

Чрезвычайному Временному Комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручается оказать населению «Турецкой Армении» всяческое содействие в деле осуществления пунктов 2-го и 4-го, а также приступить к созданию смешанной комиссии для установления срока

и способа вывода войск из пределов «Турецкой Армении» (пункт 1-й).

Примечание: Географические границы «Турецкой Армении» определяются демократически избранными представителями Армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по делам Национальностей
И. Джугашвили (Сталин).

Управляющий делами Правительства
Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета
Н. Горбунов.

Печатается по тексту книги
«Документы Октября»,
Партиздат, М., 1933,
стр. 104—105.

1918 г. март. — Постановление СНК РСФСР об упразднении Армянского Военного Комиссариата и передачи всех его дел Комиссариату по делам армян[1]

Армянский Военный Комиссариат (помещ. по Троицкой ул., д. Толстого) настоящим упраздняется.

Все дела, документы, имущество, капиталы, а также помещение названного Комиссариата передаются Комиссариату по делам армян при Народном Комиссариате по делам Национальностей.

Председатель Совета Народн. Ком.
Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по делам Национальностей
Джугашвили (Сталин).

Комиссар по делам армян *В. Аванесов.*

Печатается по тексту сборника «Великая Октябрьская революция и победа Советской власти в Армении», стр. 192.

---

[1] Комиссариат по армянским делам при Народном Комиссариате по делам Национальностей был учрежден в декабре 1917 г. Решением Совета Народных Комиссаров Советской России комиссаром по армянским делам был назначен В. Аванесов, а его заместителем — В. Терьян. В 1918—1920 гг. Комиссариат проделал большую работу по оказанию помощи армянским беженцам, находившимся в России. Комиссариат вел обширную политико-просветительную работу среди армянских трудящихся России, поддерживал связь с нелегальными коммунистическими организациями Армении. Комиссариат имел во многих городах России свои отделения — в Астрахани, Саратове, Харькове, Армавире, Пятигорске, Царицыне, Ростове и т. д. Комиссариат издавал газеты «Коммунист» и «Кармир дрошак» («Красное знамя»). Кроме того, свои печатные органы имели и некоторые из отделений Комиссариата. Комиссариатом были предприняты перевод и издание на армянском языке важнейших декретов Советской власти, произведений В. И. Ленина. Комиссариат по армянским делам был упразднен 5 марта 1921 года.

ТЕЛЕГРАММА С. Г. ШАУМЯНУ

29. VII.

Астрахань
Для Шаумяна
в Баку

Всякие действия дашнаков против решения V-го съезда Советов и центральной Советской власти будут рассматриваться как восстание и как измена. Насчет посылки войск примем меры, но обещать наверное не можем.

Ленин.

Написано 29 июля 1918 г.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 35, стр. 283.

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

9.IX.1920 г.

РВС Кавкфронта
Орджоникидзе

Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело абсолютной общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дела.

Ленин.

В. И. Ленин, Соч.,
т. 35, стр. 389.

1920 г. декабря 14 — Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР об оказании финансовой помощи ССР Армении

Постановление

Совет народных Комиссаров в заседании от 13 декабря **постановил:**

Отпустить Народному Комиссариату финансов по смете центральной канцелярии дополнительным кредитом три миллиарда (3 000 000 000 руб.) рублей на выдачу ссуд Социалистической Советской Республике Армении.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Печатается по тексту сборника «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении», стр. 460.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 28 февраля 1921 г.

(отрывок из речи)

...Третий международный вопрос — события на Кавказе. Там в последнее время произошли события крупного размера, подробности которых нам сейчас неизвестны, но суть их сводится к тому, что мы на грани большой войны. Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовала и некоторая часть русских войск. И кончилось это тем, что замысел армянской буржуазии против нас, до сих пор по крайней мере, повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась Советская власть. (*Аплодисменты.*) Мы знаем, что восстание началось в Армении именно в той нейтральной зоне, которая лежит между Грузией и Арменией и которую Грузия заняла с разрешения империалистов Антанты. Меньшевики привыкли, а в частности грузинские меньшевики, когда они рассуждают о вреде изолированности от западных стран, понимать это в смысле доверия империалистам Антанты, ибо они сильнее всех. А о том, что передовые капиталисты сильнее всего обманывают, некоторые белогвардейцы это забывают, ибо они думают: что такое Армения, армянские крестьяне и проч., что такое разоренная Советская республика, против всех соединенных империалистических держав мира. Передовые капиталисты — это культурные силы со всего мира: повернем к ним. Так оправдывают нечистое дело защиты капиталистов грузинские меньшевики. В руках грузинских меньшевиков был

ключ к продовольствию армянского крестьянства через единую железную дорогу.

Никто не будет иметь терпения прочитать те телеграммы, заявления и протесты, которыми мы обменивались с Грузией по этому поводу. Если бы мы имели мирный договор с Грузией, мы должны были бы тянуть как можно дольше. Но представьте себе, что армянское крестьянство не так смотрело на договор, и кончилось тем, что в начале февраля вспыхнуло страшное восстание, которое распространилось с поразительной быстротой и захватило не только армянское, но и грузинское население. Известия получались оттуда с трудом, и последнее известие, которое мы имели, оправдало то, что мы предполагали. Мы прекрасно знаем, что грузинская буржуазия и грузинские меньшевики опираются не на трудящиеся массы, а на капиталистов своей страны, а эти капиталисты ищут повода придраться, чтобы начать военные действия, но мы имеем трехлетнюю ставку и будем ставить эту ставку до последнего издыхания, это — ставка на трудящиеся массы, хотя бы и отсталой и угнетенной страны. И в конце концов, как бы мы ни были осторожны, как бы ни напрягали свои силы к укреплению Красной Армии, мы приложим все свои старания, чтобы потушить пожар, который вспыхнул на Кавказе. И то, что нам удалось показать на Западе — это то, что, где Советская власть, там нет места национальному угнетению, — это мы покажем и на Востоке. От этого в последнем счете зависит вся борьба, и, в конце концов, рабочая и крестьянская сила окажется выше и больше капиталистической, потому, что рабочих и крестьян гораздо больше, чем капиталистов...

В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 126.

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Орджоникидзе

Получил вашу шифровку об отчаянном продположении Закавказья. Мы приняли ряд мер, дали немного золота Армении, подтвердили всяческие поручения Компроду. Но я должен предупредить, что мы здесь сильно нуждаемся и помогать не сможем. Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья, налечь изо всех сил на концессии, особенно в Грузии; постараться купить хоть за границей семян и двинуть орошение в Азербайджане при помощи ресурсов Баку, чтобы развить земледелие и скотоводство, а также постараться развить товарообмен с Северным Кавказом. Усвоили ли вы и грузинские товарищи значение нашей новой политики в связи с продналогом? Прочтите это им и извещайте меня чаще; прочтите мое письмо Серебровскому в Баку.

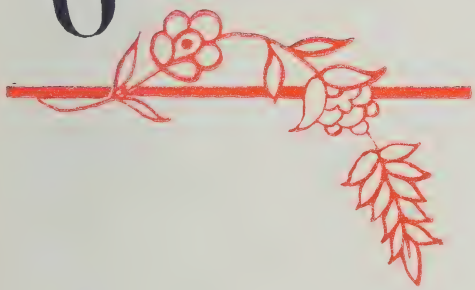
Ленин.

Написано 9 апреля 1921 г.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 35, стр. 412.

Слева направо: С. Лукашин, С. Орджоникидзе, С. Киров, М. Орахелашвили, С. Тер-Габриэлян, А. Сольц, А. Назаретян (Тбилиси, 1928).

С. Тер-Габриэлян и С. Орджоникидзе (1925).

6



И. ЛАЛАЯНЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «О МОИХ ВСТРЕЧАХ С В. И. ЛЕНИНЫМ ЗА ВРЕМЯ 1893—1900 годов»

Перед новым, 1893 годом жандармерия совершила крупный набег на различные подпольные организации Казани, забрав свыше полсотни лиц (предательство студента Острянина). В числе арестованных оказался и я. Продержав в тюрьме месяца два, жандармы большинство из арестованных освободили (впредь до приговора) под негласный надзор полиции; освобожденным, таким образом, предлагалось в трехдневный срок покинуть Казань. Мне лично было предложено «свободно выбрать» и указать, где именно я намерен поселиться до приговора, «любезно» при этом перечислив города, куда я не должен направляться. Список запретных мест оказался довольно обширным. Достаточно сказать, что в него входили, помимо, конечно, столиц, все университетские го-

рода, все фабрично-заводские центры и ряд «неблагонадежных», с жандармской точки зрения, городов, как то: Саратов, Нижний, Тверь, Тифлис и т. д. Узнав о такой «свободе» выбора, я было запротестовал, но мне с неизменной улыбкой ответили, что в таком случае я могу продолжать сидеть в тюрьме. Делать нечего, пришлось «выбирать». И в конце концов я остановился на Самаре, правда, не имея в то время ни малейшего представления о житье-бытье этого города.

Сборы были недолги. Имевшиеся в моем распоряжении дни ушли на то, чтобы бегать по знакомым разузнавать, что представляет собою Самара, и раздобыть хоть какие-либо связи и явки в ней, чтобы не чувствовать себя совершенно каким-то Робинзоном в новом городе. Правда, информация мне ничего не дала; вернее, никакой информации я так и не получил о Самаре, если не считать, что это губернский город со всеми присвоенными ему, как таковому, учреждениями, но не такая все же дыра, как Симбирск и т. п., — но это было мне и так известно. Что же касается связей и знакомств, то мне дали два-три адреса, предупредив, что вряд ли что-либо интересное я по этим адресам найду.

Помню, по одному из них я должен был явиться к доктору Португалову (старику) и познакомиться с его семейством; по другому — мне предстояло прийти к некому Долгову, тоже старику, бывшему народовольцу, когда-то привлекавшемуся, уже не помню точно по какому именно делу, — кажется, по долгушинскому.

Заручившись столь «богатыми» сведениями и захватив выданное мне «проходное свидетельство», я двинулся на санях через Волгу до станции, кажется, Рузаевка, откуда по железной дороге — в Самару.

Невеселые думы кружились у меня в голове: «Что это за город, куда я еду? Удастся ли найти там нужные мне книги? Какие знакомства предстоят?» — и прочие в этом роде вопросы неотступно преследовали меня почти всю дорогу. Уже тот факт, что жандарм, услышав мой «выбор», весьма одобрительно воскликнул: «Ага, отлично!», говорил за то, что город считался у них вполне «благонадежным», а стало быть... Ну, да ладно, бывает ведь и хуже...

Ну, вот и она, эта таинственная Самара.

Устроившись наскоро с комнатой, я на другой же день принялся заводить знакомства по данным мне адресам.

В семье Португаловых просидел несколько часов. Был принят довольно радушно, было чаепитие и проч., что в таких случаях полагается. Семья была почти в полном составе. Семья культурная, благовоспитанная, весьма умеренно либеральная. Все чисто и аккуратно; в зале на стене красовался ряд портретов передовых русских писателей-классиков с надписью «Соль земли русской». Несмотря, однако, на эту умеренность, старик уверял меня, что местная жандармерия и до сих пор преследует его своей слежкой и весьма подозрительно относится ко всей семье.

Мы говорили обо всем вообще и ни о чем в частности. Разговоры были достаточно скучны, за исключением рассказа доктора об устройстве парижской канализации и полей орошения за городом, которые он, в бытность свою в Париже, осматривал как санитарный врач, с особого разрешения парижского мэра. Рассказывал он это довольно подробно и живо, и я слушал его с большим интересом.

На другой день я отправился к Долгову. Старик-добряк, много перевидавший на своем веку, жил одиноко и принял меня очень ласково и радушно. Сообщив необходимые в таких случаях сведения о себе и последние новости из Казани, я стал слушать его рассказы о прошлых временах и о жизни в Самаре. Во время разговора незаметно появился традиционный чай (прислуживала какая-то женщина).

Тут кто-то постучался — вошел молодой человек лет 22—23, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мною стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-то сразу располагающей к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич.

Хозяин не назвал нас друг другу, предложив лишь познакомиться. Мы подали руки и, как часто это бывает при знакомстве, буркнули неразборчиво свои фамилии. Разговор возобновился, в нем принял участие и вновь пришедший. Говорил больше хозяин, мы подавали реплики и частенько поглядывали друг на друга. Разговор касался малоинтересных, общеизвестных вещей. Но вот Долгов с серьезным видом заговорил, между прочим, о том, что в последней книжке, кажется, «Вестника Европы» напечатана очень дельная статья о необходимости отмены телесного наказания (порки) вообще и в частности в отношении к

крестьянству. Мы невольно улыбнулись. Хозяин, заметив это, поспешил добродушно пожурить нас. «Да, да, конечно, для вас, марксистов, это уже не интересно, да еще насчет мужика, — вам все подавай рабочих». Мы окончательно рассмеялись. Поговорив еще немного, мы простились с Долговым и вышли вместе.

По дороге у нас постепенно завязался интересный разговор, что дало нам возможность ближе познакомиться друг с другом; я рассказывал все, что мог, о казанской жизни и в свою очередь с большим интересом выслушал все, что Владимир Ильич успел передать мне о Самаре в этот первый вечер нашего знакомства. Наша беседа, естественно, перешла на тему о народниках и марксистах, и мы оба настолько увлеклись, что не заметили, как дошли до дверей его квартиры, и так как это было на самом интересном месте беседы, то Владимир Ильич заявил, что проводит меня «немножко» обратно. Дойдя незаметно до моей квартиры, я в свою очередь предложил ему то же самое... И вот таким-то образом, провожая друг друга каждый раз «еще немножко», мы проделали еще четыре конца! Наконец, решили, что все равно нам всего не переговорить, и где-то на полдороге, крепко пожав друг другу руки, разошлись по домам, условившись, что назавтра вечером он поведет меня знакомить с кой-какой публикой и прежде всего со своим близким другом А. В. Поповым (А. П. Скляренко).

Так-то произошло впервые мое знакомство с Владимиром Ильичем. Вернувшись домой, я долго не хотел ложиться спать, ходил из угла в угол по комнате, чувствовал какой-то радостный подъем в душе, перебирал в голове до мелочей все наши разговоры с ним. Он действительно произвел на меня тогда замечательное впечатление. В этом двадцатитрехлетнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждений и определений — с другой. Самара сразу же перестала мне казаться такой глушью, и я уже после первой встречи был рад, что выбрал себе именно ее.

На другой день вечером, как мы уже условились, я зашел к Владимиру Ильичу. Все семейство Ульяновых в то время жило в Самаре в одной квартире в доме торговца Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, и со-

стояло, кроме Владимира Ильича, из его матери — Марии Александровны, сестер — Анны Ильиничны с ее мужем М. Т. Елизаровым и Марии Ильиничны — и брата Дмитрия Ильича, в то время учившихся еще в гимназии. Меня тут же Владимир Ильич познакомил со всей семьей, после чего, немного посидев, мы с ним отправились к Скляренко. Он жил в том же конце города, что и Владимир Ильич, но еще ближе к окраине, и занимал маленькую квартирку из двух комнатушек. Между прочим, он находил, что квартирка эта очень удобна в конспиративном отношении; я уже не помню теперь, в чем, собственно, это удобство заключалось. Жил он вместе со своим другом и товарищем Лебедевой — слушательницей местной фельдшерской школы, особой очень неглупой, чрезвычайно застенчивой, молчаливой и прямо благоговевшей перед своим другом. Скажу несколько слов тут же специально о Скляренко. У него были не одна фамилия и имя, а несколько; самой популярной среди своей публики была его фамилия — Попов Алексей Васильевич, другая, более, так сказать, официальная, была Скляренко Алексей Павлович, кроме того, он носил фамилию Бальбуциновский. И все это отнюдь не по конспиративным соображениям, а потому, что имел несчастие, по тем временам, быть «незаконнорожденным».

Итак, мы у А. П. Скляренко, который, по-видимому, уже был предупрежден о предстоящем нашем посещении. Это был молодой человек, приблизительно таких лет, как и Ульянов, высокого роста, статный, гибкий, с прекрасным, умным и выразительным лицом. Очень симпатичный, общительный и остроумный, он пользовался большим влиянием и популярностью среди учащейся молодежи, да и не только среди интеллигенции, — рабочие (особенно железнодорожные), среди которых он имел довольно обширное — по тем временам — знакомство, его тоже очень любили, и прежде всего за то, что он умел просто и близко подходить к ним, без заискиваний, подлаживанья и проч.

Ко времени нашего знакомства Скляренко уже был сложившимся марксистом, успел посидеть в «Крестах» (петербургской одиночной тюрьме), заделавшись там ткачом. В противоположность Владимиру Ильичу он не отличался усидчивостью, стремлением к терпеливым и упорным теоретическим занятиям, требующим уединения и настойчивости. Он был главным образом практик и притом с пропагандистско-агитаторским уклоном, ему всегда нужно бы-

ло общество, нужна была аудитория, внимательно и с интересом прислушивающаяся к его словам и где он чувствовал бы свою руководящую роль.

Встретились мы со Скляренко очень радостно и, дружески пожав друг другу руку, сразу как-то почувствовали себя как бы старыми знакомыми. Владимир Ильич, посидев с нами некоторое время и поговорив о последних журнальных статьях народнического направления, оставил нас одних. Алексей Павлович очень интересно и подробно стал рассказывать мне о самарской публике, об организованных им кружках, о борьбе своей совместно с Владимиром Ильичем с местными народниками и о тех диких и смехотворных мнениях о марксистах вообще, в особенности же о русских марксистах, которые нередко приходилось слышать им из уст с виду даже весьма почтенных, побывавших в разных переделках народников. Жаловался на скудность нелегальной литературы. Вскоре, однако, я убедился, что эти жалобы были несколько несправедливы: был целый ряд таких вещей, каких в Казани я не встречал. Правда, многие из них были только на немецком языке, как то: «Нищета философии» Маркса, 2-е издание; «Коммунистический манифест»; «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса; довольно много книжек журнала «Die Neue Zeit»; стенографические отчеты заседаний германского рейхстага и проч. — книги, которыми пользовался Владимир Ильич и, как мне известно, могли пользоваться и другие, конечно, очень близкие к нему лица. Да и женевских изданий группы «Освобождение труда» было несколько больше, чем в Казани. Затем, как оказалось, существовала в Самаре очень богатая и интересная по составу полулегальная библиотека, состоявшая из книг и журналов, в свое время вышедших вполне легально, но впоследствии изъятых из обращения.

За разговорами время прошло совсем незаметно. Было уже очень поздно, когда, поднявшись уходить, я протянул руку Скляренко. Не выпуская ее, он убеждал меня, что еще совсем рано, так как «до рассвета еще далеко»!

На первых же порах, бывая часто как у Владимира Ильича, так и Алексея Васильевича Попова (я позволю себе в дальнейшем именовать А. П. Скляренко именно так, ибо мы все его тогда так звали) — в особенности у Попова — я тесно сблизился с ними обоими. Вскоре в городе публика нас иначе и не называла, как тройкой, прибавляя

к этому слову тот или иной эпитет в зависимости от «идеологического» отношения к нам говорившего. Наша тройка — или как иные называли «кружок» — была действительно тесно спаяна, и мы всегда появлялись и «выступали» вместе. Говорю «выступали» в том смысле, что если куда-нибудь приходил один или двое из нас, то вскоре появлялся и другой или третий. Впрочем, с начала лета это мы с Поповым изображали нашу «тройку», ибо семья Ульяновых, а с ней вместе и Владимир Ильич, перебралась на лето в свою заимку Алакаевку, где он с не меньшей усидчивостью продолжал свои занятия и где мы не раз с Поповым навещали его и всю его семью.

Владимир Ильич ко времени моего знакомства с ним состоял помощником присяжного поверенного. Будучи исключен из Казанского университета как один из наиболее активных участников студенческих «беспорядков» в декабре 1887 года, он впоследствии, подготовившись, в 1891 году, сдал экстерном государственный экзамен при университете, для чего и ездил из Самары в Петербург. Состоя, как я сказал, помощником присяжного поверенного, Владимир Ильич, однако, мало занимался в Самаре юридической практикой: не она влекла его к себе, а революционная работа, работа в области теории и практики революционного марксизма. Решив перебраться с осени того же 1893 года в Петербург, он много времени посвящал в Самаре, помимо чисто теоретических занятий, работам литературным, составлению конспектов статей, рефератов и пр. В то время, как известно, русские марксисты были совершенно лишены всякой возможности проводить или защищать свои теоретические взгляды хотя бы в легальной печати, чем весьма широко пользовались разные публицисты, «экономисты» и пр. из народнического лагеря, как Н. К. Михайловский, В. В. (В. Воронцов), Николай — он, Кривенко и т. д. и т. п., в своем никем не тревожимом журнале «Русское богатство». До чего свирепствовала в те времена цензура против марксистской литературы, можно судить по таким, например, фактам. В конце 80-х годов был совершенно закрыт совсем невинный, специальный юридический журнал «Юридический вестник» из-за одной лишь статьи П. Скворцова, в которой давался сухой цифровой анализ нашего хозяйства и, кажется, в одном месте было упомянуто имя Маркса. В печати нельзя было произносить слова: «русские марксисты» или «русские последователи

Маркса», а приходилось говорить: «русские ученики, которые» и проч. Или, например, запрещалось упоминать в печати фамилию Н. Г. Чернышевского, а говорилось: автор «Очерков гоголевского периода русской литературы» и т. д. в этом же роде.

Литературные работы Владимира Ильича были, с одной стороны, экономического характера, как то: подробный критический разбор книги некоего Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», разбор статей В. В. под заглавием «Судьбы капитализма в России», разбор рукописной статьи Н. Е. Федосеева об экономических причинах отмены крепостного права в России и др.; с другой — политические, как, например, первоначальные наброски его последующей работы «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» и некоторых других, названия которых я в настоящее время [1] не помню.

Вообще должен сказать, что Владимир Ильич в то время, то есть зимой и весной 1893 года, будучи почти всецело поглощен своими занятиями, сравнительно мало показывался среди широкой публики, в особенности среди интеллигентской молодежи, а по возвращении из Алакаевки вскоре же совсем покинул Самару, с тем чтобы в Петербурге с головой уйти в подпольную революционную работу, активнейшим образом участвуя в самых разнообразных отраслях ее. Нашу тройку некоторые тогда еще называли «кружком», а теперь, в особенности после смерти Владимира Ильича, нередко говорят о «самарском кружке», имея в виду именно эту нашу тройку; на самом деле, по крайней мере в обычном, организационном смысле, мы собою никакого **кружка** не представляли; определенных регулярных собраний этот «кружок» не устраивал и никаких систематических занятий в нем ни Владимиром Ильичем, ни кем-либо другим из нас не велось. Это просто была маленькая группа очень близко сошедшихся между собою товарищей-единомышленников, тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей разномыслящей интеллигенции. Среди нее были, с одной стороны, представители отжившего направления, как бывшие народовольцы и народники — поколение более старшего возраста, а подчас и весьма почтенного; с другой — люди молодого поколе-

[1] Воспоминания написаны в 1928 году. — *Ред.*

ния — учащиеся и исключенные из учебных заведений (университетов и проч.) — колеблющиеся, не установившиеся, во многом разделявшие взгляды марксистов, но в то же время не расставшиеся окончательно и с народническими «чувствами» и такими представлениями о русских марксистах, что-де «они совсем **нелюбят** мужика», «**хотят** обезземелить крестьян», «**радуются** разорению деревни» и тому подобными нелепостями, в той или иной форме пресерьезно и щедро приписывавшимися марксистам их противниками из лагеря народников и примыкавших к ним. Нередко можно было из уст представителей такой молодежи услышать тоскливый вопрос, обращенный к марксистам: «Вот вы, конечно, и научнее, и умнее, но зачем же вы **непременно хотите** разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?». Помню, как-то Попов готовил реферат о хозяйственном положении крестьян Самарской губернии, делал подсчеты по земским статистическим сборникам и другим источникам. За работой застает его кто-то из таких знакомых-народолюбцев и, узнав, что тот как раз в это время подсчитывает количество безлошадных крестьян, укоризненно качает головой: «И вам не жалко их! Вы сидите и **спокойно** констатируете эти явления?!»...

Я уже говорил выше, что каких-либо **систематических** занятий в нашем «кружке» мы не вели, но в то же время нам очень часто удавалось собраться втроем или у Владимира Ильича, или — что бывало чаще всего — у Попова, а то и просто отправиться куда-нибудь за город, например в Аннаевское кумысолечебное заведение, или прямо на берег Волги, к пароходным пристаням, где можно было в достаточно чистой и уютной комнатке какой-нибудь скромной пристанской пивной вести беседы на интересующие нас темы за кружкой жигулевского пива, чем мы отвлекали от себя внимание посторонних.

У Попова была удивительная способность быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с великолепным жигулевским пивом, за что вскоре же тогда он получил от Владимира Ильича почетное звание — «доктора пивопития». Эта кличка тут же «единогласно» и «без прений» была нами принята и так основательно привилась за ним, что мы в своем кругу иначе и не называли нашего милого Алексея Васильевича. И почти через 30 лет, сидя за беседой в кремлевском кабинете у Владимира Ильича, —

увы! это была моя последняя встреча и беседа с ним,[1] — после первых же взаимных приветствий я услышал от него: «А ведь доктора пивопития с нами уже нет!»... Это было произнесено им с грустной улыбкой!...

Вернусь, однако, к нити своего рассказа. Итак, собирались мы разно, где придется. Впрочем, если предстоял реферат или разбор какого-либо литературного произведения или заметок, то обычно дело происходило на квартире у Попова; а то бывало и так, что предварительно каждый брал себе на дом ту или иную работу, а затем уже сходились для обсуждения. Вопросы, нас интересовавшие, и темы наших бесед были самые разнообразные: развитие нашего хозяйства вообще, положение нашей крупной промышленности и сельского хозяйства, рабочий класс у нас и в странах Западной Европы, теория классовой борьбы, философия истории Маркса — Энгельса, история революционного движения у нас и на Западе и т. п. При этом, будучи во всех этих вопросах в основном вполне согласны между собою, в понимании тех или иных частностей мы иногда расходились, что порождало порою между нами жесточайшие споры, пока путем детального разбора темы не удавалось достигнуть полного единомыслия. Почти всегда в таких случаях бывал прав, конечно, Владимир Ильич. Я теперь совершенно не помню, по каким именно вопросам у нас возникали споры между собою и кто какую позицию защищал; помню только, что то были вопросы, касавшиеся крестьянства до падения крепостного права и после его отмены, характера и оценки крестьянских движений и т. п.

Кончилось лето 1893 года; Владимир Ильич уехал в Питер, остальная семья Ульяновых собиралась переселиться в Москву. Мы остались вдвоем с Поповым.

В конце июня 1894 года пришла и моя очередь покинуть Самару: по приговору по казанскому делу я получил 10 месяцев отсидки в «Крестах» и три года гласного надзора полиции. 24 июня 1894 года в Самарском полицейском управлении мне и еще одному товарищу — покойному М. М. Корнильеву — был объявлен приговор, после чего мы тут же были арестованы и препровождены в местную пересыльную тюрьму, а через неделю двинули нас этапным порядком в Петербург.

В день отправки этапа, когда партия выстраивалась

[1] 13 января 1922 года. — *И. Л.*

во дворе тюрьмы, нам с Поповым удалось через решетку обменяться несколькими прощальными приветствиями, и, когда партия уже подходила к воротам, он, стоя где-то на третьем этаже у окна камеры, продолжал махать платком и посылать свои пожелания. Спустя несколько месяцев и он в свою очередь получил приговор и был отправлен в ссылку в глухую Кемь Архангельской губернии.

Рассеялась наша тройка, и таким образом закончилось существование нашего «самарского кружка».

«Кресты» — они были построены в виде двух крестовидных корпусов и официально носили название «С.-Петербургская одиночная тюрьма» — и по внутреннему своему устройству и по установленному режиму содержания заключенных были тюрьмой новой и «образцовой». Сажали туда только отбывающих по приговору определенный срок сидки. Существовала обязательная для всех ежедневная **урочная** работа, которая оплачивалась, но довольно скудно. Да и из этой платы, кажется, шестьдесят процентов казна брала себе, а из остальных арестант мог тратить во время сидки только половину, другая половина копилась ему «на выход». Работы были разнообразные: столярная, сапожная, портняжная, ткацкая, прядильная, выделка папиросных коробок и другие; в виде наказания давали пеньку (старые куски каната) щипать. Рабочий день с семи утра до шести с половиной часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед и отдых. Прогулка и случайные перерывы — во время работы. Но — урок! Он должен был быть выполнен обязательно в срок, иначе — те или иные репрессивные «меры»; в случае же окончания урока раньше срока арестант вовсе не освобождался на остаток рабочего дня от работы, а должен был продолжать работу, приступив к новому «уроку». Политические, кроме всего этого, содержались еще в полной изоляции. Между политическими несколько камер бывало занято уголовными, потом опять политические, опять несколько уголовных и т. д. Так же рассовывались политические между уголовными и на прогулке во дворе по кругу, при этом ни разговаривать, ни делать какие-либо движения рукой или ногой в сторону [1], ни оглядываться назад не разрешалось: мол-

[1] Чтобы таким образом не переговаривались между собой политические по тюремной азбуке. По этой же причине в московской «Таганке», например, запретили нам одно время иметь у себя зеркальца в камерах с окнами на солнечную сторону. — *И. Л.*

ча, на два шага от соседа, иди и гляди в спину впереди идущего. С момента вступления в тюрьму — ни имени, ни фамилии, а номер, который пришивался к рукаву, — вот и все. Разрешалась лишь передача с воли книг (новых и неразрезанных). Раз в месяц — письмо, и, кажется, с таким же промежутком — свидание, но с «ближайшими» родственниками. Так как у меня лично, например, таковых не было, то, естественно, я и не думал ни о каких свиданиях.

Но вот однажды, в один из осенних слякотных петербургских дней, меня зовут с прогулки «домой». «В чем дело?» — «На свидание». — «На свидание?! с кем?» — «С невестой». Гм... не ошибка ли, думаю, и кто же такая моя «невеста»?... Ну, ладно, иду. Ведут к каким-то «шкапчикам» — клеткам с сеткой, решеткой и барьером; полутьма, гул голосов, шум, одних приводят, других уводят, а по ту сторону, через эти заграждения, на расстоянии двух шагов, мелькают лица с воли. Иду и думаю: «Как бы это узнать свою „невесту" и не забраться в клетку к „чужой невесте"... Но в это время меня выручает мой конвоир: возгласом сзади возвращает меня несколько обратно: «Пожалуйте! Вот ваша невеста», — и тем «знакомит» нас друг с другом. Стараясь поддержать соответствующий тон и фасон, мы, действительно, начинаем знакомиться между собою. Узнаю, что передо мною некая курсистка с Высших женских курсов — Ольга Ивановна Чачина, ныне, как я узнал недавно, уже покойная, — которую разыскал Владимир Ильич и живо приспособил в качестве «невесты».

Едва успела она вперемежку со взаимными вопросами и ответами сообщить кое-какие обрывки новостей, как уже кончилось наше свидание. Нечего и говорить, какая куча всяческих приветствий была послана мною тому, кто был виновником столь неожиданного свидания. Не помню, при этом или следующем свидании, была передана ею мне по поручению Владимира Ильича только что вышедшая тогда книжка Струве «Критические заметки», вызвавшая в свое время известную сенсацию и страстные споры вообще и в частности своей заключительной фразой: «Так признаем же свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму!». Вслед за Струве, уже в начале весны 1895 года, появился Бельтов [1] — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». На свидании О. И. Чачина,

[1] Псевдоним Г. В. Плеханова. — *Ред.*

сообщив о выходе этой книги и о том, что передала ее уже в контору тюрьмы для меня, успела кое-какими намеками дать понять мне, кто скрывается под этой невинной фамилией «Бельтов».

Это блестящее полемическое произведение, как кипятком, ошпарило всех торжествующих на вольном просторе легальной печати народников во главе с их «властителем дум» Н. К. Михайловским. На меня, совершенно оторванного от живой жизни на воле, в особенности от столичной жизни, этот «Бельтов» произвел впечатление внезапно взорвавшейся бомбы среди полной тюремной тишины. Не могу умолчать о том возбуждении, которое охватило меня в связи с получением книги. Свидание кончено; я уже в камере. Вскоре через форточку показывают мне вновь поступившую книжку, с тем чтобы тотчас же унести ее обратно (а там уже надо «хлопотать», чтобы выдали ее на руки, — такой был порядок). Прошу к себе кого-либо из «начальства». Является помощник начальника тюрьмы. Спокойным, скучающим тоном заявляю, что вот на мое имя передана книжка, желаю получить ее на руки для прочтения. — «А какая?». Называю. «Какого, коммунистического?! Не могу, не могу». — «Да нет! — **монистического».** — «А это что значит?» — «Да это в древности у философов был такой взгляд...». «Ага, — перебивает меня помощник, — хорошо, я просмотрю, просмотрю и, если ничего там нет насчет политики, пришлю». Не прошло и двадцати минут — опять через форточку подают книгу: «Получите!». Чистенькая, новенькая и **неразрезанная,** с полдюжиной штемпелей: «Просмотрено. С. П. Б. О. Г.». Вот что значит «философия», да еще «древняя»!...

В дальнейшем следовали еще кое-какие литературные новинки. Таким образом, благодаря заботливости Владимира Ильича я был немножко в курсе хоть в области вновь выходящей легальной литературы.

Тем временем приближался срок моего выхода из тюрьмы. Известно было, что в день выхода охранка, в руки которой тюрьма непосредственно передавала освобождаемого политического заключенного, предоставляла ему возможность, при желании, несколько часов провести в Петербурге. Разумеется, решено было воспользоваться этой возможностью, чтобы нам с Владимиром Ильичем повидаться. И вот на одном из последних свиданий наших О. И. Чачина передала мне, чтобы я по освобождении из

«Крестов» прямо из охранки ехал к ней, остальное она устраивает сама.

Ну вот, наконец, и 24 апреля 1895 года — срок моего выхода. Утром часов в десять приводят в контору. После десятимесячной табачной голодовки я с жадностью закуриваю первую папироску. В сопровождении охранного агента, почему-то напялившего себе на голову цилиндр, еду на Гороховую. Формальности кончены, комедия с «выбором» местожительства проделана; пришлось «выбрать» город Пензу.

Еду прямо на Васильевский к Чачиной. В чистенькой студенческой своей комнатке она что-то хлопочет насчет чая и прочего. Весело здороваемся, и О. И. Чачина, наскоро дав мне кое-какие «инструкции» насчет завтрака, покидает меня и бежит за Владимиром Ильичем. Возвращается, а вскоре вслед за нею приходит и Владимир Ильич [1]. Мы радостно встречаемся. От волнения и долгого почти полного молчания я немножко заикаюсь. Разговор все время перескакивает с одной темы на другую и то и дело прерывается шутками и смехом. Хочется говорить побольше о работе, о положении дел, но это плохо удается; несколько часов проходят совсем незаметно. Тогда у Владимира Ильича возникает такой план: он поедет вместе со мною в Москву, я у них проведу нелегально сутки, а затем направлюсь в «свою» Пензу, а он — обратно в Питер; говорит, что он как-то собирался по делу създить в Москву, да и повидаться, кстати, со своими. Стало быть, мы в дороге будем вместе, да в Москве целый день. Я, разумеется, с восторгом приветствую его блестящий план. Он думает, что товарищи согласятся на эту отлучку. Но для всего этого он должен кое с кем повидаться и кое-какие дела обязательно закончить к отходу поезда. Ладно, решено. Весь вопрос только в том, удастся ли ему повидаться с нужными товарищами. Во всяком случае, он зайдет и сообщит мне об окончательном результате.

Надо сказать, что, как успел мне сообщить Владимир Ильич, как раз в это время подготовлялся к печати или уже печатался — не помню хорошенько — знаменитый сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйствен-

---

[1] Автор ошибается, его встреча с В. И. Лениным произошла, повидимому, раньше, так как 25 апреля 1895 года В. И. Ленин уже выехал за границу. — *Ред.*

ного развития», впоследствии вскоре по выходе из печати, соженный цензурой из-за статьи Владимира Ильича — К. Тулин, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», занимавшей как по содержанию, так и по объему центральное место в книге.

Уже вечером приходит снова Владимир Ильич и говорит, что все удалось устроить и он может ехать вместе со мною. Поезд отходит тогда-то, проверяем свои часы. Конспирации ради уславливаемся, что на вокзал каждый из нас едет отдельно, да и на вокзале друг к другу не подходим, а садимся как попало; а затем уже, проехав несколько станций, он разыскивает меня и переселяется в мой вагон. На всякий случай он же мне советует выехать на вокзал с некоторым запасом времени — на случай, если Дворцовый мост окажется разведенным и придется ехать через Николаевский, — так чтобы не опоздать на поезд. Итак, до свидания в поезде.

Спустя некоторое время, следуя доброму совету Владимира Ильича и попрощавшись со славной хозяйкой — «невестой» своей — Чачиной, с которой больше ни разу с тех пор не пришлось мне встретиться, я двинулся на вокзал... Беру билет, сажусь и еду. Вот проехал две-три станции. Жду — вот-вот покажется Владимир Ильич. Нет его. Еще несколько станций, уже глубокая ночь, а его нет и нет. Ну, думаю, завалился, должно быть, спать: набегался за день-то. С утра и весь день то же самое — нет его! Ясное дело: что-то произошло, но что? — не могу понять. Неужели забрали или что-либо в этом роде? Самые тревожные мысли приходят в голову... Но вот и Москва, приехали. По выходе из вагона ищу всюду глазами среди выходящих из вагона пассажиров знакомое лицо — нет! Публика начинает быстро расходиться, вокзал временно пустеет. Куда же деться?! Ни одного адреса... Я так был уверен, что едем вместе, что не взял даже адреса Ульяновых. Рассеянно сажусь на перроне и думаю: «Если ехать дальше, надо сейчас же перебраться на другой вокзал. А вдруг сейчас что-нибудь выяснится: оставаться сидеть, — но ведь на ночь меня выставят из вокзала, а в гостиницу нечего соваться с моим волчьим билетом — «проходным свидетельством»...

Вдруг раздается перронный звонок. Подбегаю, спрашиваю: «В чем дело?» — «Поезд идет, вышел с последней станции». — «Как поезд, откуда?!» — «Из Петербурга, № такой-то, бис»... Оказывается, через пятнадцать минут пос-

ле того поезда, с которым я выехал, ежедневно отправляется дополнительный (bis) под тем же номером. Оказывается, далее, что этот поезд введен был лишь за несколько дней до того. Гм, любопытно! Явилась надежда: а что если как раз в этом поезде едет Владимир Ильич? Ждать и пропустить пензенский поезд, рискуя в конце концов очутиться на улице, без ночлега? Рискну!...

Вот издали мчится поезд, все ближе и ближе. Наконец он с грохотом подходит и останавливается. Из всех окон видны головы пассажиров. А вот и Владимир Ильич!.. Что это он? А еще кулаком грозит!.. Среди общей суматохи я ему отвечаю тем же жестом... Не подходя друг к другу и не здороваясь, мы незаметно выходим из вокзала, берем извозчика. Усаживаясь, мы молча друг другу тычем в бок кулаком и, наконец, расхохотавшись, от жестов переходим к словам. Дело быстро выясняется — оба правы: я выехал с обычным поездом, а он чуточку опоздал к нему, но, не подозревая этого, и, наоборот, видя, что у кассы толпится публика за билетами на Москву, преспокойно берет билет, садится и едет, будучи уверен, что едет в одном поезде со мною!... С досадой рассказывал, как он и ночью, а затем и днем несколько раз на остановках пытался разыскать меня, но безрезультатно... Да, мудрено было бы найти меня в **том** поезде!...

Но все хорошо, что хорошо кончается; упущенное в дороге удалось наверстать в Москве. Весь этот вечер и часть следующего дня мы неотлучно находились вместе. Из рассказов Владимира Ильича я узнал тогда много чрезвычайно интересного для меня о жизни и работе петербургских кружков, в частности о подпольно-литературной работе Владимира Ильича. Из его слов я мог заключить, что в Питере в то время достаточно прочно и широко была налажена пропагандистская и даже отчасти агитационная работа, в особенности среди рабочих крупных заводов; рассказывал он немало также о подготовлявшихся к выпуску «Материалах» (сборник) и о спорах со Струве, об отношениях к нему. Для меня с достаточной ясностью стала вырисовываться активная и руководящая роль Владимира Ильича во всех этих работах, хотя сам он ее совершенно не подчеркивал... Время, однако, шло, и вечером на другой день, горячо простившись с Владимиром Ильичем и его домашними, двинулся я в Пензу.

Пенза, как я, впрочем, и ожидал, мне сразу же не пон-

В. И. Ленин и С. Г. Шаумян. «Первое знакомство» (худ. А. Машинян).

Встреча С. Г. Шаумяна с В. И. Лениным в Швейцарии (худ. Р. Рухкян).

равилась: даже для тех времен она была уж очень глухим городишком, так что та же Самара, например, казалась по сравнению с ней уже чуть ли не крупным центром...

Мысль о том, что нужно удрать куда-то из этой Пензы, засела мне в голову уже вскоре по прибытии туда. Но куда? Вот вопрос. Перейти на нелегальное положение в то время как-то не приходило в голову, не практиковалось это тогда. Перебираю в голове без конца города, не находящиеся под полицейским запретом, — ничего отрадного. Лучше всего было бы, конечно, на юг. Но ведь, например, в Харьков, Ростов, Одессу, Киев... и думать нечего! Наконец приходит в голову Екатеринослав. Навожу справки. Ничего определенного: никто никогда там не бывал, абсолютно никаких связей, что он собою представляет, никому не известно; есть какие-то заводы не то в самом городе, не то близ города. Ну, ладно. Что-то там есть; с другой стороны, он не значится в списке запретных. Решено. Надо хлопотать о разрешении переселиться в Екатеринослав. Посылаю соответствующее заявление в министерство внутренних дел...

Недели через три меня вызывают в полицейское управление для того, чтобы объявить, что к переезду на жительство в Екатеринослав со стороны и т. д. «препятствий не имеется».

Итак, можно ехать в Екатеринослав... В связи с этим, естественно, снова возник вопрос о каких-либо связях и явках в Екатеринославе. Должен сказать, что приблизительно к тому же времени (я сейчас не помню, когда именно) подошло другое, весьма приятное для меня событие. Заехал ко мне по дороге из Москвы куда-то на Волгу — кажется, в Самару — покойный М. Т. Елизаров — муж А. И. Ульяновой, привез мне в подарок от Владимира Ильича тот самый сборник, выхода которого из печати ожидали с таким нетерпением все, знавшие о нем. Но радость тут же была омрачена тем, что новорожденный сборник еще до поступления в продажу, даже до выхода его из стен типографии, был целиком конфискован из-за упомянутой мною выше статьи К. Тулина. Удалось спасти лишь экземпляров сто, которые были «выкрадены» из типографии, как мне передавали, П. Б. Струве. Весь тираж, как известно, был предан огню, и, таким образом, книга стала библиографической редкостью уже в момент своего выхода из печати. Вот отчасти в связи с получением этой

книги и главным образом в поисках каких-либо конкретных сведений об Екатеринославле я решил тайком съездить в Москву к Ульяновым и повидать там Владимира Ильича, который, как я знал из его письма, находился в это время опять в Москве.

Владимир Ильич весьма горячо отнесся к моему решению перекочевать на жительство в Екатеринослав, сообщил мне, что там, по имеющимся сведениям, сравнительно недавно имели место большие провалы, а до того там существовала с.-д. организация, которая вела довольно успешно работу среди рабочих местных заводов, весьма крупных по размерам. Он перечислил несколько товарищей, которые работали там до провала; помню, называл фамилии Винокурова, Мандельштама и, кажется, Лейтейзена. Но как обстоит дело теперь, после провала, кто «жив», кого нет — он не знает. Таковы были московские сведения... В этот же день ему удалось достать для меня письмо к одному ответственному работнику в управлении Екатерининской железной дороги — это уже по части предоставления мне какого-либо заработка, что было весьма существенно для меня как поднадзорного, да еще в совершенно незнакомом городе.

Это была моя последняя встреча с Владимиром Ильичем до его ареста и ссылки в Сибирь.

„Воспоминания о В. И. Ленине“,
т. 1, М., 1956, стр. 100—112.

С. ШАУМЯН

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ

Многоуважаемый
Владимир Ильич!

Спешу выполнить одно поручение, присланное мне из Петербурга через товарища группой студентов-армян. Эта группа решила издать легально марксистский сборник на армянском языке. За неимением армян-марксистов она обращается к русским товарищам и просит дать статьи: Богданова — на тему «Экономическое учение К. Маркса», Луначарского — о национальном вопросе с точки зрения диалектического материализма, Финна — о промышленном кризисе на Кавказе в связи с развитием капитализма. Группа поручает мне также просить Вас и Плеханова, если у Вас найдется время, принять участие в сборнике. Во главе предприятия стоит товарищ, лично мне хорошо известный, работавший в прошлом году в Тифлисском комитете (из «твердокаменных»).

Прошу Вас, если время Вам позволит или если есть у Вас что-нибудь готовое, не отказать. Сбор с этого издания пойдет без сомнения в пользу партии, и, что самое главное, издание, в случае, если оно осуществится в том виде, как оно задумано, будет иметь громадное значение для армянских читателей; в особенности для одного, довольно многочисленного слоя нашей средней интеллигенции, из которой вербуются теперь наши пропагандисты, — это окончившие курс в средних духовных учебных заведениях, не знающие русского языка.

Будьте добры, передайте эту просьбу также тт. Богданову и Луначарскому. Я не имею возможности непосредственно просить их.

Плеханову напишу сам.

В ожидании ответа, — с приветом и лучшими пожеланиями, преданный Вам

С. Шаумян.

28/XI—04

Берлин
Мой адрес: Schaumjan, Charlottenburg, Pestalozzistr.

Ст. Шаумян,
«Письма 1896—1918»,
Ереван, 1959, стр. 19—20.

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ И Н. К. КРУПСКОЙ

Дорогие тетя и дядя!

За память и письмо очень Вам благодарен. Ваши письма, советы и указания всегда были для меня дороже всего, но, казалось, невозможно будет установить более или менее правильную (осмысленную) переписку. Теперь как будто легче стало это, и еще до получения Вашего письма я достал Ваш адрес и собирался писать.

Вы хотите знать, что я думаю и что делаю. Думаю, кажется, и на этот раз одинаково с Вами, и когда я впервые получил подтверждение к тому (с год тому назад), был очень счастлив. И вопрос о наименьшем, и другие тезисы Вашего письма были приняты с радостью. Поведение дяди Жоржа было непонятно, а выходки его питерских поклонниц (Иор. и др.) были противны и возмутительны. Со мною соглашалась вся наша родня, и даже близкие Жоржа были решительно против него и согласны с нами, что продолжается и по сей день. Вообще Жоржу не повезло на Кавказе, Ан — единственный его доброжелатель. Он приезжал сюда и склонил на свою сторону одного только человека (толстого Пл., Сл. его знает), но это кончилось печально для последнего. За такой переход его со скандалом изгнали из своей среды его же друзья.

К величайшему сожалению, я не знаю, как Вы живете в последнее время, что думаете, что делаете. Как бы я был рад получить от Вас что-нибудь.

Дела мои коммерческие идут неважно. У меня сейчас в аренде четыре нефтяных участка в Балаханах, участки маленькие, старые, восемь-десять человек служащих на каждом. Есть еще два магазина в городе. У брата моего (младшего) дела приблизительно таковы же, он все просит объединить наши предприятия. Вы спрашиваете про Алешу.

Он был в Тифлисе, несколько месяцев тому назад заболел, сейчас он выехал лечиться к Авелю. С ним в компании я устроил хорошую пекарню в Тифлисе, которая работает и может оказаться очень прибыльной. Там сейчас работают братья Алеши, хорошие ребята.

Как много вопросов, о которых мне хотелось бы конкретнее писать Вам и просить Ваших советов, но, к сожалению, не могу. И Вам, наверно, было бы интересно знать подробнее, как я живу и что тут нового. В общем, позволяю себе думать, что я и вся наша родня держим наше семейное знамя высоко и что Вы можете быть спокойны за нашу репутацию. Я говорил выше, что дела мои неважны, но иначе теперь и не может быть. А когда общая растерянность и заминка пройдут, я имею все основания думать, что мы будем иметь блестящий успех.

Этим заканчиваю пока. Простите, если письмо мое покажется Вам бессмысленным. Пишу с головной болью и тороплюсь кончить. С сердечным приветом и лучшими пожеланиями.

Ваш СТ.

1/X-1915

Письмо Ваше, тетя, было написано так неразборчиво, что я из него ровно ничего не понял. Если было что-нибудь необходимое и не поздно, прошу повторить. Это ужасно досадно.

СТ.

Ст. Шаумян,
«Письма», Ереван,
1959, стр. 49—51.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНУ

Баку, 30 мая 1918 г.

Резолюция объединенного торжественного заседания Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и заседающего в Баку съезда[1], принятая 29 мая. «Соединенное торжественное заседание Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и съезд мусульманских крестьянских депутатов Бакинского уезда, заслушав доклад о политическом положении в Закавказье, выражает свое негодование против заседающей в Тифлисском сейме презренной кучки беков и ханов и их лакеев меньшевиков, армянских националистов, дашнаков, которые дерзнули провозгласить независимость Закавказья и в настоящее время в лице своих представителей ведут в Батуме переговоры об отправке германо-турецких войск против бакинской Советской власти. Мы, представители бакинского пролетариата и мусульман-крестьян Бакинского уезда, объявляем врагами всех голосовавших в Сейме за отделение Закавказья; перед лицом всей российской демократии, всего мира заявляем: 1) как бакинская демократия, так и рабочие и крестьяне всего Закавказья ни в коем случае не примиримся с отделением Закавказья от революционной России и будем с оружием в руках бороться против турецко-германских банд и против их союзников предателей Чхенкели — Зиатхановых — Хойских с компаниями; 2) никакой мир, заключенный этой кучкой узурпаторов, нами не может быть признан.

Составляя неотделимую часть великой Российской Федеративной Республики, мы, тесно связанные своей судьбой с революционной Россией, можем признать только мир, за-

[1] Речь идет о съезде Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда, проходившем в конце мая 1918 г.

ключенный Центральным российским советским рабоче-крестьянским правительством. Бакинский пролетариат, так же как и крестьянство Бакинского уезда и всей губернии, как это явствует из решений ряда уездных съездов мусульманских, армянских и русских крестьян, будут отстаивать Советскую власть и будут оказывать самое решительное сопротивление наступающим сеймовским и турецким бандам.

Дополнения: Получив во время обсуждения вопроса сообщение из Тифлиса о распаде так называемой Закавказской республики, о республике Сейма, объединенное заседание Бакинского Совета и Крестьянского съезда констатирует крушение преступного контрреволюционного блока меньшевиков, муссаватистов и дашнакцаканов и объявляет националистической авантюрой его и каиновым предательством как по отношению к грузинскому крестьянству, так и, тем более, по отношению к армянскому и мусульманскому крестьянству и ко всему пролетариату Закавказья.

Соединенное заседание Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и Крестьянского съезда перед лицом новых авантюр, новых попыток разбить ряды кавказской демократии заявляет свою твердую решимость продолжать борьбу против контрреволюции в Закавказье и выражает уверенность, что недалеко то время, когда оторванные от Западного Закавказья бакинский пролетариат и крестьяне Бакинской губернии объединятся в братский союз с грузинским и армянским крестьянством и пролетариатом и с оружием в руках установят в Закавказье Советскую власть и восстановят единство с великой революционной Россией».

Резолюция была принята при аплодисментах всеми голосами Совета и Крестьянского съезда при трех воздержавшихся. Сообщаю для сведения и открытой огласки.

Чрезвычайный комиссар по делам Закавказья

Шаумян.

Напечатно в 1938 г.
в журнале «Красный архив»,
№ 4—5.

С. Г. Шаумян,
Избранные произведения,
т.2, 1917—1918 гг.,
Госполитиздат,
М., 1958, стр. 275—276.

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ

23 июня 1918 г.
(Выдержка из письма)

Дорогой Владимир Ильич!

Сегодня, наконец, приехал Тер-Габриэлян [1] и привез нам четыре броневика, тринадцать аэропланов и много другого добра. За все это большое, большое спасибо Вам. Мы получили то, чего нам недоставало и что окажет нам теперь неоценимые услуги. Вы уже знаете, что военные операции наши в елисаветпольском направлении начались. По сведениям, противник у нас довольно сильный. Если бы мы имели перед собой только елисаветпольские банды, как бы они ни были многочисленные, если б даже к ним присоединились все меньшевистские грузинские силы, — они не были бы нам страшны. Мы могли бы справиться с ними, даже если бы к ним присоединились турецкие силы. Но нас пугают немцы. Вчера я получил через английского консула радио из Персии, в котором сообщается, будто из Лондона телеграфируют: «217-я немецкая дивизия прибыла в Батум и выгружается». Если это верно, если немцы решили перекинуть к нам крупные силы, тогда, вероятно, нам не удастся отстоять Баку. И тогда мы применим Ваш рецепт [2]. Об этом была принята нами резолюция, сообщенная Вам, и образована комиссия из специалистов, ежедневно докладывающая

---

[1] Тер-Габриэлян С. М. — член Коммунистической партии с 1902 г., чрезвычайный уполномоченный Бакинского Совнаркома по делам национализации нефтяной промышленности, позже — Председатель Совнаркома Армянской ССР.

[2] С. Г. Шаумян имеет в виду указание В. И. Ленина о необходимости уничтожения крупных нефтяных предприятий в случае сдачи Баку немцам.

мне о своих работах. А пока мы думаем о победе и делаем все, чтобы победить. Из доклада помощника Корганова т. Шеболдаева, который я Вам посылаю, Вы увидите, что мы направили в сторону Елисаветполя армию в двенадцать-тринадцать тысяч человек. Общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная «советская» армия — в лучшем случае партизанские отряды, а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторг, знакомясь с нею. И пока что эта армия ведет себя великолепно. Нужно иметь в виду, что условия войны очень тяжелы сейчас. Эта местность — Кюрдамир — Уджары — Евлах — ужасно болотистая, малярийная. Жара неимоверная, комары, нет воды питьевой и вдобавок путь затоплен противником, сплошное болото. Если придется долго стоять на месте, армия наша погибнет. Вы пишите в маленьком письме, привезенном мне Тер-Габриэляном, что ввиду трудности нашего положения в международном отношении лучше выжидать, пока не окрепнем.

Мы этого ждали, конечно, и укреплялись, но думается, что было бы лучше, если б мы с меньшими силами двинулись туда непосредственно после гражданской войны в Баку. Тогда положение было гораздо проще, и мы бы предупредили все совершившееся в Батуме и после батумских переговоров. Сейчас во всяком случае уже медлить было нельзя. Положение наше в международном отношении действительно дьявольское — независимая Грузия, независимый Азербайджан, будто бы независимая Армения, протекторат Германии, стремление Турции захватить Закавказье без азербайджанской независимости и пр. и пр.; с другой стороны — англичане, все это создает очень сложную комбинацию то выгодных, то опасных для нас моментов. Для нас ясно одно: нужно идти вперед! Мы думали дойти до Евлаха и, подумав тут немножко, идти дальше на Елисаветполь. Прямо на Тифлис мы не решались идти (в наших планах). Но в последнее время у нас идут уже разговоры и об этом...

Примите горячий привет.

Ваш *С. Шаумян.*

В Туркестане у нас не очень благополучно. Я говорю сейчас об ответственных работниках. Сюда приехала делегация во главе с «чрезвычайным комиссаром» Дунаевым[1]. Публика очень подозрительная. Пьянствуют, развратничают, тратят десятки тысяч. Приехавший на днях оттуда наш товарищ передает, что это общее явление в Ташкенте. Нужно немедленно послать туда надежных людей. Напрасно Вы Кобозева оставили в Москве.

С. Ш.

С. Г. Шаумян,
Избранные произведения,
т. 2, 1917—1918 гг.,
Госполитиздат,
М., 1958, стр. 327—332.

[1] Дунаев самочинно объявил себя «чрезвычайным комиссаром» Туркестана после выезда оттуда большевика П. А. Кобозева.

В. И. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

Тер-Габриэлян посылает к Вам товарища с поручениями. Он мало может Вам сообщить о наших делах, но добросовестно выполнит возложенные на него обязанности. С своей стороны прошу Вас дать ему нужные бумажки за Вашей подписью. Об этом я уже писал Вам, кажется...

Примите горячий привет.

Ваш *С. Шаумян.*

1/VII—1918. Баку.

С. Г. Шаумян,
Избранные произведения,
т. 2, 1917—1918 гг.,
Госполитиздат,
М., 1958, стр. 335.

ТЕЛЕГРАММА

Москва, В. И. Ленину, Я. М. Свердлову
25 августа 1918 г.

По просьбе Бакинского Совета Народных Комиссаров товарищ комиссара внутренних дел информирует центр о декларации, выпущенной в Баку, следующего содержания: «Декларация представителей Российской Центральной Советской власти и бакинских организаций левых социалистических партий. Бакинский пролетариат, поставленный в тяжелые условия изменой Бичерахова, оголившего фронт 30 и 31 июля, и партией „Дашнакцутюн", не пожелавшей выставить на фронт своих воинских частей, и, с другой стороны, введенный в заблуждение наемниками английских империалистов, стремящихся захватить Баку, заключил военное соглашение с англичанами против воли рабоче-крестьянской России, вопреки запрещению Центрального Советского правительства призвал в Баку английские войска. С этого момента пролетарская социалистическая оборона Баку превратилась в войну двух империалистических коалиций. Революционного фронта в Баку уже нет, а есть фронт империалистический. Борются две силы, одинаково враждебные Российской рабоче-крестьянской Советской власти. С этого момента политические и военные представители российской Советской власти и воинские силы, присланные из России, не могут оставаться в Баку и быть пособниками английских империалистов, быть соучастниками предательства, совершенного под влиянием правых эсеров, меньшевиков и дашнаков. До тех пор, пока бакинский пролетариат находится в заблуждении и предпочитает англичан российским советским силам, пока мы не имеем достаточно войск, чтобы дать отпор наседающим туркам, а теперь уже и германцам, с одной стороны, и английским империалистам — с другой, они не могут оставаться в Баку. С болью в сердце, с проклятием на устах они, при-

ехавшие сюда, чтобы сражаться и умирать вместе с бакинскими рабочими за Советскую власть, вынуждены покинуть Баку. Но, покидая этот город, потеря которого может иметь роковое значение для всей Советской России, они не теряют надежды, что бакинские рабочие и матросы Каспийской флотилии поймут, в какое предательство их втянули правые партии. Они надеются, что рабоче-крестьянская Россия еще придет в Баку, и бакинский пролетариат вновь свяжется с родной революционной Россией и вновь станет под знамя Советской Социалистической республики.

Чрезвычайный Комиссар по делам Кавказа
С. Шаумян.

Военный Комиссар Бакинского района Центрального Совнаркома *Г. Петров.*

Комиссар Каспийской военной флотилии от Центрального Совнаркома *Полухин.*

По уполномочию Бакинского комитета Российской Коммунистической партии большевиков
П. Джапаридзе.

По уполномочию Бакинского комитета партии левых дашнаков-интернационалистов
Нуриджанян».

С. Г. Шаумян,
Избранные произведения,
т. 2, 1917—1918 гг.,
Госполитиздат,
М., 1958, стр. 370—371.

С. СПАНДАРЯН

ПИСЬМО С. СПАНДАРЯНА — В. И. ЛЕНИНУ

28 (15) III 1914 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Шлю Вам и Надежде Константиновне тысячу приветов. Я бы долго не собрался Вам писать, если б не Лар. [1], который в своих письмах уверяет, что он Вам миллион раз писал обо мне и т. д. Я ему уж написал, что напрасно он изволит себя утруждать, ибо я его об этом не просил и не прошу, и что он своими «писаниями» ставит меня в неловкое положение перед Вами. Быть может, это мое категорическое заявление утихомирит его и он Вам более не будет «надоедать» мною. О себе я ничего интересного не могу сообщить: живу в глухой деревне, в неинтересном обществе, без всякого дела и без всякого заработка. Обычная картина. Скука невыразимая, и дни тянутся мертвящей вереницей. Заниматься нельзя, ибо книг нет, необходимых по-

[1] Лар. — М. А. Ларин (Лурье).

собий нет, а выписать никак невозможно за стесненностью финансовых ресурсов. Ну, да все это к черту! Я все же твердо надеюсь, что недалек «день» и что мы еще приготовимся для дела. Пока отсюда, насколько удается, слежу за всеми событиями, и душа радуется. Так их! Здесь тоже мы варимся в своем собственном соку и одерживали «победы» над «ними». Ведь если нет настоящей жизни, то нужно ее выдумать: вот мы и живем отголосками российской борьбы и здесь в миниатюре повторяем ее. Если реальные результаты и равны нулю, все же это «барахтание» наше дает видимость чего-то и поддерживает в нас «душу живую». Лар. в последнем письме своем уверяет, что наши дела поколебались и в смысле тиража газеты, и в профсоюзах, и в страховой компании и что Вы уже совещаетесь о «соглашении» и собираетесь «протянуть руку им». Верно ли это? Верно ли, что у Вас ничего не выходит на свет божий? Здесь, в наших краях, этим очень интересуются и просили запросить об этом обстоятельстве. Более Вашего внимания не буду утруждать и, если Вы начеркнете мне несколько слов, буду Вам очень и очень благодарен... Все друзья и товарищи шлют Вам горячие приветствия.

Еще раз примите, Надежда Константиновна и Вы, мои наилучшие и горячие приветствия.

Ваш *Сурен.*

Адрес: Енис. губ. Канский у. через Рыбнинское почт. отделение, Перовская волость, дер. Иннокентьевская.

С. Спандарян, Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 283—284.

ПИСЬМО С. СПАНДАРЯНА — В. И. ЛЕНИНУ[1]

2/IX (20/VIII [1915])

Дорогие друзья! Привет Вам из полярных стран. Несколько раз писали, но не знаем, дошли ли до Вас весточки отсюда?... Мы чувствуем себя бодро и настроены оптимистически. Мы, вообще, оптимисты. Полагаем, что и Вы не особенно скучаете и думаете скоро вернуться домой.

Иосиф шлет вам всем горячий привет. Всех благ.

Почему Слава ничего не пишет?

Ваш *Тимофей.*

С. Спандарян, Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 286.

[1] Письмо, посланное из Туруханского края в Швейцарию, в г. Берн, Г. Л. Шкловскому, для передачи В. И. Ленину.

ПИСЬМО С. СПАНДАРЯНА — В. И. ЛЕНИНУ[1]

11/X (28/IX [1915])

Друзья! Письмо Ваше от 28/VIII получили. Оно сильно пострадало от долгого пути в наши полярные страны, а потому оно чрезвычайно смахивает на трудно разбираемые клинописи ассирийских царей.

А все же спасибо за весточку.

Мы сейчас с Иосифом на расстоянии 150 верст друг от друга, но, должно быть, скоро после окончания распутицы увидимся. Тогда и напишем подробнее.

Мы живы, здоровы, бодры и намерены пребывать в таком состоянии и впредь.

Всего этого и вам желаем.

Привет от нас всем.

Ваш *Сурен.*

С. Спандарян. Статьи, письма и документы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 287.

[1] Письмо, посланное Спандаряном из Туруханского края в Швейцарию, в г. Лозанну, Поповой, для передачи В. И. Ленину и Н. К. Крупской.

ПИСЬМО С. СПАНДАРЯНА — В. И. ЛЕНИНУ[1]

10/VI (28/V [ст. ст.] [1916 г.])

Дорогие друзья! Шлем Вам из наших хладных стран самый пламенный привет.

Мы бодры духом и Вам того же желаем. Пишите хоть изредка. Давайте знать маленько о делах-делишках, о житье-бытье.

Сообщите нам о Вашем отношении к «Летописи»[2].

Нас уверяют, что Вы дали согласие и чуть ли не прислали уже туда свои произведения. Верно ли это? Что-то не верится.

Ерманские, Вольские, Богдановы... и Вы.

Еще раз привет всем друзьям и приятелям.

Сурен Спандарян.

С. Спандарян. Статьи,
письма и документы,
Госполитиздат,
М., 1958, стр.288.

---

[1] Письмо, посланное Спандаряном из Туруханского края в Швейцарию, в г. Лозанну, Поповой, для передачи В. И. Ленину и Н. К. Крупской.

[2] В. И. Ленин относился резко отрицательно к журналу «Летопись». В письме от сентября—октября 1916 г. В. И. Ленин указывал, что «Богданов несет... ахинею... в „Летописи". Там какой-то архиподозрительный блок махистов и окистов. Гнусный блок!» (В. И. Ленин, Соч., т. 35. стр. 185).

А. МЯСНИКЯН

МОИ ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Впервые товарища Ленина я увидел в январе 1918 года на первом и последнем заседаниях Учредительного собрания. Наша фракция довольно-таки нескладно обсуждала вопрос о судьбе Учредительного собрания в перерыве после декларативной речи председателя Чернова. Вдруг появляется во фракции Ленин. Коротко и энергично он доказывает необходимость покончить с контрреволюционным Учредительным собранием. Технический способ разгона он предлагает такой: после сегодняшнего заседания всех членов Учредительного собрания выпустить из Таврического дворца, на следующий день в него впустить только коммунистов и левых эсеров. Предложение было принято и осуществлено.

Потом помнится встреча на III съезде Советов, еще другие многочисленные встречи, разговоры и собеседования в течение 1918, 1919, 1920 и 1921 годов. Но их всех не перечислишь. Остановлюсь на самых главных встречах, которые особенно ярко запечатлелись в памяти.

Вот март месяц 1918 года. Партия приступила к организации Красной Армии. Старый фронт разрушен. Опасность со стороны германского империализма охватила всю нашу Советскую страну. Идут в рядах партии споры относительно метода организации Красной Армии. Боевой вопрос — привлечение военных специалистов и кадровых офицеров. Большая часть тогдашних военных работников была против этого привлечения. Эти работники апеллируют к товарищу Ленину, который только что вместе со всем правительством и Центральным Комитетом партии переехал из Питера в Москву.

Собираемся в Кремле, тогда еще неуютном, пустом и неохранявшемся. В одной из комнатушек самого верхнего этажа около 40—50 военных работников под председательством товарища Ленина открывают свое совещание. В течение нескольких часов идет спор вокруг вопросов о военных специалистах, общей организации армии, мобилизации, роли коммунистов в армии и т. д. Главнейшая тема — с военными специалистами или без них. Подавляющее большинство собравшихся высказывается против привлечения военных специалистов. Товарищ Ленин только слушает. В конце собрания он лишь вкратце резюмирует все сказанное. Как будто бы он хочет на этом закончить собрание. Мы предлагаем вынести резолюцию соответственно с духом речей большинства ораторов. Тогда Ленин бросает нам:

— Но ведь это только совещание. Вы попросили выслушать вас, мы вас выслушали, весьма благодарны за информацию, а теперь разрешите нам, Центральному Комитету партии, вынести решение по данному вопросу, использовав, разумеется, и ваш опыт и ваши советы.

Собрание ничего не могло возразить, хотя оно разошлось недовольное тем, что не закрепило своего мнения определенной и твердой резолюцией, направленной против военных специалистов, против неприемлемых для большинства собравшихся методов организации Красной Армии. Следует отметить, что это время было эпохой, если можно так выразиться, военного романтизма многих тогдашних военных работников-коммунистов. Центральный Комитет не пошел на-

встречу этому военному романтизму, он вынес свое твердое решение о том, что мы без военных специалистов и старых кадровых офицеров, не имея своего командного состава, не имея за душой ничего в военном отношении, не обойдемся в деле организации Красной Армии. Была дана после этого ясная линия, по этой линии было приступлено к организации Красной Армии. И то, что заявил нам тов. Ленин на этом военном совещании, впоследствии, как известно, оправдало себя.

Ноябрь 1918 года. Происходит VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. В Германии надвигаются революционные события. Германские войска на нашей узкой границе, под Смоленском, шевелятся. Они дезорганизованы и собираются к себе домой. Но все же положение неопределенное. Помню, как в Большом театре, в нижней ложе около сцены, где обычно собирались президиумы наших съездов, после открытия VI съезда Советов поздно вечером встречаемся — В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и я. Беседуем насчет положения на нашем Западном фронте (тогда я работал в Западной области). Товарищи Ленин и Свердлов решают, что я должен сегодня же вечером выехать обратно в Смоленск, оттуда информировать Москву о положении дел и вместе с местными работниками принять меры на случай каких-нибудь осложнений на западной границе. Товарищ Ленин дает самые подробные, мельчайшие советы. Предлагает быть начеку, настороже, не раздражать немецкие войска, принять меры, чтобы наше имущество не было разграблено; даже такие подробности: чтобы телеграфные аппараты и звонки-колокола на станциях остались в наших руках. Это были советы настоящего хозяина, великолепно понимавшего, что малейшая неосторожность и малейшая потеря нашего имущества отразится на организме разоренной Советской России.

Весна и лето 1919 года. Это — полное тревоги, печали и трагизма время для нашей страны. Наступление сильнейшего врага. Полная разруха хозяйства. Распыление пролетариата. Голод, нужда и недовольство. И тогда Московский Совет пришел к идее о полуторапудовом запасе для каждого из голодных московских рабочих. В Москве не было хлеба. Голодные рабочие выезжали в сравнительно хлебородные губернии, Самару и далее, приобретали на душу не более полутора пудов хлеба и везли в Москву. В июле затруднения достигли наивысшей точки. На нескольких предприятиях

были выброшены белые флаги, это — знак ропота и недовольства. Надо было успокоить эти массы, надо было идти к ним. А сделать это было трудно.

Мы, московские работники, обратились тогда за советом к товарищу Ленину. Всегда в минуты невзгод и трудностей каждый из нас неизменно обращался к нему за помощью письменно, по телефону, лично. На этот раз разговор был по телефону. Мы в нескольких словах информировали его о положении дел в районах, в частности в Сокольническом районе. Он нашел, что положение серьезное, но что единственный выход — идти к рабочим и терпеливо растолковать им, объяснить, в каком положении находится Советская власть, рассказать, что Красная Армия истекает кровью, что мы со всех сторон окружены, что остается еще несколько месяцев и что нужно лишь терпение, напряжение всех сил, еще один прыжок через голод и нужду — и мы победим. И он добавил: если вы по-товарищески, по-дружески все расскажете рабочим, откроете перед ними всю душу Советской власти, — рабочие нас поймут, они придадут нам еще новые силы, и мы выйдем из затруднения. Ленин говорил нам: теперь на наших глазах совершается чудо. Это чудо заключается в том, что голодные русские рабочие в борьбе против хищников всего мира спасут Советскую Россию. Это будет чудо для нас, но это чудо будет.

Мы с этими мыслями товарища Ленина и пошли к рабочим, которые живо поддержали Советскую власть и нашу партию.

К этому же времени относятся происходившие тогда по всей Москве широкие рабочие и красноармейские конференции, на которых Московская организация партии ставила главным образом вопросы о красных фронтах, об организации армии, о международном положении, о связи Красной Армии с деревней и т. д. В Ходынских лагерях была созвана большая красноармейская конференция, беспартийная, многотысячная, состоявшая из голодных, раздетых красноармейцев, настроение которых, конечно, не было розовым. Этой массе нужно было по-революционному разъяснить положение вещей. Товарищи из Московского комитета решили просить Ленина выступить докладчиком на этой конференции. Мы получили его согласие. Необходимо отметить, что он обычно никогда не отказывался от выступлений в рабочих районах, в партийных кругах, среди красноармейцев, и в списке агитаторов и пропагандистов Мо-

сковского комитета товарищ Ленин считался самым исправным и, разумеется, наиболее ценным оратором.

С погибшим в сентябрьские дни 1919 года секретарем Московского комитета т. Загорским мы поехали за В. И. Лениным. После 10—15-минутного разговора о настроении рабочих, о Красной Армии, о Московской организации мы вместе с ним отправились на Ходынское поле. Доро́гой, конечно, разговоры только о положении Советской власти, о продовольствии, о затруднениях и о том, что все-таки мы победим. Аудитория знала, что в этот день должен выступить товарищ Ленин. Она встретила его очень тепло. Многие из красноармейцев слышали его впервые. В этот вечер Ленин был особенно в ударе. По-видимому, масса захватила его, события целиком заполнили весь его ум, всю его душу. Он сделал большой доклад о международном и внутреннем положении Советской России. Речь продолжалась более часа. Она сразу же наметила определенный перелом в настроении многотысячной аудитории. Речь была понята, усвоена, в конце ее беспартийная конференция устроила товарищу Ленину овацию.

Помню, как сегодня, что эта речь имела большое значение для гарнизона Москвы. Летом 1919 года весь гарнизон, кажется, впервые после революции, был собран в Ходынских лагерях. Настроение красноармейцев было колеблющимся. Конференция должна была бросить в эту красноармейскую массу революционную идею, идею укрепления и поддержания Советской власти, на которую со всех сторон напирали силы контрреволюции. И эту роль конференция сыграла благодаря яркому выступлению товарища Ленина, освежившему атмосферу.

В эти же дни состоялась многочисленная беспартийная рабоче-красноармейская конференция. Настроение такое же подавленное на почве голода, на почве общей хозяйственной разрухи. Товарищ Ленин поехал и на эту конференцию. Выступление его там сыграло для рабочих масс такую же роль, как и на Ходынке.

Для определения революционного мужества и оптимизма товарища Ленина важно здесь отметить то обстоятельство, что в эти труднейшие моменты, когда враг со всех сторон давил на Советскую республику и внутренняя контрреволюция беспрерывно чинила свои козни, когда и среди иных наших работников блуждало уныние, временами апатия, а иногда и отчаяние, товарищ Ленин неизменно твердил

В. И. Ленин в Горках (худ. Д. Налбандян).

В. И. Ленин беседует с А. Мясникяном о задачах большевиков Закавказья (худ. Е. Савоян).

и говорил на собраниях и в частных беседах, что победивший в Питере и Москве пролетариат, который в своем большинстве поддерживает Советскую власть, поддерживает ее до конца. Советская власть, несмотря ни на что, сохранится, останется и выйдет из, как казалось тогда, безнадежного положения. В те времена таким оптимизмом мог дышать такой человек, который всеми фибрами своей души, всеми своими мыслями, всем своим существом был органически связан с рабочим классом, в мощь и силу которого он верил безгранично, человек, который, основываясь на этом, видел далеко вперед и тем самым мог смело предсказать судьбу Советской власти...

В начале 1920 года страна вздохнула облегченно. Главнейшие силы врагов были парализованы ударами Красной Армии. В апреле 1920 года Московская организация решила отметить 50-летие со дня рождения товарища Ленина. Разумеется, мы об этом не сообщили ему, назначили на вечер большое собрание членов Московской организации, пригласили Каменева, Сталина, Горького и других, которые должны были выступить с воспоминаниями, устроили музыкальное отделение с лучшими номерами. Когда провели первое отделение, то есть воспоминания о Ленине, я позвонил ему по телефону и попросил приехать на собрание. Разумеется, он отказывался и говорил, что он никаких речей о себе слушать не хочет, но когда я ему заявил, что мы его приглашаем на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты — Шор, Крейн и другие, он тогда рассмеялся, согласился и вскоре был у здания Московского комитета. Мы гурьбой вышли ему навстречу, окружили его и привели на сцену, а масса собравшихся, неожиданно увидав товарища Ленина, — неожиданно, ибо знала, что он не придет на свое «чествование», — устроила ему самую теплую, дружескую, бурную овацию и заставила сказать несколько слов, которые он посвятил нашей партии. Концертное отделение прошло в очень уютной, чисто товарищеской обстановке. Товарищ Ленин делился своими воспоминаниями о подполье, о жизни нашей партии и старых большевиков. Я помню, что он в этот вечер был особенно весел. По-видимому, в его памяти воскресли самые радостные дни его жизни, самые лучшие страницы героической истории нашей партии.

Первое мая 1920 года было объявлено нашей партией всероссийским субботником. На этом субботнике в Кремле

совместно с рабочими и красноармейцами принял участие и товарищ Ленин. После субботника он позвонил ко мне по телефону (общение телефонным способом по многим вопросам партийной и московской жизни у наших работников с товарищем Лениным было постоянное) и попросил проехаться вместе с ним в районы. На вечер были назначены митинги. Должен отметить, что великий революционер Ленин, который никогда, ни на одну секунду не терял связи с массами, пролетарские праздники и торжественные дни всегда любил проводить вместе с рабочими в районах. Нередко были случаи, когда в вечер годовщины Октябрьской революции, 1 Мая и т. д. он без предупреждения являлся в какой-нибудь район, рабочий клуб, общался с товарищами, беседовал с ними, расспрашивал их, произносил несколько слов, воодушевлял и поднимал настроение. Так он поступил и в вечер 1 Мая 1920 года. Вместе с т. Цивцивадзе в назначенный час я поехал за ним. Товарищ Ленин, его сестра Мария Ильинична, т. Цивцивадзе и я выехали в районы.

Поехали прямо в Бауманский район, где в Рабочем доме в ожидании митинга собрались массы. Никто не ожидал прихода товарища Ленина, в том числе и районные работники. Через толщу массы мы пробиваемся к сцене, а на сцене еще нет никого — ни представителей районного комитета, ни артистов, которые в этот вечер после митинга должны были выступить перед рабочими. Что делать? Ждать нельзя, ибо нужно поспеть и в другие районы. Аудитория вся налицо. Мы распределяем роли, я беру на себя председательствование, объявляю митинг открытым, предоставляю слово «оратору сегодняшнего дня товарищу Ленину». Аудитория от неожиданности бурлит, аплодирует. Товарищ Ленин в течение 15—20 минут бросает в рабочую массу, как искры, свою живую и ясную речь о значении Советской власти, Красной Армии, о контрреволюции, о сплоченности и борьбе рабочего класса в связи с 1 Мая. Подбодряет, воодушевляет аудиторию. Председательствующий закрывает собрание, объявляет, что больше ораторов нет и что через пятнадцать минут откроется концертное отделение.

Мы перекочевываем в клуб имени Загорского. В этот день как раз открывался этот клуб. Товарищ Ленин посвящает свою речь памяти погибшего товарища, которого он хорошо знал лично.

Далее едем в Пресненский район. Здесь несколько тысяч рабочих в стенах Прохоровской мануфактуры ожидают открытия митинга. Такая же встреча. Речь живая, мужественная и оптимистическая. Она продолжается около $^3/_4$ часа.

Оставляем Прохоровку и едем в Замоскворецкий район, в Институт имени Карла Маркса (бывший Коммерческий институт). Останавливаемся у подъезда. Народ быстро узнает товарища Ленина и окружает автомобиль. Вот подходят двое мальчишек, один из них говорит: «А я Вас узнаю по карточке — Вы будете товарищ Ленин». Владимир Ильич улыбается. Входим в аудиторию, где сидит много рабочих Замоскворечья. Появление товарища Ленина вызывает овацию, прерывающую речь очередного оратора. Слово предоставляется Ленину. Оратора слушают с напряженным вниманием.

Объезд окончен, возвращаемся домой. Разумеется, всю дорогу расспросы, разговоры о Москве, о положении московских рабочих, о партии, о том, как была совершена Октябрьская революция в Москве, о старых вывесках на магазинах, которые следовало бы заменить новыми, советскими, что имело бы огромное агитационное значение, о ремонте домов, об улучшении санитарии города и т. д. и т. п.

Должен добавить, что у меня в тот день была сильная ангина и мое горло было повязано. Товарищ Ленин все время уговаривал меня вернуться домой, чтобы совсем не заболеть, спрашивал, сильно ли болит горло, а затем, несмотря на все мои протесты, он предложил свернуть машину в сторону моей квартиры, подвез меня, не успокоился и не уехал к себе до тех пор, пока не высадил меня. Впрочем, эта черта Ленина отмечена многими — удивительное внимание даже к малознакомым, забота о тех трудящихся, о нуждах которых доходили вести до него. Я знаю примеры, когда он, узнав, что такой-то товарищ заболел, иногда без всякого предупреждения выходил из Кремля, направлялся к нему, внезапно являлся, расспрашивал: получает ли он медицинскую помощь, есть ли у него средства на лекарства, каково его питание, а потом, возвращаясь домой, делал соответствующие распоряжения. Нередко были случаи, когда Московский Совет получал от товарища Ленина записки или просто резолюции на заявлениях о помощи рабочим, артистам, писателям, с просьбой оказать

содействие вплоть до того, чтобы выдать тому или другому обувь, белье и т. д.

В середине апреля 1921 года я должен был выехать в Советское Закавказье и дальше в Армению [1]. Перед выездом из Москвы я имел свидание с товарищем Лениным, во время которого мы вели обстоятельную беседу о том, как нужно работать на Кавказе, как учесть опыт русской революции, какой политики нужно придерживаться по отношению к Турции. Ленин советовал быть осторожным и щепетильным по отношению к народам Востока, которые уже просыпаются, которые нуждаются в просвещении и которые, просветившись, совершат у себя еще более грандиозный, чем в России, переворот. Одним словом, он тогда излагал ту нашу линию, которую мы, начиная с 1921 года, проводим в Закавказье и на Ближнем Востоке.

Сразу стало ясно, что работа на Востоке — весьма сложная и ответственная, и потому я попросил товарища Ленина вкратце изложить свои мысли на бумаге, в виде письма, дабы я это письмо доставил кавказским товарищам и они могли бы руководствоваться им в своей повседневной работе. Ленин охотно согласился на это. На следующий же день курьер доставил мне его письмо, которое В. И. Ленин потом в моем присутствии попросил товарища Сталина исправить, где нужно, ибо сам автор не так уж сведущ в закавказских делах и легко мог допустить ошибки. Такова была скромность товарища Ленина, лишенного авторского самолюбия, которым болеют многие из нас, так называемых литераторов. Письмо это известно закавказским товарищам, оно тогда же было опубликовано в наших газетах [2].

Последняя моя встреча с товарищем Лениным состоялась в декабре 1922 года. Тогда он жил в Горках, в доме, где потом окончилась его жизнь. Он оправился от первого удара и собирался уже вернуться в Москву, чтобы приступить к обычным своим работам. Был весел, смеялся. Жаловался только на то, что доктора его мучили, пичкали лекарствами, испортили ему желудок, говорил, что теперь чувствует себя хорошо и надеется, что будет по-старому работать. И, действительно, он мало изменился тогда. Много

---

[1] А. Ф. Мясников в 1921 году был назначен представителем Совнаркома и наркомом по военным делам Армянской ССР.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 295—297.

расспрашивал, по обыкновению живо интересовался всем. Говорил о закавказских делах. Спрашивал, поднялась ли опустошенная Армения, как обстоят там дела с хлопком, с орошением, с продовольствием, достаточно ли крепка национальная Красная Армия, не обижается ли «мелкий люд», нет ли агитации со стороны буржуазной интеллигенции, не говорят ли о «русских штыках» и т. д. и т. п. Я ушел от него под впечатлением, что Закавказская федерация и намечавшийся тогда по мысли товарища Ленина Союз Советских Республик еще более укрепят межнациональную дружбу и усилят Советскую власть.

В январе 1924 года я пошел к товарищу Ленину в последний раз. Но я видел тогда мертвого Ленина.

Таковы мои воспоминания о встречах с ним. Разумеется, я далеко не исчерпал всего того, что можно было бы написать об этих встречах. О, если бы возможно было сохранить в памяти все его мысли, слова, советы, рассуждения — одним словом, сохранить ту гениальную голову с ослепительным светом, лучи от которой не раз оказывали на меня, живого человека, свое поразительное воздействие!

Я бесконечно счастлив и до конца жизни буду гордиться, что был современником В. И. Ленина, был знаком лично, разговаривал с ним, пожимал ему руку, ходил и ездил вместе с ним, был последователем и маленьким учеником этого гиганта, гения нашего времени.

1924

ЗАПИСКА КАМО ЛЕНИНУ

Многоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, во время партийной конференции РКП [1] я сообщил Вам о моем желании побеседовать с Вами о моих новых, сногсшибательных планах. Разговор этот может происходить во время Вашей прогулки или отдыха и ничуть не утомит Вас. Может быть, Вы найдете, что мои соображения окажутся очень ценными и осуществление их очень важным для настоящего момента, или же Вы найдете их очень забавными и от души, как Вы это умеете, посмеетесь.

Мне бы хотелось, чтобы Вы выслушали меня до начала, или в начале конгресса Коминтерна [2].

Преданный Вам *Камо.*

На письме имеется карандашная приписка В. И. Ленина:

«Камо.

Напомнить мне!»[3].

---

[1] Речь идет о X конференции РКП(б), состоявшейся в Москве 26—28 мая 1921 г.

[2] Речь идет о III конгрессе Коминтерна, который состоялся в Москве 22 июня — 12 июля 1921 г.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1954, л. 1 и 1 об.

А. МРАВЯН

СЛУШАЯ ЛЕНИНА [1]

Имя товарища Ленина я слышал еще в 1904 году. Не помню никого, с кем в течение многих лет мне так хотелось бы лично встретиться, как с Владимиром Ильичем. Однако великого учителя пролетарской революции мне впервые довелось увидеть много позже — лишь осенью 1920 года. И увидел я его лишь как простой слушатель — наблюдатель в аудитории.

Было это во время съезда крестьян Московской области, в зале Большого театра. Заранее получив билет, я за час до начала занял место в первых рядах и с любопытством оглядывал зал: съезд представлял для меня боль-

[1] Сборник статей и воспоминаний товарища Мравяна, Госиздат, Эривань, 1930 г., стр. 9—12 (на русском языке публикуется впервые).

шой интерес, так как я впервые был в Москве и вообще в России после установления Советской власти. Стояла тяжелая осень 1920 года, октябрь месяц. Перемирие с Польшей было только что заключено, а Врангель еще сидел в Крыму и проявлял большую активность. Продовольственное положение России оставалось все еще напряженным.

Это положение отражалось и в настроении прибывших на съезд крестьян. Во время выборов президиума и выработки порядка дня небольшая группа крестьянских делегатов вела себя очень недисциплинированно, вносила бесконечные предложения, мешала работе съезда (сидевший рядом со мной рабочий-коммунист, узнав, что я также коммунист, шепнул мне на ухо, что эта группа мешавших — эсеры или люди, находящиеся под их влиянием).

Эта группа имела определенное влияние на аудиторию и срывала аплодисменты. Но волновавшийся зал внезапно, словно под воздействием какой-то волшебной силы, затих, когда председательствующий тов. Смидович объявил, что слово предоставляется Владимиру Ильичу. Воцарилась полнейшая тишина и в этой тишине на сцене появился товарищ Ленин. Раздались бурные аплодисменты и присутствовавшие как один человек встали на ноги. Восторженная овация длилась несколько минут. Но вот начал говорить товарищ Ленин и зал внимал ему с глубочайшим вниманием. Видимо хорошо знакомый с настроением аудитории, товарищ Ленин остановился на чрезвычайно тяжелом положении крестьянского хозяйства, что было следствием империалистической и гражданской войн; он указал, что у Советской России, только недавно вышедшей из состояния войны с Польшей, есть такая язва, как Врангель в Крыму. Товарищ Ленин указал и подчеркнул, что мы еще не можем обратить все внимание на внутренние проблемы, на устранение неслыханных наших трудностей если не разгромим Врангеля. Крестьянству придется и в эту зиму выдержать трудности, пока мы не вышвырнем Врангеля в море. Капиталистический мир, сам уставший от войны, пожалуй на некоторое время оставит нас в покое, но нам необходимо (снова и снова подчеркивал Ленин) разгромить Врангеля, так как за ним стоят помещики и капиталисты, стоят империалистические государства. В этом заключалась основная мысль речи товарища Ленина, продолжавшейся около 40 минут.

Вместе с двумя тысячами рабочих и крестьян я напряженно слушал товарища Ленина, следил за каждым его движением, улавливал все оттенки его речи, зачарованный его железной логикой.

Мне не раз приходилось слушать ораторов нашей партии и наших противников на митингах, в Государственной думе. Но никто из них не производил на меня такого сильного, не допускающего никаких сомнений и колебаний впечатления, как товарищ Ленин. Сдержанные и впечатляющие движения товарища Ленина (в левой руке он держал часы), его глубокий, приятный баритон, мудрое лицо и все то, что делало его учителем миллионов, — все это я почувствовал в тот незабываемый вечер.

Спустя месяц я слушал товарища Ленина вторично — на этот раз уже после разгрома Врангеля, на собрании секретарей комячеек Москвы в Колонном зале. Товарищ Каменев сделал доклад о поражении Врангеля; выступил также товарищ Дзержинский о контрреволюционных действиях эсеров и меньшевиков. В зале царило бодрое настроение. И вот неожиданно на сцене появился товарищ Ленин, повторилась демонстрация того же восторга, свидетелем которой я был в Большом театре. Товарищ Ленин взял слово и ответил на несколько записок, полученных товарищем Каменевым. Товарищ Ленин был оживлен, слегка насмешливо настроен, говорил остроумно, резко. Он несколько больше говорил о концессиях... Говорил также о требуемых империалистическими государствами царских долгах. Позорное поражение Деникина внесло известное успокоение в ту тяжелую атмосферу, которая царила месяц тому назад, и это очень отчетливо чувствовалось в этот вечер.

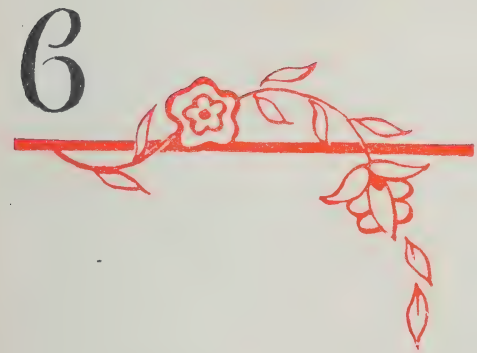
В третий и последний раз я слушал товарища Ленина на III конгрессе Коминтерна, в ноябре 1922 года. Товарищ Ленин только что оправился от болезни и вернулся к политической работе. На конгрессе товарищ Ленин выступил с докладом о современном положении Советских республик, подведя итог результатам новой экономической политики за истекшие полтора года и о перспективах международной революции. Говорил он по-немецки; и в зале — та же глубокая тишина, то же восторженное отношение, которым его встречали прежние аудитории. Обобщения товарища Ленина были положительными, оптимистическими: он специально остановился на решающей роли и зна-

чении тяжелой промышленности в стране пролетарской диктатуры, а также подчеркнул необходимость учиться, непрерывно учиться как в Советской стране, так и в других странах (для коммунистов).

После окончания доклада товарищ Ленин тотчас же ушел со сцены и я увидел как в коридоре его окружили иностранные товарищи, с которыми товарищ Ленин оживленно беседовал. Делегаты Коминтерна большой толпой провожали его до самых дверей подъезда.

Эта произнесенная на III конгрессе Коминтерна речь была предпоследней речью товарища Ленина. В последний раз он выступал в Московском Совете в декабре месяце того же года.

Все неповторимое величие Ленина как революционно-пролетарского вождя я глубоко осознал во время трех его выступлений, посвященных различным политическим моментам.



6

С. Шаумян.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

31 (18) декабря 1917 г.

Член Центрального Комитета партии социал-демократов-большевиков, председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района Степан Георгиевич Шаумян назначается Временым Чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа впредь до образования краевой Советской власти на Кавказе.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Секретарь *Н. Горбунов.*

Народный Комиссар по делам национальностей
И. Джугашвили-Сталин.

Ст. Шаумян, Письма, Ереван, 1959 г., стр. 60.

ТЕЛЕГРАММА

Председателю Астраханского Совдепа
Астрахань
Анисимову

Положение в Баку для меня все же неясно.
Кто у власти?
Где Шаумян?
Запросите Сталина и действуйте по соображении всех обстоятельств; вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро.

Ленин.

Написано 9 августа 1918 г.
Ст. Шаумян, Письма, Ереван, 1959 г., стр. 137.

САМООТВЕРЖЕННЫЙ БОРЕЦ ЗА КОММУНИЗМ

К 80-летию со дня рождения С. Г. Шаумяна

Сегодня исполняется восемьдесят лет со дня рождения Степана Георгиевича Шаумяна — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного ученика и соратника В. И. Ленина.

Жизнь С. Г. Шаумяна — пример беззаветной борьбы за освобождение трудящихся от ига капитала, за победу коммунизма. Он всегда высоко держал знамя марксизма-ленинизма, беспощадно разоблачал буржуазную идеологию, всякие проявления оппортунизма и ревизионизма, был крупнейшим организатором, видным теоретиком и талантливым публицистом партии.

С. Г. Шаумян родился 1(13) октября 1878 г. в Тифлисе, где и окончил реальное училище. Он с юношеских лет установил связи с русскими революционерами-марксиста-

ми, сосланными царским правительством на Кавказ, и в 1900 году вступил в ряды РСДРП, встав с тех пор на путь профессионального пролетарского революционера.

В конце 1902 года С. Г. Шаумян эмигрировал за границу, где учился на философском факультете Берлинского университета и одновременно активно работал в заграничных организациях РСДРП. Огромное благотворное влияние на всю последующую деятельность С. Г. Шаумяна имело его личное знакомство с В. И. Лениным, состоявшееся весной 1903 года в Женеве. Под руководством В. И. Ленина С. Г. Шаумян вел за границей большую издательскую и пропагандистскую работу.

Весной 1904 года С. Г. Шаумян возвратился в Тифлис. Это был период напряженной борьбы закавказских большевиков с меньшевиками и буржуазными националистами. С. Г. Шаумян погрузился в кипучую деятельность: он участвовал в работе Кавказского союзного комитета РСДРП, редактировал ряд нелегальных большевистских газет. На IV и V съездах РСДРП С. Г. Шаумян последовательно отстаивал ленинскую линию, непримиримо боролся против врагов большевизма.

После V съезда РСДРП С. Г. Шаумян — на партийной работе в Баку. Он участвовал в подготовке к созыву VI Всероссийской (Пражской) партийной конференции, был членом Российской организационной комиссии по созыву конференции, но вскоре его арестовали и выслали в Астрахань. На Пражской конференции С. Г. Шаумяна заочно избрали кандидатом в члены ЦК РСДРП(б).

В астраханской ссылке С. Г. Шаумян написал свою замечательную работу «О национально-культурной автономии», которая является крупным вкладом в теорию большевистской партии по национальному вопросу. Брошюра привлекла внимание В. И. Ленина.

В марте 1914 года С. Г. Шаумян возвратился из астраханской ссылки в Баку и стал во главе партийной организации. Он руководил крупной стачкой бакинских рабочих летом 1914 года, возглавлял избранный на конференции закавказских большевиков руководящий партийный центр — Кавказское бюро.

С. Г. Шаумян поддерживал постоянную связь с В. И. Лениным и получал от него указания. 1 октября 1915 года в письме В. И. Ленину и Н. К. Крупской С. Г. Шаумян писал: «Ваши письма, советы и указания

всегда были для меня дороже всего... Вы хотите знать, что я думаю и что я делаю. Думаю, кажется, и на этот раз одинаково с вами... Я и вся наша родня (большевики. — *Ред.*) держим наше семейное знамя (большевиков.— *Ред.*) высоко... Вы можете быть спокойны за нашу репутацию».

В марте 1916 года С. Г. Шаумян был арестован и заключен в Баиловскую тюрьму, откуда после десятимесячного заключения выслан в Саратов, где его и застала Февральская буржуазно-демократическая революция. На пути в Баку он узнал, что бакинский пролетариат заочно избрал его председателем Бакинского Совета рабочих депутатов. Сплотив испытанных ленинцев П. Джапаридзе, М. Азизбекова, И. Фиолетова и других, С. Г. Шаумян поднимал массы на борьбу за победу социалистической революции.

VI съезд партии избрал С. Г. Шаумяна членом ЦК. Руководимый С. Г. Шаумяном Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов через несколько дней после Великой Октябрьской революции первым в Закавказье приветствовал победу Советской власти в России и, преодолевая сопротивление меньшевиков, эсеров и дашнаков, 2 ноября принял практическую программу взятия власти в свои руки.

16 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров РСФСР под председательством В. И. Ленина обсудил создавшееся на Кавказе положение и назначил С. Г. Шаумяна временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Одобряя энергичную деятельность С. Г. Шаумяна, В. И. Ленин в своей телеграмме от 14 февраля 1918 года писал: «Мы в восторге от Вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим».

Бои, развернувшиеся 30 марта—1 апреля 1918 года между силами революции и контрреволюции, завершились блестящей победой бакинского пролетариата. 1 апреля 1918 года в Баку победила Советская власть. Бакинский Совет Народных Комиссаров, возглавляемый С. Г. Шаумяном, за короткое время осуществил ряд социалистических мероприятий.

С. Г. Шаумян беспощадно разоблачал предательскую политику меньшевиков, эсеров и дашнаков, требовавших приглашения английских империалистов в Баку, раскрывал

истинные намерения иностранных захватчиков и их агентов Он выражал глубокую уверенность, что Бакинская коммуна при активном содействии рабочих и крестьян, при помощи российского пролетариата укрепится и станет оплотом трудящихся всего Закавказья.

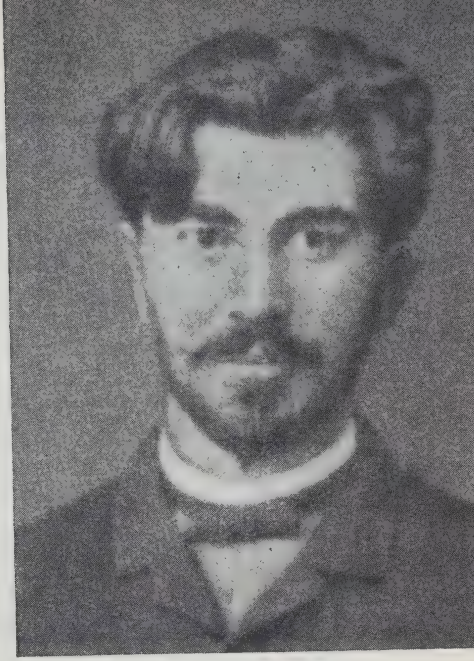
Несмотря на героические усилия коммунаров, Советская власть в Баку 31 июля 1918 года временно пала. 20 сентября 1918 года в песках Закаспия английские интервенты и их эсеро-меньшевистские наймиты злодейски расстреляли 26 бакинских комиссаров, в числе которых был С. Г. Шаумян.

— Мы умираем за коммунизм. Да здравствует коммунизм! — прозвучали последние слова руководителя бакинского пролетариата С. Г. Шаумяна и его боевых соратников как призыв к грядущим поколениям.

Светлый образ мужественного революционера С. Г. Шаумяна вдохновлял и вдохновляет советских людей на борьбу за торжество коммунизма.

Правда», 13 октября 1958 г.,
№ 286 (14680).

И. Лалаянц



М. УЛЬЯНОВА,
Д. УЛЬЯНОВ,
ВИШНЯК,
ВЕЛЛЕР,
ГРОМОВ,
МОДЕЛЬ,
В. МЕЩЕРЯКОВ,
СЕДИЦКИЙ,
ПЛЮСНИНА,
МЕДВЕДЕВА-ВЕЛЛЕР

И. Х. ЛАЛАЯНЦ

После продолжительной болезни, 14 июля умер Исаак Христофорович Лалаянц (Колумб, Инсаров).

На протяжении целого ряда лет с начала 90-х годов Лалаянц был одним из соратников и другом Ленина.

Лалаянц (род. в 1870 г.) с юных лет принимал участие в революционном движении (в Казани, Нижнем и др.) и неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. Проработав несколько лет в разных городах Поволжья, перебрался в Самару, где вместе с Лениным и Скляренко организовал первый марксистский кружок.

В 1894 году постановлением суда по казанскому делу Лалаянц получил 10 месяцев Крестов и 3 года высылки.

По выходе из Крестов он встретился с Лениным в Москве, где провел в его семье два дня, после чего направился в Пензу.

Лалаянц перебрался в Екатеринослав, где среди заводских железнодорожных рабочих принимал деятельное участие в подготовке I съезда РСДРП. Лалаянц основал и редактировал газету «Южный рабочий». Своей работой Лалаянц немало способствовал тому, что Екатеринослав стал центром революционного движения на юге России.

В марте 1900 года Лалаянц встретился с Лениным в Москве и договорился по целому ряду вопросов, в том числе об организации за границей II съезда РСДРП.

В середине 1902 года — крупный провал, и Лалаянца опять арестовывают. Два года Лалаянц скитался по разным тюрьмам: Киев (Лукьяновка), Москва (Таганка), Петербург (Кресты) и др.

В 1902 году Лалаянц был сослан в Сибирь, но не доехал до своего конечного пункта, остановился в Балаганске, где получил от Ильича деньги и паспорт, бежал сначала в Россию, а потом за границу. В качестве члена заграничной лиги революционной социал-демократии он выполняет целый ряд поручений Ленина.

После II съезда партии и I сессии лиги за границей Ленин поручил Лалаянцу поехать в Россию и ознакомить подробно ЦК и южные комитеты со всем ходом событий в связи с расколом. Выполнив поручение ЦК, Лалаянц в конце 1903 года осел в Одессе и вступил в состав местного комитета.

В 1904 году он поехал в Швейцарию с поручением к Ленину и по возвращении организовал совместно с т.т. Воровским и Левицким бюро Южного большевистского комитета по подготовке III съезда партии.

В июле 1904 года он снова был арестован и зимой 1905 года сослан в Вологодскую губернию, откуда бежал и поселился нелегально в Петербурге.

Будучи кооптирован большевистским ЦК, Лалаянц объехал ряд комитетов и инструктировал их по вопросам организации и пропаганды.

В 1906 году Лалаянц — член ЦК, руководитель военной организации, член редакции «Казармы».

Лалаянц принимал деятельное участие в подготовке Всероссийской конференции военных организаций, на которую и был делегирован в Тамерфорс в конце 1906 года,

был одним из основных докладчиков по вопросу о роли военных организаций во время вооруженного восстания.

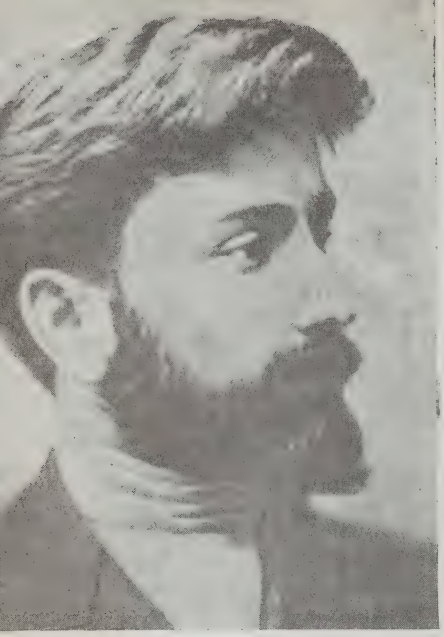
В декабре 1906 года — общий провал военной организации, Лалаянц опять арестован. Два года в предварительном заключении до военного окружного суда и в 1908 году получил шесть лет каторги. До февраля 1910 года сидел в пересыльной тюрьме, откуда был направлен в Шлиссельбург. В 1913 году его сослали в Бирюльскую волость Верхоленского уезда. Осенью 1914 года «самовольно» селится в Иркутске, где и застало его начало Февральской, а затем и Октябрьской революции.

Как на работе, так и в тюрьме, в ссылке и каторге Лалаянц пользовался всеобщим уважением и любовью. Строгий к другим, он был особенно строг к самому себе. Можно сказать, что до революции он был одним из лучших учеников и соратников Ленина. После революции он работал в кооперации, в Наркомпросе и проч.

В 1921 году Ленин вызвал Лалаянца в Москву и до конца своей жизни проявлял к нему очень много внимания.

Тюрьма и каторга подточили здоровье Лалаянца, и ему пришлось скоро оставить работу. Имя Лалаянца связано с дореволюционной борьбой большевиков против народников, против меньшевиков, за ленинскую линию. Его большая эрудиция, солидный теоретический багаж, горячий революционный темперамент выдвигали его на передовые позиции революционной социал-демократии.

«Правда», 19 июля 1933 г.
№ 197 5723)



Б. Кнунянц.

Б. КНУНЯНЦ

РЕЧЬ НА II СЪЕЗДЕ РСДРП [1]

Речь на пятом заседании

Мне приходится работать на одной из окраин, которая по разноплеменности состава населения подходит к тем условиям, при которых работает Бунд. Я с удовольствием подчеркиваю тот факт, что у нас совершенно отсутствует организационный сепаратизм, проявляющийся так сильно в Бунде за последнее

[1] Второй съезд РСДРП состоялся 17(30) июля — 10(23) августа 1903 г. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе, а остальные — в Лондоне. Б. Кнунянц, один из активных сторонников В. И. Ленина, был делегатом съезда от бакинской организации с двумя голосами. На съезде его кличками были Бакинец, Рубен, а по протоколам Русов. Согласно протоколам съезда, Русов выступал, делал заявления, вносил проекты резолюций, различные поправки и т. д. на 21 заседании, всего сорок пять раз. В настоящее издание включены наиболее важные из его речей.

время. В каждом из наших городов существуют комитеты партии, работающие на нескольких языках, до сих пор на трех (русский, грузинский и армянский), а если понадобится и на четырех (еще татарский). И несмотря на это, до сих пор никаких неудобств от этого не создавалось и успех движения на Кавказе не ослаб. По-моему, тенденция, которая господствует сейчас в Бунде, ничего общего с социализмом не имеет. Существование особой еврейской организации в партии пролетариата, ошибочно допущенное I съездом, имеющее, может быть, свое историческое оправдание, привело к очень нежелательным результатам. Не отрицая заслуг Бунда в организации еврейского пролетариата, я нахожу со стороны интересов партии большим упущением, что до сих пор на западе нет комитетов партии, работающих на всех языках. И такое наше положение сейчас объясняется только ошибкой I съезда. Там ведется работа среди евреев, а поляки, литовцы, латыши, русские остаются вне партийной агитации. Положение это ненормально. Что резолюция I съезда не имела почвы под собой (кроме разве исторической, то есть существования сильной еврейской организации уже при объединении партии), я это постараюсь доказать. Причины существования отдельной организации могут быть двоякие: технические (язык, район) и принципиальные (различие политической задачи). Рассмотрим первую. Еврейство в различных местах говорит на разных языках (польский, грузинский, татарский), и поэтому единая организация еврейского пролетариата не необходима. Наконец, мы знаем такие организации, где производится агитация на нескольких языках. Что касается ссылки на территорию, то этот аргумент опровергается самим Бундом, как не имеющий места для еврейского пролетариата. Значит, тут дело не в технических условиях. Рассмотрим принципиальные причины: особое правовое положение еврейства — антисемитизм, ограничительные законы против евреев [1] — вот на что нам постоянно указывают. Но искючительные законы существуют не

---

[1] Ограничительные законы против евреев запрещали им заниматься земледелием и ограничивали их действия в других отраслях хозяйства. Евреям было запрещено участие в местных органах самоуправления, установлена процентная норма для поступления в высшие и средние учебные заведения, запрещалось возведение евреев-солдат даже в унтер-офицерский чин и ряд других ограничений.

только для евреев, но и для других инородцев России. Это исключительное положение угнетенной национальности, давая громадный материал для агитации, не служит достаточной причиной образования самостоятельной организации. Я думаю, что для существования отдельной национальной организации этого недостаточно. Если есть выгодные условия для политической агитации, то обязанность всякого чуткого и хорошего революционера использовать эти моменты для агитации. Если бы я попал в черту оседлости [1], то ничуть не меньше Бунда вел бы агитацию, пользуясь особым правовым положением еврейства. Если бы мы руководствовались подобными соображениями, то принуждены были бы организовать особые организации для сектантов, для всех инородцев и т. д., а это повело бы не к объединению партии, а к разложению. Почему, например, Виленский комитет, работая среди всех пролетариев города, как и кавказские комитеты, не может вести усиленную агитацию на почве особого правового положения еврейства? В уничтожении ограничительных законов так же заинтересован весь российский пролетариат, как и еврейский. Вот почему это требование есть общепролетарское, а не специально еврейское. Все российские товарищи до сих пор всегда относились к товарищам из Бунда, как к хорошим практикам. Обращаюсь к ним, как к хорошим практикам: не должны ли они признать, что существование в одном городе двух различных организаций, как бы они тесно ни были связаны, ведет в момент борьбы к нежелательным замедлениям и осложнениям. Исторические условия требуют скорого и быстрого решения, а тут еще нужно входить в соглашение друг с другом. Это, наконец, вредит и ведению пропаганды, затемняя классовый характер борьбы национальным [2].

В речи товарища докладчика промелькнула другая принципиальная причина существования особой организа-

---

[1] Черта оседлости была установлена рядом законов, согласно которым евреи имели право жить в Белоруссии, в Екатеринославской и Таврической губерниях. Им запрещалось жить в деревнях даже указанных губерний. Еврейская буржуазия постепенно добилась кое-каких привилегий в этом отношении, и, наконец, законом 1879 г. ограничения в жительстве были сняты для буржуазии, ученых и евреев-интеллигентов, имеющих высшее образование.

[2] Здесь т. Русов был прерван председателем, так как его время истекло, но с разрешения съезда он продолжал (сноска редакции «Протоколы II съезда РСДРП»).

ции еврейского пролетариата. Он все время говорил о Бунде как о представителе еврейского пролетариата в партии. Такое особое представительство имело бы смысл, если бы мы допустили мысль, что интересы еврейского пролетариата, хотя бы в одном пункте, противоречили интересам пролетариев других национальностей России. Я думаю, что такого противоречия не существует и никогда не может существовать, если только мы говорим, опираясь на классовую точку зрения, а не на национальную. Я считаю, что каждый член партии является представителем всего пролетариата всей России. Если же мы будем признавать каждого нашего делегата как представителя национальных групп пролетариата, то мне придется считать себя представителем русского, грузинского, армянского, татарского и еврейского пролетариата, населяющего Кавказ, но от такого длинного титула я отказываюсь охотно, чтобы взять на себя лестное название представителя российского пролетариата. Как вытекает из всего мною сказанного, я стою за тот тип организации, при котором в каждом городе, в каждом районе существовали бы организации единой партии, ведущей агитацию на тех языках, какие потребуются. Но, считаясь с историческими условиями, создавшими особое положение Бунда, я принужден присоединиться к резолюции т. Мартова[1]. *(Аплодисменты.)*

«Протоколы II съезда РСДРП»,
Партиздат, Москва, 1932 г.,
стр. 58, 59, 60.
Б. М. Кнунянц, Избранные произведения
1903—1911 гг., Айпетрат, Ереван,
1958, стр.17—20.

---

[1] Резолюция Мартова «О месте Бунда в партии» осуждает сепаратизм Бунда и указывает, что Бунд может быть только частью партии, права которой (части) должны быть определены партийным уставом. Как содокладчик по вопросу о месте Бунда в партии на съезде Мартов занял правильную позицию. Внесенная им резолюция была принята всеми делегатами, за исключением бундовцев: 46 за и 5 против. В. И. Ленин отказался от написанного им проекта и также присоединился к проекту Мартова.

СУД НАД СУДОМ[1]

Господа судьи! Прежде всего мне хотелось бы выяснить свое отношение к русскому суду и русскому закону, так как после вчерашних пререканий с председателем у вас могло получиться ложное представление об отношениях социал-демократии к тем или другим государственным установлениям. Мы не анархисты, и наше непризнание русского коронного суда вытекает не из анархического отрицания государства и всех его учреждений, а из того специфического характера, который принял наш суд благодаря полицейскому режиму, царящему в России. Как вам известно, наши западноевропейские товарищи, ни минуты не забывая, что при буржуазном строе как государство, так и все законы и учреждения, призванные его охранять, носят резко выраженный классовый характер, не только не относятся к этому буржуазному суду так, как это делаем мы, но наоборот — стараются использовать все законом данные гарантии для ведения своей классовой борьбы и для защиты интересов отдельных лиц от чьих бы то ни было посягательств на их права, добытые путем долгой борьбы у буржуазного правительства. Уже одна легальность их политической деятельности ясно показывает, что существующие законы гарантируют им тот минимум условий, при которых возможно без существенного ущерба для интересов пролетариата ведение его освободительной борьбы. Совсем другое дело у нас. Отрицательное отношение социал-демократии к нашему суду и закону является не чем-нибудь исключительным и только ей свойственным: все сознательные элементы русского

[1] По указанию В. И. Ленина речь Б. М. Кнунянца, произнесенная на второй день процесса, 31 марта 1905 года, на заседании Московской судебной палаты, была опубликована отдельным оттиском № 16 газеты «Вперед» 17 апреля того же года под названием «Суд над судом» как важный документ, разоблачающий царское самодержавие.

народа и так называемого просвещенного общества смотрят точно так же. Мы в данном случае только более последовательны и не делаем компромиссов там, где его делает трусливый либерализм. Припомните, г.г. судьи, так недавно происходившие банкеты по поводу сорокалетия судебных реформ, припомните вынесенные резолюции, припомните и то единодушие, с каким все русское общество, даже некоторые слои чиновничества, между прочим и из судебного ведомства, заклеймили наш суд и наше законодательство, — тогда вам станет ясным, что наш суд не имеет никакого права требовать к себе уважения. У нас ведь в сущности нет суда: вместо суда у нас полицейский застенок; происходящее здесь при закрытых дверях так называемое судебное разбирательство — тому доказательство; у нас нет законов, есть только административный произвол. Да и не удивительно. В полицейском государстве не может существовать беспристрастного и независимого суда. Чтобы не быть голословным, я остановлюсь только на некоторых деталях моего маленького дела. Вчера г. председатель во время допроса смотрителя полицейского дома относительно двух частных писем, отправленных мной из части, между прочим спросил, было ли объявлено подсудимому, что его письма задержаны прокуратурой для того, чтобы иметь материал для экспертизы. Никто ему на это ничего не ответил. Да, г.г. судьи, я об этом узнал, но только случайно, через девять месяцев, когда просматривал результаты жандармского дознания, а раньше я был в приятной уверенности, что письма мои отправлены. Несмотря на то, что у жандармов и у прокуратуры были несомненные образцы моего почерка, в виде поданных по различным поводам заявлений, они сочли себя в праве, не давая мне ничего знать, задержать мои письма, где я давал знать родным о своем аресте. И все это делалось под наблюдением прокурорского надзора, этого блюстителя законов. Маленький, но весьма характерный факт, не правда ли? Сколько внимания к чужой переписке и вообще к правам лиц, попавшим в руки нашего правосудия! Или вот еще более характерное обстоятельство. Здесь, на скамье подсудимых, сижу я один: ни прокурор в обвинительной речи, ни свидетели из охранного отделения ни словом не упомянули, что по этому делу было арестовано около сорока человек. Тут были рабочие, студенты и другая интеллигентная публика, которые просидели в тюрьме — кто шесть, кто восемь месяцев

и которые были освобождены за недостатком улик. Даже жандармское дознание, столь нетребовательное в вопросах обоснованности обвинений, не могло привлечь их на скамью подсудимых. Спрашивается, за что же сидели все эти люди, за что растрачено даром около 17, 18 лет молодой жизни в тюрьме? И все это делалось и продолжает делаться при содействии прокурорской власти, под наблюдением и под крылышком той самой судебной палаты, которая теперь удивляется, что мы, революционеры, не с должным уважением относимся к ней.

Имейте в виду, господа, что это не единичный случай: вот вчера вы рассматривали дело Лощинского и других. подсудимых было четыре человека, а арестовано больше сорока. Или сегодня вы будете слушать дело Крумбюгеля, по которому тоже было задержано несколько десятков лиц. А ведь у нас арестовываются лучшие, передовые элементы рабочего класса, самые живые слои интеллигенции,— и все это делается под покровительством закона, на основании точных статей таких-то и таких-то положений!

Неужто вы, г.г. судьи, будете иметь смелость требовать, чтобы я уважал такой закон или таких его представителей, как наша прокуратура? Да, впрочем, и прокурор не с особенным уважением относится к суду: внимательнее вчитайтесь в начальные строки обвинительного акта, где говорится о том, что, по сведениям охранного отделения и по агентским данным, я имел сношения с заграничной организацией «Искры» и принадлежал к местному Комитету партии. Это голословное утверждение делается суду и в подкрепление не приводится никаких данных; верно, предполагается, что суд должен верить всесильной охране и ее агентам. Ну разве уважающий себя суд может допускать такие, покрытые мраком неизвестности, утверждения? И разве прокурор, уважающий суд, станет повторять перед ним непроверенные заявления шпиков? Нет, г.г. судьи, ни суд сам себя, ни прокурор суда не уважают. Как же вы могли предположить, что мы можем иначе относиться к такому суду? Наш суд, повторяю, тот же полицейский застенок, где вдали от общественного мнения, под прикрытием строгой секретности производится кровавая расправа с врагами существующего строя. Я уже не касаюсь тех драконовых наказаний, которыми наше уголовное уложение карает так называемые политические преступления: каторга, ссылка, виселица — вот ответ наших судов борцам за

свободу. Я уверен, г.г. судьи, что многие из вас, особенно те, у которых двадцатое число не отняло еще способности разбираться в правовых вопросах, с ужасом читают эти статьи нашего нового уложения. Над нашими законами можно смеяться. Против них можно и должно бороться, но уважать их культурный человек не может.

Перейду теперь к тому «преступлению», за которое я оказался на скамье подсудимых и за которое вы меня собираетесь судить. Г. прокурор в своей речи, говоря о прокламации, найденной у меня, ни словом не обмолвился о ее содержании и о том, по какому поводу она написана. Видно, ему стыдно было сознаться, что он требует ссылки на поселение за то, что автор прокламации разоблачает военную авантюру самодержавия, — это новое его преступление перед народом. Но не злая ли ирония, г.г. судьи, после позорного падения Порт-Артура и гибели русского флота, после ляоянского побоища и мукденского разгрома привлекать на скамью подсудимых человека за то, что он еще в начале войны резко и определенно разоблачал гибельность для трудящихся масс этой преступной войны, указывал на истинного виновника нового несчастья Родины и звал всех к усиленной войне против этой бессмысленной войны? Российская социал-демократия, постоянно стоящая на страже интересов пролетариата и с точки зрения этих интересов оценившая политические события, с первых же дней войны (и в этом одна из ее великих заслуг), когда другие слои населения или молчали, или трусливо делали «патриотические» пожертвования, начала агитацию против нее и звала пролетариат требовать мира. Потребовалось более года кровавой бойни с сотнями тысяч человеческих жертв, потребовалось разорение и обнищание всей страны и целый ряд позорных поражений, чтобы и другие слои сознали всю преступность этой войны и примкнули к требованию организованного пролетариата о немедленном ее окончании. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что теперь все сознательные элементы нации, вся интеллигенция и вся печать в один голос обвиняют наше правительство в этой бессмысленной авантюре и во всех ужасах пережитых поражений.

В каком же положении находитесь вы, г.г. судьи, собирающиеся судить меня за то, что требует теперь весь народ, за что на скамью подсудимых нужно привлечь все культурные элементы нации? Странное, не правда ли, положе-

ние? Но еще больше покажется странным вам собственное ваше положение, если вы присмотритесь к сущности обвинения. Одной из ближайших задач российской социал-демократии является борьба с существующим политическим режимом в целях замены полицейско-бюрократического самодержавия правовым строем, основанным на последовательно проведенном демократизме. Вот за эту политическую задачу нашей партии вы, г.г. судьи, и привлекли меня на скамью подсудимых. Г. прокурор с особым старанием подчеркивал последние призывные строки прокламации, кончающейся возгласом: «Долой самодержавие!». Но кто же теперь не кричит «долой самодержавие»? Есть ли хоть один честный человек у нас на родине, который не понимал бы, что только уничтожение самодержавия выведет нашу страну из того тупика, в который вогнала ее хищническая политика бюрократии, и даст толчок дальнейшему развитию ее культурных сил? Вспомните, как недавно на многочисленном Пироговском съезде врачей единогласно была принята резолюция о необходимости немедленного созыва Учредительного собрания, как зал Консерватории, даже по отчетам «Московских ведомостей», дрогнул от криков «Долой самодержавие!». Вспомните, что происходило за последние месяцы во всех городах России, — и тогда вы поймете, что теперь вся Россия одержима непреоборимым желанием поскорее свергнуть этот присосавшийся к народному организму, ненавидимый без исключения всеми, варварский режим, чтобы дать творческим силам нации свободно создать новые политические формы, более отвечающие ее потребностям. Мы находимся накануне грозных, великих событий. После геройского выступления петербургского пролетариата, после всероссийских революционных стачек, после единодушного протеста-забастовки студентов всех высших учебных заведений, после непрекращающихся аграрных волнений, наконец после движения, охватившего различные слои инертного до того времени образованного общества, ни для кого не тайна, что дни самодержавия сочтены. Через месяц-другой грозная волна народной революции окончательно сметет этот пережиток нашего варварского прошлого. И какой же смысл имеет, г.г. судьи, весь этот ваш суд?

В то время, когда вся страна охвачена революционным пожаром, вы вырываете из среды народа случайно попавшего вам в руки человека и с серьезностью, достойной луч-

шего применения, творите над ним суд. Ведь если бы вы были последовательны, вы должны были бы привлечь на скамью подсудимых весь русский народ и сотни тысяч пролетариев, требующих созыва Учредительного собрания, и десятки тысяч интеллигентов, поддерживающих это их требование. Но большой вопрос, кто тогда оказался бы подсудимым, а кто судьей? А пока что вам не мешало бы задуматься над тем, что вы собираетесь делать. Однако не в этом одном трагизм положения нашего суда, но еще и в том, что призванный стоять на страже наших варварских законов, он не в силах ни защищать их, ни применять... Наш суд не имеет уверенности, что те приговоры, которые он выносит, могут быть выполнены и что вся его работа не сделается пустой тратой времени. Возьмем хотя бы мое дело: по точному смыслу статей 126 и 129, по которым прокурор меня обвиняет, я должен быть выслан или на каторгу до восьми лет, или в вечную ссылку на поселение. Но не смешно ли, г.г. судьи, говорить теперь о таких приговорах? Разве кто-нибудь из вас может серьезно думать, что самодержавие продержится не только восемь, но даже один-два года? Не злой ли иронией звучит требование закона сослать на вечную ссылку, когда никто из вас за завтрашний день ручаться не может? Вся Россия бурлит и кипит; не сегодня-завтра ни от старого правительства, ни от всего хлама судейских постановлений и приговоров ничего не останется, и те, которые у вас теперь сидят на скамьях подсудимых, окажутся тогда одними из энергичных деятелей молодой России. Как же вы, г.г. судьи, можете серьезно заниматься вынесением бумажных резолюций? Согласитесь, господа, что уже давно прошло то время, когда можно было наивно мечтать, вырвавши из народа отдельных борцов за свободу, остановить революционное движение. Теперь весь народ стал революционером, а народ еще ни один суд не осмеливался судить. Такие суды кончаются обыкновенно очень плачевно для судей.

Теперь несколько слов о той части речи г. прокурора, где он старался дать политическую характеристику нашей партии. Он был, безусловно, прав, указывая на интернациональный характер нашей программы и всего нашего теоретического мировоззрения, берущего начало от учителей международного социализма Маркса и Энгельса. Он верно наметил и основную нашу цель — социализм, и един-

ственный путь к нему — социальную революцию, к которому, по нашему глубокому убеждению, ведет все развитие нашей хозяйственной жизни. Мы уверены, что не путем социальных реформ, не путем частичных улучшений в буржуазном строе пролетариат может достигнуть социализма, а только непримиримой борьбой с самой основой этого строя — частной собственностью на орудия производства и что только с переходом последних в руки всего народа будет положен конец эксплуатации одних слоев населения другими. Необходимым условием для этого должна быть диктатура пролетариата, то есть завоевание политической власти в государстве пролетариатом. Но идея социальной революции, по вполне понятным причинам, преломилась в прокурорском сознании в призыв к убийству всех фабрикантов, банкиров, к разгрому частных владений и т. д. Здесь не место вести с прокурором академический спор, но я советовал бы ему, если он этим интересуется, для верного понимания взглядов социал-демократии на социальную революцию, прочитать известную книжку Каутского «Социальная революция и социальная реформа». Но интереснее всего было то, что достаточно было прокурору оставить международный социализм и перейти через русскую границу, чтобы он заговорил совсем иным языком. По его мнению, социальная революция в применении к русским условиям оказывается ни чем иным, как второй пугачевщиной. Конечно, требовать, чтобы прокурор был особенно сведущ в истории политических движений, мы не можем. Но такое невежество не простительно вообще интеллигентному человеку. Смешивать стихийное движение, выросшее на почве специфических условий жизни русского казачества, с сознательным движением пролетариата в резко дифференцированном буржуазном обществе мог только человек, для которого достаточно чисто внешнего сходства вроде того, что и то и другое движение носит массовый характер и направлено против правительства и власть имущих, чтобы делать свои прокурорские выводы. Несерьезность этого сравнения так очевидна, что долго останавливаться на нем не стоит.

Но любопытна другая параллель, проведенная прокурором: сравнивая тактику нашей партии с тактикой наших западноевропейских товарищей, он находит, что в то время, как последние занимаются агитацией и пропагандой идей социализма в рабочей массе и ведением легальной

«Суд над судом». Выступление Б. Канунянца, обличающего царское правосудие (худ. С. Мурадян).

Экспроприация денег из царской казны в Тифлисе Камо (худ. А. Давтян).

политической борьбы, русские социал-демократы зовут народ прямо на улицу, для учинения всяких бунтов и буйств. Совершенно не касаясь нелепости такой упрощенной формулировки тактических задач русской социал-демократии, я хотел бы только напомнить ту разницу политических условий, при которых приходится работать нам и нашим европейским товарищам. Г. прокурор этого не коснулся, видно он знал, что даже стены этой залы покраснели бы, если бы мы начали перечислять все преступления царизма против рабочего движения. Европейский пролетариат еще в первой половине XIX столетия путем долгой и упорной борьбы, завоевал себе право свободного ведения своей классовой борьбы и теперь, пользуясь добытыми гарантиями, легально продолжает свой путь к социализму. Совсем в ином положении находится российский пролетариат: он еще не свергнул с себя ярма абсолютизма, и ему приходится всю свою энергию направить на то, чтобы скорее завоевать политическую свободу — это необходимое условие для ведения дальнейшей борьбы. Никакой принципиальной разницы между задачами и тактическими приемами борьбы нашей партии и партиями других европейских стран нет и не может быть. Мы только находимся в разных стадиях одного и того же освободительного движения и переживаем теперь то, что давно уже пережили европейские рабочие. Припомните, г.г. судьи, происходившие недавно стачки полутораста тысяч рабочих в Петербурге и двухсот тысяч углекопов в Рурском округе в Германии; сравните, как прошла та и другая стачка, начавшиеся одинаково на экономической почве. В то время как рурская прошла спокойно, без жертв, петербургская с неизбежной исторической необходимостью должна была превратиться в грандиозную политическую демонстрацию, кончившуюся тысячами убитых и раненых. Задумайтесь над этими стачками, и вы поймете ту страстную жажду, с какой рабочий класс добивается политической свободы, поймете ту силу, которая толкает его на все жертвы. В пределах абсолютизма пролетариат не может вести своей классовой борьбы за социализм. Он уже не раз показывал всю свою ненависть к самодержавию, и недалек тот миг, когда во главе всех оппозиционных сил страны он сметет с себя эту историческую ветошь.

Как и всегда бывает в подобных случаях, г. прокурор и теперь не мог не коснуться в своей речи моей национально-

сти; видно, такова уже прокурорская тактика. Стоит ли мне говорить, г.г. судьи, о том, что для нас, социал-демократов, национальные различия не играют никакой роли, что мы в своих стремлениях исходим не из тех или иных национальных мотивов, а из верно понятых классовых интересов пролетариата, которые, по нашему убеждению, едины для пролетариев всего мира! В прокламации, найденной у меня, есть указание, как наши японские товарищи отнеслись к войне; не лучшее ли это доказательство, что в оценке политических событий национальное происхождение социалиста никакого влияния не имеет? Что хотел своим указанием прокурор сказать, не знаю, во всяком случае человек, хоть сколько-нибудь знакомый с социалистической литературой, не должен был бы касаться этого вопроса.

Я кончаю. Не могу напоследок, г.г. судьи, не указать на всю несообразность того, что вы собираетесь делать: вы беретесь судить революционера в то время, когда на дворе революция, вы беретесь защищать режим, который историей осужден на гибель.

Судите же, г.г. судьи, а нас с вами революция рассудит!

С. Спандарян.

В. И. ЛЕНИН

В. А. ТЕР-ИОАНИСИАН[1]

В Берлин 5/V 12. (Париж)

Werte Genossin!

Не знаю, известна-ли Вам печальная новость про нашего общего друга, который познакомил меня с Вами в Берлине, — Сурена Спандарьяна. Он арестован в Баку. Жена его пишет отцу, что некому о нем позаботиться, нет де у него ни постели, ничего. Некому принести ему молока и т. д. Отец говорил мне, что у него много знакомых в Баку и что он написал **одному**. Почему только одному, не знаю.

Отец Спандарьяна живет здесь (Hotel Nicole, 19. Rue Pierre Nicole, 19. Paris). Смотрит он очень больным и

[1] Тер-Иоанисиан Воски Атанасова была другом семьи Спандарьян. С 90-х годов жила в Берлине и оказывала некоторые услуги партии, главным образом по связи с Россией.

старым. Сын обещал ему все сделать, чтобы выслать денег ему из Баку — из-за ареста не мог. Отец без денег, с квартиры его гонят. Положение его самое печальное, даже отчаянное [1].

Мы ему помогли небольшим займом. Но я все же решил Вам написать. Вероятно, у Вас есть знакомые и друзья Спандарьяна и в Баку и в Париже. Отец Спандарьяна не раз посылал письма, забывая поставить адрес. Поэтому я очень боюсь, что его письма в Баку не дойдут. Не знаете-ли Вы кого-л[ибо] в Баку, кому можно бы написать про Сурена и попросить позаботиться о нем?

Далее, если у Вас есть общие знакомые, крайне бы было важно позаботиться и об отце. Говорили, что у него есть богатый сын в Екатеринодаре [2]. Хорошо бы, если бы Вы и ему написали *поэнергичнее*, чтобы он послал побольше денег отцу, чтобы отец мог расплатиться с долгами и уехать.

Надеюсь, Вы сделаете, что можете, для обоих Спандарьянов и черкнете мне об этом пару слов.

Как Ваши делишки? Я все поджидал, что вы дадите какую-л[ибо] весть о себе. Удалось-ли заняться социал-демократической литературой? Стали-ли эсдечкой и большевичкой?

Желаю от души всего лучшего и жму руку.

Ваш *Ленин*.

W. Oulianff
4 Rue Marie Rose, Paris, XIV,
«Ленинский сборник», XIII, стр. 205—206.

---

[1] Об этом посещении отца Сурена Н. К. Крупская в воспоминаниях пишет:

«Сурен Спандарьян был делегатом от Баку. Когда Ильич после конференции был в Берлине, был там и Сурен, познакомил он Ильича со старым другом своей семьи — Воски Иоанисиан, которая оказывала всякие услуги партии. Через нее предполагалось вести переписку с Россией. Недолго продержался Сурен: уже в конце апреля пришло сообщение об его аресте. В Париже жил отец Сурена. Мы пошли с Ильичем к нему, чтобы поподробнее узнать об аресте сына.

Отец Сурена, больной старик, жил одиноко и заброшенно, не было у него денег, нечем ему было даже заплатить за квартиру, память ему изменяла: напишет письмо, а адрес забудет написать. Ильичу ужасно стало жалко старика. И из Баку вести были нерадостные. Сурен сидел в очень тяжелых условиях, некому было о нем позаботиться. Когда пришли мы домой, Ильич тотчас написал письмо Воски, прося позаботиться об обоих Спандарьянах» (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1957, стр. 185).

[2] Речь идет о старшем брате Сурена Спандарьяна Велизаре (умер в 1912 г.).

СУРЕН СПАНДАРЬЯН (ТИМОФЕЙ)

Нам сообщают из Красноярска: 11/24 сентября 1916 года в Красноярске, в больнице общества врачей, скончался товарищ Сурен Спандарьян.

Покойный более пятнадцати лет состоял членом РСДРП, работая как выдающийся агитатор главным образом на Кавказе. Но тов. Тимофей был хорошо известен также многим русским товарищам как делегат на общепартийных конференциях и совещаниях.

В годы контрреволюции и партийного развала тов. Тимофей не потерял бодрости.

Он остался на посту и только усилил свою работу. В подготовке общепартийной конференции 1912 года и в самой конференции он принимал выдающееся участие. Бучучи избран членом нового ЦК, т. Спандарьян своей работой

в России оказывал этому учреждению громадные услуги. Он участвовал в постановке русской типографии ЦК, издании избирательной платформы и ряда воззваний ЦК.

Покойный был осужден в ссылку на поселение в 1913 году Тифлисской судебной палатой по делу ЦК РСДРП и Тифлисской с.-д. организации. В конце 1913 года он был «водворен» на жительство в Канский у. Енисейской губ., но вскоре в административном порядке, без предъявления обвинения, т. Спандарьяна переводят в Туруханский край.

У него развивается порок сердца. Медицинской помощи нет. Ходатайство о переводе в город долгое время никакого успеха не имеет. И только перед самым концом удалось получить разрешение вывезти больного из Туруханского края сначала в Енисейск, а затем, за 2 недели до смерти, в Красноярск. Но уже слишком поздно. Товарищ умер в возрасте около 35 лет, оставив жену и троих детей.

Уже во время войны мы получили от товарища Тимофея письма, из которых было ясно, что он остался верен лучшим традициям революционной социал-демократии, ни на минуту не поколебавшись в интернационализме.

«Социал-демократ», № 56,
19 (6) ноября 1916 г.

В. Каспаров.

В. И. ЛЕНИН

В. М. КАСПАРОВУ [1]

Дорогой товарищ! Получил и прочел Вашу статью. Тема, по-моему, взята хорошо и разработана верно, но недостаточно литературно отделана. Есть много чересчур — как бы это сказать? — «агитации», не подходящей к статье по **теоретическому** вопросу. Либо Вам самим, по-моему, следует переделать, либо мы попробуем.

Большое спасибо за вести о Кострове. Пожалуйста, просите Авеля писать и информировать нас чаще. Это важно, а мы *ничего не* знаем.

Не можете ли достать и перевести грузинских статей Кострова (а) против ликвидаторов, (б) по национальному

[1] Родился в 1884 в Нагорном Карабахе. Видный революционер. Член КПСС с 1903 г.

вопросу за культурно-национальную автономию, (в) — *самое важное* — против плехановского предисловия к Аркомеду [1], против плехановской защиты гегемонии.

Я уезжаю на несколько недель в Берн. По возвращении, надеюсь, еще не раз побеседуем в письмах.

Жму руку. Ваш *Ленин*.

P. S. Спасибо за № «Правды» [2].

Написано во второй половине
июня 1913 г.
Направлено из Поронина в Берлин.
В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 222.

---

[1] Имеется в виду книга С. Т. Аркомеда (Г. Караджяна) «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» с предисловием Г. В. Плеханова. Женева, 1910 г.

Н. Жордания (Костров) помещал свои статьи в грузинском журнале «Цкаро» («Источник»), издававшемся в Баку, и в газете «Чвени Цховреба» («Наша жизнь»).

[2] Имеется в виду «Правда», № 119, 25 мая 1913 г. со статьей В. (М. С. Ольминского), «Сомнительный промах».

А. Бекзадян.

ИЗ ПИСЬМА К Г. Л. ШКЛОВСКОМУ

P. S. Перешлите, пожалуйста, это письмо Юрию [1], чтобы он переслал Антонову в Париж, а оттуда в Вену.

В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 176.

[1] Юрий — партийная кличка Бекзадяна А. А. *(прим. сост.).*

Г. И. САФАРОВУ

Дорогой Георгий!

Насчет конференции ничего не знаю[1]. *Решайте сами.*

Лечение Н. К. затягивается, и я пробуду здесь *еще две недели*, а то и побольше. Точно не знаю.

Статья украинца очень хороша[2]. Самое главное, что он централист. Это так редко и так ценно, по нашим поганым временам, что *обязательно* надо и Вам и Юрию[3] *ближе* познакомиться с ним и сойтись толком, узнать человека.

В статье нужны не столько поправки слога (это мелочь), сколько *объяснения автора*. Он должен написать еще одну статью. Пишу об этом на следующей стр.*; прочтите Вы и Юрий и *решите сами*, давать ли украинцу или лучше Вы ему перескажете.

Beste Grüße**.

Н. Ленин.

Написано 20 июля 1913 г.
Направлено из Берна в Цюрих.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 36, стр. 223.
*См. настоящий том,
стр. 224. — *Ред.*
** Лучшие приветы. — *Ред.*

---

[1] Речь идет о второй конференции заграничных организаций РСДРП в Берне, на которой Ленин 3 августа (н. ст.) 1913 г. выступил с докладом «О положении дел в партии».

[2] Имеется в виду статья В. Степанюка: «Из истории украинского марксизма», напечатанная в № 6 «Просвещения», июнь 1914 г.

[3] Юрий — по-видимому, А. Бекзадян, социал-демократ, большевик, в 1904—1906 гг. вел активную подпольную работу в Баку; в годы реакции эмигрировал за границу.

Я. С. ГАНЕЦКОМУ

Уважаемый товарищ! Если будете в Иене, познакомьтесь непременно с нашим представителем (пошлите ему письмо Postlagernd Herrn Bekzadian. Jena — если иначе не встретитесь) [1]. С ним поговорите о всех делах. Он должен быть осведомлен против Тышки [2].

Привет! Ваш *Ленин.*

Познакомьте его с Паннекуком, Мерингом и другими левыми, если он не познакомится с ними сам. Черкните, едете ли в Иену (когда вполне вы решите этот вопрос).

Absender: Uljanow. Poronin.

Написано 12 сентября 1913 г.
Направлено из Поронина в Краков.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 36, стр. 225.

---

[1] А. Бекзадян был представителем от РСДРП на съезде Германской социал-демократической партии, состоявшемся в Иене с 14 по 20 сентября 1913 г.

[2] Имеется в виду разрешение вопроса с получением денег от «держателей». Пользуясь съездом, большевики хотели закончить дело с держательскими деньгами. Дело затянулось, так как Л. Тышка и Роза Люксембург, пользуясь своей близостью к «держателям» — К. Цеткин, К. Каутскому и Ф. Мерингу и сочувствуя примиренцам, всячески препятствовали возвращению денег большевикам.

ВИКТОРУ АДЛЕРУ

5. IX. 1914.

Уважаемый товарищ! Благополучно прибыл со всем семейством в Цюрих[1]. Legitimationen[2] требовали только в Инсбруке и Фельдкирхе. Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорт, но меня впустили без паспорта, когда я назвал Грейлиха. Наилучшие приветы и наилучшая благодарность.

С партийным приветом *Ленин* (В. Ульянов).

Absender: Uljanow bei Bekzadian. Bollegstraße. 40. Zürich.

Направлено из Цюриха в Вену.
В. И. Ленин, Соч.,
т. 36, стр. 250.

---

[1] Начало империалистической войны застало Ленина в деревне Поронин (Галиция). 25 июля (7 августа) австрийскими властями в квартире Ленина был произведен обыск, причем жандармский вахмистр отобрал у Ленина рукопись по аграрному вопросу, приняв статистические таблицы рукописи за шифр. На следующий день Ленин был арестован. Усилиями русских и польских социал-демократов и при содействии австрийских социалистов В. Адлера и депутата австрийского парламента Диаманда Ленин, после двухнедельного заключения, был освобожден из тюрьмы и получил разрешение на выезд из Австрии в Швейцарию. Ленин приехал в Берн (Швейцарию) 23 августа (5 сентября) 1914 г., вместе с Н. К. Крупской и ее матерью Е. В. Крупской.

[2] Документы. — *Ред.*

А. Мясникян.

С. КИРОВ

О МЯСНИКЯНЕ[1]

... Как только усиливаются военные опасности на том или другом фронте, мы видим, как партия и революционная власть перекидывает его с одного конца страны на другой. И везде и всюду Мясникян выполняет обязанности революционера с честью... Возникает необходимость повернуть руль работы в сторону советского строительства, Алеша и здесь занимает место в первых рядах. Выдвигается необходимость усилить партийную работу в Советском государстве, мы видим Мясникяна на таких ответственнейших постах, как секретарь Московского Комитета, как, в последние годы своей жизни, секретарь

[1] «Бакинский рабочий», № 68, 1925.

Закавказского Краевого Комитета нашей партии. Если есть необходимость усилить профессиональную работу, Алеша там. Если государству требуются лучшие, твердые, выдержанные и надежные товарищи для того, чтобы усилить хозяйственную работу — Алеша Мясникян там. Словом, жизнь Мясникяна за время революции — эта та кривая, которую наша революция описала. И никогда, ни при каких условиях, никто из окружающих Мясникяна не мог бы ни в малейшей степени упрекнуть его, что он недостаточно полно, недостаточно всецело отдает себя той работе, на которую его бросает партия или рабоче-крестьянская власть.

Камо (С. Тер-Петросян).

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. К. Петров [1], имеющий билет № 483 (от 1.X. 1919) на пропуск в здание ЦИК и работающий в одном отделе ЦИК, лично мне известен.

Прошу все советские учреждения, военные и прочие власти оказывать тов. К. Петрову полное доверие и всяческое содействие.

Председатель Совета Обороны

В. Ульянов (Ленин).

«Заря Востока»,
№ 163 (2672), 1932.

---

[1] Имеется в виду Камо (С. А. Тер-Петросян) (*прим. сост.*).

Н. КРУПСКАЯ

О КАМО

Эту зиму мы с Верой Рудольфовной [1] имели постоянную явку в столовой Технологического института. Это было очень удобно, так как через столовку за день проходила масса народу. В день перебывает другой раз больше десятка человек. Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо. В народном кавказском костюме он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовке бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя: «Бомбу принес», — мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз. Камо принес нам с Ильичем гостинцев — арбуз, какие-то засахаренные орехи. «Тетка прислала», — пояснил как-то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу... Бывал у нас в Куокалле. Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине.

...Он страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичем, с одной стороны, и Богдановым и Красиным — с другой. Он был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы сиденья обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел.

Камо попросил меня купить ему миндалю. Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине, и рассказывал об аресте в Берлине, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся су-

[1] Менжинской.

масшедшим, о ручном воробье, с которым он возился в тюрьме... В конце концов было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг, потом на Кавказ. Осматривая пальто Камо, Ильич спросил: «А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?». Сам Ильич, когда ездил на пароходах, неустанно ходил по палубе взад и вперед. И когда выяснилось, что никакого другого пальто у Камо нет, Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему в Стокгольме подарила мать и который Ильичу особенно нравился.

Н. К. Крупская,
Воспоминания о Ленине,
стр. 45—46, 178.

В РЕВВОЕНСОВЕТ РЕСПУБЛИКИ

Я знаю одного товарища[1] *досконально* как человека *совершенно исключительной* преданности, *отваги* и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно).

Предлагаю

(1) дать ему возможность поучиться командному делу (принять все меры для ускорения, особенно чтения лекций и проч.),

что можно сделать?

(2) поручить ему организовать особый отряд для взрывов... *в тылу* противника.

Ленинский сборник,
т. XXXV, стр. 73.

---

[1] Имеется в виду Камо *(прим. сост)*.

ВЕНКИ У ГРОБА КАМО

Незабвенному Камо — от Ленина и Крупской.

Бессменному часовому пролетарской революции — от ЦК РКП.

РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ т. КАМО[1]

Тифлис, 18 июля 1922 г.
Газетный отчет

От имени ЦК РКП говорит С. Орджоникидзе. Волнение мешает оратору, речь его прерывиста.

Дорогой Камо!

Встретился я с тобой восемнадцать лет назад. Я был молод. Ты считал своим долгом разъяснить мне, как стать большевиком, как бороться за интересы пролетариата. Сегодня приходится расстаться с тобой... За эти восемнадцать лет мы не раз встречались... И не раз ты излагал свои планы о борьбе с капитализмом... Порой эти планы казались несбыточной фантазией... Я помню, как говорил ты об этих планах с вождем революции товарищем Лениным, который любил тебя горячо... (Волнение перехватывает голос оратора.)

Когда я встречусь с Лениным, я не знаю, что я буду говорить! Прибывшие из Москвы товарищи говорят нам: «Как вы не сумели сберечь Камо?!!».

---

[1] Тер-Петросян С. А. (Камо) — выдающийся большевик-подпольщик, член партии с 1901 г. За революционную работу неоднократно подвергался арестам и четыре раза приговаривался к смертной казни. После окончания гражданской войны занимал ответственные посты в системе Внешторга и аркомфина Грузии. В 1922 г. трагически погиб при автомобильной катастрофе.

В. Аванесов.

О ЛЕЧЕНИИ В. А. АВАНЕСОВА

Телеграмма в полпредство Риги
февраль — март 1922

Приложите все усилия, чтобы немедленно получить визу для Аванесова, замнаркома Рабкрина. Приезжие немецкие врачи признали его опасно больным. Весна для него особо опасна. Ехать ему надо немедленно. Нажмите изо всех сил.

Даем все гарантии.

Отвечайте тотчас.

Ленин.

Ленинский сборник,
т. XXXV, стр. 335.

т. СЕМАШКО!

Мне сообщают, ч[то] Аванесов насилует себя, будучи совсем плох: одного де легкого нет (?) и т. п.

Прошу Вас назначить вполне надежных профессоров и поручить им дать письменный отзыв (и диагноз и лечение).

С ком. пр. *Ленин.*

Ленинский сборник,
т. XXIII, стр. 332.

ОТ РЕВВОЕНСОВЕТА СССР

Революционный Военный Совет СССР с прискорбием принял весть о смерти старого революционера, большевика-ленинца, б. секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, члена Президиума ВЦИК — т. Аванесова Варлаама Александровича.

Революционная деятельность этого преданного бойца коммунистической партии и рабочего класса очень часто была связана с боевой работой Красной Армии и со строительством обороны пролетарского государства. Занимая в 1919 году высокоответственный пост члена Совета Обороны, во главе которого стоял т. Ленин, будучи членом тройки по обороне Московского района во время наступления Деникина, т. Аванесов все свои силы и свое здоровье отдавал на служение пролетарской революции. После окончания гражданской войны т. Аванесов одно время возглавлял военную промышленность. Та линия на оздоровление военных производств, которую он твердо проводил, составляет еще одну его большую заслугу перед Красной Армией.

Революционный Военный Совет Союза шлет соболезнование семье покойного товарища и обнажает головы перед его светлой памятью.

Председатель Реввоенсовета Союза ССР *Ворошилов.*

17 марта 1930 г.,
«Правда», 18 марта 1930 г.,
№ 78 (4521).

УХОДЯЩИЕ

Памяти тов. В. А. Аванесова

Одолевают воспоминания. Хожу один в Кремле вдоль Белого коридора и вспоминаю. Из основных «первонасельников» Белого коридора остаюсь я один. «Иных уж нет, а те далече». Не стало Я. М. Свердлова. Ушел навсегда В. А. Аванесов. Вспоминаю большевистский переход «из Медины в Мекку», из Петрограда в Москву. Я ехал с Владимиром Ильичем и В. Д. Бонч-Бруевичем. Поселился в «Национале». Через несколько дней Свердлов предлагает: «Айда, Демьян, в Кремль! Заживем коммуной». Сказано, сделано. Через полчаса Яков Михайлович, подхвативши мой второй чемодан, взбегает впереди меня по замысловатым кремлевским ходам и переходам. Вот мы и в Белом коридоре. Комнаты открыты настежь. Разместились — Свердлов, Аванесов, Сосновский и я. Свердлов с женой, Клавдией Тимофеевной, и двумя малышами Адей и Верунькой. И так вот вижу пред собой Адю, Веруньку и в свободные минуты возящегося с ними Аванесова. Как любил детей этот по виду хмурый человек, и как дети его любили! Да и мы, взрослые, покатывались со смеху, когда Варлаам, уступая нашим просьбам, биссировал перед детьми свою коронную роль — уличного грека с обезьянкой или же прекомично шаржировал кавказские танцы. Кончалось обычно тем, что Свердлов сам сползал на пол и изображал «жука». Остальные взрослые тоже не отставали и резвились с ребятами по-ребячески. В этом заключался весь наш отдых в ту горячую пору.

Ночь. Коммуна спит. Спит коротким сном вечно неугомонный Свердлов. Не спит только Аванесов. В коридоре

на корточках сидит он перед ванной колонкой. Электричество погашено. Только в колонке полыхает огонек, освещая смуглое бритое лицо Аванесова. В какое бы время ночи я ни полюбопытствовал, проверяя, спит ли Аванесов, оказывалось — не спит, все сидит на корточках, смотрит на огонь и о чем-то думает, думает. Одинокий, грустный человек, днем сам горящий в революционной работе, вечерами греющийся возле близкой группы друзей и детей, ночью — греющийся у огонька. Много раз подсаживался и я ночью к аванесовскому огоньку. Тогда Аванесов начинал рассказывать. У него было о чем порассказать. Вспоминается мне такой рассказ из дооктябрьского прошлого:

— Приехал я нелегально из-за границы. Паспорт оказался хорошим. Жандармский досмотр на границе прошел благополучно. До Москвы я добрался благополучно. Вот я и в Москве. Выхожу на перрон. Шествую мимо жандармов. Ничего. Выхожу на привокзальную площадь. Ничего. Иду к извозчику и вдруг вижу: сыплет за мною охранник! Да какой! Он меня знает, как облупленного, и я его тоже. Я нанимаю извозчика, и он подряжает очередного. За мною следом ехать, ясно. Я отказываюсь от извозчика и иду к Садовому кольцу пешком. И охранник делает то же. Я вдоль кольца нашпариваю. И он за мной. Гнал он меня, гнал. Сил моих больше нет. Чемодан тяжелый. Легкие не в порядке. Вижу: не уйти. Сел я тогда на скамейку отдышаться, чемодан у ног поставил. Поворачиваюсь к охраннику и говорю ему зло: «Ну, бери сволочь! Бери меня! Бери!». А охранник поднимает вежливо фуражку и говорит мне: «Не сердитесь, товарищ! Я, хе-хе-хе, пошутил. Я уже два года не служу в охранном отделении. Идите, куда вам нужно. Я, хе-хе-хе, пошутил». Сказал, поклонился и ушел! Шутник, хе-хе-хе, понимаешь, такой!

Смерть в отношении давно уже больного Аванесова несколько раз повторяла вот такую охранную «шутку». Гонится за ним гонится, совсем нагонит и — отпустит: это была шутка!

И еще раз шутка. И еще раз. А на этот раз шутки не было. Ушел от нас — но не ушел от преждевременной, ранней смерти — стойкий, строгий, самоотверженный большевик-революционер и трогательно нежный, ласковый, задушевный товарищ.

«Правда», 19 марта 1930 г.,
№ 77 (4522), стр. 5.

С. Тер-Габриэлян.

копия

Российская
Федеративная Советская
Республика
Совет Народных Комиссаров
Москва, Кремль,
23 мая 1918 г.,
№ 492.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

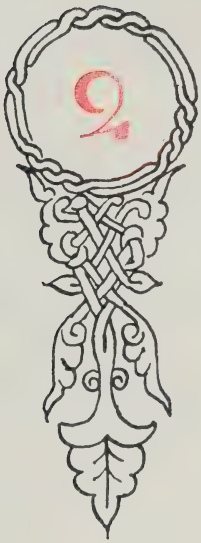
Предъявитель сего тов. Тер-Габриэлян командируется в Баку для принятия всех мер к немедленному вывозу нефти из Баку по Волге. Все Советские Организации обязаны оказывать ему полное содействие и предоставлять в его распоряжение все имеющиеся в их распоряжении силы и средства для выполнения этого задания.

Председатель Совета Народных Комиссаров —
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий Дел. Сов. Народ. Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь — *подпись.*

Партархив ЦК КП Арм. ф. № 49,
д. 3, оп.1, л. 16 и 17.


2

a

Н. КАРАМЗИН

* * *

В церкви Целестинов (des Celestins)... много картин и памятников; между прочим монумент Леона, царя Армянского, который, будучи выгнан из земли своей турками, умер в Париже в 1393 году. Фруассар, современный историк, говорит о нем следующее: «Лишенный трона, сохранил он царские добродетели, и еще прибавил к ним новую: великодушное терпение; с благодетелем своим, Карлом VI, обходился как с другом, не забывая собственного царского сана; и смерть Леонова была достойна жизни его»... [1].

1789—1790

[1] Из «Писем русского путешественника».

* * *

...В развалинах города Болгарского, в 90 верстах от Казани и в 9 от Волги, нашлись армянские надписи XII века: вероятно, что Армяне, издавна славны купечеством, выменивали там русские меха и кожи на товары персидские и другие.

...сии корыстолюбивые, хитрые итальянцы еще за несколько лет до нашествия татар имели торговые заведения в Армении, следовательно уже господствовали на Черном море. В самое то время, когда войско российское сражалось с половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу в торговле, для безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венециане жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством Россиян...

...Во времена Мономаховы славились в Киеве армянские врачи: один из них (как пишут) взглянув на больного, всегда угадывал, можно ли ему жить, и в противном случае обыкновенно предсказывал день его смерти [1].

---

[1] Из «Истории Государства Российского».

А. ГРИБОЕДОВ

ОТ ТИФЛИСА ДО ТЕГЕРАНА

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный мой. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной и десять придется лишних, которые, если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников...

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, — разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей, и все мы озноби ли се-

бе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занга в иных местах застыла, в других медленно пробивается свозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, — он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des deserts de l'antique Arménie[1].

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы, первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частью горизонта, — это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделяя чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ни чем не соединенные. Мы въехали в пригородок...

4 февраля 1819 г.,
Эривань.

---

[1] Из центра пустынь древней Армении.

...Пускаюсь к развалинам Лори в 3 верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменистый и крутобрегий, где протекает Тебеда с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу; вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с В. вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к С. оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонта. К югу два мыса над Тебедою, к З. бок над нею же, к В. над другою речкою, к С. замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве.

* * *

Из «Путевых записок»

5-го. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбакской долины в роде котловины. — Прекрасное лагерное место. Алагез к ю.-з.

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к З. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го. Алагез к с.-з. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные.

Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала места, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштарак, — мост в три яруса на трех арках, под ним река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдата и маркитанта.

8-го. Приезд в Эчмиадзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

12-е. Воскресенье. У обедни в монастыре. Под вечер едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалки. Освещение крепости фальшфейером.

13-е. Из Эривани скачу обратно в Эчмиадзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмиадзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

1819

* * *

Из письма к В. С. Миклашевичу

...К нам перешло до 8000 армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, сохраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову.

А. ПУШКИН

ОТРЫВОК ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»[1]

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные, зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. Академии наук СССР, М.—Л., 1949, т. 6, стр. 665.

заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был уже другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле, я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?», — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «*Грибоеда*». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

* * *

...Переехав через гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?», — спросил я его. «В Эриване чума», — отвечал он, — а что слыхать об Ахалцыке?» — «В Ахалцыке чума», — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще. От Пернике до Гумров считается 27 верст.

Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя провидению.

Прошло более двух часов. Дождь не переставал. Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, напитанного дождем. Наконец холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь промочил меня до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дуя на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казаки разбудили меня на заре. Первою моею мыслью было: не лежу ли в лихорадке. Но почувствовал, что слава богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...

Лошадь моя была готова. Я поехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую мы должны были переправиться. «Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата.

Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное: с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий бе-

рег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России.

До Карса оставалось мне еще 75 верст. К вечеру я надеялся увидеть наш лагерь. Я нигде не останавливался. На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я *чюрек*, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дариальском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен. Меня провожал молодой турок, ужасный говорун. Он во всю дорогу болтал по-турецки, не заботясь о том, понимал я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Казалось, он побранивал русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иностранца. Навстречу нам попался русский офицер. Он ехал из нашего лагеря и объявил мне, что армия уже выступила из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния; мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня. Офицер поехал в свою сторону; турок начал опять свой монолог; но уже мне было не до него. Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20-ти верстах от Карса.

Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: *вербанта ат* (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника.

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс!* — и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучась беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию. Между тем

небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уж не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан: били зо́рю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани. Турок слез с лошади и стал стучаться у дверей. Никто не отвечал. Дождь ливмя лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговоря с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по нескольку месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25-ти верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро ста́руха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне ве́рхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся против угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенные на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне, как умел, военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских

станций. Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце, с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом и бредя о турках и о сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена, — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться. Прошло около двух часов: я взъехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского.

1836

Х. АБОВЯН

ИЗ РОМАНА «РАНЫ АРМЕНИИ»

Земля армянская вот уж тысячу лет как стала обиталищем врагов и разбойников, — та самая земля, та страна великолепия, где был сад эдемский!

Бог не пощадил ли святую армянскую гору Масис, когда весь мир опустошил потопом, не нашел ли ее того достойной, чтоб Ноев ковчег на ней остановился, чтобы из армянской земли вновь размножились люди и заселили все другие страны? Та святая земля, куда, отвергнув злой умысел безбожного Бэла, собрав семейство и храброе, доблестное войско, пришел непобедимый Гайк и, восхищенный чудесными горами, прекрасными полями армянскими, увидев райское ущелье Зангу и пенистую, бесстрашную ее воду — благодарственное лоно реки Аракс, поднебесные

вершины Масиса и Алагяза, цветущие долины и горы Севанские, воткнул копье в землю и назвал ее своим святым именем — «Айастан», а бездыханный прах Бэла принес в жертву стреле и луку; то священное место, куда, собрав войско, пришла Шамирам, покорительница мира, нигде не найдя образа, желанного ее сердцу, где тосковала по лицу нашего ангелоподобного Арая, в надежде, ежели плачем и любовью не удастся завлечь его святое сердце, пленить его силою, чтобы хоть так святое дыхание его коснулось ее лица, — и когда был он мертв, приказала положить тело его перед собой, плакала день и ночь, страстно желая либо его возвратить к жизни, либо самой испустить дух у его ног; та страна, где Зармайр хотел подать помощь Гектору против Ахилла, где Паруйр с Арбаком испепелили Сардана-напала, где Тигран вместе с Киром отняли душу у Астиага, где Вахэ с Дарием Гистаспом пытался преградить путь Александру, где Вагаршак-парфянин, закрыв доступ в Армению брату своему Аршаку, благоустроил страну и утвердил в ней нахарарство; где сидел на престоле Тигран — царь царей, подчинивший сирийскую землю и пригласивший к себе полководца Ганнибала — исполина Картагенского; где непобедимый Трдат, удивив Рим отвагой и мудростью, овладел страной отцов и отвадил от нее аланов и персов; где единородный сын божий явился святому просветителю и лучом очертил предел и меру места своего сошествия; земля, где Вардан Мамиконян и достойный брат его Ваан беспримерной, в мире еще не виданной храбростью, кровью собственной отстояли закон свой и честь своей церкви; место, куда Врамшапух перенес просвещение и мудрость всего мира, привлекая их в свою родную землю; та избранная страна, где Рубиняны и Багратуни вновь извлекли из могилы беззащитную, тысячью врагов плененную родину и вдохнули в нее новую жизнь; та благословенная земля, куда вторгались ассирийцы, персы, гунны, аланы, македоняне, римляне, арабы, османцы, целым потопом ее затопляя, — сто народов и стран растоптали они, уничтожили, стерли с лица земли, предали огню и мечу, где не было горы, не залитой кровью, ни такого камня, что не задавил бы собою человека, а сто соседних с нами народов сравнялись с землею, так безвозвратно погибли, что ни духа от них не осталось, ни имени; святой же армянский народ, неодолимые потомки Гайка, когда потеряли все: жизнь, царство, величие, славу, власть, вой-

ско — и увидели, что не в силах противостоять этому всеразрушающему потопу, этим варварским народам, которые, куда бы ни устремлялись, один по стопам другого, — в Европу ли, в Азию ли, — неминуемо проходили через армянскую землю, — воздели очи к небу, склонили голову на грудь и, тесно сомкнув сердца, объединив души, прошли под тысячью мечей, через тысячу огней и доныне сохранили себя, свою святую веру, свой святой закон с таким душевным величием, какого никогда не бывало и не будет в мире.

Эта самая страна, этот беспримерный народ, в последнее время стоявший на краю гибели, ныне воздел очи к небу, моля, чтобы могущественный русский орел явился и принял под крыло свое землю их и детей.

* * *

Благословляйте приход русских и сами живите душа в душу, любите друг друга. Ведь вы — порождение той самой страны, дети того самого народа, который удивил весь мир и еще впредь удивит. Берегите же друг друга, как берегли ваши предки, уважайте друг друга взаимно, — вспомните предков ваших! Поклоняйтесь вашей земле и вашему народу.

* * *

Русские тем временем только что успели занять Памбак, и был там майор по прозванью «Кара», что значит «Черный».

Хан на возвратном пути пожелал попробовать завладеть и Памбаком. Узнав, что у майора Кара всего несколько сот людей и больше ничего, он приказал своим пойти и схватить его живьем.

Но эти жалкие люди еще не знали тогда силы русского солдата и русской пушки. Три-четыре раза отряд их совершал нападение, но, видя, что русские стоят, как стена, и не отворачивают лица даже от пули, вконец перепугавшись, повернули своих коней и возвратились восвояси.

В это же самое время случилось то, что не имевший совести Магомет-хан уговорился тайно с шахом и обманным образом пригласил к себе доблестного Цицианова, якобы для того, чтобы сдать крепость русским.

Но когда Цицианов с тремя тысячами людей вошел в Ереван и увидал, что лукавый перс расставляет ему за-

падню, он, недолго думая, занял ереванскую мечеть и в ней заперся. Три месяца продержался там этот доблестный богатырь — без хлеба, без подкрепления, в самое жаркое время, когда кажется, что огонь сыплется на голову, при такой дороговизне, что лидр соли нельзя было купить за целковый.

Шах тем временем явился с бесчисленным войском и занял горы и ущелья.

Большая часть русского войска погибла —кто от голода, кто от жары. Одни только армяне приносили хлеб и всячески помогали русским, — в особенности же заживомученик епископ Иоаннес, опорожнивший все амбары эчмиадзинские, чтобы только русские могли как-нибудь удержаться в Ереване.

Но не такова была божья воля. Собрав горсть своих воинов и армян, Цицианов сумел увести их от стольких зверей и прибыл в Тифлис как раз в то время, когда вся Грузия, весь Кавказ подняли междоусобие, — все грызли друг друга.

До самого Казаха кизильбашские войска, спереди и сзади охватив его отряд, завязывали бои, но снова вынуждены были повертывать назад, почесывая себе затылки.

С приходом Цицианова сразу наступило в стране умиротворение: таково было одно имя этого доблестного богатыря.

* * *

Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на нашу светлую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей.

Пока есть у нас дыхание в устах, денно и нощно должны мы вспоминать пережитые нами дни и, увидя лицо русского, всякий раз перекреститься и прославить бога, — что услышал он нашу молитву...

* * *

Пусть мы пока не видели еще русского лица, — но войдем еще раз в Ереван: это наша родина, здесь жили наши предки, здесь властвовали они, умирали, погребались, — мы поймем тогда всю заслугу русских и оценим как должно наше счастье.

* * *

Русский язык — язык нашего государства, мы должны ставить его выше всех других, — но затем взяться за свой, родной.

Разве не хотели бы вы тоже писать стихотворения, выражать свои мысли, свои чаяния, чтобы иностранцы знали, что и среди нас есть выдающиеся писатели, и еще больше оценили наш язык?

* * *

...Кто знает — на них, быть может, и возможно положиться, пути господни неисповедимы. Да заострит бог их меч. Лишь бы ступила нога их на нашу землю.

* * *

Вдруг с гор словно туча грянула, небо разверзлось, земля расступилась.

Это скакал богатырь Агаси: с карских гор летел он, припав к уху коня, подобного птице, и еще двадцать всадников было с ним. Одетые по-курдски, быстро неслись они в гору.

Зверь Гасан-хан сначала принял их за курдов, но, когда они приблизились, пустился по камням наутек. Головы слуг, ханов, беков — словно были они бессильные птахи — так и валились с плеч под ноги лошадей.

Вода и огонь обрушились на головы разбойников, — лошади затоптали собственных хозяев.

Со стороны гюмринской равнины загремел русский барабан. Это был целый отряд с капитаном во главе. Как орлы налетели храбрые солдаты и окружили врага.

Пушки палили с одной стороны, с другой разили сабли — одни спереди, другие сзади, — косили злополучное вражье войско. Враг был разгромлен.

...Дети и родители бросались друг другу на шею, брали с собой, что еще уцелело, и шли под прикрытием пушек, собирались вокруг солдат, чтобы быть в безопасности, пока враг не уйдет вовсе с глаз долой.

* * *

...Всем известно, что, когда Карабах был освобожден от врага, Абаран и Ереван стали поприщем подвигов и мужества храброго русского сердца. Недаром имя Еревана в знак особого почета было присвоено тому, кто и в Азии и в Европе вознес славу русского оружия до небес.

Бог внял слезным мольбам армян, денно и нощно просившим, чтобы он послал им увидеть когда-нибудь воочию русских и лишь тогда сойти в могилу, — чтобы исполнил их просьбу.

Свет... и сила русского человеколюбия смягчили и самые скалы, — пустынные, безлюдные поля Армении заселились людьми, пользующимися ныне попечением русского народа, восстанавливающими вновь свою священную страну.

Тоскующий взор армянина не увидит более слез, но увидит свою родину, на лоне ее возрастет армянское племя, насладится ее любовью и слепым завистникам делами своими покажет, что армянский народ не денег ради и не из-за выгоды преклоняется перед именем русской державы, но стремится исполнить обет своего сердца — для защитника веры его и народа не жалеть ни крови, ни жизни, ни родных детей!

Не то чтоб армянский народ был слаб или храбр не настолько, чтоб удержать всю страну, —о нет! Вина — на самой стране.

Кто бы в мире ни предпринимал завоевания, все должны были пройти через Армению, попрать армянский народ, захватить его в свои руки, чтобы одолеть врага.

* * *

Ереван почувствовал крылья, когда русское войско в него вступило. Звон колоколов Эчмиадзина, благоухание его ладана и свечей донеслись до самого неба.

* * *

Русские показали ныне врагу своему, — даже столь презренному, — что, куда бы ни ступала их нога, везде должны быть счастье и мир.

...Другие европейцы разорили Америку, сравняли ее с землей, — русские восстановили Армению, грубым, зверским народам Азии сообщили человеколюбие и новый дух.

Как же богу не сделать меч их острым, как... возможно армянам, пока дышат они, забыть деяния русских!

* * *

— Восстаньте, храбрые потомки Гайка, возьмите оружие и доспехи, благородные сыны Армении, ударьте, уничтожьте полчища врагов ваших, — душа в душу, плечо к

плечу. Да сокрушится поверженный зверь. Могучая рука Руси да будет вам опорой. Пожертвовать собою ради нее да будет неизменным вашим стремлением. С Волгою, старшей сестрой моей, я и сестра моя Ерасх сольемся в поцелуе среди волн Каспия. Смешаем в лоне единой матери: она — свою доброту, я — свое непокорство. Возлюбленной сестре моей Волге отнесу я и передам благопожеланья моего родного Севана, отеческий привет моего святого Масиса, — и вам принесу ее привет с радостною вестью.

Я скажу ей: «Не я, жалости достойная дева, в том виновата, что враг вторгся в наши пределы, — это сестра моя, одряхлевшая, древняя годами Араз допустила их силой ворваться. Когда гляжу я на Масис — на старого своего свекра, — я покрываю голову, прячу лицо, чтобы добросердый снеговласый старец не загрустил. Если сестра моя Ерасх, непримиримая нравом, не дает несчастному ни покоя, ни отдыха, рассекает, подрывает ноги ему своей струей, то мое дело навсегда залечить эти раны. Но не себе обязана я тем, что благодаря полям и нивам моим стала я называться «золотоносной», это — дар священного Севана и Отца-Просветителя, святые мощи которого, здесь передо мною покоящиеся, охраняют, благословляют, берегут плоды труда слабых рук моих, здесь явленные. Откройте чело, ликуйте непрестанно: сладостная сестра моя Волга всегда отныне будет заботиться о вас. Я всю свою приязнь выказала ей, она всю сладость свою даст вам, сыны мои. Эта нерасторжимая связь, эта святая любовь останутся между нами вековечно. Укрепляйте силы свои, сыны Арама, пребывайте в любви и согласии. Любовь и мир всем народам и племенам даруют и благоденствие.

1841

Н. ОГАРЕВ и А. ГЕРЦЕН

ИЗ ПИСЬМА К Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

Крепко обнимаю вас обоих. Вестей побольше — ради бога. N [1] — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости [2].

Кажется, речь о нашем сбежавшем восточном приятеле. Поклонитесь ему, это — преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его.

1862

---

[1] Под буквой N, а дальше под «сбежавшим восточным приятелем» скрыт М. А. Налбандян.

[2] До сих пор письмо написано Огаревым, дальше — Герценом *(прим. — Мих. Лемке)*.

А. ГЕРЦЕН

ИЗ ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

...Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший доктор медиц[ины] и армянин *Налбандов*. Прими его мило; он вполне заслуживает [1].

1862

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под редакцией М. К. Лемке, Госиздат, Петроград, 1920, т. 15 стр. 105.

М. БАКУНИН

ИЗ ПИСЬМА К Н. С. БАКУНИНОЙ

...Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек — весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза. Вот И. С. Тургенев, напр., другое дело — он также очень добр, да бог и знает, что бог. Он умен и любезен, да помнит себя, — нет той святой простоты, что в Налбандове, который берет не умом, а сердцем, — хотя, пожалуй, как истый армянин, и очень хитер, когда надо.

1862

ИЗ ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

...Другая моя забота — Налбандов; говорят, что он был в Петропавловской крепости, а теперь пропал, никто не знает куда. Узнай, Тургенев. Вот видишь ли, и без политики наполнил целое письмо, а под конец тебя обнимаю и на тебя уповаю.

1862

М. НАЛБАНДЯН

* * *

...Зарождающуюся в России свободу смело можно назвать свободой для человечества... Освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества...[1].

1855

* * *

...Взяв в руки произведения поэзии русских авторов, таких, как Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь и другие, читатель восхищается и радуется, вкусив сладость языка более благородного, чем обычный разговорный язык; это чувствуют и русские армяне... Душевное удовлетворение, доставляемое читателю русской литературой, имеет источником не только совершенство или богатство языка, но и величие творческой идеи... [2].

1855

* * *

...Да, справедливость обязывает нас также заявить во всеуслышание о романе г-на Габриела Тер-Ованисяна под названием «Тер-Саркис», который в 1861 году печатался в «Юсисапайле» и издание которого, к великому нашему со-

[1] М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, М., 1954, стр. 484.
[2] Там же, стр. 115.

жалению, по не зависящим ни от автора, ни от «Юсисапайла» обстоятельствам было прекращено. По нашему мнению, эту вещь лучше бы назвать «Язвы Армении»... Если когда-либо эта прерванная работа будет продолжена в том же духе и с прежним мастерством, она займет в нашей новой литературе такое же место, какое в русской литературе «Мертвые души». Пусть примет заранее нашу благодарность армянский Гоголь, которому мы желаем блестящего будущего... [1].

1864

---

[1] М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, М., 1954, стр. 484.

Н. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

...ПОМНЮ ОДНОГО АРМЯНИНА

...В Лондоне между приезжими из России помню одного армянина по имени Налбандов. Он был лет тридцати... застенчивый, но добрый... полный сочувствия ко всему хорошему... Окончив курс, кажется в Московском университете, он путешествовал... был в Китае; по возвращении в Россию слышал о «Колоколе», о Герцене и решился побывать в Лондоне...

Обрадованный радушным приемом Герцена, бывал очень часто у нас. Бакунин... каждый день ходил с ним по Лондону и настоял, чтобы Налбандов сделал свою фотографическую карточку. Это желание было исполнено очень оригинально: Налбандов снял свою карточку, сидя спиной с газетой в руках... Прожил месяца два в Лондоне... Однако на возвратном пути в Россию он был арестован и посажен в какую-то крепость на востоке... Мы никогда не слыхали более об участи этого вполне хорошего и достойного человека.

«Русская старина», журнал,
1894, книги IX—XII.

С. ШАХАЗИЗ

* * *

Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, Пушкин и Лермонтов!... Пушкиным я всегда увлекался, прежде всего — как разносторонним и правдивым поэтом-художником, творчество которого представляет собою для отзывчивого читателя как бы прекрасный, цветущий сад, блещущий райской красотой...

Следы влияния его поэзии, в частности «Евгения Онегина» (до известной степени — даже «Графа Нулина»), заметны местами в моей «Скорби Леона». Независимо от этого, я когда-то задумал и начал писать поэму из новой армянской жизни, которая явилась бы отчасти подражанием «Евгению Онегину», в особенности — романтической завязке поэмы, истории Татьяны. Раньше этого, в

моих «Часах досуга», я уже пробовал, как умел, подражать Пушкину — перевел его стихотворение «Кубок янтарный», сделал в некоторых случаях отдельные его стихи эпиграфами к моим собственным вещам, написанным под его влиянием.

Что касается Лермонтова, то его произведения (например, «Герой нашего времени») всегда наводили меня на много дум, действовали на меня своим внутренним содержанием, давали известные мотивы и темы для разработки. Если эпиграф к «Скорби Леона» взят из «Героя нашего времени» («Довольно людей кормили сластями: у них от этого испортился желудок; нужны горькие лекарства, едкие истины»), если раньше этого в «Часах досуга» упомянуто в одном случае имя Лермонтова, то и в моей книге «Несколько слов моим читателям», появившейся в 1903 году, цитируется Лермонтов — в том месте, где я говорю о желательном отношении современной молодежи к прошлому Родины.

Нечего и говорить, что на меня, как и на все мое поколение, оказала сильное воздействие эпоха великих реформ и ее отражения в русской умственной жизни. «Скорбь Леона», где обличаются темные явления армянской действительности и высказываются мечты относительно ее возрождения, в значительной степени создалась под влиянием того воодушевления, которое было вызвано освобождением крестьян. Помню, как близко принимал я к сердцу это событие. Любопытно, что мне, армянину, приходилось иногда выдерживать по этому поводу спор с некоторыми представителями русской молодежи, сыновьями помещиков-крепостников, которые находили реформу слишком поспешною и преждевременною, так как народ будто бы еще не созрел для нее. Раз я сказал одному из них, потеряв терпение: «Если вы будете вечно держать какую-нибудь птичку в клетке, как вы можете решить, способна ли она уже летать, или еще нет?...».

В товарищеском кругу я принадлежал к числу тех молодых людей, которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, например за «Современником», и затрагивавшимися в них вопросами... Из «Современника» 1859 года взят эпиграф к одной из песен «Скорби Леона». Случайно прочитанное мною стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю» внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти так

же, но далее носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян[1]. Эту вещь, как и некоторые другие произведения русских авторов, я пробовал сначала перевести полностью, как можно ближе к подлиннику, но затем невольно поддавался каждый раз желанию развить ту же тему по-своему, вполне самостоятельно, и вследствие этого отказывался от мысли о точном, близком переводе...

Что касается общего вопроса о русском влиянии в армянской литературе, то подобное влияние представляется мне совершенно *естественным* и *неизбежным фактом*, так как все истинно талантливое, сильное и оригинальное, что создает один народ, конечно, не может не находить отзвука у другого, живущего с ним в постоянном тесном общении.

---

[1] Стихотворение Шах-азиза, о котором здесь идет речь, озаглавлено «Песнь умирающего патриота».

Г. СУНДУКЯН

* * *

...Пройдя русскую гимназию, русский университет, слушая русских профессоров, в особенности профессора словесности Никитенко, в течение четырех лет (1846—1850) в Петербургском университете, я, естественно, должен был находиться под влиянием русской умственной жизни.

Я полюбил театр и не пропускал ни одной известной пьесы, дававшейся в Александринском театре, где поражали меня своей игрой Мартынов, Каратыгин, Щепкин, приезжавший из Москвы, и многие другие. Щепкин-Фамусов у меня и теперь перед глазами, и мне кажется, что я сейчас слышу его голос, хотя после того прошло уже более пятидесяти лет... [1].

[1] Как высказывания Шах-азиза, так и высказывания Агаяна, Иоаннисиана, Кургинян, Цатуряна; Нар-Доса; Лео и Ширванзаде даются по книге Юрия Веселовского «Русское влияние в современной армянской литературе» (на основании анкеты), М., изд. 1909 г.

Е. НЕКРАСОВА

АРМЯНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ РАФФИ[1]

Кто, раз взлянувши на горы Кавказа, укутанные дымкою облаков, не влечется туда опять и у кого из любителей путешествий этот своеобразный край не занимает в душе самой светлой, самой радужной страницы воспоминаний?

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, оторгнут от вас!
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

Справившись несколько с первыми разительными впечатлениями гор, волшебной силою южного солнца, несколько приспособившись то к нежно ласкающим, то предательски суровым струям горного воздуха, вы с любопытством останавливаетесь на счастливых обитателях счастливого края. Своеобразность типов, разнообразие племен, наречий, ко-

[1] Этот очерк был читан в публичном заседании Общества любителей российской словесности в Москве и напечатан в журнале «Мир божий», С.-Петербург, 1892 г., № 2.
Печатается с сокращениями *(прим. — А. А.)*.

стюмов поражают всякого, кто видит их в первый раз. В Тифлисе с первых же дней не трудно отметить два резко выделяющихся типа: армян и грузин. Эти обе народности являются преобладающими на всем Кавказе. Их преобладание опирается не только на численность, но и на их умственное и экономическое превосходство. У армян и грузин образование считается необходимостью. У них есть своя литература, свой литературный язык, свои писатели, поэты. Но мы, бок о бок живущие с этими национальностями, ничего этого не знаем. Мы не знаем ни их умственных интересов, ни произведений их литературы; не знаем, конечно, не по недостатку любознательности, а просто потому, что не представлялось случая. Нельзя же в самом деле для знакомства с армянской литературой обязать простую любознательность изучением армянского языка?

В недавнее время армяне сами взяли на себя труд ознакомить Европу с своими писателями. Абгар Иоаннисиан предпринял в Лейпциге издание «Армянской библиотеки» (Armenische Bibliothek, herausgegeben von Abgar Ioannissian). В виде небольших книжечек отдельными выпусками издает он произведения армянской литературы в немецком переводе.

В настоящее время вышло уже много выпусков «Библиотеки». Они знакомят с образцами безыскусственного народного творчества — сказками, сагами, пословицами, а также и с выдающимися произведениями новой армянской литературы: бытовой комедией Сундукяна — «Разорившаяся семья», романом Прошяна — «Сако», который рисует нравы, обычаи, жизнь народа, и с современной повестью, в лице новейших писателей — Патканяна и Раффи. С последним из них, как самым выдающимся, я и имею в виду познакомить в предлагаемом очерке.

Как ни молода новая армянская литература, а в ней уже есть имена, которые стали вполне популярными среди своего народа. К числу таких писателей принадлежит несколько лет тому назад умерший в Тифлисе Акоп Меликакопян, известный в литературе под псевдонимом Раффи.

Раффи родом из персидской Армении: родился в 1832[1] году в персидской провинции Салмасте, в армянской де-

[1] Раффи родился в 1835 г. *(прим. — А. А.).*

ревне Паяджуке. Отец его занимался торговлей: ей же хотели посвятить и сына. Но коммерческие занятия пришлись не по душе юному Раффи, он скоро бросает торговлю и пускается путешествовать. Лет пятнадцать проводит он в непрерывных странствиях по персидской и турецкой Армении, изучая нравы, быт, характер своего народа. Здесь лицом к лицу ему приходится увидать то невежество, грубость, рабскую приниженность, задавленность, среди которой живут армяне. И это не могло не поразить чуткого и талантливого от природы молодого путешественника. Но чем сильней поражают его картины безотрадной действительности, тем, казалось, сильней проникался он любовью, состраданием к обиженным, подавленным, заброшенным судьбой соотечественникам. Вот таким-то чувством и проникнуты все его литературные произведения, имевшие сильное влияние на армянскую молодежь.

Раффи выступает на литературном поприще в пятидесятых годах в «Северном сиянии», издававшемся в Москве профессором Назаряном, выступает со статьями: «Ахтамар» (остров Ванского озера) и «Ахтамарский монастырь». Здесь вполне определяется его направление; армянская молодежь зачитывается статьей, имя Раффи приобретает любовь и популярность, он делается любимым писателем. Пишет стихи, очерки, романы, публицистические статьи. Последние подписывает псевдонимом Меликзадэ и помещает то в газете «Мшак», то в «Порце», а с 1885 года в газете «Ардзаганк». В своих публицистических статьях Раффи поднял много разных общественных вопросов, коснулся различных сторон общественной жизни и везде проводил стойко и определенно одни и те же убеждения.

В 1874 году вышли два первых тома его сочинений под общим названием «Пундж» (Букет). В первом помещены стихотворения, а во втором очерки и рассказы.

В настоящее время популярность Раффи основывается главным образом на его беллетристических произведениях — очерках, романах. Между ними особенно любимы публикой: большой роман «Хент» (Сумасброд), «Кайцер» (Искры), исторические романы «Давид Бек», «Самуэль» и «Очерки персидской и турецкой Армении»... Последние в немецком переводе напечатаны в III выпуске «Армянской библиотеки». Они представляют большой интерес как с бытовой, так и литературной стороны.

Все четыре очерка: «Хас-Пуш», «Биби-Шарабани», «В

персидском гареме» и «Джалалэддин» [1] — прекрасно отражают жизнь, нравы, быт восточных стран со всеми их национальными, религиозными и другими особенностями. Читатель с этой стороны будет вполне вознагражден за непосредственное знакомство с произведениями Раффи, без сомнения, одного из самых симпатичных и едва ли не самых выдающихся армянских писателей. Его литературный талант ясно сказывается в каждом из названных очерков, описывает ли он тегеранского нищего, в его убогом помещении при банях, которые в магометанской стране, подобно нашим церквам, берут под свою защиту бедняков, — нищего, едва прикрытого оригинальным плащом, составленным из крошечных разноцветных и разноматерчатых лоскутьев, или пышный поезд шаха, направляющегося на богомолье с длинной свитой из людей, лошадей, мулов и гаремных женщин; описывает ли самый гарем с его негой, роскошью Востока, или рисует, как в «Биби-Шарабани», восточное кладбище солнцепоклонников с их верованиями и отношением к покойникам, или изображает кровавые набеги курдов, оставляющих за собой потоки крови, зарево пожаров, смерти и ужас, он всюду не только верный изобразитель нравов, но и настоящий художник, под пером которого люди выступают как живые, и читатель забывает, что это только образы, созданные писателем, он чувствует с ними свою близость, боится, волнуется, когда им угрожает опасность, радуется, когда счастье оказывается на их стороне...

...Резкость красок картин, как бы крайность сравнения,— одна из особенностей Раффи; он любит все сильное, поражающее как в красоте, так и в безобразии, он не любит обыденного, простого, повседневного, не любит будней. Как сын и обитатель Востока, он тщательно описывает пышный поезд шаха, его гарем, кровавые сцены битв и набегов, охотно, если еще не с большей любовью останавливается на скромном логовище хас-пушей, так как здесь тоже может быть место для ярких красок, поражающих если не красотой и богатством, то необычайностью, поражающих бедностью, безобразием. Таков настоящий восточный писатель: ему нужен или парад необычайного праздника, или буря, раскаты грома, ураган. И в описании таких необычайностей он прекрасен.

[1] Перевод рассказа «Джалалэддин» помещен в журнале «Русская мысль» в сентябре 1891 года.

Но, тем не менее, Раффи по преимуществу писатель-реалист. Науку и занятие ею он признает постольку, поскольку они стоят и идут рука об руку с жизнью и дают силу и уменье бороться с окружающим злом.

Порицая оторванность литературы от жизни, Раффи во всех произведениях выступает учителем, врачом, указывающим лекарство от бедствий, воспитателем своего народа. Каждый его очерк взят прямо из жизни; он полон действительным горем, от которого жизнь не дает укрыться. «Хас-пуши» не выдуманные лица его фантазии, — ими полны улицы персидских городов, в особенности персидской столицы. В каждом очерке он касается злобы дня и рисует зло во всей его действительной наготе, ужасе, как представляет сама жизнь, не только не смягчая, а скорей, где можно, усиливая краски. Но, поразив, растрогав до глубины души сердце читателя, автор никогда не доводит его до безнадежного отчаяния: все рассказы Раффи оканчиваются благополучно. И вы закрываете книгу с чувством, навевающим мир и успокоение: не все потеряно и вовсе не все так безнадежно, так нехорошо; есть, возможна справедливость на земле.

Реализм Раффи не подавляет, касаясь злобы дня; он только сильнее поднимает дух, настроение и влечет на борьбу со злом, внушая при этом ободряющее чувство надежды на добрый исход. А борьба — борьба со злом, во всех его видах — это девиз армянского романиста.

Вот за этот светлый маяк, который ставит Раффи на пути своих героев, вступающих в бой, так сильно любим Раффи своими соотечественниками.

Вечная истина, что жизнь поэта отражается в его произведениях, приложима и к Раффи. Он отразил в своих рассказах не только черты собственной высокогуманной натуры, которая отзывалась на все высокое, прекрасное, но и свой свободолюбивый характер и даже факты собственной жизни.

...Его жизнь была полна горя. Достаточно сказать, что персидское правительство приговорило Раффи к смертной казни. Он спасся только бегством. Бежал из Персии в Тифлис, где некогда провел детство и годы юности; он учился сперва в армянской школе, потом в русской классической гимназии. Хоть отец и не дал ему докончить курса, но он успел изучить классических писателей, из которых особенно любил Гомера, знал наизусть многие из пе-

сен Илиады и Одиссеи; успел познакомиться с произведениями Виктора Гюго, Жорж Занд, Гейне, Шиллера. Русскую литературу знал хорошо начиная с Пушкина; переводил «Стихотворения в прозе» Тургенева... Под влиянием названных писателей и развился его литературный талант.

Раффи, без сомнения, имеет громадное воспитательное значение для своих соотечественников, в особенности, если принять во внимание его популярность. Он популярен не только между литераторами, интеллигенцией, но и среди простого народа, его знают в Тифлисе мелкие торговцы, разносчики. Простой народ знает и любит Раффи. Он толпою провожал его гроб с возложенными венками на кладбище. Среди массы венков, их было около восьмидесяти, возложенных на свежую могилу писателя, виднелись венки «от тифлисских рабочих», «от рабочих бакинских нефтяных заводов», «от бакинских армянских матерей», «от приказчиков Дворцовой улицы» в Тифлисе и т. д.

На тех улицах, по которым двигалась сопровождаемая тысячной толпой похоронная процессия, в день похорон были закрыты все лавки, все магазины; на тротуаре перед дверями лавок стояли столики, накрытые белыми скатертями, а на столиках теплились восковые свечи и курили ладан.

Раффи умер 24 апреля 1888 года. Похоронен в Тифлисе на Авлабарском кладбище — Ходживанк.

Простой народ не забывает его могилы. В дни народных гуляний, которые у армян и грузин почти всегда совпадают с церковными праздниками и приурочиваются непременно к монастырям, кладбищам или вообще к церквам, народ вспоминает любимого писателя и идет к нему на кладбище. Так было в августе 1888 года, в день храмового праздника одной из церквей, приютившейся на склоне горы близ старой крепости Тифлисского ботанического сада. Сюда сошлась масса народа, каждый шел с самоваром, провизией, гармонией, бубнами. И возле церкви началось то шумное веселье с зурной и лезгинкой, которое в большинстве случаев длится дня по три. Шумно, как всегда, праздновала толпа свой летний праздник. Масса народа усеяла церковный двор. Но шум и веселье не заслонили воспоминания о недавно сошедшем в могилу любимом писателе. Пышные, свежие венки усыпали в этот день дорогую могилу — то были венки не от друзей и родных, а от почитателей из народа.

А. ВЕСЕЛОВСКИЙ

ДВА СИЛУЭТА [1]

(Из воспоминаний)

Из дальнего прошлого вырезываются в моей памяти два типичных армянских силуэта, два образа, полных творческой силы и вдохновения. Их вызвало, их напомнило появление «Сборника армянской литературы» (под редакцией М. Горького; 1916 г. — *А. А.)* с культурно-историческим обзором и выбором произведений. Один из них — привлекательный старческий лик с вдумчивым, наблюдательным, вглядывающимся в глубь жизни взглядом, с глубокими линиями ума и опыта на открытом челе; другой — казалось, вечно юный, с прозрачной красотой одухотворенных, классически изящных черт, с очами, которые то горели каким-то неземным порывом, словно тоской об идеале и добре, то магически возбужда-

[1] «Армянский вестник», № 31, М., 1916.

ли к жизни, деятельности, борьбе. Это — Сундукянц и Адамян, предтечи армянской драмы и сцены.

С Сундукянцем идейно, заочно, я был уже знаком, и меня влекло к нему. Познакомил нас его «Пэпо» — это сверкающее истинным комизмом, бытовой народной силой, гуманной мыслью лучшее его создание, полное неподдельно живых образов, окружающих центральное лицо комедии, армянского Фигаро, с его вызовом и протестом против старого, неправедного строя, с юмором кинто и боевой отвагой выходца из народной толпы. Блеск и яркость комедии поразили и в чтении ее русского перевода [1], но сценическое исполнение досказало остальное. И какое же это было скромное по силам исполнение! Группа армянской учащейся молодежи в Москве, студенты университета и Петровской академии, две-три любительницы из армянской колонии, и среди них один только настоящий артист — даровитый комик Петросян, игравший самого Пэпо, — взяли на себя эту задачу. Но пьеса так поднимала, электризовала их силы, жизнь так реально воплощалась в их лицах сквозь смех и слезы, гнев и горе, исполнитель главной роли, видимо очень близкий к народной почве, с большим знанием пролетарской тифлисской среды, отдаваясь с увлечением передаче мастерски обрисованного характера, так сплотил вокруг себя, словно разогрел неопытные силы товарищей, что впечатление получилось цельное, живое и пьеса расцветилась всеми своими богатыми красками комизма. Невольно про себя сказалось: «Вот это настоящая, истинная комедия». Так когда-то, после первого представления «Школы жен», в партере поднялся, говорят, какой-то неизвестный пожилой зритель и громко вымолвил: «Courage, Molière! Voila la vraie comédie!» [2].

И у такого яркого комика — я уже знал это — не было ни одного серьезного предшественника в родной литературе, не было никакой драматической рутины, технического опыта сцены, не было и самой сцены, как постоянного народного учреждения. На него могли быть влияния; они, конечно, были; русская новая комедия, особенно Островский, — не на последнем месте. Все же независимо, свободно написан чудесный «Пэпо». Во всем бытовом теат-

---

[1] Комедия Сундукянца «Пэпо» в переводе на русский язык А. Цатуряна и Ю. Веселовского вышла в Москве в 1896 г. — *А. А.*

[2] Мужайся, Мольер! Вот настоящая комедия! (франц.).

ре Островского нет ничего ему под пару и по замыслу и по характеристике главного лица с его социальной и народной основой, в то же время с метко схваченными общими человеческими красками возбуждения и печального комизма.

Я стремился, конечно, потом познакомиться с содержанием других, не переведенных, более ранних и позднейших комедий Сундукянца, с их темами, характерами, отражениями быта; определенно обозначился поход его против общественных зол и народных недостатков, выступала его последовательная борьба с язвами буржуазной жизни, с неравенством, отсталостью и тьмою, защита женщины, участие в споре «отцов» и «детей», — но при всех достоинствах этих пьес выше всего в нем казалось мне, что он — автор «Пэпо» и что именно этой социальной комедией он завоевал себе почетное место во главе армянских комических писателей как пионер, новатор, зачинщик.

Встретились мы с ним в Тифлисе в 1896 году. Я проник в этот уютный, привлекательный по гармонии семейный мир, в тот культурный кружок, среди которого, отвлекая его от службы и практической деятельности, создавались пьесы комика. Тогда свежи были впечатления появившегося в русском наряде отдельной книгой «Пэпо», одним из переводчиков которого был Юрий Веселовский, и печальной участи второго тома «Армянских беллетристов» (уничтожен по указанию комитета министров в 1894 г. — *А. А.*), изданного им же вместе с Мин. Берберяном и сожженного из охранительных и (как это странно теперь вспоминать) туркофильских соображений высшей политики. Думалось, что эти два факта могут послужить на пользу мне, не совсем чуждому их зарождению, и откроют желанный доступ к писателю, — я все же приду к нему из дружественных кругов... На деле увидел я, как широки и терпимы были взгляды его, как чужд он был национальной исключительности, как чуток к идеям и движениям общей культуры.

Свободно пошел он навстречу сочувствию своего русского гостя. Завязавшаяся беседа, обмен мыслями скоро приняли оживленный характер; ближайшие дни и встречи развили и скрепили начавшуюся так случайно, совсем импровизированную нашу связь. Передо мной был молодой духом, все еще полный энергических писательских возбуждений, старик, — за семьдесят лет, — вообще поздно начавший свою деятельность небольшими бытовыми опыта-

ми для комической сцены и завоевавший известность, популярность первого армянского комика на склоне лет. В живых, образных воспоминаниях раскрывалась сила внезапно захватившего его призвания, которое возбудило его, казалось далекого от литературы, к созданию народной комедии. Обрисовывалось первобытное, совершенно неустойчивое состояние прежней армянской сцены, принужденной довольствоваться любительскими силами и случайными подмостками, и зачаточной драматургии, лишенной такого жизненного условия своего существования, как театр, —собственные искания, неуверенные, не удовлетворявшие его опыты, решимость учиться делу и в то же время продвигаться вперед, опираясь на знание быта, нравов, запросов своего народа, и дать ему живое свободное слово комедии, — отрадная для строгого, «взыскательного» к себе писателя пора, когда сознание внушило ему, что в «Пэпо» он как будто подошел, наконец, к своей цели, сможет выполнить свои замыслы, когда он увидел, что между ним и общественной средой возникла живая, непосредственная близость и в новой, возрождающейся литературе не пройдет бесследно его почин. Любовь к своему народу и желание духовной пользы для него светились в этих речах, чуждых всего показного, полных ума, таланта, юмора. Остроумные характеристики народного быта во всех его слоях, начиная с допотопного уровня косной массы и восходя к мишурной культуре и себялюбию зажиточных верхов, любопытнейшие авторские пояснения о характерах и лицах, выведенных в его пьесах, особенно в главной его комедии, сменялись рассуждениями и взглядами, отражавшими обширную начитанность в русской и западной литературе и серьезный склад обобщающей мысли.

Вечера, проведенные в таких беседах в доме Сундукянца (их высокий интерес поддерживали приходы и живое участие его друга, публициста и критика Абгара Иоаннисиана, с ярким отпечатком большого дарования, европейской образованности, независимой мысли), оставляли глубокое впечатление. Не заметно было и следа утомления жизнью, уступок сильно надвинувшейся старости; деятельная мысль писателя влекла его к новой работе, возбуждала новые замыслы (он занят был тогда созданием пьесы «Супруги», в которой хотел возможно глубже затронуть брачный вопрос). Таким оставил я его, расставаясь. В очень ранний утренний час нашего отъезда горной дорогой

на север он явился проводить, проститься, с цветами в руках, живой, бодрый, остроумный. Этот силуэт его навсегда сохранился в моей памяти.

* * *

Та же московская частная сцена, на которой я увидел впервые «Пэпо» (теперь это — Художественный театр). Зала полна и необыкновенно оживлена; если ее призвал, собрал Шекспир, и разноплеменная масса зрителей, армянская, русская, привлечена возможностью увидать небывалую новость — армянского «Гамлета», то армян волнует и радостно настраивает вместе с тем предстоящее появление перед ними восходящей звезды их театра, того новатора и пропагандиста постоянной сцены, которого общественное мнение признало уже творцом национального драматического искусства, — Адамяна. Слухи и вести изображали его апостолом этого искусства в Константинополе и турецкой Армении, перенесшим свою деятельность на Кавказ, всюду возбуждая своим почином и талантом организатора к группировке сценических сил и совместной их работе, открывая, отгадывая их, — они говорили о поразительной, развившейся под влиянием французской театральной школы даровитости этого неожиданно явившегося армянского Волкова, с которой он несется впереди созданных им театральных ассоциаций, научая не только исполнять все еще скудные, редкие творения туземной драмы, но лучшее достояние драмы европейской, мировых классиков. Что могло привести его тогда в Москву, оторвать от интенсивной работы в родном краю? Не чуждое, стало быть, и ему стремление артиста к гастрольным странствиям с опытами художественной работы в новой среде, — желание войти в контакт с миром русского театра и драмы, — чей-нибудь меценатский вызов? И является он на север один, без своих привычных товарищей, обрекая себя на неизбежное любительское сотрудничество актеров-обывателей!

Ожидания зрителей напряженны, настроение возбужденное. Занавес поднимается. От первых шагов, начальных слов самодельных артистов повеяло сразу заурядностью, посредственностью. Но вот среди них появляется, точно озаренный духовным светом, идеальной внешней красотой, глубоким страданием, мятежным порывом против судьбы, людей, торжествующего зла, образ Гамлета —

Адамяна, завладевает, волнует, мучит, заражает силой своей мировой скорби и гневом своего протеста, сохраняя свое гипнотическое обаяние до роковой развязки. Впечатление совершенно своеобразное. Сознаешь, что этот Гамлет не совпадает с тем шекспировским скорбником и мучеником мысли, который завещан господствующими объяснениями критики, пониманием великих исполнителей роли, что он — сплошное новшество, внушен самобытным, независимым пониманием Гамлета и гамлетизма, которое проявляется во всех изгибах психологии героя, во всех выдающихся моментах и переходах пьесы. Сила и безнадежность северной рефлексии, словно чуждой духу южанина, и психопатология, способная довести человека чуть не до «границ безумия», не могли совсем исчезнуть, но подчинились властному и мучительному стремлению к активности, взрывам протеста, трагедии парализованной воли и разбитых идеалов. Сознаешь это, но сила, цельность замысла и глубина его передачи все же поражают. Это — не единственно верное понимание Гамлета (в новейших западных изучениях вопроса заметно большое тяготение в эту сторону), армянский трагик не величайший из исполнителей этой трудной роли (как утверждала иногда потом русская театральная критика), но это — большой человек в сценическом художестве, одаренный редкой творческой силой, которому дано совершать великое.

И обладатель такой силы приходит к нам из народа, который еще не имеет настоящего театра, знает только зачаточные его формы, этот замечательный лицедей в то же время призван быть творцом национальной сцены...

Я искал возможности ближе узнать его. Чарующее впечатление феноменальной личности подтвердилось в этих встречах, беседах, в свободном обмене мыслей (речь у нас шла по-французски). После изумившего меня спектакля, естественно, первою же темой явились вопрос о Гамлете и новом его освещении и только что вынесенные впечатления; трудно было бы не вызвать на объяснения его самостоятельного взгляда, его понимания замысла великого поэта, не высказать возражений, не возбудить спора. Но в ответ послышался столь цельно проведенный и блестяще высказанный анализ всей трагедии и характера ее героя, основанный на вдумчивом объяснении каждой их частности и приведший художника именно к непокорному традиции освещению гамлетовского образа, что, не сда-

ваясь на его доводы, не переходя на его сторону, нельзя было не залюбоваться творческой законченностью и оригинальностью его создания, нельзя было не убедиться в том, как дорого оно было ему...[1]. От «Гамлета» речь, конечно, должна была перейти в общую область театра, его настоящего состояния на Западе, столь хорошо известного Адамяну, о будущности армянской сцены, — и тут я увидал не только широко развившего свой ум и вкус, литературно образованного артиста, но настоящего энтузиаста театра и проповедника его, полного прекрасных национальных мечтаний. Обаятельно было видеть и слушать его в такие минуты.

Но он был из числа тех, что «не жильцы на этом свете». После своего московского приезда он еще работал на родине в излюбленном направлении, влагая в дело всю свою душу, но прозрачная красота и необыкновенная одухотворенность скрывали за собой неизлечимую болезнь. Он слишком рано сгорел, — но в моей памяти сохранился, из светлой его поры, привлекательный силуэт...

[1] Он изложил свою «гамлетовскую» теорию в брошюре, теперь трудно находимой. Мне хотелось потом, уже в наши дни, указать перед широкими кругами европейских читателей на неведомую, конечно, им концепцию Адамяна. В многотомном коллективном немецком издании «Corpus hamleticum», которое должно было охватить историю Гамлета в легенде, поэзии, театре, музыке, живописи у всех народов, вслед за историей Гамлета на русской сцене я очертил вместе с национальным значением Адамяна и его выдающийся опыт объяснения Гамлета; собрано было много снимков с артиста в этой роли, издатели хотели широко развить в своей книге иконографии. Война прервала печатание второго театрального тома.

Ю. ВЕСЕЛОВСКИЙ

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН

(К 10-летию со дня его кончины)

22 августа 1892 года — скорбная дата в истории новой армянской словесности. В этот день не стало одного из наиболее видных ее деятелей, творчество которого увлекло и воодушевило самые разнообразные слои народа, пробуждая в них сочувствие к тем, кто страдает, любовь к родной земле, гордость ее прошлым, веру в ее будущее. Истомленный тяжелым и продолжительным недугом, разочарованный и усталый, перешел в лучший мир автор «Слез Аракса», «Смерти Вардана Мамиконяна», «Свободных песен» — маститый Рафаэл Патканян. Его смерть была национальным трауром, как за четыре года перед тем кончина идейного романиста Раффи, также призывавшего своих соплеменников к обновлению и борьбе с мраком, учившего их отзывчивости, стойкости, солидарности.

Патканяна похоронили в монастыре Сурп-Хач (Свят. Креста), в семи верстах от Нахичевани-на-Дону. Здесь все дышит невозмутимым спокойствием...

И странное дело! Судьбе угодно было, чтобы в этом мирном приюте нашли последнее пристанище два деятеля. отличавшиеся неукротимым духом, смелыми мечтаниями, вдохновенными порывами. Две могилы расположены близ церкви, скрывая в себе прах двух славных борцов, двух выдающихся литературных и общественных деятелей. Один из них, публицист Микаэл Налбандян, главный сотрудник журнала «Северное сияние», лично знакомый с русскими передовыми писателями 60-х годов, посетивший Западную Европу и скончавшийся вдали от родины. после целого ряда испытаний и невзгод, всего 36 лет от роду, был убежденным прогрессистом, поклонником европейской культуры, борцом за просвещение и новые идеалы, которые он хотел противопоставить отжившим свой век воззрениям.

Рядом с Налбандяном в 1892 году опустили в землю прах Рафаэла Патканяна. При этом имени также приходит на память энергичная, неутомимая деятельность, пламенное воодушевление, убежденная речь... Но Патканян предоставлял другим отстаивать западноевропейскую цивилизацию, разъяснять ее основы переживавшему тогда переходную эпоху обществу. Он, с своей стороны, хотел напомнить своим читателям о бедственном положении их единоверцев, живущих в турецкой Армении, пробудить в их сердцах сочувствие, уважение и сострадание к тем, кто выносит притеснения и вечно трепещет за свою жизнь. Из своего родного гнезда, с его особыми, местными интересами, из этого своеобразного армянского уголка, затерянного среди южно-русских степей, он уносился в далекий край, где расстилается голубая гладь Ванского озера, где развалины древних дворцов, храмов и укреплений, вот уже много столетий, дремлют таинственным сном. Он сумел отозваться на стоны жертв и смутные порывы тех, кто мечтал о новой жизни.

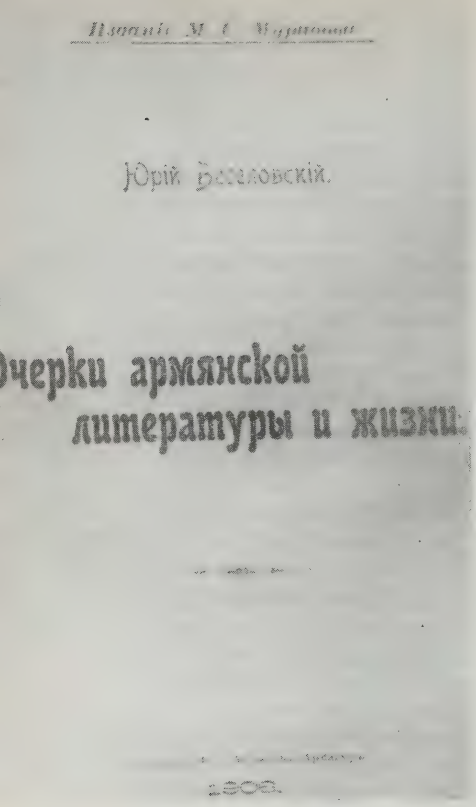
Каждый раз, когда мне приходилось бывать на могиле Патканяна, я испытывал какое-то особенно грустное и томительное чувство... Мне представлялось, что предо мною — могила великого неудачника, мечты которого так и не сбылись. В самом деле, вплоть до самой смерти Патканян не переставал скорбеть об участи христианского на-

селения турецкой Армении, изливая эту скорбь в правдивых, дышащих воодушевлением и негодованием стихах. Он воссоздавал страдания молодой девушки, задыхающейся в турецком гареме, тяжелую участь тружеников, сознающих, что их жизнь висит на волоске, описывал пожары, грабежи курдов, издевательства над христианской религией, насилия, пытки, поборы. Он громил тех из своих соплеменников, которые ничего не делают для своих братьев, щеголяют индифферентизмом и ренегатством, думают только о своих личных выгодах, — приветствовал, с другой стороны, все начинания и порывы новых людей. Он обращался к европейской дипломатии с горькими сетованиями и укорами, возмущаясь ее равнодушием к участи малоазиатских христиан...

Певец скорби и страданий, он иногда надеялся все же, что ему удастся дожить до лучших дней, видеть первые проблески новой, более отрадной для турецких армян эпохи. Но нет. Этой мечте не суждено было сбыться. Ни один примиряющий отрадный луч не озарил его печального заката. Он умер в тревожную, смутную пору, когда ничто не предвещало осуществления его грез и надежд. За два года до смерти, в 1890 году, он отозвался прочувственным стихотворением на трагические сцены, разыгравшиеся в Арзруме. Хорошо еще, что он не мог предчувствовать, умирая, какие события произойдут после него, — вроде сасунской резни, заставившей встрепенуться все европейское общество, или избиения армян на улицах Константинополя... Про него нельзя даже сказать, что он умер в преддверии обетованной земли, потому что вот уже десять лет прошло со дня смерти, а на его родном горизонте еще не занялась заря новой жизни.

Пусть песни Рафаэла Патканяна иногда поражают нас слишком суровым, непримиримым своим духом; пусть на неармянина производит подчас впечатление чего-то отживающего свой век эта страстная, горячая, почти болезненная любовь ко всему, что свое, и ненависть к врагам родины.

Чтобы понять все это и произнести справедливое суждение о творчестве Патканяна, следует представить себе тяжелую участь народа, среди которого сложились и которому посвящены были его песни. Они и не могли иметь другого характера. Поэзия Патканяна, с ее особым боевым, ярко тенденциозным колоритом, вполне соответство-



вала тому историческому моменту, который и теперь еще переживает турецкая Армения.

Одна особенность творчества Патканяна делает его близким и понятным для каждой нации, несмотря на его чисто национальный, местный колорит: это — заступничество за страдающих и угнетенных, готовность отстаивать интересы забитых, безгласных, затерянных среди моря варварства ванцев или мушцев, забывая о каких-либо посторонних соображениях, неизменно передавая более счастливым и избалованным жизнью людям жалобы и мольбы обездоленных и заброшенных.

Вспоминая неутомимую деятельность даровитого поэта, нашедшего последний приют в монастыре Сурп-Хач, его беззаветную преданность дорогим его сердцу идеалам и верованиям, можно смело сказать, что самым подходящим эпиграфом к характеристике его заслуг, его направления послужили бы следующие строки, попадающиеся в его стихотворении «Слезы Аракса»:

Пока сыны мои томятся,
Пока для них отчизны нет,
Я буду скорби предаваться,
И свят да будет мой обет!..

АКОП ПАРОНЯН

(1843—1891)

Когда мы знакомимся с биографией главнейших армянских писателей, с их настойчивой борьбой за дорогие им идеалы и бескорыстными трудами на пользу общества и народа, мы не можем отделаться от грустного чувства... Поистине безотрадное впечатление производит незавидная доля этих сторонников света и культуры, которым приходится не только страдать по вине отсталости и неподготовленности окружающей среды, но и выносить зачастую нужду, лишения, всевозможные невзгоды, брать неподходящие занятия или — умирать с голоду. За исключением единичных литераторов, которые могли, хоть на закате своих дней, чувствовать себя более или менее обеспеченными, иметь сколько-нибудь прочный и осязательный литературный заработок, большинство деятелей армянской словесности выносило до самой смерти томительные, ненормальные условия, не имея возможности всецело отдаться своему любимому занятию.

Вспомним, что прославившийся впоследствии своими патриотическими романами Раффи должен был в молодости заниматься торговлей, служить в качестве приказчика в каком-то тифлисском магазине, а Дурян, несчастный чахоточный юноша, с идеалистической, тонко чувствующей натурой, за свою слишком непродолжительную жизнь перебывал и аптекарским учеником, и приказчиком, и артистом, и учителем, причем нередко ему приходилось сидеть во время мороза в нетопленной комнате, так как не на что было купить дров... Вспомним судьбу редакторов многих армянских газет и журналов, которые употребляли героические усилия, чтобы поддержать существование своих изданий, не дать им закрыться, расположить в их пользу читающую публику, и иногда с трудом могли протянуть год или два, посвящая все силы, средства, досуг своему любимому детищу...

Если бы русская интеллигенция была лучше знакома со всеми этими характерными фактами, она, несомненно,

прониклась бы уважением к деятельности наиболее видных представителей армянской литературы и печати.

К той же категории писателей-неудачников, всю жизнь лишенных отрады и морального удовлетворения, принадлежал и даровитый сатирик Акоп Паронян, о котором мне хотелось бы сказать здесь несколько слов. Русская публика и пишущая братия мало знает Пароняна, потому что у нас почти нет статей, ему посвященных, и переводов его сочинений.

Между тем в истории новейшей армянской словесности мало найдется таких имен, которые заслуживали бы такого уважения и симпатии, как имя этого оригинального человека, который любил литературу более всего на свете и готов был скорее голодать, чем отказаться от своих обличений и сатирических нападок... Паронян — образец стойкости и энергии, человек с задатками чистокровного публициста, которые при других условиях могли бы еще более развиваться, принести еще больше пользы.

Чуть не вся жизнь Пароняна состояла из невзгод, разочарований и тревог. Почти никогда он не мог вполне спокойно заняться литературной работой, не думать о куске хлеба, о завтрашнем дне... Слава, популярность очень редко и только мимолетно улыбались ему. Его враги, обличенные и осмеянные им, старались всячески ему вредить, обнаруживали при каждом удобном случае свои мстительные инстинкты. Чтобы добиться хоть какого-нибудь случая литературного заработка, — в тех случаях, когда вообще могла идти речь о каком-либо гонораре, — Паронян должен был соглашаться на самые невозможные условия, довольствоваться нищенским вознаграждением. Каждый раз, когда он начинает издавать новый орган, мы заранее можем сказать, что его ожидают только преследования, невзгоды, хронический дефицит...

Особенно характерна в данном случае история одного из его изданий, «Хикара», — она показывает, насколько предан был Паронян своему любимому делу, на какие жертвы он был способен ради его процветания. В распоряжении сатирика было так мало денег, что ему даже не на что было нанять разносчика для доставки «Хикара» подписчикам. Ему приходилось лично разносить каждый номер журнала по домам.

Когда мы ближе узнаем главнейшие произведения Пароняна («Национальные герои», «Многоуважаемые попро-

шайки»[1], «Кварталы Константинополя» и др.), мы видим, что это был человек с безусловным талантом, яркой, сразу бросающейся в глаза сатирической жилкой. Конечно, некоторую роль в деле развития и выработки его дарования сыграло его знакомство с иностранной литературой. Известно, например, что он всю жизнь увлекался Мольером и хорошо изучил его творчество. В иных случаях мы невольно чувствуем, что французский драматург оказал свою долю влияния на армянского сатирика, заимствовавшего у него некоторые весьма удачные и благодарные комические приемы. Это сказывается, например в «Многоуважаемых попрошайках», где, в частности, насмешки над шарлатанами-врачами заключают в себе крупицу мольеровской веселости и неистощимого остроумия... С другой стороны, не могло не повлиять на Пароняна и знакомство с комедиями Аристофана, которые он, еще в очень молодые годы, прочел в оригинале. Наряду с греческим драматургом, он ценил и любил Лукиана, главные сочинения которого были даже переведены им по-армянски [2].

Независимо от всего этого, у Пароняна было природное сатирическое дарование, соединенное с большой наблюдательностью и культурными передовыми взглядами. Все отрицательные, смешные или темные стороны армянской жизни тотчас же бросались ему в глаза, давали материал для сатирических картинок и остроумных характеристик. Он принадлежал к числу тех армянских литераторов, которые не считают нужным скрывать и замалчивать язвы окружающей действительности и, свободные от квасного патриотизма и национального самообожания, борются с недостатками и пороками своего народа в твердой уверенности, что именно этим путем они могут принести ему всего больше пользы. «Скорбь Леона» Шахазиза, некоторые сатирические и обличительные стихотворения Патканяна, комедии Сундукянца — все эти произведения ясно показывают, что они созданы людьми, которые «любят ненавидя» и, посвящая все свои идеалы обществу и народу, отнюдь не склонны, однако, идеализировать и возводить в перл создания все свое.

---

[1] Не совсем правильно переведены заглавия произведений А. Пароняна; первое должно быть «Национальные тузы», а второе «Высокочтимые попрошайки».

[2] Паронян перевел «Разговор мертвых» Лукиана.

Насмешка Пароняна, иногда резкая и беспощадная, по большей части более тонкая, полная юмора, почти добродушная и все же попадающая не в бровь, а прямо в глаз, затрагивает едва ли не все отрицательные явления армянской жизни. Сатирик нападает на все затхлое, грубо материалистическое, полное эгоизма и низменных инстинктов. Он не щадит тех армянских купцов, которые своим образом действия дискредитируют иногда весь народ и дают пищу для диких армянофобских выходок и поспешных приговоров относительно всех армян как известной нации. От его проницательного взора не ускользнули и недостатки константинопольских армянских школ, старого, дореформенного типа, от которых веяло пылью и плесенью. Ему самому пришлось узнать на опыте, каковы были эти школы, где царила схоластика и где чуждые истинно европейского духа преподаватели неизменно придерживались старых педагогических приемов с телесными наказаниями во главе.

Нередко касается он и тех армян, которые заняли более или менее видное положение на турецкой службе, приобрели вес и значение, считают себя аристократами, высокопоставленными лицами и очень равнодушно относятся к участи своих единоверцев, предпочитая подлаживаться к тем, кто им нужен, может оказать им покровительство... Этот тип армянина-бюрократа, прекрасно ладящего с турецкими властями, вообще неоднократно изображен армянскими писателями.

Такая резкая, беспощадная, полная сарказма насмешка сравнительно редко отражается в сатирических произведениях Пароняна отчасти потому, что, живя постоянно в Турции, он не имел возможности вполне высказывать то, что чувствовал, но главным образом потому, что сарказм вообще мало соответствовал всему складу его натуры. Это мы видим, между прочим, в одном из лучших его произведений — «Национальные герои». Перед нами — серия биографий и характеристик различных общественных и литературных деятелей, иногда очень кратких, иногда, наоборот, весьма пространных и детальных. В этих юмористических характеристиках ясно отразились главные особенности дарования Пароняна. С другой стороны, они служили довольно ценным материалом для ознакомления с умственной жизнью армян в семидесятых годах. Нельзя не пожалеть о том, что «Национальные герои», даже в отрывках, не переведены на русский язык.

И странное дело. Несмотря на то, что сатирические нападки Пароняна носили несравненно более мягкий и осторожный характер, чем обличения и филиппики многих из числа наиболее известных европейских сатириков, ему приходилось выносить в течение едва ли не всей своей жизни преследования и интриги со стороны тех, кого он осмеивал и развенчивал в своих произведениях... Ему вредили именно те лица, которых он задевал, не думая о последствиях, не питая вражды ни к кому из них, как к частному человеку, стремясь, прежде всего, осмеять и обличить известный порок или отрицательное свойство, вредное для благополучия общества.

Когда Паронян после этого искал места, работы или хотел распространить в большой публике свои периодические издания, существовавшие на трудовые гроши, ему припоминали его недавние «вины», стараясь затормозить все его попытки выбиться на более широкую дорогу, обрекая его на тяжелую, полную лишений жизнь. Только после его смерти начался общий поворот в его пользу; его похороны превратились в очень внушительную национальную манифестацию, со множеством венков, депутаций, речей, с сочувственными некрологами в газетах. В таком запоздалом, посмертном чествовании всегда есть что-то особенно грустное, обидное, трагическое. Не странно ли видеть торжественный апофеоз человека, которому дали умереть от чахотки, не поддержав его в трудную минуту, не доказав ему на деле, что его бескорыстная деятельность на благо других была оценена обществом и народом...

От этих грустных мыслей о тяжелой доле писателя и неблагодарности большой публики, которая иногда «любить умеет только мертвых», забывая, что «бездушный прах не ценит роз, любовь по смерти — не отрада», вернемся еще раз к блещущему остроумием, жизнью, наблюдательностью творчеству сатирика, чтобы коснуться еще одной его вещи, о которой выше было только мимоходом упомянуто: ряда забавных, необыкновенно весело написанных картинок с натуры, носящих общее заглавие: «Многоуважаемые попрошайки». Здесь не затрагиваются сложные и животрепещущие общественные вопросы, не производится смотр наиболее видным константинопольским деятелям, как в некоторых других сочинениях Пароняна... Сатирик просто выводит целый ряд весьма забавных фигур, выхваченных из городской толпы, и показывает

нам их смешные и карикатурные стороны, иногда, быть может, несколько впадая в шарж, незаметно для себя самого. Во всяком случае нельзя читать без смеха эти безобидные, но живые и бойкие страницы, которые впоследствии имели большой успех и на сцене, когда «Попрошайки» были переделаны во что-то вроде комедии и разыграны армянскими труппами, между прочим, и в Закавказье.

Паронян изображает приезд в Константинополь богатого, но совершенно неразвитого провинциала, Абессаломаги, уроженца Трапезунда. Весть о прибытии этого человека, не замечательного ничем, кроме своего богатства, быстро разносится по городу, точнее: по тем слоям, которые надеются извлечь ту или другую выгоду из этого факта... Всевозможные неудачники, непризнанные гении, люди, желающие пожить на чужой счет, пронюхав неизвестно каким путем о приезде богатого и славолюбивого трапезундца, решают сделать его своей жертвой, искусно забрать его в свои руки.

С того самого момента, когда Абессалом-ага сходит на константинопольскую почву, начинается облава на него, ведущаяся очень искусно и настойчиво. К провинциалу являются по очереди редактор еле существующей газетки, бездарный и беспринципный поэт, доктор-шарлатан и т. д. Редактор вызывается за приличное вознаграждение поместить его биографию и характеристику, переполненную различными восхвалениями и пошлой лестью; поэт вымаливает у него деньги на издание какой-то трескучей и нелепой своей речи и обещает, опять-таки за известное количество золотых, воспеть его доблести в стихах, обратившись с призывом к своей музе, которую невежественный трапезундец считает «хорошей знакомой» поэта и убеждает последнего пригласить «эту музу» и от его имени; невежественный и лишенный собственного достоинства врач громит всех армян за отсутствие у них патриотического чувства, выражающегося в том, что они совсем не лечатся у своих докторов и поддерживают щедрыми гонорарами иностранцев, а потом навязывается со своими услугами Абессалому, намереваясь стать его домашним врачом, предлагая ему нелепые вопросы, прописывая какие-то лекарства от несуществующих болезней.

Общий характер «Многоуважаемых попрошаек», думается, достаточно выяснился из всего сказанного выше. Но вот что любопытно: мягкая, гуманная натура Пароняна

сказалась в том, что, изображая всю эту странную богему, накидывающуюся на необразованного, не знающего столицы провинциала, он подчас вызывает у читателя, наряду с презрением, почти гадливостью, что-то похожее на сострадание участие... В самом деле, по-человечески можно иногда пожалеть этих представителей свободных профессий, голодных, лишенных заработка, утративших стыд и собственное достоинство, принужденных мечтать, как о манне небесной, о протекции и помощи невежественного, ограниченного мецената или милостивца.

О деятельности Пароняна как публициста и редактора периодических изданий нам уже приходилось говорить выше. Необходимо отметить тесную связь с публицистическими статьями Пароняна, его фельетонами на злобу дня, с одной стороны, и его беллетристическими произведениями — с другой. И здесь и там мы находим одинаковый интерес к общественным вопросам, стремление озарять самые темные уголки родной жизни, смелость и выдержку, полное бескорыстие и честный, открытый характер нападок. Паронян любил до конца своих дней призвание публициста, столь неблагодарное, приносившее с собой так много разочарований и невзгод. В 1870 году он является редактором газеты «Пог Аравотян» («Утренняя труба»), просуществовавшей до 28-го номера включительно. В 1872—1873 годах, в течение четырнадцати месяцев, он редактирует прогрессивный орган «Мегу» («Пчела»), основанный еще в 1857 году, и ведет в нем решительную борьбу с разного рода злоупотреблениями, навлекая на себя вражду и преследования. Впоследствии он издавал и другие органы — «Татрон», «Хикар» (об этом издании у нас речь шла выше), не говоря уже об его сотрудничестве в чужих газетах и журналах. Любопытно, что «Татрон» (1872—1877) был восемь раз приостановлен под влиянием интриг врагов сатирика. Последний не считал, однако, возможным падать духом и отказываться от своего дела...

В 1894 году в статье, посвященной исполнившемуся в октябре этого года столетию армянской периодической печати [1], мне пришлось, между прочим, коснуться и деятельности Пароняна как журналиста. В одном из наших охранительных органов это место из статьи было процитирова-

---

[1] Столетие армянской прессы («Русские ведомости», 16 окт. 1894 г., № 286).

но наравне с некоторыми другими и сопровождено следующим ироническим замечанием: *Очевидно, что бедный Паронян принадлежит к числу Дон-Кихотов, ратовавших за отпетое, никому не нужное дело.*

«Отпетое, никому не нужное дело...». Да, в известный момент исторической жизни народа каждое дело, даже самое полезное, симпатичное, благородное, может казаться публике совершенно ненужным, какой-то странной роскошью... Но деятели вроде Пароняна всегда трудятся и для будущих поколений, верят в конечное торжество своих идей и культурных начинаний... И, кто знает, может быть, именно дон-кихоты, неисправимые, не всегда практичные мечтатели, всего более соответствуют прогрессу общества, энергично борясь с застоем и сном...

На Втором съезде писателей СССР в Колонном зале Дома Союзов. Справа налево: Луи Арагон (Франция), Ашот Арзуманян, Гегам Сарьян.

На Втором съезде ССП СССР. Слева направо: Ян Дрда (Чехословакия) за беседой с С. Зоряном.

А. ШИРВАНЗАДЕ

* * *

Я затрудняюсь сказать, имел ли кто-нибудь из русских писателей на меня особенное влияние... Одно знаю: русской литературой я увлекался только в лице ее корифеев: Тургенева, Толстого и Достоевского, — конечно, если говорить только о беллетристах.

...Я, конечно, воспитывался прежде всего на русском языке и на русской литературе... Я и иностранную литературу читал и изучал на русском языке, и только впоследствии стал французских и иных писателей читать на французском языке.

Меня очаровывал постоянно стиль Тургенева, глубокое знание человеческой души Достоевским и высокие, смелые идеи Толстого. В художественном отношении произведения Тургенева я считаю выше произведений всех других равносильных ему талантов. Только он один, по-моему, из всех русских беллетристов умел, так сказать, регулировать свой талант, и только он один обладал чувством художественной меры. Поэтому я им увлекался более, чем кем-либо из русских писателей. Достоевского я читал с великим чувством, и, быть может, он кое-какое влияние имел на мой роман «Честь».

И. ИОАННИСИАН

* * *

Не подлежит никакому сомнению, что умственная жизнь играла значительную роль в истории новой армянской литературы (конечно, в пределах России). За исключением группы известных деятелей, получивших образование в Дерптском университете в первой половине XIX века [1], все последующее поколение образованных армян, в частности — литераторов, воспитывалось в русских высших учебных заведениях и естественным образом подпадало под влияние русских поэтов и мыслителей, воспринимало их идеи, усваивало их мировоззрение.

Нынешние молодые поэты и вообще литераторы армянские, за редкими исключениями, даже другого иностранного языка не знают, кроме русского, и все *их развитие имеет источником русскую литературу и науку по преимуществу;* и с европейскими писателями они знакомятся почти исключительно при помощи русских переводов.

Лично про себя могу сообщить, что, хотя первыми поэтами, произведшими на меня сильное впечатление, были Байрон и Гейне, но потом я очень полюбил Пушкина и Лермонтова. В подражание «Евгению Онегину» я написал, будучи еще учеником Лазаревского института, целую поэму (никогда, конечно, не напечатанную). Из Лермонтова переводов у меня порядочно (между прочим, «Ангел смер-

[1] Здесь имеются в виду такие деятели, как автор патриотического романа «Раны Армении» Х. Абовян, С. Назарян и другие. Дерпт был одно время важным культурным центром для российских армян.

В. Брюсов и И. Иоаннисиан за работой (1916).

ти»), но я их не печатал. Из Пушкина несколько пьес в моем переводе напечатано было в юбилейном сборнике 1899 года [1] и в иллюстрированном журнале «Тараз».

Напечатаны были также следующие мои переводы: из Некрасова — «Новый год» в журнале «Арарат»; из Плещеева — «Вперед без страха и сомненья» в газете «Ардзаканк» («Эхо»); из Надсона (которого я очень любил, будучи студентом) — «Поэту» и «Друг мой, брат мой...» в книжке моих стихотворений [2]. Последние переводы я, по крайней мере, считаю довольно удачными, так же как переводы из Пушкина.

---

[1] Этот сборник армянских переводов из Пушкина (стихотворения, поэмы, пьесы) был выпущен к Пушкинским дням 1899 года, закрытым ныне тифлисским обществом издания армянских книг, сыгравшим видную роль в культурной жизни закавказских армян. Иоаннисиан перевел стихотворения: «Мне вас не жаль, года весны моей», «Поэты», «Недоконченная картина».

[2] Сборник стихотворений И. Иоаннисиана вышел в свет в Москве в 1887 году.

О. ТУМАНЯН

О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ[1]

Ревкому Армении

Алчная и преступная политика союзных государств, несамостоятельность и политическая близорукость армянских руководящих кругов, дикая, безудержная армяно-татарская вражда довели Армению до трагического положения. Отчаявшийся и покинутый всеми, армянский народ устремил свой взор снова в сторону России. И она пришла, новая Россия. Теперь новой, свободной России дано не только освободить армянский народ от надвигающейся опасности, но и обеспечить ему политическую независимость, примирить армянский народ с магометанскими соседями и повести армян по пути честной, трудовой жизни.

Малые страны — это источник наживы для алчных, бесстыдных и могучих империалистических держав. Новая Россия выводит эти страны из их рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества, и вот, наконец, будет создана сила, в которую поверят народы.

От души желаю, чтобы Россия быстрее избавилась от трудностей переходного периода. Побуждаемый этим, я

[1] О. Туманян, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1946, стр. 408—410.

хочу обратить внимание ревкома Армении на два знаменательных обстоятельства. В пору армяно-татарских столкновений дашнакцутюн играл главную роль. Он же был правящей партией и в последнее время. После переворота многие попытаются свести личные счеты. Дашнаки начнут плести козни, и если их не пресечь, они могут принести много бед. Имеется и второе обстоятельство, на которое я хотел бы обратить внимание: та часть армянской интеллигенции, которая находилась на службе при прежней власти, после переворота охвачена страхом перед неопределенностью своего нового положения. Эта тревога может рассеять и без того малочисленную армянскую интеллигенцию.

Ревком Армении должен вывести людей из этого смятения и помочь всем желающим служить своему народу. Это сказано не только мной — это звучит из сердца всех, кто ждет этого призыва. Новая, свободная Россия, идущая примирить армян и татар и совершить такое великое и спасительное дело, несомненно, доброжелательно отнесется к армянской интеллигенции, признает ее большую значимость и прислушается к голосу армянского поэта.

1920

* * *

Теперь вы там, наверное, часто вспоминаете меня, то есть мои статьи, в которых я писал, что наше спасение заключено в России. Наше правительство показало все свое ничтожество и несостоятельность.

Наконец, мы спасены руками новой, свободной России. Конечно, сейчас еще трудный, переходный период, но скоро все наладится и все будет хорошо.

Дружба между мной и большевиками от Москвы и до Еревана тесная. Я обратился с письмом в ревком и к Ленину, конечно, имея в виду общие интересы. С большинством членов ревкома я знаком лично, очень хорошие люди, если примирят нас еще с турками — будет прекрасно. Думаю, что скоро наладится железнодорожная связь и в предстоящие праздники мы увидимся. Либо вы приедете, либо я. Из моих произведений кое-что взяли для издания в Америку.

Имейте в виду, что происходящие события не случай-

ны. Таков прямой ход истории; наше будущее, как я и говорил всегда, да и вы это знаете, связано с Россией...

1920

* * *

Эта власть — единственный якорь, который может спасти тонущий корабль нашего народа.

Идет власть, которая должна навсегда покончить с кровью и разорением, создать вечный мир для народов. О такой власти в течение многих веков мечтало трудящееся человечество и, уходя, завещало эту мечту грядущим поколениям.

Присмотритесь внимательно к знаменам различных государств, и вы увидете на них почти всегда зверей и хищных птиц. На знамени же Советской власти — серп и молот. Тысячелетиями мечтали народы о мирном труде и мирной жизни, но на знаменах своих государств они видели лишь львов и волков, а у знаменосцев — окровавленные руки. На знамени же Советской власти человечество видит символ труда — серп и молот...

1921

* * *

Велик Кавказ, древний витязь, стоящий между востоком и западом, югом и севером. Его близкие небу высоты были жилищем богов. У подножия этих высот покоятся могилы и развалины, жилища и храмы древних народов, а вершины их сверкают над облаками близ солнца и звезд.

Великое дело быть приемным сыном Кавказа!

...К этому счастливому исключению принадлежат два великих русских поэта: Пушкин и Лермонтов. Заговорила ли в них горячая кровь их предков, или причиной тому был поэтический дух, родственный всему возвышенному и чистому, — кто знает, быть может, и то и другое, но они любили Кавказ, а Кавказ — их, и они стали навеки великими сынами Кавказа. И вот сегодня исполняется сто лет со дня рождения Лермонтова — одного из сынов великого русского народа, великого приемного сына Кавказа.

Война помешала отпраздновать светлое событие, кото-

рое должно было вызвать ликование, волнение в миллионах сердец всех народов и племен России.

Он родился с пламенной, возвышенной душой, которая еще с детства искала новых путей в окружавшем его сумраке России прошлого столетия, — с душой, отвергавшей жизнь, закованную в чиновничий мундир.

И свершилась великая драма.

Да, самая ужасная из драм, драма великих душ. Лермонтов разделил судьбу своего великого предшественника Пушкина.

И оба они на беспредельных равнинах России остались одинокими душами, непонятными и преследуемыми.

Почему же их преследовали в родной стране? Разве они не любили Россию?

Любил ли Лермонтов свою отчизну?

Любил, но «странною любовью», не той любовью, какой любили ее многие другие. Он открыто признавался, что ни слава, купленная кровью, ни спокойствие спесивого самодовольства, ни заветные предания темной старины не веселят его душу. А та «странная любовь», которой он любил Родину и которую он не окрестил никаким именем, щедро звучала в его творениях. Эту любовь никто не мог понять и оценить. Жизненную арену занимали или ничтожества, или те, о которых он говорил, что их подлые сердца облачены в мундир. Тогдашнее общество не понимало его, не ценило и изгнало из своей среды. Его преследовали тысячи глаз и рук.

От этого общества готов был бежать Пушкин.

От этого общества бежал в Персию Грибоедов.

Ко всему этому прибавилось огромное горе. Лермонтов боготворил Пушкина и увидел его оклеветанным и сраженным пулей.

И тогда родилось и загремело по России полное огня и ненависти стихотворение «На смерть поэта». Поэт кинул в лицо царской России такие слова обличения и гнева, каких еще она не слышала. И это решило все.

Он должен был удалиться.

И он удалился, простившись с Россией хозяев и рабов, с ее голубыми мундирами.

Может быть, он думал там, за горами Кавказа, укрыться от всевидящего ока и от всеслышащих ушей правителей!

Он искал пристанища для своей души и любви. Кавказ стал таким пристанищем для Пушкина и Лермонтова.

Разочарованные жизнью России того времени, изгнанные и преследуемые, они устремились к югу, и их израненным и оскорбленным сердцам бодро и ясно улыбнулись из-за облаков снежные вершины Кавказа. И они со всем пылом своих чувств прильнули к груди Кавказа, были усыновлены им и побратались с нами, кавказцами.

Когда настанет время праздновать столетие со дня рождения Лермонтова, мы, кавказцы, отметим эту дату не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является приемным сыном нашей общей матери — Кавказа, еще с детства мечтавшим о кавказском небе и о его синих горах [1].

1914

* * *

Пушкин — великий и великолепный поэт. Люблю его поэмы «Полтава», «Кавказский пленник», «Цыганы» и другие. Но больше всего люблю я его «Зимний вечер». Люблю эту вещь, потому что она подлинно русская. Это — жемчужина русской литературы.

В связи с этим расскажу один случай. В нынешнем году в Петербурге, после моего выхода из тюрьмы, группа русских писателей пригласила меня ужинать. Там был и Короленко. Мы познакомились с ним и очень подружились. Хороший он человек, настоящий русский. После ужина мы вышли вместе. Завязалась беседа. Заговорили о Пушкине. Он спросил меня, какое произведение Пушкина произвело на меня самое сильное впечатление, и очень удивился, когда я ему назвал «Зимний вечер». Сам он сказал, что любит «Евгения Онегина» и другие его поэмы... И все же «Зимний вечер», с моей точки зрения, — непревзойденная у Пушкина вещь. Как сжато, красиво и сильно она написана!

В этом произведении нет ни одного лишнего слова, а для поэта каждое слово — целый мир. И слову поэт должен придавать большое значение... [2].

1915

---

[1] О. Туманян, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1946, стр. 401—403.

[2] Там же, стр. 403.

С. ШАУМЯН

НЕДОУМЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

(Письмо в редакцию по поводу чествования памяти Л. Н. Толстого)

Смерть Льва Николаевича Толстого и все, что связано с этой смертью, властно приковывает к себе до сих пор внимание мира. Не только газетные деятели, журналисты, писатели, которых как бы их профессия обязывает к тому, чтобы считать смерть знаменитого «некоронованного короля писателей» крупнейшим событием времени, но и люди всех других профессий и положений — врачи, адвокаты, купцы, дворяне, рабочие, крестьяне, даже многие попы и чиновники, и притом все они, без различия нации и религии, —очень много говорят и думают по поводу этой смерти.

«Мир осиротел», — повторяют повсюду и выражают самую глубокую и искреннюю скорбь по поводу этой, по-видимому, тяжелой для всех, утраты. «Мир осиротел» —

не стало великого писателя, великого художника, великого человека и гражданина. Мало того: не стало — и это как будто больше всего причиняет горе людям — великого мыслителя, великого «учителя жизни».

Так говорят все.

Не отстал от других и наш город [1] в выражении своих скорбных чувств. И газеты наши, и наш литературно-художественный кружок, и городская дума, и все население, начиная от крупного капиталиста Г. З. Тагиева, пославшего телеграмму вдове покойного, и кончая некоторыми группами рабочих, — все откликнулись на это событие. И опять-таки все оплакивают в лице Толстого не только и даже не столько великого писателя, художника и т. д., сколько великого мыслителя и учителя жизни.

Это обстоятельство вызывало и вызывает во мне, пишущем эти строки, полном глубокого уважения к памяти покойного, большое недоумение.

Что в лице Толстого мир потерял действительно гениального художника, знатока человеческой души, творца «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Хозяина и работника» и других художественных произведений, облагораживающее и возвышающее влияние которого испытали на себе миллионы людей, — это вне всяких сомнений и споров. Что не стало крупного врага и обличителя современной общественно-политической и особенно церковной лжи, — это также известно многим.

Люди, читавшие гениальные художественные произведения Толстого и испытавшие вместе с автором глубокую скорбь при описании смерти того или другого из его действующих лиц, не могут не испытывать скорби перед лицом смерти самого Толстого, который превосходил всех своих действующих лиц как их творец, который вмещал их всех в своей чуткой и глубокой душе.

Не могут не призадуматься с болью над смертью Толстого и все те, кому дорога борьба против современной лжи, против господствующих ужасов.

Но странно, что люди — перечисленные выше категории людей — не ограничиваются признанием этих заслуг, несомненно великих, Л. Н. Толстого. Они чуть ли не все объявили вдруг Толстого еще и учителем и себя, следовательно, его учениками и последователями.

---

[1] Баку.

Может быть, это не так; может быть, тут кроется какое-то роковое недоразумение, но таково, несомненно, впечатление, которое производят все статьи в печатающихся ныне газетах (в том числе и местных), речи, которые произносились на собраниях, и телеграммы, которые посылались семье покойного и в столичные газеты.

В чем же тут дело? В невежестве ли нашем — в незнании того учения, которое в течение тридцати лет упорно и неустанно проповедовал Толстой, или в неосторожности, в неразборчивости в выражениях, в отсутствии чувства меры и ответственности в словах, которые произносятся в такую, казалось бы, серьезную минуту? Или же тайна тут заключается в чем-нибудь еще третьем?

Учение Толстого — это не есть только протест против поповщины, не есть только крик наболевшей души, выразившийся в словах «не могу молчать». И то и другое — это только отдельные частные эпизоды в его учении, это только негативная (отрицательная) сторона его учения, это, точнее, — отдельные поступки Толстого, которые хотя и связаны логически с его учением, но которые могут быть рассмотрены и оценены независимо от этого учения.

Толстой отрицал не только поповщину и смертную казнь. Он отрицал также всю нашу «мирскую жизнь», всю нашу культуру. Толстой был учеником Христа и учителем христианства. В течение тридцати лет он проповедовал, и проповедовал не шутки ради, не для слов, а для того, чтобы люди исполняли, — отречение от собственности, от государственной организации, от церкви, от судов, от семьи, от всего, чем живем, находясь в том или ином отношении к современным формам этих учреждений, все мы, называющие Толстого «учителем».

«Быть бедным, быть нищим, быть бродягой — это то самое, чему учил Христос; то самое, без чего нельзя войти в царство бога, без него нельзя быть счастливым здесь, на земле», — говорит с глубоким убеждением Л. Н. Толстой и предлагает людям во имя этого своего идеала прежде всего отказаться от собственности как главного источника зла на земле.

«Быть нищим, быть бродягой...» — и вот я спрашиваю себя, могут ли люди, все идеалы которых покоятся на собственности и богатстве, вся жизнь которых покоится на своде законов, определяющем четыре года каторги за бродяжничество и, нередко, смертную казнь за экспроприа-

ции (т. е. лишение других людей собственности), — могут ли такие люди сознательно и искренно называть Толстого «учителем»?...

Во имя непротивления злу насилием Толстой предлагает не признавать государственной власти, присяги, солдатчины, судебных учреждений, тюрем. Неужели же все эти врачи, адвокаты, судьи, купцы, редакторы и издатели газет и т. д., все те, которые признают, и не за страх, а за совесть, и государственную власть, и солдатчину, которые ежедневно миллионами уст присягают и судят в своих судах и сажают в тюрьмы «преступников», — неужели они искренни, когда оплакивают смерть «великого учителя жизни», «учителя любви»?

Во имя любви и того же непротивления злу насилием Толстой проповедует рабочим и крестьянам, этим девяти десятым человечества, как он выражается, отказаться от «ложного убеждения, что жизнь наша может быть обеспечена нашей борьбой с другими людьми». Не борьбу, а любовь и смирение проповедует Л. Толстой. «Трудящийся достоин пропитания, — говорит он словами Христа, — не может быть рассуждений о том, что человек, не имеющий собственности, умрет с голоду». Те, у которых есть собственность, эта одна десятая человечества сама позаботится о том, чтобы люди, не имеющие собственности, которые нужны им как работники, не умирали с голоду. «В последнее время, — уверяет в одном месте Толстой, — $^1/_{10}$ сознательно работает на то, чтобы $^9/_{10}$ кормились правильно». Христос сказал: «Не берите ни сумы на дорогу, ни 2-х одежд, ни обуви, ни посоха, — ибо трудящийся достоин пропитания». «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть; ибо трудящийся достоин награды за труды свои». Нужно только желание трудиться, и все будут сыты. Говорят, что дети, которые не могут работать, будут умирать с голоду. Неправда, отвечает Толстой. Люди воспитывают телят потому, что они в будущем будут им полезны. «Вот почему, — заключает он, — дети никогда не могут остаться без призрения».

Для Толстого не существовала самая страшная проблема современной жизни — безработица миллионов людей, желающих трудиться, чтобы быть «достойными пропитания», но не допускаемых к труду, проблема голодной и полуголодной смерти этих миллионов и их детей, офи-

циально регистрируемой ежедневной полицейской и всякой другой статистикой.

«Трудящийся достоин пропитания». «Никто не умрет и не умирает с голоду», — уверяет Толстой. А с другой стороны, быть нищим, быть бродягой — это высшее счастье на земле. И потому еще раз и всегда: «не борьба за пропитание, за лучшие условия жизни, а любовь, всепрощение и смирение...».

И вот я спрашиваю опять себя: неужели Толстого, так понимающего, или, вернее, так странно не понимающего самые основные вопросы современной жизни, рабочие могут сознательно называть «учителем жизни». Неужели они могут видеть в нем «великого мыслителя», перед которым, как перед мыслителем, им «вместе со всем человечеством» нужно преклоняться.

Можно было бы продолжать перечень основных тезисов учения Толстого и после каждого из них снова и снова ставить вопрос: да как же и почему люди называют Толстого учителем жизни? И самое главное: как же и почему же одновременно преклоняются перед Толстым как перед учителем, как перед гениальным мыслителем и моралистом и крупные капиталисты, и интеллигенция, и крестьяне, и рабочие.

Местная печать и местные ораторы, говорившие по поводу смерти Толстого, нисколько не пытались до сих пор разрешить эти возможные недоумения. Они называли и называют Толстого «великим мыслителем», «великим моралистом», «великим учителем», но нисколько не говорили нам о том, за что они так его называют. Они отмечали с удовлетворением и даже с восторгом, что гению Толстого удалось объединить в своем учении (или вокруг своего учения) все классы, сословия и нации, но не объяснили нам, в чем тайна этого удивительного явления.

Может быть, все это проистекало оттого, что местные писатели и общественные деятели, выступавшие до сих пор по поводу смерти Толстого, полагали, по нашему мнению, крайне ошибочно, что лучшей формой чествования памяти Толстого, является призыв к «великому молчанию»? Во всяком случае теперь, когда первая жгучая боль потери у них должна была уже пройти, теперь они обязаны ответить на недоумения читателей. Кто-то из них сказал, что смерть Толстого «обязывает к слову», но это «слово» понималось до сих пор исключительно как славо-

словие. Смерть Толстого обязывает, по нашему мнению, к слову, но к слову продуманному, искреннему и нераболепному. Нераболепному, ибо Толстой ничего так не презирал, как раболепное, слепое поклонение великим людям, героям, гениям. Вспомните, как глубоко возмущают его в «Войне и мире» люди, рабски поклонявшиеся великому Наполеону, каким убийственным презрением он клеймит польского полковника, бросившегося вплавь, вместо того чтобы проехать мостом через глубокую реку, и утопившего в ней массу народа, чтобы только выразить Наполеону свое обожание. И возмущенный отсутствием в людях чувства уважения к своему человеческому достоинству, он гордо говорит им: «Помните, что в каждом из нас нисколько не меньше, если не больше, величия души, чем в великих Наполеонах».

То же самое Толстой выражал позднее в своих религиозных сочинениях, говоря, что в каждом человеке живет сын божий и что все люди равны перед богом.

Где-то Толстой говорит, что он любит бога, которого он познал, но что больше бога он любит истину; если ему докажут, что он заблуждается, он откажется от своего бога.

Те, которые хотят достойно чтить память Толстого, должны помнить все это хорошо.

Любите Толстого, но истину любите больше, чем Толстого.

Толстой неоднократно с глубоким изумлением писал в своих произведениях: вот уже два тысячелетия люди европейских стран называют себя христианами, между тем жизнь их является полным отрицанием христианства. Люди называют Христа «учителем», а делают все противоположное тому, чему учил Христос. И он с горечью и изумлением отмечает, что вокруг имени Христа накопилось столько лжи, что спустя 1800 лет ему с большим трудом удалось «открыть», в чем заключается учение Христа.

Не смеется ли судьба над великим старцем? Весь мир поет ему славу, называет его великим моралистом, «учителем жизни» — и никто как будто не задается вопросом, почему мы его так называем, и все как будто, называя его учителем, делают все обратное тому, чему учил Толстой. И не придется ли когда-нибудь другим вновь «открывать», в чем заключается учение Толстого.

На все эти вопросы, на все наши недоумения нужны простые и ясные ответы, нужно правдивое, продуманное и (еще раз!) нераболепное слово.

Нужно также выяснить, почему такая одинаковая судьба связывает имена Христа и Толстого. Не заключается ли чего-либо рокового в самой сущности того учения, которое проповедовали и Христос и спустя два тысячелетия его ученик Толстой?

1910

О ГОРЬКОМ

Максим Горький — любимец русских рабочих. И это вполне понятно. Выйдя из народных «низов», писатель-самоучка, он развил в себе крупный художественный талант. Затем, достигнув верхов литературной славы, сделавшись кумиром официальной читающей публики, он пришел в своем естественном развитии к рабочим, которым принес свой художественный талант, стал под одно с ними знамя, сделался их певцом и бытописателем.

Максим Горький никогда не находился в лагере нынешних хозяев жизни, никогда не был «в стане ликующих, праздно болтающих». Но до 1905—1906 годов своим неоформившимся еще, розовым, демократически-бунтарским настроением, в своем качестве «поэтического буревестника», он мог быть любим официальной (т. е. буржуазной) интеллигентской публикой, делающей у нас «общественное мнение». Когда же Горький окрасился в ярко-красный цвет и повернулся спиной к буржуазному обществу, в том числе и к своей пишущей братии, успевшей, в свою очередь, за это время потерять всякий вкус даже к розовому цвету, — тогда Горький сразу лишился в их глазах своего обаяния.

Любовь вчерашних поклонников сменилась охлаждением, недовольством и даже злобой по отношению к нему. В настоящее время вы не найдете ни одной так называемой «прогрессивной» газеты, столичной или провинциальной, которая от времени до времени, в той или другой форме,

сознательно или бессознательно, не мстила бы Горькому за то, что он отвернулся от «общества» и пошел к рабочим. И, неразборчивая в средствах вообще, буржуазная печать не останавливается при этом подчас перед самыми непозволительными приемами, чтобы мстить своему вчерашнему любимцу. Образчики таких «приемов» мы наблюдали, между прочим, и у нас, в Баку, и на один из них, в связи с последними произведениями Горького, мы хотели бы обратить внимание читателя.

Читатель не забыл, наверное, геростратовой выходки рецензента газ. «Баку» С. Айвазова, который вдруг, неожиданно для самого себя, воспылал такой нежностью к певцу «примитивов», так сильно «пожалел» «бедного Горького», что даже редакции «Баку» стало от этого неловко. За ним последовал недавно другой сотрудник этой газеты — Гр. Старцев.

Недавний фельетон его о двух последних рассказах Горького («Жалобы» и «Мордовка») представляет собой такой типичный образчик буржуазно-интеллигентской «правды» о Горьком, что мы усиленно рекомендуем его вниманию читателя.

Вопрос в данном случае не в том только, нравится ли вообще Старцеву Горький, или нет, хоронит ли он его, жалеет ли, подобно своему доброму коллеге. Это все, может быть, в конце концов просто дело вкуса. Не нравится человеку Горький, и он высказывает это; хочется ему хоронить Горького — и хоронит. Что тут можно возразить? Но почтенный фельетонист не ограничивается в данном случае только этим; он доходит в своем рвении форменно до уголовщины, удивительной даже для таких «журналистов», как Старцев, и для таких газет, как «Баку».

Судите сами.

В рассказе «Жалобы», в котором, между прочим, под заголовком стоит в скобках: «воспоминания офицера», офицер, участвовавший в японской войне, повествует о своих впечатлениях, полученных на войне от солдат. Он «жалуется на них, на этих крестьян и рабочих, одетых в солдатские куртки, которые должны будто бы обновить Россию. Он говорит, что не верит в их активность. Русский человек, по его словам, «пассивен по своей природе» и не способен ни на что новое. «Русский не может быть социалистом — ему чего-то не хватает для этого». «Я не верю в социализм, — говорит жалующийся офицер, — его вы-

думали евреи, это просто попытка рассеянного в мире народа к объединению. Социализм, сионизм, это, вероятно, одно и то же для них...».

Далее офицер обрушивается в своих жалобах на вождей русского юношества (читатель догадывается, понятно, о каких вождях речь), обвиняет их в самых смертных грехах, называет их «обманщиками», «изменниками», чуть не убийцами по отношению к русскому юношеству. И вот выступает Старцев, который отождествляет Горького с этим офицером, уверяет читателя, что устами офицера говорит сам Горький... И — о ирония судьбы! — Старцев ополчается на защиту социализма, на защиту русского мужика и рабочего от нападок и от клеветы Горького. Можете ли представить себе, читатель, эту картину?...

Следующий рассказ Горького — «Мордовка». Старцев рассказывает нам, будто Горький в этом рассказе выводит тип рабочего-социалиста, преданного партийной работе; у него есть жена, которая недовольна этим и требует, чтобы он бросил партию и заботился исключительно о своей семье. В нем происходит, — рассказывает Старцев, — борьба; с одной стороны — товарищи, идеалы; с другой стороны — красивая жена. Любовь к жене, к ее красивому телу побеждает, и рабочий плюет на партию, на свои идеалы и отрекается он них. И Старцев расписывает все это, опять усматривая тут разочарование и жалобы Горького, находит, что Горький клевещет на рабочих. Он чуть не объявляет Горького черносотенцем — да, он рисует его так, он сравнивает его с ними! И опять благородная поза защитника рабочих от «жалоб» и клеветы Горького...

Но раскройте, читатель, первый номер «Современного мира» (за этот год) и прочтите этот хороший рассказ. Посмотрите, какие небылицы рассказывает нам Старцев. Правда, что в рассказе Горького есть рабочий Павел Маков и жена его Даша. Правда, что он — преданный партийный работник, а она и отец ее Валек недовольны им и часто упрекают его за то, что он интересы семьи (жены и ребенка) приносит в жертву великому делу, которому он служит. Но и только! Горький изображает, и изображает умело и правдиво, обычный в жизни передовых рабочих разлад с семьей и душевную драму, которую они переживают. Тут есть все перипетии этой драмы, но ни одного слова, ни одного намека на то, что Павел будто бы оказался побежденным, что он променял свои идеалы на красивое тело

жены. Павел Маков до конца рассказа остается тем же, чем он был в начале.

От начала и до конца рассказа ни Павлу, ни автору вопрос о том, будто нужно вообще выбрать одно из двух — семью или рабочее дело, — даже и не приходит в голову. Этот вопрос вовсе не стоит в рассказе.

А вы послушайте-ка г. Старцева. По его словам, и не на одного Павла жалуется Горький. «...Он не один. Горький жалуется, — уверяет Старцев, — что жены и семьи губят всех „сознательных" рабочих, обрывают крылья им и превращают в ничтожных, серых, мягкотелых людей». Старцев уверяет, что в глазах Горького бывшие «буревестники» превратились все в «мокрых кур».

И, понятно, Старцев опять «вынужден» защищать рабочих от клеветы Горького...

Для чего же понадобился Старцеву весь этот вымысел?

Сделал ли он это сознательно, или ему кто-нибудь удружил, неправильно передав содержание рассказов, и он, не прочитав их лично, второпях, поверив на слово другим, «отвалял» свою обязательную ежедневную статью, или же он читал рассказы, но с ним произошла известная психологическая аберрация, и он видел там то, что ему нужно было для того, чтобы написать именно такую «нужную» статью, — это, конечно, трудно разобрать.

Но это и не важно для нас. Важно то, что все подобные «критики», говоря о рабочем писателе Горьком, как и вообще обо всем, что касается рабочих, никак не могли обойтись — сознательно или бессознательно — без лжи, без передержек, без клеветы.

Горький — жалующийся, разочарованный и хнычущий, Горький — клевещущий на рабочих, на социализм. Горький — чуть не черносотенец!

Какой пощечиной является для Старцева и подобных ему рыцарей последняя статья Горького «О писателях-самоучках», помещенная в февральской книжке «Современного мира»!

Известно, что чем более Горький становился неприятен для господствующих элементов, для буржуазной интеллигенции, тем ближе и дороже он делался для рабочих, для пролетарской интеллигенции, для «демоса» вообще. Тыся-

чи нитей протягивались из сердца пробуждающихся к сознательной жизни, интересующихся литературой «людей из народа» к их славному собрату — писателю-самоучке Максиму Горькому. Кто чувствовал потребность излить свои чувства и думы перед близким человеком, в ком зарождалось желание написать что-нибудь, попытать счастье в литературе, посылал ему свои рукописи, письма, стихи. Среди корреспондентов Горького вы встретите рабочих, крестьян, сапожников, дворников, извозчиков, кухарок, горничных, проституток, торговку яблоками, прачку, кладбищенского сторожа, солдата, ссыльных, каторжан и пр. и пр. И все их описания, как видно из статьи, тщательно и с поразительной любовью и вниманием прочитываются и изучаются Горьким. Он переписывается со многими из них, дает им советы, когда его просят, указывает им, какие книги кому читать, как писать, что делать. Сквозь каждую строчку статьи проглядывает замечательно чуткая, благородная душа автора, отмеченная глубокой любовью к «людям страшной жизни», как он выражается о них. В русской литературе, по крайней мере современной, мы не знаем другого писателя, до такой степени морально чуткого и чистого, как Горький. Мы говорим это, понятно, не на основании только разбираемой статьи, но имея в виду все его произведения, всю его литературную деятельность.

«За время 1906—1910 годов, — пишет Горький, — мною прочитано более четырехсот рукописей, их авторы „писатели из народа". В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но — в них запечатлены живые человечьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чем думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы...».

И вот, чтобы поделиться с читателями своими впечатлениями от этих рукописей, Горький распределяет их по категориям, приводит большие выдержки из рассказов, писем, стихотворений своих писателей-самоучек. Он пытается установить, что заставляет их писать, о чем они пишут, как относятся к жизни и к литературе? Он сопоставляет литературу официальную, литературу печатную, с писаниями «самоучек», с литературой новой, идущей из «народных низов». В первой, говорит Горький, мы видим разочарование, «истерические капризные выходки признанных литераторов, уставших, как они заявляют, от слож-

ности и напряженности современной». Во второй — в литературе «простых и искренних людей», людей «страшной жизни», людей голодающих, пишущих часто из тюрем, из ссылок, с каторги, — здесь настроение «бодрое, дееспособное, часто восторженное».

Один из горьковских авторов пишет: «Чувствую, растет во мне сила великая», — сказал Илья Муромец старцам, когда выпил здоровую чашу браги; то же самое и я мог бы сказать о себе в духовном отношении. Внешне это было бы неудержимо смешно, я очень мал, слаб и мизерен и слабею от различных недостатков и переживаний с каждым днем. Досадно мне это, хотелось бы что-нибудь особенно хорошее, милое сделать на свете...

Другой, автор длинного стихотворения «Дни осени», рабочий, восклицает: «Кто знает, может быть я с ума схожу от радости, что живу на белом свете!». Горький приводит отрывок из названного стихотворения:

Угол Васи сыр и темен,
Жизнь полна тоски и зла,
Но — смеется Вася Демин,
Знает Вася: жизнь — светла!
Вася — крепкая натура,
И хоть от простуд проклятых
У него температура
Тридцать восемь три десятых,
Но Василий наш не стонет,
Не опустит он руки,
Ведь болезнь — души не тронет,
Остальное пустяки.

Другой стихотворец, крестьянин 23 лет, пишет:

Люди жизни несчастливой, жизни темной, сиротливой,
Вам я братски посылаю песню легкую мою,
Я пою цветы и травы, дев и женщин смех лукавый,
Радость жизни — нашу юность, нашу родину пою!
О тоске мне много пели, скорбь и горе надоели,
Всем на свете надоело тосковать и унывать,
Надоело спорить, злиться, сердце хочет веселиться,
Руки тянутся к работе — счастье новое ковать.

Есть много интересных отрывков в прозе — все в том же веселом, жизнерадостном, боевом настроении. Отметим особенно яркий и красочный отрывок, восторженный гимн природе и жизни, написанный рабочим, под оригинальным заголовком «Благодарю, природа!».

«Читатель может подумать, — говорит Горький, — что это искусственно подобрано и оттого звучит так громко!».

Но это будет несправедливо. Во-первых, возражает он, «чтобы собрать цветы, ведь надо же, чтобы они где-нибудь выросли!». Затем Горький сопоставляет свои писанные материалы с несколькими сборниками поэтов-самоучек, появившихся в печати за последние годы. В них во всех звучат те же самые бодрые ноты.

Приведем, в виду их интереса, несколько образчиков. Один пишет:

Да, товарищи. Не время скорбеть,
В нашем мире печалям нет места,
Песни надо иные нам петь,
Чтоб в них слышался голос протеста.

Другой — калужский крестьянин Савин:

Жизнь есть борьба,
Я в ней борюсь,
Пусть бьет судьба —
Не покорюсь.

Крестьянин Шкулев:

Только трудом
Все мы живем,
Труд наш отец,
Счастья кузнец,
С ним мы порвем
Цепи и гнет,
Смело вперед!

Горький приводит далее страшную автобиографию одного из таких поэтов-самоучек и затем ряд стихотворений его, полных тем не менее того же бодрого и радостного чувства. Приведем одно из них:

«К БУКВЕ»

К букве буква, к слову слово
Строки стройные растут,
К жизни светлой, к жизни новой
Безбоязненно зовут.

Час за часом, дни за днями —
В Лету падают года,
Жизнь цветет, горит огнями
Всемогущего труда.

Мысль и руки понемногу
В побежденной полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле.

Так бодро и уверенно звучит «непосредственный голос массы», голос «простых и искренних людей»...

Это обстоятельство служит прямым подтверждением того — бывшего всегда несомненным для пишущего эти строки — факта, что у нас в России так называемой «реакции масс», реакции снизу, не существует. Реакция наша по преимуществу правительственная, внешняя, материальная, захватившая, правда, буржуазные, особенно буржуазно-интеллигентские слои, но лишь краем задевшая широкие демократические массы. Только при близоруком поверхностном наблюдении и только человеку, смотрящему сквозь очки личной развинченности и разочарованности, человеку нетвердому в теории может показаться, что разрушение пролетарских организаций, союзов, клубов, отсутствие в их обломках, существующих в настоящее время, живой работы есть следствие усталости и разочарованности рабочих, следствие отказа их от старых идеалов вследствие внутренней реакции. Можно пожелать, понятно, нашим рабочим больше сознательности, больше знакомства с опытом их европейских собратьев, больше энергии в отстаивании своих позиций, отнимаемых одна за другой дикой реакцией сверху; но было бы несправедливо и неумно говорить, что они сдают свои позиции добровольно, в силу внутренней реакции. Повторяем, четыре сотни корреспондентов Горького из всех уголков России только подтверждают этот несомненный факт.

Читатель заметил уже, конечно, как отрицательно относится Горький к «капризным и истерическим выходкам» наших официальных литераторов и, с другой стороны, с какой радостью он констатирует бодрое, дееспособное настроение в массах, в низах. Чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет, мы приведем из статьи Горького, несмотря на ее большие размеры, одну в высшей степени яркую выдержку:

«...Когда читаешь жалкие признания культурного человека, который с печальной, некрасивой, а может быть, и мстительной откровенностью прокаженного обнажает гниющие язвы свои... становится жутко за страну, где интеллигенция почти через каждое десятилетие аккуратнейшим образом с головой погружается в болото фатализма и приходит к самобичеванию и самооплевыванию, ошибочно именуя это неизящное занятие самоусовершенствованием.

Искренно говоря — я никого не хочу обидеть. Зачем? Российский интеллигент сам себя превосходно обижает, он делает это всегда с болезненным каким-то усердием и сладострастием, точно Ф. М. Достоевскому экзамен по науке самоистязания сдает.

Но хотелось бы сказать: господа, если вас тошнит, не выбегайте на улицу во время этого процесса; по улице живые, здоровые, новые люди и дети ходят, и юноши, а им вредно смотреть, как вас вывертывает!

В молодой и милой стране нашей люди юны и чутки и — по юности своей — чудесно восприимчивы ко всему, а истерия и всякие судороги заразительны, и это надо помнить из уважения к жизни, к родине, к человеку! А из уважения к себе — не кричи, не стенай, и если пришло время умирать — умри в одиночестве, это красивее и гигиеничнее.

Мне, надеюсь, — продолжает Горький, — не поставят в вину такое отступление и не примут его как выходку злую, — я говорю с великой болью за всех, кому больно, с глубокой тоской, кому тошно, но — еще с большим страхом за молодых людей, которые поднимаются от земли навстречу культуре — поднимаются «весело» с «протянутыми к творческой работе руками» и которым вы нужны как друзья, как учителя, а не как примеры всяческих духовных искажений».

В этой страстной тираде — весь Горький!

Как похож он, не правда ли, на того Горького — разочарованного, хнычущего, жалующегося, клевещущего на рабочих, объявляющего социализм еврейской выдумкой, чуть не черносотенца, — каким вздумалось изобразить его буржуазной газете!

Заканчивая статью, мы полагаем необходимым указать еще на одно обстоятельство, о котором нельзя умалчивать, говоря о Горьком. Это — уже отмеченная марксистской

критикой недостаточно принципиальная выдержка Горького, отсутствие в нем ясного и последовательного марксистского мышления. В данном случае это выражается в неправильном, чисто народническом понимании Горьким роли и значения интеллигенции. Это заметно и в приведенном выше отрывке, и в цитате из Михайловского, при помощи которой, как рассказывает Горький, он защищал в своих письмах интеллигенцию от нападок своих рабочих-корреспондентов, и в некоторых неправильных выводах, которые делает Горький из своего богатого, в других отношениях хорошо разработанного материала. Мы не останавливаемся тут подробно на этой стороне статьи Горького. Скажем только, что эта ошибка со стороны Горького, к сожалению, не случайна. В миросозерцании Горького, по нашему мнению, имеется немало вообще народнических элементов. Есть вещи, которые, вероятно, уже трудно будет усвоить ему, и есть вещи, которые трудно будет ему позабыть.

И при всем том Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы!

И разбираемая статья Горького в общем, и другие его новые произведения: отмеченные выше «Жалобы» и «Мордовка», а также его прекрасные миниатюры о неапольских стачечниках и встрече детей забастовщиков в Генуе, появившиеся под заглавием «Сказки», еще более приблизили Горького к рабочим.

И рабочие с гордостью могут заявить: «Да, Горький наш! Он наш художник, наш друг и соратник в великой борьбе за освобождение труда!».

1911

С. СПАНДАРЯН

ТИФЛИС, 13 ЯНВАРЯ [1]

12 января, Татьянин день, день основания Московского университета, первого высшего учебного заведения России, первого очага света и знания, первого рассадника просвещения и научного мышления [2].

Основанный при Елизавете Петровне старейший университет дал России целую плеяду блестящих ученых, писателей, неутомимых искателей истины, пытливых исследователей жизни и природы.

---

[1] С. Спандарян, Статьи, письма, документы, Госполитиздат, Ереван, 1940, стр. 237.

[2] Московский университет основан 24 (12) января 1755 года.

Долгое время это был единственный храм науки на фоне крепостнической страны, долгие годы это была единственная лаборатория, откуда выходили сеятели «разумного и доброго семени».

Станкевич, Белинский, Герцен, Огарев, Грановский, И. Крылов и многие, многие другие светочи русской жизни вышли в жизнь из здания на Моховой и отдали кровь своего сердца и сок своих нервов на служение меньшому брату, на дело просвещения и освобождения своей страны.

Московский университет, alma mater большинства российской интеллигенции, в ходе русской жизни, в перипетиях борьбы разных общественных сил, в столкновении начал света и тьмы, угнетения и свободы, жизни и смерти — всегда высоко держал знамя свободной науки, принципы свободного научного исследования, начала прогресса и социальной справедливости.

В наше время, когда у нас, в Петербурге, заседает Третья Государственная Дума, когда русская литература завоевала и покорила весь мир, а русская наука заняла почетное место в ряду других стран, нашим университетам, нашей профессуре, нашей студенческой молодежи приходится вновь переживать мрачные времена Магницкого, только модернизированного и возрожденного. Идут походом против университета, против свободной науки все темные силы прошлого. Идут походом «третьеиюньские народные представители», курские дворяне, бессарабские государственные шуты [1], и рыцари первоначального накопления, и вооруженные браунингами «академисты».

Тяжкие испытания готовятся нашей науке, нашим университетам, но все же живой дух, живое начало, пройдя через все муки, выйдут победителями и обновленными.

Тому порукой — всемирная история, тому залог — железная логика развивающейся все вперед и вперед жизни человечества.

1911

[1] Бессарабский шут — так называли В. М. Пуришкевича.

о Л. Н. Толстом

Все еще не изгладились первые острые впечатления от смерти великого писателя земли русской, «святого старца», Л. Н. Толстого.

И всякое явление, всякий факт, имеющий хоть какую-нибудь связь, хоть отдаленную тень отношения к жизни, творчеству покойного титана, естественно, вызывает к себе громадный интерес во всех слоях общества.

Хочется ближе ознакомиться со всей многогранной духовной жизнью гениального поэта и писателя, хочется понять тех бессмертных героев его произведений, в которых столько лично пережитого и перечувствованного самим бессмертным автором.

1911

А. МРАВЯН

СКАЗКИ МАКСИМА ГОРЬКОГО[1]

Известно, что десять лет тому назад, в те дни, когда Россия переживала грандиозные исторические события, крупный русский писатель Максим Горький решительно примкнул к движению рабочего класса. Русская буржуазная пресса, которая до этого «принимала» Горького и считала его большим, талантливым писателем, в связи с этим подняла шум. Критики и публицисты различных мастей злорадствующе делали заключения об «увядании», «вырождении» таланта Горького и предсказывали, что «социал-демократическая программа» окончательно якобы погубит Горького как художника. Дело дошло до того, что один армянский «социолог» публично стал «оплакивать» «упадок» таланта Горького. Эти «мудрые критики» исходили из ошибочной точки зрения,

[1] М. Горький, Сказки, книгоиздательство «Жизнь и знание», Петроград, 1915.

что пролетарское движение будто бы является только и только социально-политическим движением и что это движение не имеет никакого отношения к художественному творчеству, так как оно внеклассово.

Пророчества буржуазных критиков не сбылись. Невольный странник, Горький удалился на итальянский остров Капри и начал творить с новой, необычайной силой, и за короткое время он выпустил в свет ряд талантливых произведений — «Лето», «Чудаки», «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Сказки», «Жалобы», а совсем недавно — «Детство» и другие. Эти произведения явились доказательством того, что пролетарское мировоззрение дало мощный размах и простор художественному творчеству Горького...

Какой буржуазный критик теперь посмеет сказать, что новые книги Горького слабы с художественной стороны, что созданные им образы фальшивы или надуманны?!

Оставляя за собой право вернуться еще к разговору о новых сочинениях Горького, на этот раз остановлюсь на его «Сказках».

В «Сказках» Горького нет ничего сказочного. Это — сама жизнь. Содержание их — будни трудового люда Италии, мысли и надежды, радости и горести простых людей. «Сказки» проникнуты глубокой человеческой искренней любовью и верой в счастливое будущее человечества. Вся книга дышит необычайным и заразительным оптимизмом, полна светлого мироощущения.

Кто герои Горького? Народ, народные массы — рабочие, работницы, рыбаки, крестьянки, дети... Правда, нарисованные Горьким крестьяне пока еще не освободились от предрассудков и тлетворного влияния католической церкви, но как глубок их жизненный инстинкт! Рабочие — сыны деревни — становятся на заводе социалистами. Их отцы, чувствуя притягательную силу социализма, благословляют своих детей на справедливое дело, потому что эта справедливость «отдает потом» рабочих.

Город... Вот какой-то мальчик приближается к нему. «А город — живет и охвачен томительным желанием видеть себя красиво и гордо поднятым к солнцу. Он стонет в бреду многогранных желаний счастья, его волнует страстная воля к жизни...».

Таков город у Горького. Это «страстная воля к жизни» — воля рабочего класса...

В нескольких «сказках» мастерски выписаны массовые сцены. В Неаполе во время забастовки служащих трамвая на площади собралась толпа забастовщиков, которая выражает свою решимость защищаться. Перед вокзалом в Генуе с необычайным ликованием встречают голодных детей забастовщиков из города Пармы.

«Да здравствует молодая Парма! — гремит толпа... Почти все дети расхватаны по рукам... Всюду веселое возбуждение, праздничные лица... Люди уходят, уводя и унося с собой детей... А из улиц, точно из огромных труб, красиво льются веселые крики «людей, идущих навстречу новой жизни».

В «Сказках» немало ярких образов рабочих. Великолепен рабочий, участвовавший в рытье Симплонского туннеля. Он взволнованно рассказывает о смерти отца во время рытья туннеля, о его последних ободряющих словах. Он рассказывает и о том, как рабочие туннеля, идущие навстречу с двух сторон, приближаются друг к другу, как рушится последний пласт породы и здесь, в глубоком и темном туннеле, незнакомые люди обнимаются, гордые сознанием величия свершенного ими.

Впечатляюще сильный образ рабочего-красильщика, который, подобно ибсеновскому Бранту, борется против предрассудков своей возлюбленной.

У Горького есть прекрасные сказки, посвященные детям. Дети — любимые герои Горького, «дети — цветы жизни», «их смех — самая чарующая в мире музыка». Образ Пепе очень удачен и оставляет глубокое впечатление.

В своих «Сказках» Горький воспел материнскую любовь. Вот образ любящей матери, которая безропотно ухаживает за своим уродливым сыном. А вот и другая мать, которая во имя родины вонзает нож в сердце сына-предателя.

Образ работницы, придавленной религиозными предрассудками, следует считать самым удачным среди женских образов в «Сказках» Горького (эта «Сказка» была опубликована и в «Пайкаре», в №№ 3 и 4 за этот год).

Герои Горького сознают трудности своего большого дела, в них сильна воля, они без колебания продолжают тяжелую борьбу.

После выхода в свет «Сказок» Горького никто не имеет права сказать, что жизнь рабочих не может вдохновить художника.

Несколько сказок Горького переведено на армянский язык. Две сказки в переводе А. Акопяна вышли отдельным изданием под заглавием «Два рассказа».

«Пайкар»[1], № 10,
6 марта 1916 г.

---

[1] «Пайкар» («Борьба») — армянская большевистская газета.

И. БРЮСОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В конце мая 1915 года после девятимесячного пребывания в районе военных действий в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» Брюсов вернулся в Москву, домой, к своему столу, к своим книгам. Несмотря на сильное переутомление, он был бодр, полон энергии, стремился как можно скорее приступить к осуществлению своих планов, то есть *дописать* незаконченное, начать ряд намеченных работ, напечатать тот «запас рукописей», который был привезен с фронта.

У Валерия Яковлевича был обычай заносить на бумагу все планы своих будущих работ или делать перечень всех своих занятий. Мне не удалось найти списка, относящегося к упоминаемым дням. Но в делах 1915 года сохранился та-

кой список, который, мне кажется, не лишен интереса. Он свидетельствует о широком размахе деятельности Брюсова и его исключительной трудоспособности. Поэтому, предвосхищая события на несколько месяцев, я хочу привести этот список.

Ноябрь. 1915 год.

Поэзия Армении. Редактирую — история Армении в связи с историей литературы.
Исследования. Переводы с армянского.
Поэзия латышская. Редактирую.
Переводы с латышского.
Драма для Малого театра.
Пишу повесть для «Русской мысли».
Пишу рассказ для «Биржевых ведомостей».
Пишу сцены для синематографа.
«Известия Литературно-Художественного кружка». Редактирую.
Статьи для них. Пишу.
Статьи для «Русских ведомостей». Пишу.
Статьи для «Энциклопедического словаря». Пишу.
Стихи для разных изданий. Пишу.
«Семь цветов радуги». Издаю.
«Избранные стихотворения». Издаю.
«Эдгар По». Издаю и пополняю.
«Обручение Даши». Издаю.
«Эротопегния». Издаю. (Переводы латинских поэтов).
«Miscelanea». Издаю.
Председательство в дирекции Л. Х. кружка.
Участие в комитете театров.
Участие в комитете «Свободной эстетики».
Участие в «Толстовском обществе».
Участие в разных концертах.
Письма.

Я убеждала Валерия Яковлевича отдохнуть после напряженной корреспондентской работы, но он и слышать не хотел об отдыхе. Пришлось вызвать тайно от него знакомого врача, назначен был полный покой, постельный режим. Два или три дня Валерий Яковлевич все же провел в постели, отдыхал, спал. Как раз в это время к нам были

присланы представители Московского армянского комитета. Мне очень памятно то утро, когда к Валерию Яковлевичу пришли — известный тогда москвичам армянский поэт Александр Цатурян и совершенно нам не известные Карен Сергеевич Микаэлян и Павел Никитич Макинцян. Они рассказали, что Московский армянский комитет постановил издать антологию армянской поэзии в целях ознакомления русской общественности с армянской художественной литературой.

Выполнение этого постановления было поручено комиссии в лице К. Кусикова, А. И. Цатуряна и К. С. Микаэляна, которые впоследствии привлекли к работе П. Н. Макинцяна.

Первой задачей комиссии было пригласить редактора для антологии. С этой целью члены комиссии вместе с поэтом Ваном Теряном отправились к Максиму Горькому в Финляндию и предложили ему стать редактором предполагаемого сборника. Но Горький отказался редактировать роскошное издание антологии, так как сам уже в это время предпринял свое издание сборника армянской литературы, предназначенного для более широких слоев населения. Горький посоветовал обратиться или к Бунину, или, что предпочтительнее, к Брюсову.

Представители Армянского комитета пришли к Валерию Яковлевичу, как сейчас помню, утром, около десяти часов. Я как раз выходила из дома; когда я открыла калитку, к изумлению своему увидела троих мужчин, стоящих на улице и пытающихся попасть к нам. Среди них был знакомый мне Александр Цатурян. Он поспешно поздоровался со мной и познакомил меня с остальными. Я вернулась с ними обратно в дом. Узнав, что они пришли, чтобы предложить Брюсову переводить армянских поэтов, я сказала им, что мне это предложение кажется несвоевременным, чуждым в данный момент Брюсову, у которого много других дел, заброшенных в дни корреспондентской деятельности. Но все же я разбудила Валерия Яковлевича, рассказав ему о приходе представителей Армянского комитета. Брюсов мне сердито: «Я сейчас не могу, ведь ты это знаешь?!». Тем не менее я попросила его скорее встать и выйти к гостям. Сама я распорядилась, чтобы накрыли на стол, и пошла по делу на четверть часа. Когда вернулась, все было, как говорится, решено и подписано.

В своем предисловии к «Поэзии Армении» Валерий Яковлевич пишет: «Я сначала ответил отказом. С одной стороны, мне представлялось невозможным редактировать книгу, относящуюся к той области знания, которая мне была едва знакома; с другой (сознаюсь в этом откровенно) — я не предвидел, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное мне самому».

Представители Армянского комитета были очень уступчивы, приняли все условия, стремясь уговорить Брюсова. Но дело было не в том, чтобы уговорить Валерия Яковлевича, а в том, чтобы его заинтересовать, увлечь, потому что он охотно делал только то, чем увлекался. И представители Армянского комитета сумели заинтересовать Брюсова поэзией Армении. Словом, возвратившись домой, я изумилась — мой упрямец уже согласился. Дело было решено — Валерий Яковлевич переводит народных поэтов Армении. Но с присущим ему серьезным отношением к делу он выдвинул два условия: первое — ознакомить его с литературой на русском и иностранных языках об армянской истории и армянской литературе, и второе — познакомить его с армянским языком, для чего ему будут давать регулярные уроки. Кроме того, Валерию Яковлевичу были обещаны подстрочные переводы и транскрипции.

По счастливой случайности, один из представителей комитета — Павел Никитич Макинцян — учительствовавший тогда в школе при Эчмиадзинском монастыре, проводил каникулы в Москве и поэтому совершенно свободно располагал своим временем.

Это о нем пишет Валерий Яковлевич в своем предисловии к «Поэзии Армении». «Один из представителей комитета, любезно приняв на себя обязанности быть моим учителем, моим профессором, начал давать мне уроки языка и читать мне курс лекций по истории армянской литературы».

Лекции начались и продолжались с небольшим перерывом около трех месяцев до отъезда Павла Никитича в Эривань. Макинцян оказался интересным, но требовательным и упорным преподавателем. Неукоснительно несколько раз в неделю проводились уроки. Избранный метод занятий был очень краткий, толковый и, если можно так выразиться, сконцентрированный, так что самые первые представления о языке Валерий Яковлевич получил очень скоро. На уроках присутствовала часто и я. Валерий Яковлевич и я

выучились читать и писать по-армянски. Но такого знания языка, конечно, было недостаточно, чтобы самостоятельно взяться за переводы с армянского, хотя бы новых поэтов, не говоря уже о средневековой лирике и стихах ашугов. Поэтому представители армянского комитета взяли на себя труд — делать подстрочные переводы и прилагать транскрипции к ним. Самый большой труд по работе над переводами выпал на долю того же Павла Никитича Макинцяна, который дал подстрочники всей народной и средневековой поэзии, а также произведений ашугов и многих современных авторов. Остальных новых поэтов перевел и транскрибировал Карен Сергеевич Микаэлян. Подстрочники стихов Ваана Теряна сделаны и транскрибированы им самим.

Вообще труд по транскрипции армянских стихов был проделан огромнейший. К тому же большинство народных стихотворений приходилось разыскивать в старых журналах, в рукописных песенниках.

За несколько месяцев занятий Валерий Яковлевич сделался восторженным поклонником армянской поэзии и армянского народа. Помню, с каким восторгом подыскивал Брюсов слова, которые передавали бы более или менее верно соответствующие звуки стихотворения Арутюна Туманяна «Ал линэм, хал линэм». Оно переведено Брюсовым так:

Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!

Я стал бы алым
Кораллом, ларлом
И снегом талым стал бы я...

Итак, Валерий Яковлевич переводил армянских поэтов с увлечением, с любовью. Как он говорил, он полюбил армянскую поэзию за ее мудрость и кристаллическую чистоту.

В одном из своих писем к кому-то из друзей Валерий Яковлевич называет армянскую поэзию «душой народа». В этом же письме он говорит: «Ни в чем так полно не выражался характер народа, его влечение, его задушевные мечтания, его пристрастия, как в народных песнях. Слагатели этих песен неведомы. Кто впервые пропел такую-то

песню, почти никогда нельзя узнать. Но если песня понравилась — ее подхватили. Другие прибавили к ней свое и откинули то, что казалось лишним; другие воспроизвели песню по-своему, приспособили к своему говору; сотни тысяч повторяют песню, пока каждое ее слово не стало как бы священным, так что изменить в ней хотя бы одно слово кажется уже преступлением. В таком закристаллизировавшемся виде песня может пережить века и даже тысячелетия. Что чуждо народу, то он отбрасывает; остается лишь то, что одобрено целым рядом поколений, всем народом в его целом, в его жизни сквозь века».

В своем предисловии к «Поэзии Армении», говоря о народной поэзии, Валерий Яковлевич, можно сказать, использует всю палитру красок.

Менее восторженно отнесся Брюсов к Шаракану, то есть сборнику, объединяющему древнейшие религиозные песни.

Зато не устает Брюсов восхищаться поэзией средневековья. «Лирика армянского средневековья есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества».

Я силилась вспомнить слова Брюсова, помимо написанных им в предисловии к «Поэзии Армении», об армянской средневековой поэзии, чтобы передать их и не повторять напечатанного, но припомнить отдельных высказываний не смогла.

Все воспоминания слились в один сплошной восторг Брюсова перед поэтами-монахами, воспевавшими любовь и радость жизни.

Одно из свойств, присущих в высшей степени Брюсову, — это скорость, быстрота в работе. Если Валерий Яковлевич бывал чем увлечен, не успеешь оглянуться, — уже все сделано. Павел Никитич проявлял не меньшую трудоспособность. Бывало, придет на урок, принесет целую кипу вновь переведенных подстрочников, с транскрипцией, с расставленными ударениями и с отмеченной цезурой стиха, с подчеркнутыми рифмами, с целым рядом примечаний на полях вроде: «*тар* — струнный инструмент, побольше саза. На нем струн больше. На сазе три, на таре — шесть-восемь; или *яр* — милый, возлюбленный; или хариса — очень вкусное армянское блюдо!!!». Или такое примечание к стихотворению Наапета Кучака «Крунк»: «Это самая популярная песня среди армян. Ее знает каждый, всякий

слыхал и сумеет спеть. Мелодия очень трудная, однообразно-тягучая, как все восточные песни, но имеет массу оттенков. Так что каждый певец поет „Крунк" по-своему!»

У Валерия Яковлевича к приходу Павла Никитича уже бывали готовы переводы, полученные накануне или за день до того. Макинцян был строгим критиком и, хотя он ценил переводы Брюсова, все же без стеснения высказывал свои суждения: это «не нравится», это — «никуда не годится!». И, к моему удивлению, Валерий Яковлевич в таких случаях бывал покладистым до неузнаваемости. Он, не обижаясь, покорно тут же переделывал то, что критик осудил, и стихотворение приобретало новое звучание, становилось лучше.

Но случалось и так, что перевод не поддавался переделке или почему-либо Брюсов не соглашался на переделку, тогда перевод оставался забракованным.

Каникулы у Павла Никитича кончились, и он уехал в Эчмиадзин. В одном из первых писем к Валерию Яковлевичу Павел Никитич сообщил ему, что, по обычаю ашугов армянских, тот ашуг, который чувствует себя побежденным в состязании, отдает победителю свой инструмент — саз или кяманчу. «До моего отъезда из Москвы, с первых дней нашего знакомства, я был ашугом, повествовавшим Вам об Армении. В день расставания я убедился, что Вы стали сами ашугом, умеющим рассказать об Армении больше и лучше, чем я». Вслед за этим письмом получена была посылка, в ней — маленькие саз и кяманча.

Павел Никитич и в Эчмиадзине не переставал интересоваться ходом работ. В каждом письме его, то ли к Валерию Яковлевичу, то ли ко мне, только и было разговору о сборнике.

Работа над сборником проделана была огромная и в самое короткое время. Беспредельно можно удивляться трудоспособности Брюсова. Хотя ему и помогали очень знающие люди, хотя ему и легко давались стихи, все же надо учесть, что, кроме переводов, немало времени отнимало и редактирование. У меня сохранились подлинники некоторых второстепенных переводчиков, рука редактора прошлась по ним настолько вольно, что, как говорится, живого места не осталось: буквально целые строфы написаны заново. К примеру, приведу перевод Сырейщиковой знаменитого стихотворения «Жаворонок». Переводчица переводит третью строфу:

И с тех пор пустынны тихие поля,
И родит репейник скорбная земля...
На земле больше счастья не сыскать,
Оттого люблю я до небес взлетать...

Брюсов так переделал перевод этой строфы:

Стал наш край родимый пуст
и молчалив,
И растет репейник вдоль армянских
нив,
На земле отныне нет покоя мне,
Оттого стремлюсь я — к ясной вышине.

Таких строф переведено Брюсовым не один десяток.

Кроме того, необходимо сказать, что работа над армянской литературой была не единственным занятием Брюсова в то время.

В дальнейшей работе над сборником, после отъезда П. Н. Макинцяна, Валерию Яковлевичу любезно согласился помогать Карен (Герасим) Сергеевич Микаэлян. Те же подстрочные переводы, те же транскрипции, но на долю Карена Сергеевича легли еще хлопоты по печатанию сборника, по приисканию бумаги, рисунков для обложки, шмуцтитула и др.

Когда сборник был сдан в печать, В. Я. Брюсов прочел с большим успехом свои переводы в «Обществе свободной эстетики».

Вслед за этим Валерий Яковлевич получил из Баку от «Совета Общества любителей армянской словесности» приглашение принять участие в устраиваемом ими цикле лекций в пользу армянских писателей-беженцев.

Брюсов принял приглашение, в конце 1915 года мы с ним выехали в Баку.

Восьмого января 1916 года Брюсов в Баку прочел первую лекцию «О поэзии Армении» и свои переводы. Успех был полным. Валерия Яковлевича приветствовали не только представители армянской интеллигенции, но и группы бакинских рабочих. Мне особенно запомнилась речь одного молодого рабочего, представителя группы армян, не владевших или слабо владевших родным языком. Для этой группы, по словам рабочего, переводы Брюсова с армянского были настоящим откровением. Через несколько дней (13 января 1916 года) с неменьшим успехом была прочитана Брюсовым вторая лекция.

Председательствовал на лекциях Брюсова выдающийся армянский поэт Иоаннес Иоаннисиан. Встреча Брюсова с Иоаннисианом была, можно сказать, встречей двух близких людей. Позднее знакомство поддерживалось дружеской перепиской. Мне Валерий Яковлевич не раз говорил, что ценит в Иоаннисиане дар поэта и неустанно повторял: «Иоаннисиан — истинный поэт!». Сохранился у нас портрет И. Иоаннисиана с надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу. И. Иоаннисиан».

Хорошо было в Баку, но уже были назначены лекции Брюсова в Тифлисе.

Центром литературной армянской жизни в те времена был Тифлис. Здесь вокруг поэта Ованеса Туманяна сгруппировались многие армянские литераторы. Вместе с милым и ласковым Ованесом Туманяном они устроили Брюсову самый дружеский прием. С прежним успехом повторил в Тифлисе Брюсов свои лекции.

Из всех моих воспоминаний о встречах в Тифлисе воспоминание об Ованесе Туманяне самое яркое. Все лица заслонены неизгладимым образом незабвенного поэта. Туманян встречал Брюсова, Туманян организовывал вечера выступлений Брюсова, Туманян созывал гостей в своей квартире в честь Брюсова. Туманян устраивал экскурсию на могилу Саят-Новы, Туманян повел Брюсова на гору Давида и в монастырь св. Давида, чтобы Брюсов поклонился праху Грибоедова, Туманян показал Брюсову знаменитый Тифлисский ботанический сад и окрестности города. Туманян помог нам выехать в Эривань. В дни войны дороги были до того загружены, что достать место в вагоне было невозможно, один из сыновей Туманяна занял для нас купе в пустом вагоне, еще задолго до начала посадки.

Вообще Туманян, будучи серьезным, вдумчивым поэтом, умел быть также милейшим и сердечнейшим человеком, заботливым отцом (он любил хвастаться своими детьми), и вместе с тем это был остроумнейший собеседник.

Когда мы, возвращаясь из Эривани, вторично приехали в Тифлис, Туманян и Брюсов встретились, расцеловались, как близкие. Не требовалось большой наблюдательности, чтобы увидеть на их лицах какое-то особенно затаенное теплое чувство.

Встреча их в Москве в последний год жизни Туманяна не состоялась. Произошло это, в большей мере, по моей вине.

Я навещала больного Туманяна в больнице перед его операцией. Видя перед собой живо всем интересующегося человека, я не могла вообразить, что дни его сочтены. Я уговорила Брюсова отложить встречу до выздоровления Туманяна.

К концу нашего пребывания в Тифлисе туда приехал П. Н. Макинцян, чтобы уговорить Валерия Яковлевича приехать в Эривань и там прочитать хотя бы одну лекцию, а оттуда поехать в Эчмиадзин.

Валерий Яковлевич согласился, самому захотелось побывать в Армении, о которой он так много слышал, читал и размышлял во время работы над армянскими поэтами.

Путь до Эривани был много длинней, чем бы следовало, по моему понятию. Изумила нас близость окружающих гор. В Эривани особенно запомнились «караван-сарай» и та часть города, где торговали коврами, которые расстилались прямо по тротуару, чтобы прохожие могли их утоптать и этим улучшить их качество.

Брюсов с успехом прочел в Эривани две лекции под председательством Ваана Теряна. После первой лекции Валерия Яковлевича обступили, дружески с ним беседовали. Брюсов, скромничая, благодарил и довольно много говорил, но я не могла подойти, чтобы слышать, о чем шла речь. Вторая лекция была вслед за первой.

Из Эривани в Эчмиадзин мы выехали веселой компанией, после какой-то очередной трапезы, где снова звучали речи, слышались тосты, самые дружественные, самые трогательные. Брюсов, понятно, не остался в долгу. Его речь выражала глубокую признательность армянскому народу, так горячо приветствовавшему его за выполнение переводческой и редакторской работы. Даже я произнесла приветствие по-армянски, написанное мне кем-то из новых знакомых.

Речи еще не кончились, как нас известили, что машина ждет. И мы — Брюсов, Терян, Макинцян, епископ Гарегин и я — не медля, стали усаживаться. Епископ Гарегин всю дорогу занимал нас разными преданиями и легендами о горах Арарате и Алагезе.

В Эчмиадзине П. Н. Макинцян повел нас прежде всего в свой учительский зал, где толпились учителя-монахи, с которыми работал Павел Никитич. Всем учителям уже был известен Брюсов, знали даже меня, ибо я однажды в очередном письме-уроке к Павлу Никитичу, желая

перевести слово «несчастный», написала беанбахт. Макинцян в ответном письме объяснил мне мою ошибку, но показал скучающим учителям мое писание, и им запомнилось неожиданное слово. Стоило мне войти в зал вместе с Валерием Яковлевичем и Павлом Никитичем, как я услышала повторяемое всеми сочиненное мною слово: беанбахт, беанбахт.

Брюсов был приглашен в Эчмиадзин прочитать лекцию об армянской поэзии. Понятно, Брюсов не повторил ни одной из ранее прочитанных им в Армении лекций. Все слушали его с интересом, были довольны. Затем мы отправились в столовую — опять угощение и чествование.

О своей поездке в предисловии к «Поэзии Армении» Брюсов говорит:

«...Мое маленькое путешествие как бы увенчало первый период моих работ по Армении, позволив мне подтвердить живыми впечатлениями кабинетные соображения и проверить по критике или одобрению авторитетных лиц те выводы, к которым я пришел, работая самостоятельно».

Во время этой поездки в Закавказье Брюсов познакомился со многими армянскими поэтами, писателями, деятелями культуры. Но ему не суждено было встретиться с Аветиком Исаакяном, поэзию которого он очень любил и ценил. Брюсов сравнивал его стихи с лучшими образцами лирики современных поэтов разных стран, отмечал в них неповторимое своеобразие, присущее армянской поэзии.

Вспоминаю, с каким сокрушением сердечным отдал Валерий Яковлевич, при распределении переводов, лирические стихотворения Исаакяна Вячеславу Иванову и Александру Блоку. Брюсову самому хотелось их переводить. Но что касается поэмы «Абдул Ала-Маари», то ее он не уступил никому. Форма этой поэмы настолько пленила Брюсова, что не будет преувеличением сказать: он влюбился в нее.

Когда мы получили и прочли переводы Вячеслава Иванова, я выразила свое удивление тем, что переводчик передает особенность армянской поэзии стилем русского народного стиха.

Валерий Яковлевич, оценив художественное достоинство перевода, не стал мне возражать. Он не был говорлив дома. Но по выражению его лица я поняла, что переводом он не особенно доволен. Речь идет о стихотворении Исаакяна, напечатанном в «Поэзии Армении» в переводе Вячеслава Иванова.

Гиацинту ли нагорий
Соловью ль, певцу садов,
Ветру ль мне поведать горе,
Тени ль беглых облаков...

Когда мы прочли этот перевод, Брюсов замолчал, уставил взгляд в одну точку и взялся за перо, придвинув к себе подстрочный перевод. Я занялась каким-то делом, зная, что в такой момент нельзя мешать поэту. Через некоторое время Валерий Яковлевич позвал меня: «Ну, вот, слушай!» и прочел мне то же стихотворение в своем переводе:

Внемлите все тоске моей!
Ты, гиацинт! Вы, розы гор,
В саду поющий соловей
И ветры, бьющие простор!

Померкло небо, нет земли,
Бездомен, нищ, рыдаю я!
Яр увели, джан увели,
Навзрыд, навзрыд рыдаю я.

Ах, яр моя! Ушла ты вдаль.
Меня забыла и ушла.
Мою тоску, мою печаль
Не исцелила и ушла.

Внемлите ж все тоске моей,
Ты, гиацинт! Вы, розы гор,
В саду поющий соловей
И ветры, бьющие простор!

Перевод этот при жизни Брюсова не был напечатан. Брюсов, как всегда, стремился сохранить при переводе колорит армянского подлинника.

Есть еще одно стихотворение Аветика Исаакяна, которое Брюсов перевел, видимо, уже после Блока. Этот брюсовский перевод напечатан в «Сборнике армянской литературы» (под редакцией М. Горького).

Надо полагать, что и тут стилизация под русскую песню пришлась не по вкусу Валерию Яковлевичу. Может, и размер подлинника не выдержан. Речь идет о переводе А. Блока в «Поэзии Армении», начинающемся:

«Словно молнии луч, словно гром из туч...».

Особенно заметна стилизованность во второй строфе:

А утихнет бой — не ищи меня
В удалой толпе боевых друзей.

Ты ищи, сестра, ворона коня,
Он копытом бьет в тишине полей...

Вот перевод этого стихотворения, сделанный Брюсовым:

Как с громом тучи выплыли в простор,
Так я пошел с тяжелым сердцем в бой;
Как облака чрез те уступы гор,
Ушел и я, сестра, простясь с тобой.

Ах не ищи, где милый твой, сестра,
Среди пришедших с битвы молодцов:
Примчится конь, с уздой из серебра,
Но, одинок, заржет он средь полей!

Ах, не ищи, где милый твой, сестра,
Среди друзей веселых, на пирах:
Повеет ветром черная гора,
Засыплет пылью мой безмолвный прах!

И матери чужие посетят
Мою могилу, окропят слезой;
Меня чужие сестры навестят
И розы будут сыпать надо мной...

После выхода в свет «Поэзии Армении» Валерий Яковлевич не переставал интересоваться армянской литературой. Так, сборник еще не вышел, а Брюсов уже работал над «Летописью исторических судеб армянского народа». Эта книга вышла только в 1918 году из-за типографской задержки.

Кроме того, в архиве Брюсова сохранилась «Записка об издании сборника „Айастан"» — развернутый план издания прозаического сборника, который должен был ознакомить русского читателя с культурой армянского народа за века его существования. Эта «Записка» была направлена Брюсовым в Армянский комитет 15 февраля 1917 года. А незадолго до этого, в январе 1917 года, по приглашению Бакинского совета Общества любителей армянской словесности Брюсов совершил вторую поездку в Баку для чтения лекций.

Заканчивая воспоминания о нашем с Валерием Яковлевичем путешествии в Закавказье в связи с его переводческой, исследовательской и редакторской работой над армянской поэзией, я позволю себе привести здесь стихотворение Брюсова «К армянам», написанное 23 января 1916 года в Тифлисе.

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятенье стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны:
При Чингисхане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но — воин стойкий — под ударом
Ваш дух не уступил Судьбе;
Два мира вкруг него недаром
Кипели, смешанны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В круженьях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа, —

И ключ божественной услады,
Нетленный в переменах лет:
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали — обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок.

Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем.
Так! Прошлое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

Я душевно сожалею, что Валерию Яковлевичу не удалось увидеть новую Советскую Армению, расцветшую под солнцем великого содружества народов.

«Литературная Армения», журнал, № 5, Ереван, 1959.

ПИСЬМА ОВАНЕСУ ТУМАНЯНУ[1]

Дорогой Иван Фадеевич!

Стыдно мне, — и безмерно стыдно, — что я до сих пор не писал Вам, еще не благодарил Вас и всю Вашу семью за ту исключительную ласку, с какой Вы нас встретили в Тифлисе. Не оправданием, а объяснением моего молчания может служить лишь то, что все это время я был занят, поглощен, увлечен именно нашим Армянским сборником. Таким образом, духовно я все время был с вами, — и с Вами лично, так как вдумывался в Вашу поэзию, переводил Ваши стихи, писал об Вас, и со всем тем миром армянских поэтов прошлого, который Вам так дорог. И хотя я не написал Вам ни одного письма, не проходило дня, чтобы я помногу раз и помногу не думал об Вас, невольно вспоминая с сердечной признательностью и Ваш облик, насколько я успел Вас узнать в те незабвенные для меня тифлисские дни. И, уже только на втором месте, скажу, что все это время (почти три месяца) я был *нездоров;* но это одно, конечно, не могло сколько-нибудь объяснить мое молчание, потому об моем нездоровье больше не скажу ни слова. Хворал, это — дурно и — все.

О сборнике Вы, может быть, знаете кое-что из газет (армянских и русских). Уже скоро мы будем иметь большую радость (я не без чувства робости перед Вашим су-

[1] Сб. Об армянской литературе, Статьи и исследования русских писателей и ученых, Армгиз, Ереван, 1941, стр. 230—232.

дом) — доставить Вам один из самых первых экземпляров. Не буду упреждать события и не буду говорить о достоинствах книги — да мне, как ее редактору и главному сотруднику, это не пристало. Но считаю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги она возбудила в широких кругах русских читателей интерес к армянской поэзии. Недавно я читал лекцию о «Средневековой армянской поэзии» (от Григория Нарекского до Саят-Новы) в университете (в О-ве любителей рос. слов.) и мог убедиться как заинтересованы читатели, раньше и не думавшие о существовании армянской поэзии. И я получаю много писем от армян и русских, свидетельствующих об том же. Если достигнута будет одна эта цель, и то я признаю свою работу окупившейся в сто и более раз.

К Вашим стихам, как Вы уже знаете, прибавили перевод «Капли меда». Мне передача сказки кажется очень удачной, — сколько я могу судить, конечно, «Ануш» переведена вся (Вяч. Ивановым), хотя действительно «вольно», но прекрасными стихами. Один композитор, ознакомившись с переводом, высказал желание писать оперу на сюжет «Ануш». Конечно, недостатки сборника я знаю и чувствую их острее всех, но надеюсь, что есть в нем и достоинства, это меня утешает. Во всяком случае, в книге (помимо поэзии средневековой и народной) центральное место занимают стихи — Ваши, И. Иоаннисиана и А. Исаакяна, одно это уже мне кажется заслугой... Но простите, что я говорю только о сборнике: повторяю, все эти месяцы я только им и занят, только им «живу», следовательно весь в сфере армянской поэзии.

Еще, еще и еще раз прошу Вас принять мою и Иоанны М. признательность за все внимание, которое Вы проявили к нам. И верьте, что, независимо от этого, воспоминания о моей встрече с Вами остаются — и всегда останутся — в числе самых дорогих мне. Увы, не так часто приходится и мне встречаться в сей жизни с поэтом в полном, в прекрасном смысле этого слова. Не откажите передать наши сердечные приветствия Вашей супруге и детям — всем, кто с Вами и кто (надеюсь, уже ненадолго) разлучен.

Душевно преданный Вам
Валерий Брюсов.

Москва, 13 апреля 1916 г.

Дорогой и многоуважаемый Иван Фадеевич!

Не знаю, как извиняться перед Вами — в том, что вовлек Вас в хлопоты, обещав приехать в Тифлис, а потом принужден был отказаться от этой чести и удовольствия. Ибо, поистине, я считаю большой честью читать под Вашим председательством, и для меня было бы огромным наслаждением вновь увидеться с Вами и со всем тем тифлисским кругом, который так радушно встретил нас, И. М. и меня, в прошлом году и который мы сердечно полюбили. Но судьба судила иное. Во-первых, лекции мои в Баку затянулись, а в Москве ждали меня неотложнейшие дела; во-вторых, под влиянием известной усталости я почувствовал себя недостаточно бодрым, немного нездоровым и опасался, что новое напряжение для лекций в Тифлисе заставит меня совсем расхвораться; в-третьих, последовало вдруг распоряжение о прекращении проезда по железным дорогам по 15 февраля, что заставило меня крайне поторопиться отъездом. Как бы то ни было, я решительно не мог ехать в Тифлис, и еще раз очень, очень извиняюсь в этом перед Вами. Если Вы все же хотите, чтобы я прочел одну или несколько лекций в Тифлисе, я постараюсь приехать именно для этих чтений во вторую половину поста. Разрешите подробнее написать Вам об этом плане из Москвы, когда выяснится точнее, в какие дни мне можно будет предпринять это путешествие. Теперь же я должен только просить Вас отнестись к моему отказу снисходительно и верить, что мне больше всех было грустно отказаться от мечты увидеться с Вами и вновь побывать в Тифлисе. Наиболее пострадавший в этом все же я, так что не лишайте меня Вашего доброго расположения, которое мне так дорого...

Вас лично от души благодарю за доброе внимание и за предупредительное желание устроить мою лекцию. Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта, и сердечно предан Вам за все Ваше дружественное к нам отношение.

Глубоко уважающий Вас
Валерий Брюсов.

Москва, 1 февраля 1917 г.

А. ЦАТУРЯН

* * *

Влияние русской литературы на армянскую (на литературу русских армян, конечно), по-моему, велико, и *трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние.* На одних оно отразилось сильнее, ярче, других оно коснулось не так сильно, не так заметно, но никто из них, думаю, не миновал этого влияния. Разве только составляют исключение Абовян и Прошян, которые проявляют полную самостоятельность и самобытность.

Что же касается влияния русской литературы и особенно русской поэзии на меня, то оно огромно. Моя скромная лира многим и многим обязана этому влиянию. В силу тяжелых условий и обстоятельств моей жизни я не получил серьезного образования, я рос и развивался умственно и духовно только благодаря прежде всего, конечно, родной, а потом уже русской литературе. Наряду с родными авторами [1], я зачитывался также русскими писателями, — вначале, правда, без разбора, но потом уже постепенно я стал к каждому автору, к каждой книге относиться осмысленно, разборчиво... Было время, когда я между прочими русски-

[1] Из армянских писателей всего более повлиял на Цатуряна Шах-Азиз.

ми писателями сильно увлекался... Всеволодом Соловьевым! Я почти пожирал его исторические романы, написанные в духе и во вкусе чувствительных институток и пансионерок... Но, слава богу, это увлечение прошло совсем бесследно, уступив место постепенно возраставшей любви к славным и ярким представителям русского творчества! Особенно полюбил я из русских беллетристов Тургенева, с его поразительно художественною, образною речью, с его мягким, нежным, грациозным талантом, который не бушует, не бьет бурным ключом, а, легко волнуясь, разливается в его произведениях как величественно-широкое и глубокое море. И сколько ослепительно ярких, чудных перлов в этой глубине.

Полюбил я и Гаршина, с его светлой, как кристалл, чистой, непорочной душой, для которой мир казался какою-то теплицей, где без солнца, без свежего воздуха гибнут люди, увядают чувства и желания, — и откуда душа эта рвалась и сама и людей звала с собою ввысь, к небесам, к свету, к лучезарному солнцу добра и правды!

Из русских поэтов особенно горячо полюбил я Лермонтова... Моя скромная лира всегда с благоговением и священным трепетом смотрела на этот величественно-грустный, поэтический облик. Этот беспокойный, вечно томящийся дух, этот «одинокий парус» на море житейском, вечно ищущий бури, «как будто в бурях есть покой», меня очаровывал, меня приводил в глубокое волнение...

Отразилось на мне также влияние Плещеева и Надсона, в особенности первого. Добрая, кроткая, детски ласковая и нежная лира Плещеева мне всегда представлялась сестрой милосердия, которой чужды злоба, ненависть, для которой нет ни эллина, ни иудея... [1].

Из произведений русских авторов мною переведены: «Ася» и «Стихотворения в прозе» — Тургенева, «Бог правду видит, да не скоро скажет» — Толстого, «Сигнал» — Гаршина, «Христова ночь» — Щедрина, целый ряд (более полутораста) стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Плещеева, Надсона, Майкова, гр. А. К. Толстого и других.

---

[1] Влияние Надсона чувствуется в таких стихотворениях Цатуряна, как «Могучие песни», «Не я пою», «Неужели мой друг», «Пасхальные размышления» и др. Ср. нашу статью «Некоторые мотивы современной армянской поэзии» в книге «Очерки армянской литературы и жизни» (Армавир, 1906).

НАР-ДОС

* * *

Нет сомнения, что я очень многим был обязан русской литературе, в особенности — повествовательной ее ветви, которую, в лице ее лучших представителей, я ставлю гораздо выше повествовательного творчества всех других народов.

На меня лично наиболее сильное влияние оказали четыре писателя: Тургенев (которого я обожаю), Гончаров, Толстой и Достоевский; их сочинения еще в юношеском возрасте я прочел, так сказать, одним духом. Особенное впечатление произвели на меня: «Дворянское гнездо», «Рудин» и «Отцы и дети» — Тургенева, «Обломов», «Обрыв» — Гончарова, «Анна Каренина» — Толстого, «Идиот» — Достоевского. Из новейших русских писателей я очень люблю Чехова, каждая маленькая вещица которого, на мой взгляд, стоит многотомного романа. По моему мнению, из новейших русских беллетристов один Чехов является носителем лучших традиций русского повествовательного творчества.

Вспоминая мысленно содержание моих произведений, с целью найти, влияние какого писателя, из числа упомянутых мною выше любимых моих авторов, отразилось в том или другом моем сочинении, я затрудняюсь сказать что-либо определенное по этому вопросу... Но что это влияние неизбежно должно было сказываться, на этот счет не может быть сомнения... Если б не существовало взаимного влияния писателей, их творчество было бы весьма скудным, и в особенности, если бы писатели, принадлежащие к различным народам, не влияли бы друг на друга, тогда скоро иссякла бы и всеобщая литература, так как развитие литературы обусловлено законом общения отдельных племен.

ЛЕО

* * *

Вопрос о влиянии русской литературы на армянскую — очень интересный, но и легко разрешимый вопрос. Достаточно проследить за ходом развития литературы русских армян, чтобы установить то могущественное влияние, которое имели русские писатели на армян. Литература такого маленького народа, только что освободившегося от ига азиатщины и приобщенного к европейской культуре, не могла развиться без великих образцов. Этими образцами служили, конечно, западные писатели, и не менее их — русские писатели.

Сопоставьте периоды армянской литературы с периодами русской, и вы получите полную картину воздействия. Начало армянской публицистики совпадает с великим движением шестидесятых годов и носит в основе те же идеалы, те же народно-освободительные стремления. Публицистическая поэзия Рафаэля Патканяна — и Некрасов, Шах-Азиз — и опять Некрасов, Добролюбов... Григорий Арцруни выступает на литературном поприще под сильным влиянием Писарева. В эпоху увлечения народничеством (Глеб Успенский) вы найдете в армянской литературе целую полосу чисто русского народничества! Эпоха надсоновской скорби сейчас же отзывается в армянской поэзии, принимает форму страстного, даже непонятного увлечения.

Даже такой писатель, как Раффи, который менее всех знал русский язык и литературу, находился больше под влиянием Тургенева, чем Виктора Гюго. Это можно установить по превосходным описаниям природы, где так и чувствуется тургеневская кисть...

...Задачу моей литературной деятельности я вижу в освещении больных мест народной жизни и в иллюстрации

тех задатков здоровой жизни, которыми располагает народная масса в своем настоящем, на пути к прогрессу и культуре, и которыми ознаменованы светлые моменты исторической жизни народа. В своих повествованиях из современной и исторической жизни я придерживаюсь реального направления, стараюсь провести идею через действие рассказов, устраняя себя по возможности от рассуждений об этой идее и слишком яркого подчеркивания тенденций. Задачею беллетриста я считаю, помимо идейного содержания, художественную обработку образов, типов и картин, а существенным условием художественности признаю простоту изображения, ясность и несложность фабулы.

...Из русских писателей наиболее любимый мною автор — *Тургенев*, произведения которого я читал несколько раз. Сильное впечатление произвел на меня «Обломов» *Гончарова;* увлекался я долго *Глебом Успенским*, и некоторые мои вещи, как, например, «Дед Маркос», «Странник» и др., носят на себе отпечаток этого увлечения.

Я страстный поколонник *Щедрина* и, может быть, влиянию великого сатирика я обязан своими «Провинциальными героями». Не могу сказать достоверно, но чувствую, что при описании этих «героев» мною руководил дух Салтыкова... Из других писателей я много читал Толстого, Достоевского, Островского, Добролюбова, Писарева.

Сейчас я не могу сказать, какое впечатление произвел на меня каждый из них в отдельности, но для меня ясно, что, если я выработал себе известное миросозерцание, усвоил задачи эстетики, то в этом я очень многим обязан русским писателям. *Славные заветы великих мастеров русского слова для меня и сейчас священны и останутся таковыми!*

Как человек, близко стоящий к армянской литературе, имеющий по роду своих занятий обширное знакомство не только с тем, что печатается и выходит в свет, но и с тем, что предназначается для печати, но весьма часто не выходит в свет, я могу удостоверить, что вообще все русские армяне питаются русскою литературой, можно сказать, что *нет в современной русской литературе более или менее выдающихся произведений, которые бы не переводились на армянский язык...*

М. ГОРЬКИЙ

В ДОЛИНЕ ДЕЛИЖАНА[1]

В долине Делижана кто-то из товарищей сказал вполголоса:

— Много здесь турки перебили армян.

— Ну, что же вспоминать об этом в такой красоте, — ответили ему.

Да, удивительно красиво. Кажется, что горы обняли и охраняют долину с любовью и нежностью живых существ. На высоте 1500 метров воздух необыкновенно прозрачен и как будто окрашен в голубой мягко сияющий тон. Мягкость — преобладающее впечатление долины. Глубокое русло ее наполнено пышной зеленью садов, и дома как бы тихо плывут в зеленых волнах по направлению к озеру Гокче. Южное Закавказье ошеломляет разнообразием и богатством своих красот, эта долина — одна из красивей-

[1] М. Горький, Собр. соч., М., 1952, т. 17, стр. 133—138.

ших в нем. Но на красоту ее неустранимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом. Мне показывают:

— Вот в это ущелье турки согнали и зарезали до шести тысяч армян. Много детей, женщин было среди них...

Меньше всего лирически прекрасная долина Делижана должна бы служить рамой для воспоминаний о картинах кошмарных, кровавых преступлений. Но уже помимо воли память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX, начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «Великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет, — трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом.

Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господа «гуманисты», идеалисты, защитники «культуры», основанной на жадности, зависти, на рабстве и циническом истреблении народных масс. Ложь и лицемерие защитников этой «культуры по уши в крови и грязи» восходят до явного безумия, до преступления, которому нет достойной кары.

* * *

...Развертывается грандиозное синее зеркало озера Гокча — точно кусок неба, который опустился на землю между гор. Необыкновенен густосиний цвет воды этого озера, отнявшего у земли площадь почти в 1395 квадратных километров. Озеро богато рыбой, больше других — лососью, и мне сказали, что скоро эту рыбу, замораживая ее, будут отправлять в Париж.

На берегу озера большая русская деревня, в ней живут крупные, дородные бабы, большие бородатые мужики, хорошо упитанные русоволосые дети. Очень здоровый народ, но глаза большинства — странно прозрачные и сонные, такие глаза я замечал у пастухов в горах Швейцарии, и мне подумалось, что это — глаза людей, живущих вне времени, вне действительности.

Один из туземцев с берега Гокча, широкоплечий, стройный, с густейшей сивой бородой, стоял, спрятав руки за спину, и смотрел на автомобиль, точно вспоминая: видел он уже такую телегу или нет?

Горький в Армении (1928).

— В Эривань едете? — спросил он басом.

— Да.

— Эривань — далеко, — сообщил он и не торопясь отошел прочь.

Дома в деревне солидные, деревянные, хотя земля вокруг безлесна, а горы почти сплошь из вулканических пород, и среди них — сказали мне — есть достаточно мягкие, удобные для строительства. В одном из домов — ихтиологическая станция, где изучают жизнь населения озера. Производится интересный опыт: в синюю воду Гокчи пустили 15 миллионов мальков сига из Ладожского озера и уверенно ожидают, что сиги приспособятся к жизни в этом огромном бассейне на высоте почти 2000 метров. Да, всюду, на всех точках земли Союза Советов делаются смелые, великого значения опыты, строится новая жизнь. Эта стройка — первое, что бросается в глаза, когда подъезжаешь к Эривани.

Серый каменный город на фоне хмурой массы сребroглавого Арарата, в шапке красноватых облаков, — этот

город издали вызвал у меня впечатление заключенного в клетку строительных лесов, на которых муравьиные фигурки рабочих лепят новые здания как будто непосредственно из каменной массы библейской горы. Такое впечатление явилось потому, что стройка идет на окраине города и его видишь сквозь леса. Внутри города строят не так много, как это показалось издали, — бедна Армения, многократно растоптанная копытами врагов, разоренная той звериной ненавистью и жаждой крови, которые так умело разжигают жрецы золотого бога, имя которому капитализм — Желтый Дьявол.

Да, Армения бедна, но уже отличная силовая станция украшает Эривань, силою ее работает завод, очищающий хлопок, масляный и мыльный заводы, богато освещен город. Энергично идет стройка жилищ для рабочих, два больших корпуса уже заселены, всюду чувствуется смелая рука умного хозяина, и движение в городе носит характер движения накануне большого праздника.

Прекрасно организован музей, намечено множество работ, которые должны будут быстро преобразовать город, идут геологические исследования по всей стране. И уже сделано открытие, которое, несомненно, даст армянам значительные средства для развития промышленности и культуры страны: около Арарата найдены богатейшие залежи вулканического туфа. Из этого материала построен Неаполь и все города по берегам Неаполитанского залива, но туф Арарата плотнее везувианского, — вбитый в него гвоздь не колет массу, и в то же время она режется легко, почти как мыло.

Из туфа можно на месте разработки резать колонны, наличники окон и дверей, консоли, карнизы, его можно резать по заданию архитектора на кубы любого объема. Залежи его исчисляются сотнями миллионов тонн. Разработка этого богатства уже начата, прокладывается подъездной путь к Закавказской железной дороге. Думают, что туф этот будет дешевле кирпича и хорошо пойдет в Северо-Кавказский край и на Украину, бедную строительным материалом. Вероятно, вулканическая почва Армении подарит народу своему и другие богатства. На обратном пути из Эривани в Тифлис мы видели выход на поверхность земли черного обсидиана — вулканического стекла.

Вечером, после митинга, в городском саду эриванская

молодежь показывала танцы сасунских армян, нечто совершенно исключительное по оригинальности и красоте. Я — не знаток искусства танцев, равнодушен к балету, на характерные пляски смотрю как на легкую и веселую акробатику, на фокстроты — без отвращения, но нахожу, что одежды в этом «танце» излишни и, должно быть, стесняют свободу танцоров, которых можно назвать также и бесстыдниками, хотя, конечно, в природе есть существа еще более бесстыдные, например: мухи, петухи и куры, козлы, собаки.

Танцы сасунских армян не поражают затейливостью и разнообразием фигур и не стремятся к этому, в них есть нечто другое, более значительное и глубокое. На эстраду выходят двое музыкантов в ярких национальных костюмах, двое — большой барабан и пронзительно крикливая дудка, — а за ними выплывает ослепительно блестящее, разноцветное тело — двадцать человек мужчин. Они идут плечо с плечом, держа за спинами руки друг друга, они — единое тело, движимое единой, изумительно ритмически действующей силой. Это тело свертывается в круг, в спираль, развертывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, легкость и плавность построения фигур все более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитности. Отдельных танцоров трудно различить, видишь, как перед тобой колеблется ряд красивых лиц, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту — меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и все время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо, — лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата. Возбуждающе поет дудка, но ее высокий голос уже не кажется пронзительным; громко, но мягко отбивает такт барабан, и за этой музыкой видишь другую — музыку изумительно красивых движений гибкого человеческого тела, его свободную игру в разноцветной волне ярких одежд. Минутами, когда стремительность движений многоглавого тела, возрастая, превращалась в золотой и радужный вихрь, я ждал, что цепь танцоров разорвется на отдельные звенья, но и в этом вихре они сохранили единодушную плавность движений, увеличивая, углубляя впечатление силы и единства. Никогда я не видел и не мог представить себе картину такой совершенной слитности,

спаянности многих в едином действии. Несомненно, в этом, должно быть, очень древнем, танце скрыто нечто символическое, но мне не удалось узнать — что это: религиозная пляска жрецов или танец воинов? Мне кажется, есть в нем что-то общее с воинственным танцем гурийцев, — не помню, как называется он, — «перхули» или «хорули». Но в нем не было ничего, что хоть немного напоминало бы бешеное «радение» хлыстов или истерические судороги «вертящихся дервишей», от которых — как говорят — заразились истерией и наши сектанты — «кавказские прыгуны». Вероятно, танец сасунских армян — победный танец воинов.

Не менее оригинально и так же обаятельно красиво танцевали женщины, одетые тоже по-восточному ярко и цветисто. Танцуя, они показывали, как причесывают волосы, красят лицо, кормят птицу, прядут, — и снова все мы были очарованы изумительной ритмичностью их движений, красотой жестов. Женщины танцевали каждая отдельно от другой, и жесты каждой были индивидуальны, тем труднее было сохранить их ритмичность, единство во времени, а она сохранилась идеально. Затем они исполнили комический танец хромых, — танцевали так, точно у каждой из них перебито бедро, и, хотя смешные движения их были на границе уродливого, они поражали гармоничностью и грацией.

«Сколько таланта вызвала к жизни наша эпоха, сколько красоты воскресила живительная буря революции», — думал я по пути из Эривани...

1928

ПИСЬМО А. ШИРВАНЗАДЕ

Уважаемый собрат!

Ваша похвала глубоко тронула меня своей искренностью, — сердечно благодарю Вас! Знаю, что слова Ваши слишком лестны для меня, не сомневаюсь, что не заслужил такого отношения с Вашей стороны.

Но Вы писатель, человек, живущий всеми скорбями и радостями мира. Вы сами знаете, как ценно, как радостно знать, что Ваше слово понятно на Кавказе и в Англии, на Скандинавском полуострове и в Италии. Спасибо, что откликнулись, сердечное спасибо!

Мне приятно сказать Вам, что я немного знаю Вас, — читал Ваши вещи. А имя Ваше я услыхал впервые в 92 г. в Тифлисе и затем в 97 г., — сидя в Метехском замке. Видите — мы старые знакомые.

Желаю Вам всего доброго!

Сообщите мне имя и отчество Ваше, чтобы я мог сделать надписи на книгах, которые пошлю Вам.

Доброго здоровья!

М. Горький.

1/II-1916.

А. АКОПЯН

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»[1]

Сын пастуха-батрака из селения Талыш Нагорного Карабаха, впоследствии рабочего-чувячника в Гяндже, я родился в 1866 году. Образование получил в Гянджинской гимназии, но с пятого класса лишили меня стипендии и исключили за составление прокламации, написанной по поводу закрытия армянских школ министром народного просвещения Деляновым в конце 1885 года.

В 1886 году работал в Тифлисе, а в 1887 — в Баку аптекарским учеником, но, будучи не в состоянии выносить каторжный режим работы в тогдашних аптеках, поругался с провизором и был уволен.

В 1888 году, после шестимесячной безработицы и голодной жизни, поступил чернорабочим в мастерскую Тер-Акопова в Балаханах.

С 1889 года по 1894 год работал на железоделательном и механическом заводе «Вулкан» в Черном городе

[1] Акоп Акопян. Соч., Гослитиздат, М., 1956. стр. 324.

табельщиком, конторщиком, кассиром. В связи с тем, что к концу 1893 года стал печататься в армянском ежемесячном журнале «Мурч» («Молот»), переселился из Баку в Тифлис и стал работать в редакции «Мурч» корректором.

Весною 1894 года организовал в Тифлисе группу революционной молодежи и руководил ею в духе революционного народничества. Летом того же года был арестован и посажен в Метехский замок. После двухмесячного заключения был выслан на родину, но в 1895 году вновь вернулся в Тифлис и поступил на механический и котельный завод инженеров Карапетова и Бережанова бухгалтером. Работал здесь до 1900 года включительно. В 1901 году поступил корреспондентом в Тифлисский коммерческий банк, где с перерывами работал до установления советской власти в Грузии.

В 1921 году, в день переворота, был назначен комиссаром всех банков города Тифлиса. За один день национализировал восемнадцать банков с их сейфами и крупными товарными складами.

Вот весь мой служебный список пролетария за тридцать пять лет.

В начале 1902 года рабочие железнодорожных мастерских обратились ко мне с просьбой перевести им на армянский язык революционные песни: «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи», «Похоронный марш», «Интернационал» и другие (до этого рабочие-армяне пели только национальные песни). Выполнил заказ рабочих. Песни эти затем не только пелись на митингах и демонстрациях, но и печатались отдельными листовками для распространения среди рабочих и учащейся молодежи по всему Закавказью.

В том же году я познакомился с Захарием Чодришвили, с Дедушкой Меликом и с последним посещал рабочие кружки.

В 1903 году участвовал в демонстрации, устроенной по поводу захвата Голицыным имущества церковноприходских школ армян, причем был жестоко избит казаками на Ванской улице, где происходил митинг.

В 1904 году вступил в РСДРП и сразу начал работать во фракции большевиков. Организовал кружок из наборщиков типографии «Гермес», вел агитационно-пропагандистскую работу среди них. Переводил прокламации Кав-

казского союзного комитета РСДРП на армянский язык, собирал деньги для Красного Креста. В 1905 году, после расстрела 9 января, собрав рабочих типографии «Гермес» и рабочих типографии Мартиросяна, читал им статьи из нашего центрального органа «Вперед», распространял прокламации союзного комитета, которые почти каждый вечер пачками приносили рабочие, наборщики тайной типографии. Подыскивал помещения, где на дискуссиях с меньшевиками и эсерами удачно выступали как местные, так и приезжие из Питера товарищи-марксисты. До манифеста 17 октября моя квартира служила местом для большевистских собраний и сходок.

В июле пятого года союзным комитетом был командирован в родной город Гянджу для организации рабочих двух местных типографий, а также для доклада о III партийном съезде. Передав местному комитету транспорт, содержащий большое количество прокламаций, специально обращенных к рабочим депо Гянджи, очередной номер «Брдзолы» («Борьбы») на трех языках и разные брошюры, я сделал доклад о III партсъезде активным большевикам Гянджи. Под угрозой террора дашнаков-мазеристов вернулся в Тифлис.

Двадцать девятого августа 1905 года попал под обстрел казаков у Тифлисской городской думы. Поехал в Боржом, где организовал большевистскую ячейку из рабочих депо и электрической станции. В дальнейшем снабжал их литературой из Тифлиса.

После манифеста 17 октября в нелегальной квартире союзного комитета часто встречал Миху Цхакая, Богдана Кнунянца, Мишу Давидова и многих других. В дни манифеста часто выступал на открытых митингах, устраиваемых в Нахаловке и на Вере, причем на этих митингах часто читал свои революционные стихи. Призывал рабочих не верить обещаниям царя, углублять классовую борьбу. В апреле 1906 года совместно со Степаном Шаумяном и другими приступаем к изданию армянской газеты «Кайц» («Искра»). В «Кайце» печатались мои стихотворения. Роль газеты «Кайц» была огромная — она вела ожесточенную борьбу против дашнакской партии и разоблачила перед широкими массами рабочих-армян буржуазно-националистическую сущность дашнаков. Статьи из «Кайца» в виде брошюры издавались под названием «Рабочая библиотека». Заведующим библиотекой был на-

значен я. 10 000 экземпляров брошюр было разослано в разные города, и это немало способствовало распространению большевистских идей среди армянских рабочих и крестьян на Кавказе. В том же году вышла из печати новая книга моих стихов «Песни труда».

После IV Объединительного партсъезда 1906 года был избран печатниками представителем двух ячеек в четвертый районный комитет. Функции мои в райкоме: казначей райкома; хранение партийной печати и оружия, архива и литературы; доклады в ячейках; переводы прокламаций и уставов профсоюзов; организация банковских служащих в профсоюз; руководство союзом и т. д.

В 1907 году был командирован райкомом в комитет по выборам во II Государственную думу. После долгой и упорной борьбы против дашнаков и кадетов нам удалось от буржуазных Сололак провести девять социал-демократов в выборщики. Летом 1906 года областным комитетом партии нелегально была издана моя брошюра «Революционные песни». Она вышла с двадцатью гравюрами революционного характера, под партийной кличкой «Пролетарий». (Это была моя кличка еще с 1904 года.) 3000 экземпляров «Революционных песен» быстро разошлись. Единственный экземпляр этих песен сейчас находится в Музее Революции в Грузии.

В 1908 году стал во главе революционного Красного Креста, писал прокламацию от имени организационного бюро большевиков об оказании материальной помощи товарищам, находящимся в ссылке и в тюрьмах. Воззвание дало прекрасные результаты. В это же время вел оживленную переписку с Михой Цхакая, со Степаном Шаумяном, с А. Луначарским. Получал из Женевы нелегальную литературу через одного сослуживца по банку и распространял ее среди солдат Тифлисского гарнизона. Летом этого же года был обыскан и арестован, причем охранка сняла с меня карточку, которая позже была выставлена в Музее Революции в Грузии.

В 1909 году в Худадовском лесу была созвана большевистская конференция. В новоизбранный комитет вошли трое рабочих-железнодорожников, я и другие. 26 сентября я был арестован. В этом же году сотрудничал в заграничном органе ЦК большевиков «Пролетарий», где печатались мои статьи под заглавием «Письма из Метехи».

В 1910 году вошел во вновь избранный комитет большевиков, но работать пришлось недолго, так как провалилась типография, где печаталась нелегальная газета «Тифлисский пролетарий». Экспедиция этой газеты была устроена в моей квартире, где газету заделывали в конверты и по ночам бросали в почтовые ящики — отправляли в Женеву, Баку, Питер и т. д. В этом же году отдельной книжкой вышла моя первая заводская поэма «Новое утро». Ее похвалили Степан Шаумян и Сурен Спандарян.

В 1911 году мне было поручено написать и выпустить первомайскую прокламацию. Ни одна тифлисская типография не соглашалась печатать прокламацию ни за какие деньги. Мне, однако, удалось выпустить прокламации благодаря помощи наборщика Левана Погосова, и 1500 экземпляров летучки были удачно распространены. Летом я отправился за границу, остановился у Михи Цхакая. Две копии протоколов о мучениях и пытках, учиненных над Камо, были переданы мною А. Луначарскому в Париже и К. Либкнехту в Берлине для опубликования в зарубежных газетах. Цель — вызвать негодование и протест против зверств царских опричников. Впоследствии эти протоколы были опубликованы в газетах «Юманите», «Форвертс». По приезде из-за границы я в тот же день был обыскан, но «за ненахождением ничего предосудительного» выпущен на свободу. В конце года в Баку под редакцией Ст. Шаумяна и А. Кариняна вышел марксистский журнал «Нор хоск» («Новое слово»), где я принимал горячее участие.

В 1912 году вышло полное собрание моих легальных произведений, но оно было конфисковано литературной полицией в лице цензора Калантарова. После трехмесячного ареста книга была разрешена благодаря хлопотам моего издателя, оказавшегося знакомым цензора по университету. В этом же году оказал материальную помощь товарищам в тюрьмах, посылал литературу ссыльным.

В 1913 году организовал кружок из типографских рабочих, с которыми занимался на Авлабаре. В 1914 году ячейка эта издавала ежемесячные брошюры под названием «Кармир мехакнер» («Красные гвоздики»), «Альбом рабочего» и т. д.

Вокруг этих изданий впервые были сплочены армянские пролетарские писатели. Выход «Красных гвоздик»

приветствовала газета «Путь Правды» из Питера (см. «Литературную полку» от 30 марта 1914 г.), Ст. Шаумян из Баку, Луначарский из Парижа. Луначарский прислал бесплатно свою статью «Искусство для жизни» — для укрепления фонда «Красных гвоздик». Империалистическая война, к сожалению, вырвала из наших рядов лучших печатников-издателей, и, таким образом, после восьмимесячного существования прекратилось издание единственного тогда пролетарского литературно-художественного ежемесячного альманаха.

1915 год. В начале этого года Степан Шаумян приезжал из Баку и созывал у меня на квартире передовых товарищей-большевиков для обсуждения современного положения. Тут же мы поддержали лозунг: «Война — войне». В ноябре этого года вышла новая социал-демократическая газета «Пайкар» («Борьба»). В первом же номере газеты было помещено мое стихотворение «Страж». В дальнейшем печатались мои стихи и статьи. В 1916 году вся моя деятельность сосредоточилась вокруг «Пайкара». В этом же году мною была написана поэма «Равенство», где изображаются перспективы будущего социалистического общества, и второй цикл «Нового утра» — «Красные волны».

В 1917 году грянула февральская революция. Участвую в организации большевистского органа «Кавказский рабочий». Состою членом широкой редколлегии, членом издательской и финансовой комиссии и членом бюро райкома. В июне на конференции в ограде Ремесленного училища происходят выборы в большевистский комитет. В числе двадцати двух избирают и меня. Функции мои: казначей комитета, отправка центрального органа «Правды» на турецкий фронт солдатам-фронтовикам, сбор партийных взносов, изыскание средств. Летом еду в Пятигорск лечиться. По возвращении из Пятигорска меня кооптируют в казначеи Краевого комитета большевиков.

В 1918 году моя квартира стала конспиративной квартирой Краевого комитета, где разрабатываются планы Душетского восстания и восстаний в других местах Грузии. Накануне объявления «независимости Грузии» меньшевиками эвакуируюсь с семьей из Тифлиса, а квартиру оставляю в распоряжение городского комитета. В Пятигорске работаю в городском комитете, организую при-

фронтовую литературную базу для красноармейцев-фронтовиков.

В 1919 году в начале января — опять в Тифлисе. На станции Казбек меня арестовали особоотрядники и отправили в Метехский замок. В связи с болезнью и по ходатайству жены одного близкого товарища меня освобождают из Метехи и оставляют под домашним арестом. Предварительно берут с меня подписку, что, «находясь под домашним арестом, обязуюсь не только не посещать собраний, но и не выходить из дому впредь до особого распоряжения». Даю эту подписку, но через месяц моя квартира превращается в конспиративную квартиру Краевого комитета. В этом же году в издании Крайкома выходит моя книга, посвященная памяти 26 коммунаров. За это время (1919—1920 гг.) меня обыскивали и сажали не раз, но скоро освобождали за ненахождением улик. Сижу под домашним арестом и работаю в органах Крайкома — членом редколлегии «Паак» («Страж») и ответственным редактором «Нор уги» («Новый путь»).

В 1921 году в качестве комиссара банков Тифлиса произвожу учет всех ценностей банков, состою членом редколлегии «Кармир астг» («Красная звезда»). В сентябре ЦК Грузии назначает меня ответственным редактором органа ЦК «Кармир астг».

В 1922 году — основатель и редактор пролетарского ежемесячного журнала «Дарпноц» («Кузница»), член правления Ассоциации пролетарских писателей Грузии, организатор и председатель первой Ассоциации пролетарских писателей армян, руководитель и член редколлегии армянского детского журнала «Кармир цилер» («Красные ростки»). В этом же году Госиздат Грузии печатает новый сборник избранных моих стихов под названием «Революционная эстрада». Главполитпросвет Грузии издает мои «Две поэмы».

В 1923 году, с санкции Заккрайкома, по всему Закавказью отмечается тридцатилетие моей общественно-литературной деятельности. Центральные исполнительные комитеты республик Армении и Грузии особыми грамотами присвоили мне звание народного поэта Армении и Грузии.

Закавказский ЦИК «за особые заслуги перед революцией» присвоил мне пожизненную персональную пенсию в размере партмаксимума. Ко дню юбилея Заккрайком издал на трех языках: грузинском, азербайджанском и рус-

ском, мои избранные стихотворения и на армянском языке мою биографию.

В 1924 году Ассоциация пролетарских писателей издала мою популярную поэму «Ширканал-большевик». В 1925 году написал поэму «Волховстрой». В январе этого года я был делегирован на Всесоюзную конференцию пролетарских писателей в Москве. В 1926 году Госиздат Армении издал первый том моих произведений. В 1927 году «Заккнигой» издано десять моих рассказов из подпольной жизни под заглавием «Воспоминания агитатора».

В 1928 году Госиздат СССР издал книгу моих стихотворений на русском языке, причем в переводе приняли участие Демьян Бедный, Безыменский, Жаров и многие другие видные поэты РСФСР, с предисловием А. Луначарского.

В 1929 году «Сахелгами» [1] издало на грузинском языке восемь рассказов отдельной книжкой под названием «Агитаторис могонеба» («Воспоминания агитатора»).

В 1930 году Пленумом ЗАПП я был делегирован в Харьков на Пленум международного бюро пролетарских и революционных писателей, где был избран членом Президиума МБРЛ на три года. В 1931 году Госиздат Армении издал новый сборник моих стихотворений. В этом же году в «Сахелгами» вышла новая моя «Ленинградская поэма» на армянском языке. В 1932 году «Заккнига» издала отдельной книжкой новый сборник моих стихов на русском языке. Кроме того, мои отдельные произведения были напечатаны на украинском, немецком и французском языках (в «Юманите»). В этом же году вышла моя книга на азербайджанском языке.

Сейчас идут переговоры через ВОКС об издании моих стихов отдельной книжкой на французском языке.

Сейчас мне шестьдесят шесть лет, и хотя я страдаю сердечными припадками, все же не отстаю от молодого поколения писателей, иду с ними в ногу и, как поэт-большевик, решил умереть на литературном посту, крепко держа в руке мое литературное красное знамя — стальное перо.

Тифлис, 1932.

---

[1] Сахелгами — Государственное издательство Грузии.

Ш. КУРГИНЯН

* * *

...Я чувствую себя многим обязанною *русской жизни*, бурным дням возрождения, а в особенности *русскому пролетариату! Россия — родина моих гражданских мотивов*!

А. ТОЛСТОЙ

ВЕЛИКИЙ ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА[1]

Огромную историю прожил армянский народ, тысячелетия борясь за свою независимость, за свою родную землю, увенчанную снежным Араратом. Древние цивилизации — Хетского царства, Ассиро-Вавилонии, Ирана, Греции и Рима, Среднеазиатских царств, скифы, гунны, аланы и, начиная с VII века, арабы, затем турки — соприкасались с армянским народом, и соприкосновение это всегда начиналось либо кончалось звоном мечей, борьбой за независимость.

Воинственный дух народа, следы этой борьбы за независимость отражались в народном творчестве, обогащались цивилизациями, с которыми соприкасалась в борьбе Армения.

---

[1] Алексей Толстой, О литературе, «Советский писатель», М., 1956, стр. 343.

С 1864 года начались записи армянских эпических песен и легенд. Но пока это были отрывки чего-то единого. И только в наши дни, за последние два года, удалось собрать из этих кусков единую, стройную, замечательную по силе, красоте и выразительности поэму, получившую название «Давид Сасунский» — по имени главного героя эпоса, Давида из крепости Сасун.

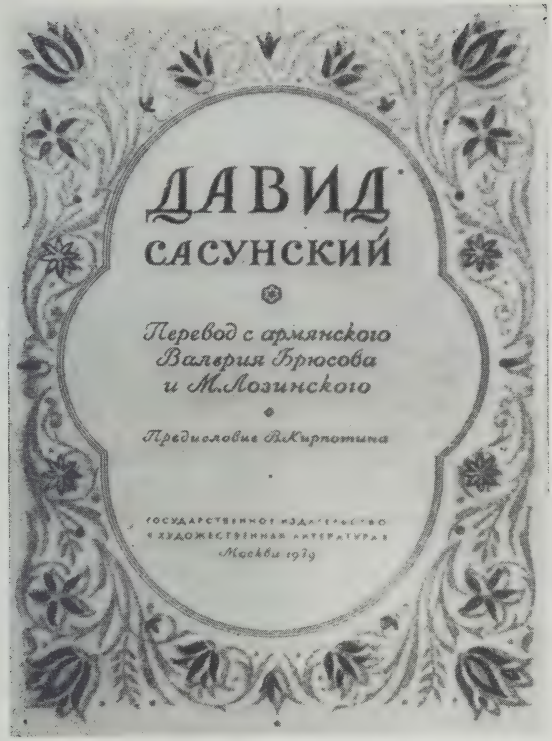
Мы празднуем этой осенью, в дни сбора винограда в Армении, тысячелетнюю давность великого художественного памятника, который в наши дни записан и приведен в стройную систему и только что, на этой декаде, впервые отпечатан в русском переводе. Он займет равное место с такими сокровищами, как «Илиада», «Одиссея», иранский эпос, «Калевала», русские богатырские былины, «Песни о Нибелунгах», «Песня о Роланде», «Витязь в тигровой шкуре», готовящийся у нас киргизский эпос «Манас» и эпические своды других советских республик.

В районе озера Ван есть циклопическая крепость Сасун. Армяне, жившие в этой горной области, ожесточеннее других боролись с арабами за независимость.

Поэма «Давид Сасунский» разбивается на четыре ветви, или четыре части. В них поется о четырех поколениях сасунских богатырей. Начинается поэма с того, что армянская царевна Цовинар-Хатун отдана в жены багдадскому халифу, который пришел разорить Армению. Перед отъездом в чужую страну невеста Цовинар выпила из чудесного источника пригоршню воды и еще полпригоршни воды и зачала двух сыновей — Санасара и Багдасара. Когда братья возмужали, они побили войска халифа, бежали на родину и там построили могучую крепость у озера Ван. Они не знали, как ее назвать, и просили старого пастуха дать имя крепости. И пастух назвал ее Сасун, что значит — ярость.

Санасар со дна морского добыл себе чудесного коня Джалали. Конь Джалали проходит через всю поэму, он носит на себе и сына Санасара, и внука — Давида, и правнука.

Санасар добыл себе меч-молнию и доспехи. Братья борются с халифом. Совершают дивные подвиги. Санасар женится на Дехцун-Чохцам, что значит — девушка с сорока заплетенными косами. У них рождается сын — Мгер-старший. Ему посвящена вторая часть поэмы. Из его приключений и подвигов наиболее существенные три. Страшный лев преградил дороги в Сасун. Народ голодает. Народ пришел



к Мгеру. И Мгер выступил против льва без оружия, потому что он благороден и считает постыдным иметь преимущество. Он раздирает льва голыми руками и спасает страну от голода и беды.

Второй подвиг: Мгер побеждает разбойника — чудовище Белого Дэва и освобождает красавицу Армаган, которую Белый Дэв держит прикованную к пещере, Армаган становится женою Мгера.

Он совершает третий подвиг. Он отказывается посылать дань царю Мсра-Мелику в город Мсыр. Мсра-Мелик идет войной на Сасун, и Мгер одолевает Мсра-Мелика и заставляет его снять дань с Сасуна.

Мсра-Мелик и Мгер кровно братаются. Вскоре Мсра-Мелик умирает. Его молодая вдова Исмил-ханум письмом зовет Мгера к себе в Мсыр: «Приди и возьми Мсыр». Жена — Армаган — умоляет Мгера не ехать к вдове и дает

клятву, что, если он поедет в Мсыр, она сорок лет не пустит его к себе на ложе.

Но Мгер едет в Мсыр. Он не поддается чарам молодой вдовы. Она спаивает его, и он остается и живет с ней семь лет. У них родился сын — Мсра-Мелик (младший). Мгер подслушивает, как мать говорит сыну: «Сынок мой милый, свет очей моих, ты укрепи наш мсырский очаг, ты раздави сасунский очаг».

Тогда Мгер покидает Исмил-ханум с сыном и возвращается в Сасун, к своей жене Армаган.

Армаган дала клятву не пускать его к себе на ложе сорок лет. Но лукавые монахи сасунские придумали, как обойти клятву, чтобы он взошел на ложе к жене, и она родила от него. Они зачли сорок лет за сорок дней, сорок дней за сорок часов и сорок часов за сорок минут. И Армаган родила от Мгера сына Давида.

Но не помогло лукавство монахов, обет оставался все же обетом, и Армаган и Мгер были покараны: они умирают вскоре после рождения Давида.

Здесь начинается третья часть поэмы. Младенец Давид не хочет брать ничьей груди. Тогда дядья отправляют его, привязанного на спине коня Джалали, в Мсыр, к Исмил-ханум. Она, в память своего возлюбленного, берет Давида и воспитывает его.

Детство Давида проходит в Мсыре, то есть у арабов. Его единородный брат, Мсра-Мелик, ненавидит его за его необычайную силу в играх и не раз пытается убить его. Исмил-ханум, чтобы избежать гибели Давида, отправляет его обратно на родину в Сасун.

Сасун снова под властью арабов, разорен и опустошен. Давид, голодный, ободранный, питаясь одной травой, приходит в Сасун. Его дядья принимают его с честью. Но Давид странный мальчик — придурковат, драчун, силач. В играх с детьми бьет и калечит их. Народ идет к дяде его и просит поставить Давида на работу, чтобы унять его баловство.

Давида ставят пастухом общественного стада-молодняка, так как сам он мальчик. Давид пасет ягнят и козлят и к вечеру пригоняет стадо в Сасун и вместе с овцами и козами гонит зверей — лисиц и зайцев. Давид становится знаменитым охотником. Его отец, Мгер, устроил звериный заповедник и обнес его стеной. Арабы после смерти Мгера завладели этим заповедником. Давид разрушает стену и

Декада армянской литературы в Москве (1941). Слева направо: Г. Борян, Н. Зарян, А. Толстой, А. Аразн, Д. Демирчян, А. Исаакян, А. Сирас.

выпускает зверей. На этой горе, где была гробница Мгера. Давид восстановил разрушенный арабами храм, называвшийся Марута, — древнюю сасунскую святыню.

Мсра-Мелик, который все время ищет разорения Сасуна и смерти Давида, посылает войско. Давид преследует арабское войско и побивает его. Тогда Мсра-Мелик посылает храброго витязя Козбадина наказать Давида и взять с Сасуна семилетнюю дань. Дядя Давида, Ован, правивший Сасуном, испугался, услал Давида на охоту, а сам, покорясь, стал отмеривать дань арабам. Но Давид вернулся, побил и посрамил витязя Козбадина и изгнал его вместе со сборщиками дани.

Узнав об этом, Мсры-Мелик кликнул военный клич... Это одно из гениальнейших мест поэмы. И сам двинулся войной на Сасун. Давид добывает меч-молнию и дивного коня Джалали. На коне Джалали, во главе сасунцев, он начинает страшную сечу с арабами. Он побивает их и топчет конем.

Тогда в разгаре сечи к нему обращается старик араб, отец семи сыновей. Он говорит:

Мелик насильно нас привел,
Мы не враги тебе. Твой враг — Мелик.
Иди и с ним воюй.

Давид внимает словам старика, прекращает сечу и вызывает Мелика на единоборство. Эта сцена и последующий поединок — главная часть поэмы. В поединке с Мсра-Меликом Давид выказывает великодушие. Он предоставляет врагу Мсра-Мелику первые три удара. Когда настает очередь Давида, мать Мсра-Мелика, Исмил-ханум, просит подарить ей его первый удар меча по ее сыну, — и Давид дарит ей свой первый удар. Второй удар он дарит сестре Мсра-Мелика. У него остается только один удар, и он поражает им Мсра-Мелика, спрятавшегося в яме под жернова и шкуры.

В этом месте борьбы Давида с арабским войском и Мсра-Меликом поражает возвышенность чувства и высокодушие народных певцов, слагателей поэмы, высокодушие и гуманность народа армянского, требовавшего от певцов такого возвышенного оборота сюжета.

Давид освобождает Сасун от арабского нашествия. Далее следует женитьба Давида на прекрасной Хандут-хатун. У них родится сын — Мгер-младший, герой четвертой части поэмы. Давид умер из-за нарушенной им верности. До женитьбы на Хандут-хатун у него была возлюбленная, богатырка Чымшкик-Султан. По обычаю, когда он обручился с ней, он провел с ней ночь, и у нее родилась дочь. Но Давид обманул ее, — сменял кольцо на кольцо, но не женился на Чымшкик-Султан.

Однажды Давид поехал раздобывать красавиц невест для сорока богатырей-пахлеванов, которых он победил в споре из-за Хандут-хатун.

Сын его Мгер встретил отца, когда тот ехал на коне с полонянкой, не узнал отца и вступил с ним в единоборство из-за девушки. Во время поединка Давид испытал страх первый раз за всю жизнь. Когда он узнал, что борется с сыном, он рассердился и проклял сына: «Буть ты бездетен и бессмертен».

После поединка с сыном Давид, чувствуя давнишнюю вину за нарушение клятвы в любви, поехал к обманутой богатырке Чымшкик-Султан и вызвал ее на поединок. Когда перед поединком Давид купался в реке, дочь его отравила стрелу и, подкравшись в камышах, пустила в отца стрелу. Так умер Давид.

Последняя часть поэмы посвящена Мгеру-младшему. Он несет на себе отцовское проклятие. Мгер — скиталец. Он совершает грандиозные подвиги, но они бесцельны. Странствовав много по свету и не находя применения своим

силам, Мгер взывает к могилам отца и матери. Он слышит их голоса: «Довольно тебе скитаться, мой сын, довольно скитаться».

Тогда Мгер просит у бога послать ему великий бой. И бог посылает ему семь ангелов биться с ним. Мгер машет мечом, но меч не задевает ангелов. Он сражается с призраками.

Мгер в великом унынии подъезжает к Черной скале и ударяет в нее палицей. Скала распалась надвое, и Мгер и конь Джалали вошли в расщелину, и вновь скала сомкнулась, поглотила в недрах своих Мгера и дивного коня Джалали.

Вот каким эпилогом оканчивается поэма:

Говорят, как-то раз,
На вознесенье в ночь,
Одному пастуху довелось там быть,
Раздвинулась Мгера скала,
Вошел пастух, глядит:
В пещере исполин сидит.
Спросил пастух:
— Когда отсюда выйдешь, Мгер? —
Ответил Мгер:
— Коли встану, выйду на свет, —
Не удержит меня земля!
Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,
На свете мне не жить,
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница, как лесной орех,
Как шиповника ягода, будет ячмень,
Тогда придет мой день, —
Отсюда я выйду в тот день!

То, о чем тысячу лет пели армянские барды, свершается. Мир разрушился и воздвигнулся вновь. И на полях прекрасной Армении клонится от тяжести колос пшеницы и колос ячменя. И под ударами копыт Джалали бежит и орошает землю светлый ключ счастливой жизни.

1939

М. ШОЛОХОВ

О МОЕМ ЗЕМЛЯКЕ

Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком [1], и в день 125-летия со дня его рождения я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

Свобода! — восклицаю я. —
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: Свобода!..

1954

[1] М. Налбандян родился в г. Нахичевани н/Д (ныне Пролетарский район г. Ростова н/Д) (*прим. А. А.*).

Русский народ глубоко чтит
имя Микаэла Налбандяна — выдаю-
щегося просветителя армянского народа,
пламенного борца за счастье трудового
народа, революционера-демократа,
единомышленника Веменского и
Чернышевского, Герцена и Огарева.
Армянин по национальности, он
был моим земляком и в день 125-
летия со дня его рождения я склоняю
голову над прахом великого сына
армянского народа и мысленно твержу
его слова.

„Свобода! — восклицаю я,
пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть злобный враг мне сердца
ранит
Пусть казнью висельницы пусть
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять Свобода!..“

М. Шолохов

23 ноября 1954 г

Факсимиле рукописи М. Шолохова.

А. ИСААКЯН

О ВЕЛИКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[1]

Я всегда любил русскую литературу, роман и поэтическое творчество и глубоко убежден в том, что, в частности, *русский роман* многими своими сторонами, особенно своим пророческим воодушевлением, *значительно превосходит западноевропейский.*

...Не могу не признаться, что, еще начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, точно Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого я часто вдохновлялся, а именно его лирическими стихотворениями «Демоном», «Мцыри» и особенно «Песней про купца Калашникова»... Я должен прибавить, что на мой внутрен-

[1] Высказывания А. Исаакяна печатаются по изданию: Аветик Исаакян, Избранные сочинения в двух томах, Гослитиздат, М., 1956, т. 2.

Отрывки О великой литературе, об И. А. Крылове, о В. Я. Брюсове, о М. А. Шолохове даны по первому изданию настоящей книги «Дружба», Ереван, 1956.

ний мир сильное впечатление произвел Гоголь с его бессмертными «Мертвыми душами» и всего более — Достоевский...

Об А. С. Пушкине

Чарующий гений Пушкина сопутствует нам с детских лет до могилы. Он всегда с нами, в наших сердцах.

В детстве его золотые сказки уносили нас в счастливые миры воображения.

В юношеские годы нас пленяла его прелестная любовная лирика. Наши мечты и наша грусть сливались с его мечтами и грустью, и мы вместе с его заветной тенью скитались по полям великого русского отечества, по берегам его могучих рек, грустили в его лесах в золотые дни осеннего листопада.

Свободолюбивый дух Пушкина окрылял нас, юношей. Смелые, вольнолюбивые песни вели в бой, звали к самопожертвованию...

В зрелые годы нас покоряет его мудрость, глубокое знание жизни.

Пушкин — национальный поэт, гений великого русского народа. Гений рождается в недрах народа, так же как алмаз — в недрах каменного угля. Гений Пушкина, как алмаз, отразил чувства народа, его мечты и чаяния, страдания, гнев и волю.

Гений отражает мироощущение народа, его сокровенное сознание, произносит его мудрое слово...

Пушкин стоит в первом ряду великих гуманистов мира. Его сердце билось для всего человечества. Его воспламеняла освободительная борьба угнетенных народов — греков, сербов. Революционные идеи века воодушевляли его.

Он мечтал об освобождении страдающего человечества от тирании, от эксплуатации господствующих классов, от крепостничества, от нищеты.

Его идеалами были прогресс, просвещение, счастье для всех, свобода личности, развитие культуры, достижения науки.

Пушкин дорог нам и близок; он современен, ибо созвучен революционному духу нашей социалистической эпохи, создающей новый мир и нового человека.

1937

Об И. А. Крылове

На протяжении целого века бессмертная книга басен Крылова была для русского народа и культурного человечества мудрым попутчиком с раннего детства до старости.

Крылов говорил со всеми нами своими прелестными баснями, поучая и воспитывая.

Он был одним из самых умных и рассудительных людей своего времени. Общаясь с людьми всех классов — и с верхами и с низами, — он приобрел большую жизненную практику познания человека и мотивов его действий, стал знатоком человеческих душ.

Он видел смену коронованных особ, но неизменность деспотического режима: те же князья и вельможи, губернаторы и бюрократы —опора царского самодержавия, хозяева этого мира, в руках у которых находится и сила, и деньги, и все существование бесправного народа. Он видел тяжкую участь крестьянина. Ложные, пустые обещания и реформы еще более усугубляли положение крепостных. И он стал скептиком в отношении какого-либо улучшения русской жизни. Он стал замыкаться в своей совести, оставаясь верным своему внутреннему голосу, своей ядовитой ненависти к деспотическому, порабощающему механизму царизма, оставаясь верным гуманизму и благородному патриотизму. Он заострил жало своей убийственной сатиры и ушел в свои аллегории, которые привели его к бессмертию, сделав крупным политическим писателем и учителем русского народа.

Определенная — небольшая — часть басен Крылова связана с событиями своего времени, с конкретными личностями, но для нас она теперь представляет явление вне истории, времени и места, общечеловеческим символом, понимающим и истолковывающим душу и дела людей всех времен, высмеивающим и пробуждающим стыд и сострадание. Поэтому и Крылов выходит из рамок времени и является как мудрый человек, говорящий с человечеством всех времен, с вечностью.

Армянский народ всегда любил басни. И в этом причина того, что еще при жизни Крылова начали переводить его басни на армянский язык.

Более шестидесяти лет восхищает и покоряет нас гений Чехова.

Обаяние Чехова пережило две великие войны и величайшую революцию в истории, не потеряв своего своеобразия и силы.

Чехов является любимейшим автором поколения 90-х и 900-х годов и остался им. Он был неразлучным другом нашей души.

Как сегодня помню, каким тяжелым горем была его преждевременная смерть для русской общественности и нашего поколения. Интеллигенция потеряла своего чуткого, доброго, честного пророка, великого гуманиста. Вся Россия скорбела по поводу этой утраты...

Великий Толстой высоко оценил талант Чехова, он сказал: «Чехова как художника нельзя сравнивать с прежними русскими писателями: у него своя форма».

Замечательные рассказы Чехова совершенны по форме; одним мазком своей точной кисти он дает самое существенное, характерное, запечатлевающееся и при этом необходимое ощущение реальности. В его рассказах слиты юмор, сатира, лирика и эпос.

Пейзажи Чехова являются выразителями душевного состояния героев, они сливаются с образами внутреннего мира и отмечены глубоким лирическим чувством.

Его язык музыкален, мелодичность отличает все его произведения.

После Чехова нельзя было более писать по-старому.

Тяжесть мрачной русской действительности, необозримые страдания людей, нищета, голод, болезни, проституция — все это жгло нежную и добрую душу Чехова, и он стал утешителем страдающего человечества, обличителем лени и тунеядства, невежества и пошлости, провозвестником добра, правды, честного труда...

Чехов звал к свету и солнцу — к солнцу свободы прогресса, культуры, и верил, что оно обязательно должно взойти. Устами своих героев он говорил, что через сто, или двести, или же триста лет весь мир превратится в цветущий сад, и жизнь тогда будет несравненно легче и лучше.

Уже в рассказах «Дом с мезонином» и «Три года» он говорил о необходимости перестройки мира.

Он верил, что будущее человечества прекрасно, могущественно и светло.

Вечно живой и близкий, Чехов всегда с нами. Хотя он умер рано и не увидел свои мечты осуществленными, его пророческая душа услышала грядущую песню нового мира

Он — человек будущих времен, гражданин бесклассового общества, пламенный глашатай светлого будущего человечества.

1944

Об А. М. Горьком

Однажды в 1899 году, когда я бродил среди шумной толпы огромного одесского порта, предо мной вдруг остановился оборванный нищий и, протянув руку, сказал:

— Помогите, ради Горького.

Я впервые услышал имя Горького и подумал: «Видимо, это новый святой».

Спрашиваю его: «А кто он?».

— Это первый человек, который пишет о нас, бедняках, правду.

В тот же день я купил два тома рассказов М. Горького и начал читать. Читал с увлечением и вновь перечитывал. Каждое слово находило горячий отклик в моей душе.

...Читая, я бродил вместе с героями Горького по просторам России — по Волге, Крыму, берегам Черного моря, Молдавии. Особенно привлекла меня Волга. В ее широких степях веками находили приют свободолюбивые и непокорные люди, все те, кто восставал против гнета помещиков и царей. Волга — древняя колыбель свободы и борьбы, там звучали могучие песни воли, гремела весть о походах Стеньки Разина, Пугачева... Там находили приют гордые духом бунтари, мечтавшие сокрушить мещанский буржуазный мир, обрекавший тружеников душных городов и нищих деревень на изнурительный труд.

Свободному миру босяков Горький противопоставил самодовольного, косного, тупого мещанина, скованного рабскими законами. Босяк — бродячий товарищ рек и бурь, товарищ светлых звезд. Он отдался думам и мечтам, любит просторы. Надо разрушить старый рабский мир и построить новый — на лоне необъятной, свободной природы, свободный мир дерзновенных, красивых, счастливых людей.

Эти чудесные, овеянные светлым духом свободы два тома Горького очень скоро распространились по всей России, стали атмосферой ее духовной жизни, и через года два Горький приобрел такую известность и такую славу, какую не знал ни один из русских писателей.

В чем обаяние Горького?

Несомненно, в его могучем таланте, в том, что его романтика протеста и возмущения совпала с настроением общества, отразила его чувства и думы.

Горький говорил языком миллионов от имени миллионов, о желаниях и стремлениях миллионов.

Появление Горького было подготовлено, с одной стороны, прекрасной русской художественной литературой, самой гуманистической в мире, и, с другой стороны, развитием русской революционно-демократической мысли.

После реакции восьмидесятых годов в России накопилось громадное количество взрывчатого революционного материала.

Россия и политически, и экономически, и духовно созревала для схватки с самодержавием и с русским капитализмом, полная решимости построить на их развалинах новый, свободный, счастливый мир.

Приближался период грозной атаки революционной битвы молодого русского пролетариата. Именно тогда, в 1900—1901 годах, пролетариат помог Горькому отойти от анархическо-бунтарской идеологии, привлек его на свою сторону, связал его с революционной социал-демократией, с газетой «Искра», руководимой гениальным вождем революции Лениным. Это навсегда определило судьбу Горького, и он целиком отдал себя служению социализму. Он понял, что его босяки не могут ни изменить, ни перестроить мир. Он понял, что исторически эта большая роль принадлежит пролетариату. Пролетариат — могильщик капитализма, — освободив себя, освободит все человечество.

Эта идеологическая основа и сделала Горького основоположником пролетарской литературы, певцом страданий и борьбы пролетариата, глашатаем социализма.

Искусство Горького — искусство социализма.

Писатель-романтик, он призывал перестроить жизнь и создать счастливый мир социализма, свободную, справедливую, достойную гордого слова «человек», новую жизнь. Как художник-реалист, он правдиво показывал беды, порожденные самым тяжелым игом — игом капитализма. Он

показывал развращающую власть денег, тяжелое, безотрадное положение трудящихся, изнемогавших в когтях голода, холода, нищеты и болезней.

Горький — цельный человек. Слово и дело для него были неотделимы. Он был писателем-борцом, неутомимым деятелем и пропагандистом. Он был настоящим интернационалистом: уважал все народы — большие и малые. Великий гуманист, он свой талант и свою жизнь отдал на служение народу, хотел, чтоб люди на земле жили счастливой и свободной жизнью. Он ненавидел насилие и рабство.

Подобно сердцу Данко, будет вечно пылать его слово и воодушевлять все человечество, освещая путь к коммунизму.

1938

О В. Я. Брюсове

Валерий Брюсов особенно дорог нам, армянам, за все то, что сделал он для армянской культуры и литературы.

В то время, когда армянский народ переживал ужасную трагедию, когда озверелое турецкое правительство уничтожало массы армянского народа на Западе — стариков, молодых, женщин и детей, — стирая с лица земли целый народ, его культуру, прошлое и одновременно его будущее, стремясь тем самым покончить с армянским вопросом, — на защиту армянской культуры и его справедливого дела совместно с великим другом армянского народа М. Горьким выступил и В. Брюсов.

Он пришел показать России и так называемой «цивилизованной» Европе, какое непоправимое и ужасное преступление совершают турецкие варвары, уничтожая один из старых классических народов.

Брюсов со свойственной ему энергией и любовью стал изучать армянский язык, литературу древних, средних веков и нового времени, армянскую историю; он приступил к редактированию антологии армянской поэзии. Это была тяжелая трудная работа, закончившаяся блестящим успехом.

Антология была составлена из образцов древнего фольклора и эпоса, из стихотворений средних и новых веков. Большую часть стихотворений этого объемистого тома перевел сам Брюсов...

В результате добросовестного и тщательного изучения Брюсов пришел к заключению, что богатая вековая поэзия армян — это тот драгоценный вклад, который вносит Армения в сокровищницу культуры всего человечества...

Много стихотворений Брюсова переведено на армянский язык. Восхитительны переводы Вагана Терьяна. Переведено предисловие к «Поэзии Армении» и монография «Армянская история».

Имя Брюсова живет в сердце армянского народа, который всегда с большой любовью вспоминает своего великого и правдивого друга.

О М. А. Шолохове

По-моему, Шолохов — самый блестящий писатель великой эпохи Октябрьской революции. Красочным языком рассказал он о жизни и борьбе донских казаков, создав незабываемые образы людей из народа. Талант Шолохова — правдивый, непринужденный, смелый. Как настоящий мастер, он пишет уверенно, искренне, не изменяя своей совести. Шолохов — писатель-реалист в самом лучшем смысле этого слова: кажется, он знаком с каждым своим героем, с каждым куском родной земли.

Гениальная шолоховская эпопея «Тихий Дон» — одно из самых выдающихся произведений всех времен, которое смело можно поставить рядом с «Войной и миром» Л. Толстого.

Все, что создано этим удивительно цельным, ясным, мудрым писателем, пронизано огромной любовью к человеку, к жизни, к правде, одухотворено великими идеями, носит на себе печать неисчерпаемого гения подлинного художника...

1956

Славное восьмисотлетие Москвы

История Москвы неотделима от истории России и русского народа.

Москва впервые упоминается в летописях 1147 года. С этого времени Москва из небольшого населенного пункта

постепенно превратилась в центр Московского княжества. Благодаря своему географическому положению она объединила вокруг себя русский народ, русские земли и стала столицей, политическим центром необъятных северных и восточных территорий великого русского государства.

Москва является символом не только мощи и независимости русского государства, но и символом творческого гения русского народа.

Еще с четырнадцатого века в Москве создаются произведения русского искусства и замечательные памятники русской архитектуры, как, например, сказочной красоты храм Василия Блаженного, Кремль, великолепные творения Баженова и Казакова.

В Москве зарождались все начинания русской культуры. Там было создано печатное дело и напечатана в 1564 году первая книга. В Москве был открыт первый русский театр и в 1703 году издана первая газета. Великий русский ученый Ломоносов основал в Москве первый русский университет. Московский университет сыграл огромную роль в развитии русской культуры. Оттуда вышли прогрессивные русские деятели, представители русской общественной мысли, великие ученые, знаменитые писатели, политические деятели.

В Москве творили величайшие мастера русской литературы, гениальные выразители народных чаяний и дум: Крылов, Грибоедов, Пушкин, Герцен, Лермонтов, Достоевский, Островский, Майков и другие.

Даже после того как столицей стал Петербург, Москва оставалась важным центром русской культуры.

«Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы», — говорил Пушкин. Москва — мать русской культуры, сердце и мозг русского народа.

Еще со времен Иоанна Четвертого армянский народ стремился связать свою судьбу с Москвой. В начале девятнадцатого века эта мечта осуществилась; присоединившись к России, армянский народ непосредственно приобщился к русской культуре. В Москве открылся Лазаревский институт восточных языков, замечательное учебное заведение, которое дало армянскому народу много деятелей науки и литературы, получивших русское образование. В Лазаревском институте воспитывались поэты Смбат Шахазиз, И. Иоаннисиан, В. Терьян. В Москве Ст. Назарянц и М. Налбандян издавали армянский журнал «Юсисапайл» («Северное

сияние»), проникнутый свободолюбивыми, демократическими идеями эпохи. Этот журнал сыграл огромную роль в развитии армянской общественной мысли.

Великая Октябрьская революция положила начало новой эпохе в вековой истории Москвы. Москва стала первой социалистической столицей, знаменем нового мира для трудящихся всего земного шара, очагом социалистических идей, зажженным гением бессмертного Ленина. Москва — столица Союза Советских Социалистических Республик, которые растут и крепнут вместе с ее мощью.

Советский Союз в Отечественной войне одержал небывалую победу над фашизмом. Оборона Москвы была обороной власти Советов.

Все народы Советского Союза вместе с великим русским народом отдавали свою кровь, чтобы отстоять священный город. И эта самоотверженная защита Москвы сделала ее еще более дорогой для нас, для всех народов Советского Союза.

Москва не только столица Советского Союза, она город-мир, богатейший арсенал, откуда получают оружие мира все, кто стремится к миру во всем мире, к справедливости и счастью.

Москва — город-мир для всего передового человечества. Она твердо и неуклонно идет к новым победам, победоносно шествует к своему светлому будущему.

От всего сердца приветствую восьмисотлетие великой Москвы и желаю славному юбиляру вечной славы и могущества!

1947

А. ФАДЕЕВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС[1]

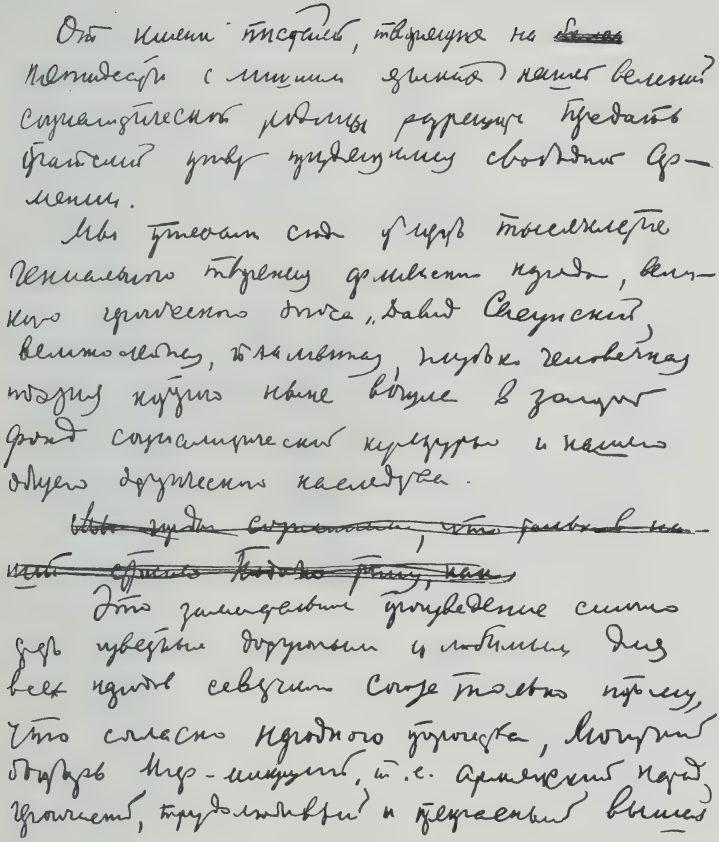
Товарищи!

От имени писателей, творящих на пятидесяти с лишним языках нашей великой социалистической родины, разрешите передать братский привет трудящимся свободной Армении.

Мы приехали сюда отметить тысячелетие гениального творения армянского народа, великого героического эпоса «Давид Сасунский», великолепная, пламенная, глубоко человечная поэзия которого ныне вошла в золотой фонд социалистической культуры и нашего общего дружеского наследства.

Это замечательное произведение смогло стать известным, доступным и любимым для всех народов Советского Союза только потому, что, согласно народному пророчеству, могучий богатырь Мгер-младший, то есть армянский народ, героический, трудолюбивый и прекрасный, вышел из много-

[1] Речь, произнесенная на открытии 7-го пленума ССП СССР, посвященного тысячелетию эпоса «Давид Сасунский», 15 сентября 1939 г. в Ереване.



Факсимиле рукописи А. Фадеева.

векового заточения. В то время как на необъятных пространствах Европы и Азии скрещивались мечи несправедливой империалистической войны, на одной шестой земного шара осуществилось народное пророчество — зло уходит из мира, земля перестала быть лживой, хорошо плодоносят колхозные поля и уже очень скоро колхозная пшеница будет как лесной орех и ячмень будет как ягода шиповника.

Мы гордимся героическим прошлым армянского народа, мы преклоняемся пред его великолепными социалистическими достижениями, мы верим в его прекрасное будущее, мы любим его поля, стройки, его стахановцев, его детвору, его искусство, это ясное небо, раскинувшееся над ним и это пламенное животворящее солнце, которое светит не только над армянским народом, но и над всеми народами Советского Союза, солнце социалистической свободы, солнце Ленина...

И если враг посягнет на нашу землю и наш труд, мы все, как один, подымем разящий меч-молнию четырех поколений сасунских богатырей, меч труда и свободы народов, сверкающий и неотразимый меч народной кары и гнева и вместе с трудящимися всего мира на всех необъятных просторах земли разнесем впрах строй угнетения и рабства и установим новый строй — строй справедливости и народного счастья.

Да здравствует свободный армянский народ!

Да здравствует нерушимое братство народов Советского Союза!

Да здравствует наша многонациональная, могучая, непобедимая и свободная социалистическая культура!...

Памятник Давиду Сасунскому в Ереване

А. Фадеев с группой армянских литераторов в Колонном зале Дома Союзов в дни Второго Всесоюзного съезда писателей (1954).

Группа русских и армянских писателей в Доме культуры Армянской ССР в Москве (1940).

Д. ДЕМИРЧЯН

ОБ А. П. ЧЕХОВЕ[1]

Чехов — настоящий русский человек с неисчерпаемым душевным богатством, с чистыми мыслями и ясными чувствами. Когда я пытаюсь представить себе Чехова, я вижу перед собой чуткого, по-русски доброго человека, которому было суждено с большой болью в душе укорять людей, стыдить их. И кажется мне, что Чехов, создавая свои бессмертные произведения, мысленно как бы обращался к своим современникам: «Будьте настоящими людьми, не вынуждайте меня к тому, чтобы я... укрощал вас. Ну, какой из меня укротитель? Я же люблю вас...». Перечитывая Чехова, вновь и вновь чувствуешь, что свои удары он наносит не по человеку вообще, а по конкретным человеческим порокам — и именно потому, что любит и уважает человека. Чехов не был равнодушен к людям: он или любил, или ненавидел.

[1] Высказывания Д. Демирчяна о Чехове, Фадееве, Островском даны по первому изданию настоящей книги: «Дружба», Ереван, 1956.

Читаешь «Степь» и думаешь: в раздольных степях России воспитывалась благородная душа русского человека; здесь он почувствовал свою силу, здесь печать глубоких раздумий легла на его чело, здесь чувство любви к родной земле, к родной природе выросло и окрепло с тем, чтобы всегда сопутствовать русскому человеку. Как глубоко почувствовал и передал Чехов! Кистью смелого художника-обличителя вывел он на всеобщее осуждение и осмеяние уродливые типы Беликовых, Очумеловых, Пришибеевых, но при этом Чехов был и остался вдохновенным певцом человеческой красоты, живописцем природы. Он один из самых, если можно так сказать, русских писателей, чья деятельность всегда была озарена идеями добра и гуманизма.

В царской России, в условиях, где были попраны человеческие права людей, чеховское творчество, проникнутое идеями братской солидарности простых тружеников, призывающее к духовному благородству, к человеческому достоинству, явилось той прогрессивной, ободряющей силой, которая воспитывала русских людей и людей других народов. Ведь чем глубже гениальный художник проникает в жизнь своего народа, тем интернациональнее, тем ближе и понятнее его творчество всем народам.

Чехов учит советских читателей не только душевному благородству и высокой ответственности за писательский труд; он также учит писать. Вот чеховская новелла, рассказ, образ, «маленькая» картина, — как легка манера письма, как прост стиль, естествен сюжет! Как легко писать! — подумает иной неискушенный человек.

А попробуйте-ка!

Я перевел на армянский язык гоголевские «Мертвые души» и многие рассказы Чехова. Были «гоголевские трудности», не меньше было «чеховских». При переводе классиков как-то особенно понимаешь великий труд писателя, труд, без которого нет мастерства. Большой труд всюду, где есть большое искусство, — в музыке, в живописи, в скульптуре, ибо в творческих трудностях рождается правда, та «простота», которая вызывает иногда наивную мысль: «Взял бы и написал, как Чехов!».

В суровых руках времени что-то из наследия любого писателя старится и исчезает. Но одно остается навеки — эмоция, вне которой не может жить ни одна идея. Чеховская эмоция — благородная, глубокая, искренняя человечность — будет вечно жить. Она — самое драгоценное в Чехове.

И мы, советские люди, все сильнее и сильнее любим великого русского писателя-гуманиста Антона Павловича Чехова.

Об А. А. Фадееве

Светел и ясен духовный мир самоотверженного гражданина, коммуниста, большого советского писателя Александра Фадеева. Он силен гармоническим единством многих качеств — честности, благородства, принципиальности, целеустремленности, смелости.

Фадеев для меня — яркое олицетворение всего по-русски доброго и светлого, самоотверженного и красивого, здорового и сильного.

Каждый раз, думая о нем, я вижу его в водовороте бурной политической, литературной и общественной жизни. Беспокойный это человек, писатель-борец, местом работы которого является не тихий кабинет, а бескрайние просторы жизни, Родины, мира. Вспоминая о нем, мысленно переносишься в партизанские отряды, видишь его в огне гражданской войны, на передовом рубеже борьбы за новую, социалистическую культуру.

Фадеев один из самых образцовых советских писателей; в его произведениях правдиво отображена развивающаяся и перестраивающаяся действительность, органически слиты глубокая идея и совершенная форма.

Творить, переделывать — вот пафос творческого труда Фадеева.

Он бережно относится к слову, он скуп и строг в отборе красок, но щедр в человечности, в эмоциях. Он утверждает — всегда вдохновенно, всегда поэтично — красоту человека, он, как русский писатель, один из певцов человеческой красоты.

Фадеев видит и находит человеческую красоту не в салонах и не в будуарах, не в мещанском «уюте» и покое, а на суровых дорогах борьбы за новую жизнь, там, где кипят большие страсти, светят бессмертные идеи, побеждают сильные духом.

Фадеев из тех оптимистов, чья муза никогда не унывает, сражается — не уступает, побеждает вместе с народом, вдохновляется великими идеями партии. «Ни шагу назад, только вперед!» — вот что я слышу со страниц фадеевских книг, воспевающих красоту Человека с большой буквы...

О Николае Островском

...Он вступил в борьбу при таких обстоятельствах, из которых, казалось, не было выхода. И вот когда другие отступают, считая все потерянным, когда угасает сама мысль о надежде, герой Островский не умер, как многие. Получив смертельную рану, он прожил всего тридцать два года, из коих девять лет прикованным к постели. Смерть медленно, неумолимо подкрадывалась к нему.

Вспомним Мересьева. Ведь он также был занесен в список умерших. Посмотрим на этих двух приговоренных к смерти, проследим их возрождение и возвращение к новой жизни, к новому солнцу, к новому творчеству. С одной стороны — угроза смерти, инвалидность, с другой — упорное стремление к жизни, к созиданию. Высокое политическое сознание, беззаветная преданность партии и Родине, огромная сила воли — бороться и побеждать! — вот черты, характеризующие стального Корчагина, Брузжака, Жухрая...

Образ Николая Островского не только восхищает, он — как надежное оружие для нас. Пафос социалистической революции — душа Корчагина, это огонь, захвативший сердца героев Великой Отечественной войны. На бессмертный корчагинский путь стали Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Саша Чекалин, Юрий Смирнов, герои Краснодона. Своими бесстрашными подвигами вошли в душу советских людей павшие смертью храбрых за отечество сыны армянского народа — Унан Аветисян и Нельсон Степанян. Они тоже жили и боролись по-корчагински. Многомиллионная молодежь, готовая к самопожертвованию и победе, — вот кто герои нашего времени.

Полная возвышенной добродетели жизнь больного и слепого молодого человека зажгла своим неугасимым огнем сердца молодежи всего мира.

Думая об Островском, я всегда вспоминаю крылатое армянское слово, дошедшее до нас еще с пятого века: «Смерть неосознанная — смерть, смерть осознанная — бессмертие».

Рассказывать об ушедшем из жизни Островском мало, о нем надо петь. Дело его мужественно прожитой жизни — подвиг, и подвиг этот требует героического воспевания.

А. ДОВЖЕНКО
народный артист
РСФСР

Я ЗНАЮ АРМЕНИЮ[1]

Я не был в этой прекрасной республике, но полюбил, когда мне довелось совершить путешествие по документальному фильму примерно десять лет назад. Я смотрел кадр на кинопленке и думал о том, какая древняя, богатая культура у армянского народа, какой блеск творческой мысли в наши советские дни. Я тогда написал дикторский текст и навсегда полюбил Армению — эту старейшую античную страну, страну очень сложной, полной подчас трагических страниц истории, а сегодня молодую и необычайно красивую страну тружеников и блестящих умов.

Армяне — великие зодчие, они непревзойденные мастера-каменщики. Подтверждением может служить необычайно красочный облик архитектуры Еревана.

[1] «Коммунист», № 136, Воскресенье, 10 мая 1956 г.

Я не был в Армении. Разве можно сказать, что я не был в Армении, если я был в Москве на выставке Мартироса Сарьяна — этого великого колориста.

А имя великого Аветика Исаакяна? Разве он не так близок и понятен нашим сердцам, как и сердцам своих земляков?

Кто не гордится Арамом Хачатуряном, одним из лучших композиторов современности?

Трудящиеся Армении в своей стране добились больших успехов и в хозяйственной жизни. Имена многих новаторов сельского хозяйства и промышленности знакомы нам. Эту силу народу-труженику дала великая Коммунистическая партия Советского Союза.

На экранах Москвы демонстрируются с успехом фильмы, выпущенные Ереванской киностудией, которая долгое время творчески молчала.

Нашим братьям армянского кино большой привет. Они тоже помогли познать Армению.

Я был в Армении... и полюбил этот талантливый народ всем сердцем, всей душой и навсегда.

В эти декадные торжественные дни я необычайно счастлив успехом мастеров армянского советского искусства и литературы.

С. ЗОРЬЯН

О ПЕРЕВОДАХ Л. Н. ТОЛСТОГО[1]

Лев Николаевич Толстой — величайший писатель не только русской, но и мировой литературы. Своим титаническим охватом событий, редким даром правдивого описания жизни, души народных масс Толстой не имеет себе равных в европейской литературе.

А. М. Горький в воспоминаниях о В. И. Ленине пишет:

«Как-то пришел к нему и вижу: на столе лежит том „Войны и мира".

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты...

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище? Вот это, батенька, художник...

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого».

[1] «Дружба», Ереван, 1956.

Действительно, некого. Такой взыскательный художник, как Анатоль Франс, говорил: «Эллада дала Гомера, Россия — Толстого». То есть старый мир в литературе дал Гомера, новый — Толстого.

Любовь армянского читателя к Л. Толстому возникла еще при жизни гениального писателя. Его произведения переводились в 70-х годах прошлого столетия, отдельные же рассказы включались в хрестоматии. С годами любовь к Толстому все более росла; на армянском языке были изданы «Анна Каренина», «Воскресение», повести и рассказы. Некоторые из них выдержали несколько изданий. После установления советской власти в Армении издание сочинений Толстого достигло огромных размеров. Социалистический строй создал замечательные условия, позволяющие сделать действительным достоянием народа все замечательные произведения Толстого.

Лично я перевел «Войну и мир», «Казаки», «Севастопольские рассказы», «Поликушку», «Кавказского пленника», «Люцерн» и детские рассказы.

В 1948 году Госиздат Армении приступил к изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого в десяти томах. Последний — десятый — том вышел в свет в 1950 году. В десять томов вошли все выдающиеся сочинения великого писателя: романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повести и рассказы и три пьесы: «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп».

Как один из редакторов этого издания, должен сказать, что в десятитомнике мы использовали старые переводы, сличив их с оригиналами. В тех случаях, когда старый перевод не удовлетворял нас, мы переводили заново. По-моему, задача каждого переводчика не только переводить текст доподлинно, но и сохранить особенности стиля, творческой манеры и приемов автора. Читатель должен прочитать не только интересное повествование в переводе, но и почувствовать дыхание автора, его мастерство, тонкости этого искусства. Например, «Люцерн» и «Кавказский пленник» написаны разным стилем. Переводчик обязан довести до читателя это различие, иначе перевод потеряет свою художественную силу и ценность.

Перевод сочинений Л. Н. Толстого, несмотря на трудности, доставил мне огромную творческую радость, и в процессе перевода я многому учился у Толстого. Да, у гениального мастера слова Л. Н. Толстого многому может на-

учиться каждый, особенно писатель. Я знаю, как наша общественность любит творения Толстого, и уверен, что внимательное чтение сочинений великого писателя даст очень многое нашим молодым писателям в овладении литературным мастерством.

Выход в свет на армянском языке собрания сочинений Л. Н. Толстого в десяти томах — лучшее проявление чувств любви и уважения армянского народа к памяти гениального русского писателя.

1950

О Ф. М. Достоевском

Достоевский — один из величайших гениев мировой литературы. С самого же начала своей творческой деятельности он стремился описать жизнь униженных и оскорбленных, обездоленных большого города. С большой художественной силой он создал правдивые картины русской действительности, беспощадно разоблачая помещичье-буржуазный строй, с великой болью в сердце он отразил тяжелые физические и моральные страдания отверженных. Этим благородным, гуманистическим пафосом пронизаны «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и многие другие произведения Достоевского.

Достоевский — один из глубочайших и сложных авторов мира. Сложны и противоречивы темы его сочинений, их композиция, их идейная направленность. Как великий гуманист, Достоевский болезненно переживает за судьбы обездоленных, гневно обличает угнетателей, но выход из этого трагического положения он видит не в борьбе, а в христианской покорности, в смирении. Так рождаются в его произведениях образы Мышкина, Зосимы, Алеши Карамазова...

Советским людям Достоевский дорог как могучий художник слова, бесстрашно выступивший против всего, что калечило человека, что мешало развитию добрых и благородных начал в жизни. Нам дорого чуткое, так много перестрадавшее сердце писателя, бессмертные творения которого умножили мировую славу русской литературы и навсегда останутся в памяти потомков.

1956

Величайшим даром богов у древних греков считалось чувство меры.

Этим счастливым свойством обладал в совершенстве Антон Павлович Чехов. О чем бы ни писал этот удивительный мастер, все было естественно, типично и проникнуто идеальным чувством такта и меры. Никакой преднамеренности, никакой схемы, риторики, ни одного лишнего штриха, ни одного напыщенного слова. Реальная жизнь, переданная скупыми, но яркими чертами, встает со страниц произведений писателя. Он пишет так непосредственно и живо, что создает полную иллюзию действительности, причем достигает этого, не прибегая к внешним эффектам. Поэтому его произведения захватывают читателя. Они обладают свойством «заражать», которого по праву требует Лев Николаевич Толстой от художественного произведения.

Я не знаю, кто мог бы сравниться с Чеховым по лаконичности и сжатости слога. Слова Чехова, что «краткость — сестра таланта», были блестяще им доказаны. Он действительно умел говорить кратко и глубоко, кратко и талантливо. Он удивительно немногословен при изображении человеческих характеров. Но так же скуп на слова Чехов при описаниях природы, и, несмотря на эту краткость, природа в его произведениях всегда жива, осязаема и свежа. Вспомним «Степь», «Свирель» и ряд других его произведений.

Чехов поразительно усовершенствовал «технику» прозы, сделав ее удивительно легкой, гибкой, выразительной. Он пришел со своей новой культурой слова, со своей характерной манерой повествования.

Чехов создал свой собственный стиль. Начав с коротких юмористических рассказов, в которых порою чувствовалось дыхание Гоголя и Щедрина, Чехов вскоре выработал свою самостоятельную манеру, свой стиль. У него нет, конечно, ни гиперболических обобщений, ни яростной, бичующей сатиры Щедрина. Однако, описывая обыкновенную жизнь обыкновенных людей, Чехов рассказывал о будничных, грустных или смешных явлениях этой обыкновенной жизни так ясно, с такой острой и разносторонней наблюдательностью, с таким тонким психологизмом и с такой силой обобщения, что создал громадное количество разнообраз-

ных типических характеров, поражающих своей художественной законченностью.

О тонкой литературной технике Чехова, о его искусстве можно писать много. На бесчисленных примерах можно показать, как самыми простыми, ясными словами писатель достигал больших художественных обобщений.

Чехов писал о теневых сторонах жизни, не повышая голоса. Это был сознательный литературный прием. Внимательный читатель за этим приемом всегда сумеет угадать большое сердце писателя, страдающего от уродливых сторон жизни, думающего о судьбе обездоленных. Вспомним хотя бы его рассказы «Тоска», «Горе», «Ванька», «Спать хочется» и многие другие, каждый из которых представляет собой шедевр искусства.

Эта литературная особенность автора давала повод некоторым современным ему критикам считать, что Чехов — безыдейный писатель, что он пишет лишь для увеселения публики. Так писал, например, о Чехове К. Михайловский.

До чего глубокое заблуждение! Говорить так об авторе, все творчество которого так богато и так разнообразно представляет социальную жизнь своего времени!

Михайловский, Скабичевский и другие критики не видели за его тонким искусством большой мысли, объединявшей его произведения, мысли о том, что так дальше жить нельзя, что человек не должен быть мелочным, пошлым и ничтожным, каким он представал в произведениях Чехова, что Пришибеевы и Беликовы отравляют жизнь общества. Эти критики (не перевелись такие и сегодня) риторику и голые идеи всегда предпочитали подлинному искусству. Они не замечали той острой издевки, которой Чехов подвергал мещанство, царских чиновников и эгоистическую, безыдейную интеллигенцию.

На творчестве многих русских писателей позднейшего периода сказалось влияние Чехова. Мы обязаны Чехову культурой короткого, но содержательного рассказа, и в этом отношении в мировой литературе Чехов занимает почетное место.

Влияние Чехова не ограничивается одной Россией. Можно видеть следы его в творчестве писателей многих народов. Так, мне кажется, что влияние его заметно в произведениях латышского писателя Андрея Упита (в начальный период его творчества), украинского писателя Коцюбинского и др.

Говоря, в частности, об армянской литературе, я должен отметить, что некоторые из армянских писателей также находились под благотворным влиянием Чехова. В первую очередь это влияние заметно в творчестве нашего известного беллетриста, современника Чехова, Нар-Доса, который очень высоко ценил Чехова. Вот что Нар-Дос писал в своем письме к русскому критику Юрию Веселовскому:

«Из новейших русских писателей я очень люблю Чехова, самое небольшое произведение которого стоит многотомных романов. По-моему, из русских беллетристов один лишь Чехов является носителем лучших традиций русского повествовательного творчества».

Не только Нар-Дос, но и другие армянские писатели и критики еще при жизни Чехова с большой теплотой отзывались о нем. В армянском обществе издавна любили Чехова. Еще в 90-х годах его рассказы постоянно печатались на страницах армянской периодической печати, в журналах и газетах, а также выходили отдельными сборниками.

Безгранично близкий русскому читателю, он пользовался любовью и симпатиями также и в кругу армянских читателей. В Чехове армянские читатели видели писателя, критикующего мещански-самодовольную, узко-ограниченную среду, глубоко передающего в своих миниатюрных произведениях психологию живых людей, наделенных реальными типическими чертами.

Я лично высоко ценю эти качества Чехова и многому научился у него. Не мне судить, в какой мере сказалось его воздействие на моих произведениях.

В советский период любовь к Чехову в Армении еще больше возросла. Если прежде произведения Чехова издавались случайно и бессистемно, то теперь в Советской Армении его сочинения издаются по плану, в массовых тиражах.

Несколько слов об армянских переводах Чехова.

Кто-то сказал, что перевод — это роза под стеклянным колпаком: она сохраняет вид, но лишена благоухания.

Я думаю, что это относится лишь к механическим переводам, когда переводчик не живет содержанием книги, не творит, как художник. Подобный переводчик оправдывает слова того итальянского автора, который сказал, что «перевод — предательство».

Мне кажется, что перевод — это творчество, искусство. И переводчик, овладевший этим искусством, сумеет в известной степени передать аромат подлинника.

Работая как переводчик, я всегда стремился не только оставаться верным тексту автора, но и сохранять его стиль, интонацию, особенности приемов, языковые оттенки речи каждого персонажа. Без этого читатель не сможет получить подлинное художественное наслаждение от переведенной книги.

Мне мало пришлось переводить Чехова. Я больше переводил Л. Толстого («Война и мир», «Казаки» и др.), Тургенева (повести). Но я могу сказать, что переводить произведения Чехова трудно. Он является одним из тех тонких писателей, каждое слово которых играет важную роль в построении сюжета, в характеристике персонажей. Переводчик произведений Чехова, помимо отличного понимания подлинника, должен свободно владеть сокровищами своего родного языка, глубоко чувствовать его тонкость, и только тогда он может воссоздать Чехова на своем языке.

Чехова надо переводить так, как переводят хорошее стихотворение, стараясь передать все нюансы и образы. Пропуск или неточный перевод хотя бы одного слова Чехова может порвать ткань повествования, исказить характеристику персонажа.

И переводчик должен много работать, чтобы найти нужное, а не случайное слово, он должен творить, чтобы подыскать точный и единственный синоним для выражения мысли и образа великого писателя.

Надо отметить, что переводы многих произведений Чехова, выполненные армянскими переводчиками, несомненно, можно причислить к удачным. В первую очередь мне хотелось бы упомянуть о переводчике дореволюционного периода Тигране Ованнисяне. В советское время хорошо поняли и успешно перевели Чехова А. Хондкарян и А. Мазманян. Переводят Чехова также и новые, молодые литераторы, с которыми мне часто приходится беседовать о принципах перевода.

Помимо того, что отдельные книги Чехова выходили в свет в издании Айпетрата (Госиздат Армении) и в прежние годы, в связи с 50-летием со дня смерти великого писателя вышел в свет трехтомник его произведений, куда вошли и его пьесы. Между прочим, некоторые из пьес Чехова шли на армянской сцене еще до Великой Октябрьской революции и неизменно встречали горячий прием. Ныне в репертуаре Ереванского драматического театра имени Сундукяна почетное место занимает «Вишневый сад».

Один из секретов нашей любви к Чехову заключается в том, что, несмотря на мрачные явления жизни, отображенные в произведениях Чехова, его творчество оптимистично. Своими произведениями Чехов порождал в читателях ненависть к эксплуататорскому строю, веру и мечту о лучших днях, о светлом будущем.

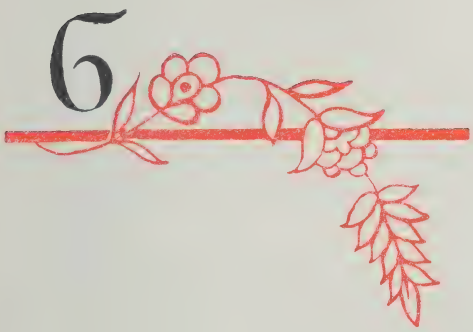
Слова доктора Астрова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» («Дядя Ваня»), выражают идеал Чехова, который он всегда связывал с прекрасным будущим своей Родины. Он хотел видеть человека свободным от пороков, повседневных мелочей, хотел, чтобы каждый стал полезным обществу, совершенным человеком.

Творчество Чехова имеет не только большое познавательное значение, оно сохранило свое воспитательное значение, ибо и по сей день в нашей жизни еще встречаются носители пережитков старого — эгоисты, корыстолюбцы и мелочные люди.

Да, подлинное творчество, подлинное искусство не утрачивает свежести и всегда говорит поколениям о новом. Творчество Чехова содержит много поучительного и для советских писателей. Оно учит нас не забывать о высоких традициях высокого искусства, совершенствовать литературное мастерство, сторониться схематизма, преднамеренности и риторики.

Творчество Чехова и его мастерство призывают нас чтить слово и чувствовать свою глубокую ответственность перед читателем и народом.

1954



А. СВЕШНИКОВ
народный артист СССР
профессор

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АРМЕНИИ И МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

Культура армянского народа развивается со времен глубокой древности. Ее памятники архитектуры говорят об истории тысячелетий. Ее памятники литературы насчитывают не меньшую давность. Глубоко в древность уходит и музыкальная культура армянского народа.

Новый период возрождения и расцвета армянской литературной культуры, поэзии, музыки начался с XIX века, когда армянский народ, связав свою судьбу с великим русским народом, с русской культурой, создал значительные культурные ценности. Но культура армянского народа, в том числе и музыкальная, в дореволюционное время не получила должного развития.

Это не значит, что Армения не имела отдельных талантливых и самоотверженных художников. Эти художники

были, они оставили глубокий след в музыкальной культуре, но их деятельность протекала в необычайно тяжелых условиях борьбы с царизмом, национальным гнетом и с армянской буржуазией.

Таким передовым борцом за народную музыкальную культуру прежде всего был знаменитый композитор, ученый и общественный деятель Комитас — один из первых собирателей и исследователей богатств армянской народной музыки.

Он был первым гениальным художником, создавшим на основе народных творений изумительные, непревзойденные музыкальные произведения. Его со всей справедливостью называют основоположником армянской классической музыки. Комитас является также и первым в Армении музыкальным историком, теоретиком и критиком. Однако деятельность гениального музыканта протекала, как известно, в необычайно тяжелых условиях, он подвергался гонениям, был сослан турками и трагически окончил свою жизнь.

Однако подлинный расцвет музыкальной культуры Армении наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Только после Великого Октября все завоевания культуры стали народным достоянием, только теперь государственный и общественный строй обеспечил могучий расцвет культуры.

«...миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, — говорил В. И. Ленин, — все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий» [1].

Истерзанный голодом, нищетой, царскими чиновниками, произволом своей буржуазии и помещиков, армянский народ благодаря помощи великого русского народа с уверенностью в своем замечательном будущем вступил на путь социализма. Наступила эпоха расцвета армянской культуры — культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. С первых же дней установления советской власти в Армении начинают бурно развиваться народное

---

[1] Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, М., 1955, стр. 68.

образование, искусство, наука, литература, расти культурные учреждения, в том числе музыкальные.

В этот период начала выполнять свою благородную задачу культурной помощи братскому народу Армении Государственная Московская консерватория. Это не было случайностью. Русскому народу, старшему среди равных народов СССР, принадлежит выдающаяся роль в создании и укреплении социалистической культуры.

Являясь подлинным центром музыкальной культуры Советского Союза, одним из замечательных музыкальных учреждений страны, Московская консерватория сыграла выдающуюся роль в деле воспитания музыкальных кадров братских республик, в том числе Армении.

Дав мировой музыкальной культуре в свое время таких композиторов, как С. Танеев, С. Рахманинов, А. Скрябин; пианистов А. Зилоти, К. Игумнова; скрипачей Барцевича, Эрденко; виолончелистов А. Брандукова, Е. Белоусова и других, консерватория была признанным центром всей русской музыкальной культуры.

Вместе с тем Московская консерватория уже в первые десятилетия своего существования начала оказывать благотворное влияние на развитие музыкальных культур братских народов.

После Великой Октябрьской социалистической революции выдающаяся деятельность консерватории получила особый размах. Если до Октябрьской революции в консерватории насчитывалось 150—200 учащихся, то теперь в ней обучается около 2000 человек. Это уже мощный учебный музыкальный комбинат, в составе которого: высшее учебное заведение с его пятью факультетами (теоретико-композиторский, фортепианный, оркестровый, вокальный и дирижерско-хоровой); музыкальное училище с детским отделением; центральная музыкальная школа для особо одаренных детей; национальные студии.

В аспирантуре Московской консерватории, являющейся высшей формой подготовки специалистов, обучаются десять сынов и дочерей армянского народа.

Консерватория располагает также оперной студией, являющейся как бы ее творческой лабораторией в деле вокально-сценического воспитания учащихся.

После Октябрьской революции доступ в консерваторию был открыт для всей музыкально одаренной, талантливой молодежи многонационального Советского Союза. В соста-

ве учащихся и преподавателей в консерватории в настоящее время находятся представители до тридцати национальностей.

Здесь следует отметить, что еще с первых лет существования консерватории ее учениками были отдельные выдающиеся музыкальные деятели Армении, в том числе классик армянского романса Р. Меликян — ученик Танеева. Воспитанником Московской консерватории являлся также дирижер К. С. Сараджев, состоявший с 1922 по 1938 год профессором Московской консерватории по кафедре дирижирования и многие годы возглавлявший Ереванскую консерваторию.

Сюда же надо отнести Мирзоеву М. М., окончившую Московскую консерваторию с золотой медалью. Имя М. М. Мирзоевой занесено на мраморную доску консерватории. С 1932 года М. М. Мирзоева начала педагогическую работу в Московской консерватории, где она состоит профессором класса сольного пения и по сей день.

После Великой Октябрьской социалистической революции, почти за тридцатидвухлетний период, Московская консерватория воспитала около 325 музыкантов Армении.

Бурный рост музыкальной культуры в Советской Армении, где открылись все возможности для развития творческих сил народа, вызвало создание собственной базы для развития профессионально-музыкальной жизни Армении. Кроме студий, позднее консерватории, оперного театра, в Армении организуются музыкальные школы, филармония, самодеятельные музыкальные кружки, хоры, оркестры и т. п.

Большая заслуга в этом принадлежит воспитанникам Московской консерватории — уже упомянутому Р. Меликяну и дирижеру Г. Будагяну.

Народный артист Армянской ССР Г. Будагян стал музыкальным деятелем Армении. В дни декады армянского искусства в Москве в 1939 году он дирижировал оперой А. А. Спендиарова «Алмаст». До настоящего времени он продолжает работать в Ереванской консерватории.

В то время как бывшие воспитанники Московской консерватории развивали свое родное музыкальное искусство у себя на родине, сама Московская консерватория росла, расширяя свою деятельность в области воспитания музыкальных кадров братских республик.

Необходимо отметить внимание и заботу, которую уделяли национальным кадрам, в частности, армянским, такие

Квартет имени Комитаса (худ. В. Асланян).

выдающиеся педагоги, как М. М. Ипполитов-Иванов и другие.

Исключительно благотворной была деятельность профессора К. Н. Игумнова, систематически воспитывавшего армян-пианистов. К. Н. Игумнов неоднократно приезжал и работал в Ереванской консерватории и тем самым содействовал развитию и росту армянской музыкальной культуры в целом.

Среди окончивших по классу Игумнова Московскую консерваторию выделяются ныне работающие в Ереване

композитор А. Бабаджанян, пианист А. Амбакумян и другие.

В 1924 году по инициативе студента А. К. Габриэляна, а также Л. М. Огаджаняна и С. З. Асламазяна, под руководством профессора Е. М. Гузикова в Московской консерватории организовался квартет имени Комитаса.

Этому квартету суждено было сыграть огромную роль в деле развития музыкальной культуры Советской Армении. Этот квартет, один из лучших в Советском Союзе, в 1929 году получил звание Государственного квартета Армении имени Комитаса. В 1934 году квартет получил от правительства Советской Армении звание заслуженного ансамбля Армянской ССР. В 1936 году квартету присуждена первая премия за лучшее исполнение произведений советских композиторов и в 1936 году на конкурсе смычковых инструментов — первая премия, а участникам его — персональные звания заслуженных деятелей искусства Армянской ССР. В 1946 году за свою выдающуюся музыкальную деятельность они получают звание народных артистов Армянской ССР.

Состав квартета за время своего существования подвергался некоторым изменениям. Так, в 1933 году после смерти Л. М. Огаджаняна вторая скрипка перешла сначала к Гр. Срабяну, а затем, в 1939 году, к К. Н. Балабаняну.

В настоящее время вторая скрипка и альт перешли к способным воспитанникам консерватории Р. Б. Давидяну и С. Г. Талаляну.

Основатели квартета имени Комитаса являлись в то же время или исполнителями-солистами, или педагогами-профессорами Московской консерватории. А. Габриэлян является солистом, лауреатом Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей и педагогом консерватории. С. Асламазян постоянно ведет педагогическую работу в качестве профессора консерватории. В его работе видное место занимает и композиторская деятельность, он обрабатывает для квартета произведения Комитаса, Спендиарова и других; некоторые из его произведений для квартета являются оригинальными.

В репертуаре квартета наряду с произведениями армянских композиторов большое место занимают произведения классиков русской, европейской музыки и сочинения советских композиторов.

Плодотворная деятельность заслуженного квартета име-

ни Комитаса сыграла большую роль в создании другого квартета — имени Спендиарова.

Московскую консерваторию окончили также Г. Богданян (скрипка), А. Азатян (альт) и Г. Адамян (виолончелист), работающие доцентами Ереванской консерватории имени Комитаса.

В стенах Московской консерватории получил образование ряд музыкантов-исполнителей армян. Среди представителей старшего поколения здесь можно назвать заслуженного деятеля искусств пианиста И. Г. Тер-Давтяна; он вел затем большую педагогическую и общественную работу в Тбилиси и был хорошо известен музыкальным кругам Закавказья. Особенно широко развернулась деятельность И. Г. Тер-Давтяна после Октябрьской революции, когда его педагогическая деятельность стала еще шире и он чаще выступал как исполнитель произведений армянских, грузинских и азербайджанских композиторов.

Получивший музыкальное образование в консерватории виолончелист Армен Георгиан известен как крупный исполнитель и автор транскрипций для виолончели. Систематически выступая у центрального микрофона радиовещания, А. Георгиан в то же время является педагогом класса виолончели в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных.

Известный пианист Арам Татулян, получивший третью премию в 1938 году на Всесоюзном конкурсе пианистов, окончил консерваторию по классу профессора А. Б. Гольденвейзера и в настоящее время свою исполнительскую работу сочетает с педагогической в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных.

Наконец, В. Мержанов, талантливый пианист, получивший в 1945 году первую премию на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, окончил консерваторию с занесением на мраморную доску.

Из исполнителей-вокалистов следует отметить ныне солистов — артиста Армянской оперы Г. Габриэляна, А. Петросяна и В. Григоряна, артисток Московской филармонии — Э. Алиханову и З. Седракян.

По классу профессора Эрдели успешно окончила артистка К. Сагателян.

Велика заслуга консерватории в подготовке композиторов армян.

В числе композиторов, получивших образование в Московской консерватории, видим мы и Н. К. Чемберджи. Его творчество занимает видное место в советском музыкальном искусстве. Написанные им произведения по своей тематике связаны с темами Востока.

Московскую консерваторию окончил крупный советский композитор, народный артист СССР и Армянской ССР Арам Хачатурян. Творческий путь его своеобразен и ярок. В отличие от многих других композиторов, он начал свое музыкальное образование лишь в девятнадцатилетнем возрасте, когда без всякой теоретической подготовки поступил в техникум имени Гнесиных по классу виолончели. Уже вскоре на занятиях по общетеоретическим дисциплинам выявились его творческие способности, и он был переведен в класс композиции.

В Московскую консерваторию А. Хачатурян поступил в 1929 году. Здесь создает он свои первые произведения, среди которых: «Трио для кларнета, скрипки и фортепиано» (1932), соната для скрипки и фортепиано (1932), «Танцевальная сюита» для симфонического оркестра (1933). Уже эти произведения со всей очевидностью говорят о творческом росте композитора. В 1934 году А. Хачатурян блестяще оканчивает консерваторию. Его имя заносится на мраморную доску отличия; позднее он успешно окончил и аспирантуру.

Московскую консерваторию окончил один из талантливых советских композиторов Вано Мурадели.

В 1936 году Московскую консерваторию окончил композитор Гр. Егиазарян, ныне руководитель класса композиции и директор Ереванской Государственной консерватории имени Комитаса. Им написан ряд вокальных и инструментальных произведений. На республиканском конкурсе за симфоническую поэму «Армения» ему была присуждена премия.

Нам остается еще назвать молодого талантливого композитора — воспитанника Московской консерватории К. Хачатуряна, лауреата Международного фестиваля демократической молодежи в Праге.

К. Хачатурян на этом фестивале разделил первую премию с А. Муравлевым. Его соната для скрипки и фортепиано получила высокую оценку комитета фестиваля. А. Бабаджанян получил на фестивале вторую премию за фортепианный концерт.

На примере деятельности Московской консерватории по воспитанию музыкальных кадров братской Армянской республики отчетливо видно, как воспитанный на ленинских идеях равноправия и дружбы народов русский народ помогает всем народам нашей страны.

Музыканты Советской Армении занимают одно из видных мест в области музыкального искусства. Нельзя говорить о музыкальном искусстве Советского Союза, не включая в это понятие армянскую музыкальную культуру.

Московская консерватория гордится своим вкладом в дело развития армянской музыкальной культуры. Московская консерватория гордится тем, что ее бывшие воспитанники армяне, в свою очередь, воспитывают у себя на родине музыкальные кадры и с успехом работают в качестве исполнителей. А сама Московская консерватория все в большей и в большей степени впитывает в себя талантливую молодежь нашего многонационального Союза, причем все больше и больше крепнет взаимная связь между музыкальными культурами братских республик.

1947

Ю. БРЮШКОВ
заслуженный артист РСФСР
профессор

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ И АРМЯНСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Каждого истинного любителя и ценителя музыки не может не пленять глубоко самобытная, отмеченная печатью яркого таланта музыка армянского народа. Уходя своими корнями в седую древность, пройдя сквозь века, через ряд исторических периодов, она запечатлела многообразные стороны жизни, быта народа, его мысли и чаяния.

Поистине прекрасны армянские народные песни и танцы, полные глубокого чувства и своеобразия. Одни из них изящны, грациозны, лиричны, другие, наоборот, насыщены большой драматической силой, мужеством, героикой. А как ярко самобытно искусство народных музыкантов-профессионалов — ашугов, давшее миру такого замечательного поэта — певца дружбы между народами, каким был Саят-Нова.

Ценный вклад в сокровищницу национальной музыкальной культуры внесли в прошлом армянские композиторы Х. Кара-Мурза, М. Екмалян, Т. Чухаджян, Н. Тигранян, А. Тигранян и др., и в особенности талантливейшие представители армянской классической музыки Комитас и А. Спендиаров. Глубоко народные, поражающие своим мелодическим богатством, многообразием полифонических приемов развития, хоры Комитаса; красочные, отмеченные тонким вкусом и замечательным оркестровым мастерством симфонические сочинения Спендиарова, и особенно его опера «Алмаст», относятся к общепризнанным жемчужинам мирового музыкального искусства.

Бурного расцвета достигла музыкальная культура армянского народа в условиях советской действительности. Выросли новые кадры, успешно решающие большие творческие задачи, поставленные нашей эпохой перед всей советской музыкой, в том числе и перед музыкальной культурой Советской Армении. Широкую известность в наши дни получили имена многих выдающихся советских музыкантов-армян. Среди них талантливейший А. Хачатурян, лучшие сочинения которого по праву вошли в золотой фонд советской музыки, и молодые композиторы А. Бабаджанян, А. Арутюнян, крупнейший советский дирижер А. Мелик-Пашаев, выдающиеся певицы и певцы А. Даниэлян, Гоар Гаспарян, Зара Долуханова, Т. Сазандарян, П. Лисициан, выдающийся камерный ансамбль — квартет имени Комитаса и многие другие.

С давних пор армянский народ связан узами дружбы и близости с Россией, с русским народом. Эта дружба нашла глубокое отражение и в развитии армяно-русских культурных, в том числе и музыкальных связей. Известно, с каким интересом относились многие выдающиеся русские музыканты к армянской музыке, сколько внимания и любви вкладывали они в дело воспитания армянских музыкантов.

Известно также, с какой любовью и уважением относились всегда передовые музыканты-армяне к русской культуре, как творчески воспринимали они лучшие традиции русской классической музыки.

Исторически сложившаяся традиция армяно-русских музыкальных связей с особой силой проявила свою нерушимость, плодотворность и разносторонность в нашей советской действительности.

Ленинградская консерватория гордится тем, что и она, как старейший очаг русской музыкальной культуры, внесла свой вклад в развитие этой благородной традиции. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции в стенах Петербургской консерватории обучалось немало талантливых сынов армянского народа. Прочные творческие связи были установлены с молодыми армянскими музыкантами великим русским композитором Н. А. Римским-Корсаковым. Относясь с глубоким вниманием и интересом к проявлению народно-национального начала в музыке своих учеников, Римский-Корсаков воспитывал их в духе верности традициям отечественного искусства и творческого усвоения лучших достижений мировой и, в первую очередь, русской музыки.

Первым армянским композитором, получившим музыкальное образование в Петербургской консерватории, был М. Г. Екмалян. В течение десяти лет (1877—1887) он общался со своим учителем Н. А. Римским-Корсаковым, восприняв от него высокую культуру композиторского письма, широту музыкального кругозора и горячую готовность служить своему народу. Подобно своему учителю, сочетая творческую работу с педагогической, дирижерско-хоровой и общественно-музыкальной деятельностью, М. Г. Екмалян впоследствии оказал значительное влияние на развитие армянской профессиональной музыки.

В период обучения в Петербургской консерватории Екмалян написал кантату «Роза» и ряд вокальных и инструментальных пьес. Впоследствии им было много сделано по собиранию и обработке армянских народных песен для многоголосного хора. Значительным вкладом в армянскую культуру явилось крупное музыкальное сочинение Екмаляна «Патараг» («Литургия»). Это произведение, как первый пример воплощения подлинных старинных армянских напевов в многоголосном музыкальном письме, имеет выдающееся культурное значение в развитии армянского музыкального искусства.

Крупнейшую роль в развитии армянской музыкальной культуры сыграла педагогическая деятельность М. Г. Екмаляна, в которой он передавал традиции, воспринятые им в Петербургской консерватории. Воспитывая своих учеников в духе реалистических принципов русской музыки, передавая им свои знания, М. Г. Екмалян способствовал даль-

нейшему укреплению взаимных творческих связей между братскими народами.

Одним из любимых учеников Римского-Корсакова был А. А. Спендиаров. «Мечты мои осуществились, — вспоминал Спендиаров, — в большом волнении весной 1896 года я предстал перед Николаем Андреевичем с кипой моих работ, просмотрев которые, Н. А. признал во мне наличие данных для посвящения себя самым серьезным занятиям композицией и выразил согласие стать моим учителем. Высшую радость и несказанное удовлетворение испытал я, и только с тех пор уверовал в свои силы».

Занимаясь у Римского-Корсакова вне консерватории, Спендиаров вошел в семью петербургских музыкантов, явившись связующим звеном между армянской и русской музыкальными культурами. «Я причисляю себя к русской школе, созданной Глинкой, Балакиревым, Бородиным, Римским-Корсаковым и др., — писал он, — творения этих композиторов — и еще Глазунова и Лядова — больше всего отвечали моему вкусу...».

Через Спендиарова осуществлялось и обратное воздействие армянской культуры на русскую. В общении с этой яркой личностью укреплялся глубокий интерес русских композиторов к восточной музыке. Б. В. Асафьев вспоминал о нем: «Он внушил мне глубокую приязнь к этой, тогда еще неведомой мне стране... Спендиаров рассказал мне и о древнеармянском религиозном мелосе, и о красоте любовных и колыбельных песен...».

Подобно своему учителю, Спендиаров был верен реалистическим принципам, строил свою музыку на глубоком знании народно-песенного творчества, не только армянского и русского, но и других народов СССР. Являясь, по определению Глазунова, «крупнейшим мастером художественного использования фольклора», Спендиаров составил обработки русских, армянских, украинских песен, создал такие прекрасные симфонические произведения, как «Крымские эскизы», «Эриванские этюды», «Три пальмы». Множество превосходных романсов, в том числе на тексты русских и армянских поэтов. В своей кантате «Памяти В. В. Стасова» он воспел русское искусство. В глубоко национальной опере «Алмаст» он воплотил принципы русской оперной драматургии.

Роднит Спендиарова с великими русскими композиторами и широта его общественно-музыкальной деятельности,

стремление отдавать всю свою энергию и силы на общественное дело служения своему народу. Работая в советские годы у себя на родине, Спендиаров был активным строителем ее молодой музыкальной культуры.

Двадцатипятилетняя плодотворная художественная деятельность Спендиарова получила высокую оценку в среде лучших русских музыкантов. В поздравительной телеграмме, подписанной ректором и проректором Ленинградской консерватории А. Глазуновым и А. Оссовским, писалось: «Ленинградская государственная консерватория радостно приветствует славнейшего композитора армянского народа Александра Афанасьевича Спендиарова, высокоталантливого художника, связавшего в своем творчестве традиции великой школы своего учителя Римского-Корсакова с национальным богатством Востока. Да здравствует Армения, да здравствует ее верный сын Александр Спендиаров». В личной телеграмме Глазунов писал: «Ты знаешь, насколько я восхищаюсь твоими созданиями в области твоих звуков, их яркий красочный колорит всегда пленяет меня, и в этом отношении мне трудно найти творцов, тебе равных».

Творческие связи представителей армянской музыкальной культуры с Петербургской консерваторией не прекращались со смертью Римского-Корсакова. Они непрерывно крепли и развивались. В значительной степени этому содействовал А. К. Глазунов, возглавлявший консерваторию в течение почти четверти века (1905—1928), а также и ее другие крупнейшие профессора. В начале десятых годов нашего века в Петербургской консерватории учился выдающийся армянский композитор и педагог Романос Меликян. Тонкий лирик, Р. Меликян создал филигранно-отточенные вокальные миниатюры, вокальные циклы, глубоко национально своеобразные, но тесно связанные с традициями русского классического романса. Его мелодии свидетельствуют об органическом усвоении прекрасных народных напевов, об умении претворять их интонации в своем оригинальном музыкальном письме.

Плодотворная общественно-музыкальная деятельность Р. Меликяна особенно широко развернулась в Советской Армении.

В 1914 году окончил Петербургскую консерваторию и другой крупный армянский композитор Анушаван Григорьевич Тер-Гевондян, ученик А. Глазунова, М. Штейнберга и И. Витоля, в настоящее время народный артист Ар-

мянской ССР, профессор Ереванской государственной консерватории. Видный музыкально-общественный деятель, он многое сделал для развития музыкальных культур республик Закавказья. В разное время он был директором и профессором Ереванской, Бакинской консерваторий, вел педагогическую работу в Тбилиси.

В своей творческой деятельности продолжая традиции своих учителей, А. Тер-Гевондян создал ряд симфонических произведений («Ширакские эскизы», поэму «Ахтамар»), оперы «Седа», «В лучах солнца», балет «Анаит» и др. Тер-Гевондян известен и как автор романсов, популярных массовых произведений, походных маршей, в которых он также использует родные национальные напевы.

В дореволюционные годы Петербургскую консерваторию окончил композитор Саркис Васильевич Бархударян. Заслуженный деятель искусств Армянской ССР и Грузинской ССР, он также много энергии и сил отдал развитию музыкальной культуры и музыкального образования Закавказья. Будучи профессором Тбилисской консерватории, Бархударян воспитал многих советских армянских и грузинских композиторов. Он является автором чрезвычайно поэтичных, отмеченных тонким вкусом армянских фортепьянных миниатюр. Тогда же окончили нашу консерваторию видный армянский композитор Гр. Мирзоян (Сюни), композитор-певец и музыковед М. Агаян, композитор-дирижер Э. Багдасарян. Все они, воспитавшиеся на великих традициях русской музыкальной культуры, сделали значительный вклад в развитие армянской музыки.

Однако не только лишь композиторской школой была связана армянская музыкальная культура с Петербургской консерваторией. Влияние старейшей русской консерватории сказалось и на исполнительском искусстве Армении. В Петербургской консерватории получила свое музыкальное образование крупнейшая армянская певица Надежда Папаян, с успехом выступавшая в Мариинском театре (Петербург), а также на других крупнейших русских и западноевропейских оперных сценах.

Ярким примером непосредственной связи между армянской исполнительской культурой и русской реалистической музыкальной школой явилась деятельность блестящих представителей двух братских музыкальных культур, профессоров Петербургской консерватории — пианистки Ольги Калантаровны Калантаровой и скрипача Иоанеса

Слева направо: И. Налбандян, А. Спендиаров.

Романовича Налбандяна. Получив музыкальное образование в Петербургской консерватории, они сами впоследствии воспитали целую плеяду советских пианистов и скрипачей.

Ученик прославленного Л. С. Ауэра, его первый ассистент, затем профессор, И. Р. Налбандян в течение тридцати лет после Октябрьской революции возглавлял скрипичный класс в Ленинградской консерватории. Учеников Налбандяна отличает содержательность исполнения, красота звука, всегда полного, насыщенного, и подлинный артистизм. Яркий исполнитель, увлекавший слушателей своей вдохновенной игрой, большим артистическим темпераментом, Налбандян до конца своих дней не оставлял концертной эстрады.

Заслуженный деятель искусств, профессор О. К. Калантарова окончила Петербургскую консерваторию по классу крупнейшей русской пианистки А. Н. Есиповой и в течение почти полувека являлась одним из ведущих педагогов Ленинградской консерватории. О. Калантарова была убежденной последовательницей реалистических принципов русской

пианистической школы и, в частности, традиций своего замечательного педагога. Она воспитывала своих учеников в духе глубокого уважения к классическому наследию и в то же время сама пропагандировала все живое и талантливое, что выдвигалось современностью. Из класса О. Калантаровой вышло свыше ста пианистов, которые успешно работают педагогами различных музыкальных учебных заведений и исполнителями концертных организаций по всему Советскому Союзу, а также и в самой Ленинградской консерватории.

Одна из учениц О. Калантаровой — А. Сумбатян, работающая ныне в Москве, воспитала юных советских пианистов, лауреатов международных конкурсов — В. Ашкенази и Д. Сахарова. Так традиции выдающейся русской пианистки с мировым именем А. Есиповой были переданы самым молодым советским пианистам, также получившим уже международную известность.

Память о профессорах О. Калантаровой и И. Налбандяне навсегда останется живой в Ленинградской консерватории.

Новым этапом в развитии творческих связей между Ленинградской консерваторией и армянской музыкальной культурой явились годы после Великой Октябрьской социалистической революции. В результате мудрой политики партии и правительства многонационального государства Ленинградская консерватория осуществляет систематическую подготовку национальных кадров, уделяя большое внимание воспитанию деятелей армянской музыкальной культуры.

Одним из первых композиторов-армян, окончивших консерваторию после революции, явился Христофор Степанович Кушнарев, заслуженный деятель искусств Армянской ССР и Узбекской ССР, профессор Ленинградской консерватории, автор ряда серьезных музыкальных произведений. Деятельность Х. С. Кушнарева не ограничивается лишь творческой работой. Широко образованный музыкант-теоретик, с большой общей и музыкальной эрудицией, он является одним из крупнейших советских полифонистов, автором капитального исследования об армянской монодической музыке. Х. С. Кушнарев внес большой научно-художественный вклад не только в армянскую культуру, в деятельность Ленинградской консерватории, но и в общую советскую музыкальную науку.

Профессор Ленинградской консерватории К. Кушнарев на занятии.

Воспитанником Ленинградской консерватории был также Аро Степанян — один из ведущих композиторов Армении, заслуженный деятель искусств Армянской ССР. Он был автором первой армянской оперы на революционную тему «Лусабацин», показанной на армянской декаде в Москве в 1939 году. Плодотворная творческая работа Аро Степаняна, автора трех симфоний, пяти опер, множества замечательных лирических романсов, камерно-инструментальных произведений, сочетается с большой общественно-музыкальной деятельностью.

В композиторском классе проф. П. Б. Рязанова Ленинградского центрального музыкального техникума учился Л. Ходжа-Эйнатов. Формирование этого талантливого композитора, автора ряда опер, симфонических и других произведений, проходило не без влияния крупнейших деятелей Ленинградской консерватории.

Воспитанниками Ленинградской консерватории являются: Гаяне Чеботарян — автор фортепианных и симфонических сочинений, успешно ведущая курс полифонии в Ереванской консерватории; В. Тигранян — автор ряда популярных музыкальных комедий и лирической оперы «Сос и Вартитер»; одаренный молодой композитор Т. Ованесян, безвременно погибший на фронте Великой Отечественной войны.

В Ленинграде ведет свою композиторскую деятельность Ш. Симонян, окончившая Ленинградскую консерваторию по классу О. С. Чишко. Она плодотворно работает в области камерно-симфонической музыки и музыки театра и кино.

Так, в теснейшем контакте с русской музыкальной культурой и, в частности, с Ленинградской консерваторией, развивалась и развивается поныне армянская композиторская школа.

Немалые заслуги в воспитании музыкантов-армян имеют дирижерское, дирижерско-хоровое отделения Ленинградской консерватории. Среди окончивших эти отделения такие талантливые представители советского дирижерского искусства, как народные артисты СССР А. Мелик-Пашаев, М. Тавризян, народный артист РСФСР Э. Грикуров. Скоропостижно скончавшийся в 1957 году М. А. Тавризян был долгие годы главным дирижером Государственного академического Ереванского театра оперы и балета имени А. Спендиарова, дважды участвовал на декадах армянского искусства и литературы в Москве (в 1939 и 1956 годах). Воспитанник Ленинградской консерватории, М. Тавризян совершенствовал свое мастерство в лучших традициях реалистического русского искусства. Яркий, талантливый интерпретатор творчества армянских композиторов, он в то же время в своей исполнительской практике показал глубокое понимание мировой музыкальной классики (опер «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Отелло» Дж. Верди, и др.).

Главный дирижер Большого театра СССР А. Ш. Мелик-Пашаев окончил Ленинградскую консерваторию у профессора А. В. Гаука. Располагая обширным репертуаром, в совершенстве владея дирижерским искусством, самыми разнообразными средствами исполнительской виртуозности, Мелик-Пашаев после окончания консерватории по праву занял одно из ведущих мест среди советских дирижеров.

Ленинградскую консерваторию по классу профессора А. В. Гаука окончил Э. П. Грикуров. Свою дальнейшую деятельность он связал с Ленинградом, являясь главным дирижером сначала Малого оперного театра, затем театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Воспитанниками Ленинградской консерватории являются также С. Г. Чарекян — народный артист Армянской ССР, дирижер театра оперы и балета им. А. Спендиарова, И. О. Хараджанян — заслуженный артист Армянской ССР, дирижер Армянской филармонии, недавно скончавшийся дирижер-композитор С. А. Шатирян, работавший как в Армении, так и в последние годы в Ленинграде.

Традиции дирижерско-хоровой школы Ленинградской консерватории развивают старейший мастер хорового искусства, тонкий музыкант — народный артист Армянской ССР А. А. Тер-Оганесян и замечательный хормейстер, народный артист Армянской ССР Т. Алтунян. Последний является руководителем широко известного государственного ансамбля песни и пляски Армении, неутомимым пропагандистом богатейших сокровищ армянской народной музыки.

Среди советских певцов-армян видное место занимала выдающаяся певица, народная артистка СССР Айкануш Даниэлян. После окончания Ленинградской консерватории она работала в тбилисской опере, а затем солисткой Ереванского театра оперы и балета. Обладая прекрасным колоратурным сопрано, высоким артистическим мастерством, являясь непревзойденным интерпретатором партии Ануш в одноименной опере А. Тиграняна и Олимпии в опере «Аршак II» Т. Чухаджяна, А. Б. Даниэлян создала замечательные женские образы в мировой оперной классике.

Одним из профессоров Ленинградской консерватории по классу сольного пения была С. В. Акимова. Яркая артистическая деятельность С. В. Акимовой протекала не только на оперной сцене, но и на концертной эстраде. Являясь одной из лучших исполнительниц партий вагнеровских опер, партии Февронии в опере Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» и др., С. В. Акимова выступала на сцене театра оперы и балета имени С. М. Кирова в одном репертуаре с замечательным певцом И. В. Ершовым.

Значительным вкладом в советскую пианистическую школу Армении явилась деятельность питомцев Ленинградской консерватории, ныне ведущих педагогов Ереванской консерватории, и. о. профессора Р. Х. Андриасяна и Г. В.

Сараджева. Отличные пианисты, талантливые музыканты, они известны также и как композиторы. Долгое время успешно ведет работу в десятилетке Ереванской консерватории опытный педагог Е. А. Хосроева. В Ленинградской консерватории воспитаны также пианист и популярный композитор А. Долуханян, а также С. Бунатян, ведущая класс специального фортепиано в Ереванской консерватории.

Воспитанниками Ленинградской консерватории являются скрипачи: А. Ханджян, С. Закарян, альтист Н. Балабанян и др. Окончил Ленинградскую консерваторию по музыковедческому и оркестровому факультету З. Варданян, автор ряда статей по армянской музыке, ныне заслуженный артист Армянской ССР.

Большую роль сыграла Ленинградская консерватория и в подготовке кадров армянского музыкознания.

Плодотворно работает в Ереванской консерватории питомец Ленинградской консерватории С. В. Коптев (класс анализа музыкальных произведений), в Союзе советских композиторов Армении — музыковеды Е. И. Гилина, А. Г. Татевосян. По окончании Ленинградской консерватории был оставлен ее педагогом Т. Г. Тер-Мартиросян. В настоящее время он ведет здесь большую работу, являясь доцентом кафедры теории музыки. Воспитанником Ленинградской консерватории является ведущий профессор по музыкально-историческим циклам, заслуженный деятель искусств Армянской ССР, доктор искусствоведения, профессор Г. Г. Тигранов. После окончания Ленинградской консерватории он был оставлен в ней в качестве педагога, впоследствии совмещая эту работу с работой в Ереванской консерватории. Являясь специалистом в области армянской музыки и музыкального театра, он в то же время создал ряд работ по советской и зарубежной музыке.

В настоящей статье упомянуты далеко не все представители армянской музыкальной культуры — воспитанники Ленинградской консерватории. Помимо них, еще очень большое число музыкантов-армян сформировалось в стенах старейшей русской консерватории, уже давно зарекомендовавшей себя «кузницей» музакальных кадров для многонациональной советской культуры. Ленинградская консерватория гордится этой почетной миссией, гордится также и той помощью, которую она посильно оказывает и музыкальной культуре Армении.

С большой любовью и уважением к музыкальному искусству талантливого армянского народа относятся педагоги консерватории, следуя по пути, указанному Н. А. Римским-Корсаковым. А. К. Глазунов и М. О. Штейнберг были тесно связаны узами творческой и личной дружбы с классиком армянской музыки А. А. Спендиаровым. М. О. Штейнберг завершил и редактировал его оперу «Алмаст», он же написал программно-симфоническое произведение «Армения».

Большую работу по воспитанию музыкальных кадров Армении и живой интерес к армянской культуре показали профессора Л. В. Николаев, В. В. Щербачев; академик Б. В. Асафьев, написавший несколько очерков об Армении; Ю. В. Кочуров, создавший романсы на тексты армянских поэтов; член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Оссовский, оставивший воспоминания о своем друге — А. А. Спендиарове.

В настоящее время тесную связь с музыкальным искусством Армении поддерживают профессора Ю. Н. Тюлин, Б. А. Арапов. Ю. Н. Тюлин в течение ряда лет являлся председателем Государственной экзаменационной комиссии Ереванской консерватории.

Говоря о творческих связях между Ленинградской консерваторией и армянской культурой, нельзя обойти и вопроса о роли армян — деятелей советской культуры в учебной жизни Ленинградской консерватории. Долгое время ведущее положение среди ее профессорско-преподавательского состава занимал А. А. Адамян. Человек широчайшей эрудиции, глубоких знаний в области философии и эстетики, А. А. Адамян вел ответственные курсы по циклу общественно-политических наук, был деканом теоретико-композиторского факультета. Одно время кафедру марксизма-ленинизма консерватории возглавлял кандидат философских наук, Н. Я. Парсаданов, ведущий занятия по марксистско-ленинской эстетике.

На теоретико-композиторском факультете ведут работу вышеупомянутые доктор искусствоведения, профессор Г. Г. Тигранов и доцент Т. Г. Тер-Мартиросян.

После окончания Ленинградской консерватории оставлены в качестве педагогов Н. О. Оксентян (класс органа), представлявшая советское искусство на баховских торжествах в Лейпциге в 1950 году, а также А. А. Варосян (класс арфы), в качестве концертмейстера — Р. А. Варосян

и др. Воспитанница Московской консерватории М. Гамбарян привлечена в качестве преподавателя в класс специального фортепиано.

Аспирантуру Ленинградской консерватории окончил Г. Ходжаев (по классу профессора Ю. И. Эйдлина), который ведет уже широкую концертную деятельность, представляя советскую исполнительскую школу и за рубежом.

Повышал свое композиторское искусство в Ленинградской консерватории у профессора Б. А. Арапова Г. Арменян (Хачатрян), автор оперы «Хачатур Абовян» и концерта для флейты.

В 1956 году в помещении оперной студии Ленинградской консерватории во время декады армянской литературы и искусства был показан красочный балет Г. Егиазаряна «Севан». С большим интересом отнеслись к нему профессора и студенчество консерватории.

Крепнут творческие и дружеские связи между студентами Ленинградской и Ереванской консерваторий. С большим подъемом и интересом прошла в Ленинграде совместная конференция студенческих научных обществ обеих консерваторий (март 1957 г.).

Благотворность творческого взаимодействия между национальными культурами советских народов чрезвычайно наглядно представляется на примере связей Ленинградской консерватории с деятелями армянского музыкального искусства. Ленинградская консерватория дорожит и гордится прочными творческими связями с музыкальной культурой братских народов. Нас радуют большие успехи в области творчества и исполнительства талантливого армянского народа.

Мы уверены, что дальнейшее укрепление и развитие этих связей принесет еще более ценные результаты и укрепит дружбу и духовную близость русского и армянского народов.

1958

Б. АСАФЬЕВ
академик

МОЯ ДОРОГАЯ АРМЕНИЯ [1]

Такое название может казаться странным. Более того — претенциозным. Какое право имеет скромный путешественник, чуть-чуть прикоснувшийся взором своим и слухом к этой древней своей историей и культурой стране, называть свой весьма малый очерк столь интимным обращением, будто он начинает риторическое письмо к прекрасной возлюбленной (или, подобно Бетховену, — к далекой возлюбленной) и намерен обратиться для этого к стилосу и сочинять на добротной латыни. А между тем, когда я решился по просьбе одного из друзей моих и несомненного друга, коренного друга этой удиви-

[1] Все пять очерков написаны в 1947 г. и входят в серию очерков «Из моих странствий».

тельной страны, которую сторожат сказочные витязи — Арарат и Алагез [1], посметь присоединить мой застенчивый рой воспоминаний к всемерно многократным юбилеям множества людей, возвещавших свои хвалы Армении, — мне сразу же пришло в голову единственно возможное для моего очерка название — обращение, как к дорогому клочку земной планеты, запечатлевшемуся в сознании, подобно величавому царству, прожившему от утренней зари исторических эпох человечества до наших современных дней.

В былые дни и годы моей личной жизни, посвящая мои тогдашние предвкушения знаний пропилеям к занятиям историей культуры Средиземноморья и пытаясь знакомиться с языками Ближнего Востока, я был особенно взволнован судьбами Армении и ее народа. По мере появления трудов об Армении на русском языке, я жадно штудировал их.

Будучи начинающим музыкантом, я краем ушей улавливал фрагменты армянского мелоса, особенно культового, и очень восхищался его суровой архаикой, пронесенной народом сквозь теснины наслоений и сохранившей в основах своих девственный облик Прекрасной Дамы — мелодии эпох музыкального становления человеческого сознания, когда люди, еще дети умом, научились уже связывать голосом опорные точки интервалом, словно циркулем, четко нацарапывая их, чтобы хранить в памяти. Вероятно, интуитивно, но с каким-то глубоко юношеским трепетом я начал вникать в мелодию религиозного культа древней Армении и улавливать ее суровые и сурово колорированные напевы, которые даже в своей горизонтали одноголосия сперва казались мне плавным последованием колонн, настолько весомым слышался отдельный тон.

Шло время. Я начинал знакомиться с армянской поэзией и мелодиями народных песен. Композитор Спендиаров и книга Брюсова о поэзии армян оказали тут свое особенное влияние и присоединились к моим историческим чтениям.

Прошли еще годы. И вот, я помню, в начале тридцатых годов в числе моих учеников консерватории оказался начинающий композитор Ованесян Туник [2]. Я ничего не рас-

[1] Алагез, как и Арарат, — крупнейшая горная вершина, находящаяся вблизи Ереевана.

[2] Ованесян Туник пал смертью храбрых во время Великой Отечественной войны при обороне Ленинграда.

сказал ему о своих тогда уже давнишних поползновениях кое-что познать из области мелоса и художественной культуры Армении, ее истории, а также об одном кратком ознакомлении с горными массивами и архитектурными памятниками этой страны и своих встречах. Мне хотелось знать, как он отнесется к моей попытке упорно содействовать охране в его даровании интереснейших следов мелоса его родины и беречь их, когда они проскальзывали в его композиторстве сквозь обучение привычным стезям гармонии, контрапункта и форм. Я был горд перед самим собою, когда, анализируя его опыты, угадывал следы народной интонации и помогал ему, по мере возможности, верным чутьем следовать ей и развивать ее. К моему горю, его скоро от меня изъяли, вероятно, за недостаточное педагогическое умение обучить его непременным русско-консерваторским схоластическим истинам из немецких учебников (напр., странная система внедрения сугубо хоральных интонаций!). Но я был вдвойне счастлив, когда на вечеринке по поводу одного из моих юбилеев услышал памятную мне речь этого композитора, из которой для меня явствовало, что я не так уж плохо наставлял его беречь, хранить и развивать в себе черты армянской национальной музыкально-интонационной диалектологии на основании им раскрываемых опытов, не навязывая ему непременных европеизмов и «руссоизмов», как обязательных каденсовых оборотов и схем-форм. Я пытался дать ему понять нечто о мелодической природе и сущности каданса. В общем я был доволен этим опытом, так как он, к тому же, состоялся раньше моего нового странствования по Армении в середине тридцатых годов.

АРАРАТ И ЕРЕВАН

„И та гора, гигант-шатер,
Гора из гор и царь всех гор,
Седой приникнув головой
К небесной груди голубой,
Встает, торжественно скорбя,
Вдали — и в сердце у тебя".

Ованес Туманян

Мне говорили, когда я собирался поехать в Армению: вы так полюбили уже заочно Ереван и Арарат, что ваше самочувствие будет зависеть от простой случайности, повезет ли вам с видом на эту гору, не скроет ли она от вас свой взор или его закроет состояние атмосферы. Да и кто знает, что может произойти: Арарат так капризен! Поэтому уже ночью в тифлисском поезде я нервничал. В томительном ожидании рассвета я не спал и нетерпеливо вглядывался в окна вагона: не светает ли? не показались ли очертания дивной горы?

Но ничего досадного не случилось. И потом даже оказалось, что в моих кратких странствованиях по Армении мне сразу повезло и везло до конца. Еще до поездки я получил одно подтверждение моим представлениям об Арарате, получив взволновавший меня подарок одного из друзей-художников — чутко скомпанованную акварель «Арарат на утренней заре», порадовавшую меня своим музыкальным строем: так сурово и вместе с тем мягко идиллически, без назойливой сладостности звучали только некоторые бетховенские анданте и нечто подобное влекло меня к себе в архаике стариннейших монодий. Дышит серьезное отношение к окружающему миру, но нет отвлеченного размышления; нет ни скорбного пустынничества, ни надуманного бегства от людей и от жизни...

Наконец, в поезде, я потерял нить своих раздумий и забылся. Вероятно, начинало рассветать. Меня разбудили радостные крики спутников: «Да проснитесь же, вам повезло с утренним Араратом. Вот он, и шлет приветы вниз долинам!». Сна и усталости как не бывало. Я впился в живописные очертания великана, стража Армении, и не мог уже оторваться от них и рассудком точно означить, что же со мной происходило. Для меня наступили с этого момента первовидения дни незабвенной недели возле постоянно сопровождавшего меня чудного облика горы, о склонах кото-

рой и вот именно о таком величаво покойном и гордом, но не вычурном силуэте, пели мне мои мечты. Пели, потому что Гора-страж сразу же мне ответила теперь звучанием: я слышал в своем сознании наиболее памятные и любимые мною напевы, прекрасные в своей архаической обнаженности древнеармянского мелоса. А вокруг по-своему пело новое для меня утро, с воспринимаемой по-иному, чем не только на моем Севере, но и в моих странствованиях по Крыму, Черному морю и Италии, голубизной и отчетливой ясностью.

Я вступил в сутолоку раннего дня Еревана, уже не чувствуя себя чужим и чуждым окружающей местности. Я знал — что и сбылось, — что здесь не одно лишь жадное любопытство диктует мне напряженное вникание во все происходящее, но ощутимая на каждом шагу радость — радость жить неожиданностями, к органической необходимости которых я давно себя приготовлял. Это ведь высшая прелесть встреч для путника, когда глаз и слух вырастают в непрерывном осязании прекрасного долгожданного, тем сильнее награждающем вас все-таки превосходством этих богатств действительных впечатлений ваших над приготовленными.

Каждый момент дня в Ереване стал для меня, для груди, сердца, глаз, слуха желанным восполнением ранее искомого испытания еще непознанного в природе, в стране, в искусстве. Я пережил сильную своей стихийностью, своим наскоком на город грозу с мощным ливнем и после нее успокоившееся предвечернее небо с алой восходящей луной на глубочайшей облачной завесе цвета знамени пророка. Небосклон словно зардел, как в стихе Алексея Толстого, и глаз нельзя было отвести от лунной алости при несомненной «зелености» густого фона.

Я испытал — в течение одной из своих предвечерних далеких прогулок за Ереваном, вдоль города, с подъемом на плоскогорье с плитами и с медленным схождением обратно к воротам в город по дороге с возвращающимся из него, видимо, окрестным населением — испытал, к счастью для себя, полноту ощущения «недалекости от нашей современности» древних-древних времен легендарного Востока — с шествием верблюдов, маститых, окутанных шерстью, старцев с густыми бородами и посохами, окруженных стадами коз и овец; шалили ребята, устало двигались женщины, их обгоняла молодежь, парни и гибкие девушки, чей стан — словно обведенный мастером рисунка контур. А в это время — стоило поднять голову на горные склоны — глазам

предстояло величавое зрелище собеседования великанов Алагеза и Арарата. Один из них уже примирился с наступающей ночной мглой. Другой же еще был обласкан тихим светом заката. Подчеркиваю: это не лермонтовский «Спор» Казбека с Шат-горою остановил мое внимание; это представлялось мне зрелищем мудрого мирного становления друг перед другом вековых истин о суете сует человеческих.

Старые, старые восточные рассудительные сказы слушал и наблюдал я ежедневно в центре города, в некоем подобии караван-сарая или гостиницы при древней мечети. Может быть, я заблуждаюсь в точности определения «целевой установки» этого здания, овеянного массивными каменными стенами с нишами и с прекрасными мощными деревьям густого сада внутри них, но мне в те дни не хотелось докапываться «до существа» в справочниках об Ереване по поводу восхищавшей меня мечети. Она была прекрасным архитектурным живым существом сама по себе, а не стилизованным пережитком, и хорошо дополняла мои ереванские скитания вместе с только что описанной предвечерней, полусумеречной дорожной суетой у врат старого, много испытавшего города. К тому же, в середине сада упомянутой мечети находилась «чайная» с отличным вкусным напитком — удивительнейшим чаем, и в особенно жаркие часы дня там можно было также наблюдать круг степенных старцев, представителей уходящего вдаль мусульманского Востока, и хоть в малой степени, но ощущать, что представляют собою их состояния созерцания или «тишина покоя» и сосредоточения мыслей мудрецов былых цивилизаций.

А порой я уходил в узенькие закоулки улиц «старого Еревана» и, блуждая в них, нередко попадал вместо «тротуаров» (впрочем, это совсем не название для проходов среди домов такого квартала!) на плоские крыши, а в дождь, когда вода в каналах уличек неслась дико-стремительно, приходилось забираться на эти крыши явно намеренно, чтобы не оступиться в своеобразные «арыки» и не промокнуть до костей. Много, много вспоминается о прогулках по Еревану.

Хотелось бы хорошо вспомнить о замечательном Музее живописи, о той части его, где находилось такое исключительное по тщательности отбора и эстетической культуре собрание русской живописи XIX и XX веков, как «прекрасный свод» картин «Мира искусства» и до-мир-искуснических эпох русской живописи, но собранных сквозь призму

этого близкого мне по знакомствам и художественным вкусам течения. По возвращении из Армении я не раз советовал друзьям «Мира искусства» и лицам, его изучающим, не миновать этого ереванского собрания, как «фонда живописных вкусов эпохи конца XIX и первого десятилетия XX века».

Я не могу здесь останавливаться на замечательных собраниях древностей Армении, особенно рукописей и книжных сокровищ; на той части былого изобразительного искусства, в которой меня изумила, как контраст утверждениям импрессионистов, живопись портретов с господствующим глубоким черным тоном, где именно черный цвет, черная краска как таковая, ее выразительность, ее динамизм, ее убедительность привлекли целиком мое внимание. Прошло с той поры лет двенадцать, а я словно сейчас любуюсь этой «экспрессивнейшей чернотой», ее красочными возможностями в передаче осанки, посадки, в умении выразить основное впечатление от человека, как существа «репрезентативного», «носящего себя» перед встречными... Слишком кратки, к сожалению, оказались мои посещения Музея и, боюсь, не суждено мне будет их повторить, равно и посещение Эчмиадзина[1]. Мне удалось снаружи его только обозреть и запечатлеть зрительно его архитектурный «веский» облик, ответивший моим основным впечатлениям от Армении, как страны, история которой велит наглядно осязать себя и в самой природе «вкруг Арарата», и в монументальных фрагментах древнего зодчества, и в формах жилья, начиная с собирания и хранения топлива и забот об очаге, как центре сельского жизнеустройства и сохранения тепловой энергии. Эчмиадзин также явился передо мной очагом, подобным архаическим селениям, но как величавый, как архитектурный символ хранителя духовной энергии народа в веках исторического становления страны.

Я застал Ереван в размахе нового строительства и среди возводимых зданий разнообразной целеустремленности и, насколько можно было уяснить себе, целесообразной стилевой направленности, придававшей новому городу очень красивый, не отрывавшийся от родной почвы, облик. Имя

---

[1] Эчмиадзин — старейший христианский храм в Армении. Построен в 303 г. н. э. Находится в районном центре — Эчмиадзине (б. Вагаршапате). Резиденция католикоса. Здесь же духовная семинария, музей.

архитектора Таманяна[1] звучало повсеместно. И мне было очень отрадно это слышать. Славный этот зодчий принадлежал ветви строителей, осуществлявших архитектурное идейное возрождение родного мне Ленинграда.

Здесь, в Ереване, впечатление от темпа строек напоминало эпоху Микельанджело, когда личная творческая энергия и изобилие талантов зодчих целиком сплетались с энтузиазмом и восторгами населения перед музыкой мраморов, восторгами, охватившими Италию Ренессанса. Я еще не видал, что и сколько оказалось достроенным в Ереване с тех пор, как я бродил по улицам города, наблюдая архитектурные контрасты былого и современного. Еще допевали свои песни мусульманского Востока кое-где сохранившиеся мечети, еще тесные закоулки старого Еревана привлекали меня, новичка, своими живыми напоминаниями о многом, многом, читанном в легендах и сказках.

Главное же, что восхищало меня, — это постоянное присутствие Арарата. Куда бы я ни зашел, я знал, что, стоит мне отвлечься от окружающего и всмотреться в ту сторону, где спокойно и величественно отдыхает Он — гордость взоров людей, — я непременно увижу прекрасные очертания и буду долго осязать ставший и для меня дорогим облик молчаливого наставника поэтических дум тысячелетий. Иногда я ощущал на прогулках, быть может, детски наивное спокойствие от одного только сознания: я еще в Армении, в Ереване, и Арарат всегда властвует в глубокой ясности этого неба, вот там, плавно раскинувшись на горизонте. Иногда, на прогулке, где-либо внутри, в извилинах, среди заборов новой стройки, задумаешься, замечтаешься — и вдруг, подняв голову, нечаянно взглянув вдаль, неожиданно заметишь его, будто спящего, окутанного нежными, овеявшими его облаками. Какая-то тихая радость, блоковская «нечаянная радость», слегка взрыхлив сердце, тотчас успокоит его. А грудь задышит глубоким ощущением полноты жизни.

Я много раз видывал владыку Альп — Монблан и один раз очень удачно—на раннем-раннем рассвете, другой раз — засыпающим на закате, конечно, оба раза далеко снизу.

---

[1] А. И. Таманян — выдающийся советский зодчий, академик архитектуры. Среди лучших зданий, построенных по его проекту, — Дом правительства и Театр оперы и балета им. А. Спендиарова в Ереване.

а однажды, поскольку мне позволяли мои слабые силы, довольно близко, ранним утром, с одного из соседних ледяных полей соседнего Монблану горного кряжа. При моих слабых силах, повторяю, я все-таки имею право сказать: я наблюдал массив гордой горы. Неплохо удалось с развалин старого монастыря возле Казбека увидеть роскошь очертаний и этой знаменитой горы взобравшись туда, к монастырю, по пути от станции Казбек Военно-грузинской дороги. Но вот далекое присутствие Арарата и одна только радость видеть от Еревана и окрестных ему местностей ласкающий взор облик, а порой только силуэт и так, что о нем более догадываешься и воображаешь, чем вполне им любуешься, — все это доставляло организму творческую утеху и прилив сил и особенно знакомую каждому страннику радость и сознание счастливой удачи видения еще одного из подарков природы человечеству.

Мне, действительно, везло с Араратом. Не было пустой прогулки в Ереване! Когда бы я ни пожелал, я находил Его взором, казалось бы, из таких поворотов и сторон города, откуда нельзя было ожидать его появления. Удивительная гора. Ее прячут облака и тучи. На ней разыгрывают трагедии молнии. А она, благодаря своему расположению — географическому, но и благорасположению к людям, — словно никогда ни от чьего взора не таится, ни от кого не прячется. Я читал историю восхождений на Арарат, увлекался, как странник, попытками людей овладеть им, но теперь в Ереване, робко взирая на возвеличенную легендами библии возвышенность, думал: вот редкая из гор, покоя которой путник не должен стремиться нарушить жалким восхождением, красота ее себя довлеет, и это прекрасно!... Но созерцать ее хочется неотрывно, и я ловил каждый свободный миг среди своих досугов, чтобы еще и еще взглянуть на высоты, пленявшие взоры людей минувших тысячелетий и в наше время нас ласкающие.

Как-то, проходя одной из улиц Еревана и в щели домов неожиданно поймав взором Арарат, я вспомнил: это Арарат. Как сильно действие звуков! «Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения» (Пушкин). Это было в тот момент моим прощальным приветом и расставанием с Араратом.

БАШ-ГАРНИ [1]

„Руины величья наших отцов.
Вот здесь — обломок забытых искусств.
Вон там — о славе загадочный бред.
И памятник веры, и призрак чувств,
И прошлого блеска печальный след...“

Иоаннес Иоаннисян

Давним желанием моим было увидеть памятники, живые еще, греческого и римского Причерноморья и глубже. В Грецию и на ее острова я не попадал. То, что я видел в Крыму (Херсонес), меня не насыщало. В Армении я начинал уже понимать, что ее история, осязаемая зрением и слухом, — это история художественного воображения страны, а не просто топография распространения нашествий и хотя бы путь римских завоевателей. Когда мне советовали непременно навестить Баш-Гарни, я еще никак не представлял себе, почему это важно. Дорога пошла от главной артерии самого Еревана, мною, вернее, ногами моими уже прочувствованно нащупанной. Не знаю отчего, но ощущение постоянного присутствия Арарата внушало моему воображению, будто я пребываю вовсе не в городе в римском понимании (не в самом Urbus'e), а в Polis'e какой-либо из греческих колоний.

Когда я тотчас за Ереваном сворачивал налево и добирался до горной устланной плитами долины, откуда мог передавать приветы стражам Армении — Алагезу и Арарату, — в те часы я чувствовал свое внедрение в сердце страны. Но когда теперь выбранная возницей дорога пошла явно вглубь, но уже направо, причем над склонами в огромную долину и так, что открытой оказалось широкое пространство перед Араратом во всем его щедром, раскидистом величии, — то забилось мое сердце от роскоши осязания и восторга перед въездом в библейскую глубину мира, начертанную в древнейших сказаниях, ставших сейчас въявь перед моим взором.

Было еще утро. Дышалось свободно. Сиявшее уже солнце еще не завоевало дня и не выглядело жестоким вавилонским

[1] Гарни — один из древнейших языческих храмов в Армении, замечательный памятник эллинистической архитектуры. Находится в 28 км от Еревана. Есть основание предполагать, что время постройки храма — 1 век н. э.

богом, как потом за полднем, когда оно чуть не сразило меня. В те часы, когда я любовался изумительной панорамой, Арарат, на мою удачу, красовался вместе со всеми подступами к нему: мне казалось, что величавая гора любуется долиной Армении и ее советской столицей, нежась сама под утренними ласками солнца.

По дороге начали встречаться крестьянские селения, и мне представилось много случаев вглядеться в характер и ритм повседневной жизни, даже в следы исторической давности ее строя. Крестьянский очаг и топливо внушали мне особенно глубокое уважение: здесь еще можно было почувствовать века первобытных верований в душевность огня и все значение подчинения человеку открытой им стихии пламени: ведь это было действительно укрощением строптивой Психеи. Во мне возникала все более и более глубокая признательность к бытовой психике армянского народа, через которую даже в сознание впервые странствовавшего чужестранца прежде всего проникала — подчеркиваю опять — серьезность восприятия жизни, установившаяся в тысячелетиях терпеливо им выношенной «ноши истории». Нельзя было не склоняться перед этой наглядно себя обнаруживавшей «правдой труда» на нагорьях древней страны. Моему музыкантскому воображению все виденное диктовало себя, как гигантская «симфоническая поэма народных трудов и дней перед очами Арарата».

Остановка и передышка — возле одного из очагов в окружении домашнего быта в селении Баш-Гарни. Я сидел, отдыхая и наблюдая, в состоянии суровой самоотчетности от полученных впечатлений, стараясь не упустить ничего из «мыслей, запечатлевшихся в дороге». Но в то же время я чувствовал, что начинаю поддаваться поэтизации происходившего сквозь соблазны Овидия.

Меня окутывала простота античности и ее сельских очагов. Правда, ни Филемона и Бавкиды, ни посетивших их богов тут не было. Были ребята и одна Бавкида, хозяйка, но далеко еще не старуха, двигавшаяся спокойно, рассудительно, молча, без суетни.

После краткого отдыха мои спутники предложили мне прогулку, пока отдохнут лошади. Повернули чуть влево, где за деревьями чуялся наклон. Вот теперь и поджидал меня сюрприз из сюрпризов. Вглядываясь вдаль в сиявший еще, но несколько отодвинувшийся назад, глубже в цепь горных соседств, Арарат, я споткнулся о камень, замедлил

шаги и остолбенел: передо мной лежали гордые развалины античного храма с архитектурными фрагментами, местами уцелевшими в достаточной мере.

Все дорогое, родное памяти из анналов искусства Греции и Рима словно стрелами стало светиться в мозгу. Я присел на одной из повалившихся колонн и попробовал разобраться. Подо мною разлегся обширный овраг. Видимые мною «поддорожные» склоны и вся противоположная взорам «араратская даль» будто сузились, укоротив и долину. Так мне казалось. Бока скручились в лежавшем передо мной, теперь очень глубоко внизу, пространстве. Там виднелся ручей, а возможно и речка, но спуститься к ней я не решился. Из знакомых мне по различным фотоснимкам видов Греции я рискнул сравнить то, что меня изумляло теперь, с одной из долин Спарты, но — думалось — она должна была бы оказаться суровее. Скорее представлявшееся моему взору пространство походило на одно из описаний странствования в Дельфах в Аполлоновой ограде. А быть может, мне в моих грезах наяву хотелось, чтобы именно так было: что-то аполлоновское. Я удержал свое воображение. Только одно мне показалось несомненным: что передо мной развалины римского храма, что я нахожусь в пределах завоеваний Рима, в римской провинции и в местности, где чувствуется веяние предсирии, «предмалоазийства» — винюсь в неологизме, топографическом вольномыслии, но мне желательно определить мое «географо-психологическое состояние», волновавшее меня.

Вновь поднявшись к развалинам, я всецело отдался созерцанию пейзажа... Манили ближайшие кустарники. Очарование античности не прекращалось. Знакомое мне чувство осязания взором деталей архитектурных фрагментов, что я не раз уже испытывал в Армении (напр., массивы Эчмиадзина), дразнило меня тут еще острее. Усталости я не ощущал, несмотря на ожесточавшееся солнце. Словно египетский Ра — или же мне тут вспомнился один из сирийских образов восточного Пантеона, — который предупреждал любопытных путников о возможности гибели в раскаленном ущелье, куда нам еще предстояло двигаться. Я с сожалением расставался с разрушенным веками истории или гневом стихий светлым (как мне казалось) благорасположенным храмом, овеявшим меня грезами античности, близкими детству человеческого искусства и самого человечества.

ДОРОГА В ГЕХАРТСКИЙ МОНАСТЫРЬ [1]

„Эй вы, дороги, дороги,
С древней пылью, дороги!
Где исходившие вас?
Кто они были, дороги?"

Ованес Туманян

Надо было спешить. Горело солнце и жестоко начинал греть воздух. Ставшая привычной для глаз каменистость окружающего пейзажа начинала грозить своей суровостью. И на подъемах, и на склонах одинаково давала себя знать жара. Чем дальше, тем сильнее взор наблюдал за господством переливов желтовато-коричневатой гаммы тонов вокруг. Я вспомнил рассказы друзей, бывавших в долинах Тигра и Ефрата. Я знал, что до них далеко, но дразнило жадное любопытство, что нахожусь в стране, история путевых дорог которой наводила мысли на передний Восток Азии к тому средиземноморскому «лукоморью», которое так своеобразно-легендарно было обжито человечеством.

Мы пробирались к Гехартскому стариннейшему монастырю, где-то там впереди в дальнем ущелье, и я чувствовал по сжатию плоскогорья с его сторон, что «атмосфера нас зажимала», иначе мне не выразить ощущения. Еще точнее скажу: возникло ощущение, что именно ущелье начало нас втягивать. Нечто иное я испытывал на западе Швейцарии, при частых поездках по электрифицированным нравившимся мне горным дорогам. Они сновали, как ящерицы, то взбираясь из долин на пики, то ныряя в ущелья, в тоннели, потом снова вылетали на воздух, скользя по «узенькой» прижатой к стенам какой-либо громады «рельсовой трассе» над головокружительной бездной. Тогда хозяин среди ущелий был ветер, резвый, резкий, сам стиснутый. Тут господствовала горячая тишина, совсем неподвижная, окаменевшая атмосфера, будто с трудом рассекаемый запекшийся воздух, давивший виски и сердце. Было жутковато, но все окружающее чаровало необычностью, невиданностью. Горные кряжи стискивались, словно нас всасывало ущелье.

---

[1] Гехарт (или Айрванк) — древний армянский пещерный храм. Находится в глубоком ущелье в 38 км от Еревана.

Когда мы оказались у предела дороги и очутились среди каменных громоздких сооружений, попав в какой-то тупик, то обнаружилось, что мы находимся у въезда в мощное строение типа горных крепостей-монастырей, на крутом обрыве, который представлялся подножием прервавшего наш путь скопища зданий. Это и был искомый и обретенный словно бы неожиданно Гехарт, где народные празднества еще на памяти здешних людей сопровождались ритуалом кровавых жертвоприношений.

ГЕХАРТ

„Ночи знойные!
Звезды чудные!..“
А. Пушкин

„Солнце село, но воздух все еще был душен“
А. Пушкин

Сторож провел нас на правую стену, где находились покои для заходящих и заезжих путников, чтобы сложить немногие пожитки. Хотелось скорей, скорей обозреть что возможно до быстрого ниспадания темноты и разобраться в хаосе впечатлений. Сердце мое почуяло облегчение: жара явно сдавала, но все же ради осторожности пришлось прежде всего укрыться в своеобразное убежище — в высеченные в скалах древние храмы, восточные варианты катакомб, снаружи обрамленные каменной резьбой, строгой и наводящей на почтительные мысли каждого, проникающего в глубь стен, где вас невольно подчиняло себе умозренческое состояние, чему трудно было не поддаться, чтобы не показаться легкомысленным своей же собственной совести.

На каменистом дворе перед основным храмом и шедшим к дальней стене, над которой тянула взор ввысь вертикаль утеса ли, горного ли массива, окутанного зеленым густым покровом кустарников, — я уже до входа внутрь каменных срубов испытал то чувство необычайного восторга, когда проникаешь в обжитое массами людей прошлое. Будто они

только ушли, а не скрыты смертью навек. Поэтому в таких случаях не испытываешь одиночества. Если бы в подобное местожительство я попал, скажем, у Мцхета, или в верховьях гор у развалин «Монастыря на Казбеке» в романтической трактовке пушкинского стихотворения, — мне бы не терпелось принять его за скит, куда люди уходят от мира. Сперва мне даже почудилось и здесь, что не подобное ли уединенное, в глуби ущелья сокрытое строение приняло к себе лермонтовскую Тамару. Позже, когда уже ночью я обошел стены и низкую ограду монастыря, где горный массив тянул взор в звездную высь, где тишина нарушалась присутствием струящейся воды, только слышимой, но не видимой нигде, я был не в состоянии не поддаться музыке лермонтовских стихов одинокой монашенки и шелеста крыльев прилетавшего со звездной выси Демона.

«Ночь тепла, ночь темна»...

Ночь была бархатная. От тишины немели чувства. Я был один внизу, у калитки монастыря. Чернели кустарники. Струящиеся нити воды шелестели. Камней не заметить. Но слух мой чутко улавливал различной весомости падавшие капли: с камня на камень, потом пропадая в пустоте. Иногда сплошная мелодия вытягивавшейся в длинную струю струйки, иногда всплески небольшой силы каскада, иногда тихий шелест, интимный шелест водяных змеек, иногда бег воды, будто ее подгонял плач здешней Ундины; иногда чародействовало мягкое форте струйного ансамбля, подобное квадратам шахматной горы в фонтанном ликовании нижнего Петергофского сада. Ночь обострила слух до слышимости мельчайших тенет водной паутины. Ничего более обворожительного я не воспринимал в симфониях природы. Мною любимое скерцо альпийской феи в «Манфреде» Чайковского, если бы тут внезапно его исполнил людской симфонический оркестр, показалось бы мне прозой, а игры с золотыми яблочками царевен в сказке о Жар-птице Стравинского перестали бы пленять мой слух: они прозвучали бы прозаическим шумом.

На утро кто-то зашедший во двор Гехартской обители разъяснил мне, что я провел часть ночи под сенью падавшей далеко сверху и рассыпавшейся на множество мелких потоков воды из очень древнего, посвященного стихиям воды и воздуха, храма. А что еще выше и дальше, в стране уже курдов, можно было повидать поверженных богов-рыб, громадных каменных чудовищ. Про них я уже читал в работе

Марра, но я не подозревал, что они — «вишапы» — находятся тут, над скалой, и если бы вскарабкаться... Но уже ночью, попытавшись по нащупанной тропке, очень изрезанной камнями, вскарабкаться на малый ее отрезок, я узнал, что такое желание — дурь воображения и грозит гибелью. Теперь же утром, посетив еще раз, на прощанье, место ночных волшебств природы, я послал лишь умозрительный привет вишапам, но навсегда не потерял веры в легенду об античном храме воды и воздуха, откуда я слушал музыку совершеннейших челест и шелест тканей, вытканных или нашитых и набросанных на деревья и кустарники миллиардами водяных капелек.

М. ГНЕСИН
профессор

МОИ ВСТРЕЧИ

Мои встречи с представителями армянской культуры (в частности, музыкальной), встречи иногда очень содержательные и переставшие в длительное общение, проходят сквозь всю мою жизнь.

В отношении к одним из лиц, о которых будет идти речь, я был представителем *младшего* поколения, с другими был и являюсь товарищем по занятию искусством или педагогической работе в области искусства; в отношении большинства я был их руководителем. Такое большое количество встреч не может быть объяснено только лишь рядом случайностей.

Я провел свои детские годы в г. Ростове-на-Дону. Частью нашего города, в то время еще отделенной пограничным столбом, был армянский городок Нахичевань. Оттуда родом, сколько мне известно, и Мариэтта Шагинян и М. С. Сарьян, любимые мною деятели искусства, подлин-

но выдающиеся и ныне прославленные люди, с которыми, правда уже в зрелом возрасте, мне довелось немало общаться; а был период (годы утверждения советской власти на Дону), когда мы вместе, душа в душу, горячо и активно работали, заведуя разными сторонами художественного просвещения в Донском отделе народного образования в Ростове, и полагаю, что дело у нас шло — при данном составе руководства — хорошо.

Еще несколько ранее, когда город был временно занят войсками Красной гвардии, мы все встречались в здании Военно-революционного комитета, созванные на совещание комиссаром города.

Это совещание, на котором присутствовало много заметных представителей искусства, овеяно в воспоминаниях поэзией первого периода революции. К этим же годам относится мое знакомство с очень одаренным и привлекательным, уже немолодым художником Агаджаняном, преподававшим рисование в одной из гимназий Ростова или Нахичевани и показывавшим от поры до времени свои небольшие талантливые работы на местных выставках. У всех, кто сталкивался с Агаджаняном, было впечатление, что этот импозантный по внешности человек далеко не воплотил своих богатых творческих возможностей. Да это явственно и из оригинальных особенностей его биографии. Поочередно то и дело в нем побеждали то влечение талантов и творческой пытливости к культурной жизни и учебе Запада, то тяга характера и наследственных навыков к мирному, спокойному быту прежнего Востока.

И даже раннее признание его таланта в Париже не способно оказалось преодолеть эту тягу... Впрочем, здесь были и прямые помехи его продвижению как художника, шедшие от его родственного окружения. Хранившийся у меня один из ранних этюдов Агаджаняна ныне находится в Ереванском музее.

Среди моих многих гимназических товарищей (1892—1899) было, конечно, немало армян. И у моих сестер в Москве учились музыке дети — армяне из Ростова, с которыми я поддерживал знакомство. В дни армянского весеннего праздника роз («Вартавар») мы группами отправлялись на гуляния в Александровском саду, находившемся между Ростовом и Нахичеванью. А поездка в так называемый «Армянский сад» даже связана с самым моим ранним воспоминанием, относящимся к 1886 году, то есть к трехлет-

нему моему возрасту. Превосходный сад бывшего армянского монастыря, окруженный несколькими дачами, единственное в те времена тенистое место в степи около Ростова, не раз посещался нами в гимназические годы, хотя и находился довольно далеко от города.

Я запомнил две одинокие могилы в этом саду, два памятника: поэту Рафаэлу Патканяну и публицисту-революционеру М. Налбандяну. Я уже в ранние годы знал о характере деятельности этих выдающихся людей... Я думаю, что все это могло содействовать в дальнейшем моему интересу к армянской культуре, а проявляемый с моей стороны интерес встречным образом вызвал впоследствии внимание ко мне со стороны ряда талантливых представителей армянской музыкальной молодежи.

* * *

В последние годы моего пребывания в консерватории я познакомился с А. А. Спендиаровым. Мы встречались с ним на «Вечерах современной музыки» в 1907—1909 годах, где исполнялись произведения прогрессивно настроенной композиторской молодежи. Помню интересную его пьесу «Беда-проповедник». Как композитора я знал его, впрочем, и раньше по талантливой симфонической картине «Три пальмы», исполнявшейся в Петербурге. В последние годы жизни Римского-Корсакова Спендиаров навещал своего учителя в Петербурге уже не как ученик, а как младший товарищ по искусству. Помню, Римский-Корсаков говорил о нем с нами как о «подлинном композиторском таланте», и Спендиаров отвечал своему учителю и восхищением и любовью и к нам, младшим представителям Корсаковской школы, проявлял милое товарищеское отношение. Скромный и прелестный в обращении человек, этот высокоодаренный композитор пришел к своим высшим и наиболее самостоятельным достижениям в более поздние годы. Представляю себе, как восторженно отнесся бы Римский-Корсаков ко многим страницам оркестровой музыки из «Алмаста», лаконичной по форме, национально-своеобразной и необыкновенно убедительной в своей красочности и образной выразительности! О встречах с Спендиаровым в эти и более поздние годы я упомяну, когда дойду в своих воспоминаниях до 20-х годов нашего века.

Кажется, в учебный сезон 1908—1909 года, когда сам

я еще был учеником консерватории, у меня стал учиться Анушаван Григорьевич Тер-Гевондян. Он был студентом юридического факультета Петербургского университета. Под моим руководством он готовился в консерваторию. Помимо того, я подвергал критике и совершенствовал его первые самостоятельные сочинения. Позже, когда я, уже не живя постоянно в Петербурге, приезжал иногда ненадолго, иногда на несколько месяцев, Анушаван продолжал, по старой привычке, показывать мне свои сочинения, доверяя моему вкусу и разумению. С самых первых своих шагов, стремясь к сочинению музыки национально окрашенной, он, учась, робко нащупывал почву под ногами. И, объективно говоря, это отнюдь не было делом легким. Можно смело сказать, что никаких сочинительских традиций в области армянской музыки еще не существовало. Сочинения Комитаса были очень мало известны. Екмалян писал, кажется, преимущественно церковную музыку. Оба эти имени были мне неведомы до знакомства с Тер-Гевондяном. Уже упомянутый блестящий представитель школы Римского-Корсакова, высоко-одаренный композитор-мастер А. А. Спендиаров еще не выработал к этому времени *своеобразного* стиля. Нельзя было не проникнуться уважением к первым и упорным попыткам А. Тер-Гевондяна добиться настоящих достоинств в области обработки народных армянских песен. Благодаря ему и я познакомился с этими песнями.

...Живя и работая на родине, я не раз выезжал в Петербург и Москву и даже несколько раз успел побывать за границей. Среди тех, кто у меня учился в этот период, не могу не отметить Асламазяна, еще совсем мальчиком проходившего под моим руководством музыкально-теоретические предметы в Екатеринодаре и тогда уже подававшего надежды стать очень хорошим виолончелистом, равно как и юного скрипача Габриэляна, также заметно выделявшегося своей одаренностью в Ростовском музыкальном училище.

Вспоминаю еще одного высокоталантливого, к несчастью преждевременно умершего, юношу — Ерганджиева. Это был блестяще одаренный юный пианист (ученик А. Н. Дроздова). Он произвел сильное впечатление на концертировавшего в Екатеринодаре А. И. Зилоти, посетившего наш школьный концерт. Из своих ростовских учеников в эти годы должен еще отметить скромного, но очень серьезно занимавшегося искусством Давида Согомоняна, впоследствии переселившегося в Армению, и Г. Ходжаева,

по образованию и основным интересам филолога, однако музыкально очень одаренного человека, не без блеска впоследствии читавшего лекции по истории музыки в нашей Донской консерватории и участвовавшего во всех наших передовых музыкальных начинаниях первых лет революции.

Большое душевное участие принимала в этих начинаниях известная уже тогда поэтесса и писательница Мариэтта Шагинян. Но Мариэтта Сергеевна и музыкант бо́льший, чем многие музыканты по профессии. Известно, что дружеское ее общение в молодые годы с Рахманиновым и Метнером основывалось не только на ее восхищении их творчеством, но и на доверии обоих замечательных композиторов к ее художественным вкусам и интуиции.

Одна из черт Мариэтты Шагинян как музыканта — большая широта ее вкусового восприятия музыки. Это, конечно, черта «не композитора». Так, она с большим одобрением относилась *и к моей музыке*, музыке молодого композитора иной школы и иных художественных воззрений, чем те, которые характеризовали Рахманинова и Метнера, каждого в отдельности или их обоих, как представителей известного художественного течения. Мариэтте Сергеевне очень хотелось, чтобы все ее друзья-композиторы были друзьями в творчестве или хотя бы ценили друг друга по достоинству. Мариэтта Сергеевна рассказывала мне, как она однажды убедила Рахманинова и Метнера проиграть все вышедшие в свет мои сочинения в количестве уже нескольких десятков пьес. Полагаю, что это было значительное насилие со стороны очаровательного молодого друга Рахманинова и Метнера. Не удивляюсь тому, что, к огорчению Мариэтты Шагинян, оба композитора остались более чем равнодушными к моей музыке. Вернее, им не понравилось *все*... Только одну небольшую пьеску (ставшую, правда, вскоре популярной) они выделили, как действительно удачное произведение. Я мог утешить Мариэтту Сергеевну лишь тем, что мои сочинения имели успех у Скрябина.

Возвращаюсь к более ранним временам...

В январе или феврале 1914 года я был в Константинополе. Здесь мне довелось встретиться с замечательным армянским музыкантом Комитасом.

Комитас очень хорошо говорил по-русски.

Узнав, что я был учеником Римского-Корсакова, он сказал мне, что преисполнен огромного уважения к этому художнику, и указал на кипу нот и книг на столе.

«Некоторые сочинения Римского-Корсакова и его учебник гармонии — мои настольные книги».

Мне было чрезвычайно приятно это услышать.

Далее Комитас рассказал мне очень интересные вещи по поводу собственных работ над «хазами», явно желая дать мне понять, как трудна исследовательская работа в этой области и как нужно быть осторожным в окончательных выводах.

«С молодых лет я усердно работал, изучал наши нотные знаки. Книгу, явившуюся результатом этой работы (Комитас продемонстрировал эту книгу), я зачитал на специальном собрании в Париже. Труд мой имел большой успех и был премирован. Но я не оставлял работы. Прошло около двадцати лет, и я пришел к совершенно другим выводам. Первоначальные мои выводы были основаны лишь на изучении направления штрихов в наших нотных знаках, а позже оказалось, что малейшее утолщение линии уже имеет значение для расшифровки мелодии. Все оказалось гораздо сложнее и богаче, чем я думал раньше. И я не уверен, что мною уже все здесь вскрыто, и продолжаю работать».

Я не помню всего, о чем мы говорили с Комитасом. Но во всем, что и как он говорил, я чувствовал и серьезность научной сосредоточенности, и величие яркой художественной одаренности, и обаяние человеческого доброжелательства.

Беседа наша была крайне оживленной и интересной. Все же здание патриархата несколько стесняло меня. Я не знал, уместно ли здесь просить Комитаса познакомить меня с каким-нибудь из его сочинений. Мне даже приходило в голову, не является ли «засекреченной» для окружающих светская часть его деятельности. Еще менее удобным мне казалось предлагать ему здесь познакомиться с моими работами и так или иначе о них отозваться.

Мог ли себе представить кто-нибудь из нас, что мир накануне страшной войны, что через несколько месяцев армянский народ постигнет страшная трагедия, катастрофа, что творческие мысли Комитаса — композитора и исследователя, так гостеприимно встретившего меня и дружески беседовавшего со мной, окажутся его последними творческими мыслями.

Лишь гораздо позже я ознакомился с сочинениями Комитаса, убедившись в том, какой это был крупный композитор и талант, какой своеобразный и интересный мастер

в композиции и как велика его роль в развитии армянской музыки XX века.

Как дорого мне сознаться, что я в числе немногих наших современников лично знал одного из великих зачинателей армянской музыкальной культуры.

* * *

С 1923 года я надолго поселился в Москве. Вплоть до 1935 года я руководил классами композиции в музыкальном училище имени Гнесиных и приблизительно в те же годы вел занятия и в Московской консерватории. История появления в моем классе юного Арама Хачатуряна достаточно известна. Он сам не раз рассказывал ее устно и печатно. Арам Хачатурян как музыкант в эти годы представлял собой как бы драгоценный камень в настолько неотшлифованном виде, что судить о его ценности было трудно. Я полагаю, что старшая моя сестра Евгения Фабиановна, к которой его привел брат Арама Ильича, известный певец Леон Хачатуров, подала ему очень добрый совет — начать учиться игре на виолончели, а попутно проходить в нашем училище и теоретические предметы и фортепианную игру. Это было за несколько месяцев до моего переезда в Москву. Сестра говорила мне, что в училище поступил приехавший с Кавказа юноша, однако совершенно не подготовленный, а между тем ему уже восемнадцать — девятнадцать лет. Успехи его и в виолончельной игре и по теоретическим предметам были очень велики. Чуть ли не после двух лет обучения он играл уже на ученическом вечере совсем нелегкую мою пьесу для виолончели («Песня странствующего рыцаря»), исполняя хорошо и выразительно. В фортепианной игре он быстро совершенствовался. Но его исполнительские потребности перерастали технические возможности, и он играл хоть бойко, но с совершенно фантастической аппликатурой. Под моим руководством он проходил курс гармонии. Однажды он показал мне фрагмент из небольшого числа тактов — малюсенькое сочиненьице для виолончели. Я как раз к этому времени объявил открытым для всех наших учеников, желающих пробовать свои силы в композиции, «экспериментальный класс». Арам одним из первых попал в этот класс. Прорабатывая разнотипные композиционные упраж-

нения, он быстро показал себя человеком, полностью приспособленным к композиции. К этому времени вследствие нервных болей в руке он оставил занятия по виолончели и целиком сосредоточился на композиции. Сочинения, которые он стал писать чуть ли не к концу второго года занятий, были так ярки, что уже ставился вопрос о возможности их обнародования. Ряд пьес, вскоре же создавших известность Хачатуряну, был написан им в бытность учеником музыкального училища.

С самого же начала в сочинениях Хачатуряна заметны были зерна самостоятельного музыкального мышления и чувствовалась совершенно иная, молодая и *современная* жизненная пульсация. Хачатурян учился у меня еще два года в консерватории (композиции и гармонии в ее высших формах), проработав, таким образом, под моим руководством не менее пяти лет.

В 1931 году по ряду причин я оставил на время работу в Московской консерватории. Арам Хачатурян стал учеником М. Я. Мясковского, под руководством которого стремительно рос и развивался его яркий талант.

Творчество Хачатуряна, доставляющее столько радости огромному количеству слушателей в разных странах, не может не быть по-особому радостным для первого его учителя.

На протяжении довольно длительного периода со времени окончания мною консерватории и переезда в провинцию мне почти не случалось встречаться с А. А. Спендиаровым, но одну встречу — в 1927 году в Москве — я никогда не забуду. В эту последнюю свою поездку в Ленинград и Москву Александр Афанасьевич (уже постоянный житель Армении) дирижировал концертами из своих сочинений. Концерты проходили с огромным успехом. Нравились и сочинения Александра Афанасьевича, картинные и колоритные, и чрезвычайно увлекательное истолкование их автором. Милый юмор, отчасти непроизвольный, и столь же милое чудачество, равно как и проявления поэтической рассеянности, породившие столько забавных рассказов о Спендиарове, увеличивали обаяние этого жизненно-непритязательного добродушного человека. Что-то крайне привлекательное было в его тесной дружбе с А. К. Глазуновым, таким по внешности *резко* непохожим на него человеком. Впрочем, известная «эпичность» натуры была у них общей чертой. Глазунов нередко гостил у Спендиарова в Судаке. Как композитора Глазунов ставил Спендиарова чрезвычайно высо-

ко. Гостила у Спендиарова и талантливая музыкальная поэтесса София Парнок в период, когда она писала либретто к опере «Алмаст». С восхищением рассказывала она мне о Спендиарове как о художнике и человеке. Очень любил музыку А. Спендиарова и с огромной симпатией относился к нему ныне умерший М. С. Штейнберг, с редкостным вкусом и исключительной «маэстрией» закончивший оперу «Алмаст» после смерти Спендиарова.

Александр Афанасьевич чутко чувствовал национальный колорит не только в наиболее близкой ему сфере армянского и армянско-татарского фольклора. Меня совершенно поразила острота образной зарисовки в «Еврейском танце» — пьесе, так ярко исполнявшейся Спендиаровым в последний его приезд в Москву.

...В 1927 году в Москве я впервые познакомился с уважаемым Спиридоном Меликяном, чей интересный сборник песен (собран им совместно с А. Тер-Гевондяном) я знал ранее.

С. Меликян прибыл в Москву из Еревана с превосходным хором и хореографическим коллективом Армении. Вечер в Доме армянской культуры, который я посетил вместе с одной из моих сестер, ярко запечатлелся в памяти: превосходные, увлекательные танцы, красочные и своеобразно-национальные костюмы, отлично исполненные хоровые песни. Здесь я впервые услышал исполненные хором гениальные песни Комитаса.

В мой класс композиции в более поздние годы поступил сын Спиридона Меликяна, сильно одаренный юноша, к несчастью столь преждевременно погибший на войне. В период от 1923 до 1935 года под моим руководством в музыкальном училище имени Гнесиных и в консерватории совершенствовался ряд молодых композиторов-армян, одаренных, а иногда и замечательно одаренных. Упомяну о тех, связь с которыми не была кратковременной.

Арам Хачатурян был уже нашим учеником, когда из Елисаветполя (ныне Кировабад) в Гнесинское училище прибыл еще один талантливый юноша, которому также предстояло яркое композиторское будущее. Это был Аро Степанян.

Если в Хачатуряне с первых его работ поражал мощный темперамент, то у Степаняна были достойны восхищения тонкий вкус, поэтичность и стилистические устремления. Помогать ему в шлифовке тонких и талантливых вокально-

фортепианных произведений было истинным удовольствием. К более крупным построениям Аро Степанян в те годы влечения не имел, сознательно добиваясь возможного совершенства в области музыкальной миниатюры. Иные качества его творческой натуры раскрылись в последующие годы. Переехав по ряду причин в Ленинград, Аро Степанян закончил свое образование в Ленинградской консерватории под руководством известного нашего композитора В. В. Щербачева. В классе этого выдающегося профессора особо настойчиво насаждались идеи «драматургичного симфонизма», характерные для творческой мысли музыкального Ленинграда этих лет. Когда я познакомился с его оперой «Лусабацин», показанной во время первой декады армянского искусства в Москве, я был обрадован огромностью достижений моего бывшего ученика, широтой его творческой фантазии, зрелостью оркестрового мастерства.

* * *

Период моего пребывания профессором композиции Ленинградской консерватории (1935—1943 годы, включая и годы эвакуации консерватории в Ташкент) снова связывается в моих воспоминаниях с целым рядом интересных встреч с представителями армянской музыкальной культуры и будущими деятелями. Если четверть века назад в этом самом городе мне приходилось проявлять активность в руководстве будущими армянскими композиторами, поощрять их в смысле сосредоточения на армянском фольклоре и по мере сил и разумения содействовать кристаллизации стиля в их произведениях, то теперь мне довелось быть свидетелем роста армянской композиторской молодежи и участником в обсуждении работ подрастающих композиторов.

Прямое и авторитетное руководство молодыми армянскими композиторами находилось в руках Христофора Степановича Кушнарева, многосторонне талантливого деятеля — композитора, мастера полифонии, ученого, знатока родного фольклора и превосходного, подлинно просвещенного педагога. В классе Кушнарева, помимо композиторов-армян, обучался и целый ряд молодых представителей различных республик нашего Союза, жаждавших помощи в техническом формировании народно-национальной стороны в их сочинениях.

В педагогических воззрениях у нас с Христофором Степановичем было немало общего. Наша совместная работа на

композиторском факультете — и композиторская, и научная, и педагогическая — была интенсивной и обоюдно интересной и привлекательной. Добром поминаю я и ряд содержательных бесед с вдумчивым А. Адамяном, с которым я встречался, впрочем, и ранее. Из учеников Х. С. Кушнарева в эти годы уже заканчивал образование Тер-Мартиросян, на моих глазах совершенствовались дарования Т. Оганесяна, автора талантливых фортепианных вариаций, чье творчество трагически пресеклось его гибелью на фронте, Вартана Тиграняна и юной Гаянэ Чеботарян.

С 1944 года базой для моей деятельности снова стала Москва. Музыкальное училище имени Гнесиных стало к 50-летию своего существования музыкально-педагогическим институтом, или, точнее, это учреждение объединяет в настоящее время в своих стенах и начальную музыкально-профессиональную школу, и училище, и высшее учебное заведение. И сейчас в классах композиции у нас есть студенты из Армении. В настоящее время в занятиях с ними не приходится уже ставить *вопрос* об армянской музыке, о возможности и желательности выработки самостоятельного народно-национального стиля. Современность знает уже ряд выдающихся национально-своеобразных произведений, качество которых и их общественная значимость сами за себя говорят и воздействуют на молодежь. Современная армянская музыка — это одна из чрезвычайно плодоносных ветвей нашего и мирового искусства. Народный же быт и народная музыка в Советской Армении творчески заражают не одних лишь армян-композиторов. Одно из лучших произведений Максимилиана Штейнберга — «В Армении» — написано под впечатлением посещения им этой страны.

С радостью я могу выразить надежду и даже уверенность в том, что некоторые из обучающихся в настоящее время в нашем институте молодых композиторов из Армении обогатят национальную музыкальную культуру (может быть, даже в не очень далеком будущем) новыми серьезными композиторскими достижениями.

1948

А. СПЕНДИАРОВ

Я ПРИЧИСЛЯЮ СЕБЯ К РУССКОЙ ШКОЛЕ[1]

Родился я 20 октября 1871 года в местечке Каховка, Таврической губернии, Днепровского уезда. Отец мой, скончавшийся в 1901 году, был коммерсантом; мать, рожденная Селинова, происходит из карасубазарской мещанской семьи; как отец, так и мать получили лишь начальное образование.

История моего рода, к сожалению, мне неизвестна. Ни от отца моего, ни от кого-либо из его родственников о выдающихся в каком-нибудь отношении предках не слышал. В семье моей матери были и ныне находятся люди с несомненной музыкальностью: сама мать моя хорошо играла на фортепиано, одна из ее сестер играла на этом инструменте отлично, брат ее играл недурно на скрипке, один из ее двоюродных братьев — на фортепиано.

Воспитание и среднее образование я получил в Симферополе, где окончил в 1890 году классическую гимназию.

[1] «Дружба», 1956, Ереван.

Поступив в том же году в Московский университет, я пробыл год на естественном факультете, а затем перешел на юридический, который окончил в 1895 году; государственные же экзамены выдержал позднее — в 1897 году.

Занятия музыкой начались приблизительно с девятилетнего возраста. В этом возрасте я начал брать уроки игры на фортепиано, которые прекратились через год или года полтора: я не выносил гамм и экзерсисов, учительница моя не смогла меня дисциплинировать в этом отношении — и фортепиано пришлось оставить.

Лет четырнадцати я стал обучаться игре на скрипке и на этом инструменте занимался охотней и прилежней. Результаты были достигнуты настолько солидные, что по поступлении в университет я был принят в студенческий оркестр, в то время стоявший на значительной высоте, и играл в нем первую скрипку на первом пульте. Параллельно с участием в оркестре я продолжал скрипичные занятия под руководством артиста оркестра императорской оперы Пекарского.

В 1892 году (мне было тогда около 21 года) я впервые начал брать уроки теории композиции у известного музыканта, бывшего в то время директором студенческого оркестра, Н. С. Кленовского; изучение теории так увлекло меня, что я охладел к скрипке, — и занятия на этом инструменте прекратились. Через два года пришлось приостановить уроки теории композиции, так как Кленовский уехал в Тифлис, приглашенный на место директора музыкального училища при Тифлисском отделении Русского музыкального общества. Возобновил я занятия теорией композиции в 1896 году, поступив частным учеником к покойному Н. А. Римскому-Корсакову, под руководством которого и закончил свое музыкально-теоретическое образование в 1900 году.

Несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было эстетических влияний в местечке Каховка, где я провел младенческие годы, и скудность таких влияний в Симферополе, где прошло мое отрочество, я проявил известные способности почти во всех отраслях искусства. Так, едва ли не с трехлетнего возраста я стал выделывать из бумаги, без всяких инструментов, разных животных и птиц — и помню, что, когда мне было лет шесть, моими изделиями из бумаги очень заинтересовался посетивший нас в Симферополе художник И. К. Айвазовский, взявший с собой не-

сколько экземпляров моих бумажных животных и птиц для демонстрации их в Академии художеств. Несколько позднее, лет восьми, я стал рисовать, — и люди компетентные находили во мне известное дарование и в этой области. Еще позднее я начал сочинять стихи.

В период моего младенчества и отрочества наиболее сильное влияние на меня оказывала игра на фортепиано моей матери, которую я очень любил слушать и которая, несомненно, пробудила во мне раннюю любовь к музыке. Влияли на меня и военные духовые оркестры, игру которых я всегда слушал с удовольствием.

В Москве наиболее сильное впечатление из всех слышанных мною симфонических сочинений на меня произвела «Шехеразада» Римского-Корсакова, а из опер — «Снегурочка» Римского-Корсакова, «Князь Игорь» Бородина и «Самсон и Далила» Сен-Санса.

Склонность к музыкальному творчеству проявилась во мне очень рано: хорошо помню, что лет семи я сочинил уже небольшой вальсик. Сочинял я и в гимназические годы, но сочинял исключительно музыку легкомысленного характера — танцы, марши, салонные романсы, что объясняется отмеченной выше скудностью музыкальной пищи, которую можно было найти в то время в Симферополе, и влиянием игры военных оркестров, пробавлявшихся исключительно легкой музыкой. Замечу, что все сочинявшееся мною тогда я записывал, не имея ни малейшего понятия о теории, и записывал правильно, судя по сохранившимся двум-трем образцам моего гимназического творчества.

Ни я, ни мои родители не придавали серьезного значения моим музыкальным писаниям, и, будучи гимназистом, я и не думал о посвящении себя когда-либо серьезным занятиям теорией композиции, — меня больше интересовала скрипка. На решение изучать теорию композиции натолкнул меня в Москве Н. С. Кленовский, который, услышав сыгранный мною на фортепиано во время одной из репетиций студенческого оркестра мой «очередной» марш и удивившись правильности его формы и голосоведения, стал настойчиво советовать мне приняться за изучение теории композиции, что я и сделал, избрав Кленовского моим учителем.

Во время занятий с Кленовским и затем с Римским-Корсаковым я сочинил немного: изучение теории не давало

возможности в большой мере предаваться свободному творчеству. За это время я написал несколько небольших пьес для струнного квартета, для скрипки, виолончели, фортепиано и несколько романсов для пения; некоторые из этих сочинений впоследствии были изданы, как, например, ставшая довольно популярной моя «Восточная мелодия» для пения на слова армянского поэта Цатуряна «Ай вард».

Первое значительное мое произведение — «Концертная увертюра» для оркестра — было сочинено осенью 1900 года и исполнено впервые в Павловске в июне 1901 года под управлением Галкина, встретив сочувственный прием публики. Следующее мое оркестровое произведение — сюита «Крымские эскизы», — сочиненное летом 1903 года, было в том же году исполнено под моим управлением в Ялте и Петербурге (в симфоническом концерте Русского музыкального общества) и имело в обоих случаях значительный успех. Сюита эта стала очень популярной и исполнялась уже кое-где и за границей. Дальнейшие мои сочинения — оркестровые и вокальные — стали уже исполняться повсеместно в России, а моя симфоническая картина «Три пальмы» обошла уже почти все столицы Западной Европы.

Три моих сочинения — симфоническая картина «Три пальмы», легенда для контральто с оркестром «Беда-проповедник» и мелодекламация «Мы отдохнем» — удостоены премии имени Глинки. Самым последним моим сочинением является вторая серия «Крымских эскизов» для оркестра, пока еще не изданная. Сочинение это уже было исполнено минувшим летом в Феодосии и Ялте (под моим управлением) и предложено к исполнению в Петербурге в одном из так называемых «русских симфонических концертов» в начале марта будущего года. В настоящее время я занят составлением сценариума для задуманной мною оперы.

Оглянувшись на все написанное мною до сего времени, можно сделать вывод, что, во-первых, сфера моего творчества ограничивается почти исключительно оркестровой и вокальной музыкой, во-вторых, наиболее индивидуальными из моих сочинений являются сочинения восточного стиля.

Замечательных событий в моей повседневной жизни не было. В музыкальной же моей жизни было два важных момента. До моего знакомства с Римским-Корсаковым я далеко не был уверен, несмотря на похвалы Н. С. Кленовского и некоторых других музыкантов, обладаю ли я достаточ-

ными данными для того, чтобы всецело посвятить себя композиторской деятельности и совершенно игнорировать мое университетское юридическое образование; единственным музыкантом, которому я мог бы доверить решение этого вопроса, представлялся мне в то время — уже тогда мой самый любимый композитор — Римский-Корсаков. И вот я стал мечтать о возможности показать когда-нибудь ему мои сочинения и в случае одобрительного о них отзыва сделаться его учеником.

Мечты мои осуществились: в большом волнении весной 1896 года я предстал перед Николаем Андреевичем с кипой моих работ, просмотрев которые он признал во мне наличие всех данных для посвящения себя самым серьезным занятиям композицией и выразил согласие стать моим учителем. Великую радость и несказанное удовлетворение испытал я и только с тех пор уверовал в свои силы.

Другим важным моментом было первое исполнение в Петербурге под моим управлением самого значительного из моих сочинений — симфонической картины «Три пальмы». Сочинение это не только было весьма сочувственно принято публикой, но и удостоилось самого лестного одобрения больших музыкальных авторитетов — Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова и других, принявших меня с того времени в свою семью.

Важнейшим из своих произведений считаю: симфоническую картину для оркестра «Три пальмы», обе серии «Крымских эскизов» для оркестра, легенду для контральто с оркестром на стихотворение Полонского «Беда-проповедник», песнь, еще не напечатанную вследствие цензурного запрета, «Забытые могилы» для тенора с оркестром, на слова армянского поэта Абовяна, и две мелодекламации с оркестром: «Мы отдохнем» (монолог Сони из «Дяди Вани» Чехова) и «Эдельвейс» (стихотворение в прозе М. Горького). Кроме перечисленных произведений, мною написаны (и уже изданы) еще шесть пьес для оркестра, три сочинения для пения с оркестром: 1) для одного голоса, 2) для квартета и 3) для хора — с сопровождением оркестра, пьесы для скрипки и виолончели, несколько романсов и проч.

Я причисляю себя к русской школе, созданной Глинкой, Балакиревым, Бородиным, Римским-Корсаковым и др. Творения этих композиторов — и еще Глазунова и Лядова — больше всего отвечали моему вкусу.

Ялта, 14 декабря 1913 г.

А. ХАЧАТУРЯН
народный артист
СССР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Как бежит, торопится время! Вот уже почти шесть лет нет с нами незабвенного Николая Яковлевича Мясковского. И все же прошедшие годы, богатые событиями, не закрывают от нас облик этого удивительного художника, человека редких душевных качеств. Мясковский жив в нашей памяти. Более того: с годами мы все сильнее ощущаем дыхание его мудрой и прекрасной музыки, с волнением открываем в ней сокровенные глубины, которых, быть может, прежде не замечали.

Наследие Мясковского огромно. Мы сейчас даже не в состоянии охватить его полностью. Многие симфонические, камерные и вокальные произведения композитора, его блестящие критические статьи (кстати, почему бы не издать их отдельным сборником — это ведь образцы музыкальной

публицистики!), наконец, архивы, дневники, письма — пока еще мало известны нашей музыкальной общественности. Это очень досадно.

Жизнь и творческая деятельность Мясковского неотделимы от всей истории советской музыки. Выдающийся композитор, педагог, общественный деятель — он являл собою тип *советского* художника, живущего жизнью народа, страны, своего времени.

Конечно, о Мясковском будут со временем написаны серьезные исследования. Но их пока мало. Поэтому на всех нас, близко знавших Мясковского, лежит большой долг. Мы должны — каждый в меру своих сил — рассказать о крупнейшем советском композиторе нашим современникам, нашим потомкам. Пусть ничто не будет забыто. Нам дороги и ценны не только творческие заветы Николая Яковлевича, но и каждая жизненная подробность, в какой-то мере приоткрывающая его внутренний мир.

Вот почему я решаюсь опубликовать мои краткие заметки о Николае Яковлевиче Мясковском. Они неизбежно отрывочны и, конечно, не претендуют на законченность и полноту.

* * *

Знакомство мое с Мясковским произошло в 1929 году, когда я, только что окончив техникум им. Гнесина по классу композиции профессора М. Ф. Гнесина, поступил в Московскую консерваторию. Еще до того, как я познакомился с Николаем Яковлевичем, я много слышал о нем, хорошо знал его музыку. Для нас, молодых музыкантов, имя его было окружено своего рода ореолом, притягивало, внушало уважение. Его почитали и уважали — без преувеличения — все. Даже из беглых замечаний педагогов, из отрывочных разговоров на концертах, в консерватории можно было составить представление о его незаурядной личности.

Стоило ли говорить, какой великой честью считалось учиться у него! Такой мечтою был охвачен и я, но, правду говоря, не верил, что она может когда-нибудь осуществиться. Я только однажды признался в этом В. В. Держановскому, который был ко мне дружески расположен.

Зимою я заболел, надолго слег в больницу. И вдруг мои друзья принесли известие, помогшее мне сильнее всех лекарств: оказывается, я был зачислен в класс композиции Н. Я. Мясковского!

Вскоре я пришел в класс. С первых же занятий Николая Яковлевича я был захвачен новой, необычной для меня обстановкой. На уроках не было ничего обыденного, повторяющегося. Приходя к Мясковскому, мы словно переступали порог, за которым нам открывалось во всем величии своем, сложности, увлекательной красоте наше искусство, которое мы до того любили слепо. Он учил нас музыке, широко учил культуре композиторского труда и попутно связывал все это с многими явлениями в классическом и современном искусстве.

Мясковский никогда не подавлял студентов своей творческой волей. Он вел себя с нами, как равный с равными, был чрезвычайно вежлив и предупредителен. Он не допускал фамильярности, был со всеми учениками на «вы», называл их по имени и отчеству.

Была ли у Мясковского законченная педагогическая система занятий? Вряд ли. Скорее у него были определенные *общие принципы*, которым он следовал. Уроки его в разное время и с разными студентами складывались непринужденно, как бы сами собой, но в них всегда ощущались воля и направляющая мысль педагога.

Хорошо помню, как Николай Яковлевич оценивал новое сочинение. Для него было чрезвычайно важно узнать прежде мнение самого студента. С этого он нередко начинал свой разбор произведения. Он *уважал* мнение студента, даже если был с ним не согласен. Постепенно мысль Николая Яковлевича проникала «в глубь» композиции, схватывала все ее особенности. Он не признавал «гладких», ловко скроенных произведений, написанных по инерции и лишенных свежей мысли. Даже в самой небольшой пьесе он прежде всего искал, в чем выразилась индивидуальность студента. Шероховатости письма, неизбежные в стадии роста и формирования композитора, его не пугали. Мясковский обладал редкой для педагога способностью просто, убедительно, конкретно говорить с молодым композитором о таких глубоких и важных вещах, как идейная направленность творчества, соотношение содержания и формы.

На уроках он высказывался скупо, даже как-то робко. Но студенту нужно было здесь быть начеку, схватывать самые незначительные, казалось, замечания.

— Вот здесь у вас форма что-то... — Николай Яковлевич всматривался в ноты, потом вдруг добавлял: — Впрочем, может быть, я ошибаюсь...

И шел дальше. А студенту нужно было держать ухо востро: раз Николай Яковлевич задумался, значит, что-то здесь неладно...

Должен оговориться, что так было в годы моей учебы. Позднее, насколько мне известно, его оценки работ студентов стали более активными. Но деликатность в обращении осталась у Николая Яковлевича навсегда. И беда была, если ученик не умел за этой деликатностью, за брошенными как бы вскользь замечаниями заметить неполадки, обратившие внимание Мясковского.

Николай Яковлевич знал, что молодому художнику в стадии формирования таланта присуща особая чуткость, ранимость. Вот почему он был так тактичен, осторожен в обращении с молодыми композиторами. Это был мудрый педагогический прием. Из этого вовсе не следует, что ученик был предоставлен сам себе. Мясковский влиял на наше развитие незаметно, исподволь. Ему важно было распознать индивидуальность студента, открыть для себя свойства его таланта, и тогда он развивал все лучшее, что было заложено в ученике. Не случайно из класса Мясковского вышло столько *различных* композиторов.

На занятиях Николай Яковлевич поражал нас огромной эрудицией. Это был человек поистине энциклопедических знаний. Я помню стихийно возникавшие у него на уроках увлекательнейшие беседы о музыке. Выскажет мысль — и тут же встанет, подойдет к нотной полке, быстро достанет нужные ноты и покажет: «Вот у Шумана, например, такая кода. А вот у Листа совсем иначе, смотрите...». Он очень любил подтверждать свои мысли примерами из музыкальной литературы, которую знал досконально. Примеры были самые разнообразные: форма или отдельные детали формы, полифонический прием, оркестровый тембр, гармония, развитие материала, типы код, каденций и т. д.

У Николая Яковлевича была богатая нотная библиотека. Он пополнял ее до последних дней. Ноты никогда не лежали у него мертвым грузом — он постоянно играл сам, давал ноты ученикам, разбирал с нами на уроках. В Мясковском было удивительное равновесие: при глубочайшем знании классики в нем всегда был заметен пытливый интерес ко всему новому.

На партитурах Бартока, Стравинского, Хиндемита, А. Берга, А. Шенберга были его пометки. Некоторые произведения этих авторов (в частности, А. Шенберга, А. Бер-

га) никогда не вызывали у него восторгов. Не ориентировал он в этом направлении и своих студентов.

Основой воспитания студентов была для Мясковского русская музыкальная классика. Ее он не только знал — он любил ее глубоко и сильно. Он давал студенту партитуру то Глинки, то Римского-Корсакова, то Чайковского. Часто играл студентам Бородина, Танеева, Лядова. Какое наслаждение было слушать воспоминания Николая Яковлевича о его встречах с Римским-Корсаковым, Лядовым! Великие музыканты становились ближе нам, и каждый студент чувствовал себя причастным к одному общему с ними делу.

* * *

Особо я хочу сказать об отношении Мясковского к С. С. Прокофьеву. Несмотря на разницу в годах, они были истинными друзьями еще со времени учебы в Петербургской консерватории. Я не знаю, кого еще из музыкантов Мясковский так любил, как Прокофьева. Обычно сдержанный в оценках, не признающий пышных слов и эпитетов, он не раз говорил о гениальности Прокофьева, считал его «впередсмотрящим» художником, смело пролагавшим новые пути; русский национальный склад музыки Прокофьева он оценивал чрезвычайно высоко. Мясковский так говорил о Прокофьеве: «Он рубится впереди всех нас».

Помню, как Николай Яковлевич пригласил в консерваторию Прокофьева. Это было вскоре после возвращения композитора на родину. Мясковский содействовал тому, чтобы Прокофьева привлекли для занятий с молодыми композиторами.

В день, когда Прокофьев должен был прийти на урок, Николай Яковлевич был взволнован, нетерпеливо взглядывал на часы. Он волновался и за Прокофьева и за нас — как-то произойдет наша встреча.

Прокофьев вошел в класс минута в минуту, как было назначено, поздоровался, сразу же сел к инструменту. Он был вежлив, краток, почти сух в разговоре. Его замечания были сугубо «композиторские», профессиональные. Он не рассматривал, как обычно это делали педагоги, произведение во всех звеньях (форма, тональный план, полифония, инструментовка и т. д.). Он брал тему, такт темы, гармонию, полифонический прием. «Вот это хорошо! — говорил Прокофьев, выделяя какой-нибудь такт. — А вот это как по-

нять?» — брал он отдельный аккорд, оборачиваясь к студенту.

В хронометраже своих встреч со студентами Прокофьев был идеально точен. Эта точность, пунктуальность проявлялась у него во всем.

Прокофьев относился к Мясковскому необычайно почтительно. Со стороны казалось, что это была почтительность ученика перед бесконечно любимым педагогом.

Окончив новое произведение, Прокофьев всегда первому показывал его Мясковскому, советовался с ним. И если Николай Яковлевич, как всегда,, очень деликатно высказывал сомнение или пожелание, Прокофьев внимательно прислушивался. Он верил Мясковскому, ценил его безупречный вкус.

* * *

Облик Мясковского отличался высокой интеллигентностью. Он был красив, и красота его была внутренне наполненной, благородной. Если попытаться определить главную черту его облика, то это, пожалуй, был контраст между внешним спокойствием, скупостью движений и быстрым, острым взором живых и умных глаз.

* * *

В нем было высоко развито чувство эстетичности. Это сказывалось во всем, вплоть до житейских мелочей. Он уважал всех, с кем бы ни общался, был одинаково уважителен и к личности и к творчеству. Я вспоминаю: когда занятия проходили на дому у Николая Яковлевича, он, провожая ученика, непременно сам подавал ему пальто.

Внешне суровый, Николай Яковлевич очень ценил юмор, умел искренне и заразительно смеяться. Мысли свои выражал лаконично. Был наблюдателен, точен в оценках людей. Психологизм его натуры сказывался и в этом. Он, находя недостатки в людях, был неизменно вежлив, терпелив.

Николай Яковлевич любил цветы. Они у него стояли всюду — на рояле обычно розы.

* * *

Мне трудно сейчас вспомнить конкретные замечания его по поводу моих сочинений. Но отдельные моменты его за-

нятий со мною помню хорошо. Он очень помог мне, например, в овладении разработкой материала, учил развивать темы. У меня, как человека с «восточным ухом», была склонность к неподвижному басу, к органным пунктам. Николай Яковлевич помогал мне освободиться от этого. Он обратил мое внимание на то, как движущийся бас «движет» всю музыку.

Мясковский придавал большое значение кульминации. Он всегда искал ее в произведении. Кульминацию он понимал не обязательно, как tutti, — она могла быть тихой, могла находиться и в начале и в конце произведения. Это примерно то же, что Рахманинов называл «высшей точкой» пьесы. Николай Яковлевич внушал своим ученикам эту тонкость ощущения формы.

* * *

Я несколько раз приходил на занятия, не выполнив задания. Николай Яковлевич строго спросил, что со мною. Я сказал, что у меня «неприятности и переживания». Мясковский вдруг улыбнулся:

— Вот и пользуйтесь случаем! Пишите музыку. Только не молчите, это хуже всего. Думать о музыке нужно всегда, везде...

Позднее, уже после смерти Николая Яковлевича, я прочел в его дневниках мысль, что художником может считаться лишь тот, кто творит неустанно — *«иначе ржавеет мозг»*.

* * *

Однажды я спросил Мясковского:

— Николай Яковлевич, как вы могли за одно лето написать две симфонии?

Мясковский — как всегда лаконично — ответил:

— Если есть идея и темы, сочинение готово.

Мысль эту Николай Яковлевич в той или иной форме высказывал не раз и, как видно, придавал ей значение художественного принципа. Шире смысл ее нужно понимать так: 1) если у композитора есть идея (содержание, направленность); 2) если есть музыкальный замысел (конструкция, форма, план); и, наконец, 3) если есть музыкальные темы, то сочинение можно условно считать готовым. При

наличии этих трех компонентов остается лишь их техническое воплощение.

Я часто напоминаю своим студентам это глубокое замечание Мясковского. Пусть наши молодые композиторы воспримут его мудрый завет. Николай Яковлевич говорил, что композитор обязан быть хозяином музыки, что тематический материал должен быть податлив ему, как глина рукам скульптора.

* * *

Мясковский знал музыку, как настоящий художник. Он был в курсе всех новых музыкальных явлений в нашей стране и за рубежом. Он постоянно ходил на концерты, много слушал радио. Двери его дома были открыты для всех. Скольких композиторов принимал он у себя, скольким музыкантам из других городов давал консультации! Николай Яковлевич не просто воспринимал новое сочинение — для него это был повод к раздумью о путях развития искусства. Он внимательно следил за общественной жизнью Советской страны. Его глубоко волновали судьбы нашей музыки.

Он был страстным музыкантом. Ни одно свое сочинение он не писал без увлечения. И рядом с этой страстностью в нем жило трезвое самокритичное отношение к собственному творчеству. Нередко мы, ученики, восторгались каким-либо его сочинением, а он мягко возражал: «Ну что вы, я не совсем доволен инструментовкой». Вечная неудовлетворенность, стремление к совершенству были присущи ему до последних дней. Всех нас удивила его посмертная Двадцать седьмая симфония — произведение огромной силы, мудрости, большой глубины.

* * *

К творчеству Мясковского наши концертные организации относятся недопустимо равнодушно. Музыку его играют мало. Почти ничего не делается для того, чтобы донести музыку Мясковского до широких масс. А ведь настоящая пропаганда симфонического творчества не может быть совместима с расчетом на внешний успех, на развлекательность. Высокоинтеллектуальная музыка его открывается не сразу и требует вдумчивого слушания.

Нужно систематически исполнять произведения Мясковского, проводить циклы его симфоний и камерных про-

изведений. А то у неискушенного слушателя сейчас невольно создается представление, что Мясковский написал лишь одну Двадцать седьмую симфонию. Нужна серьезная *пропаганда* творчества Мясковского. Я глубоко убежден, что большая часть его симфоний должна исполняться в концертах, доставлять радость и наслаждение слушателям.

Мясковский — своеобразное и крупное явление в советской музыке. В становлении и развитии школы советского симфонизма его роль особенно велика.

Великая заслуга русских классиков — Глинки, Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова, Рахманинова, Скрябина — состояла в том, что они сделали русский симфонизм мировым явлением, бесконечно развили и обогатили традиции классиков. Это сильное, могучее течение было продолжено и в советскую эпоху. Если задаться вопросом, кто же первым унаследовал эти традиции, кто перекинул «мост» от русской классики в современность, то мы без колебаний назовем имя Мясковского. Именно он явился родоначальником новой, советской симфонической школы, которая заняла ныне одно из авангардных мест в мировом искусстве.

1956

А. ТЕР-ГЕВОНДЯН
народный артист
Армянской ССР

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Завершив в 1907 году среднее общее и музыкальное образование в Тифлисе, я направился в Петербург для получения высшего образования. Я поступил на юридический факультет Петербургского университета. Кроме того, в плане у меня было и поступление в Петербургскую консерваторию, в класс специальной теории композиции (в те времена одновременная учеба в двух вузах допускалась).

Для того чтобы упорядочить и пополнить знания, полученные в Тифлисском музыкальном училище, я решил предварительно позаниматься у кого-либо из старших студентов Петербургской консерватории и обратился за советом к Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, который тогда жил на Загородном проспекте, в доме № 28.

Николай Андреевич принял меня в своем рабочем кабинете. Он был высокого роста с двойной парой очков и по внешнему виду показался мне суровым и строгим, но впоследствии в беседе с ним я убедился, что это первое впечатление было не точно. Тут же, в кабинете у Николая Андреевича, присутствовал один из его учеников — Игорь Стравинский, с которым я также познакомился. Римский-Корсаков, узнав о цели моего прихода к нему и порасспросив меня о музыкальной жизни Закавказья, сказал: «В качестве педагога я рекомендую Вам студента консерватории по классу фуги и практического сочинения Михаила Гнесина, он хороший, образованный музыкант и сумеет Вас подготовить в консерваторию. Я надеюсь, что Вы будете довольны».

Вскоре я убедился, что Николай Андреевич не только рекомендовал мне в качестве педагога отличного музыканта, разносторонне образованного, замечательного педагога М. Ф. Гнесина, но и сам в дальнейшем проявлял интерес к нашим занятиям.

Хотя я еще и не был студентом консерватории, но весьма часто бывал в здании консерватории и аккуратно посещал показательные студенческие вечера. Помню, как в марте 1908 года на одном из таких вечеров в Малом зале консерватории сидели рядом Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов и по партитуре следили за исполнением струнного квартета М. О. Штейнберга, оканчивавшего тогда консерваторию по классу композиции.

По окончании первого отделения вечера Н. А. Римский-Корсаков вместе с Глазуновым вышли из зала, и, случайно заметив меня в вестибюле, Николай Андреевич спросил: «Ну, как Вы, уже начали свои занятия?». Я поблагодарил Николая Андреевича за внимание и рекомендацию М. Ф. Гнесина, на что Римский-Корсаков мне сказал: «Когда надо будет — покажитесь. а пока работайте!».

Проявление глубокой почтительности и безграничной любви студенчества консерватории к своим профессорам бросалось в глаза каждому, кто бывал в консерватории.

Можно смело сказать, что питомцы консерватории преклонялись перед Римским-Корсаковым, Глазуновым, Лядовым, как перед крупнейшими композиторами-педагогами, замечательными художниками, а кроме того, и перед выдающимися, передовыми общественными деятелями.

Постоянная забота любимых профессоров о студенчестве, поддержка как моральная, так и материальная были просто трогательны.

Большим уважением и любовью пользовались также А. Н. Осипова, Вержбилович и другие выдающиеся профессора консерватории.

Помню, как весной 1908 года в театре Петербургского народного дома была поставлена опера Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

Николай Андреевич присутствовал на премьере этого спектакля вместе с супругой. Он напряженно следил за ходом спектакля и в особенности за звучанием оркестра, о чем говорило менявшееся выражение его сурового, взволнованного лица. Но в спектакле был момент, который заставил Николая Андреевича рассмеяться. Это было во второй картине 3-го акта, когда через всю сцену с шумом, грохотом, преодолевая препятствия, «пролетел шмель» величиной с коршуна. Шмель по ходу действия должен был только ужалить Бабариху, но такой шмель мог нанести увечье пришедшей в смятенье артистке.

Студенты консерватории, конечно, не упустили случая насладиться одним из чудесных творений Римского-Корсакова, а также проявить свое отношение к личности любимого профессора. Глазунов, Цезарь Кюи, Черепнин и др. композиторы, конечно, также присутствовали на спектакле. Тогда же я впервые видел среди слушателей И. Е. Репина.

Опера имела большой успех. Автора вызывали. Публика, артисты, учащиеся устроили овацию, но лицо Николая Андреевича было по-прежнему сурово. Мне казалось, что он был недоволен спектаклем.

Мы провожали Николая Андреевича аплодисментами до самого выхода из Народного дома и долго с любовью следили за удалявшимися фигурами — высокой фигурой Николая Андреевича и маленькой фигурой его супруги, друга и помощника.

Я видел тогда Николая Андреевича в последний раз.

Летом того же года, 8 июня, когда большинство студенчества разъехалось на каникулы, Римский-Корсаков скончался в усадьбе Любенск.

Наступил новый учебный год, открылись двери консерватории, и бросилось в глаза подавленное настроение всего состава консерватории. Все сознавали тяжесть потери, а консерватория в особенности. Каждый хранил в памяти

все, что было связано с личностью великого композитора-учителя, труды которого являются настольными руководствами для каждого, посвятившего себя музыкальному творчеству. Горевали не только музыканты, горевали о Николае Андреевиче служащие консерватории, технический персонал.

Не забываю, как служитель консерватории Степан, работавший у вешалки справа от входа, долгое время оберегал опустевший номер вешалки, где ранее сохранялась верхняя одежда Николая Андреевича, и не разрешал никому снимать этот номер.

Осенью 1908 года я стал студентом Петербургской консерватории. За пятьдесят лет существования консерватории я был четвертым из уроженцев Закавказья, поступившим в класс теории композиции. В составе экзаменационной комиссии были А. К. Глазунов, А. К. Лядов, Н. Черепнин, Н. Соколов, Ф. Блюменфельд, В. Калафати, А. Петров и др.

При поступлении я показал ряд обработок армянских народных песен с сопровождением рояля.

Интерес, с которым были прослушаны мои обработки, одобрительные отзывы, теплое доброжелательное отношение музыкантов доставили мне много радости.

А. К. Лядов сказал мне: «Это очень хорошо, что Вы нам показали народные песни, старайтесь и в дальнейшем обращаться к образцам народного творчества, изучайте его и проникайтесь им».

Таков был путь, по которому направили меня мои профессора, последователи великого Глинки. Как близки нам и сейчас их заветы!

Вскоре после кончины Н. А. Римского-Корсакова, то есть в первый же год моей учебы в консерватории, по инициативе А. К. Глазунова, М. О. Штейнберга, Н. Н. Черепнина и М. Ф. Гнесина, при их ближайшем участии, в Большом зале Петербургской консерватории впервые была поставлена опера Римского-Корсакова «Золотой петушок». Невозможно забыть, с каким энтузиазмом и любовью осуществлялась эта постановка. Дирижировал оперой Н. Черепнин. Глазунов, Штейнберг и Гнесин были консультантами. В спектакле были заняты оркестр и хор консерватории, солисты оперы.

Опера «Золотой петушок», которую дирекция императорских театров отказалась ставить, прошла с громадным

успехом и шла в Большом зале консерватории множество раз при переполненном зале.

Мы, студенты, восторгались остроумными образами действующих лиц, мастерством гениального автора, слушали оперу с наслаждением, любовью и гордостью, и чем больше слушали ее, тем больше она нам нравилась.

Как-то во второй половине 1908/1909 учебного года в приемной А. К. Глазунова, которого мне необходимо было видеть, я застал сидящим на диване, в ожидании Глазунова, человека уже преклонных лет. Черты лица его мне были знакомы только по фотографиям, и я старался припомнить — кто это. Сюда же, в приемную, вошли три студента, которые старались перекричать друг друга, споря по какому-то пустяковому поводу. Громкий разговор студентов и сама тема их спора, видимо раздражавшие посетителя, были прерваны появлением заместителя директора Н. Соколова, который поздоровался с сидящим на диване так, чтобы присутствовавшие в приемной слышали его. «Здравствуйте, Милий Алексеевич»,— сказал он. Услышав это имя, сконфуженные студенты стремительно выскочили из приемной, я украдкой всматривался в черты лица М. А. Балакирева, о прогрессивной роли которого в деле развития русской музыкальной культуры я уже знал.

В период моей учебы в консерватории одновременно со мной на разных курсах отдела теории композиции учились композиторы, которые впоследствии прославили советскую симфоническую, театральную и камерную музыку, а также проявили себя как выдающиеся деятели советской музыкальной науки.

Отдел теории композиции насчитывал приблизительно от 130 до 140 студентов.

Среди учившихся одновременно со мной были Н. Мясковский, С. Прокофьев, Б. Асафьев (И. Глебов), М. Гнесин, М. Штейнберг, В. Беляев, В. Успенский, М. Бихтер, В. Щербачев, Ю. Шапорин, А. Пащенко, В. Косенко, С. Бархударян, Х. Кушнарев, Ю. Тюлин, А. Касьянов, А. Шапошников, Е. Пруссак, М. Скорульский, А. Гаук, Ю. Таллат-Келпша, П. Акимов и другие.

По своему развитию и общему культурному уровню студенты отдела специальной теории композиции были наиболее передовыми. Некоторые из них параллельно учились в других вузах.

Постоянно встречались между собой студенты теоретического отдела, часто спорили о различных направлениях в музыкальном творчестве. Некоторые увлекались модернизмом, пародировали трогательные мелодии, высказывались пренебрежительно о творчестве русских классиков, о пессимистических, меланхолических настроениях музыки Чайковского. Но это была незначительная часть нашего студенчества. Большинство же высоко почитало творчество Чайковского.

Старшие товарищи рассказывали о революционных событиях, о роли Римского-Корсакова и Глазунова в этих событиях.

В начале 1909/1910 учебного года по инициативе группы студентов меня выбрали старостой по теоретическому отделу.

Основная работа наших старост заключалась в содействии всем мероприятиям руководства консерватории, забота об организации быта учащихся, содействие в поддержании дисциплины в научных (общеобразовательных) классах, в распределении среди учащихся билетов в Мариинский театр и на концерты и т. д.

Самым кропотливым делом было распределение между студентами-теоретиками билетов на спектакли императорской Мариинской оперы. Теоретическая кафедра получала по шесть билетов на каждый спектакль. Места были в пятом ряду пятого яруса, на так называемой «галерке», но в центре, так что сцена была хорошо видна (номера в пределах от 29 до 35). Билеты распределялись между студентами в порядке очередности, и таким образом каждый студент теоретик-композитор за 28 коп. (стоимость билета) мог слушать гениальные произведения Мусоргского — «Хованщина» (в постановке с участием Шаляпина), «Борис Годунов», оперы Римского-Корсакова, Бородина, Серова, Чайковского, наслаждаться искусством Шаляпина, Касторского, Яковлева, Давыдова (в роли Германа), Ершова (Кутерьма), Черкасской (Лиза, Феврония), Кузнецовой-Бенца (Снегурочка), Збруевой (Марфа, Лель), Петренко (Марфа) и многих других и упиваться незабываемым звучанием замечательного оркестра Мариинской оперы (ныне театра им. Кирова) под управлением Направника, Коутса.

Студенты-вокалисты также имели свои места в Мариинском театре. Зачастую мы обменивались с ними билетами.

За удовольствие прослушать лишний раз произведения русских классиков мы, теоретики, охотно уступали вокалистам наши билеты на итальянские оперы «Травиата», «Риголетто» и др. и взамен получали билеты на «Сказание о граде Китеже», «Псковитянку» и др.

«Евгений Онегин» и «Пиковая дама» пользовались особым вниманием всего студенчества консерватории без различия специальности.

Исключительным успехом среди студенчества пользовались новые балетные спектакли в постановке балетмейстера Фокина. Характерно, что на балетах А. Глазунова «Раймонда» и «Времена года», Н. Черепнина «Нарцис и Эхо» и «Павильон Армиды» одновременно хотели присутствовать все наши композиторы, и прежде всего тогда еще студент консерватории С. Прокофьев, прославивший впоследствии советский балет созданием балетов «Ромео и Джульетта» и «Золушка».

Хочется отметить особый интерес студентов-теоретиков консерватории к одной из последних опер Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деве Февронии», которая была поставлена в Мариинском театре. Большинство студентов-теоретиков консерватории слушали этот шедевр русской оперной музыкальной классики по нескольку раз.

Хорошо помню, что при встречах велись бесконечные разговоры вокруг этой оперы, припоминались и с упоением наигрывались наиболее яркие, неизменно приводящие в волнение отрывки оперы. Впечатление от оперы было необычайно сильным, глубоким и сохранилось в памяти до сих пор.

Спустя два года после смерти в 1908 году Н. А. Римского-Корсакова А. К. Глазунов отказался от педагогической деятельности[1]. В составе педагогов консерватории оставался единственный живой представитель славной плеяды композиторов новой русской музыкальной школы Анатолий Константинович Лядов, мастер русской музыкальной миниатюры, замечательный чуткий музыкант и хороший педагог.

А. К. Глазунов был первым в истории консерватории выборным директором. Он был избран Художественным советом консерватории в 1906 году.

---

[1] А. К. Глазунов продолжал работу в Петербургской консерватории только в качестве директора.

Всесторонняя забота о студенчестве и служебном персонале консерватории, необычайная чуткость к нуждам каждого студента без различия степени одаренности, национальности, та доброжелательность, которая была заложена во всей его натуре, делали Глазунова предметом обожания всего студенчества, профессуры, а также и широкой музыкальной общественности Петербурга.

Постоянно заботясь о музыкальном развитии учащихся, по инициативе А. К. Глазунова в стенах консерватории организовывались встречи-концерты с величайшими мастерами искусства — Ф. Бузони, Л. Годовским, И. Гофманом, П. Казальсом, С. Рахманиновым, Ж. д'Алькрозом, чешским ансамблем старинных инструментов и др.

Большое музыкально-воспитательное значение имели сонатные вечера в исполнении Л. С. Ауэра и А. Н. Есиповой. Запомнилось исполнение сонаты Генделя для органа со скрипкой (Л. С. Ауэр и органист Ганшин), трио Чайковского (Ауэр, Вержбилович, Есипова), первое исполнение скрипичного концерта Глазунова под управлением автора (солист Ауэр).

Помню, как в 1913 году А. К. Глазунов принимал непосредственное участие в концертном отделении вечера, которое армянское землячество устраивало в помещении зала Дворянского собрания (ныне зал филармонии). По инициативе автора исполнялась его «Вакханалия» из балета «Времена года», участвовали оркестр консерватории и балетная группа Мариинского театра. Дирижировал автор. «Вакханалия» имела такой колоссальный успех, что была биссирована несколько раз.

В нашей консерваторской столовой, которая помещалась на первом этаже под Малым залом, каждый студент мог за одиннадцать копеек вкусно и сытно пообедать. Мы все знали, что так кормить на эти деньги столовая не могла, но мало кто знал, что пятьдесят процентов дефицита, который давала столовая, покрывалась личными средствами А. К. Глазунова. Остальные пятьдесят процентов дефицита покрывала Комиссия содействия столовой путем организации концертов, показательных вечеров, показа оперных отрывков и т. д. В эту комиссию входили студенты Глебов (Б. Асафьев), Бигдорчик, Вайнтрауб, Шалит и другие.

Зачастую А. К. Глазунов и сам заходил в консерваторскую столовую. Предварительно пройдя между столиками,

за которыми сидели студенты, он выслушивал мнения членов Комиссии содействия столовой.

Увидев студента зимой на улице без пальто, Александр Константинович отправлял вахтера [1] на ближайший Александровский рынок за покупкой пальто и т. д.

Успевающие студенты, не внесшие платы за право обучения, могли быть уверены, что они не будут исключены из консерватории, директор этого не допустит и внесет плату из личных средств.

Помню, как А. К. Глазунов передал мне для распределения среди студентов класса композиции пятнадцать билетов на сольный авторский концерт С. Рахманинова. Билеты эти были приобретены на личные средства А. К. Глазунова.

Известно, что необычайная доброта Александра Константиновича распространялась на всех, с кем ему приходилось сталкиваться, и приводила к несколько компромиссным поступкам.

Один из бывших моих товарищей по университету студент-юрист М., ближайший сосед Глазунова по квартире на Казанской улице (входные двери их квартир разделяла площадка лестничной клетки) в свое время с изумлением рассказал мне следующее.

Сильно нуждаясь, студент тайком присоединил электрический провод своей комнаты к проводам квартиры Глазунова и таким образом пользовался электричеством за счет Глазунова.

Это было замечено старшим дворником, и последний не раз докладывал об этом Александру Константиновичу, но тот обходил молчанием этот вопрос. Наконец однажды дворник, подкараулив момент, когда Глазунов должен был выйти из квартиры, срочно вызвал на площадку студента М., и когда Глазунов появился, дворник победоносно объявил Глазунову: «Вот это он пользуется Вашим электричеством».

Студент — маленький, тщедушный, в громадном пенсне, сильно смутился и стоял молча перед богатырской фигурой Глазунова и тучным тупым дворником. Когда студент поднял свои большие глаза на Глазунова, то он увидел, что Глазунов смущен больше, чем он сам.

— Он студент, приезжий, пусть пользуется и учится, — сказал Глазунов после нескольких секунд молчания и, мах-

---

[1] Старший технический работник.

нув рукой, к великой досаде дворника и изумлению студента, прошел дальше.

Мы хорошо понимали, что Глазунов был одним из тех немногих деятелей, которые самоотверженно, всего себя отдают делу, не добиваясь никаких привилегий.

Глазунов нес большую общественную нагрузку, от которой он, имея пять заместителей, мог бы и отказаться. Несмотря на это, он аккуратно присутствовал на всех отчетных вечерах учащихся консерватории, на всех государственных экзаменах, а это, при наличии в консерватории 1200 учащихся, отнимало очень много времени, которое он, будучи выдающимся композитором, мог посвятить творчеству.

После шумного трудового дня А. К. Глазунов вместе с Л. С. Ауэром не раз обходили кинотеатры Петербурга, где демонстрировались тогда еще немые фильмы с живым музыкальным сопровождением. Они посещали эти сеансы с целью проверки музыкального репертуара и качества исполнения музыкальных ансамблей, состоящих из студентов консерватории.

В 1912 году на торжественном акте, посвященном 50-летию Петербургской консерватории, в Большом зале ее состоялось небывалое по энтузиазму и теплоте чествование А. К. Глазунова. После вступительного слова хор и симфонический оркестр консерватории исполнили русскую «Славу».

«Слава на небе солнцу высокому» — мощно раздавалось в зале, а когда после доклада о деятельности Глазунова хор снова повторил «Славу», то запела вся публика в зале, и вместо славы солнцу, все пели: «Слава А-лек-сан-дру Кон-стан-ти-но-ви-чу, сла-ва, сла-ва!».

Каждому хотелось внести свою лепту признательности и теплоты. После каждого приветственного слова духовая группа оркестра исполняла туш, всегда отличный от предыдущего, так как тут же, в ложе второго яруса, коллеги и ученики Глазунова (Черепнин, Соколов, Штейнберг, Петров, Николаев) сочиняли и расписывали по партиям множество вариантов туша. Партии эти молниеносно доставлялись учащимися в оркестр, и духовики играли каждый раз новый вариант.

На этом юбилейном чествовании А. К. Глазунова ему был преподнесен диплом об окончании консерватории, ко-

торого он не имел, так как занимался по композиции у Римского-Корсакова частным образом.

Юбилейный вечер превратился в триумф А. К. Глазунова, любимого директора, замечательного музыканта и гражданина.

Плодотворную просветительную работу вела профессор консерватории пианистка М. Н. Баринова, организатор бесплатных исторических концертов, в которых она сама принимала участие как лектор и исполнительница. Концерты эти пользовались большим успехом.

Характерно отметить ту спаянность, которая возникла между консерваторией и другими вузами Петербурга с момента получения автономии и избрания Глазунова директором.

Консерваторская Комиссия содействия столовой успешно помогала покрывать дефициты столовых при других вузах путем организации концертов, лекций и т. д. Кроме того, студенты консерватории оказывали профессиональную помощь в деле организации другими вузами концертов в пользу касс взаимопомощи. Так, например, симфоническим оркестром Петербургского университета руководил окончивший консерваторию по дирижерскому отделу Сасс-Тиссовский, а в концертных выступлениях оркестра участвовали студенты консерватории — скрипачи П. Меренблюм, Л. Шиферблат, С. Бретаницкий, тромбонист Н. Хейфец и др. В качестве солистов выступали студенты консерватории — пианисты А. Боровский, О. Розенберг, Сирота (младший), а также вокалисты Томашевский, Каракаш, Платонов, Никольский и др.

В концертах, организуемых с той же целью другими петербургскими вузами, часто выступал также струнный оркестр из учащихся консерватории под управлением студентов дирижерского класса Канкаровича и Якобсона.

Большой популярностью пользовались концерты-лекции, периодически организуемые для широких масс группой учащихся консерватории в рабочих районах и в Галерной гавани на Васильевском острове. Активными участниками этих мероприятий были студенты Глебов (Асафьев), Вигорчик, Шпильман (класс Вержбиловича), пианист Шульгин (класс Бенуа), Нахова (класс Калантаровой), Агаян, Берлин, Павловский, Крейцер, Кустов (класс Иванова-Смоленского), на этих же вечерах выступала профессор консерватории М. Н. Баринова и др.

Наряду со студентами различных вузов (без различия национальности) студенты консерватории, а также некоторые педагоги оказывали большую помощь существовавшим тогда при высших учебных заведениях землячествам, прогрессивным организациям, объединявшим студентов различных петербургских вузов по их национальному признаку. При землячествах функционировали музыкальные кружки, национальные хоры à capella, ансамбли народных инструментов и т. д.

Землячества популяризировали свое национальное искусство и вместе с тем, организуя вечера, оказывали нуждающимся студентам материальную помощь в виде денежных пособий или бесплатных талонов на питание в столовых.

Студенты консерватории своим непосредственным участием в хоровых кружках и сольными выступлениями активно помогали землячествам.

К сожалению, в памяти сохранилось лишь несколько имен студентов консерватории, участников вечеров армянского землячества: М. Агаян (кл. Иванова-Смоленского), Н. Скорульская (класс Гладковой-Кедровой), Л. Беликова (класс Кедрова), Н. Токарская (класс Ирецкой), Л. Гринева и многие другие. Благодаря профессиональной подготовке они своим участием в хоре повышали качество исполнения армянского репертуара. Любопытно было наблюдать, как терпеливо они преодолевали трудности произношения текста армянских песен.

Из инструменталистов, выступавших на вечерах землячеств, вспоминаю К. Лемба, Х. Штример (Берлин) (класс Есиповой), И. Налбандяна, Л. Николаева, А. Вержбиловича, И. Абашидзе, В. Дранишникова. Из вокалистов, выступавших на вечерах землячеств в разных помещениях и в актовых залах вузов Петербурга, я помню В. Курзнера, Мозжухина, А. Пиотровского, И. Исаченко, К. Катальскую, Селиванова, С. Магаки, Г. Гнесина, М. Каракаш, Е. Попова и многих других.

В декабре 1912 года редакция популярного журнала «Вестник знания» организовала по случаю исполнявшегося десятилетия журнала большой этнографический вечер в зале «Спортинг палас» по Каменноостровскому проспекту. К участию в этом вечере были привлечены национальные хоры великорусского, украинского, белорусского, армянского и еврейского землячеств. Во всех этих хорах студенты

консерватории безвозмездно, без различия национальности принимали активное участие.

Как студент консерватории и университета, я был привлечен армянским землячеством к работе в музыкальном кружке. Мне было предложено взять на себя занятия с хором и дирижирование им, на что я охотно согласился. Вскоре я начал руководить также и хором армянской церкви.

В 1910 году скончался великий русский писатель Л. Н. Толстой. Как известно, Толстой еще при жизни был отлучен святейшим синодом от церкви, и потому полагавшиеся по христианскому обычаю панихиды по великому писателю не были разрешены. Волна протеста против преследования Толстого должна была вылиться в многотысячную демонстрацию, которую рабочие и студенчество пытались устроить перед зданием синода, но попытка эта не увенчалась успехом, так как демонстранты были разогнаны полицией.

Студенты различных вузов, объединенные одной целью выражения протеста против косности святейшего синода, изыскивали способы организации мощной демонстрации.

Ко мне, как к студенту университета и консерватории — руководителю церковным хором, обратились товарищи по университету (Лерский, Крыленко, Аполонов, Владимиров) с просьбой узнать у Совета армянской церкви, можно ли будет отслужить панихиду по Толстому в армянской церкви.

Ясно, что панихида тут была важна как противодействие запрету и как выражение против преследования великого писателя, по поводу кончины которого скорбел весь мир. Церковный совет в лице его председателя, профессора В. И. Вартанова, дал положительный ответ. Панихида была заказана, а весть о том, что в армянской церкви состоится панихида, сразу облетела в первую очередь все вузы, и в армянскую церковь устремилось такое количество народу, что ни церковь, ни двор не могли вместить всех. Народ толпился на Невском проспекте до самого Гостиного двора.

Едва пробравшись в церковь, я занял свое регентское место, а несколько человек из вокалистов консерватории, узнав о панихиде, охотно приняли на этот раз участие в церковном хоре.

Торжественная панихида по великому писателю была отслужена, а многотысячная толпа собравшихся в ограде

церкви, на Невском проспекте и прилегающих улицах с красным знаменем организовала противоправительственную демонстрацию. В демонстрации приняли участие также и студенты консерватории.

Интересно отметить, что когда панихида окончилась и представители полиции обрушились на священника — церковного настоятеля, как смел он нарушить постановление святейшего синода, старик ответил, что армянская церковь подчиняется не святейшему синоду, а католикосу всех армян, который живет в Эчмиадзине. Католикос не отлучал Толстого от церкви, запрещения панихиды по нем не было. На этом дело кончилось.

Единодушный протест учащихся Петербургской консерватории и других вузов, или вернее участие консерватории в общем студенческом движении было результатом революционных событий 1905 года; до этого времени консерватория, как рассказывали старшие товарищи, была совершенно оторвана от других вузов и участия в студенческих движениях не принимала.

Многое еще можно было бы рассказать о консерваторской жизни, но время, к сожалению, стерло из памяти некоторые подробности.

В далекие студенческие годы мне пришлось быть свидетелем торжественного 50-летнего юбилея Петербургской консерватории.

С тех пор прошло еще полвека, насыщенного величайшими событиями во всем мире. За истекшие полвека Ленинградская консерватория дала первой в мире стране социализма еще тысячи отличных высококвалифицированных музыкантов.

Велика роль Ленинградской консерватории также в деле становления и расцвета музыкальной культуры братских республик.

Незабываемы годы учебы в Петербургской консерватории. До сих пор живы в памяти светлые образы профессоров консерватории — великих русских музыкантов и продолжателей их дела.

С чувством глубокой благодарности вспоминают Петербургскую консерваторию ее бывшие воспитанники.

1959

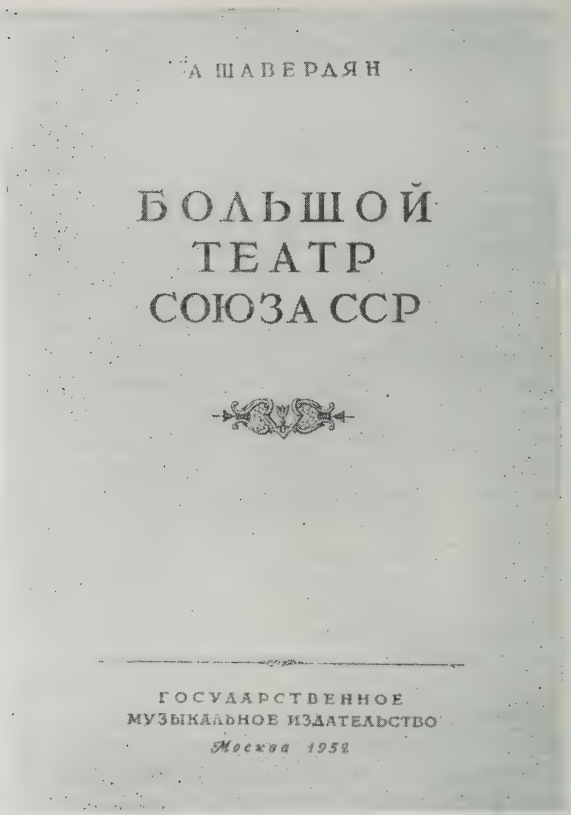
А. МЕЛИК-ПАШАЕВ
народный артист
СССР

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Три университета формировали мое профессионально-музыкальное сознание. Это было в Ленинграде в 1928—1930 годах.

Во-первых — Ленинградская консерватория, воспитывавшая своих питомцев (и меня в том числе) в духе тех академических традиций, которые были результатом многолетней выдающейся артистической, композиторской и педагогической деятельности сынов русского народа, художников, определивших свое творческое мировоззрение под непосредственным влиянием идей русской музыкальной школы — А. Рубинштейна, Л. Ауэра, Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, А. Лядова, И. Ершова и многих других.

Во вторых — б. Мариинский театр, ныне театр оперы и балета им. Кирова. «Руслан и Людмила», «Пиковая да-



ма», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Хованщина», «Сказание о граде Китеже» и другие оперы, не сходившие тогда с афиш театра, привлекали нас, юных музыкантов, еще и еще раз приобщиться к источнику вечной красоты, вновь отдаться во власть могучих звучаний народных интонаций, снова проштудировать (в который раз?) любимые партитуры страницу за страницей в живом их звучании, пережить заново судьбу любимых, близких сердцу героев.

Наконец, в-третьих — Ленинградская филармония и ее прекрасный оркестр. Могу без преувеличения сказать, что по-настоящему смысл исполняемого в симфонических произведениях как с точки зрения их архитектонического постро-

ния, так и в смысле мыслей и идей автора, заключенных в звуках, открылся мне впервые именно на концертах этого замечательного коллективного художника — оркестра Филармонии и его руководителей — выдающихся мастеров-дирижеров, проводивших эти концерты.

Вот эти три источника знаний и формировали тогда мое художественное мышление, мое творческое самосознание. Любовь к музыке своего народа, беспрерывное изучение и освоение лучших образцов классики как русской, так и западноевропейской, живой интерес к произведениям современных советских авторов, постоянное стремление выявить в исполняемом прежде всего прогрессивные, передовые черты эпохи, передать их просто, без вычурности и прикрас — вот те руководящие художественно-исполнительские принципы, которые я твердо воспринял в период ученья и следованию которым посвятил всю свою дальнейшую деятельность в одном из лучших театров мира — Большом театре СССР.

1956

А. СТЕПАНЯН
заслуженный
деятель искусств
Армянской ССР

БЕЗГРАНИЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

По окончании Московского музыкального техникума им. Гнесиных (1926) я решил дальнейшее музыкальное образование завершить в Ленинградской консерватории, где некогда учились мои сородичи композиторы М. Екмалян, А. Спендиаров, Романос Меликян, А. Тер-Гевондян, С. Бархударян, где среди замечательной плеяды профессоров красовались несколько армянских фамилий: Налбандян, Калантарова, Акимова, Кушнарев... В них я, молодой музыкант, надеялся найти моральную поддержку... С проф. Кушнаревым я был знаком с Кавказа, о Налбандяне я много слышал с детских лет, был на одном его концерте помнил его темпераментную, проникновенную игру; он был в зените славы талантливого скрипача, был молод, красив, в расцвете творческих сил и энергии.

За неделю до вступительных экзаменов я был уже в Ленинграде.

Ленинград! Как он очаровал меня с первых же дней! Как он красив, как величественен! А Нева — стального цвета, торжественная, мужественная, задумчивая... А Адмиралтейство, а Сенат, а Медный всадник! Боже! Его конь, вставший на дыбы, а протянутая рука хозяина чудесной столицы могущественной страны! Петропавловская крепость, вдали — за Невой, в дымке тумана с легким синеватым оттенком!.. Когда-то здесь был заточен мой сородич — революционер Микаэл Налбандян, сидел брат моего деда Степан Мартынович Степанян, по кличке Карташев, — секретарь группы «пятидесяти», которая после декабристов была одной из значительных групп революционеров..., он сидел в этом мрачном каземате четыре года и был угнан вместе со многими другими в Сибирь. Карташев вернулся на родину глубоким стариком только в 1905 году... Стоял я на противоположном берегу и смотрел на золоченый шпиль крепости — сколько чудесных жизней сгубила она под своими сводами? Тут был заточен и Чернышевский, и много-много других!

Бродил я по улицам Петербурга-Ленинграда, по Невскому проспекту, стоял я подолгу у чудесных коней на Аничковом мосту, у величественной статуи Екатерины — смотрел и не мог оторваться от них.

Это были дни глубоких переживаний, незабываемых впечатлений. Воспоминаний на всю жизнь!

В Эрмитаж ходил я почти ежедневно. Тициана, Леонардо да Винчи, Веронеза, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Антуана Ватто и Ланкре я знал по репродукциям — теперь же я смотрел на подлинники и наслаждался. А Гудон! Диана, Вольтер! Какой мастер, какое богатство! Сколько мыслей, чувств таилось в этих старых полотнах, в этих изумительных мраморных глыбах! Какие золотые руки высекали из них эти чудесные фигуры!

Наступил день моего вступительного экзамена. Комиссию возглавлял Александр Глазунов — всеми уважаемый и любимый композитор Глазунов.

Я сыграл и спел мои четыре песни, написанные в классе у Михаила Фабиановича Гнесина и изданные Музгизом, — это был мой первый опус. Глазунов следил по экземпляру нот, которые я дал ему в руки. Песни мои ему понравились. Сердце мое ликовало — я был безгранично счастлив, я ви-

дел во взоре великого композитора, крайне скупого на высказывания, чувство удовлетворения, одобрения. Он спросил о содержании песен, о времени их написания, сказал несколько слов о языке и стиле... все это медленно, степенно, тихо. Я отвечал ему также спокойно..., а внутри у меня все клокотало — я был в восторге от обстановки — серьезной, я бы сказал, торжественной, которую внушал сам Глазунов.

Я был принят на второй курс консерватории, по-моему желанию — в класс проф. Щербачева.

Скоро начались уроки, и я их посещал со всей аккуратностью, впитывал в себя все высказывания, мысли, идеи, указания моего профессора, свято выполнял все задания, предложения и пожелания его; от миниатюр, от песен мне надо было перейти на сочинения крупной формы, надо было научиться расширять форму — стать композитором многогранным, набить опыт и мастерство. Надо было научиться писать инструментальную музыку: сонаты, квартеты, симфонии... Профессор мой стал развивать мои творческие способности в этом направлении.

Владимир Владимирович Щербачев — один из видных русских композиторов, вместе с Б. Асафьевым возглавлял группу прогрессивных музыкантов Ленинграда. Это был период увлечения современной западноевропейской музыкой, творчеством таких композиторов, как Гиндемит, Альбан Берг, Бела Барток, Шёнберг, Кшенек. Изучая творчество этих композиторов, стараясь понять их, принимая их технические достижения, однако в плане учебы, профессор Щербачев держал студентов на базе классиков — западноевропейских, русских и народного творчества. Сперва он детально рассматривал сочинения — задания, выполненные студентами от урока до урока, высказывал свое мнение о технической, формальной, идейной стороне сочинения. Критиковал,. критика его была строгая, но доброжелательная. Остальное же время урока посвящал анализу произведений великих мастеров. Крупные произведения исполнял он сам вместе с кем-либо из студентов в четыре руки. В ходе исполнения обращал внимание студентов на те или иные формальные, технические моменты, на идеи, мысли, таящиеся в великих образцах творчества корифеев музыки. Сопоставляя их, сравнивал, объяснял.

Шаг за шагом перед нами открывалась картина развития музыкальной культуры от Палестрины до современных

западноевропейских композиторов-формалистов, до композиторов, пишущих музыку, которая была предназначена для игры не пальцами, а локтями, кулаками... Изучали, анализировали, обсуждали и технические приемы, подчас применяли на практике — в своих сочинениях.

Владимир Владимирович был человек с колоссальной эрудицией, был образован всесторонне, был педагог взыскательный, критик тонкий, строгий, целеустремленный, был деликатен чрезвычайно и в студентах умел развивать их индивидуальность, подмечая своеобразные стороны творчества каждого из них, умел закреплять за ними эти качества. Животов, Попов, Шокин, Пушков, Волошинов, Чулаки и др. вышли в жизнь, каждый из них по-своему претворяя в своем творчестве указания учителя. Он никогда не навязывал свои вкусы ученику и вместе с тем всячески удерживал от дурного вкуса, любил и поощрял в творчестве студентов красивое, благородное, глубокое. Развивал гармоническое чутье, умелое применение полифонии, ритмики.

Особенно часто мы обращались к творчеству Бетховена, Чайковского, Шумана, Брамса, Малера, Рихарда Штрауса, Стравинского, Прокофьева. Уроки его проходили живо; он был остроумен, жизнерадостен, человек с большим юмором, глаза его всегда сверкали улыбкой, он был деликатен и вежлив со своими студентами. Автор ряда произведений крупной и малой формы, утонченных романсов (чаще обращался к текстам А. Блока), особенно прославился музыкой к пьесе Островского «Гроза», которая часто исполнялась на концертах — всегда с неизменным успехом. В. В. Щербачев, к глубокой нашей печали, скончался рано — в расцвете творческих сил и энергии.

Мелодику проходил с нами профессор Рязанов на образцах народного фольклора и на классической музыке.

Полифонию преподавал профессор Х. С. Кушнарев — большой мастер этой, практически старой, теоретически «новой» науки. Полифония нас технически сильно оснащала; мы писали фуги в строгом и в свободном стиле. Полифонический анализ Баха необходим композитору, как хлеб насущный, как воздух. Это стало ощутимо благодаря замечательным урокам профессора Кушнарева — моего дорогого учителя-друга. В творчестве я постоянно ощущал плодотворное воздействие полифонии, преподанной проф. Кушнаревым.

Почва под нами крепла с каждым днем и ко дню окончания консерватории в наших портфелях было по нескольку произведений, достойных обнародывания.

Четыре поистине счастливых года я провел в стенах Ленинградской консерватории, этой альма матер великих русских корифеев музыки.

Мои лучшие воспоминания связаны с годами учебы в Ленинградской консерватории, куда ездила завершать свое музыкальное образование молодежь из Армении и Грузии.

Для студентов консерватории были открыты двери Филармонии. Нами посещались все репетиции Ленинградского государственного оркестра, которые проводились под управлением отечественных и иностранных дирижеров. Клемперер, Штидри, Себастиан и др. исполняли Бетховена, Чайковского, Малера, Рихарда Штрауса, Стравинского, Прокофьева, Гиндемита и др. произведения значительных, высоких достижений человеческого гения. В те годы ставились в концертном исполнении «Петрушка», «Жар-Птица» Стравинского, «Алла и Лолий» Прокофьева, симфонические поэмы: «Ученик чародея Дюка», «Пагифик» Гиндемита. Шла опера Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Приезжали к нам крупнейшие скрипачи Сигети, Ян Кубелик, пианисты Казадезюс, Шнабель, певцы Липковская, Бандровская... Мы имели доступ на все концерты этих больших музыкантов — это был счастливейший период в нашей жизни, период чудесных эстетических переживаний.

В 1929 году в зале «Любителей камерной музыки» состоялся концерт, в программе которого были и мои восемь армянских песен, которые имели большой успех. Помню, на этом концерте был исполнен также романс композитора Мосолова на необычный текст, составленный из газетных объявлений — примерно: «Ищу место прислуги» или «Сбежал доберман-пинчер, нашедшего просим возвратить за вознаграждение...» и пр.

Это было новостью, которой, однако, никто из наших студентов, к счастью, не увлекся. На этом концерте присутствовали многие из профессоров консерватории. Профессор Налбандян особенно бурно высказывал свое удовлетворение по поводу моих песен. Их исполняла молодая певица А. Габриэлян и сопровождала ее на фортепиано А. Сумбатян — исполнение было необычайно красивое и проникновенное. На следующий день в консерватории проф. Оссовский сообщил мне о желании Ал. Глазунова

послушать их у себя в кабинете. Это был для меня большой сюрприз. Я с гордостью вспоминаю лестное для меня пожелание великого русского композитора. Профессор Глазунов после этого скоро покинул нашу консерваторию навсегда — он уехал в Швейцарию, где и умер в 1936 году.

В 1930 году окончил я Ленинградскую консерваторию и выехал в Армению, унося в своем сердце лучшие воспоминания о ней, о счастливых днях учебы, о профессуре, о студентах, моих товарищах, о бескорыстном, теплом, любовном отношении их ко мне лично, к моему творчеству, к искусству моего народа.

Не могу не сказать о моем чувстве безграничной благодарности Ленинграду, его Консерватории, его профессуре, его населению — простым русским людям, которые искренне радовались вместе с нами любому нашему достижению, достижению в области искусства как родного, так и искусства всех народов, населяющих нашу необъятную Родину.

1959

Т. АЛТУНЯН
народный артист
Армянской ССР

Я ПОЛЮБИЛ ЛЕНИНГРАД

Как-то вечером, сидя у своего рабочего стола, я мысленно перенесся в свои студенческие годы, пытаясь собрать воедино отдельные разрозненные воспоминания о ленинградском периоде моей жизни.

Оказалось, что тридцать весен отделяет меня от счастливых и невозвратимых дней, когда я впервые приехал в Ленинград учиться. И пусть простят меня мои читатели и педагоги, друзья и приятели, если память мне изменит и я забуду упомянуть ряд лиц и интересных фактов, относящихся к годам, проведенным в Ленинградской консерватории.

Наш поезд с опозданием прибыл на Ленинградский вокзал. Это было в 1929 году. Вечерело, покрапывал мелкий дождь, и все было покрыто туманом. Мои попутчики быстро разошлись, и я остался наедине со своими мыслями. Знакомых и встречающих не было, и я, стоя у порога нового,

незнакомого для меня мира, смотрел на неприветливый, погруженный в тусклые огни, город. Вокруг меня, словно неутомимые пчелы, сновали прохожие. В тумане вырисовывался памятник Александру Третьему, ставший символом феодализма и самодержавия. Мысли мои вернулись домой, на родину, и я почему-то вспомнил слова своего учителя: «Раны нанесенные большим городом, бывают глубоки». Меня охватило сомнение, а вдруг я затеряюсь в суете большого города, вдруг погибнут мои, годами взлелеянные мечты, вдруг не достигну возможности воспеть счастливое настоящее своего народа. И ряд подобных мрачных мыслей теснилось в моем мозгу, давило мне на грудь и сжимало мне горло.

Ужаснувшись своих мыслей, я сбросил их и очнулся.

Ленин... Ленинград...

Не здесь ли впервые вспыхнула заря, возвещающая дружбу и братство, и дала счастье и свободу моему многострадальному народу? Не здесь ли, в Смольном, водрузилось первое красное знамя социалистической революции?

Уверенно и смело, проникнутый мечтами о светлом завтрашнем дне, вручил я адрес седобородому извозчику, который спокойно и безразлично повез меня по блестящей мостовой Невского проспекта.

Ясным ленинградским утром вышел я на Театральную площадь. Трудно передать волнение, охватившее мою душу, когда я впервые увидел здание консерватории, о котором я так долго мечтал.

Созерцая его, я думал: сколько молодых душ оформилось и выковалось в этом мудром и святом храме искусства, сколько вышло отсюда светлых умов музыкальной творческой мысли, вписавших золотые страницы в музыкальную историю, сколько мастеров-исполнителей воспитывалось здесь, которые по праву завоевали мировую известность и славу!

Напротив консерватории возвышается Академический театр оперы и балета им. Кирова, в стенах и под сводами которого создалось и выросло большое реалистическое оперное и балетное искусство.

А вот и скромный памятник основоположнику русской национальной профессиональной музыки, гениальному Глинке. С большим благоговением подхожу я к дверям консерватории... к дверям, в которые входили корифеи русской музыки: великие Чайковский, Глинка, Рубинштейн, Дар-

гомыжский, Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин, Глазунов и др. В эти же двери входили и лучшие представители старшего поколения моего народа, мои учителя: Екмалян, Кара-Мурза, Тиранян, Тер-Гевондян, Меликян, Бархударян и др. И вот я... сирота, прошедший через дым и пожарища, кровь и пепелище, спасшийся от резни армян 1915 года, с чувством глубокого волнения и поклонения перед этими именами подхожу к этим дверям, чтобы пойти по пути моих предшественников, с проникновенной песней моего народа в груди, со священной клятвой в душе оставаться верным песне моего народа.

Безграничной была моя радость, когда в коридорах консерватории я встретился с моими ереванскими друзьями, которые, быть может, ценою больших лишений приехали утолить свою жажду в учебе. Мы обнялись, как давно не встречавшиеся родные друг другу люди.

Там же я впервые познакомился с А. Мелик-Пашаевым, М. Тавризяном, А. Степаняном, Г. Тиграновым и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция не только спасла малые народы от уничтожения и разорения, но и создала большие возможности для их расцвета во всех областях культуры и экономики. Широко раскрылись и двери высших учебных заведений. Мы были первыми ласточками нашей освобожденной Родины, прилетевшими из солнечной Армении на север для утоления жажды к искусству и науке в исторических стенах Ленинградской консерватории. Необычайная оживленность наполняла консерваторию в дни приемных экзаменов. Здесь были представители русского, украинского, белорусского, армянского, грузинского и многих других народов. Как сыны и дочери единой, большой, счастливой семьи, в исключительно теплой и дружеской атмосфере, они знакомились друг с другом, обменивались вопросами по предстоящему экзамену и желали друг другу успеха.

Мне впервые представился счастливый случай находиться в такой многонациональной среде.

Консерватория приняла нас с распростертыми объятиями, тепло, радушно и создала все возможности для удачной сдачи экзаменов. Кроме специальных, мы обязаны были сдать также и общеобразовательные предметы. Не владея русским языком, я получил разрешение письменные экзамены сдавать на родном языке, устные же — на русском, что представляло для меня большие трудности, и

только при помощи товарищей мне удалось с хорошими отметками сдать все предметы.

Я поступал на духовой факультет, по классу гобоя, но, должен сказать, что гобой не являлся основной целью моего приезда в Ленинград. Я с детства, еще с детдома, мечтал стать хормейстером. Я любил многоголосое пение, и мне казалось, что хор — это самый красивый и эмоциональный инструмент, который своей многогранностью красок и тонкостью исполнения может стать непосредственным и единственным выразителем человеческих чувств и мыслей. Мне казалось, что человеческий голос является матерью всех инструментов и ничто не может быть более волнующим и проникновенным, ничто не может так воздействовать на человеческие чувства, как живой голос.

Я любил песню, хор и мечтал стать хормейстером. Руководство консерватории уважило мою просьбу учиться на двух факультетах, и я, бесконечно счастливый, с нетерпением ждал начала учебного года.

Мой многоуважаемый профессор Федор Августович Нейман был почтенным стариком среднего роста, с маленькими голубыми и очень добрыми глазами; всегда бритый, с трубкой во рту. Он был очень благовоспитан и пунктуален.

Два раза в неделю я ходил на урок. Каждое занятие с ним для меня становилось новой ступенью овладевания инструментом, новым открытием. Он раскрыл мне все секреты мастерской и высокохудожественной игры, всячески стараясь свой богатейший и долголетний исполнительский опыт передать мне. При своих ограниченных материальных возможностях я не имел собственного инструмента, а имеющийся меня не удовлетворял. И вот Федор Августович купил мне по случаю первоклассный гобой нового типа. Я с большой радостью и благодарностью принял от него этот очень драгоценный для меня подарок. Он часто приглашал меня к себе домой и за чашкой чая рассказывал о себе, как о солисте-рожкисте Мариинского театра, делился воспоминаниями о гастролерах с мировыми именами, показывал чрезвычайно интересные альбомы и фотоснимки. Благодаря трудам моего профессора и моим стараниям я овладел гобоем, что дало мне возможность ознакомиться с классической русской, западноевропейской оперной и симфонической музыкой. Федор Августович не имел наследников, быть может отчасти это и явилось причиной

того, что я был обласкан как родной сын, за что и приношу свою глубокую благодарность и признательность.

Инструкторско-педагогический факультет являлся одним из важнейших факультетов, выпускающих хормейстеров, дирижеров народных оркестров, методистов по школьной и дошкольной работе, нужда в которых в деле музыкального воспитания нашего народа и удовлетворения его повседневно возрастающего художественного вкуса была очень велика. Этот факультет по своему характеру, инициативности в общественной работе и организованности являлся прямой противоположностью духового факультета, где занятия проходили в индивидуальном порядке. Здесь организовывались конференции, лекции, рефераты, обмен мнениями на музыкальные, политические и специальные темы, в процессе которых выковывалось и оформлялось наше мировоззрение и углублялись наши знания.

В моих воспоминаниях встает яркий образ любимого педагога Немцова. Он был ростом выше среднего, коренастый, с улыбающимися горящими глазами и с волосами, постоянно падающими в беспорядке на смуглое и круглое лицо.

Он был человеком неиссякаемой энергии, неспокойный, подвижный, порывистый, с четкими жестами. Преподавал он нам основы и законы практического хормейстерства. Его уроки проходили живо и доступно. Он любил нас, старался передать нам свой долголетний опыт и вселял в нас, молодых специалистов, волю и надежду в нашей дальнейшей самостоятельной работе. По своему призванию он был массовиком и с большим вдохновением занимался и руководил тысячными массовыми рабочими хорами. К сожалению, я лично не был очевидцем этих массовых концертов на открытых площадках, но об этом свидетельствуют многочисленные высказывания моих ленинградских друзей, которые имели счастье присутствовать на его концертах. Наряду со всеми этими светлыми воспоминаниями не могу без горечи не вспомнить о пагубном влиянии ВАПМ на наши занятия, когда отрицалась большая часть нашего прекрасного музыкального исторического наследия прошлого, и мы, вместо того чтобы знакомиться, изучать образцы мировой классической хоровой литературы, пели и проходили массовые одноголосные и двухголосные неинтересные и примитивные песни.

По этому поводу я вспоминаю мои недовольства и про-

тесты моих друзей. Из этого тяжелого и безвыходного положения нас спасло историческое решение ЦК нашей партии, которое дало нам возможность широко пользоваться источниками высокой всемирной музыкальной культуры.

Не могу я забыть и многоуважаемого профессора Буцкова, который преподавал нам гармонический анализ, прикладное сочинение и анализ форм. Он был совершенством скромности и добросовестности. Он был очень чутким, внимательным педагогом и своими глубокими и большими теоретическими знаниями помогал нам в разборе музыкальных произведений и раскрывал нам основы прикладного сочинения. В дальнейшем, в процессе моей творческой работы, я неоднократно чувствовал ту большую пользу, которую мне принесли занятия профессора Буцкова.

С чувством большой благодарности я вспоминаю также профессора А. А. Егорова, который являлся одним из ярких представителей теоретиков и практиков хорового искусства и специалистом по хоровой инструментовке. Профессор Егоров был человеком спокойным и уравновешенным, до невероятности благодушным, всегда снисходительным, улыбающимся, с красивыми умными глазами и седыми усами, которые украшали его светлое лицо. Я помню, с какой добросовестностью он учил нас обработке песен, законам голосоведения, правильному использованию голосовых красок и диапазона, методам овладевания трудностями, связанными с тесситурой, соотношению голосов и т. д. Мы обрабатывали многоголосные песни, подвергали транскрипции и проходили их в нашем студенческом хоре. Мною обработанные «Музыкальный момент» Шуберта, «Смерть Азы» Грига и др. вошли в программу моего выпускного экзамена. Работа профессора Егорова не ограничивалась этим. Он всегда посещал наши уроки практического хормейстерства, следил за каждым студентом, исправлял его ошибки, давал указания, учил овладеванию техническими трудностями. Зачастую сам вставал дирижировать и своим наглядным примером передавал опыт студентам. Его уроки всегда бывали очень интересными и полезными. Очень большую роль для меня, для моего хормейстерского усовершенствования сыграли мои посещения репетиций Ленинградской капеллы под руководством профессора Климова, что мне было разрешено в порядке исключения при ходатайстве профессора Х. С. Кушнаряна. Профессор Климов считался одним из мастеров русской хоровой культуры, и я глубоко

уверен, что в истории хорового искусства он займет свое почетное место. Глубина и содержательность его занятий заключалась в том, что он в основном старался вскрыть идейно-политическую сторону произведения и посредством исполнительских возможностей человеческого голоса создавал правдивые, убедительные, живые и непосредственные образы. Неизгладимое впечатление осталось у меня от исполнения Ленинградской капеллой под руководством Климова h-moll мессы Баха, Реквиема Моцарта и Верди, Девятой симфонии Бетховена, которые по стилю, разнообразию нюансов, гармоничности звучания и высокому исполнительскому мастерству составляли единое целое. Трудно было спокойно слушать эти концерты, человек поневоле отрывался от окружающего и уносился в мир высоких идей и мыслей и возвышенных чувств.

Невозможно забыть и концерты из произведений корифеев русской классической музыки: Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, Танеева и др. Профессор Климов с присущей большому мастеру умением, вкусом и любовью отделывал каждое произведение, доводил их исполнение до наивысшей степени совершенства, и они силой своей эмоциональности глубоко воздействовали на душевный мир слушателя.

Эти великие и прекрасные традиции хорового искусства принесли мне большую пользу в моей последующей музыкальной деятельности.

До своего приезда в Ленинград я почти не был знаком с оперной литературой. При консерватории существовала оперная студия, в которой я работал первым гобоистом. Она являлась своего рода кузницей по подготовке и воспитанию молодых кадров. Дирижеры, оркестранты и вокалисты здесь приобретали производственный опыт. Мне вспоминается дирижер профессор Ельцин, который любил в руководимых им операх раскрывать купюры, несколько раз менять темпы в процессе репетиции, приучая тем самым оркестр улавливать и подчиняться темпу, данному дирижером. Я помню мое участие в постановках опер «Русалка», «Евгений Онегин», «Каменный гость», «Пиковая дама», «Кармен», «Фауст», «Риголетто», «Севильский цирюльник» и др., которыми руководили молодые, подающие большие надежды дирижеры Грикуров, Тавризян, Альтерман, Мусин, Шатирян и др. Эти спектакли принесли мне огромную пользу. В пополнении знаний по оперной и балетной лите-

ратуре мне очень помогли также и посещения спектаклей Мариинского и Михайловского театров, где я был постоянным посетителем.

За два года до окончания консерватории я был послан на производственную практику вторым гобоистом в филармонический симфонический оркестр. Этот, пользующийся всесоюзной славой заслуженный коллектив, известный своими талантливыми незаменимыми мастерами-исполнителями и прекрасными традициями, созданными в течение долгих лет, и высокой культурой исполнения, по праву заслужил высокую оценку зрителя. В высокохудожественном исполнении этого коллектива я услышал гениальные произведения Чайковского, Глинки, Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова и др., был очарован Бахом, Гайдном, Моцартом, Бетховеном и др., впервые познакомился с произведениями Прокофьева, Мясковского, Равеля, Дебюсси и других.

В 1934 году я окончил Ленинградскую консерваторию на отлично.

На протяжении пяти лет своей студенческой жизни, благодаря трудам и чуткому, заботливому отношению моих профессоров и педагогов, я обогатил свои теоретические и практические знания, приобщился к русской, западноевропейской классической и современной музыке и культуре, познал мастеров с мировыми именами. В эти же годы расширился мой кругозор, оформилось и сложилось мое мировоззрение, углубился и утончился мой вкус.

И вот в один прекрасный день я опять стою у Ленинградского вокзала. Окончив учебу, я возвращаюсь на родину. Но на этот раз не сомнения и нерешительность обуревают меня. С чувством большой признательности, глубокой благодарности, с глазами, влажными от счастья, я гляжу на город Ленина, который с материнской лаской, заботливостью и нежностью лелеял меня. Я чувствовал, как мне тяжело расставаться с этой великой исторической колыбелью науки и искусства, расставаться с близкими и друзьями, расставаться со своей средой...

Я полюбил Ленинград, как люблю южное солнце и наши снежные вершины.

И, вдохновленный перспективами светлого будущего, я сел в поезд, который весело и шумно мчал меня на юг.

1959

Г. ТИГРАНОВ
заслуженный
деятель искусств
Армянской ССР

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ Б. В. АСАФЬЕВЕ

В предместии Ленинграда, словно погруженный в зелень чудесных парков, стоит живописный городок Пушкин, названный так в память великого поэта, с именем которого здесь связан каждый уголок.

В конце двадцатых годов здесь, в небольшой уютной зимней даче жил один из крупнейших советских музыкантов — Борис Владимирович Асафьев. Глубокий мыслитель, замечательный знаток и ценитель искусства, историк и теоретик музыки, композитор, педагог, публицист и общественный деятель, человек широчайшей эрудиции, смелых и оригинальных идей, Б. В. Асафьев уже в те годы внес огромный вклад в строительство музыкальной культуры молодой республики. Имя Б. В. Асафьева (Игоря Глебова), его талантливые труды, исследования, статьи были хорошо известны не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

В сложную и трудную пору становления советской культуры в двадцатые годы, когда рушились старые представления, нормы и складывалось новое понимание целей и задач искусства, Б. В. Асафьев был среди тех, кто не прятал-

ся за мертвые академические догмы, а смело, страстно и увлеченно искал новые пути в музыке. Этот путь исканий был сложен и противоречив; нередко еще в те годы Борис Владимирович ошибался, порою увлекался «революцией в области художественной формы». Но с каждым годом, с каждой новой работой все яснее и яснее вырисовывалась широкая и прогрессивная асафьевская концепция музыкального искусства, основанная на живом ощущении современности, понимании громадного общественного идейного значения музыки, на верности классическому наследию и признании основополагающей роли народного творчества. Выступая против рутины, схоластики в музыкознании, Б. В. Асафьев самозабвенно боролся за живое творческое понимание музыки, как своеобразной формы общественного сознания, художественного отражения действительности как интонационного выражения мыслей и чувств человека. В те годы зарождались его многие плодотворные идеи, получившие впоследствии развитие в целом ряде его исследований, в том числе в «Музыкальной форме как процессе», особенно во второй ее части, посвященной разработке известной асафьевской теории интонации. Все интенсивнее и глубже становилась работа Бориса Владимировича по изучению русской и западноевропейской классической музыки. Борис Владимирович не был только кабинетным ученым, он горячо откликался на многообразные явления современной советской и зарубежной музыкальной жизни, неустанно вел пропаганду музыкальных знаний в широких массах трудящихся.

Колоссальные знания, необычайно творческий подход к явлениям искусства, новизна, смелость и дискуссионность выдвигаемых положений, наконец, умение увидеть и поддержать все новое, молодое — были той притягательной силой, которая уже в те годы влекла к Борису Владимировичу молодежь, а вместе с нею и меня, тогда еще молодого человека, страстно любившего музыку, одержимого мечтою посвятить себя музыкознанию, но не уверенного ни в своих силах, ни в способностях.

Впервые мне посчастливилось познакомиться с Борисом Владимировичем летом 1929 года, когда я решился отдать на его суд мои первые музыковедческие пробы пера и выслушать его соображения о целесообразности посвятить себя науке о музыке. Можно представить себе то волнение, с которым я позвонил в подъезд дачи Асафьева. Ни разу

не видав до этого Бориса Владимировича, я почему-то представлял себе его очень крупным, с богатырским сложением и большой бородой. В моем сознании его облик ассоциировался с обликом В. В. Стасова. Поэтому я был крайне удивлен, когда, войдя в кабинет, увидел за роялем человека среднего роста, худощавого, с бритым лицом. В его облике не было тех внешних признаков артистизма, которыми молодежь так охотно наделяет любимых деятелей искусства. Но широкий лоб мыслителя, необычайно проницательные, умные глаза и нервные, выразительные руки буквально приковывали к себе внимание, говорили об огромной интеллектуальной силе и тонкой духовной организации этого человека.

С первых же слов Бориса Владимировича, сказанных мне очень просто и дружелюбно, мой страх рассеялся. Удивительно умел этот человек сразу же снимать преграду между собой и своим собеседником. Относясь даже к начинающим свой путь в искусстве, как к равным, как к коллегам, он всегда поднимал дух и ободрял молодежь. Наша беседа длилась около трех часов. Я даже забыл о цели своего прихода, незаметно вовлеченный в круг интереснейших проблем, затронутых Борисом Владимировичем. Наш разговор вращался в основном вокруг вопросов, поставленных в моей работе (которую я еще раньше прислал ему), посвященной армянской музыке. Я был взволнован, тронут тем живым интересом, который проявил Борис Владимирович к армянской музыке, и буквально поражен глубиной познаний и суждений его в области культуры Востока, в том числе и Закавказья.

Борис Владимирович много расспрашивал меня и сам рассказывал о своих встречах со Спендиаровым, о своих впечатлениях от архитектуры, живописи, поэзии Армении, от армянской народной и церковной музыки, от творчества Комитаса. Он подчеркивал, что «Кавказ в своем сплетении „музыкальных языков и диалектов" значил в эволюции музыкально-интонационной речи человечества не менее, чем в истории языка и словесно-языкового мышления». Эту мысль он не раз повторял и впоследствии. Следуя лучшим традициям передовой русской культуры, Борис Владимирович Асафьев, музыкант-патриот, всегда проявлял глубокое уважение и любовь и к культурам других народов, большую заинтересованность в их развитии.

Под самый конец нашей встречи Б. В. Асафьев укре-

пил меня в решении стать на трудный и интересный путь музыкознания, посоветовал посвятить себя изучению мало исследованной истории музыкальной культуры Армении. Он охотно обещал мне свою помощь, к которой мне не раз приходилось прибегать в своей дальнейшей работе.

Окрыленный словами Асафьева, счастливый, я через месяц сдал приемные экзамены на недавно организованное по инициативе Бориса Владимировича музыковедческое отделение Ленинградской консерватории. С душевным трепетом вступил я под своды этого старейшего в России музыкального вуза. Эти стены хранили память о великом Чайковском, одном из первых питомцев Петербургской консерватории, об Антоне Рубинштейне, Н. А. Римском-Корсакове. Здесь учились, а затем воспитывали новые поколения музыкантов: А. Глазунов, А. Лядов. Здесь начали свой творческий путь крупнейшие советские композиторы Н. Мясковский, С. Прокофьев, Д. Шостакович и другие. Быстро ощутил я, что консерватория жила не только славой былого, но и новой, бурной жизнью. Происходила коренная перестройка всего учебного процесса с целью приблизить его к задачам строительства подлинно всенародной, советской музыкальной культуры. В консерваторию хлынула новая молодежь — талантливая, трудолюбивая, ищущая; она пришла с фабрик и заводов, из деревень, со всех концов страны. Рядом с русской молодежью учились украинцы и грузины, белорусы и армяне. Одновременно со мной занимались в консерватории впоследствии известные деятели многонациональной советской музыкальной культуры: Мравинский, Мелик-Пашаев, Соловьев-Седой, Дзержинский, А. Баланчивадзе, Аро Степанян и другие.

С чувством глубокой благодарности храню я память о профессорах консерватории, которые вооружали нас знаниями, расширяли наш кругозор, учили нас понимать и ценить музыку. Среди них были видные теоретики музыки Ю. Н. Тюлин, П. Б. Рязанов, Х. С. Кушнарев. Люди различных творческих индивидуальностей, они были объединены в своем стремлении сочетать академические традиции с нахождением новых принципов построения читаемых дисциплин, в частности приблизить их к народно-песенной основе. Историю музыки читали, кроме Б. В. Асафьева, А. В. Оссовский, поражавший нас энциклопедичностью своих знаний, И. И. Солертинский — блестя-

щий лектор, большой эрудит, обладавший феноменальной памятью, Р. И. Грубер, научивший нас полюбить музыкальные древности, С. Л. Гинзбург, являвшийся одним из пионеров в области разработки курса истории народов СССР.

Ленинградская консерватория для всех нас была подлинным храмом музыки. Высоко несли славные традиции русской музыкальной классики: замечательный русский певец, соратник Шаляпина и Собинова, создавший незабываемые образы в операх Вагнера, Римского-Корсакова (особенно Гришки Кутерьмы) — И. В. Ершов; скромный Л. В. Николаев — глава одной из лучших советских пианистических школ, верный хранитель корсаковских традиций М. О. Штейнберг и другие.

Первая лекция, которую я слышал, была лекция Асафьева. Она была посвящена музыкальной культуре античного мира. С точки зрения сторонников «нормативного» академического построения лекций, лекция Бориса Владимировича была слишком «свободной», быть может даже импровизационной по форме. В самом процессе лекции Борис Владимирович продолжал творить, мыслить. В его сознании возникали все новые сопоставления, аналогии, обобщения. Раскрывая интереснейшую картину культуры древнего мира, говоря об Эсхиле, Софокле, Эврипиде, о лирике Сафо, об эстетических системах Платона, Аристотеля (музыку Борис Владимирович рассматривал в широких историко-культурных связях), он логическим ходом мысли переходил к проблематике более поздних эпох, к современности. Особенно подчеркивал он общественное значение музыкального искусства в античном мире, роль учения об эпосе, а также мысль о том, что в древности происходил процесс не только эллинизации Востока, но и ориентализации Запада, — мысль, которая развивалась и другими передовыми советскими историками древнего мира.

Рассматривая каждое явление исторически, Б. В. Асафьев чрезвычайно любил «сквозные» темы в музыкознании, связанные с изучением эволюции того или иного жанра (так построена его книга по истории русской музыки), той или иной проблемы, литературной традиции («Пушкин в музыке»). В этой связи большой след в моем сознании оставил семинар, проведенный Асафьевым с нами, студентами, на тему «Шекспир в музыке». Как

много интереснейших и оригинальных мыслей высказал он тогда о музыкальном воплощении шекспировских произведений (Берлиозом, Беллини, Гуно, Балакиревым, Верди, Чайковским). Именно тогда, в этом семинаре, зародился во мне интерес к изучению творческого наследия одного из крупнейших «шекспирологов» в музыке — Джузеппе Верди.

Верди была посвящена моя кандидатская диссертация, над которой я и начал работать под руководством Бориса Владимировича.

Мудрый наставник, Борис Владимирович не только давал нам знания, но, главное, будил мысль, прививал любовь к музыкальной классике и особенно к русской классической музыке. Поразительно широк был круг интересов Асафьева. Он писал о Бетховене и Листе, Верди и Григе, Глазунове, Скрябине, Прокофьеве и Шостаковиче.

Почти невозможно перечислить темы, на которые он откликался мыслью исследователя, пером публициста. Но были три самые любимые темы, к которым он обращался постоянно на протяжении всей своей творческой жизни. Это были темы, связанные с изучением творческого наследия Глинки, Мусоргского и Чайковского. Работы Асафьева об этих композиторах, как и многие его другие исследования, могут по праву быть отнесены к числу классических.

Б. В. Асафьев давал нам понять, что учиться следует не только в консерватории, но и в самой жизни. Он придавал огромное значение нашему посещению библиотек, архивов, нашим выступлениям на фабриках и заводах, работе в оркестрах и радиокомитете. «Вы должны постоянно быть там, — говорил он, — где бьется пульс жизни, где звучит музыка». Он советовал нам постоянно бывать на концертах и репетициях в филармонии. И филармония стала нашим вторым вузом. Здесь, с партитурой в руках, затаив дыхание, прослушали мы огромное множество музыкальных произведений — бессмертные творения Моцарта, Бетховена, Шуберта, Глинки, Бородина, Чайковского и других, новейшие сочинения советских и зарубежных композиторов.

С середины 1930-х годов Борис Владимирович переселился в Ленинград, в новый дом на площади Труда. Разносторонняя творческая, научная и общественная деятельность занимали все его время. Большое принци-

пиальное значение имело балетное творчество Асафьева. Созданные им в то время балеты «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Утраченные иллюзии», «Партизанские дни» безмерно расширяли возможности реалистического музыкально-хореографического искусства, насыщали его новым социально-значимым содержанием, обогащали его жанры и формы.

Но и среди этих дел он умел находить время для своих учеников. Встречи, правда, были более редкими, но необычайно содержательными, дававшими нам — его ученикам — огромный стимул к дальнейшей работе.

Исключительная широта знаний и интересов Бориса Владимировича, его замечательная память были общеизвестны. Но каждый раз они поражали и изумляли с новой силой. Кабинет Бориса Владимировича был буквально заполнен нотами и книгами по самым различным вопросам и на различных языках. Здесь были книги, периодика по вопросам истории и археологии, искусству и астрономии, медицине и военному делу... Обширной была и нотная библиотека Асафьева; в ней можно было найти много раритетов. Замечательный музыкант, Борис Владимирович в совершенстве владел искусством чтения с листа труднейших партитур. Ему удавалось на рояле создавать полное впечатление звучания оркестра, хора, передавать «интонационную драматургию» опер. Кстати, этот термин, прочно вошедший в музыкознание, был предложен Асафьевым именно в это время.

Строгий, взыскательный, непримиримый ко всему поверхностному, Борис Владимирович боролся за подлинно научный метод анализа музыкальных явлений. Ему претили голый «техницизм», пассивная описательность, самодовлеющая констатация тех или иных элементов формы, эмпиризм и формализм в подходе к изучению музыкальных произведений. В равной мере он возмущался пустой болтовней о музыке, голословными концепциями, вульгарно-социологическим упрощенчеством. Овладевая все более глубоко марксистским методом в музыкознании, Борис Владимирович рассматривал каждое явление музыкального искусства в единстве содержания и формы, замысла и средств выражения, в неразрывной связи с общественно-историческими условиями. Замечательными образцами подобного метода анализа является асафьевские работы «Глинка», «Евгений Онегин», «Чародейка».

Внимательно и глубоко заинтересованно следил Асафьев за развитием советского музыкального творчества. Считая, что одним из необходимых условий успешного развития советской музыки является многообразие творческих индивидуальностей, он по достоинству оценивал композиторов, совершенно различных по своему характеру: Д. Шостаковича и И. Дзержинского, С. Прокофьева и Т. Хренникова. С большим интересом следил он и за развитием творчества Арама Хачатуряна. «Знаете, — говорил он мне, — когда слушаешь музыку Хачатуряна, даже наш Ленинградский северный пейзаж озаряется солнцем». Позднее, в «Очерках советского музыкального творчества» (1947), Асафьев писал: «Я бы сказал, что искусство Хачатуряна — это искусство „Высокого Ренессанса"».

Видя подлинную основу творчества в народных истоках, Асафьев придавал громадное значение в музыке народно-национальному элементу. С исключительной убедительностью сумел он раскрыть в своих работах национальные основы произведений Глинки, Чайковского и других. Среди учеников Бориса Владимировича были представители различных национальностей. Бережно сохранял он в них связь с народной музыкой их родины; не только сохранял, но стремился эти связи сделать более глубокими и осознанными. Интересны в этом отношении высказывания Асафьева о его работе с учеником-композитором, армянином Т. Ованесяном (безвременно погибшим в дни Великой Отечественной войны). Борис Владимирович подчеркивал свое «...стремление упорно содействовать охране в его даровании интереснейших следов мелоса его родины и беречь их, когда они проскальзывали в его композиторстве, сквозь обучение привычным стезям гармонии, контрапункта и форм. Я был горд перед самим собой, когда, анализируя его опыты, угадывал следы народной интонации и помогал ему по мере возможности верным чутьем ей следовать и развивать ее».

В суровые дни Великой Отечественной войны Борис Владимирович находился в осажденном Ленинграде, живя в бомбоубежище, помещавшемся в здании театра им. Пушкина (бывш. Александринского). Прекрасный город, о котором так восторженно писал Асафьев в своих «Симфонических этюдах», был окружен несколькими кольцами смерти. Беспрерывные обстрелы и бомбардировки разрушали его, уносили тысячи человеческих жизней. Вышли из

строя электростанции, водопровод, нарушилась связь, невыносимо скудным стал продовольственный паек. Город погрузился в тьму и холод. Казалось, все замерло.

Но в этих неописуемо трудных условиях проявились изумившие весь мир мужество, стойкость и преданность Родине советских людей. Город-герой выстоял, не дрогнув перед отборными дивизиями фашистов. Высокий патриотизм гражданина, ученого и художника проявил в эти дни и Б. В. Асафьев.

Ослабевший, больной, в нетопленом помещении, при свете коптилки он неустанно работал, творил. Борис Владимирович создавал патриотические песни для фронта, оперы, балеты, симфонические и камерные сочинения. Именно в эти дни создавал он свои многие замечательные статьи, исследования, раскрывающие величие, гуманизм, реалистичность и подлинную народность классических традиций русской музыки.

Находясь в эти дни также в Ленинграде, я как-то в декабре 1941 года навестил своего учителя. Взволнованно, с огромной верой и убежденностью в нашей будущей победе, говорил он о героизме и патриотизме советского народа. «Ведь не случайно же, — воскликнул он, — что в искусстве народов нашей Родины такое большое значение всегда имели патриотические, освободительные тенденции». Непобедимую силу видел Борис Владимирович в братской дружбе, связывающей народы Советского Союза. Он никогда не пропускал случая, чтобы обратить внимание на эту исторически сложившуюся и ставшую особенно прочной в условиях советской действительности дружбу.

«А как героически, плечом к плечу, сражаются сейчас, отстаивая каждый кусок нашей земли, русский и армянин, грузин и белорус, узбек и украинец», — сказал Борис Владимирович.

Вскоре Асафьев был эвакуирован в Москву, и я долгое время с ним не виделся. Будучи в Ереване, я был свидетелем того, с какой тщательностью в тяжелых условиях военного времени Ереванский театр оперы и балета им. А. Спендиарова поставил балет Бориса Владимировича «Кавказский пленник». Восторженный прием, оказанный армянской общественностью новой постановке, выражал и оценку художественных достоинств балета Асафьева и любовь и уважение к русской культуре. С успехом на сцене этого театра идет уже многие годы и другой балет

Асафьева — «Бахчисарайский фонтан». Хочется вспомнить в этой связи и о том, как в военные годы Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова первым поставил балет «Гаянэ» Арама Хачатуряна. Впоследствии в 1956 году тот же театр первым осуществил постановку хачатурянovского балета «Спартак».

Вновь встретил я Бориса Владимировича в январе 1944 года, когда вместе с другими представителями музыкальной культуры Советской Армении приехал он в Москву на смотр армянского искусства. Борис Владимирович жил в одном из номеров гостиницы «Националь». Наша встреча была задушевной и теплой. Я привез ему изданный в годы войны Академией наук Армянской ССР первый том полного собрания сочинений Спендиарова и рукопись расшифрованного М. Агаяном древнего армянского тага «Хавик». И то и другое вызвало восторженный отклик Бориса Владимировича. «Теперь, когда в моих руках имеется первый том полного собрания сочинений А. Спендиарова... — писал позднее Асафьев, — я нахожу в нем много дорогих мне музыкальных воспоминаний, связанных и с беседами с композитором-автором в тесном помещении Бесселевского магазина». С неподдельным интересом и одобрением сольфеджировал он мелодию «Хавик», особенно оценивая ее ладо-интонационное своеобразие и логику мотивного развития.

В то время я работал над изучением истории армянской оперы и рассказал Борису Владимировичу об основных своих выводах, поделился с ними своими трудностями и сомнениями. Чрезвычайно ценные и интересные советы его принесли огромную пользу в дальнейшей моей работе над этой темой.

Борис Владимирович сказал мне о своем намерении написать когда-нибудь ряд очерков об Армении. Эту мысль он частично осуществил в 1947 году. В секторе Истории и теории искусств Академии наук Армянской ССР хранится рукопись этих очерков. Их назвал Борис Владимирович «Из записей о моих странствованиях (Армения)». Автором намечено было написать шесть очерков. Трогательно название первого очерка — «Моя дорогая Армения». Следующие очерки названы: «Встреча со Спендиаровым», «Арарат и Ереван», «Гарни», «Дорога в Гехартский монастырь» и «Гехарт». К большому сожалению, Асафьеву удалось осуществить замысел

лишь первых двух очерков, написанных вдохновенно и с большой любовью к армянскому народу и его культуре и содержащих ценные и чуткие суждения тонкого художника. Нельзя не пожалеть вместе с Асафьевым об оставшихся незавершенными иллюстрациях к этим очеркам, сделанными погибшим в дни блокады Ленинграда архитектором Ильиным, «энтузиастом суровой природы Армении, набросавшим ряд прекрасных рисунков-пейзажей итальянским карандашом к моим повествованиям о виденном и особенно о дороге в Эчмиадзин».

25 апреля 1946 года в стенах конференц-зала Ленинградской консерватории состоялась защита докторской диссертации, посвященной истории армянской оперы. Много дум, волнений вызвали они в моем сознании; и не только потому, что на суд Ученого совета старейшего русского музыкального вуза были вынесены скромные результаты моих многолетних исследований. Я вспомнил, как семнадцать лет тому назад впервые вступил в стены этой консерватории и как решительно поддержал тогда мою робкую мечту стать на путь музыкознания Б. В. Асафьев, как настойчиво советовал он мне обратиться к изучению истории музыки моей родной страны. Перед глазами прошла вся бескорыстная дружеская помощь, которую на всех этапах моего учения и дальнейшей самостоятельной работы так охотно оказывали мне мои русские наставники и коллеги и в первую очередь Б. В. Асафьев. Волновало то, что в этом чудесном северном городе, в среде русских ученых и музыкантов, в переполненном зале, с таким живым интересом и знанием обсуждались исторические пути и судьбы развития армянской музыки, спорили о творчестве Комитаса, Спендиарова, Чухаджяна и других армянских композиторов. Никогда не забуду проникновенных слов официального оппонента, члена-корреспондента Академии наук СССР профессора А. В. Оссовского. Он говорил о вековых узах дружбы и духовной близости, связывающих русский и армянский народы, о своей дружбе со Спендиаровым, об интересе русских музыкантов к армянской культуре и деятельности армян-музыкантов в России. «В наши дни слагается, растет, цветет и дает ценнейшие плоды новая, свежая, светлая, талантливая армянская национальная музыкальная культура, — говорил он. — Может ли музыкант не радоваться тому обогащению общечеловеческой художественной сокровищницы, которое несет нам армянская ху-

дожественная культура? Не может он не радоваться, особенно потому, что это обогащение исходит из нашей советской страны, нашего братского народа».

Много ценного почерпнул я для себя из выступлений на диспуте профессоров К. А. Кузнецова, Х. С. Кушнарева, из бесед с профессором В. М. Беляевым, Б. А. Араповым, С. Л. Гинзбургом, Р. И. Грубером.

Последний раз я видел Б. В. Асафьева в марте 1948 года, во время Первого съезда советских композиторов, на котором он, тогда уже академик и народный артист СССР, был единодушно избран председателем Правления Союза советских композиторов. Борис Владимирович был тяжело болен и лично не присутствовал на съезде. Но на съезде был прочитан его содержательнейший, имевший большое принципиальное значение доклад «За новую музыкальную эстетику, за социалистический реализм», посвященный утверждению принципов социалистического реализма в советском музыкальном творчестве, призывавший советских композиторов стать ближе к жизни и осуществить высокие задачи, выдвинутые перед искусством нашей эпохой, народом, Коммунистической партией.

Вместе с некоторыми другими композиторами и музыковедами я посетил Б. В. Асафьева на квартире. Он жил интересами съезда, внимательно следил за ходом его работы. Больше мне уже не довелось увидеть моего учителя и наставника. С величайшей скорбью узнал я о кончине Бориса Владимировича Асафьева. Смерть так преждевременно вырвала из наших рядов замечательного человека, музыканта, ученого. Но всегда Б. В. Асафьев будет жить в своих творениях, в той светлой памяти, которую сохранит о нем каждый прогрессивно мыслящий музыкант. Асафьевские идеи, асафьевский метод всегда будут вдохновлять его учеников и последователей, над какой бы областью музыкознания они ни работали. Русская культура играла и играет громадную прогрессивную роль в развитии и обогащении глубокого самобытного армянского музыкального искусства. Армяно-русские музыкальные связи — прочная и плодотворнейшая культурная традиция. Вдохновенные, содержательнейшие страницы в историю этой традиции вписал Б. В. Асафьев — выдающийся представитель советской русской культуры.

1956

Д. ДЕМИРЧЯН

БОЛЬШАЯ ПОБЕДА РУССКОГО СИМФОНИЗМА

Шостакович, говоря о своей 7-й симфонии, предупреждает, вернее, объясняет, что эта новая его симфония — программное сочинение. Избегая батальной музыки, с ее натуралистическим изображением военных действий, композитор стремился «передать содержание суровых событий».

Содержание этих суровых событий по-своему и особенно глубоко задело советского человека. Война черной тучей ворвалась в нашу жизнь, полную мудрой радости труда и созидания. И мы, люди любви и гуманности, принуждены, обязаны перед нашей Родиной наполнить наши сердца чувством жгучей ненависти к врагу...

Огромная заслуга Шостаковича состоит в том, что он смог изобразить борьбу высоких идей против черного мракобесия.

Обращение к традициям классического симфонизма (Бетховена, Чайковского), переосмысливание этих традиций в соответствии с новыми достижениями музыки современности — вот что характерно для творчества Шостаковича и его симфонии. И этому не противоречит та программность, о которой говорил композитор по поводу своей симфонии. Он сумел изобразить внутреннюю суть «суровых событий».

Архитектоническая симфония Шостаковича представляет форму более свободную и разнообразную. Это относится и к отдельным частям ее, и к разделам каждой части в отдельности. Многое из традиций классического симфонизма переосмыслено в соответствии с идейным замыслом, придающим большую новизну симфонии Шостаковича. В этом смысле первая часть симфонии представляет большой интерес своими контрастирующими красками: размашистая, сильная тема мирной, счастливой жизни нашей Родины, благородного, волевого образа советского героя и резкий контраст всему этому — тема войны. Сочетание этих двух тем в высшей степени драматизирует первую (наиболее сильную) часть симфонии. Бездушная «машинная» музыка войны — дикий грохот надвигающегося звериного марша — вносит некоторую тревогу. Но мощно поднимается новый мотив — мужественная тема сопротивления.

Все остальные части, если и развиваются не с одинаковой силой, то вносят, однако, в симфонию много возвышенного (реквием жертвам войны) и лирического, живого, волнующего. И скерцо (Moderato poco allegretto) со своей радостной, лирической песней, и адажио со своей патетикой, и финал со своим величием и героической силой — все это в большом музыкальном полотне ярко, страстно рисует титаническую картину наших дней. Наступление разрушения и контрнаступление созидательной силы, пронизывая всю музыку симфонии, как сквозное действие, держат слушателя в постоянном волнении.

Много оригинального, индивидуального, нового в этой симфонии.

Это музыка советской культуры, это победа современного русского симфонизма.

Облики великого Бетховена и колосса русской музыки Чайковского реют над этой симфонией. Благородные традиции музыки 5-й симфонии, Пасторальной, и Девятой героической Бетховена и лирические драмы Чайковского по-

казали Шостаковичу путь критического использования наследия прошлой культуры.

Монументальность, героичность, народность, высокая культура — путь советской классики. К этому идет Дмитрий Шостакович. И великая заслуга его в том, что в его симфонии прозвучала наша эпоха, наша гигантская победная схватка с черным фашизмом.

Исполнение 7-й симфонии Шостаковича в центре культуры Советской Армении — в Ереване вызвало восхищение всей общественности страны. Мы гордимся крупной победой великого русского народа, что в свою очередь является победой народов всего Советского Союза.

«Коммунист» от 14 июля
1942 года, № 164 (2416).

В. ЛАЗАРЕВ
член-корреспондент
АН СССР

ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

(К выставке армянского искусства)

До недавнего прошлого довольно распространено было мнение, будто бы старое армянское искусство представляет собой не что иное, как простое ответвление византийского искусства. Такая точка зрения, конечно, совершенно неверна. В процессе научного изучения художественной культуры Армении выяснилась не только ее высокая оригинальность, но сделался очевидным и тот факт, что на некоторых этапах исторического развития она играла ведущую роль. И если мы теперь не разделяем всех крайностей теории Стржиговского, пытавшегося трактовать армянское зодчество как колыбель средневековой европейской архитектуры, тем не менее стало несомненным, что оно оказало известное воздействие на формирование византийского и романского стилей.

Эпоха наивысшего расцвета армянского искусства — это время от IV до XIV века. Приняв христианство около 300 года н. э., армяне начали строить каменные храмы с IV века (искаженный позднейшими перестройками Эчмиадзинский собор). Не исключена возможность, что собор в

Эчмиадзине, равно как и храм в Текоре, имели деревянные купола, возведенные не позднее V века. Однако много вероятнее, что купольное перекрытие было занесено в Армению из Византии в более позднее время (не ранее VII века). Для армянской архитектуры V—VI столетий особенно типичны постройки типа базилик (базилики в Ереруке, Касахе, в древнем Ани и др.). В этих постройках бросается в глаза сирийская основа, осложненная заимствованными из персидского зодчества элементами (например, наружные открытые портики). Но уже здесь выступают оригинальные армянские черты, сказывающиеся в монументализации форм. С VII века получают широкое распространение круглые столпообразные храмы (знаменитая церковь «Бдящих сил» — Звартноц — близ Эчмиадзина, повторенная в храме Григория Просветителя от 1001 года в Ани), центральнокупольные храмы, чей квадратный крестообразный план обычно усложняется благодаря введению угловых и боковых ниш (церковь Рипсиме в Вагаршапате, церковь Иоанна в Мастаре, соборы в Багаране и Артике и др.), купольные базилики (главная церковь в Одзуне, нач. VIII в.; собор в Ани, 989—1001 гг.). В X веке появляются многоугольные храмы с вписанными в них восемью абсидными полукружиями (церковь Григория в Ани, церковь Спасителя от 1036 года там же и др.) и пятикупольные храмы (церковь Апостолов в Ани). Это необычайное богатство архитектурных типов наглядно свидетельствует о блестящем расцвете армянского зодчества, которое выработало свой оригинальный художественный стиль, не похожий на все то, что мы находим в Сирии, Малой Азии и Византии.

Кто путешествовал по Армении и кому посчастливилось быть в столице Багратидского царства Ани, тот знает, какое огромное впечатление производят ранние памятники армянской архитектуры. Как правило, им свойственна изумительная простота и суровая монументальность. Бутовая кладка скрывается за чисто обтесанными плитами туфа, придающими зданиям подчеркнуто геометрический характер. Стены почти лишены украшений; лишь около узких, маленьких окон и дверей располагаются скромные орнаментальные ленты. Нередко стены членятся длинными, тонкими полуколонками, несущими аркатурный фриз, либо оживляются гладкими, сильно вытянутыми нишами. Над всем зданием господствует обычно конической формы купол, который покоится на граненом низком барабане. Его

строгий треугольный силуэт превосходно гармонирует с армянским пейзажем. Внутреннее пространство носит столь же мало дифференцированный характер, как и наружный объем. Пространство центрального нефа либо подкупольное пространство настолько подчиняют себе все боковые части, что последние утрачивают всякое самостоятельное значение. Таким путем создается единое, монолитное пространство, которое, в сочетании с монолитным внешним объемом, сливается в целостный архитектурный образ, лишенный всяких элементов ложного декоративизма. Это и есть главная причина того, почему памятники раннего армянского зодчества оставляют такое неизгладимое впечатление. Их архитектурный язык замечателен своей исключительной чистотой. В нем нет ничего компромиссного, половинчатого, легковесного. С силой и непосредственностью подлинно большого явления взывает он к сознанию зрителя, давая ему ясно почувствовать то высокое своеобразие зодчества, которое отличает его от других видов искусства.

С XI века начинается медленный упадок армянской архитектуры. Правда, на протяжении XI—XIII столетий еще создаются интересные памятники, тем не менее они сильно уступают в отношении чистоты и оригинальности форм более ранним постройкам. Наряду с мотивами византийского происхождения все чаще встречаются декоративные элементы, заимствованные из мусульманской архитектуры Ирана. Лучшие памятники этого позднейшего периода армянского зодчества находятся в Ани, Гандзасаре, Агбате, Санаине, Оромосе, Мрене.

Наряду с архитектурой живопись была той областью художественного творчества, в которой армянский народ выявил себя с наибольшей полнотой. Фрески встречаются лишь в халкедонитских памятниках XIII века (церковь Тиграна Оненца, церковь Спасителя, церковь Бахтагеки), тяготеющих к Грузии. Антихалкедонитская Армения относилась отрицательно к религиозным изображениям в храмах. По-видимому фресковая живопись находила широкое применение только в гражданских сооружениях, особенно в дворцах. К сожалению, почти все памятники светской стенописи погибли. Поэтому главным источником для изучения армянской живописи служат миниатюры многочисленных рукописей. С некоторыми из них можно ознакомиться на открывающейся в Москве выставке армянского искусства. Без сомнения, эти миниатюры живо заинтересуют на-

ших художников. Больше всего поражают в армянских миниатюрах их яркая красочность и тончайшее чувство линии (особенно в киликийских рукописях XIII века). Армянские мастера являются непревзойденными виртуозами орнамента. Чего только не находит внимательный зритель в изящных заставках и великолепных украшениях так называемых «канонов» лучших армянских рукописей. Здесь и диковинные птицы, и страшные звери, и стилизованные растения, и самые головоломные сочетания абстрактных линейных мотивов, и органически вплетенные в общую композицию архитектурные формы. Как из рога изобилия выплескивает армянский миниатюрист весь этот богатейший орнаментальный мир на пергамент украшаемых им рукописей. Только народная фантазия смогла создать столь совершенное по разнообразию и полнокровности искусство. И надо видеть, с каким тонким вкусом подчиняет армянский художник свои заставки общей композиции листа, как ритмично увязывает он орнамент с письмом, как искусно подбирает он цвета, объединяя их в полнозвучную колористическую гамму, в которой золото чередуется с яркими красными, голубыми, желтыми, синими, зелеными и лиловыми красками. Лишь в кельтских и готических рукописях найдем мы аналогию этому ослепительному богатству форм.

Лучшие собрания армянских рукописей находятся в библиотеках Еревана, Эчмиадзина, Иерусалима и в собраниях мхитаристов в Вене и Венеции. Древнейшие из иллюстрированных рукописей восходят к IX—X вв. (например, знаменитое Эчмиадзинское евангелие X века). Однако в литературных источниках упоминаются более старые школы миниатюристов (Камсараканская и Татевская), от которых до нас не сохранилось ни одной работы. К XI веку относится ряд манускриптов с вполне сложившимся стилем, восходящим к чисто восточным традициям. Иконография следует старым сирийским прототипам; в богатом, но тяжелом и несколько грубоватом орнаменте чувствуются сирийские и сассанидские отголоски. Примитивный художественный язык этих ранних миниатюр, которым свойственна какая-то особая непосредственность выражения, остается почти незатронутым византийским влиянием. К сожалению, от XII века, являющегося одной из самых неизученных эпох в истории армянского искусства, сохранилось очень мало манускриптов. Энергичная струя византийских влияний проникает в Армению лишь к концу

XII века. В это время жил замечательный миниатюрист Григорий Ерец, чьи подписные произведения хранятся в Эчмиадзине и Тохате. Работая в Ромкле, под покровительством католикоса, Григорий Ерец получил, по-видимому, хорошее знакомство с византийскими образцами. Изящный стиль его маленьких, хрупких фигурок, отличающихся чисто греческими пропорциями, представляет резкий контраст к грузным, тяжеловесным формам армянских рукописей XI—XII веков.

XIII столетие может рассматриваться как эпоха блестящего расцвета армянской миниатюры. В коренной Армении в это время продолжают держаться старые восточные традиции, насыщенные иранскими реминисценциями. Особенно интересно одно евангелие, которое было написано в 1211 году в Ахпате. В нем ярко проявляется живая наблюдательность художника, облачившего персонажи священной легенды в современные ему костюмы. На полях, по сторонам от канонов, он дал несколько очаровательных портретных фигурок. Среди них изображены двое слуг, около одного из которых имеется приписка: «Шереник, сколько раз ты придешь, принеси рыбу». Так в священную книгу врываются мотивы, непосредственно взятые из жизни и говорящие о демократизме этой живописи, крепко связанной с народными истоками.

Рядом с восточным течением в армянской миниатюре XIII века существует другое направление, которое локализуется в Киликийском царстве. Здесь складывается совершенно новый и вполне оригинальный стиль, органически синтезирующий восточные, византийские, западные и мусульманские элементы. Художественные школы в Скевре, Дразарке, Сиссе, Грнере, Ромкле выпускают в огромном количестве богато иллюстрированные рукописи, которые образуют золотой фонд староармянской живописи. Крупнейший киликийский миниатюрист — Торос Рослин, работавший в середине XIII века. В миниатюрах Рослина и его школы прежде всего бросается в глаза бурное движение. В работах киликийской школы, по общему своему духу несколько напоминающих памятники готической живописи, ниспровергаются традиционные вековые каноны, уступающие место необычайной (даже для XIII века) свободе выражения.

В XIV веке начинается упадок армянской миниатюры. Все чаще заметны штампы, ухудшается техника. Последний

крупный мастер — Саркис Пицак, живший в первой половине XIV века.

Армянская скульптура, по-видимому, никогда не выходила за пределы декоративного, прикладного искусства. Если не считать колоссальных каменных изображений чудовищ, вроде рыб или китов (так называемых вишапов), то следует признать, что в Армении статуарная пластика не получила почти никакого развития. Зато в довольно большом количестве до нас дошли рельефы, украшающие стены храмов и надгробные камни. И в них прежде всего привлекает изумительное богатство орнаментальных форм. Армянские скульпторы и каменотесы с тонким вкусом декорировали здания, не нарушая целостности архитектурного замысла. Геометрические, растительные и звериные формы искусно сочетаются со столь излюбленными в Армении ленточными плетениями. Лучшие образцы подобного рода скульптурной декорации находятся в Ани, Ереруке, Звартноце, Гандзасаре, Дади. Встречаются и фигурные рельефы, но они никогда не играли большой роли. Их излюбленная тема — ктиторские группы. Строитель бывает обычно представлен с моделью церкви (Ани, Санаин, Агбат).

На протяжении своего многовекового существования армянское искусство создало множество прекрасных памятников. К сожалению, их у нас слишком мало знают и порой плохо берегут. Надо надеяться, что выставка изобразительного искусства привлечет внимание широкой советской общественности к великим культурным ценностям армянского народа. Выходящая вскоре книга Свирина подробно осветит историю армянской миниатюры. Намеченный к изданию монументальный труд Тороманяна об армянском зодчестве введет нас в одну из наиболее специфических областей армянского творчества. И тогда сам собой встанет вопрос об отношении армянского искусства к древнерусскому, вопрос, имеющий актуальнейшее научное значение. На этом пути мы подойдем вплотную к проблеме «кавказских влияний» во владимиро-суздальском зодчестве, которая сможет быть окончательно решена лишь при сравнительном изучении искусства древней Грузии, древней Армении и Древней Руси.

«Советское искусство»
от 24 октября 1939 г.,
№ 76 (656 .

А. ЧЛЕНОВ

ДРЕВНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

(Заметки об армянской живописи)

Среди национальных и областных школ живописи нашей родины есть совсем молодые — башкирской или закарпатской школе всего лет тридцать. Есть другие, имеющие традиции в несколько столетий. Но традиция армянской живописи измеряется тысячелетиями. Это, вероятно, самая древняя школа живописи в нашей стране.

На живописи Армении отразились все повороты извилистого пути истории народа, мужественно отстаивавшего свою национальную самобытность, а нередко и самое существование в тяжелейших условиях на протяжении многих веков. В истории армянской живописи и сейчас много белых пятен, и она похожа на безбрежное море, в котором то и дело открываются новые земли.

---

[1] «Дружба народов», журнал № 8, 1956, стр. 144—158. Публикуется с сокращениями. Главным образом дается раздел армянской исторической живописи.

Живопись античной Армении принадлежала эллинистическому миру, и о ней почти ничего неизвестно. Но кто знает, какие открытия может принести завтра заступ археолога? Еще совсем недавно не было известно почти ничего о раннесредневековой живописи Армении, считалось, что фресок в ней не было. А за годы Советской власти доказано документально наличие богатейшей армянской школы фрески с IV по X век.

Армянская фреска отличалась не только достоинствами подбора тонов и орнамента. Когда я сидел в отделе средневекового искусства в Картинной галерее Армении в Ереване, беседуя с Лидией Дурново, крупным специалистом в этой области, меня поражал пристальный, неотступный взгляд архангела из Мбата. Копия мбатской фрески VII века висела на стене возле копии портрета в рост из фресок Ахната XIII века. Не надо думать, что тематика армянских фресок ограничивалась одними религиозными мотивами, там встречаются сцены пиров, охоты, театральных представлений, портретные изображения. Не далее как в прошлом году ученые обнаружили в литературных источниках данные о наличии светских портретов в Армении еще в V—VI веках. В Эчмиадзине — духовной столице древней Армении — была, оказывается, еще тогда галерея портретов католикосов.

Словом, каждый год, каждый шаг сулит здесь поразительные открытия. Да это и не удивительно, если учесть, что научная разработка материала, по существу, только начинается. Достаточно сказать, что, например, выставка фрески, намечаемая на эту осень в картинной галерее, будет первой за всю историю Армении. Показаны будут солидные плоды многолетних трудов ученых, копиистов, реставраторов — около двухсот квадратных метров фрески в копиях и реконструкциях. Такая выставка — событие мирового значения.

Долгое время считалось, что портрет был возрожден в армянской живописи портретистами Акопом и Агафоном Овнатанянами после векового забвения только в сороковых годах XIX века. Но теперь выяснилось, что портреты писал еще их дед Овнатан Овнатанян, друг поэта Саят-Нова. Найдено уже немало станковых портретов — пускай довольно примитивных — руки неизвестных армянских мастеров XVIII и даже XVII веков. Время XIV по XVIII век законно считается в истории армянской живописи пе-

риодом относительного упадка — и все же теперь установлено, что и в то время в миниатюрах постоянно встречаются портреты заказчиков.

Видимо, традиция светского портрета в армянской живописи вообще никогда не прерывалась с самого V века! Много ли найдется стран в мире, могущих похвастать такой непрерывной традицией светского портрета в полтора тысячелетия?!

Пример с портретом не является единичным свидетельством богатства истории средневекового искусства Армении. Вот другой пример. Самой богатой отраслью средневековой живописи Армении была, пожалуй, миниатюра. Наибольших художественных высот достигла киликийская школа миниатюры в XII—XIII веках. Киликийское царство, основанное в XI веке, когда большая масса армян, спасаясь от нашествия турок-сельджуков, пробилась к Средиземному морю, было в те времена важной торговой державой. Киликия стояла на одном из выходов к Средиземному морю великого шелкового пути с Дальнего Востока. Киликийцы были умелыми мореходами и предприимчивыми купцами, они были знакомы с культурой арабских стран и Византии, Запада и Ирана, некоторые детали в работах киликийских художников, — например, изображение львов, — выдают знакомство даже с искусством Китая.

Успехи, которых достигла киликийская школа, были для того времени исключительно высокими. Чего только не встретишь в миниатюрах лучшего ее художника Тороса Рослина, чьи работы можно проследить до 80-х годов XIII века (то есть до появления великого реформатора живописи Джотто в Италии). Здесь и бегущие ослики, забавно вытягивающие шеи, и с удивительной свободой расположенные на листе фантастические звери из библейских видений, но с человеческими головами на груди, — а значит списанные с ряженых актеров. Иллюстрируя Библию, Рослин в сцене перехода через Красное море изображает утонувшее войско фараона так, что сквозь воду видны вздутые щеки утопленников. На одной из его миниатюр мы видим двух пляшущих актеров (с привязанными хвостами, в знак их профессии), и притом эти танцующие фигуры нагие! Художником переданы не только анатомически правильные пропорции, но и самое обаяние грации нагого женского тела. Не мешает напомнить, что в те времена нагое тело никто во всем мире не писал: беспомощные

голенькие библейские Евы и те были большой редкостью, заря Возрождения еще не занималась на Западе.

Наблюдательность и смелость Тороса Рослина поразительны, и нельзя считать исключенным влияние искусства Киликии даже на Италию — ведь связи между этими странами были весьма тесными. Правда, влияние вряд ли могло быть прямым, ибо итальянская живопись шла от фрески, а не от миниатюры. И все же в киликийской миниатюре столько внимательного наблюдения жизни, что такой пример для профессионалов, пусть и в смежной области живописи, вряд ли мог пройти незамеченным и не побудить к размышлениям. Как знать, может быть, изучение архивов Венеции и Ватикана откроет еще неизвестные связующие звенья.

В мировой живописи XIII века Киликия стоит, вне всякого сомнения, на одном из первых мест. Но от Джотто, выступившего сразу после Рослина, идет прямой путь превращения иконописи в реалистическую итальянскую живопись, путь, ведущий к сияющим высотам, достигнутым гениями Возрождения — Джорджоне, Тицианом, Леонардо, Рафаэлем, Микельанджело. В армянском искусстве этого победного пути нет. Сама Киликия пала в XIV веке жертвой турок-османов. Живопись не пошла по пути Возрождения и в других армянских землях. Современная реалистическая школа живописи Армении не явилась непосредственным продолжением и развитием национального наследия средневекового периода, как это было с живописью большинства стран Запада. Она сложилась очень поздно, по существу лишь во второй половине XIX века, и сложилась на совершенно иной основе. Ее отделяет от старины пропасть чуть ли не большая, чем та, которая отделяет передвижников или даже Левицкого от древнерусской иконописи.

Чтобы понять, почему так сложилась судьба школы живописи, имеющей за плечами столь давние традиции и знавшей подобный блеск, надо обратиться к судьбе самого армянского народа. И о ней лучше всего расскажет новая армянская живопись.

* * *

В картинной галерее Армении есть зал, по которому трудно ходить без волнения. В нем собраны картины замечательного художника рубежа прошлого и нынешнего

веков, передвижника Вартгеса Суренянца. Написанные кистью легкой, тонкой и верной, пленяющие с первого взгляда своим серебристо-жемчужным колоритом, они приковывают еще больше силой чувства. Покоренный, переходишь от картины к картине, как бы листая страницы нескончаемой летописи.

Высокие стены царского дворца. Безмолвно глядят со стены чудовищные фигуры — духи, оберегающие царя, бородатый великан Гильгамеш, душащий льва. Ниневия — «логовище львов», как называли столицу Ассирии народы, изнемогавшие под ее лапой. Разбойничья держава — один из первых претендентов на мировое господство в глубокой древности. Даже искусство ее было проникнуто восхвалением грубой силы, жестокости и раболепия перед царской властью.

В пустынном зале на низкой резной скамье сидит владычица всего царица Шамирам — легендарная Семирамида. Распущенные черные волосы сверкают на фоне зеленых изразцов стены, обрамляя ее красивое лицо. Золотыми кругами шита длинная синяя юбка, золотая диадема на голове царицы. Шамирам недвижима, но все в ней кипит и клокочет. Закинув ногу на ногу, опершись головой на руку, она смотрит перед собой взором, в котором смешались воедино злоба и вожделение, ярость и раздумье, горечь унижения и бессильное желание отомстить за него. Царица одна в зале, и никто не видит ее неистовства и ее позора. Но перед ней на полу поставлены роскошные носилки и на них, на ковре, покрытый голубым покрывалом, лежит красавец юноша с лицом, просветленным покоем смерти. Это вождь арменов Ара Прекрасный.

Сюжет картины «Семирамида у трупа Ара Прекрасного» взят Суренянцем из богатой сокровищницы легенд отечественной истории. Восходит он еще к началу первого тысячелетия до нашей эры, к эпохе войн державы Урарту против Ассирии, но дошел до нас в записи Моисея Хоренского (V век нашей эры), отца армянской истории. Легенда повествует о том, как «сладострастная и блудная Семирамида», услышав о красоте Ара, шлет ему посольство, предлагая разделить с ней супружеское ложе и корону Ассирии.

Но власть над порабощенными народами не прельстила Ара и он отверг любовь царицы заклятых врагов своей родины.

Оскорбленная и взбешенная неожиданным отказом, Шамирам послала в горы Армении большое войско с приказом опустошить страну и привести ей Ара пленником. Но достался ей лишь труп павшего в бою Ара. Царица велела выставить его в дворцовой зале в тщетной надежде оживить его чарами. Но царице пришлось убедиться, что она властна отнять жизнь, но не вернуть ее и что гордое сердце так же не подвластно ей, как мужество свободолюбивого народа.

Суренянц не изобразил ни ответа Ара посольству врагов, ни кровопролитной битвы, он столкнул героев легенды лицом к лицу и, выбрав момент кульминации, изобразил его с истинным драматизмом, не оставляя у зрителя и тени сомнения, на чьей стороне моральная победа.

А вот и другая картина — «Женщины из Ани». X или XI век. Дальние горы тают в предвечернем тумане, розовеет в закатных лучах остроконечный граненый купол старинной армянской церкви. От ее портала спускается к нам лестница, окаймленная балюстрадой, возле которой на обрыве растут высокие одинокие тополя. Женщины выходят из церкви и медленно, как в сказке, движутся к нам. Вот одна отделилась от общей группы, чтобы подать монету красивой полунагой нищенке, сидящей у дороги. Женщины в красочных платьях и в длинных покрывалах — розовых, белых, синих. Лица их задумчивы. Мужчин не видно ни одного. Кто знает, может быть, они сейчас на войне, может, защищают родное Ани — столицу средневековой Армении — от страшного набега сельджуков... Суренянц воссоздал атмосферу жизни древнего города с удивительной поэтической верностью, недаром он сам был участником раскопок грандиозных развалин Ани, дошедших до нашего времени.

Еще картина — «В гареме». Ковер разостлан на мраморных плитах. Лежат на нем подушки, брошенная книга. На первом плане цветущая ветвь, опустившаяся к земле, говорит о весне, о радости жизни. Но дальше взгляд упирается в глухую стену, и видишь, что этот сад со всей его роскошью — тюрьма. Юная армянская красавица сидит одиноко на ковре — не вырваться ей из неволи...

«Попранная святыня». Пустая церковь! Древний каменный крест в каменном же обрамлении, фрески на стенах. На полу — разбросанные древние книги. В глубине отдернутая завеса осквернённого святилища, распахнутый опу-

стошенный сундук, из которого свисает брошенный грабителями кричаще яркий лоскут какой-то ткани для праздничного убранства. И возле сундука распростертый, убитый монах. Это уже XIX век, 1895 год. Здесь побывали турецкие погромщики.

Шаг за шагом, тысячелетие за тысячелетием проходит перед нами эпопея испытаний многострадального народа. В картинах Сурснянца оживает под волшебной кистью художника сама история Армении, история одного из древнейших народов мира, тягавшегося еще с Ассирией и с древним Римом и дожившего до наших дней; народа, много раз терявшего самостоятельность и все же сохранившего национальную самобытность и отвоевавшего свою государственность; народа, родина которого бывала затоплена волнами десятков страшных нашествий и отстоявшего часть родной земли; народа, испытавшего неслыханные беспрерывные насилия, погромы, истребления и, несмотря на это, не потерявшего свою душу и развившего на протяжении веков изумительную культуру.

Племена, населявшие армянское нагорье, уже в первом тысячелетии до нашей эры проявили удивительную способность сопротивляться денационализации. Из чертова котла четырех сменявшихся великих держав — Ассирии, Мидии, Персии и Македонии, — в котором бесследно исчезали десятки народов, племена арменов и хайков (давшие стране имя — Армения или Айастан), не растворившись, вышли в конце концов как единый мужественный народ.

Легенда об Ара Прекрасном знаменует начало этого процесса сопротивления.

При Тигране Втором Армения стала одной из сильнейших держав античного мира, освободительницей от греческого ига. Угнетенные племена и народы охотно встречали и поддерживали войска Армении, и скоро границы ее простерлись от Средиземного моря на западе до Каспийского на востоке, а на юге и севере они едва-едва не доходили до Мертвого и Черного морей. Вскоре армянская держава столкнулась с Римом и в течение нескольких веков была оплотом сопротивления римским легионам.

Но успешно боровшаяся с Римом Армения в конце IV века была разделена между Византией и Персией. Она немедленно ответила на это бедствие удесятеренным стремлением сохранить национальную самобытность, сберечь национальное культурное наследие. Проявлением этой пат-

риотической борьбы явились разработка армянского алфавита в 396 году монахом Месропом Маштоцем, восстание против попыток обратить армян в персидскую веру и денационализировать их (день знаменитой битвы на Аварайрском поле 451 года — Вардананк — был сразу объявлен армянской церковью основным национальным памятным днем) и, наконец, разрыв с христианской византийской церковью в 453 году.

Этот разрыв имел любопытные косвенные следствия для армянской живописи: программная оппозиция ко всему византийскому привела к почти полному отсутствию в Армении иконы, столь характерной для всех стран византийского культурного круга, и слабому развитию мозаики. Зато решительный перевес получила миниатюра.

Комбинация церковной независимости от Византии и вековой традиции сопротивления насилию оказалась очень важной для судьбы народа в последующие века. Армянская церковь стала с VI века родиной ряда ересей с резкой социальной окраской, перекидывающихся в Византию и дальше на запад, а в VII веке новый поворот истории заставил засверкать новым блеском мужество армянского народа и открыл новую, более чем тысячелетнюю полосу испытаний.

* * *

Продолжая осмотр картинной галереи, я остановился в одном из ее залов перед картиной Давида Окроянца «Последняя воля католикоса Саака». Это был эскиз его диплома, законченного в Академии художеств в классе Репина в 1909 году.

Снова передо мной была внутренность церкви. В темно-коричневом одеянии лежит на спине мертвый католикос. Но его окостеневшая правая рука, сжимающая свиток, не опущена бессильно вдоль тела, а протянута вверх властным жестом, словно пересилившим смерть. Позади него в торжественной тишине епископы в синих облачениях и темных клобуках читают заупокойную молитву. В светильнике горит огромная свеча и вокруг нее несколько маленьких. А перед телом стоят два человека в чалмах, в длинных ярких бурнусах. Один, длиннобородый, хочет наклониться к католикосу, другой, глядя на повелительно протянутую руку мертвеца, отшатывается в суеверном страхе. По осанке

и по одежде видно, что это люди знатные, люди другой веры. Это арабский эмир и его приближенный.

Снова старинная легенда — и новая горькая страница из летописи Армении. Прогрессивный художник (в 1905 году Окроянц выпускал один из первых в Петербурге революционных сатирических журналов на русском и армянском языках) выбрал для своего диплома сказание, повествующее о событиях VII века. Неся новую веру — ислам, под зеленым знаменем пророка Магомета в Армению вторглись новые захватчики — арабы. Своей светской власти армяне не имели. И вот, чтобы спасти страну, навстречу завоевателям отправился престарелый католикос. Но путешествие было ему не под силу и, не доехав до ставки эмира, он скончался. Последняя воля его была такова — вручить его предсмертное письмо с завещанием самому эмиру. Но тщетно пытались разжать его мертвую руку, сжимавшую завещание. Только когда приехал сам эмир, привлеченный рассказом о чуде, рука Саака разжалась, и тогда пораженный эмир смог выслушать завещание. Саак велел похоронить свое тело на самой границе армянских земель и призывал кары небесные на голову тех, кто осмелится перейти его могилу и попирать армянскую землю. Испуганные арабы остановились.

Что скрывается за этой легендой? Завоевательные походы мусульман начались в 30-х годах, и уже в 640 году, в том же году, когда халиф Омар взял Египет, арабы вломились в Армению. Но их ждала здесь иная встреча, чем на западе. Южные провинции Византийской империи, обманутые христианством в своих социальных чаяниях, с радостью встретили арабов как освободителей. Население Сирии и Египта стало массами принимать новую веру, и страны эти навсегда стали арабскими. Но Армения, ведшая под знаменем национальной церкви успешную борьбу на два фронта — против язычников персов и православной Византии, — не нуждалась ни в новой вере, ни в непрошенных освободителях извне.

Армения встретила арабское нашествие решительным сопротивлением, и оно было для арабов столь непривычным и твердым, что они на первых порах сочли за благо оставить Армению в покое. В 652 году был подписан договор, по которому Армения признавала верховенство халифата (она при этом лишь меняла одно чужеземное господство на

другое), зато халифат оставлял Армении ее веру и свободу решать внутренние дела.

Казалось бы, тягаться с багдадским халифатом, чьи владения к концу VII века простирались уже от Средней Азии до Атлантического океана, маленькой Армении было не под силу. И все же, хотя Армения на века оказалась островом в океане ислама, она не стала ни арабской, ни мусульманской. На попытку установить в VIII веке настоящее арабское иго страна ответила немедленным восстанием, и четыре волны грандиозных восстаний привели в 875 году к полному восстановлению независимости Армении. События этих веков легли в основу национального героического эпоса «Давид Сасунский», или «Богатыря из Сасуна». И так как Армения веками оставалась соседкой или добычей сильных мусульманских держав, борьба против обращения в ислам стала здесь, как в Черногории, на столетия однозначной с борьбой за сохранение независимости и нации. Поэтому героический эпос борьбы против арабов затмил постепенно традиции Ара Прекрасного, борьбы с Римом и даже Аварайрского поля, выступив в народном сознании на первое место.

Советская армянская живопись унаследовала внимание к истории от прогрессивных армянских художников прошлого. Продолжение повести об испытаниях и борьбе армянского народа можно найти и в картинах живописцев Советской Армении, — например у Эдуарда Исабекяна, чья картина «Юный Давид» занимала одно из заметных мест на выставке в Москве. Герой эпоса Давид Сасунский представлен художником в ту минуту, когда, смирив диких зверей — тигр и коза пасутся возле него, — он взобрался на гору Марут и нашел там развалины крепости Сасун и храма, построенных его предками и разрушенных потом арабами. Дикие хребты Сасунского края встают, как бастионы, вдалеке. Юноша Давид, нагой, в одной лишь звериной шкуре вокруг бедер, похожий на библейского Давида Микельанджело, глядит в долину, на виднеющееся внизу село, и дает мысленно обет не спускаться с горы, пока не восстановит храма и крепости.

...Положение Армении стало особенно тяжелым после взятия Константинополя турками (1453 год), когда Армения оказалась на века отрезанной от всех христианских стран, переживавших как раз в то время эпоху Возрождения. Безмерные тяготы, выпавшие на долю армянского на-

рода, приводили не раз в истории к добровольному изгнанию. Упорство их национального сопротивления нам уже известно. Но бывали не раз и такие времена, когда подавляющий перевес сил врагов делал открытое сопротивление невозможным, безнадежным. В самые мрачные годы немалая часть армян ищет спасения на чужбине — в Астрахани и Крыму, в христианских общинах Ливана и в Галиции, в Венеции и в Индии. Каждое новое нашествие, каждое новое притеснение вызывает новую волну эмиграции. Армянский народ становится постепенно народом, живущим в диаспоре — в рассеянии по всему свету. Куда их только не заносит судьба! Первая печатная армянская книга выходит в 1512 году в Амстердаме, и знаменитый Тадж Махал (в возведении его участвовали и армянские мастера), жемчужина индийского зодчества, возвышается над могилой армянки.

В далеких землях армянскую культуру стараются сохранить и развивать, но сама Армения (к XVII веку она оказывается поделенной между турецким султаном и иранским шахом) все более дичает, погружается во мрак. Искусство ее отуречивается или иранизируется.

Еще с XVII века армяне все чаще начинают обращать взоры к Москве, в XVIII веке вожди армянских восстаний не раз ищут поддержки России. Наконец в 20-х годах XIX столетия небольшая часть Армении была освобождена русскими войсками, и измученный народ оказался в условиях сравнительно сносных. Но что было в тот миг у древнего народа? Нищая земля, развалины старинных столиц, несколько маленьких городков, похожих на села, да старинная письменность, язык которой перестал быть понятным народу. Поэтому взоры лучших людей Армении обратились в те дни к русской культуре.

Одна из лучших картин, показанных на выставке армянского искусства в Москве в июне этого года, называется «Предтропье». Она принадлежит кисти советского живописца Оганеса Зардаряна. Такое наименование носил первый учебник, написанный создателем новоармянского языка и литературы Хачатуром Абовяном. Величественный массив Арарата, темный, синеющий на зеленоватом небе, возвышается далеко на юге. А спиною к нему стоят двое — школьный учитель с вдохновенным лицом и мальчик, ученик бедной сельской школы. Великий просветитель одет по-европейски, а парнишка — в домотканом

полосатом халатике, с пестрым хурджином через плечо, и на ногах у него какая-то самодельная обувь. Но с наивным и неподдельным восторгом вглядывается он в зачарованную даль, как бы угадывая за горами далекую северную страну, о сокровищах культуры которой только что говорил учитель.

...Путь возрождения был долог и тернист. Немало пришлось еще армянам претерпеть унижений от царских сатрапов... Эривань оставалась еще сто лет заштатным провинциальным городком, и очаг армянской культуры складывался до самой революции не там, а в Тифлисе. Еще неизмеримо тяжелее были судьбы армян, оставшихся под властью Турции. Кровавый султан Абдул-Хамид выдвинул свой план, как покончить с «армянским вопросом». План был «гениально» прост: вопрос исчезнет сам собой, если покончить с армянами. И резня беззащитных армян в Турции в 1895—1896 годах, потрясшая весь мир, была тем первым примером геноцида, на котором учился впоследствии Гитлер.

Откликом на эту резню, в которой погибли сотни тысяч армян, и были картины Суренянца, вступившего как раз в это время на самостоятельный творческий путь. Но резне этой суждено было быть не последней, а первой — три грандиозные резни за двадцать пять лет унесли около трех миллионов жизней турецких армян и привели к почти полному истреблению армян в Турции. В годы первой мировой войны, когда армян миллионами выселяли на верную гибель в безводные пустыни Аравии, около трехсот тысяч беженцев бросились из Турции в Россию. Суренянц сделал много зарисовок типов беженцев. Некоторые из них висят в картинной галерее. Смелые, открытые лица смотрят на нас с этих красочных этюдов — эрзерумские, ванские, сасунские крестьяне. Суренянц любовно фиксировал и типы и своеобразие местных костюмов. Он замышлял написать большую картину об армянских беженцах, но безвременная смерть его в Крыму в 1921 году оборвала осуществление этого замысла.

Испытания тех лет продолжают волновать и наследников Суренянца, советских художников.

...Освобождение Армении от персидского ига в XIX веке открыло путь из средневековья в новое время. Армянская живопись пробудилась от векового сна, от закоснения в преданиях рутины и влияниях мусульманской условности

и орнаментики. Решающий шаг, сделанный Акопом и Агафоном Овнатанянами, состоял в повороте от традиций иранской миниатюры (ранние портреты их плоскостные, на условном одноцветном фоне, преувеличенно грациозные, но уже очень живые по выражению) в русло русской и общеевропейской психологической портретной школы. В их работах, несомненно, чувствуется знакомство с портретистами круга Венецианова и Тропинина. Связи с русской художественной культурой позволили новой армянской живописи быстро шагнуть вперед.

В 60-х годах появляется уже одна из первых армянских жанровых картин — очень еще наивный «Пикник на берегу Куры» Степаноса Нерсесяна (он был другом Абовяна и с его помощью сумел получить образование в Петербурге, в Академии художеств). А с 80-х годов выступает уже целая плеяда армянских художников-реалистов, все яркие, оригинальные фигуры — пейзажист Геворк Башинджагян, бытописатель нравов старого Тифлиса Арутюн Шамшинян, прекрасный портретист Енок Назарян, чьи многокрасочные пастели по мастерству заставляют вспомнить знаменитого Лиотара, Амаяк Акопян, писавший хорошие натюрморты и первым проявивший интерес к галерее крестьянских типов Армении. Это, конечно, далеко не полный перечень имен.

Но кто подумает, что история новой армянской живописи отличается ясностью, сильно ошибается. Она отличается, напротив, чрезвычайной пестротой, потому что армянское искусство кристаллизуется постепенно, в условиях продолжающейся разбросанности народа по всему свету. Своеобразие истории армянского народа продолжает накладывать печать и на развитие его современной живописи.

Начать с того, что немало художников армян прочно вошло в национальные школы живописи других стран. Первый из армянских художников, достигших всемирной известности, маринист Иван Айвазовский принадлежит, несомненно, русской школе. Натюрмортист Закар Закарян, чьи пленительные полотна украшают не только картинную галерею Армении, но и многие музеи Запада, и невольно своей простотой и удивительной тонкостью фактуры приводят на память Шардена, родился в Константинополе, но жил и работал во Франции и столь же бесспорно принадлежит французской школе. Аршак Фетваджян, вполне очевидно, художник школы американской. Такие явления попадаются, конечно, и у других народов: Пикассо, например,

испанец, но принадлежит к французской школе. Однако у других это единичные исключения, а среди художников армян подобных фигур много.

Наиболее крупной фигурой такого плана является, пожалуй, не живописец, а армянский график Эдгар Шаин, мастер французской школы. Это сильнейший в мире офортист нашего времени, по феноменальному владению техникой офорта затмевавший самого Фелисьена Ропса, бельгийца, признанного метра этой техники, и, на мой взгляд, превосходящий англичанина Фрэнка Брэнгвина. Шаин — оригинальнейший мастер, неизменный реалист, близкий к школе Манэ и Тулуз-Лотрека, с чисто армянским упорством донесший эти традиции через полвека в неприкосновенности вплоть до наших дней, блестяще доказав, что даже в обстановке бесшабашного разгула формализма тот, кто твердо хотел, мог оставаться реалистом. Не только над «шедеврами» формалистов, но даже над работами группы так называемого «нового реализма» творчество Шаина возвышается среди нынешней французской школы, как Эйфелева башня.

Шаин (он умер в 1947 году) прислал в 1936 году на выставку в Ереван сто шестьдесят своих работ и затем оставил их в дар галерее. Это крупнейшее собрание Шаина в СССР и, говорят, одно из крупнейших в мире. Его офорты, удивительно разнообразные по манере — то резко силуэтные, то построенные на игре контрастной светотени, то блестяще передающие тончайшие переходы полутонов на какой-нибудь мягкой горжетке и лукавый огонек лучащихся глаз, — разнообразны и по тематике.

Здесь есть пейзажи Франции и Венеции, а главное — зарисовки типов и нравов, сценки французской жизни четырех десятилетий, от 900-х до 30-х годов, люди всех слоев французского общества. Утренний, просыпающийся Париж; бедняки, сучащие канат под мостом; канатная плясунья; старик в длинном сюртуке, с зонтом под мышкой; сплетничающие кумушки; ночевка бездомных; портовая девка в небрежно выпущенной блузке, руки в боки и с недобрым огоньком в глазах; красавица Лили, чувственная, задорная, смеющаяся, поглядывающая на нас сверху из-под своей шляпки, как бы уверенная в том, что шутя сведет и нас с ума, — все это как будто сошло со страниц Франса или встало из напевов Ива Монтана — такая печать неподдельности лежит на каждом лице.

Фетваджян прожил долгую жизнь в США, на склоне лет хотел переехать в Армению, но умер в 1947 году в Америке, не успев осуществить свое намерение. Однако все собрание картин Фетваджяна было, по его завещанию, получено галереей в Ереване. В Ереване намечена на эту осень большая выставка наследия Фетваджяна и готовится к изданию монография о Шаине, написанная хорошо знавшим его художником Рафаэлем Шишманяном, приехавшим на родину из Франции после второй мировой войны. Вообще художники-армяне присылают свои картины в Советский Ереван со всего света.

Другим следствием реального положения армянского народа к тому моменту, когда начался подъем современной национальной живописи, была феноменальная запутанность судеб многих художников и постоянное пополнение школы за счет приезда из-за рубежа.

Фанос Терлемезян, к примеру, родился в 60-х годах в Турции и, подобно многим юным сверстникам, принимал участие в национально-освободительном движении. Турецкая жандармерия сфабриковала из этого дело о покушении на самого султана, и Терлемезян, приговоренный к смертной казни, бежал сначала в Персию, затем в Россию. В Петербурге он начал учиться живописи, но в 1897 году учение нежданно-негаданно прервалось — его арестовала царская полиция по требованию Турции. Отношения между царем и султаном сердечностью не отличались, но все же «покушение на священную особу венценосца»... Короче говоря, по настоянию турок, «опасный государственный преступник» Терлемезян был выслан из России. Заканчивал художественное образование он уже в Париже, в академии Жюльена, скитался лет тридцать по всему свету, жил то в Италии, то в Америке, то в Тифлисе. Родину Терлемезян обрел только в 1928 году в Советской Армении.

Мне довелось встречаться с мнением, что коль скоро художники-армяне не были связаны территориальной общностью с коренным местом обитания своего народа, их нельзя рассматривать как представителей армянского искусства. Следуя такому взгляду, куда пришлось бы записать Терлемезяна? Очевидно, попеременно в русскую, американскую, итальянскую, французскую, чуть ли не турецкую школу живописи! Право называться армянским художником такие доктринеры, видимо, готовы были бы

признать за Терлемезяном лишь с момента репатриации. Но что поделаешь, жизнь сложнее всяких надуманных схем...

Художники-армяне формальным языком современной реалистической живописи — научной перспективой, объемностью, знанием анатомии, передачей материальности и фактуры предмета, словом, всем тем, что отличает ее от условной средневековой живописи, — начинают пользоваться лишь во второй половине XIX века. К этому моменту армянский народ оказался разбросанным по четырем континентам. В этих условиях художники-армяне, если не хотели цепляться за устаревшие традиции поздней миниатюры, естественно вырастали сначала как художники школы того народа, среди которого каждый из них жил. Оставались ли они в этой школе или вступали на путь создания собственной национальной школы — решалось лишь в дальнейшем, и решалось в каждом отдельном случае по-иному.

За исключением художников, выросших уже с детства в Советской Армении, понятия «художник-армянин» и «армянский художник» не были — и не являются и по сей день — естественно совпадающими. Художником армянской школы не рождались, а становились по собственному сознательному выбору, примерно так же, как русские художники становились по сознательному выбору передвижниками, академистами или мирискусниками. Этот выбор был для художников-армян программным творческим вопросом. А вследствие исключительного разнообразия условий, при которых он делался, в ряде случаев решить, принадлежит ли художник армянской школе, насколько он в нее входит и с какого времени, не так просто.

Но вполне ясно одно: в том прихотливом узоре, который образует творческая деятельность разбросанных по свету художников-армян, с 70-х годов прошлого века явственно определяется одна главная струя — стремление использовать опыт мировой живописи для создания собственной национальной школы. Главная роль здесь принадлежит, вне сомнения, художникам, работавшим в России. Росло стремление скрепить создаваемую национальную школу и организационно. И не случайно в 1916 году в Тифлисе, все еще остававшемся главным армянским культурным очагом, группа художников, куда входили Суренянц, Терлемезян, Егише Татевосян, Мартирос Сарьян и

другие, основала «Союз художников армян». Одним из первых почетных членов этого союза был избран Поленов, как бы в знак признания тесных уз с русской школой.

В условиях империалистической войны и начавшейся вскоре гражданской войны и интервенции «Союз художников армян» не смог, естественно, развернуть большую деятельность. Но создание этой прогрессивной организации, одушевленной благородной целью упрочения национального искусства и объединявшей многих убежденных реалистов, было крупной вехой в истории искусства Армении. Недаром многие деятели «Союза художников-армян» приняли потом активнейшее участие в культурном строительстве молодой Армянской республики и носили впоследствии почетные звания Народного художника или Заслуженного деятеля искусств Армении.

В советский период со всех концов страны, более того, — со всего света, армянские художники устремились в Ереван. В 20-х годах сюда переехали Терлемезян и Сарьян, Акоп Коджоян и Седрак Аракелян, Степан Агаджанян и Габриел Гюрджян и многие, многие другие. Некоторые, как Башинджагян или Татевосян, остались жить в Тбилиси, но часто наезжали в Ереван. Очаг художественной культуры создавался в Советской Армении всерьез и прочно. Первое поколение советских живописцев Армении можно по праву назвать собирателями армянской живописи.

Но это собирание — не закрытая страница истории тридцатилетней давности. Оно продолжается и сегодня. Полистаем каталог прошедшей в июне московской выставки, и мы, следя за пометками об образовании художников, найдем в нем любопытные вещи: Барух Вартанян окончил Академию художеств в Бухаресте, Арутюн Галенц учился в художественной студии в Бейруте, Петрос Контураджян и упоминавшийся уже Шишманян — в Париже, Армине Паронян — в Бейруте. Это все репатрианты последнего десятилетия. Можно уверенно сказать, что ни одна национальная школа в Советском Союзе не отличается такой перманентной пестротой, как армянская.

Естественно, что картины недавних репатриантов заметно отличаются по манере от полотен художников, долгие годы работавших в атмосфере национальной реалистической живописи. Нетрудно заметить геометризацию в духе Сезанна у Галенца или неприятный общий тускло-фио-

летовый колорит у Вартаняна. Мелкоп Кебабчян из Парижа привез даже с собой целую коллекцию раскрашенных горельефов из дерева, которые тамошними «мэтрами» зачислялись в разряд живописи, и, умирая, подарил их галерее, искренне считая это искусством. Учиться заново многим таким людям стоит большого труда.

Но прямо-таки разноперой была армянская школа и в давние годы, ибо каждый включившийся в ее русло приносил веяния разных школ. У Татевосяна, например, рядом с отличными красочными этюдами встречаешь символистские картины самого дурного вкуса, а рядом — опять прекрасные, простые портреты и пейзажи. Разные манеры уживались нередко даже в творчестве одного и того же художника, нащупывавшего свои пути.

Как ни головоломен путь сложения и развития армянской школы, как ни исключительны многие ее черты — это, несомненно, национальная школа, как всякая другая. Она говорит о родном народе, о его земле, его истории, его отношении к жизни. И так как ни один народ не похож в точности на другой и ни одна страна не является копией иной, обращение к жизни порождает, естественно, и национальное своеобразие искусства.

Мы познакомились уже с армянской исторической живописью. Но армянская школа начала складываться не с обращения к истории, а с пейзажа родины. Уже в 80-е годы появляются мотивы, которые останутся в национальной пейзажной школе традиционными вплоть до наших дней — и в первую голову Арарат, Арагац и Севан.

Первый, кто начинает широко писать природу Армении, — это Башинджагян. Передвижник, противник этюдизма и формализма, он высоко ценил пейзаж-картину...

...Свежие, живые, трепетные и ярко контрастные краски Терлемезяна и Татевосяна обогащают в дальнейшем палитру армянского пейзажа, хотя проявлявшаяся порой склонность к этюдизму не является плюсом этих мастеров. Непосредственное продолжение эти традиции находят в советское время.

Выбор мотивов Арарата, Арагаца и Севана не случаен.

Арарат — эта грандиозная пятикилометровая гора, снеговой громадой высящаяся над низиной, где лежит Ереван, не закрываемая никакой другой горой от подножия

до самой вершины. Арарат, чьи заоблачные снега не тают в самое жаркое лето, способен глубоко поразить воображение. Когда люди, писавшие Библию в знойных долинах юга, переделывая вавилонское сказание о всемирном потопе, искали, куда причалил ковчег легендарного Ноя, они остановились на исполинской вершине Арарата — на тогдашнем дальнем севере, на краю света, на вершине, выше которой, казалось им, ничего быть не может. И сейчас несказанно величественная гора, глядящая на Советскую страну с крайнего юга, из-за турецкой границы, потрясает всякого, кто видит ее в первый раз. Вершина ее кажется порой принадлежащей другой планете — так велика бывает разница освещения ее и долины. Пейзаж Армении действительно трудно себе представить без Арарата.

Арагац — четырехрогая шапка потухшего вулкана, глядящая на Арарат с севера через всю Араратскую долину, — лишен царственного величия Арарата, но он дает долине воду — драгоценнейший дар в Армении, которая вся покрыта вулканической лавой, вся поднята на плечи хребтов и нагорий и кажется каменистой, сказочной и бесплодной.

И, наконец, Севан — замечательное высокогорное озеро Армении в кольце горных хребтов. На московской выставке было особенно много видов Севана, и радовало глаз то разнообразие мотивов, которое умеют находить в изображении любимого озера пейзажисты Советского Айастана.

В Армении немало и других красот природы, и на холстах ее пейзажистов, старых и новых, можно увидеть и дикие хребты Зангезура, и изумительные сахарные головы лиловых пирамид туфа вокруг города Гориса, и виды нагорья северной Армении, и множество других мест. Но вполне закономерно, что именно эти три мотива — Арарат, Севан и Арагац, — как бы воплощающие Армению, надолго определили лицо ее пейзажной школы.

Итак, становление национальной школы началось всерьез с создания национального пейзажа. Не прекращающийся с тех пор расцвет пейзажа можно считать одним из главных завоеваний армянской живописи. А вслед за пейзажем появились картины бытовые и, как мы уже знаем, исторические. История Армении впервые ожила в картинах ее художников.

Центральной фигурой дореволюционного армянского искусства является, вне сомнения, Суренянц. По странному недоразумению художник этот остался недооцененным до сих пор. О нем высказывались устно и печатно самые странные суждения: то его пытались извинить за мнимую недостаточность драматичности его картин, то обвиняли в том, будто он заботится лишь о воспроизведении архитектурных орнаментов и «растворяет в декоративно-графическом приеме идейное содержание картины», то взводили еще какую-нибудь напраслину. А на самом деле Суренянц — прекрасный психолог, мастер картины и драматической и лирической, умный портретист, хороший пейзажист, прирожденный мастер исторической живописи и вообще бесспорный реалист, лишь едва затронутый декадентскими веяниями.

Если еще добавить, что он прекрасно владел, кроме армянского и русского, пятью европейскими и восточными языками, был первым иллюстратором армянских сказок (а кстати, и блестящим иллюстратором пушкинского «Бахчисарайского фонтана» и сказок Уайльда), писал стихи, перевел на армянский Шекспира и, наконец, участвовал вместе с Симовым в постановке чеховской «Чайки» во МХАТе и оформлял спектакли в других крупных театрах, так что был и первым армянским театральным художником, — можно представить себе, что это была за фигура.

Нашлись даже умники, усмотревшие в творчестве Суренянца «национализм» и «клерикализм» (с тем же успехом можно обвинить в клерикализме роман «Вардананк» советского писателя Демирчяна). Стоит отметить, что Суренянц, создавая национальную историческую живопись, отнюдь не замыкался в рамки национальной сюжетики, свидетельством чему служит хотя бы его прекрасная драматическая картина, выставленная в картинной галерее в Ереване, — «Фердоуси читает свою поэму Шах-Намэ шаху Мухаммеду Газневийскому».

Есть, конечно, и у Суренянца картины слабые (у кого их не бывало!), но если окинуть взглядом его творчество в целом, то видишь, что недаром его первые выступления на передвижных выставках горячо приветствовали Репин и Стасов. Суренянц — художник первой статьи, фигура, которая сделала бы честь любой национальной школе. Можно смело предсказать, что слава его будет расти с годами и что обращение к его многостороннему наследию послу-

жит еще не раз стимулом роста, современным и будущим армянским живописцам. Смерть Суренянца была величайшей утратой для искусства Армении, и я не сомневаюсь, что, проживи он дольше, он оказал бы сильнейшее влияние на развитие армянской живописи в советский период.

Мы уже познакомились с целым рядом явлений, свидетельствовавших, сколь большой вклад сделан в развитие армянской живописи в советское время...

Советский период в истории армянской живописи чрезвычайно плодотворен. Насколько интенсивен был творческий рост, можно судить хотя бы по тому, что ее достижения трижды выносились на большой всесоюзный смотр: выставки армянского изобразительного искусства в Москве устраивались в 1939, 1944 и, наконец, в июне нынешнего года. Последняя выставка — творческий отчет армянских художников за двенадцать лет, продемонстрировала зрелость современной армянской художественной школы и наглядно показала, что школа эта является сегодня одной из самых блестящих в стране.

Вряд ли есть смысл разбирать хронологически все перипетии развития армянской советской живописи. Можно не колеблясь сказать, что наибольшего расцвета она достигла теперь, в послевоенный период. Конечно, развитие ее нельзя представлять себе как равномерное и беспрепятственное восхождение, как некое триумфальное шествие. Не все новое, что создавалось в живописи на армянской земле в 20-е и 30-е годы, являлось действительным ее обогащением — это особенно ясно в некотором историческом отдалении. Было и здесь свое крикливое лженоваторство, громогласно провозглашавшее, например, что оно открыло, как главный и чуть ли не отличительный признак советской живописи, трудовую тему (известную на самом деле еще во фресках Древнего Египта!). Были и здесь, как в других местах, претензии на то, чтобы превзойти передвижников, взяв на деле едва десятую долю их наследия. Были и иные благоглупости.

Но были с первых же дней и очень серьезные достижения. Одной из характерных черт советской армянской школы следует считать расцвет натюрморта. Советский армянский натюрморт очень не похож на дореволюционный.

...Армянские живописцы пишут натюрморты обычно красками сухими и горячими, приглушенными и вместе с тем очень насыщенными. Изобилие и прямо-таки буйство плодоносных сил природы они передают с силой, заставляющей вспомнить о натюрморте фламандцев (хотя их своеобразная манера ничуть не похожа на сочный и текучий мазок Рубенса или Снейдерса). Высокая культура натюрморта и большой вкус чувствуется и в работах иных манер...

Какова бы ни была манера, всегда чувствуется программность натюрморта, то самое качество, которое придало такую силу классическим натюрмортным школам Фландрии и Голландии. Артистизм в Армении, как и там, развился как производное от желания воспеть определенный уклад жизни и связанные с ним жизненные ценности. Не случайно и тут и там имеется резко очерченный круг излюбленных предметов для натюрморта, весьма далекий от равнодушной академической «постановки». Сияние и заманчивость плодов земли — преобладающий мотив армянского натюрморта — без сомнения, связаны с большими чувствами. Армянский советский натюрморт весь проникнут чувством счастья жизни на обретенной родине, и это сильнейшая школа натюрморта во всей Советской стране.

Нынешний армянский натюрморт восходит, конечно же, к Сарьяну, создавшему первые прекрасные образцы его.

Сарьян — одна из крупнейших фигур в советской армянской живописи, и воздействие его испытали многие художники Армении. На всем протяжении своего творческого пути Сарьян оставался верен трем жанрам — пейзажу, портрету и натюрморту. Им созданы сотни и тысячи произведений, и одна недавняя выставка в Москве к его семидесятилетию вполне заслуживает обстоятельной отдельной статьи. Говорить о Сарьяне подробно здесь совершенно невозможно, а, впрочем, может быть, и не нужно, просто потому, что Сарьян широко известен нашему зрителю...

Главной заслугой Сарьяна, наряду с созданием нового армянского натюрморта, является открытие своеобразного колорита природы Армянского нагорья. Кто не видел Армению летом, не ездил по ее плато, покрытым застывшей лавой, где земля бывает не бурой и не песчаной, а ро-

зовой, желтой, лиловой, тому трудно судить о правдивости колорита Сарьяна. Но все странствовавшие по горам Айастана отмечают этот суровый, библейский характер его природы, где горы и плато бывают не только безлесны, но вообще почти лишены растительности, где краски и контрасты так резки, где круглящиеся очертания гор сочетаются с большими плоскостями освещенных и затененных склонов. Манера Сарьяна не оставалась неизменной, да и ученики его узнаются вовсе не по тому, что непременно избегают полутонов. Эти условности были моментом преходящим, но повышенная интенсивность тона, смелое обобщение форм пейзажа внесены в армянскую живопись именно Сарьяном.

Творчество Сарьяна жизнерадостно, в нем есть и декоративность и монументальность. Оно завоевало большую популярность и в Армении, и во всей стране, и далеко за ее рубежами...

Когда встречаешь школу, где молодая поросль худосочна, всегда тревожишься. Когда сталкиваешься со школой, где молодежь смела, инициативна, где ее много, всегда радуешься. Армения в этом отношении не может считать себя обделенной судьбой — усилия зачинателей национального очага ее живописи дали обильные плоды.

В живописи Советского Айастана работают сейчас представители четырех поколений. Наряду со старшим поколением выступают художники, учившиеся уже в советское время и вышедшие на арену еще в предвоенный период...

Рассказать об исканиях всех — дело просто безнадежное: в Союзе художников Армении одних живописцев сейчас более ста...

Армянским живописцам хочется пожелать и дальше руководствоваться девизом Дантона: «Смелость, смелость и еще раз смелость!». Именно смелости обязаны они лучшими своими успехами на московской выставке, так пусть же их смелость и дальше города берет!

Я не могу кончить статью, не коснувшись еще одного вопроса, кажущегося мне вопросом первостепенной важности. С момента рассеяния армян по свету стало складываться сознание того, что понятие «армянский народ» шире понятия «Армения» (недаром реальное положение народа нашло отражение в титулатуре главы церкви, который с давних времен именуется католикосом не Армении,

а «всех армян»). В условиях, когда Родина и государственность, наконец, обретены, Советская Армения является притягательным маяком для зарубежных армян, и ее культура, оказывая на них могучее влияние, имеет важное международное значение.

Картинная галерея Армении в Ереване, не раз упоминавшаяся на этих страницах, является поэтому музеем совершенно исключительного значения — она поистине музей «всех армян». Музеи армянских древностей существуют в монастырях Иерусалима и Венеции, есть по свету несколько частных музеев предметов армянского быта, но музей армянского искусства в Ереване — один на весь мир. И, как мы уже знаем, центром национальной живописи его считают повсюду.

Картинная галерея занимает сейчас двадцать один зал (из них три приходятся на русский и пять на западный отдел). Много картин передано туда из государственного музейного фонда, из России, но немало холстов принесено в дар армянами со всей страны, — в числе их одна из жемчужин портретной живописи Серова, чудесный портрет М. Акимовой, подаренный ее семьей. И дары эти поступают в большом количестве из-за рубежа.

Среди даров заграничных армян есть и картины, подаренные членом-корреспондентом Академии наук Румынской Народной Республики Григором Замбахчяном (полотна барбизонцев, Бенара, Монтичелли, Анкетена и др.), «Поклонение волхвов» Якопо Бассано, принесенное в дар Бухарестской церковной общиной, есть картина «Штиль» Айвазовского, присланная из Бельгии господином Хорасанджяном. Не говорю уже о том, сколько художников дарили свои вещи музею десятками, приезжая, или завещали их музею, умирая на чужбине, как Фетваджян.

Двадцать один зал — это много для периферийного музея, но это очень мало для единственного в мире музея армянского искусства. Отдельный зал необходим не только для Суренянца или Татевосяна, как сейчас, но и для Шаина, Сарьяна, Фетваджяна, Терлемезяна, Коджояна и Гюрджяна, и каждого крупного художника, внесшего свой вклад в армянскую живопись. Да ведь и молодежь растет, а где же собирать ее лучшие работы? Сейчас, в период ослабления международной напряженности и оживления культурных связей, музей имеет вполне реальную перспективу стать местом паломничества для армянских худож-

ников и туристов со всего мира. Надо построить для галереи новое, красивое здание, площадью в два-три раза больше, чтобы оно не стало тесным через десять лет. Столица Советской Армении заслуживает именно такой картинной галереи.

...Живопись Советской Армении переживает период, знаменательный в ее многотысячелетней истории. В ней создано очень много свежего, оригинального, радующего глаз и сердце. В ней есть десятки имен, уже вошедших в летопись советского искусства, и десятки многообещающих талантов, отмеченных своей неповторимой индивидуальностью. Она стоит накануне новых побед. В ее будущее веришь, и от души хочется пожелать ей новых и новых успехов на широком творческом пути.

Г. БАШИНДЖАГЯН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Армянская нация тесно связана с Россией... В этой обширной стране существующие художественные общества с любовью принимают каждого художника, независимо от происхождения и национальной принадлежности. Требуется лишь художественная подготовка. «Петербургское общество художников», действительным членом которого я имею честь состоять, имеет в своем составе также художников других национальностей. Этим принципом руководствуются и другие художественные общества. Представители разных национальностей, объединившись в одном и том же обществе, выставляют свои произведения сообразно своей индивидуальности. И если эти произведения обладают художественными достоинствами, то это делает честь родине автора.

«Мшак», 1916, № 70.

«Кавказское общество поощрения изящных искусств», находящееся под покровительством Петербургской академии художеств и имея интернациональный характер, существует уже почти полвека и за время своей деятельности оказало огромные услуги нашему краю.

В системе «Кавказского Общества поощрения изящных искусств» получило свою первоначальную подготовку несколько десятков художников, в дальнейшем усовершенствовавшихся в высших учебных заведениях.

Это Общество при посредстве своей рисовальной школы и путем организации периодических выставок распространяло искусство в народе. Это Общество объединило вокруг себя художников всех национальностей, с любовью и самоотверженностью работающих над сохранением архитектурных памятников края.

... Покойный Гримм, профессор архитектуры Петербургской академии художеств, совершил путешествие по всей Армении, изучил древнюю армянскую архитектуру, собрал все, что было возможно, и составил обширную коллекцию экспонатов, украшающую один из залов Академии художеств. Благодаря трудам Гримма в течение уже более полувека целые поколения изучают армянскую архитектуру. При этом Гримм выполнил эту работу в тех трудных условиях, когда ни удобных дорог в Армении не было, ни фотографическое дело еще не получило развития...

«Мшак», 1917, № 134.

...Вспомним некоторые значительные события художественной жизни на Кавказе за последние несколько десятков лет: первое — персональная выставка картин Айвазовского в Тифлисе, а затем, в начале века, в Баку. Второе — общая выставка картин в залах Тифлисского дворца, где были выставлены произведения таких выдающихся художников, как Айвазовский, Рубо, Премацци, Судковский, Байков, и где также участвовали и другие художники. Третье — выставка картин московских художников в Тифлисе, устроенная лет семь назад, на которой участвовали

Васнецов, Жуковский, Нестеров, Коровин, Пастернак, Кузнецов, Клодт, Костанди, Дудин и другие известные художники.

«Мшак», 1917, № 118.

...Начнем с знаменитого художника Репина. Величие этого живописца я усматриваю в его «Бурлаках», «Запорожцах», «Иоанне Грозном» ...точно так же, как гениальность Пушкина представляется мне в его стихотворениях и «Евгении Онегине»... Творческий дар художника проявляется не в его этюдах, написанных добросовестно с натуры, проще говоря, не в точных портретах с природы, а в картинах, в которых художник взялся разрешить известную задачу.

«Бурлаки», «Запорожцы» и «Иоанн Грозный» Репина — дивные полотна, отражающие в себе ум, характер, чувства и взгляд на предмет автора. Это не «рабское подражание природе», а действительность, «переходящая из мира объективных норм в мир субъективных законов». Все это совершено в пределах законов действительности. Упомянутые картины, подобно открытой книге, понятны для каждого интеллигентного человека. Любая фигура, физиономия действующего лица — настоящий тип, в котором можно прочесть всю его биографию... Художник тот, кто своими произведениями заставляет зрителя пережить все то, что он сам пережил при воспроизведении ее. Приблизительно так определяет цель искусства Лев Толстой, и я с ним совершенно согласен...

Г. З. Башинджагян, Соч. (на арм. яз.), Ереван, 1957, стр. 224—225.

Чтобы знать, как мастера (здесь речь идет о писателях. — *А. А.*) изображают природу, надо прочитать, как Лев Толстой описал зимнюю ночь в повести «Хозяин и работник», или рассказ Тургенева «Лес и степь»...

«Мшак», 1917, № 133.

...Третьяков оказал такую гигантскую услугу русской живописи, что имя его будет жить, пока жив русский народ.

Он принадлежал к купеческому классу, однако обожал живопись и от природы был наделен изысканным вкусом и тонким пониманием искусства.

Около тридцати лет подряд он, так сказать, выслеживал, — где, в каком городе должна открыться выставка картин, чтобы самому явиться ее первым посетителем и приобрести все первоклассные работы. Бывали случаи, когда он, вследствие тех или иных обстоятельств, не поспевал, и желаемая им картина оказывалась уже проданной. В таких случаях он прибегал ко всевозможным средствам, чтобы понравившаяся картина досталась ему, предлагал за нее двойную и тройную цену. Если же и это не удавалось, то он обращался к автору с просьбой повторить работу. Вспоминаю случай, когда он уплатил 700 р. за картину, за которую молодой художник сам назначил всего 300 рублей.

Третьяков никогда не руководствовался указаниями критиков, которые часто не умеют либо не желают отличать хорошее от плохого. Напротив, он очень часто выбирал такие картины, имена авторов которых в тот момент совершенно не были известны, но позже, благодаря их таланту, слава о них разносилась.

Третьяков постоянно посещал мастерские художников, отыскивал в них шедевры, часто договаривался о покупке работ, еще не законченных, но им по достоинству оцененных. Зачастую он побуждал художника непременно закончить начатую работу, обязуясь уплатить за нее вдвойне.

Этот покровитель искусства в большой мере способствовал развитию живописи в России. Третьяков приобрел самые значительные произведения русских художников: Перова, Сурикова, Верещагина, Крамского, Поленова, Репина, Константина и Владимира Маковских, Семирадского, Айвазовского, Судковского, Клодта, Левитана, Дубовского, Васнецова, Куинджи, Шишкина и др., и на эту цель он затратил свыше двух миллионов рублей.

Воодушевляемые Третьяковым, художники приступали к созданию больших и серьезных произведений, будучи уверены, что их работы будут оценены по достоинству, а труд будет полностью вознагражден.

В Третьяковской галерее находятся такие гигантские произведения, как «Никита Пустосвят» Перова и «Мар-

фа» Сурикова — плоды работы целого ряда лет. Там же находится серия туркестанских работ Верещагина, а также его картины из русско-турецкой войны.

Вот так поощрял этот меценат, при жизни своей, русских художников. При нем русская живопись получила развитие, расцвела и заблистала.

В России были и другие любители искусства и собиратели картин: покойный Кушелев-Безбородко, Солдатенков, Цветков и др., сильно содействовавшие развитию искусства своей родины, но деятельность Третьякова несравненно более широкая...

«Мшак», 1913, № 30.

Э. ТАТЕВОСЯНЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ[1]

(Тифлис) 29 мая 1932 г.

Впервый раз увидел я Василия Дмитриевича в 1886 г. в стенах училища, при выходе из канцелярии. Он мне показался высоким, хотя на самом деле он был чуть выше среднего роста, с крупной головой, широким лбом, с вертикальной морщиной на переносье, с густыми, приподнятыми к концам бровями, что придавало лицу серьезность и строгость, с чуть рыжеватой бородой, коротко и кругло подстриженной книзу, с маленькими кистями рук. Шел он быстро, держался прямо. В общем, коренастая, мужественная и энергичная фигура. Запечатлелся у меня в памяти и карандаш в серебряной оправе, висевший на цепочке от часов. Его внушительная фигура, его мягкое обращение, его низкий голос —

[1] Е. В. Сахарова, В. Д. Поленов, изд. «Искусство», М. — Л., 1950, стр. 451.

бас — все в нем было необыкновенно благородно и внушало невольное преклонение. Я чувствовал около него себя ничтожным.

И все, кому приходилось встречаться и беседовать с В[асилием] Д[митриевичем], говорили то же самое (как бесконечно приятно с ним быть, говорить и слушать). Действительно, он был обаятелен, и подобных людей я не встречал...

Третьяковский праздник — это был первый съезд художников, для которого была поставлена феерия «Призраки Эллады» с музыкой Кроткова и текстом С. И. Мамонтова и В. Д. Поленова. Поленовым была написана очаровательная декорация Греции — на фоне синего моря Венера Милосская и храм. По его же рисункам были выполнены костюмы к феерии. Декорация была замечательна, но, к сожалению, после представления она исчезла бесследно — ее украли. Публика долго с восторгом вспоминала эту декорацию, ибо ничего подобного никогда не видела: казалось, точно морской свежий воздух доносится с моря.

К этому празднику от Общества любителей художеств привлечено было к работам много художников. В фойе Благородного собрания[1] были выставлены все декоративные панно Коровина, Досекина, Суренянца — к опере Аренского «Рафаэль»; Пастернака, Савицкого и Касаткина — к другим пьесам.

Меня же В. Д. Поленов пригласил помочь ему писать Грецию. Я не решался принять это приглашение, так как никогда не писал декорации, благодарил и не мог понять, как я смогу помочь, но В[асилий] Д[митриевич] меня ободрял, говоря: «Это очень приятно, и Вы сможете». После праздника, через несколько дней, совершенно для меня неожиданно, В[асилий] Д[митриевич] вызвал меня и вручил мне половину платы за работу. Я отказался принять, говоря, что я же не помогал, а больше портил, но он улыбнулся и сказал: «Иногда и за порчу платят деньги».

Поленов воспитал немало художников: Коровин, Левитан, Головин, Малютин и др[угие] — все его ученики; они также были проникнуты глубоким уважением и любовью к учителю. Некоторые ученики даже записывали буквально все его объяснения. Так, например, художник Домбров-

[1] Благородное собрание — после революции Дом Союзов.

ский (из Киева) записывал все его фразы во время корректуры. Было бы очень ценно издать эти записки для начинающих художников — они послужили бы как бы руководством к обучению живописи. К сожалению, Домбровского я потерял из виду.

Метод свой Поленов называл методом П. П. Чистякова, так как он со своим тов[арищем] Репиным учился у Чистякова. Василий Дмитриевич часто вспоминал Павла Петровича как замечательного педагога и остроумного человека. С большим воодушевлением рассказывал о нем. Достаточно сказать, что Репин не нашел никого лучшим учителем и руководителем для Серова, кроме Чистякова. Надо сказать, когда произошла реформа Академии художеств в 1893 году, когда разогнали всех профессоров, из старых оставили при Академии только одного Чистякова и поручили ему мозаичный класс.

Василий Дмитриевич знакомил учеников детально с самого начала с красками и их изменениями: от соединений, грунта и воздуха. Для этого он устроил три таблицы красок: Мевеса, Лефранка и Шмидта [1]. Намазывал одну и ту же краску на всех трех таблицах, на каждой отдельно: в чистом виде и смешанной с цинковыми и кремницкими белилами, надписывая названия красок и фабрик; одну таблицу вешал в комнате, другую — выставлял на солнце, а третью держал в темноте. Выдержав год, он вывесил их в классе, — и ясно было видно, что таблица от солнца изменилась много сильнее двух других. Кроме того, краска в смеси с цинковыми белилами оказалась более устойчивой и менее изменилась, чем та же краска с кремницкими белилами. Показав это наглядно, он приучил нас осторожно обращаться с красками. Василий Дмитриевич на все наши вопросы давал наглядные, исчерпывающие ответы.

По моему мнению, наивысшая ценность в художнике — это его колорит, этим качеством и обладал Поленов. От его палестинских этюдов я не мог оторваться. Поленов — поэт красок. Многие художники технику его работ приравнивали к мастерству западных художников, по легкости и свежести напоминающую акварели. Это правильно. Отсюда его любовь к декорациям. Он был прирожденным демократом. В свое время он первый раскритиковал рутинные декорации Большого театра Вальца и выставил принцип,

[1] «Мевес», «Лефранк» и «Шмидт» — лучшие заграничные фабрики красок в 90-х и 900-х годах.

сводящий декорации к единой картине, без нагромождений кулис. Он первый показал живописно-художественное письмо без выписки излишних мелочей, как это практиковалось до него. Ему отчасти мы обязаны за происшедшую реформу в казенных театрах. Теляковский обратился к Поленову с просьбой помочь ему в этом деле, но Поленов сам писать отказался и рекомендовал своих учеников Головина и Коровина. Поленов владел перспективой в совершенстве, решал самые замысловатые задачи необыкновенно быстро, простейшими приемами, выработанными им самим. Вас[илий] Дмитр[иевич] говорил мне, что он выработал перспективное руководство из шестнадцати правил, усвоив которые можно решать все задачи.

Редким качеством обладал В[асилий] Д[митриевич] — уменьем воодушевлять других, в особенности молодых художников; он возбуждал охоту к работе, заражал всех своим вдохновением, все при нем принимались с жаром работать...

Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества было основано на средства московских меценатов и находилось в ведении министерства двора. Помещалось оно на Мясницкой ул[ице], против почтамта, в бывшем старом доме масонских лож (говорили, что под домом существуют потайные подземные ходы). Это здание существует и ныне; угол дома с красивым фронтоном и колоннадой смотрит на северо-восток — на две улицы.

Названное училище имело огромное культурное значение не только для Москвы, но и для всей России, так как это среднее учебное заведение по своему принципу, в противовес Академии художеств в Петербурге, было демократическое: поступали туда сыновья крестьян от сохи, сыновья ремесленников, преимущественно бедняков. Часто поступали взрослые, неграмотные, и это допускалось, если они оказывались способными к искусству. Дабы дать возможность этой демократической публике получить соответствующее научное образование, попечительный совет учредил параллельно пять научных классов, где проходили русский язык, арифметику, геометрию, всеобщую историю, русскую историю и т. д., помимо специальных, относящихся к искусству, предметов — анатомии, перспективы и т. д. Все ученики, не имеющие аттестатов зрелости, таким образом имели возможность получить общее образо-

вание. Лично я тоже воспользовался этим благом, окончив научные классы. Мне было пятнадцать лет, а со мной сидели взрослые бородачи в первом классе. Это единственное учебное заведение, где разрешалось работать женщинам совместно с мужчинами (только по искусству) в качестве вольных посетителей. Профессорский персонал приглашался из лучших русских художников... Они с радостью шли в училище, отнюдь не из-за материальных благ, ибо училище, за отсутствием средств, не могло соответствующим образом вознаградить их, а просто из желания внести свою лепту в это большое и симпатичное дело — помочь даровитым беднякам.

Заказ С. И. Мамонтова для Нижегородской всероссийской выставки Врубелю, панно «Принцесса Греза», был забракован Академией художеств, но Мамонтов, тонко понимавший искусство, счел это несправедливым, так как автор работал всего неделю и не успел закончить громадное панно. Мамонтов взял его себе на дом и поручил Вас[илию] Д[митриевичу] закончить панно по эскизам Врубеля. Вас[илий] Дм[итриевич] нашел работу весьма талантливой, пригласил К. Коровина и, поработав вместе на полу, закончил громадное панно, за что Мамонтов заплатил тысячу рублей, но Вас[илий] Дм[итриевич] всю сумму отдал Коровину. Панно было выставлено на выставке отдельно; все заинтересовались работой, забракованной Академией, ходили смотреть, кажется, за особую плату. Вас[илий] Дм[итриевич] пригласил меня и Головина посмотреть панно во время работы, и на вопрос сестры В[асилия] Д[митриевича], Елены Дмитриевны, о моем мнении я ответил: «Талантливое безобразие». Сказав это, я все же был подавлен этой работой; мне страшно хотелось посмотреть ее второй раз — тут уже я понял все величие произведения...

Вас[илий] Дм[итриевич] быстро, с колоссальной энергией писал этюды, чем заражал и меня. Первый раз он ездил в Палестину с Абамелек-Лазаревым и Праховым; целью второй поездки было желание запечатлеть путь Христа в пейзажах для серии картин из жизни Христа. Для этого он терпел жару и неудобства и, нужно сказать, переносил их великолепно, тогда как я не перенес жары, с полдороги вернулся к морю, в Бейрут. Везде, где мы бывали, он рассказывал всю историю местности со всеми достопримечательностями...

В путешествии Вас[илий] Д[митриевич] был молчалив, так как был погружен в свои мысли и планы — поэтому, вероятно, и не был разговорчив. Восторженность его проявилась у стен иерусалимских, и с трогательным сочувствием он говорил, что гонимые евреи все же находят утешение в стенаниях и молитвах у стены Иродовой (небольшой кусок, который им предоставлен)...

ПОЛЕНОВУ В. Д.

(Тифлис) 10 июня 1924 г.

Дорогой учитель! Дорогой Василий Дмитриевич! Поздравляю Вас с восьмидесятилетним юбилеем Вашим!.. Знаю заранее, что ни телеграммой, ни этим жалким письмом не сумею выразить то, что мне бы хотелось, и все же пишу, надеясь на Вашу снисходительность и чуткость...

Я счастлив за Вас, желаю Вам, главное, здоровья, здоровья и здоровья в награду за все Ваши страдания. Мне хочется: в Ваш великий праздник сбылись бы все те «хорошие» мечты Ваши. Я рад, что наконец общество проснулось и вспомнило Вас. Мы же, многочисленные и неблагодарные ученики Ваши, рассеянные повсюду, виновны в этом, что не смогли Вас чествовать ни разу до сих пор. Итак, желаю здравия на радость всем нам, искренне любящим Вас... Я, один из младших учеников Ваших, ревностью евангелиста Иоанна к Христу, чувствами любви и преклонения к Вам преисполнен, так как я обязан Вам не только наставлениями Вашими по художеству, еще более того — я обязан Вам нравственному воспитанию Вашим личным примером. Сколько счастливых лет я провел с Вами... За все сердечное я благодарен вечно. Целую Вашу правую руку, которая создала столько прекрасного.

Ваш Эгише Татевосянц.

М. САРЬЯН
народный художник
СССР

В ЕДИНОЙ СЕМЬЕ

Большая часть моей жизни прошла в России. Там я родился, провел детские годы и годы учения, пережил первые счастливые муки творчества, там я нашел своих добрых ценителей, которые признали мои первые шаги в искусстве. Любовь к русскому народу как я, так и многие мои армянские, да и не только армянские, коллеги впитали с материнским молоком. Чувство единой семьи воспитывалось в нас с самого детства, а Великая Октябрьская революция придала этому чувству новую красоту, обогатила и развила его.

Говоря о дружбе русского и армянского народов, которая имеет давность веков, я хочу начать с воспоминаний о детстве.

Оно протекало в России, в Приазовье, в заброшенном вдали от города хуторке, в соседстве поселков русского Ставрины, украинского Кузьминки, армянского Чалтыря, в окружении тружеников земли. Я часто был свидетелем встреч моего отца, мастера — плотника по профессии, с

его друзьями Сколоватовым, Зинько и Чибичем, видел, как они совещались друг с другом, помогали друг другу. Это было насущной необходимостью жизни каждого из них.

С самых первых дней пробуждения моего сознания наряду с армянским языком я изучал, как родное и дорогое, русский и украинский языки. Воспитывался я в семье, где со стороны старших в детях внедрялась любовь к своему народу и уважение к человеку труда, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Я рос в окружении природы, вдыхая аромат цветов целинных приазовских степей. Солнце, животворные его лучи, изнуряющая жара, ливни, грозовые тучи, трудовой крестьянский люд, их песни, раздававшиеся с далеких полей, и веселые пляски на вечеринках — во всем этом бодром, веселом и грустном чувствовалось жизнеутверждающее счастливое будущее. Все эти впечатления остались у меня на всю жизнь.

Природа, ярко освещенная пылающим солнцем, и человек труда, созидающий счастье народное и тем самым превращающий живительную силу солнца во всенародное достояние, — вот главная тема моих мыслей и чувств, всего моего творчества.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств в 1897 году я поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1903 году. В то время я воспитывался на чтении великих русских писателей, наслаждался музыкой великих русских композиторов, вращался в среде русской прогрессивной интеллигенции, слушал гениального Шаляпина, видел прекрасных русских актеров. Все их творчество, насыщенное величайшим гуманизмом и любовью к малым народам, вдохновляло меня и говорило об одном: на языке своего народа воспевай природу и людей.

Навсегда остались в моей памяти образы моих дорогих учителей — великих русских художников Валентина Александровича Серова и Константина Алексеевича Коровина. Я и мои товарищи по кисти в ежедневных встречах и общениях с ними получали в наследство богатства не только русской, но и всей мировой культуры.

Глядя на гениальные полотна Сурикова, Репина, Серова, мы ощущали себя в живом окружении созданных этими титанами образов. Все было в их картинах ярко,

самобытно, животрепещуще, взволнованно, жизненно, глубоко национально и народно. Нас волновала эмоциональная сила, поэтичность и человечность чудесных пейзажей Левитана, Саврасова, Куинджи, Поленова — учителя и друга замечательного армянского художника Егише Татевосянца.

Как и литература, живопись имеет свой язык. Глубокими корнями она связана с психологией и духом народа. Художник, если он хочет быть понятным народу, должен петь на языке своего народа. Таков его путь к сердцу других народов, к сердцу всего человечества...

...Как сегодня, помню 1915 год, когда турецкие головорезы устроили жестокую резню армян, проживающих в Западной Армении. Было уничтожено около полутора миллиона армянского населения, обезглавлена почти вся армянская интеллигенция, среди которой были такие высокоталантливые писатели, как Д. Варужан, Сиаманто, Г. Зораб. Жертвой зверств стал гениальный композитор Комитас... В Эчмиадзине я был свидетелем того, как ежедневно от голода и эпидемических заболеваний гибли сотни беженцев армян. Под впечатлением этих кошмаров я вернулся в Тифлис, где мои друзья — замечательные художники Вардкес Суренянц, Егише Татевосянц, Фанос Терлемезян и другие — в близком содружестве с крупнейшими представителями армянской литературы О. Туманяном, А. Ширванзаде организовали Общество армянских художников. И я думал о том, что никакой силой не загубить, не задушить творческий дух народа.

По инициативе М. Горького и В. Брюсова в эти тяжелые годы были изданы сборники армянской литературы. В России возникли общества армянских писателей, композиторов, художников. С помощью русских братьев армяне отстаивали свою жизнь, свою богатую духовную культуру; наши русские учителя и друзья по перу, кисти, резцу учили нас быть близкими к народу, глубоко национальными в самом лучшем смысле этого слова. Они не поощряли пассивное и безразличное подражание своим гениальным творениям, но указывали те пути, которые ведут художника к душе народа, помогают ему понять радость и горе народное, ведут к большому, истинному мастерству.

В. Суриков, В. Серов, И. Репин, М. Горький, А. Луначарский, В. Брюсов и многие другие как в личной беседе

со мной, так и в своих трудах и статьях ценили в представителях армянской культуры то, что ярче всего выражает характер и душу народа.

В. А. Серов, мой лучший учитель, настойчиво воспитывал в своих учениках чувство требовательной, бескорыстной любви к искусству, учил находить характерное как в природе, так и в людях.

Еще до Великой Октябрьской революции мне выпало счастье быть в дружбе с такими замечательными художниками и людьми, как Алексей Николаевич Толстой, Сергей Тимофеевич Коненков, Константин Сергеевич Станиславский. Блестящее знание народной жизни, глубокий интеллект, громадный и светлый артистический талант, гигантское трудолюбие, большое человеческое обаяние составляли замечательные качества этих людей.

Моя дружба с этими корифеями русского искусства еще больше закрепилась и углубилась в послереволюционные годы. Одним из проявлений этой дружбы, уже вылившейся в творческое содружество, была совместная постановка с К. С. Станиславским оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» в начале 1930-х годов в оперном театре им. К. С. Станиславского.

Сравнивая 20-е годы, когда в Армении делались еще первые шаги в области собирания интеллигенции и художников, с сегодняшним днем, когда в Союзе художников Армении насчитывается около двухсот человек, я думаю о той громадной организационно-творческой помощи, которую нам оказывают наши московские друзья.

Наш Союз ежегодно пополняется новыми именами талантливых и самобытных молодых художников. Повышая свое мастерство, углубляя идейную направленность своих полотен, успешно преодолевая трудности в развитии жанровой живописи, они уверенно вступают на всесоюзную арену.

Постоянное общение с Москвой, с нашими русскими друзьями, через всесоюзные организации художников, через Академию художеств СССР, наши совместные участия на всесоюзных и всемирных выставках способствуют новому расцвету армянского изобразительного искусства.

Лично для меня Москва была и есть таким же родным городом, как Ереван, мои московские друзья по кисти — самые родные и близкие люди.

Каждому советскому художнику, вносящему свой вклад в сокровищницу социалистической культуры, свойственны свои особые, индивидуальные способы выражения всего богатства окружающего нас мира.

Социализм не нивелирует и не обезличивает это богатство и многообразие видения и выражения мира, а, наоборот, дает новый, безграничный простор его развитию. И потому мы, деятели советского искусства, можем спорить по многим творческим вопросам, оставаясь в единой семье, борясь за единую социалистическую культуру. Это не отрицает и того, что каждому из нас особенно близки те художники, с которыми мы находим большую творческую общность. Мне особенно близки имена таких блестящих представителей советского изобразительного искусства, как Сергей Тимофеевич Коненков, Петр Петрович Кончаловский, Сергей Васильевич Герасимов, Аркадий Александрович Пластов, Семен Афанасьевич Чуйков, Кукрыниксы, Николай Петрович Крымов, Дементий Алексеевич Шмаринов, Борис Владимирович Иогансон, Александр Александрович Дейнека, Игорь Эммануилович Грабарь, Георгий Семенович и Орест Георгиевич Верейские, Павел Дмитриевич Корин и многие другие художники, скульпторы, архитекторы, писатели, артисты, режиссеры — вся та славная плеяда созидателей замечательного и передового русского искусства, среди которых мы все чувствуем себя в братской большой семье, участвуя в трудном и почетном деле развития советского искусства. Искусство — не поверхностное, зеркальное отражение внешней действительности, а полная отдача себя самого, всего своего разума и сердца, тем светлым и прекрасным народным идеалам, которые побеждают, преодолевая на своем пути все трудности и преграды. Эту истину преподавали нам наши русские учителя, прекрасное и человечное русское искусство и литература.

И сегодня, вспоминая, как в далекие годы детства мой отец и его русские и украинские друзья вместе трудились и помогали друг другу, меня охватывает радостное чувство гордости за великую дружбу народов Советского Союза — залог счастья и радости всех простых людей мира.

1955

В. ЧУЙКО

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ г. АДАМЯНА[1]

После «Гамлета» г. Адамян выступил в Петербурге в «Маскараде» Лермонтова. Видеть игру такого замечательного артиста, как г. Адамян, в лермонтовской драме было, во всяком случае, чрезвычайно интересно и любопытно. В драме Лермонтова много незрелости таланта, много фальшивых нот, много романтической необузданности и байроновского задора, но она крайне любопытна не только по прекрасному стиху, но и по литературным достоинствам, в которых уже видна рука мастера. Написанная несценично (в ней десять картин), со значительным лирическим оттенком, с плохой обрисовкой второстепенных характеров, она, тем не менее, напоминает драмы Виктора

[1] «Новости дня», газета, Петербург, февраль 1884.

Гюго и написана по тому же романтическому рецепту. Это, если можно так выразиться, дух байронизма, перешедший в литературные формы Гюго, вместе с разочарованием и демонизмом Печорина. В нашем, сравнительно бедном, драматическом репертуаре драма Лермонтова могла бы, казалось, занимать одно из выдающихся мест как по интересу, так и по крупным литературным достоинствам, а между тем, эта драма одного из наших величайших поэтов эксплуатируется случайно частными антрепренерами и совершенно игнорируется казенными сценами; только раз, помнится, давно уже, она была дана на александринской сцене в один из бенефисов Степанова. С тех пор она не шла ни разу ни в Москве, ни в Петербурге, ни на одном из казенных театров. Давали ее, правда, в Москве, в театре г-жи Бренко, с успехом и при хорошей обстановке, но дирекция все-таки игнорирует ее. Такое положение вещей, поистине, поразительно; у нас жалуются на отсутствие репертуара, в чем, как кажется, убеждена и дирекция, а между тем, целая область драматической русской литературы не принимается в соображение, и императорские театры питаются случайными пьесами, по большей части не выдерживающими даже самой снисходительной критики. Немудрено, что при таком ведении дела русский театр не процветает, и выходит такая аномалия: мы принуждены ждать иностранного артиста, чтобы увидеть русскую драму одного из великих русских поэтов в хорошем исполнении. Так случилось на этот раз с «Маскарадом» Лермонтова, но это не единственный пример. Несколько лет тому назад мы в первый раз увидели «Каменного гостя» Пушкина в исполнении Росси на итальянском языке! Была попытка поставить пушкинского «Бориса Годунова», но и он был сдан вскоре в архив. Говорят о несценичности этих произведений, как будто несценичность может быть причиной того, что их устраняют от репертуара! К тому же сценичность сценичности рознь. Лермонтов и Пушкин не сценичны, конечно, по сравнению со «сценичностью» г. Александрова или Сарду, но это, как хотите, не резон. Ведь если бы применять мерку Сарду, то пришлось бы исключить из репертуара и Шекспира, и Шиллера, и даже Виктора Гюго. Но уж это слишком.

Итак, «Маскарад» Лермонтова мы удостоились видеть в исполнении талантливого армянского артиста, к сожалению, при крайне невзрачной и неудобной обстановке.

Г. Адамян играл по-армянски с русскими актерами, которые давали ему реплику по-русски. Это, конечно, неудобно, и в первую минуту неприятно поражает. Но с этим можно было бы еще примириться: ведь во время оное играл же Олдридж шекспировские драмы по-английски, в то время как другие исполнители читали свои роли по-русски. Почему же не сделать и г. Адамяну то же самое и с «Маскарадом» Лермонтова. Но тут явилось курьезное недоразумение: ни г. Базаров, антрепренер, ни г. Адамян не приняли во внимание одного обстоятельства, чрезвычайно курьезного: главные драмы Шекспира русская образованная публика знает почти наизусть, следовательно, ей легко и удобно следить за иностранными артистами, играющими на иностранном языке, которого она не знает, что же касается Лермонтова, то оказывается, что «Маскарад» так мало знаком русской «образованной» публике, что она в большинстве случаев не могла себе составить даже приблизительного понятия об Арбенине в исполнении г. Адамяна. Я лично имел случай в этом убедиться. Не правда ли, курьезное явление?

Но повторю, с этим можно было бы еще примириться. Гораздо хуже то, что г. Базаров, явившийся устроить спектакли г. Адамяна, не позаботился составить для него мало-мальски возможной труппы. За исключением г-жи Ленской-Неметти, которая играла Нину, остальные исполнители были ниже всякой возможной критики. Игра их приводила в уныние публику и в зале воцарилась скука. Прибавьте к этому еще одно обстоятельство: г. Базаров не позаботился даже заблаговременно сделать объявление о спектакле, так что в самый день спектакля почти никто в Петербурге не знал о нем и в зале оказались только случайные зрители, далеко не в громадном количестве. Такая небрежность поистине поразительна и тем более не может быть одобрена, что она непосредственно отражается на г. Адамяне, который, разумеется, ни в чем неповинен.

И при всем том спектакль вышел интересным и достойным всякого внимания. Обаяние таланта Лермонтова взяло свое, а г. Адамян играл бесподобно, удивительно тонко и цельно создав образ Арбенина. И в самом деле, каким представляется в драме Арбенин? Лермонтов сам дает превосходную характеристику Арбенина, хотя характеристика касается не его, а князя Звездича: «Ты? бесхарактерный, безнравственный, безбожный, самолюби-

вый, злой, но слабый человек; в тебе одном весь отразился век, век нынешний, блестящий, но ничтожный. Наполнить хочешь жизнь, обегаешь страстей. Все хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь, людей без гордости и сердца презираешь, а сам игрушка тех людей». Подобная характеристика в применении к Арбенину может, конечно, вызвать спор. Если верно, что Арбенин — безнравственен, то в нем отразился век, «век нынешний, блестящий, но ничтожный»; что он презирает людей из какого-то напускного байронизма, то бесхарактерен ли он? Да, он бесхарактерен вследствие обстоятельств и слабый человек, потому что непомерно самолюбив, что впрочем и доказывается самым течением драмы. Дело в том, что Арбенин — тот же Печорин, байроновский герой, перенесенный на русскую почву без живого дела высших идеалов. Смутно-тревожный, но в сущности, не знающий сам, чего ему надо, болтающийся из одной великосветской гостиной в другую, отдающийся игре, чтобы хотя сколько-нибудь расшевелить себя, неизвестно почему разочарованный (ведь и разочарований в этой жизни не было никаких) и презирающий людей, хотя он сам, может быть, больше заслуживает презрения, чем все те пошляки, которые его окружают. Снимок с Корсара, Лары, отчасти Дон-Жуана, отчасти Сарданапала и Каина, но снимок бледный и неудачный. У тех (я говорю о героях Байрона) были и высшие требования, и понятный героический протест, и крупная индивидуальность с закаленным характером, и действительный демонизм натуры, не умеющей и не могущей примириться с обществом, основанным на внешности и лицемерии. Перенесите этот характер на русскую почву, в условия серого неба и серой жизни, между бюрократизмом, пошлым барством и полнейшим безделием, и вы получите, в лучшем случае, Арбенина, умного пошляка, который даже жизненной борьбы никакой не проделал, благо он богат. Куда ему девать его «сил избыток»? И вот он надевает на себя маску разочарованности, прикидывается глубокой демонической натурой, играет по целым ночам в карты, проигрывает, считает себя вправе презирать людей, не приспособлен ни к какому делу и, в конце концов, встретившись лицом к лицу с жизнью, делает пакость за пакостью, не отдавая себе отчета, что и тут даже он слаб, бесхарактерен и ничтожен, как и те условия, которые создали его. Случайная причина заставляет его ревновать свою жену, которую он

любит. Как с собой, так и со своей страстью он не может справиться, он совершает бесцельное преступление, не выдерживает натиска угрызений совести и сходит с ума. Какая карикатура на байроновского героя и как она чудесно очерчена Лермонтовым!

Именно так, если не ошибаюсь, понимает г. Адамян Арбенина. Он изображает его уже человеком немолодым, с проседью, с несколько потасканным, изнуренным лицом, но все еще великосветским франтом. Бури первой молодости, эти бури игорного дома и пошлых любовных приключений, остались уже позади. Должно быть, эти бури оставили значительную душевную пустоту в Арбенине, он разочарован, презрителен, дерзок; к тому же он остепенился и нашел как бы пристанище в любви молодой жены. Случайно он возвращается в общество своих прежних товарищей. «Напрасно я ищу повсюду развлечения. Пестреет и жужжит толпа передо мной, но сердце холодно и спит воображение: они все чужды мне и я им всем чужой». Монолог этот сказан был г. Адамяном превосходно, чрезвычайно просто, как бы с сознанием той душевной пустоты, которой страдает Арбенин. Тем не менее, в первых актах я встречаю один недостаток игры г. Адамяна: он слишком мало, по моему мнению, оттеняет сарказм Арбенина и его бездушие. Приличный, холодный, сдержанный, но слишком мало саркастичный, — таков Арбенин первых актов в исполнении г. Адамяна. Зато в этих же первых актах, сравнительно спокойных и мало драматичных, особенно рельефно обнаруживаются лучшие качества г. Адамяна как артиста прекрасной школы: он не ходулен, чрезвычайно прост, не декламирует, вообще не играет, а как бы живет на сцене, раз определив душевный строй изображаемого лица. Это свойство перерождаться, входить в плоть и кровь изображаемого лица — лучшие свойства Адамяна. В конце концов вы перед собой видите действительно живого человека, который не рисуется, не играет роли, а является именно тем, чем он есть на самом деле.

В драматическом отношении, однако, лучшие сцены в игре Адамяна — это сцены ревности, приступов страсти и бешенства. Тут нельзя не упомянуть о голосе почтенного артиста. В отчете о Гамлете я имел уже случай сказать, что голос г. Адамяна не отличается особенным качеством музыкальности, диапазон его не велик и не отличается разнообразием интонации, тем не менее, он имеет

своеобразные особенности, чрезвычайно благодарные в минуты страсти: моментами точно слышится поразительная дикция Олдриджа с ее гортанными звуками, как будто от наплыва крайней, бешеной страсти горло сдавлено и вместо звука является шипение. В первой сцене ревности нельзя не отметить также чудесные переходы г. Адамяна от порывов страсти к порывам нежности; эти переходы удаются ему необыкновенно хорошо. Менее удачен, по моему мнению, г. Адамян в сцене Арбенина с баронессой (во втором действии); здесь я замечаю ненужные скачки тона и слишком много страстности; эту сцену нужно, я думаю, вести спокойнее и сдержаннее. В сцене с картами, когда Арбенин ударяет князя перчаткой по лицу, г. Адамян несколько переигрывает и слишком демонически хохочет. В общей концепции характера Арбенин гораздо бесстрастнее и сдержанно-неуловимее. Затем отравление Нины и разговор с нею превосходен. Сцена эта в игре г. Адамяна оставляет чрезвычайно тяжелое впечатление, но совершенно соответствующее сущности положения. Один прием в игре г. Адамяна особенно мне понравился в этой сцене. В то время как Нина умирает и кричит от боли, Арбенин, отвернувшись, закрывает рукой себе уши, как бы не желая слышать этих криков. Тут много правды. Лучшая сцена, однако ж, — заключительная сцена драмы. Тут страсть, уже не сдерживаемая, льется целым потоком, и в ней слышится отчаяние, бешенство, раскаяние, нежность, — вся гамма чувств с поразительной художественной правдой. Под напором этой бури Арбенин не выдерживает, его ум подавлен, он разрывает на себе рубашку, как дикий зверь кидается на Неизвестного, потом ослабевает и точно разбитый параличом убегает с рыданиями к гробу Нины. Эта сцена бесподобна в игре г. Адамяна и доказывает лучше всяких слов, что г. Адамян — один из самых выдающихся трагических артистов.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ТОВ. ВАРТАНЯН

К моему глубокому сожалению, несмотря на огромное желание, мне ни разу не удалось видеть Вашего великого трагика Петроса Адамяна.

Те времена, когда он гастролировал здесь, я был чрезвычайно занят театром и своими личными делами. Вот почему мне не понятно заявление С. И. Хачатурова о том, что я говорил на своих лекциях о покойном артисте. Весьма вероятно, что я судил о нем и очень высоко оценивал его по тем отзывам, которые я имел, так как я весьма интересовался им.

Вот причины, которые, к сожалению, лишают меня теперь возможности помочь Вам в Вашей почтенной задаче почтить память великого артиста.

От души желаю Вам успеха в Вашем деле и искренно жалею, что не имею возможности стать Вашим сотрудником.

С глубоким почтением

К. Станиславский.

Москва, 10 марта 1935 года

В. КАЧАЛОВ
народный артист
СССР

СЛОВО ОБ АРМЯНСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Театральная культура Советской Армении всегда связана в моем представлении с яркими, крупными и смелыми образами, с пламенным темпераментом, с красотой и благородством внешнего воплощения. Армянской сцене свойственна та великолепная органическая театральность, которая окрыляет искренность актера волнующей творческой радостью и подъемом. Армянский театр за годы Советской власти создал прекрасные произведения в области драматического и оперного искусства и воспитал многих выдающихся актеров, музыкантов, режиссеров и художников. Ведущие театры Армении, такие, как Армянский драматический театр имени Сундукяна и Ереванский театр оперы и балета имени Спендиарова, заслужили народную любовь не только в Армянской ССР, но и далеко за ее пределами.

Армянская театральная культура имеет своих замечательных представителей и в Москве.

Я высоко ценю, например, великолепное актерское и режиссерское дарование Рубена Симонова, одного из учеников и последователей гениального Вахтангова. Помню свои первые впечатления от его таланта, когда я впервые увидел его в спектаклях Студии имени Вахтангова — в «Принцессе Турандот» и в комедии Мериме «Карета святых даров». В этих спектаклях нельзя было не запомнить Симонова и не предсказать ему блестящего будущего. Поразительным для молодого актера было его великолепное, отточенное комедийное мастерство. Его отличал уже и тогда умный и изящный рисунок роли, полный тонкого юмора и воплощенный с удивительной артистической пластичностью. А какие блистательные творческие успехи Симонова следовали на наших глазах за этими его первыми сценическими созданиями! Достаточно вспомнить образы Бенедикта в «Много шуму из ничего» Шекспира, Хлестакова в «Ревизоре», Кости-капитана в «Аристократах» Погодина, Сирано де Бержерака, чтобы представить себе этого актера во всем его обаянии, во всей силе его заразительного, жизнерадостного, полнокровного и яркого таланта.

Среди московских мастеров художественного чтения выдающееся место занимает Сурен Кочарян. Его работы, за которыми я с большим интересом слежу на протяжении уже многих лет, пользуются у нас заслуженной популярностью. Его литературные композиции охватывают монументальные произведения мировой классики. Он вкладывает в них настоящее творческое горение и умеет сделать их волнующими и общедоступными.

Кочарян — мастер, виртуоз своего дела, его выступления всегда заразительно-темпераментны и согреты большим искренним чувством. Красивый тембр голоса, которым он в совершенстве владеет, блистательная фразировка, выразительная мимика — все это сообщает искусству Кочаряна особую силу и обаяние.

Мне хочется от всей души пожелать дальнейшего творческого расцвета моим дорогим друзьям по искусству — деятелям, блестяще представляющим в Москве прекрасную театральную культуру Советской Армении.

1947

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ!

Шлю вам из далекого Еревана мои искренние поздравления по поводу получения вами высокой награды в день вашего славного полувекового служения искусству.

Я не могу забыть дни вашего пребывания в Ереване, я не могу забыть дни, которые были днями общения с вами.

Ваше имя для каждого творческого работника стало идеалом. Не секрет, что когда приходится приводить пример идеального актера — первым представляетесь вы. О вас мы передаем своим ученикам — будущему пополнению актеров армянского театра.

Я не могу забыть вас в товарищеском кругу на прощальном вечере в Ереване. Я вас всегда помню молодым, с задором... Ваша юность на театре никогда не покидает вас и не покинет. Вы юны творчески. Вы юны идеалом. Вы юны сердцем и душою.

Дорогой Василий Иванович, вы живете в сердцах актеров армянского театра, которые сегодня с большим благоговением вспоминают вас. Желаю вам здоровья и долгой, долгой жизни.

Уважающий вас

заслуженный деятель искусств

Вавик Тигранович Вартанян.

Ереван, 17 февраля 1945 г.

Р. СИМОНОВ
народный артист
СССР

МОИ УЧИТЕЛЯ

Творческая жизнь каждого художника всегда складывается под влиянием определенных школ, течений, образов больших мастеров, учителей. Так выбрал и я свой путь актера и режиссера. Я учился у многих мастеров, многое от искусства выдающихся актеров старшего поколения определяло и направляло мои первые шаги в театре.

Шаляпин был первым из моих учителей. В его студии я начал свое театральное образование весною 1919 года. Федор Иванович Шаляпин бывал на занятиях студии, смотрел наши работы и вносил в них свои коррективы, принимал участие в наших импровизированных этюдах. Мне пришлось пройти одну роль под его руководством.

Это была роль Марка Азона в пьесе из эпохи французской революции. Шаляпин создал пластическую сторону роли, великолепно ее показывал, находя замечательные мизансцены в кульминационных моментах роли. Его замечания в работе со мной над монологом были для меня бесценной помощью.

Шаляпин научил меня по-настоящему любить и понимать музыку, и общение с ним во многом определило впоследствии мое отношение к оперной режиссуре в постановке музыкальных спектаклей. В этот период моих занятий в студии я видел Шаляпина в большинстве его ролей, бывал очень часто на концертах, и это во многом дополнило мое музыкальное образование. Шаляпин часто выступал у нас в студии с чтением стихов. Он читал изумительно хорошо. В его чтении была исключительная музыкальность, филигранная декламационность, ни одно слово не было искажено, все было тщательно обработано. Большой диапазон и глубина тембра голоса — и над всем этим пушкинская поэтичность, дыхание пушкинского стиха...

Станиславский был моим вторым учителем в искусстве, прежде всего как великий актер, творения которого были для меня самыми высокими образцами театрального искусства. Я по-настоящему понял и почувствовал силу Станиславского, вглядываясь в образ доктора Штокмана, созданного им. В этом образе как бы объединились все элементы его системы: глубокая правда, искренность, подлинное, внутреннее переживание, психологическое раскрытие образа. Все это создавало чистого и очень человечного Штокмана.

Станиславский был также моим учителем и тогда, когда я уже был в Вахтанговской студии. Он занимался с нами, объединив нашу студию, армянскую студию и студию Чехова. К. С. Станиславский работал с нами над «Венецианским купцом», преподавал нам систему, занимался движением, выразительным словом, много внимания уделял театру.

Система Станиславского, являвшаяся краеугольным камнем, навсегда стала для меня основой творчества.

Искусство Станиславского — это искусство высокого реализма, искусство подлинной театральности, и этому он учил нас, своих учеников, на занятиях, происходивших в студии.

Со Станиславским мне приходилось потом встречаться не раз, и я имел возможность следить за тем, как развивалась его система, постигать ее диалектическую сущность, которая волновала в течение всей жизни душу великого художника.

Человеком, принципы и заветы которого определили весь мой творческий путь, был Евгений Багратионович Вахтангов. Первая моя встреча с Вахтанговым произошла в Шаляпинской студии, куда он был приглашен ставить пьесу, в которой я тоже был занят как актер. Тогда я узнал его как блестящего педагога, безупречно знающего систему своего учителя Станиславского и умеющего увлекательно передать ее основы театральной молодежи.

Вскоре я перешел в студию к Е. Б. Вахтангову и там увидел его с новой стороны, как мастера-режиссера, раскрывающего новые театральные пути, кладущего основы революционного театра. Первые три месяца я сидел в зрительном зале и смотрел, как он работал над спектаклями «Свадьба» и «Чудо святого Антония». И эти три месяца во многом помогли мне понять сущность вахтанговских принципов и исканий в искусстве. Потом я приступил к работе над ролью грека-кондитера в «Свадьбе» Чехова. Работая со мной над этой ролью, Вахтангов прививал мне подлинный актерский профессионализм, выправляя имевшиеся у меня элементы любительства, учил отыскивать глубокую внутреннюю сущность образа и придавать ему яркую театральную, пластическую форму. Вахтангов учил нас подлинному великому реализму в искусстве, прививал любовь к яркой театральной форме, учил находить для каждой пьесы единственную неповторимую форму, вскрывающую ее жанр и внутреннее содержание. Он учил нас творить свое искусство вместе с народом, чутко прислушиваться к требованиям эпохи, к тому новому и прогрессивному, что в ней заключено, отражать это в своем искусстве. Он вселял в нас веру в счастливое будущее нашей страны, нашего народа, нашего революционного гуманистического общества. Я глубоко благодарен за все это моему учителю. Тридцать четыре года моей жизни я стремлюсь к тому, чтобы быть верным его заветам, сохранять их и развивать в моем актерском и режиссерском творчестве, в творчестве нашего театра. И тогда, когда мы выполняли заветы Вахтангова, всегда рожда-

лись спектакли — глубокие по внутреннему содержанию, яркие по своей театральной форме.

Моя работа в Москве в русском театре никогда не мешала тесной творческой связи с нашим армянским искусством.

Наоборот, многое, чему я научился в Москве, я старался по мере сил использовать для развития искусства моей родной Советской Армении.

1948

В. ПАПАЗЯН
народный артист
СССР

ЧТО ОБРЕЛ Я В РОССИИ

В 1913 году, когда пароход впервые доставил меня к берегам древней Колхиды, искусство мое было лишь внешне красиво вылепленным сосудом. К тому, чтобы придать такую форму дарам благосклонной ко мне природы, приложили свой труд западноевропейские мастера. Если эта по-своему красивая форма и не была лишена всякого содержания, то во всяком случае содержание это было расплывчатым, не было пронизано стержневой мыслью, не имело своего собственного слова.

Затрудняюсь представить себе, сказал бы я когда-либо свое слово в искусстве, если бы сосуд, о котором я говорил, оставался там, где он был выделан.

Россия и русский народ, равно русский быт и русская мысль, — только они и могли осмыслить неорганизованное и расплывчатое содержание этого сосуда. Великое гуманистическое начало русского реалистического искусства осмыслило мое искусство, дало ему путеводную нить.

Мои многочисленные поездки по безбрежным просторам русской земли, по ее большим и малым городам, мое общение с различными слоями трудящихся великой страны окончательно закрепили во мне то, чем обогатило меня русское искусство.

И сегодня я твердо знаю: нет на свете силы, которая могла бы воспрепятствовать движению советских народов вперед, знаю, что сердце моего родного армянского народа бьется вместе с сердцем великого и славного русского народа...

1956

В. ВАГАРШЯН
народный артист
СССР

РУССКАЯ КЛАССИКА НА АРМЯНСКОЙ СЦЕНЕ

Многовековая, древняя культура армянского народа достигла подлинного расцвета лишь в годы Советской власти.

...Русская культура издавна обогащала наш народ. Классические произведения русской литературы переведены на армянский язык лучшими нашими прозаиками и поэтами. Армянский трагик второй половины XIX века Петрос Адамян, один из мировых исполнителей роли Гамлета, первым сыграл на армянской сцене Арбенина в пьесе Лермонтова «Маскарад» и получил общее признание. Около ста двадцати лет назад была впервые на армянской сцене поставлена бессмертная комедия Грибоедова «Горе от ума». Шестнадцать пьес Островского переведены на армянский язык и не сходят со сцен театров.

Особое место в нашем театре занимает драматургия Горького. Еще в 1908 году на армянском языке была осуществлена постановка «На дне». На сцене Ленинаканского театра эта пьеса идет уже в течение двенадцати лет. В театре имени Сундукяна с 1933 года идет пьеса «Егор Булычов и другие». Поставлены были также «Васса Железнова», «Достигаев и другие». Недавно выпускной класс Ереванского театрального института, которым я руковожу, выбрал для дипломной работы «Вассу Железнову». Став затем театром района Шаумяна, коллектив с успехом играет эту пьесу.

Я люблю Горького. Мне по душе сила, с которой он разоблачает враждебный мир, горьковский язык, сжатый и четкий. Пьесы Горького волнуют своим идейным содержанием, глубокими философскими мыслями, большими чувствами и страстями. Диалоги его пьес — образец для современных драматургов.

Вся драматургия Горького дает неисчерпаемые возможности для режиссерского творчества. Правильно осуществленная пьеса Горького — это выдержанный театром экзамен на зрелость.

Я задался целью написать исследование о сценичности драматургии Горького. Этому труду я посвятил уже несколько лет и надеюсь вскоре закончить его.

«Огонек», № 49,
декабрь 1948 г.

ОБ ОБРАЗЕ АРБЕНИНА

Артисту вообще трудно рассказывать о том, как он работает над воплощением такой сложной, ответственной в сценическом отношении роли, какой является роль Арбенина.

Выдающийся артист Ю. Юрьев, успешно игравший эту роль, около сорока лет настойчиво совершенствовал ее, после чего вынужден был признать, что роль Арбенина еще не исчерпана им. Мне предстоит еще немалая творческая работа над углублением образа Арбенина в процессе исполнения этой роли.

Как же мне представляется психологическое развитие образа Арбенина? Способный юноша, Арбенин мечтает о возвышенных целях, но он живет в эпоху реакции, после подавления восстания декабристов, и мечты его не могут сбыться.

Я странствовал, играл, был ветрен
и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не
добился.
Богат, и без гроша был скукою
томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед
ним
Нигде не преклонился.

Так сам Арбенин рассказывает о себе. Он познает окружающее его общество. В призрачной игре за карточным столом, в язвительных репликах на балах и маскарадах презренной ему светской толпы тщетно ищет Арбенин применения своим силам. Он видит, как все его возвышенные, благородные стремления и побуждения неизменно разбиваются о тупость этого общества. И он ищет одиночества, уединения. Он чужд этому обществу, но не может, вместе с тем, выйти из очерченного круга.

Женившись на Нине, Арбенин чувствует себя счастливым, он думает, что сможет снова любить и верить в светлое будущее, он лелеет надежду осуществить «небесные мечты мятежной юности», оживить в сердце «все, что цвело в нем прежде». Но и тут его оплетают светские интри-

ги, и он решает мстить. В отчаянии Арбенин отравляет Нину. Он чувствует себя обманутым, опороченным все тем же обществом, он видит крушение последней своей надежды. Убедившись затем, что Нина не виновна, Арбенин, постоянно преследуемый колкими намеками и насмешками великосветской челяди, лишается разума, падает жертвой интриг.

В своей работе над ролью мне пришлось столкнуться с большими трудностями. Наибольшая возможность для раскрытия душевного состояния Арбенина дает 9-я сцена, когда, отравив Нину, он признается ей, что с ней хотел воскресить прежние надежды, сделать попытку вернуться к жизни. В исполнении роли Арбенина важно добиться того, чтобы зритель убедился в том, что Лермонтов показывает в драме не игрока-Арбенина, а уже обновляющегося человека. Он не жесток нисколько, но его постоянно ожесточает общество. В отдельных сценах я хотел, напротив, подчеркнуть благородство души Арбенина, искренне любящего свою жену, но гибнущего в неравной борьбе с обществом.

Вот к такому раскрытию образа Арбенина и стремились мы вместе с режиссером А. Гулакяном и всем творческим коллективом.

«Коммунист», газета,
21 октября 1949 г.,
№ 249 (4651)

* * *

...Что нового я вношу в исполнение Арбенина? Столетняя история постановки «Маскарада» и исполнения роли Арбенина очень разнообразны. Несчастному Лермонтову не повезло с этой пьесой. Мне всегда казалось, что пьеса «Маскарад» до сих пор еще не получила свое настоящее, достойное осуществление на сцене, что Арбенин по-настоящему не ощущался как большой, сложный, противоречивый, но в основном — *любящий, значит, и теплый человек.*

Он угрюм, строг, жестокий, но бесконечно и сильно любящий человек. Он жертва, потому что у него отняли самое дорогое — Нину. Кусок этой большой жизни, о котором идет речь в пьесе, ничего общего не имеет с его

испорченным прошлым. Но прошлое в нем живет уже как инстинкт самозащиты. И он в борьбе за существование прибегает к тем орудиям, которым действует его среда, общество. Его трагедия, по-моему, в том, что он, сколько бы ни старался уйти из этого общества, не в силах этого сделать. Он, как любил говорить М. Горький, «боком стоит к своему классу», то есть обществу.

Сказать, что я сумел осуществить все это на сцене, не могу. Это будет не сразу, а постепенно и долго. Да и едва ли могу осуществить все, что хочу и думаю. А хочу и думаю очень многое, о чем трудно писать.

Мое исполнение официально приняли хорошо, но теперь начинается устная дискуссия. Меня критикуют в том, что Арбенину сочувствует зритель, это меня радует. Во-первых, дискуссия оживляет атмосферу, во-вторых, я хотел того, в чем меня обвиняют. Значит, я добивался довести до зрителя настоящую его трагедию. Да, зритель и должен сочувствовать Арбенину.

Нину исполняет совершенно свежая молодая актриса, в прошлом году она окончила наш институт. У нее маленький голос, но справляется с ролью и оставляет хорошее впечатление.

Весь ансамбль — сильный. Неизвестного играет Г. Нерсесян.

Это вкратце о «Маскараде».

Из письма В. Вагаршяна
от 8 октября 1949 г.
к О. В. Спандарян
(из домашнего архива В. Вагаршяна)

МОЯ РАБОТА НАД РОЛЬЮ

Роль Хлестакова справедливо считается одной из самых сложных в классическом репертуаре. Того же мнения придерживался и гениальный создатель этого образа Н. В. Гоголь.

В чем заключается основная трудность для исполнения роли Хлестакова? Мне кажется, она находится в тесной взаимосвязи со своеобразием той обстановки и тех ситуаций, в которые попадает Хлестаков по пьесе. Дело в том, что Хлестаков, будучи бездарным во всех отношениях, по ходу действия оказывается вынужденным непрерывно и всячески поддерживать и укреплять в окружающих представление о себе как о ревизоре и делать это по возможности умно и ловко. Как мы знаем, старания его увенчались полным успехом, правда в значительной степени благодаря тупости и скудоумию чиновников.

Интересной чертой гоголевского образа является то, что Хлестаков верит в свои сочиненные на ходу небылицы. Таким образом в «истинности» своих слов Хлестаков уверен прежде всего сам. Отсюда и «убедительность» этих фантазий Хлестакова для окружающих. Исполнитель роли Хлестакова должен проникнуться этой убежденностью. Только при соблюдении всех этих требований роли и умелом их сценическом воплощении исполнение роли Хлестакова будет правдивым.

Работая под руководством талантливого режиссера А. Бурджалова над образом Хлестакова, мне пришлось играть его в трех постановках на сцене театра имени Сундукяна. Я стремился к разрешению именно этих задач, к реалистическому воплощению образа.

«Коммунист», газета,
4 марта 1952 г.,
№ 54 (5376)

К. ЗУБОВ
народный
артист СССР

РАДОСТЬ НОВОЙ ВСТРЕЧИ[1]

Каждый раз, когда в Москве проходят декады искусства и литературы братских республик, мы, близко соприкасаясь с творчеством наших друзей, снова воочию видим, какого богатства, какого бурного расцвета достигла наша многоязыковая, многогранная социалистическая культура, творимая талантами всех советских народов. Мы видим результаты глубочайшей культурной революции, осуществленной в нашей стране, результаты поистине гигантской работы, которую провела Коммунистическая партия, результаты ее мудрой ленинской национальной политики. В дружбе народов, в их взаимном уважении и любви, в их тесном творческом контакте и заключается источник наших общих успехов.

[1] Эта статья и последующие статьи данного раздела были опубликованы в дни декады армянского искусства и литературы в Москве летом 1956 года.

Приветствуя сегодня в Москве представителей талантливого и трудолюбивого армянского народа, мы вновь ощущаем силу этой дружбы, крепость связывающих нас братских уз. Праздник армянского искусства, показывающего свои достижения столице, всей стране, становится нашим общим большим праздником.

Армянский народ создал замечательное искусство, которое своими корнями уходит в глубокую древность. Его героический эпос, его литература и музыка всегда были глубоко понимаемы и высоко ценимы передовыми деятелями русской культуры. В свою очередь многие выдающиеся писатели Армении унаследовали традиции русской литературы и искусства — их гуманизм, народность, правдивое и мудрое отображение жизни. Для наших народов, для русской и армянской интеллигенции глубоко символична дружба великого армянского писателя, революционера-демократа Микаэла Налбандяна с Чернышевским и Добролюбовым, с Герценом и Огаревым, дружба, основанная на общности политических и эстетических взглядов. Для нас полон глубокого смысла тот факт, что замечательный армянский драматург Габриель Сундукян близок по духу, по своим творческим идеям нашему Островскому. Для нас знаменательно, что первая постановка «Горя от ума» еще при жизни автора бессмертной комедии была осуществлена в Ереване, что наш великий Щепкин нашел своих талантливых творческих единомышленников и последователей в лице корифеев армянского театра.

Плодотворная связь русских и армянских мастеров культуры глубока и органична, она родилась в совместной борьбе за свободу, за великие революционные идеалы. В этой борьбе русский и армянский народы с давних времен вместе. Великая Октябрьская революция принесла нашим народам свободу и счастье жить единой нерушимой семьей. При Советской власти искусство Армении получило широчайшие возможности для своего развития, оно стало дорогим и близким всему советскому народу. Оно стало народным достоянием, нашей общей гордостью и славой.

Сегодня мы, друзья армянского искусства, предвкушаем радость и наслаждение от новой встречи с его мастерами; мы услышим изумительную армянскую музыку, увидим драму и балет, познакомимся с новыми произведениями писателей и художников. Армения — страна солн-

ца, и это так чувствуется в армянских народных песнях, в темпераментных танцах армян. Мы увидим высокое мастерство артистов драмы, которое уже давно получило широкую известность и признание. В исполнении артистов Театра имени Сундукяна москвичи увидят пьесы армянской классики. «Отелло» с Папазяном в заглавной роли, «Егора Булычова» — с Вагаршяном, «Дядю Багдасара», о котором мы уже так наслышаны.

Впервые познакомятся московские зрители с искусством Ереванского русского драматического театра имени Станиславского. Он покажет большой и интересный репертуар. Два спектакля — постановки пьес армянских советских драматургов — покажет Ленинаканский театр.

Хочется от всего сердца пожелать нашим дорогим гостям большого творческого успеха в предстоящих выступлениях перед москвичами. Нет сомнения, что многообразное, яркое, талантливое искусство армянского народа всем нам доставит настоящую эстетическую радость и удовлетворение.

«Советская культура»,
31 мая 1956 года

Б. ПОКРОВСКИЙ
главный режиссер
Большого театра
СССР

ГЕРОИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Спектакли государственного театра оперы и балета имени А. Спендиарова, несомненно, представляют значительное явление национальной культуры Советской Армении, с которой мы знакомимся в дни декады армянского искусства и литературы.

В торжественный вечер открытия декады театр показал героическую оперу А. Тиграняна «Давид-бек».

В многовековой истории армянского народа есть немало ярких, славных страниц. Они связаны с подвигами во имя спасения Родины от иноземных поработителей, с борьбой за свою национальную культуру.

Давид-бек — крупнейший государственный деятель и полководец Армении первой половины XVIII столетия. Верный сын своего народа, в дни опасности, которая гро-

зит его родине, Давид-бек становится во главе народно-освободительной борьбы армян. Он оставляет свое блестящее положение первого полководца при дворе грузинского царя Вахтанга VI, расстается с горячо любимой им невестой — племянницей царя Тамар и едет в Армению, чтобы выполнить свой долг патриота. Значительным событием в этой борьбе явилось прибытие посланцев Петра I с указом о помощи русских армянам в их справедливой освободительной войне. На этом фоне развиваются судьбы отдельных персонажей оперы.

Хотя опера и названа именем Давид-бека, смысл ее, как и смысл всего спектакля, выходит за границы судьбы этого героя. Давид-бек воспринимается в спектакле как сильный и талантливый полководец, ум и чувства которого на стороне сокровенных надежд армянского народа. К нему тянутся люди, ему верит народ. Он многогранен, он — в решительности горячего патриота Степаноса Шаумяна, непримиримости к захватчикам земли пахаря Сантура, смелости и стойкости хрупкой девушки Шушан, честности и преданности Ахмеда, вере старика, свято хранящего меч непобедимого армянского полководца Мамиконяна, в ненависти народа к поработителям и их приспешникам — изменникам родины.

Любовь народа к Давид-беку — результат служения героя идеалам народа. Такое решение темы создало и соответствующую систему художественных образов и драматическую композицию. Давид-бек вступает в действие, когда зрителям уже ясна экспозиция политической борьбы и духовных устремлений народа, когда мы сроднились с убеждениями и характерами других героев оперы. В спектакле доминирует тема народа, его дух непримиримости и уверенности, дух солидарности, благодарности и любви к друзьям — верным помощникам в беде.

Автор оперы — умерший в 1950 году известный армянский композитор А. Тиранян, написал ее с большим проникновенным мастерством. В опере с удивительной органичностью слились эпическая монументальность формы с темпераментным наполнением ее подлинными горячими человеческими чувствами. Тиранян — щедрый мелодист. Несмотря на кажущуюся статичность отдельных эпизодов, в опере нигде не ощущаются длинноты, нигде не прекращается эмоционально-действенная линия образа. Музыка оперы театральна в самом лучшем понимании этого слова.

Здесь мастерски разворачивается цепь событий, связанная железной логикой музыкально-драматургического развития. Здесь учтены законы контрастов. Лирические сцены оттеняют сцены большой патетики и торжества. Рядом с темпераментными взлетами композитор создает очаровательные, полные грации картины (вспомним лирическую сцену прощания Давида с Тамар, встречу Шаумяна с Шушан, изящные танцы девушек во дворе грузинского царя).

Опере присущи и некоторые недостатки, к числу которых я бы отнес известную рыхлость либретто. Есть образы, которые при появлении приковывают пристальное внимание зрителя-слушателя к их судьбе и вдруг пропадают из виду надолго или даже вообще прекращают жизнь в спектакле, как, например, Тамар — невеста Давида. Но это все же не в силах снизить высокую оценку произведения А. Тиграняна.

Коллектив театра имени А. Спендиарова — прекрасный интерпретатор этой оперы. Дирижер спектакля М. Тавризян — большой мастер. Под его управлением опера приобрела те ясные музыкально-драматические контуры, которые были заложены в авторском замысле. А. Тавризян в совершенстве владеет техникой, он наполняет оперу ощущением единого дыхания, живет жизнью сцены.

Из исполнителей центральных ролей следует отметить в первую очередь обладателя красивого голоса и хорошей сценической внешности артиста Н. Ованесяна (Давид-бек), темпераментного исполнителя роли благородного Шаумяна — артиста Ф. Оганяна, крестьянина-труженика Сантура, сменившего соху на меч. Убедительно и просто, с большим чувством национального характера спел партию Сантура артист А. Петросян.

Нужно отметить, что даже исполнение эпизодических ролей в спектакле свидетельствует о большой музыкальной и сценической культуре театра. Так, например, небольшая, но чрезвычайно важная для идейной концепции оперы роль русского посла, посланца Петра I, с большим художественным тактом проведена артистом Е. Окуневым. Артист Д. Погосян очень выразительными красками рисует облик предателя и изменника народа Мелика.

Женских партий в опере всего две, и хотя обе они сравнительно невелики, но исполнительницы их — широко известные в нашей стране певицы Г. Гаспарян (Шушан)

и Т. Сазандарян (Тамар), наделили их музыкально-вокальные образы большой выразительностью и теплотой.

Понятно, что в таком большом монументально-эпическом спектакле, как «Давид-бек», велико назначение оркестра и хора. Они достойны большой похвалы. Ансамблевость исполнения является залогом успеха. Что же касается хора (хормейстер К. Карапетян), то, кроме музыкальности и слаженности, надо отметить сценическую выразительность этого большого коллектива.

Танцев в опере немного, но поставлены они балетмейстером З. Мурадяном изобразительно, изящно и исполняются на редкость искусно.

Монументальность оперы, ее героическое звучание потребовали и соответствующих сценических форм. Поставлен спектакль (режиссеры В. Аджемян и Г. Мелкумян) с большой тщательностью и мастерством. Более всего обращает на себя внимание владение режиссуры композицией массовых сцен. Они хорошо вписываются в великолепные декорации, созданные выдающимся художником М. Сарьяном вместе с Х. Есаяном и А. Мирзояном, и составляют с ними единую скульптурную и цветовую композицию.

Высокий уровень музыкально-сценической культуры, продемонстрированный театром в спектакле «Давид-бек», явился прекрасным началом декады армянского искусства и литературы.

«Известия»,
3 июня 1956 года

Г. УЛАНОВА
народная артистка
СССР

ТЕАТР РЕШАЕТ НОВУЮ ТЕМУ

Каждая декада национального искусства в Москве — праздник. Праздник не только потому, что в те десять дней, которые наши друзья и коллеги из братской республики проводят в столице, мы узнаем о лучших достижениях их искусства, литературы, но и потому, что мы, их товарищи по творческой работе, по-настоящему радуемся росту их профессионализма, художественного мастерства, их исканиям и удачам в новых, еще неизвестных или во всяком случае «необжитых» областях искусства.

Так было и на представлении балета Г. Егиазаряна «Севан», который мы увидели на второй день декады армянского искусства и литературы в Москве. Мы радовались тому, что этот спектакль — свидетельство неустанных поисков решения новой темы в балетном жанре, что перед

нами — один из этапов интереснейшей работы по созданию хореографического спектакля, герои которого — наши современники с их чувствами, переживаниями, стремлениями, с их радостями и печалями «сегодняшнего дня», с порывом в то завтра, где не будет места эгоизму, зависти, себялюбию...

Несомненно, что и драматургия либретто «Севана» оставляет желать многого и характеристики героев выписаны не так уж рельефно и не столь уж полно выражены в танце... В данном случае, мне кажется, куда важнее самая попытка (для нашего «консервативного» балетного искусства особенно важная и симптоматичная) принести на сцену дыхание жизни, постараться раскрыть наше сегодня специфическими выразительными средствами хореографии.

Вероятно, впоследствии постановщики и исполнители от чего-то откажутся, найдут новые, более сильные и убедительные средства выражения, но уже сейчас их творческие поиски в чем-то (пусть хоть в чем-то!) оказываются вполне плодотворными.

Вопреки традиции, начнем с конца. Вспомним массовые мужские танцы четвертого акта — их темперамент, слаженность, их заразительную энергию и веселость; вспомним интересно и поэтично решенный обряд обручения юных героев — Рузан и Рубена, великолепно сделанный характерный дуэт Е. Араратовой и И. Арбатова, стремительный и мужественный парный танец В. Борисова и Х. Маркаряна во втором действии, я думаю, что многие, видевшие спектакль, скажут: «Именно здесь сила балета „Севан"». Во всем том, что напоено живительной влагой неиссякаемого источника народного танца, там, где фольклор служит «питательной средой» балетмейстеру-постановщику, рождается танец, полный поэзии и правды, появляется та особенная, «чисто хореографическая» достоверность, которая убедительна тем более, чем больше на сцене танцуют.

Быть может, сила балетмейстера И. Арбатова, поставившего «Севан», заключена в некоем «чувстве танцевального фольклора», в его умении сделать народный танец сценичным — ярким, красочным, увлекательным. Что же касается его трактовки «чистой классики», то, по моим представлениям, она требует более бережливого к себе отношения. Мне понятно естественное в данных условиях

желание балетмейстера обогатить хореографическую классику элементами национального танца, «гибридизировать» классический и фольклорный танец и придать первому особую, только данному театру в данной республике свойственную окраску. Вряд ли такое желание может вызвать возражения. Все дело в том, как оно осуществляется, насколько такое соединение обогащает хореографию.

Красота, пленительная прелесть классического танца — в чистоте, строгости, пластичности его линий. Если обогащение классических движений нарушает этот (с моей точки зрения, один из главнейших) закон балета, то надо задуматься, очевидно, над тем, чтобы это обогащение происходило не столь активно, чтобы оно осуществлялось тоньше, осторожнее, продуманнее. Я не хочу сказать, что все сделанное в этом направлении в ереванском балете мешает классике. Напротив, поиски балетмейстера безусловно заслуживают одобрения. Я хочу лишь воспользоваться и этой статьей, чтобы еще раз подчеркнуть значение художественных традиций хореографической классики и необходимость строгого и очень осторожного обращения с ними.

Азат — отрицательный герой произведения. В нем, как во всяком живом человеке, есть и много хорошего: он смел и порывист, отлично работает, возглавляя бригаду рыбаков, но вместе с тем он эгоистичен, не прочь похвастаться и приписать себе победы целого коллектива.

В сущности этого героя мы уже видели бесчисленное количество раз на драматической сцене, но ведь и там проблема современной темы, если говорить начистоту, далеко не решена, а уж в балете ей и вовсе не везет. Так или иначе, но Азат — роль острая, игровая. В. Ханамирян решает этот вопрос сценично и темпераментно. Его вариацию в первом акте я бы назвала танцевально-игровой вариацией; на танце строит он и свой «диалог» с Рузан, которую он несомненно горячо любит, но любит по-своему. Партию Рузан, чистой, серьезной и возвышенной девушки, исполняет Л. Семанова-Еланян. Танцовщица с хорошими профессиональными данными, она обладает легким прыжком и рядом других свойств, позволяющих многого ждать от нее как от балерины. И именно потому, что мы уверены в ее сценическом будущем, хочется пожелать, чтобы она поработала и над своей игрой. Надо стремиться к слиянию танца с игрой, к включению танца в драмати-

ческий рисунок роли. Необходимо добиваться большей выразительности в движении рук. Мягкая пластика рук — национальная черта армянских танцев. Армяне и в быту, в повседневной жизни отличаются умением необыкновенно красиво двигаться, в их жестикуляции много непосредственной, врожденной грации. Тем больше хочется видеть это изящество движений на сцене и особенно у балерины с такими исполнительскими данными, как у Л. Семановой-Еланян.

Избранник сердца балерины — молодой инженер Рубен, партию которого исполняет М. Мартиросян, в прошлом году окончивший хореографическое училище Большого театра. Он танцует без какого бы то ни было дилетантизма и несомненно мог бы сделать куда больше, если бы роль его была не столь «голубой», если бы приевшиеся и примелькавшиеся качества «современного положительного героя», которого в балете показать во сто раз труднее, чем в драме, были обогащены некоторыми штрихами, свойственными живым людям, которые могли бы быть выражены танцем.

Согласно либретто драматическая кульминация балета — во второй картине третьего акта. Действие ее происходит у шлюза. Надвигается буря. Рубен один. Он направляется к шлюзу, чтобы предотвратить бедствие, но появившийся Азат мешает ему. Их объяснение заканчивается дракой. Вода хлынула — началось наводнение. Итак, положительный герой идет на подвиг. Что может быть возвышенней и прекрасней? И подвиг можно передать танцем. Но вследствие примитивности драматургии примитивным и просто даже мало заметным (так как на сцене почти темно) оказывается танец. Язык, на котором «говорят» исполнители балета, здесь плохо «слышен». Он не доходит до зрителя. Не случайно это сочетается и с упрощенными средствами сценических «эффектов»: мелькает красная лампочка на шлюзе, бежит «вода», по черному небу проносятся почти черные «облака». Ни ощущения подлинной опасности, ни веры в подвиг не появляется. А жаль...

Но вернемся снова к четвертому, лучшему действию балета — к его яркой красочности, его стихии национального танца, к исполнителям, которые привлекли наше внимание еще в начале спектакля. Я говорю об артистах, исполнявших роли друзей Рузан — Гоар, Ашота и Цовик.

Т. Григорян, танцующая Гоар, отличается большой артистичностью — качеством, не столь часто встречающимся на балетной сцене и потому особенно ценным. Будучи в Ереване, мне довелось видеть фрагменты балетных кинокадров. Я обратила внимание на то, как выразительна эта актриса даже на экране, а увидев ее на сцене, поняла, что это свойство присуще Григорян органично, и искренне за нее порадовалась.

Роль Ашота в исполнении А. Гарибяна благодарней и ярче партии Рубена. В Ашоте есть характерность, есть комические черточки симпатичного паренька, простодушного и веселого. Гарибян танцует профессионально, легко и свободно выполняет довольно сложные па, но, мне кажется, он слишком увлекается возможностью «покомиковать», посмешить публику. В балете, как нигде, все должно быть в меру, и ничто и никогда не должно переходить за грань жанра, требующего лаконизма, сдержанности и тем большей танцевальной выразительности...

И. Ушакова — Цовик владеет виртуозной техникой. У нее крепкие, как говорят у нас, железные пальцы, и она хорошо справляется со своими трудными вариациями, включающими самые сложные движения во втором и в четвертом актах. Именно танец помогает ей создать образ юной, энергичной и кокетливой девушки, для которой жизнь полна радости и ничем не омраченного, еще бездумного счастья...

К сожалению, костюмы балерин, исполняющих классические партии, не помогают их танцу, не «работают» на него. А ведь костюм в балете очень важен. Он должен выявлять рисунок каждого движения, подчеркивать изящество, женственность, грацию каждой балерины. Я понимаю: создать костюм для современного балета очень трудно. Но ведь в нашем деле нет ничего легкого, дающегося само собой — все надо брать огромным трудом, фантазией, художественным вкусом и тем «чувством танца», которое никогда и ни в чем не должно изменять художнику балета. Конечно, речь идет об идеале, но не в том ли и состоит радость нашей работы, чтобы постоянно стремиться к идеалу?...

Как и в танцах «Севана», так и в его музыке, прекрасно исполненной талантливым коллективом оркестра и его дирижером Р. Степаняном, мне больше всего понравилось то, что непосредственно связано с народным творчеством.

Фольклор, опосредствованный композитором и балетмейстером, народные мелодии и народные танцевальные мотивы, обогатившие творческую фантазию авторов музыки и хореографии, сохранили в произведении душу и характер народа и обрели ту завершенность художественной формы, которая отличает настоящее искусство.

Еще и еще раз мы убедились, как талантлив армянский народ, давший и в наше время так много прекрасных музыкантов, художников, певцов, драматических артистов. Мы убедились и в том, что балет театра имени Спендиарова, которому перед декадой во многом помог профессор Л. Лавровский, этот балет, несмотря на свою молодость и неопытность, несмотря на частую смену творческого руководства и множество иных помех, полон творческих исканий, которые никогда не остаются втуне.

И было бы, на мой взгляд, очень хорошо, если бы театр нашел возможность посылать в Московское или Ленинградское хореографические училища свою молодежь для совершенствования ее мастерства и обретения единой школы.

То, что показано сейчас, — результат большой работы. Пусть она еще в чем-то несовершенна, но она свидетельствует о большой творческой жизни коллектива и о том, что у него есть хорошее будущее. Так пожелаем же ему в этом будущем больших успехов.

«Советская культура»,
7 июня 1956 года

Л. ЛАВРОВСКИЙ
профессор

ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Армения — страна древней, многовековой культуры. Но только в наши дни свободного творчества народных талантов мы можем в полной мере оценить, сколь талантлив армянский народ, сколь ярко и самобытно его неповторимое в своей красоте искусство.

Лишь одну страницу из книги искусств Советской Армении прочли мы в концерте заслуженного ансамбля армянской народной песни-пляски, но как много говорит эта страница о расцвете искусства свободного народа!

Редко приходится ощущать в исполнении коллектива столь ярко выраженное художественно-стилевое единство, такую слитность ансамбля. Это дается большой воспитательной работой, строгой взыскательностью художествен-

ного руководства, главное место в котором принадлежит Т. Алтуняну.

Больше всего покоряет в исполнении ансамбля высокая музыкальная, вокальная и хореографическая культура, ансамблевая слаженность (балетмейстер — Э. Манукян, руководитель инструментальной группы — А. Александрян, хормейстер — Дж. Геозалян). Вся большая программа выступления этого коллектива в концертном зале имени Чайковского была отмечена строгим художественным вкусом.

Беря самое ценное, самое яркое и типическое в народном музыкальном, певческом и хореографическом творчестве, ансамбль не пошел по пути копирования или внешней стилизации. Он творчески претворил собранный материал в горниле профессионального искусства и сделал это с тактом и чувством художественной меры. Столь же взыскательно и бережно коллектив отнесся и к национальному композиторскому творчеству, отчего его создания засветились новыми красками, наполнились новым содержанием.

Удачно построенная программа включала в себя и произведения, повествующие о далеком историческом прошлом армянского народа, и произведения, воспевающие современную Советскую Армению. Номера концерта отличались и жанровым разнообразием — от грустной, задушевной лирики до веселого задорного народного жанра.

С большим подъемом прозвучала торжественная песня Е. Сааруни «Советская родина» в исполнении хора. Чувством радости за свою социалистическую отчизну проникнуто исполнение песни А. Акопяна «Во имя изобилия». Та же возвышенная тема любви к Родине, к ее людям и природе раскрылась в вокально-хореографической композиции на музыку А. Сатяна «Сбор винограда» (солистка Л. Кошян). Танцевальная часть этого номера поставлена И. Арбатовым, балетмейстером и других ярких номеров концерта.

Наряду с благородной патетикой созидательного труда проникновенно были исполнены произведения, с целомудренной чистотой и задушевностью говорящие о характере народной лирики. Это прежде всего «Цицернак» («Ласточка»), ставшая уже классической, нежная и грустная народная песня. Великолепно спели ее хор и солистка Р. Хачатрян. Поэтичны песни А. Сатяна на слова Е. Чаренца «Армении», «Ереванские ночи» А. Долуханяна. Тонкие произведения большого искусства — песни-пляски «Ах, любимая моя» (слова Р. Ованесяна), «Мне мила прохлада гор».

Удивительно поэтично и своеобразно вокальное творчество армянского народа. Ансамбль продемонстрировал замечательную чистоту строя и богатства художественных нюансов в полифонически сложных произведениях.

Должен быть отмечен также танцевальный коллектив, отлично подобранный, сильный и слаженный, свободно владеющий многообразными изобразительными средствами.

Очень любопытен по замыслу и исполнению танец «Шорор» (музыка народная). В четком танцевальном строю идут мужчины; естественно, без всякого напряжения происходит смена сложных, ритмически чеканных движений. Затем вливается плавная кантилена танца девушек. Эффектна композиция, когда мужчины бросают платки к солистке в центре. Мужской танец «Мартунинский кочари» интересен сложным узором ритма. Легко и естественно был исполнен артистками К. Карапетян и А. Казаряном «Шуточный танец». Большой похвалы заслуживает солистка А. Шахнабатян за исполнение танцев «Узундара» и «Назпар».

Впрочем, каждый номер достоин положительной оценки, да ее и дал благодарный зритель, пришедший в зал имени Чайковского. Четырнадцать номеров из программы были повторены по настоянию зрителей.

Следует упомянуть о превосходных костюмах художника А. Мирзояна, о хорошем, слаженно звучащем оркестре.

Хочется от души пожелать коллективу новых успехов в его плодотворной работе.

Нет сомнения, что ансамбль армянской народной песни-пляски, идя по пути дальнейшего совершенствования своего мастерства, упорного творческого труда, принесет еще много радости своим зрителям и слушателям.

«Правда»,
7 июня 1956 года

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 3

В. АМБАРЦУМЯН, академик

Дружба навеки 7

Б. ГРЕКОВ, академик

Пусть крепнет наша нерушимая дружба 9

А. АРЗУМАНЯН

Русско-армянское братство 12

Исторические предпосылки армяно-русских связей (VII — начало XIX вв.) 12

Вместе с передовыми представителями России — против царского самодержавия (Нач. XIX в. — 80-е гг. XIX в.) 45

Новый этап развития армяно-русских связей в период распространения марксизма в России и совместной борьбы за победу социалистической революции (80-е гг. XIX в. — 1920 г.) 67

Братская дружба и развитие взаимосвязей литературы и культуры русского и армянского народов в период борьбы за коммунизм 119

1

а

В. И. ЛЕНИН

Из телеграммы председателю Революционного военного комитета Армении 213

О манифесте армянских социал-демократов . . . 214

О так называемой армянской социал-демократической рабочей организации 218

А. М. Горькому 219

Декрет о «Турецкой Армении» 220

Постановление СНК РСФСР 222

Телеграмма С. Г. Шаумяну 223

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе 224

Постановление СНК РСФСР 225

Речь на заседании Пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 226

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе 228

б

И. ЛАЛАЯНЦ

Из воспоминаний «О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 годов» 233

С. ШАУМЯН

Письмо В. И. Ленину 251

Письмо В. И. Ленину и Н. К. Крупской 253

Телеграмма В. И. Ленину, Баку, 30 мая 1918 г. . . 255

Письмо В. И. Ленину, 23 июня 1918 г. 257

В. И. Ленину 260

Телеграмма, Москва, В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, 25 августа 1918 г. 261

С. СПАНДАРЯН

Письмо С. Спандаряна — В. И. Ленину 28 (15) III 1914 г. 263

Письмо С. Спандаряна — В. И. Ленину 2/IX [20/VIII (1915)] 265

Письмо С. Спандаряна — В. И. Ленину 11/X (28/IX [1915]) 266
Письмо С. Спандаряна — В. И. Ленину 10/VI (28/V [ст. ст.] [1916 г.]) 267

А. МЯСНИКЯН

Мои встречи с товарищем Лениным 268
Записка Камо Ленину 278

А. МРАВЯН

Слушая Ленина 279

в

Удостоверение С. Г. Шаумяну, подписанное В. И. Лениным 285
Телеграмма 286
Самоотверженный борец за коммунизм 287

М. УЛЬЯНОВА, Д. УЛЬЯНОВ, ВИШНЯК, ВЕЛЛЕР, ГРОМОВ, МОДЕЛЬ, В. МЕЩЕРЯКОВ, СЕДИЦКИЙ, ПЛЮСНИНА, МЕДВЕДЕВА-ВЕЛЛЕР

И. Х. Лалаянц 291

Б. КНУНЯНЦ

Речь на II съезде РСДРП 294
Суд над судом 298
Письмо В. И. Ленина В. А. Тер-Иоанисиан . . . 307
Сурен Спандарян (Тимофей) 309

В. И. ЛЕНИН

В. М. Каспарову 311
Из письма к Г. Л. Шкловскому 313
Г. И. Сафарову 314
Я. С. Ганецкому 315
Виктору Адлеру 316

С. КИРОВ

О Мясникяне 317
Удостоверение К. Петрову (Камо), подписанное В. И. Лениным 319

Н. КРУПСКАЯ

О Камо 320
Письмо В. И. Ленина в Реввоенсовет республики . 322
Венки у гроба Камо 323

С. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Речь на похоронах т. Камо 324
Телеграмма В. И. Ленина о лечении В. А. Аванесова . 325
Записка В. И. Ленина т. Семашко 326
От Реввоенсовета СССР 327

Д. БЕДНЫЙ

Уходящие 328
Удостоверение Тер-Габриэляну, подписанное В. И. Лениным 330

2

а

Н. КАРАМЗИН 333

А. ГРИБОЕДОВ

От Тифлиса до Тегерана 335
Эриванский поход 337
Из «Путевых записок» 337
Из письма к В. С. Миклашевичу 338

А. ПУШКИН

Отрывок из «Путешествия в Арзрум» 339

Х. АБОВЯН

Из романа «Раны Армении» 345

Н. ОГАРЕВ и А. ГЕРЦЕН

Из письма к Н. А. Серно-Соловьевичу 352

А. ГЕРЦЕН

Из письма к И. С. Тургеневу 353

М. БАКУНИН

Из письма к Н. С. Бакуниной 354
Из письма к И. С. Тургеневу 354

М. НАЛБАНДЯН 355

Н. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

...Помню одного армянина 357

С. ШАХАЗИЗ 358

Г. СУНДУКЯН 361

Е. НЕКРАСОВА

Армянский писатель Раффи 362

А. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Два силуэта 368

Ю. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Рафаэл Патканян 375
Акоп Паронян 379

А. ШИРВАНЗАДЕ 389

И. ИОАННИСИАН 390

О. ТУМАНЯН

О Советской власти 392
О Пушкине и Лермонтове 394

С. ШАУМЯН

Недоумение читателя 397
О Горьком 403

С. СПАНДАРЯН

Тифлис, 13 января 413
О Л. Н. Толстом 415

А. МРАВЯН

Сказки Максима Горького 416

И. БРЮСОВА

Из воспоминаний 420

В. БРЮСОВ

Письма Ованесу Туманяну 435

А. ЦАТУРЯН 438
НАР-ДОС 440
ЛЕО 441
М. ГОРЬКИЙ

В долине Делижана 443
Письмо А. Ширванзаде 449

А. АКОПЯН

Из «Автобиографии» 450

Ш. КУРГИНЯН 458
А. ТОЛСТОЙ

Великий эпос армянского народа 459

М. ШОЛОХОВ

О моем земляке 466

А. ИСААКЯН

О великой литературе 468
Об А. С. Пушкине 469
Об И. А. Крылове 470
Об А. П. Чехове 471
Об А. М. Горьком 472
О В. Я. Брюсове 474
О М. А. Шолохове 475
Славное восьмисотлетие Москвы 475

А. ФАДЕЕВ

Героический эпос 478

Д. ДЕМИРЧЯН

Об А. П. Чехове 483
Об А. А. Фадееве 485
О Николае Островском 486

А. ДОВЖЕНКО, народный артист РСФСР

Я знаю Армению 487

С. ЗОРЬЯН

О переводах Л. Н. Толстого 489
О Ф. М. Достоевском 491
Об А. П. Чехове 492

б

А. СВЕШНИКОВ, народный артист СССР

Музыкальная культура Армении и Московская консерватория 499

Ю. БРЮШКОВ, заслуженный артист РСФСР

Ленинградская консерватория и армянская музыкальная культура 508

Б. АСАФЬЕВ, академик

Моя дорогая Армения 522
Арарат и Ереван 525
Баш-Гарни 531
Дорога в Гехартский монастырь 534
Гехарт 535

М. ГНЕСИН, профессор

Мои встречи 538

А. СПЕНДИАРОВ

Я причисляю себя к русской школе 549

А. ХАЧАТУРЯН, народный артист СССР

Из воспоминаний 554

А. ТЕР-ГЕВОНДЯН, народный артист Армянской ССР

Незабываемые годы 563

А. МЕЛИК-ПАШАЕВ, народный артист СССР

Мои университеты 577

А. СТЕПАНЯН, заслуженный деятель искусств Армянской ССР

Безграничная благодарность 580

Т. АЛТУНЯН, народный артист Армянской ССР

Я полюбил Ленинград 586

Г. ТИГРАНОВ, заслуженный деятель искусств Армянской ССР

Воспоминания об академике Б. В. Асафьеве . . . 594

Д. ДЕМИРЧЯН

Большая победа русского симфонизма 606

В. ЛАЗАРЕВ, член-корреспондент АН СССР

Искусство древней Армении 609

А. ЧЛЕНОВ

Древность и современность 615

Г. БАШИНДЖАГЯН

Из воспоминаний 640

Э. ТАТЕВОСЯНЦ

Из воспоминаний 645
Поленову В. Д. 650

М. САРЬЯН, народный художник СССР

В единой семье 651

В. ЧУЙКО

Представления г. Адамяна 656

К. СТАНИСЛАВСКИЙ

Глубокоуважаемый тов. Вартанян 662

В. КАЧАЛОВ, народный артист СССР

Слово об армянской театральной культуре 663
Глубокоуважаемый Василий Иванович! 665

Р. СИМОНОВ, народный артист СССР

Мои учителя 666

В. ПАПАЗЯН, народный артист СССР

Что обрел я в России 670

В. ВАГАРШЯН, народный артист СССР

Русская классика на армянской сцене 672
Об образе Арбенина 674
Моя работа над ролью 677

К. ЗУБОВ, народный артист СССР

Радость новой встречи 678

Б. ПОКРОВСКИЙ, главный режиссер Большого театра СССР

Героический спектакль 681

Г. УЛАНОВА, народная артистка СССР

Театр решает новую тему 685

Л. ЛАВРОВСКИЙ, профессор

Жизнерадостное творчество 691

Д Р У Ж Б А

Составитель

АШОТ МАРТИРОСОВИЧ АРЗУМАНЯН

Редактор *Г. ВИРАПЯН*

Художник *Р. БЕДРОСЯН*

Технический редактор *С. ЛАЗАРЕВ*

Корректоры
М. БОГАЧЕВА, А. ГРИШИНА,
Л. КАКУТАШВИЛИ, А. РАДИШЕВСКАЯ

*

ВФ04324 Сдано в набор 8. II-60 г.
Подписано к печати 12. VII-60 г.
Бумага 60×92 1/16 — 44 печ. л.
32,5 уч.-изд. л. +14 вкл.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 88
Цена 12 р. 40 к.
С 1. I—61 г. цена 1 р. 24 к.

АРМГОСИЗДАТ
Ереван, ул. Теряна, 91

Московская типография № 2 Мосгорсовнархоза.
Москва, Проспект Мира, 105

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
327.5664 AR99D1960 C001 v.1
Druzhba : stat'i ocherki issledovaniia
3 0112 088650202